

**НУХАЖИЕВ Н.С.
УМХАЕВ Х.С.**

В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Грозный
ФГУП «ИПК «Грозненский рабочий»
2012

УДК 32С₂ (Чеч)
ББК 66.3(2 РОС. 4 с 4), 5
Н 908

Издано в авторской редакции

Нухажиев Н.С., Умхаев Х.С.

Н 908 В поисках национальной идентичности. / Н.С. Нухажиев, Х.С. Умхаев. – Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2012. – 720 с.
ISBN 978-5-4314-0055-1

Чрезмерное возвеличивание «своего» народа и «подтверждающее» это мифотворчество местных историков, наряду с уничижительными оценками и оскорблениями в адрес других народов, чревато весьма нежелательными последствиями. Видит Бог, что не мы начали эти публичные разборки по поводу взаимоотношений между нашими народами. Мы долго не отвечали на разнузданную античеченскую клеветническую кампанию, развернутую не только отдельными ингушскими авторами, но и целым научно-исследовательским институтом из братской республики, надеясь, что, все-таки, благоразумие у наших собратьев возобладает над эмоциями. Но этого не случилось.

УДК 32С₂ (Чеч)
ББК 66.3(2 РОС. 4 с 4), 5

ISBN 978-5-4314-0055-1

© Н.С. Нухажиев, Х.С. Умхаев, 2012
© ФГУП «ИПК «Грозненский рабочий»,
2012

**СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЛЕЧИ УМХАЕВА
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

*Факт, взятый вне исторического контекста,
превращается в мертвую игрушку ученых.
Ибо факт – ядро эпохи, он живет в космосе
обстоятельств своего времени, как земной шар
в оболочке атмосферы. Разять их невозможно
без вреда для знания.*

О. Сулейменов

ОГЛАВЛЕНИЕ

К истории вопроса	7
Об этнонимах и терминологии	17
Этногенез чеченского народа	35
Структура чеченского общества и его расселение	56
Формирование ингушского народа	73
Вхождение Ингушетии в состав России	88
Участие ингушей в Кавказской войне	98
Попытка христианизации ингушей. Принятие ислама	117
Чеченские тукхумы аьккхий, орстхой и маьлхий	124
История создания Сунженского района	148
Положение ингушей в ЧИАССР	157
Письмо ингушской интеллигенции в ЦК КПСС. 2-й съезд ингушского народа	166
Проблема Пригородного района	199
Провокационная деятельность некоторых ингушских лидеров	213
Разгул дилетантизма. История по-кодзоевски	264
О чистоте крови	284
Об «эздел»	292
О языке	319
О фольклоре	338
О башенной культуре	366
Братская межа	375
Административное устройство и население	388
О единстве чеченцев и ингушей	400
Вместо эпилога	409
Библиография	416
 ПРИЛОЖЕНИЕ	
Как чеченцы присоединились к России	432
Обанхойцы	434
Время собирать камни	436
Из выступления Лечи Умхаева	440
Акт принятия присяги ингушами	441
Награды за усмирение Чечни	448
Прошение на имя А.И. Чернышева	450
Постановление о дате единения Ингушетии с Россией	454
Постановление Совмина СССР № 183	455
О прошлом Назрани	456

Прокламация князя А.И. Барятинского	460
Декларация о государственном суверенитете ЧИР	464
Чеченские башни	468
Если друг оказался вдруг	489
Шли в подданство не из принуждения	495
К 75-летию объединения Чечни и Ингушетии	512
Дискуссия с авторским коллективом «Истории Ингушетии»	533
<i>Н. Яковлев.</i> Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей	578
<i>Б.В. Скитский.</i> Назрановское возмущение 1858 года	605
Письмо Халида Ошаева писателю Х.-М. Мугуеву	618
Историку Северного Кавказа	638
От Иосифа Сталина до Таймураза Мамсурова	647
Услышит ли брат брата?	699
Справедливость не бывает однобокой	701
<i>В. Хамхоев.</i> «Малаш-б уж – нохчий?»	706
Соглашение о границе, другие документы	708

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

*История – самый опасный продукт,
вырабатываемый химией интеллекта.
Свойства ее хорошо известны. Она
вызывает мечты, опьяняет народы,
порождает у них ложные воспоминания,
углубляет их рефлексy, растрavляет
старые язвы, смущает их покой, ведет
их к мании величия или преследования,
и делает нации гордыми, спесивыми и суетными.*

Поль Валери

Интерес к родному языку и культуре, к историческому прошлому своего народа является одним из основополагающих факторов национального самосознания. Это абсолютно естественно, так как не может быть народа без языка, культуры и истории. Главное в этом деле – не увлекаться и соблюдать определенную меру и такт, особенно, если это каким-то образом затрагивает интересы других народов. Чрезмерное возвеличивание «своего» народа и «подтверждающее» это мифотворчество местных историков, наряду с уничижительными оценками и оскорблениями в адрес других народов, чревато весьма нежелательными последствиями.

«Искажение истории в угоду одним народам и в ущерб другим существовало всегда, но в последнее время приобрело катастрофические масштабы. Прилавки книжных магазинов и интернет забиты откровенно лживыми произведениями, приписывающие своим народам великих предков, будто бы совершавших некие великие деяния. Мы убеждены, что побудительным мотивом для подобных авторов служит не любовь к своему народу. Ими движут иные мотивы – они либо страдают комплексом неполноценности, либо испытывают потребность в дешевой саморекламе... Но чаще всего авторы подобных «творений» выполняют заказ политической элиты... Эти людские недостатки, через ангажированных псевдоученых, позволяют политикам или политическим группам политизировать науку и с ее помощью манипулировать людьми, разделять и стравливать их друг с другом, тем самым укрепляя свою власть и строя собственное благополучие...» (226, с. 266–267).

Как совершенно верно утверждает Д.Д. Межидов в своей работе «Мудрость обычая»: «В силу слабого развития письменности, сплош-

ной неграмотности дореволюционная история чеченцев и ингушей больше представлена в легендах, преданиях. Причем, основными темами многих преданий, как отмечают местные исследователи, являются: «происхождение различных вайнахских племен и родов, расселение первопредков и их потомков, деяния родовых богатырей, основание различных сел; межродовые и межплеменные отношения в прошлом; объяснение различных топонимов; исторические персонажи и их подвиги; народная борьба с иноземными завоевателями; славные подвиги различных народных героев, антифеодальная борьба» (149, с. 6).

Так называемое переосмысление истории, опираясь, главным образом, на весьма запутанные и противоречивые родовые предания и легенды, зачастую придуманные на скорую руку «специалистами» по историческому фольклору под конкретную политическую конъюнктуру, произвольное цитирование и толкование, вырванных из контекста отдельных высказываний известных в научной среде исследователей, полное игнорирование традиционных взглядов на историю, а также альтернативных точек зрения – основные методы работы некоторых новоявленных деятелей от истории.

«При всей специфичности, субъективности, приблизительности наших знаний о прошлом, они в принципе не могут состоять из одних только мифов – этот младенческий этап в технологии хранения коллективного опыта для передачи его следующим поколениям пройден уже давно», – пишет В. Дегоев. – «Тем печальнее наблюдать признаки наступления нового средневековья в российском кавказоведении. Как иначе назвать все шире внедряемый в школьную и образовательную практику в ряде северокавказских республик метод подмены учебных исторических материалов и научных текстов (пусть и разного качества) сказительством и героико-эпическими литаниями? В эпицентре этого фольклорно-воспитательного «творчества», как правило, одна тема – вековая титаническая борьба с ненавистными врагами (ближними и дальними), в которой выковывается гордое величие и слава народа, возносящие его над всеми остальными» (76).

Конечно же, попытки проповедовать национальную исключительность или превосходство одного народа над другим необходимо пресекать. Особенно это касается создания учебных пособий по истории тех или иных регионов, где народы нашей многонациональной страны противопоставляются друг другу или одни народы превозносятся над другими. Создание учебников и учебных пособий по истории не должно быть прерогативой только лишь регионов, тем более – прерогативой отдельных невежд, охваченных националистическим недугом. Анархия

в деле освещения исторического прошлого нашей страны, особенно в учебниках и учебных пособиях по истории, только усиливает дезинтеграционные процессы, запущенные с распадом Советского Союза.

Человек, как правило, помнит все хорошее или плохое, что было совершено в его отношении со стороны других людей. Поддержка и помощь, оказанная тебе в то время, когда ты нуждался в ней наиболее остро – бесценна. О ней с благодарностью вспоминают всю жизнь. Не стирается в памяти и безучастность людей, тем более – вероломство или предательство с чьей-либо стороны. Особенно, исходящее от твоих друзей и близких. Первое – облагораживает отношения между людьми, одухотворяет и объединяет их. А второе, наоборот, ожесточает и разъединяет людей.

В самое тяжелое для чеченского народа время, когда, в результате известных нам событий, он был на грани физического уничтожения и реально стоял вопрос быть или не быть ему в будущем, чеченцы нашли приют и убежище у своих братьев-ингушей, а также дагестанцев. На небольшой территории Ингушетии в ходе последней военной кампании находилось свыше двухсот тысяч беженцев из Чеченской Республики. Этот акт братской помощи на всю жизнь останется в благодарной памяти чеченского народа. Дела реза хуылда, гIаддайна шайна тIебаьхкинчу нохчашна гIо мел динчарна!

Вместе с тем, не все благополучно в наших братских взаимоотношениях. Так, за последние несколько лет из-под пера отдельных ингушских авторов вышли ряд недостойных порядочных людей (нах болчу нахехь товш доцу) клеветнических статей и книг, фальсифицирующих историю Чечни и оскорбляющих достоинство чеченского народа. В них предпринимаются грубые, ничем необоснованные попытки ревизии традиционных взглядов на историю Кавказа, и, в частности, вопросов этногенеза и истории взаимоотношений населяющих его народов.

Некоторые ингушские деятели от науки, отметившиеся своим «творчеством», а также и те, пока еще не засветившиеся политиканствующие лица, которые, безусловно, стоят за целенаправленной кампанией по дискредитации чеченского народа, посягнули на самое святое для любого народа – его историю. По всей видимости, вышеназванные авторы решили, что с чеченцами, как с народом, все покончено и, как говорится, принялись «делить шкуру неубитого медведя».

Что касается чеченских ученых, то они, в целом, проигнорировали эти античеченские выступления некоторых своих самостийных собратьев и коллег. Сделали они это, во-первых, потому, что чеченскому

народу тогда было вовсе не до вопросов своего этногенеза, решался вопрос его физического существования.

Во-вторых, провокационную стряпню о чеченцах писали практически неизвестные научной общественности любители истории и устного народного творчества, «творения» которых не выдерживали никакой объективной критики. В большинстве случаев они основывались на голословных утверждениях, в лучшем случае – на так называемых ингушских «преданиях», «легендах» и «генеалогических схемах», сочиненных на скорую руку, как самими представителями этих генеалогических династий, так и специалистом по «историческому» мифотворчеству И. Дахкильговым.

«В примитивном, полуграмотном баснописательстве нет особого вреда. В какой-то степени оно даже полезно: в нем заложен большой потенциал самодискредитации, ибо данный жанр устроен таким образом, что в своей эволюционной логике он непроизвольно стремится к конечному абсурду. Нет нужды бросать все силы на разъяснительную просветительскую работу в тех случаях, когда под пером любительствующего краеведа рождается «открытие», превращающее какое-нибудь крохотное горное урочище на Северном Кавказе в колыбель мировой цивилизации. Перед столь грубым способом идеологической и психологической обработки массовое сознание, при всей его уязвимости, вполне может устоять самостоятельно, без помощи историков-профессионалов» (76).

Другое дело, когда этот самый бред находит поддержку у известных ученых и официальных лиц, включается в школьную учебную программу и аккумулируется в различной печатной продукции, как это сделано в Ингушетии. В таком случае – молчание безнравственно и преступно.

Отсутствие должной реакции на выпады абадиево-кодзоевых объяснялось еще и тем, что чеченцы воспринимали это как издержки роста складывающейся молодой ингушской народности и как попытки завершить, наконец-то, процесс своей идентификации, как отличного от чеченцев народа. Как известно, ингуши в массовом сознании российского и зарубежного обывателя до сих пор ассоциируются с чеченцами, и им приходится предпринимать массу усилий, чтобы доказать свою самостоятельность, как этноса.

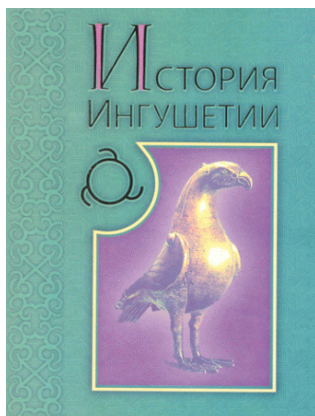
Кроме того, исходя из несомненной исторической общности судеб чеченского и ингушского народов (оскорбляя чеченцев, ингуши, прежде всего, оскорбляют самих себя, и наоборот), в Чечне надеялись, что фальсификаторов прошлого братских народов, провоцирующих меж-

национальную напряженность, призовут к ответу сами ингуши, а их мифотворчество будет ими жестко пресечено. Но не тут-то было.

Крайне опасные как для нашей страны в целом, так и конкретно кавказских народов, идеи национальной исключительности и превосходства своего народа над другими (в нашем случае просто смешные) не только не были категорически запрещены, а из полулегальных, самиздатовских статей и брошюр благополучно перекочевали в довольно-таки солидные издания, претендующие на научность. Это учебные пособия для школьников, различные издания по истории Ингушетии, официально выходящие под грифом министерства образования Республики Ингушетия, Ингушского государственного университета, Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева.

Так, к примеру, в 2002 году вышло до предела напичканное всевозможными националистическими пассажами учебное пособие для 7–9 классов общеобразовательных школ некоего краеведа Н.Д. Кодзоева «История ингушского народа с древнейших времен до конца XIX века», по которому обучают детей в школах Ингушетии. В этом же году вышел сборник «ПалгIай турпала иллеш» (составитель М.А. Матиев, научный редактор И.А. Дахкильгов) с «ингушскими» героическими песнями, большинство из которых, на самом деле – чеченские. В 2005 году выходит вторая книга И. Абдиева «Эздел – формула земной жизни», «доказывающая» национальную исключительность ингушей и превосходство ингушского народа над соседними кавказскими народами. В 2007 году вышла книга А.Х. Танкиева «Эздел – ингушская этика» (до этого, в 1997 году, вышла его же книга под названием «Духовные башни ингушского народа»), в которой автор, уничижительно отзываясь о культуре и традициях соседних народов, пытается записать за ингушами все духовно-нравственное наследие не только народов, но и народов всего Кавказа. В 2011 году выходят довольно внушительные по объему и солидные по оформлению и иллюстрациям издания «К древней и средневековой истории ингушей» (сборник статей, составленный А.-М. Дударовым и Н. Кодзоевым) и «История Ингушетии» (труд авторского коллектива сотрудников Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева).

Ознакомившись с «изысканиями» новоявленных ингушских «историков», поража-

ешься произвольным и тенденциозным толкованием ими тех или иных страниц исторического прошлого народов Передней Азии и Кавказа и места в нем ингушского народа, вопросов этногенеза чеченцев и ингушей. Первая реакция была – ответить резко и без всяких условностей. Но учитывая то, что абадиевы и кодзоевы и иже с ними – это далеко не весь ингушский народ, решили ответить в соответствии с нахским кодексом чести, о котором так много и красиво говорят вышеназванные авторы, хотя сами, почему-то, не удосуживаются его соблюдать. Как известно, ложь, соответствующим образом не опровергнутая, воспринимается как правда и люди постепенно начинают в нее верить. Не зря великий Гете сказал: «Истину надо повторять, ибо заблуждения проповедуются вокруг нас постоянно».

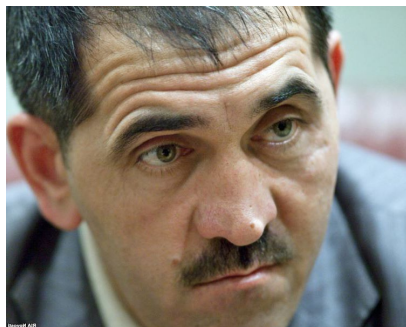
Во всех этих изданиях, на фоне неуклюжих попыток возвеличивания роли ингушского народа в истории региона, допускается неуважительное, а порой и пренебрежительное отношение к истории, культуре и традициям других народов Северного Кавказа.

К большому сожалению, за последнее время историческим мифотворчеством занимаются не только ура-патриотически настроенные «любители истории» ингушского народа, которым не хватает элементарной культуры и знания материала, но и довольно известные в ингушской научной среде исследователи, что не может не тревожить. «Искусственно вырывая из контекста единого исторического процесса отдельные суждения, высказывания, свидетельства, делая упор только на героические эпизоды истории», эти псевдопатриоты «внушают мысль о своей национальной исключительности, как народа, об исключительности своей истории, культуры и. д.» (149, с. 31).

Создается впечатление, что вся эта пропагандистская кампания имеет целенаправленный характер и проводится с ведома руководства республики. Иначе как объяснить тот факт, что к выпуску, например, книги «История Ингушетии», изданной Ингушским научно-исследовательским

институтом гуманитарных исследований им. Ч. Ахриева, свою руку приложил и Глава Республики Ингушетия Ю.-Б. Евкуров (тогда еще Президент), написавший вступительное слово к книге? Кроме того, заказчиком книги является отдел по размещению заказов для государственных нужд министерства финансов Республики Ингушетия.

На наших глазах, уже два десятка

лет подряд, идет усиленная накачка ингушской молодежи чрезвычайно опасными националистическими идеями. Это своего рода мины замедленного действия, которые, при нашем бездействии, очень скоро начнут взрываться. Мы хорошо помним, к какой трагедии привела такая же накачка на рубеже веков в Чечне. Не замечать этого и молчать – преступно.

Большое значение в историческом исследовании имеет научная основательность первоисточников, на которые ссылаются авторы, а также научность проведения самого исследования. «Национальные ретроспекции имеют, безусловно, различную источниковую основательность и различный научный уровень своего исполнения. Одни национальные картины (версии) представлены солидными профессиональными трудами, успешно интегрированными в мировой академический дискурс. Другие картины (версии) есть продукт разложения старых или становления новых национальных школ «исторической науки», зачастую работающих уже на грани профанации» (228, с. 109).

Что касается некоторых ингушских деятелей от истории, то они не только не балуют своих читателей ссылками на «солидные профессиональные труды, успешно интегрированных в мировой академический дискурс», а в большинстве случаев – полностью их игнорируют, настойчиво навязывая читателю собственное видение истории, основанное на косности и невежестве.

Как известно, историческая литература о чеченцах и ингушах страдает очень существенными недостатками и использование ее в научной деятельности требует большой осторожности и осмотрительности.

Так, по мнению русского исследователя царских времен Г. Вертепова, «чеченцам и ингушам посвящены работы по преимуществу трех категорий писателей: 1) военных, непосредственно участвовавших в водворении русского владычества на Кавказе; 2) туристов, путешествовавших по Кавказу с целями, часто далекими от всякой науки; 3) местных жителей, почти исключительно лиц местной администрации» (95, с. 150).

По мнению автора, в глазах военных, горцы были, прежде всего, врагами. «Война, да еще такая продолжительная и ожесточенная, какою была война с кавказскими горцами, выбила их из колеи повседневной жизни, заглушила в них одни инстинкты, породила другие и наложила на все свою кровавую окраску».

Путешественники, не зная местные языки, вынуждены были принимать на веру все, что говорили им переводчики. А последние, даже если они были совершенно беспристрастны, не могли адекватно передать необходимую информацию из-за плохого знания ими русско-

го языка. Кроме того, многие источники написаны людьми, «которые буквально переписывали то, что было написано до них, а не специалистами в той или иной сфере».

А что касается писателей – местных жителей, то они, «живя среди наблюдаемого племени и нередко зная его родной язык, имели возможность проследить его жизнь во всех мельчайших подробностях и оставить в своих записках самые достоверные сведения». Но дело в том, что этот «контингент», по мнению Вертепова, был малообразованным и их произведения «часто наполнены тем, что не имеет никакой цены».

Мы бы к этим трем категориям добавили еще и категорию так называемых «придворных» писателей, обслуживавших великодержавные имперские интересы царской России, а в советский период – интересы тоталитарного коммунистического режима.

А вот что пишет по поводу объективности, написанного придворными учеными, Ф. Тотоев: «При обращении к источникам, собранных властями, помимо их политической тенденциозности, следует учитывать ряд других обстоятельств. Еще в 1834 году Норденштамм, тогда еще капитан Генерального штаба, предупреждал, что большая часть сведений о кавказских народах основана на рассказах местных жителей, скрывающих правду о своих землях. Собиратели сведений дополняли рассказы горцев догадками, отчего сведения «так неверны и неполны», «столь разногласны и столь неудовлетворительны» (210, с. 19).

Так что, подход к первоисточникам, особенно царских времен, должен быть достаточно критичным. Хорошо еще, если материал первичен, а то сведения о жизни кавказских горцев зачастую являются пересказами людей, которые слышали их от своих друзей и близких, которым все это, в свою очередь, якобы рассказали сами горцы. И это притом, что толмач, переводивший рассказы местных аборигенов, знал всего лишь с десяток русских слов, а сам исследователь не только не знал языка аборигенов, но и их своеобразную культуру и традиции.

Как отмечает Ф. Тотоев, «знакомство с исторической литературой и изучение архивных документов позволили нам установить противоречия в оценках одних и тех же фактов у многих исследователей, порой разительное несоответствие в них выводов по вопросу об общественно-экономическом развитии Чечни этого периода» (210, с. 14).

В отличие от писателей, рассказывающих про жизнь человека с помощью фантазии и художественного вымысла, настоящий историк не имеет право отступать от буквы и духа документа, он должен строго следовать за фактами, как бы они не противоречили его собственным взглядам и убеждениям. Все это далеко не безобидные вещи, так как

«заново открытая «история» выступает средством для оправдания статусной иерархии этнических групп и подпитки опасных иллюзий, что характер такой иерархии должен определять, каким набором прав и жизненных стратегий может распоряжаться человек» (228, с. 120).

В первую очередь, это относится к ингушской историографии, хотя историки из числа чеченцев, да и других северокавказских народов в этом смысле тоже далеко не безгрешны. Но ингушские историки в этом плане, как говорится, «впереди планеты всей».

А вот как считает возможным поступать с документами составитель сборника статей и очерков по истории и культуре ингушского народа «Ингуши» А. Танкиев: «Устаревшие, явно субъективные и несправедливые суждения и положения авторов, могущие ввести в заблуждение неосведомленного читателя, а также прямо не относящиеся к истории и культуре ингушского народа, опущены... В таких случаях произведения и материалы авторов публикуются в сокращении» (95, с. 11). Таким образом, Танкиев сам определяет, что в документе является «устаревшим», «субъективным» и «несправедливым», и что следует оставить или вырезать. «Оригинальный, вполне «научный» подход в использовании первоисточников.

Нет никакого сомнения в том, что история современных ингушей тесно переплетена с чеченской, а до определенного периода, связанного с формированием из единого вайнахского этномассива ингушской народности, вообще, является единой для них.

Так вот, на эту часть истории двух наших братских народов, являющуюся общим достоянием, ни чеченцы, ни ингуши, в отдельности, монопольного права не имеют. Хотя чеченцев до начала Кавказской войны было в 10 раз больше, чем ингушей. Это общенахская история, и, как чеченцы, так и ингуши имеют на нее равное право. Другое дело – история отдельных нахских обществ, в силу тех или иных причин консолидировавшихся в чеченский и ингушский народы. Об истории чеченцев и ингушей в отдельности можно говорить лишь с момента формирования двух родственных народов – нахчий и галглай. В свою очередь, история отдельных нахских обществ заканчивается с момента окончательной идентификации себя чеченцами или ингушами.

Некоторые ингушские авторы объясняют свои неадекватные заявления и действия по отношению к чеченскому народу тем, что чеченцы, якобы стремятся ассимилировать ингушей в своей среде. Никто, конечно, ассимилировать ингушей не стремится, так что А. Танкиев зря заламывает свои руки по этому поводу (202, с. 109). И, вообще, о какой ассимиляции может идти речь, если и те, и другие, по суще-

ству, являются представителями одного народа, с одной культурой и религией, говорящих на одном и том же языке, отличающимся только некоторыми диалектными особенностями? «Уподобляться» друг другу им нет никакой необходимости, так как подобными они созданы самим Всевышним. Что же касается ассимиляции, то о ней, как правило, говорят при соприкосновении различных народов и разных культур.

Чеченцы уважают и признают право ингушского народа самому определять свою судьбу, хотя разделение ослабляет оба народа. Волевым способом объединить наши искусственно разъединенные народы вряд ли возможно. Слишком далеко зашел процесс обособления. Но, если уж мы разделились, то чеченский народ оставляет за собой право защищать все, что принадлежит ему по праву.

Создание двух нахских республик предопределило формирование двух национальных правящих элит, состоящих, в основном, из государственных чиновников. Научная общественность, творческая интеллигенция занимают в них более чем скромное место. И если последние, как правило, работают на интеграцию, то национальные бюрократии, в целях самосохранения и дальнейшего воспроизводства, действуют в противоположном направлении. Именно они противостоят объединительным тенденциям в отношениях между чеченским и ингушским народами. Не зря В. Тишков отмечает, что «с появлением двух национальных автономий и, соответственно, двух государственных бюрократий началось и более жесткое разделение на чеченцев и ингушей» (206, с. 167). Но наши народы могут и обязаны быть вместе. Во всяком случае, мы не имеем права противостоять друг другу. Это в интересах как чеченского, так и ингушского народов.

«Исторические труды о Северном Кавказе, как любая историографическая продукция, всегда были в той или иной степени идеологизированы и мифологизированы. Полностью избавить профессиональное историописание от этого первородного греха невозможно в принципе. Но свести его злокачественный эффект к минимуму и тем самым автоматически повысить удельный вес благотворящего знания можно...

На поле битвы идей, страстей, людей, в которую, к сожалению, превращена История, российскому обществу нужна победа, одна на всех — победа здравого смысла, мудрости, согласия» (76).

ОБ ЭТНОНИМАХ И ТЕРМИНОЛОГИИ

*Важен не сам термин, а смысл,
который в него вложен.*

Х. Ошаев

При рассмотрении любого серьезного вопроса, в первую очередь, необходимо договориться о терминах. Вернее, об их одинаковой интерпретации оппонирующими сторонами. Если же у одной стороны свое собственное видение основной терминологии по обсуждаемой проблеме, в корне отличное от понимания другой стороны, то о плодотворности обсуждения не может быть и речи. Вроде бы стороны будут говорить об одном и том же, но это будет, образно говоря, разговор слепого с глухонемым.

В нашем случае, в первую очередь, это касается таких терминов, как «нахи» и «вайнахи», которыми отдельные ингушские исследователи жонглируют, как самые искусные эквилибристы. А также этнонимов «чеченцы», «ингуши», «дзурдзуки», «глигви», «кистины» и ряд других.

В традиционной научной и исторической литературе «нахами» называют три родственных народа: чеченцев, ингушей и бацбийцев, относящихся к нахско-дагестанской группе иберийско-кавказской языковой семьи. «Доказано, что чеченцы, ингуши и бацбийцы родственны между собой, что они произошли от одного и того же народа, племени, от одного же пранарода – нахского народа» (68, с. 37; 78, с. 56).

До появления термина «нахи» в 30-х годах прошлого века все три нахских народа в научной литературе объединялись этнонимом «чеченцы», «чеченское племя». Для обозначения двух близкородственных чеченского и ингушского народов стали использовать термин «вайнахи». Как пишет историк Д. Хожаев, «в 30-х годах XX в. в советскую историческую и лингвистическую литературу Заурбеком Мальсаговым и Халидом Ошаевым был введен новый для науки термин «вайнах», как общее название чеченцев и ингушей, отображавший единство их языков. Термин «вайнах» по существу сменил утвердившийся ранее в науке термин «чеченец», который, как сказано выше, являлся общим этническим определением родственных племен: чеченцев, ингушей и этнического объединения карабулаков» (218).

Необходимо подчеркнуть, что вводя в научный оборот термины «нахи» и «вайнахи», З. Мальсагову никакой необходимости что-то сочинять от себя не было. Был достаточно известный во всем мире общенациональный этноним «чеченцы» («нахчий» – «внутренние нахи»), который, в отличие от узкоплеменного этнонима ингуши («ГалгIай»), объединял своим названием все чечено-ингушские общества. По большому счету, все близкородственные вайнахские общества, разделенные горами и называвшиеся в соответствии с конкретной местностью, где они проживали, или родом занятия и т. д., с выходом на плоскость вновь объединялись своим древним этнонимом «нахчий».

В русско-ингушском словаре И.А. Оздоева этнонимом «вайнахи» обозначаются «чеченцы и ингуши» (160, с. 60). Это же значение данный термин имеет и в русско-чеченском словаре (148, с. 50). В соответствии с энциклопедией «Народы мира», «вайнахи» – это общее название для родственных народов – чеченцев (самоназв. – нохчий) и ингушей (самоназв. – галгай)» (236, с. 122–123). Также понимают этот термин практически все ингушские писатели. Например, А.У. Мальсагов (133, с. 9), М.М. Базоркин (19, с. 113), а также абсолютное большинство ученых и рядовых жителей, как Чечни, так и Ингушетии.

Но, за последнее время у отдельных националистически озабоченных ингушских «ученых» появилось собственное понимание терминов «нахи» и «вайнахи», отличные от общепринятых. Они, не утруждая себя никакими доказательствами, называют «нахов» (в традиционном понимании этого термина – общих предков современных чеченского, ингушского и бацбийского народов) ингушами, хотя сам этноним «ингуши», как известно, появился только в XVIII веке.

Так, например, Н. Кодзоев в своем учебном пособии «История ингушского народа» пишет: «В конце IV – начале III тысячелетий до н. э. восточнокавказский язык распался на нахский (древнеингушский) и дагестанские языки...» (112, с. 17). Там же, на стр.33 он продолжает: «На всей территории проживания кобанских племен исследователями давно обнаружен пласт нахских (древнеингушских) топонимов». А вот пример из книги «История Ингушетии»: «... держа под постоянной опасностью вооруженного вторжения закавказские страны, в первую очередь Картли, нахский (древнеингушский) Союз племен представлял грозную силу для того времени» (100, с. 66). «Здесь надо добавить, что подобный «топонимический пласт» с этимологическими объяснениями на ингушском (нахском) языке сегодня находят практически на всем Кавказе» (87, с. 55). И таких примеров, когда отдельные сотрудники Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных ис-

следований им. Ч. Ахриева пытаются поставить знак равенства между этнонимами «нахи» и «ингуши», можно привести достаточно много.

Дошло до того, что в отдельных публикациях ингушских авторов проводится мысль, что этноним «вайнахи» чисто ингушский и что чеченцы не имеют к нему никакого отношения. Так, по мнению фольклориста А. Танкиева «еще в начале 30-х годов XX века выходили фольклорные сборники, которые назывались «вейнаха багахбувцам» (фольклор вейнахов) – имелся в виду ингушский фольклор. Собирательный же термин «вайнах» (ингуши продолжают говорить не «вайнах», а «вейнах», когда имеют в виду самих себя), под которым подразумеваются все нахоязычные этносы (ингуши, чеченцы и др.), получил распространение и среди чеченцев. Этот собирательный этноним «вайнах» (через «а», а не «е») имеет литературное происхождение и чеченцам до этого не был известен. Его ввел в научный и литературный оборот в середине 30-х годов З.К. Мальсагов с целью консолидации ингушей и чеченцев и создания единого «вайнахского» литературного языка. С этой целью З.К. Мальсагов искусственно приблизил лексику ингушского письменного языка к чеченской, ввел в нее массу чеченизмов, не свойственных ингушскому языку (которые бытуют в лексике ингушского письменного языка до сих пор, что вызывает немало проблем и засоряют ингушский язык)... Но встречного движения со стороны чеченского языка, на которое рассчитывал З.К. Мальсагов, не было, и планы эти успеха не имели. Таким образом, собирательный этноним «вейнах» и его литературный вариант «вайнах» являются по своему происхождению и историческому бытованию чисто ингушским этнонимом, восходящим к глубокой древности ингушского бытия» (202, с. 477–478).

В вышеприведенной цитате бывший специалист по атеизму и интернационализму Чечено-Ингушского государственного университета А. Танкиев наговорил такую кучу несуразностей, что, право, обидно за доктора филологических наук. Рассмотрим ряд его пассажей.

Как мог З. Мальсагов «искусственно приблизить лексику ингушского письменного языка к чеченской», и «ввести в нее массу чеченизмов, несвойственных ингушскому языку...» и так далее, если этот самый проект вайнахского литературного языка не был претворен в жизнь? Он был «зарублен» на стадии обсуждения. И вообще, как вы себе представляете про-

цесс «искусственного приближения» З. Мальсаговым «лексики письменного ингушского языка к чеченской»?

А сам проект Заурбека Мальсагова по созданию, как он сам писал, единой «общечеченской» письменности в целях консолидации чеченцев и ингушей в один народ, к сожалению, не был реализован не из-за отсутствия «встречного движения со стороны чеченского языка», как об этом пишет А. Танкиев, а из-за неприятия этой идеи в чиновничьей среде и частью ингушской интеллигенции. По всей видимости, не приемлет эту идею и сам Танкиев.

Не можем точно сказать, какой смысл вкладывали составители фольклорных сборников в понятие «вейнаьха багахбувцам» в начале 30-х годов XX века (до объединения Чечни и Ингушетии), так как у некоторых современных ингушских ученых эти «смыслы», как правило, меняются в зависимости от складывающейся политической конъюнктуры. Но, по всей видимости, они, в отличие от Танкиева, отдавали себе отчет в том, что чечено-ингушский фольклор един, что нет отдельного ингушского фольклора, как нет и отдельного чеченского. Но точно знаем одно: в учебнике для студентов ВУЗов «Вайнаьха багахбувцам», подготовленном И.А. Дахкильговым и изданном в 1977 году в г. Грозном, имеется в виду именно фольклор чеченцев и ингушей, а не отдельно ингушей. По этому учебнику обучались студенты кафедры русско-вайнахской филологии филологического факультета Чечено-Ингушского государственного университета.

Что же касается своеобразного «ликбеза» автора, что, когда термин «вейнах» пишется через «е», то под ним подразумеваются собственно «ингуши», а когда через «а» («вайнах») – «ингуши, чеченцы и другие нахоязычные этносы», то могу с уверенностью сказать, что такая двойная бухгалтерия у танкиевых больше не пройдет. Нет никакого сомнения в том, что «вайнах» и «вейнах» это один и тот же термин, с одинаковым значением, первый – в чеченской, а второй – в ингушской транскрипции.

Танкиев сознательно вводит читателей в заблуждение, когда пишет о том, что этот этноним «чеченцам до этого не был известен». Такое абсурдное утверждение автора нет необходимости даже опровергать, ведь этноним «нах» («люди») является основой самоназвания чеченцев – «нахчий», буквально означающее – «внутренние нахи». Так что, понятия «нах» и «вай нах» – это исконно чеченские понятия и если кто-то и заимствовал их у кого-то, то точно не чеченцы.

По поводу так называемого «засорения ингушского языка» введением в него «массы чеченизмов».

Во-первых, никто насильно «чеченизмы» в язык ингушей не вводил, они были заимствованы и продолжают заимствоваться естественным образом. Так же, как имеет место и обратный процесс, хотя и в меньшей степени. Но дело в том, что ингушские языковеды предпринимают все, что в их силах, чтобы и дальше развести ингушское наречие с чеченским.

Кроме того, при составлении различных словарей, отдельные ингушские ученые, для увеличения объема словарных статей, переписывали с чеченских словарей практически всю недостающую в их языке лексику. Именно эту лексику, образовавшуюся, в основном, после обособления наших народов друг от друга и механически списанную некоторыми ингушскими филологами, Танкиев и называет «чеченизмами», загрязняющими ингушский язык. Таким образом, в ингушских словарях, обычно выходявших после выхода аналогичных чеченских, получалось даже больше словарных статей, чем в самих чеченских. Причем тут З. Мальсагов?

Во-вторых, эти заимствования не только не «засорили» язык ингушей, а, наоборот, значительно обогатили его в лексическом отношении, но, вместе с тем, вопреки желанию танкиевых, сблизили современный ингушский язык с плоскостным чеченским языком, который сформировался на равнине из всех диалектов горных нахских обществ, в том числе и западных, задолго до образования отдельной ингушской народности.

Подавляющая часть нахов, вытесненных в горы татаро-монгольским, а затем и Тимуровским нашествиями, еще в начале XVI века начала выселяться на плоскость и объединяться под древним этнонимом «нахчий», под которым они были известны еще тысячу лет назад. Этот процесс продолжался в течение нескольких столетий. В то же самое время, несколько родственных им западных вайнахских обществ, в силу определенных объективных и субъективных причин, о чем мы скажем ниже, остались вне этих процессов. Именно эти близкородственные общества, говорившие на одном с ними языке, нахчий и называли «вайнах», имея в виду, что это «наши люди».

Но понятие «вай нах», кроме обозначения людей из близкородственных обществ, зачастую, означало и близких лично тебе конкретных людей, в отличие, например, от «неха нах» – «чужие люди». То, что конкретный человек есть «вайнах», в смысле этнической принадлежности, определялось, главным образом, по его поведению и языку, на котором он говорил.

Так что автор, утверждающий, что «собирательный этноним «вейнах» и его литературный вариант «вайнах» являются по своему происхождению и историческому бытованию чисто ингушским этнонимом, восходящим к глубокой древности ингушского бытия», старается присвоить себе то, что принадлежит ему только отчасти.

Мнение Танкиева перекликается с утверждением автора нашумевшей в Чечне книги «Чечня: коварные таинства истории» С. Дауева, который солидарен с ним полностью. Он пишет: «Дело в том, что под понятием «вайнахи» объединяются не чеченцы, а тавлины, горцы Чечни и Ингушетии. Хотя само слово «вайнахи» является чеченским и обозначает определенную общность людей, оно не включает по замыслу его авторов чеченцев вообще» (70, с. 11). И Дауев, и некоторые ингушские авторы, почему-то, с явным предубеждением относятся к обществу Нахчмохк (Дауев, например, утверждает, что Ичкерия – это не Чечня), и, будто сговорившись, стараются исключить его из союза нахчийских обществ, посягая, тем самым, на основу современного чеченского народа. Хотя, общеизвестным фактом является то, что колонизация территории Ичкерии была проведена выходцами из горного Нашха.

Необходимо подчеркнуть, что в отличие от некоторых своих ингушских коллег, действующих по принципу: «о чеченцах - либо плохо, либо ничего», чеченские учёные, по большому счету, не стараются перетянуть на себя одеяло общенахского исторического наследия и вполне объективно подходят к освещению чечено-ингушской истории. Освещая свою историю до момента образования отдельного ингушского народа в конце XVIII века, они, как правило, используют термин «нахи» и «вайнахи».

Что интересно, в настоящее время термин «вайнах», обозначающий единство чеченского и ингушского народов, широко используют в общественной жизни только чеченцы. Свидетельством этому является распространение общего для обоих народов этнонима «вайнах» в названиях различных государственных учреждений именно Чеченской Республики: Чеченский государственный ансамбль танца «Вайнах», Чеченская государственная телерадиокомпания «Вайнах», Чеченская авиакомпания «Вайнах», Чеченская региональная телекоммуникационная сеть «Вайнахтелеком», футбольный клуб «Вайнах», литературный журнал «Вайнах», не говоря уже о многочисленных названиях различных государственных предприятий, фирм, ресторанов и кафе, что редко можно наблюдать в Ингушетии. По всей видимости, идея вайнахского единства импонирует больше чеченцам, чем ингушам.

Много спекуляций вокруг термина «кисты», к которым отдельные исследователи из братской республики причисляют опять только ингушей, когда на самом деле под этим этнонимом подразумеваются все вайнахи – и чеченцы, и ингуши. И даже в большей степени чеченцы, чем ингуши. Это не голословное утверждение, а мнение абсолютного большинства исследователей-кавказоведов.

В русскую историографию этот термин перешел из грузинских источников.

«Этнонимом кист, кистеби грузины первоначально называли нахские племена, живущие на границе с Грузией. Ни чеченцам, ни ингушам это название неизвестно, и в их языках этого слова нет. Чеченцы и ингуши панкисских кистов называют «гуржиехар нохчий», т. е. чеченцы из Грузии...» (138, с. 11).

«Пшавы, хевсуры и грузины называют всех чеченцев одним общим именем «Кису» или «Кисты». Это название произошло от названия жителей Кистинского общества (переименованного затем в Мецхальское), расположенное сейчас к востоку от Военно-грузинской дороги по течению реки Кистинка... Хотя, таким образом, это название в сущности касается только одного маленького общества, но уже академик Гюльденштедт (66, с. 86) в XVIII столетии распростра-

няет его на все чеченское племя; позднее в 1810 году к нему присоединяется компетентный знаток Кавказа того времени – Броневский (29, с. 151), хотя сам же говорит, что кистами в собственном смысле следует признать лишь жителей одного общества, по течению реки Кистинка. Платон Зубов в 1835 и Поли в 1862 году употребляют название «Кистов» на место чеченцев, и наоборот» (67, с. 41).

Крупный ученый-лингвист и кавказовед П.К. Услар выразился по этому поводу таким образом: «Кисты и чеченцы – это то же, что сказать баварцы и немцы, с тою, впрочем, разницею, что название баварцев известное, а название кистов неизвестно на месте. Название кистов должно быть изгнано из всякого сочинения, имеющего претензии на научную отчетливость. Кистами называли грузины ту небольшую

часть чеченцев, с которыми они по временам находились в отношениях. Но, если мы без разбора будем для одного и того же народа принимать названия, которые дают ему соседи, то, кроме кистов у грузин, мы заимствуем «миджегов» у кумыков, «шашань» – у кабардинцев, «цацань» – у осетин и, вероятно, множество названий у дагестанских народов. Через это мы произвольно запутаем Кавказскую этнографию и без того уже весьма многосложную» (214, с. 1).

Как отмечают И.Ю. Алироев и Л.Ю. Маргошвили, «кистины, кисти, кити – этническая группа нахов, проживающая в Панкисском ущелье Ахметского района Республики Грузия. Наиболее раннее упоминание этнонима – в «Армянской географии» Анания Ширакаци (кусты, кистк) и грузинской хронике XIII в. (кишты). В русских источниках XVIII-XIX вв. он заимствован из грузинской историографии, где термин кисты употреблялся и как общее название вайнахов, и как узкоэтническое понятие, обозначающее ингушей – жителей ущелья по рекам Кистинка и Армхи и чеченцев – жителей верховьев реки Чанты-Аргун.

В настоящее время кисты проживают в селениях Джоколо, Дзибахеви, Дуиси, Омало, Шуа-Халацани, Земо-Халацани, Биркиани, Хораджо, Чхатана. Чеченцы и ингуши называют их гуржиехар нохчий/вайнах – «грузинские чеченцы/вайнахи». Кистинский диалект чеченского языка представляет собой совокупность сельских говоров: джоколойского, дуисского, омалойского» (7, с. 147).

Известный бацбийский ученый А. Шавхелишвили считает, что «по вопросу об отношении этнонима «кисты», «кистинцы» к тому или иному вайнахскому племени у разных авторов имеются самые различные толкования. Одни именуют так жителей Армхинской (Джераховской) долины... Другие относят к ним мелхистинцев. Третьи же относят это название к вайнахам, живущим в Ахметском районе Грузии. Некоторые же называют «кистинами» всех чеченцев и ингушей» (232, с. 62).

Автор «Топонимии Чечено-Ингушетии», чеченский поэт и этнограф А. Сулейманов, связывал происхождение этнонима «кист», «кистины» с чеченским обществом Кей (Кий). По мнению А. Сулейманова, «Кейцы в определенное время имели влияние на соседние общества и широкие связи с соседними племенами, в частности, с Грузией. Может быть, этим объясняется тот факт, что грузины всех вайнахов называют кистами» (198, с. 94-95). Кейста (Кийста) находится на северо-западе чеченского общества Аьккха, на границе с западными ингушскими обществами. С ним перекликается мнение А. Шавхелишвили, который пишет: «От границ Хевсурети до местечка Кий один день пути пешком. (...) Жителей Кий чеченцы и ингуши называют «кэй» или «кий».

Хевсур, направляющийся в аул Кий, говорит, что он идет в «Кийста», понимая под этим определенную местность «Кий». В прошлом веке аул Кий был густо заселен. При образовании притеречных аулов громадная часть кийцев переселилась в аул Гални, расположенный на правом берегу Терека, против станицы Калиновская... Гални по-русски именуют Кень-Юрт, так как его население на 80% состоит из тайпа «Кей» (231, с. 62).

В свою очередь, Л.Ю. Маргошвили замечает, что «горцы (тушины, пшавы, хевсуры, мохевцы, мтиульцы и др.) всех вайнахов (чеченцев, ингушей, кистов) называют кистами. Возможно, это вызвано тем, что исторически, наряду с дзурдзуками, упоминались кисты и страна кистов – Кистети. Позже этноним дзурдзуки был заменен этнонимом чечен, а глигвы – этнонимом ингуш, кисты же до наших дней сохранили свою первозданную форму. Этноним «кусти» впервые в исторических материалах упоминается в «Армянской географии» Анания Ширакаци» (138, с. 10).

Кисты делились на так называемых «ближних кистов» или кистин и «дальних кистов». «Ближние» жили по ущельям небольших рек Армхи и Кистинка, а «дальние» – по ущелью р. Чанты-Аргуна. Общество «дальних кистов» в 1851 г. составляло 21 аул, 402 двора, 1620 душ мужчин и 1647 душ женщин – всего 3267 человек...» (138, с. 28).

А.-М. Дударов и Н. Кодзоев в книге «К древней и средневековой истории ингушей», недолго думая, заявили, что как «ближние», так и «дальние» кисты (жители Аргунского ущелья) – ингуши. Ибо в языке «дальних» кистин «наличествует очень большой элемент особенностей ингушского языка» (87, с. 56). На самом деле, и «ближние», и, тем более, «дальние» кистины относятся к собственно ингушам ровно на столько, на сколько собственно к чеченцам относятся сами ингуши. «Ближние» кисты – это, в основном, акинцы-ваьппинцы, а «дальние» – маьлхинцы, майстинцы и хилдехаройцы. А все эти общества, как известно, являются составными частями чеченского народа. Что же касается наличия в языке «дальних» кистин «особенностей ингушского языка», то никто этого не отрицает. Как же им не быть, если наречия как «дальних» кистин, так и ингушей, по существу, являются диалектами одного языка-основы? Но вовсе не ингушского, как пишут Дударов с Кодзоевым, а чеченского.

По большому счету, было только два основных диалекта языка нахчий – равнинный (арара) и горный (ламаройский), с небольшими различиями (в основном в произношении) внутри самих этих диалектов. Причем, равнинный диалект выработался из разных наречий предста-

вителей горских нахчийских обществ в результате их длительного совместного проживания на плоскости.

Таким образом, никаких отдельных чеченского и ингушского языков в древние и средние века не было, как не было и самих отдельных чеченского и ингушского народов. Был единый горный (ламаройский) диалект нахчийского языка, куда, наряду с аккинским, маьлхинским, майстинским, итум-калинским, хилдехароевским, чеберлойским, шаройским и всеми остальными наречиями горных обществ, входило и наречие галгайского общества.

Не зря так много цитируемый кодзоевыми профессор Н. Яковлев, высказывания которого они считают чуть ли не истиной в последней инстанции, в своей работе «Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей» пишет, что название галгай «распространилось мало-помалу на весь народ и превратилось в общенациональное название, но это название еще так молодо, что, например, применительно к названию собственного языка оно еще не употребляется. Ингуш никогда не скажет, что его язык «галгай-мотт» (няна мот) – «материнский язык» или «вей-мотт» – «наш язык». Есть и другие примеры отсутствия сознания национального единства. Когда, например, какого-нибудь жителя горного аула спросить, кто он по национальности, то ответа от него добиться трудно – он вам непременно назовет только название селения или рода, из которого он происходит».

В то же самое время, чеченцы вот уже на протяжении нескольких столетий называют свой родной язык чеченским. А понятие «материнский язык», в основном, используется в поэтических произведениях.

Кстати, кистинский диалект достаточно изучен и однозначно классифицируется учеными, как кистинский диалект чеченского языка. Еще 150 лет назад выдающийся исследователь кавказских языков П. Услар пришел к выводу, «что считать язык кистов Панкиси отдельным языком нельзя, и что он является диалектом чеченского языка» (7, с. 155).

Носителями кистинского диалекта являются выходцы из Итум-Калинского и Галанчожского районов Чечни. Это маистинцы, маьлхинцы, хильдехароевцы, аккинцы, терлойцы, кейцы, хачароевцы, дишнинцы. Кроме того, джераховцы (аккинцы и ваьппинцы) из Ингушетии. В основном, кистинцами являются «представители галанчожского диалекта, подразделяющегося на маистинский, мелхинский, акко-эрстхоевский говоры», которые проживали «в самых труднодоступных, мало-земельных высокогорных аулах» (7, с. 22, 30).

Как замечает Д.Д. Мальсагов, «в образовании кистинского диалекта приняли участие и представители итум-калинского диалекта, как то:

Хильдехарой и Хачарой. На итум-калинском диалекте говорят Шатой, Чанты, Хачарой, Зумсой, Хильдехарой, Дешний и другие общества» (132, с. 24).

В настоящее время кистины проживают в нескольких селах Ахметского района Грузии, в так называемом Панкисском ущелье, расположенном вдоль реки Алазань. По приблизительным данным их около 10 тысяч человек. «Самое крупное их село – Дуиси (Дуй-Юрт) – основано бывшим наибом горной Чечни Дум... Село Джокьало, по преданию, было основано неким Джокьалом из Мѣаисты... Севернее Биркиани находится маленький аул Дзибакхи, населенный выходцами из Хильдехароя... А на левом берегу Алазани расположено третье по величине село Омало... Предание говорит, что село основали два хильдехароевца... Южнее Омало находится маленькое село Средняя Халацѣань (около 50 семей). Здесь живут горные акинцы из бывшего Галанчожского района ЧИАССР... Нужно отметить, что еще задолго до появления Дуя и Джокьало чеченские горные племена начали селиться в Кахетии, вплоть до Хорбало» (7, с. 12–15).

Более древними названиями чеченцев и ингушей, зафиксированными в многочисленных грузинских исторических летописях, являются такие этнонимы, как «дзурдзуки», «глигвы», на которые новоявленные ингушские псевдоисторики, по всей видимости, тоже решили объявить свою монополию. Так, в «Истории Ингушетии» по поводу этих этнонимов сказано: «в другом месте грузинский географ (имеется в виду Вахушти Багратиони. – Авт.) писал, что «Дзурдзукия вновь разделилась на Дзурдзук, Кист и Глигв». Все три вышеперечисленных наименования представляются одними из древнейших этнонимов ингушей» (100, с. 117).

А что думают по этому поводу другие исследователи?

По мнению И.М. Сигаури, «возникновение термина «дурдзуки» может быть отнесено к урартским временам на основании того факта, что в первой половине I тысячелетия до н.э. в окрестностях озера Урмия (территория страны Манна) древние тексты упоминают город Дурдукка/Зурдукка. Топонимы Дурдзия-Корт и Дордзихой известны и на территории Итум-Калинского района Чечни. Мы обнаруживаем, таким образом, еще один след древней миграции из Закавказья на Северный Кавказ» (195, с. 463).

А вот что пишет по поводу возникновения этнонима «дурдзук» А.И. Шавхелишвили: «В местности Чагма, в Тушети, имеется речка «Дурджи», впадающая в Алазань слева. Помимо этой реки есть вторая река «Дурджи» в Кахетии, в Кварельском районе. Она течет с севера на юг и является левым притоком Алазани. Это дает право думать, что некогда вайнахские племена проживали по речке «Дурджи». По имени

речки их могли именовать «Дурдзи». Связывает он это с тем, что по топонимическим и этнонимическим материалам Восточной Грузии, собранным академиком И. Джавахашвили, в давние времена на этой территории жили нахские и дагестанские племена (232, с. 63).

Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе считают, что «дзурдзуки были эквивалентом общего наименования у грузин всех нахов: чеченцев, ингушей и бацби (тушин)...». Примерно такого же мнения придерживается и Е.И. Крупнов, который предполагает, что наименования «глигвы» и «дзурдзуки» в равной степени могли относиться и к чеченцам, и к ингушам (120).

По мнению А.И. Шавхелишвили, «в XVII–XVIII вв. к вышеуказанным этнонимам вайнахских народов добавились «Чечнети» и «Ингушети». Эти два географических названия, как отмечалось, выражают тех же дзурдзуков и глигвов. Вместо дзурдзуков употребляются чеченцы, а глигвов – ингуши. Этот вопрос определен в научной литературе, и поэтому мы на нем не будем останавливаться» (232, с. 9).

Упоминание в грузинских источниках чеченцев, как «дзурдзуков», и ингушей, как «глигвов», а равно всех нахчийцев (чеченцев и ингушей вместе) теми и другими, продолжается до XX века. Так, например, Г.Д. Тогошвили, рассказывая о значении Хевсурско-Тушинской дороги, пишет: «Кроме того, грузины по Хевсурско-Тушинской дороге оказывали большое политическое и культурное влияние на дзурдзуков Аргуна» (208, с. 61–62).

Позднее, наряду с термином «дзурдзуки» встречается и термин «глигви». По Вахушти Багратиони, глигви являются потомками дзурдзуков. А по мнению А. Шавхелишвили, «этноним «глигвы» несомненно самоназвание ингушей «ГалГий» в грузинском произношении. Это видно хотя бы из того, что в «глигви» сохраняются оба согласных «Г»... Глигвети граничит с Хевсурети с севера, а с востока к ней примыкает одно из племен Чечни – маълхи. А Кистети по грузинской традиции является южным нагорьем Чечни и непосредственно граничит с пирикитской Тушети» (232, с. 65, 72).

Броневский С. по поводу «глигв» пишет так: «Глигва – небольшое колено, кажется принадлежит к горным чеченцам...» (29, с. 170).

Обратимся теперь к этнониму «нахчий», которым мы довольно часто пользуемся в данной работе.

Как считает Н. Семенов, этноним «нахчу» происходит от слов: «нах» – люди, народ и «чу» – внутри, место, – и значит место, обитаемое народом; а слово «нахчой» означает самый народ. Это название очень часто применяют к себе и сами ингуши и охотно может быть употреблено как общее племенное название этого народа наряду со словом «чеченцы» (192, с. 209).

«Древний нахский этноним «нахчи» в процессе формирования чеченской нации (примерно XV–XVIII века) получил новое значение. Произошло его слияние с другим, более поздним этнонимом – чеченцы, а самое главное – этноним «нахчи» перестал распространяться на всех нахов, как это было раньше. Бацбийцы, живущие в Грузии, да еще ряд западных нахских обществ в силу разных обстоятельств приняли иное самоназвание: в первом случае – бацой, во втором – галглай. Однако для подавляющего большинства нахских обществ переосмысленный заново этноним «нахчи» вновь стал самоназванием...

Именно это обстоятельство позволяет автору утверждать, что современные чеченцы представляют собой прямых потомков нахов, в то время как ингуши – ветвь, отделившаяся от основного нахского этнического массива. (...) Как нация, в современном понимании этого слова, чеченцы сформировались раньше ингушской нации благодаря тому, что раньше начали колонизацию равнины...» (195, с. 377–378).

В древности этнонима «нахчи» нет никаких сомнений. Как свидетельствует известный языковед К.З. Чокаев, «он имел широкое распространение в топонимике (Нахарина, Нахри/я, Нахур, Нахчу/ана, Нахчери, Нахар/ар, Нахчу/ван и т. д.) и мифологии (Нахор, Нух–Нох) древней Передней Азии. В письменных источниках его можно наблюдать, по крайней мере, с VII в. н. э., когда он упоминается в «Армянской географии» в форме «нахчматянк», где слово «мат», стоящее после слова «нах» – означает язык, место, народ, а «янк» – армянское окончание. Этноним «нахче» приводится также и грузинским миссионером XIV в. Евфимием» (225, с. 119).

По грузинским письменным источникам Чечено-Ингушетия известна как Дзурзукети (Леонтий Мровели), Дзурдзук-Глигвети (Вахушти Багратиони), Кистети (Вахушти Багратиони) и страна Нахчов (Институт рукописей им. К. Кекелидзе АН ГССР, ф.А, док. № 1469), (232, с. 5–6).

Как пишет А.И. Шавхелишвили, «в одном документе, относящемся к периоду правления грузинского царя Георгия Блистательного (1318–1346 гг.), рассказывается о посещении грузинским патриархом Евфимием кавказских горцев. Этот документ интересен тем, что в нем впервые в грузинских источниках упоминается этноним «нахчи» (232, с. 66). Дело в том, что, по свидетельствам грузинских летописцев, грузинский католикос Евфимий во время царствования Георгия V Блистательного посетил ряд храмов в различных местностях, среди которых упоминается и народ «нахче».

«Для выяснения архаичности и происхождения термина «нахчи», обозначающего чеченцев, автор обращается к документу, обнаруженному К. Кекелидзе, и пишет следующее: «Таким образом, сам документ говорит нам, что описанные в нем явления имели место в начале XIV века, а точнее в 1310 году. Цитируемый нами источник содержит достаточно убедительные и точно датированные данные по поводу первоначального названия чеченцев. Первоначальное название чеченцев, как видим, упоминается в документе в форме «нахчи». Этническая номенклатура, представленная в грузинском источнике, политическая ситуация, в которой упоминается название «нахчо», свидетельствуют, что указанный этноним представляет собой принадлежность к вайнахскому миру» (232, с. 26–27).

Так, опубликованная неким Джанашвили приписка в Евангелии (Русский перевод в сборнике материалов по описанию местностей и племен Кавказа, т. 22, отд. 1, с. 50), принадлежавшем Л.А. Малагашвили, гласит: «Христе, когда блаженный патриарх наш Евфимий обозрел в Кахетии епископию Анцуха... и оттуда перешел в Цахур... Ках Елису... и обошел храмы Касрийской Троицы... Кумской Богородицы... в Лекарте... св. равноапостольной Нины, в Заре св. великомученика Георгия, в Вардиане – св. Або, в Ганухе – Арчила, в Киш-Нухе – богородицы, Вардашене – Ильи, в Та... саране пресвятого (?) апостола Петра, далее храмы Хунзов, **Нахчиев (i. e. чеченцев)**, Тушетии, Некреса, Лагоета, Белакана, Мач-Пипинета, Периджан-Мухах-Мамреха и всей равнины, т. е. древнего Мовакана и Елисени, от Верхвиана-Зегана до места впадения реки Иоры в Алазань, то этот блаженный Евфимий приказал мне, Архиепископу Курмуха и пастырю всех горных земель Кириллу Донаури, распорядиться перепиской Евангелий и разослать для каждой церкви; и я побудил переписать (sc. Евангелия) священника Кахской церкви св. Варвары, Есеея Китиашвили, и 12 учеников его и разослал по церквам, монастырям и семи главным училищам; и приказал им изучать истинный закон, философию, жития отцев, историю Грузии и историю Албании... Господи Иисусе Христе, помоги в день судный архиепископу Кириллу; аминь, аминь. В короникон 530-й месяца мая 14 числа, в год от сотворения мира 6914-й» (183, с. 50; 95, с. 489–490).

Данный документ, наряду с упоминанием о «нахчиматеанах» в «Армянской географии» М. Хоренаци начала VII века, опровергает голословные утверждения некоторых ученых об относительно позднем возникновении этнонима «нахчий».

В различных источниках высказывается несколько версий возникновения этнонима «нахчий». По одной версии «нахчий» являются прямыми потомками пророка Ноя (в чеченской транскрипции – Нохь-

пайхамар) и свое самоназвание ведут от него. На этой версии настаивают отдельные современные чеченские писатели и религиозные деятели. По другой версии данный этноним выводят от слова «нох», что значит «плуг». Авторы этой версии, кроме сходства в произношении, опираются на тот факт, что чеченцы испокон веков были хорошими земледельцами. Третья версия основана на ингушском предании, в котором говорится, что у родоначальника чеченцев и ингушей родились два сына. У одного в руках был сыр (нехча), у другого – лист (гIа). Таким образом, первого называли «нахчий», а второго – «гIалгIа».

Все эти версии имеют право на жизнь, но вот как раскрывает значение этнонима «нахчий», вслед за Н. Семеновым, талантливый чеченский исследователь Х.К. Чокаев: «Этноним «нахчи» является самоназванием чеченцев и состоит из слова-основы «нах» – люди и суффикса «чи»... Надо отметить, что самоназвание абсолютного большинства народов мира также состоит из слова-основы, означающего людей, человека, мужчину, кочевника и т. д. Поэтому чеченский этноним «нахчи» в смысловом отношении есть абсолютно типичное явление...

Название «нахчий» в виде «нахчематеане» впервые упоминается в «Армянской географии» М. Хоренаци, но существование таких топонимов как Нахичевань, Нахарина (Митанни), этнонима «нахали» позволяет увеличить возраст слова-основы «нах» – люди до 6 тысяч лет до н.э. Хотелось бы отметить, что говоря о столь раннем существовании этнонима на основе «нах» – люди, мы не утверждаем, что уже 8 тысяч лет назад существовал чеченский народ. Мы хотим только сказать, что в те далекие времена жили люди, возможно и не имевшие прямого отношения к современным чеченцам, но имевшие в своем лексиконе термин «нах» – люди...

Слово «нах» – люди лежит также в основе названия местности Нашха – прародины всех чеченских обществ. Мы считаем, что этот топоним состоит из двух частей – «нах» – люди и уже забытого слова «са/ша» – среда обитания, место... Следовательно, изначально этот топоним выглядел как Нахаша/Нахша – «место нахов», но позже происходит его преобразование в Нашаха/Нашха» (226, с. 229).

Исследователи Дударов и Кодзоев пытаются связать один из древнейших нахских этнонимов (в который, по всей видимости, входили и современные ингуши) – «нахчематеан» не с языком самих нахчий, до сегодняшнего дня продолжающих носить это имя, а с ингушским языком, процесс формирования которого, как отдельного языка, еще даже не завершен. Вот что они, не мудрствуя лукаво, пишут: «Все три составляющие названия «нахчематеан», вместе с суффиксом принадлежности

род. п. «н», этимологически связаны непосредственно с ингушским языком: «нах»—«че»—«мат» — «люди»—«нутро»—«место», что означает на ингушском языке «внутреннее место людей» (87, с. 62). Это еще одно свидетельство единства наших языков, но приводимое ингушскими авторами не совсем с целью подтверждения нашей общности. Хотелось бы спросить у них, почему они тогда так категорически не приемлют этноним «нахчий», если относят себя к «нахчематеанам»?

С. Бронеvский пишет: «Что касается названия «ингуши», то под этим наименованием они известны не так давно, с момента переселения их из нагорной полосы на плоскость; первый аул назван был «Онгуштом», отсюда — «ингуши». Сами же себя ингуши называют «галгай». До переселения ингушей на плоскость отдельные племенные группы родов носили свои наименования: галгаевцы, цоринцы, фяппинцы, кисты, чулихоевцы. Такое распространение объясняется экономическим и политическим преобладанием галгаевской племенной группы в горах над другими названными выше племенами. (...) Еще сравнительно недавно ингуши — горцы называли себя «ламур», или «ламро», что значит горный житель (от «лам» — гора)» (29, с. 160–161).

«Этноним Галггай, в настоящее время являющийся самоназванием ингушей, в XVIII веке распространяется только на одно из горных нахских обществ, лежащих неподалеку от Дарьяльского ущелья. (...) Все исследователи согласны в том, что этноним ингуши имеет позднее происхождение и происходит от названия селения Ангушт». (...) Данный этноним появляется в российских письменных источниках не ранее XVIII века и его появление прямо связывается с жителями селения Ангушт и его окрестностей. (...) Нужно отметить, что в русских источниках долгое время наблюдается раздельное существование этнонимов, имеющих отношение к обществам, которые в конце концов и составили ингушскую нацию. (...) Так вот, военные донесения той поры не только не относят Галггаев к ингушам, а даже прямо их противопоставляют» (195, с. 379).

Как отмечает Г. Вертепов, «под именем ингушей известна народность чеченского племени, состоящая из нескольких отдельных групп или обществ, которые входили в состав бывшего Ингушевского округа Терской области. К ним относятся: джейраховцы, кистины (кисты), галгаевцы (галагаевцы), назрановцы и галашевцы. Все эти названия придуманы русскими и даны каждому обществу по имени важнейших аулов (селений), долин, гор и рек, на которых они обитают, причем перенесение сельских правлений из одного аула в другой в некоторых случаях влекло за собою и перемену названия самого общества» (204, с. 71).

С мнением Вертепова согласны и Т.Х.-Б. Муталиев с Д.Ю. Чахкиевым, которые признают, что «этноним «ингуши» является названием русского происхождения, самоназвание же народа – галгаи. Оба эти этнонима вобрали в себя имена ряда вайнахских обществ, которые во второй половине XVIII – начале XIX века консолидировались в народность, в основном, на ныне занимаемой ингушами плоскостной территории» (34, с. 84).

Что интересно, в сборниках статей «Без прошлого нет будущего», вышедшей в Нальчике в 2005 году (составитель Р.Ш. Албагачиев) и «Ингуши», вышедшей в Саратове в 1996 году (составитель А.Х. Танкиев), где приведена данная выдержка из статьи Г. Вертепова, в предложении «под именем ингушей известна народность чеченского племени, состоящая из нескольких отдельных групп или обществ, которые входили в состав бывшего Ингушевского округа Терской области» опущено словосочетание «чеченского племени» и вместо него стоит многоточие! Таким образом, известный ученый правит первоисточник, на который он ссылается.

«Совершенно очевидно, – считает Сигаури, – что еще в первой половине XIX в. этнонимы «галгаи» и «ингуши» существовали отдельно друг от друга. Первый этноним возник не ранее XIII в. и означал житель крепости, башни. (...) Постепенное слияние этнонимов «ингуш» и «ГалгIай» начинается лишь со второй половины XIX в. Не случайно, что, например, П.К.Услар, изучавший чеченский язык, отнес речь ингушей к одному из говоров чеченского языка, отметив при этом, что наиболее сильно измененным наречием говорят жители Джейрахско-го ущелья. Последние еще в начале XX в. не считали себя ингушами-ГалгIаями. Для них «ГалгIай» все еще означало жители конкретного соседнего с ними общества» (195, с. 278).

Этноним «нахчий» (вайнах) объединяет все нахские общества по северную сторону Главного Кавказского хребта (современные чеченский и ингушский народы), без бацбийцев, проживающих на южной стороне Главного водораздельного хребта Кавказа. Как мы видим, введенный относительно недавно термин «вайнах» является эквивалентом древнего этнонима «нахчий».

И, наконец, кого Кодзоев подразумевает под «ингушеязычным населением»? Данное словосочетание, невольно ассоциируется с такими понятиями, как «русскоязычное», «англоязычное», «испаноязычное» и т. д. население. То есть население, которое говорит на мощном высоко-развитом языке, который считают своим родным языком представите-

ли многих других народов. Но какое отношение все это имеет к языку одного из малочисленных народов России?

Называть некоторые вольные общества нахчий (вайнахов) XV–XVI веков, а тем более исторических предков наших народов, «ингушами» или «ингушеязычным населением» абсурд, так как сам этноним «ингуши» является относительно молодым образованием. Похвально стремление наших собратьев быть на уровне других (имперских) народов мира, но все должно быть в меру.

ЭТНОГЕНЕЗ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА

*Как искры сыплются от булата, так
мы рассыпались от Турпала-Нахчуо.*

Чеченское предание

Чеченцы – один из древнейших народов Кавказа. «Можно лишь с достоверностью утверждать, что если не считать исчезнувших и слившихся с чеченцами мифических аборигенов гор – тиндов, мидов, джай, вамполож и т.п., то чеченцы – один из наиболее ранних обитателей гор» (67, с. 60). На сегодняшний день чеченцы являются самым крупным коренным народом Северного Кавказа. Их численность в мире составляет 2 миллиона человек. Вместе с ингушами, которые связаны с чеченцами общностью происхождения, языка и религии – около 2,5 миллиона. Если бы не Кавказская и так называемые чеченские войны, депортации и различные переселения, то чеченцев было бы, как минимум, вдвое больше.

«Многочисленные враги и завистники чеченского народа, в том числе и из числа их непосредственных соседей, распространяют заведомо лживую информацию, формирующую, как они наивно полагают, негативное отношение российской и мировой общественности к чеченцам как к этносу в целом... Суть этих бредовых инсинуаций в следующем. Они утверждают, что чеченцы не являются коренным кавказским народом, сложившегося путем естественного исторического развития, а представляют собой некоторую сформировавшуюся в недавнем прошлом разношерстную некавказскую в национальном отношении банду преступников. Популяционная генетика не оставляет ни единого шанса фальсификаторам – чеченская популяция демонстрирует не только свое исконно кавказское происхождение, но и очень высокую, на зависть врагам, степень внутреннего генетического родства» (226, с. 227).

Когда мы говорим об истории чеченцев и ингушей, то, в первую очередь, должны окончательно определиться с этногенезом чеченского и ингушского народов. Для нашей традиционной историографии такого вопроса не существует. Возникновение чеченского и ингушского народов на базе единого нахского этнотерриториального массива практически ни у кого не вызывает сомнения.

Но в последние годы история происхождения наших народов отдельными ингушскими любителями истории трактуется совершенно произвольно, во многом с дилетантской, ненаучной точки зрения, что совершенно недопустимо.

Эти «ученые», основываясь на отдельных, вырванных из контекста, высказываниях Н. Генко, Н. Яковлева и мало кому, кроме ингушей, известного «исследователя» с говорящей фамилией – Горепекин, стали выдвигать абсурдные гипотезы об ингушах, как первопредках чеченцев.

Правду сказать, никто из серьезных ингушских историков, официально об этом еще не заявлял (хотя фамилии отдельных из них и зазвучали в качестве консультантов провокационных изданий, которые выходят в свет под грифом официальных научных, образовательных и культурных учреждений Ингушетии), так же, как никто из них не выступил и с опровержением этих обыкновенных фантазий.

В связи с этим, вспоминается случай, рассказанный известным шутником Мази из чеченского села Катар-Юрт.

Отправившись однажды по своим делам в одно из горных сел, Мази заметил до зубов вооруженного горца, в поте лица косящего траву. Поздоровавшись с ним, Мази удивленно спросил его – почему он не положит оружие, оно же мешает ему работать? Горец ответил, что он не может этого сделать, так как его преследуют кровники. На вопрос Мази, кого же он убил, тот ответил, что он никого не убивал, но один влиятельный человек из соседнего села похитил его жену, и чтобы узаконить свой брак с ней, ему необходимо убить его – ее законного мужа.

Так вот, вряд ли у некоторых ингушских «историков» получится подобным образом украсть и узаконить, в качестве ингушской, историю чеченского народа (по сути общую для обоих народов). Ибо ее, в отличие от жены косаря, не сумевшего защитить собственную жену, есть кому защитить. Как говорят чеченцы – «цуннан шен да ву».

Если до определенного времени история чеченцев, ингушей и бацбийцев была общей, как у единого народа (в чем, думаю, нет никакого сомнения), то мы должны определиться с конкретной периодом, до которой она была таковой. Этот период должен быть определен, как «нахский». Следующий за ним период, после того, как от нахчийских (вайнахских) обществ обособились бацбийцы, вплоть до конца XVIII века, необходимо называть «нахчийским» или «вайнахским», раз этот термин получил широкое распространение, особенно в российской среде. А период, с которого началось искусственное разделение единого нахчийского (вайнахского) этномассива на чеченский и ингушский

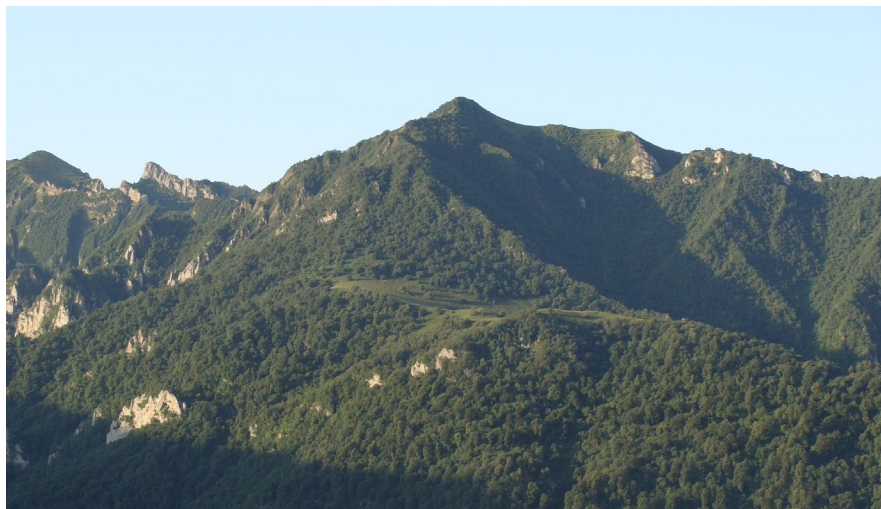
народы, приблизительно, с конца XVIII века, называть собственно «чеченским» и «ингушским». Все эти периоды, привязанные к основным этапам этногенеза наших народов, должны быть официально закреплены в исторической науке.

Все просто и ясно, как божий день. Если мы говорим, что существует два народа и эти два народа – близкородственные, то должен быть один народ, от которого эти народы происходят. Необходимо выяснить, когда они разошлись, и с этих пор говорить об истории или чеченского, или ингушского народов в отдельности!

Тогда все, что касается, примерно, периода до окончания первого тысячелетия нашей эры – будет историей нахов, от X до конца XVIII века – нахчийской (вайнахской) историей, а с конца XVIII века до сегодняшнего дня – историей отдельных чеченского и ингушского народов. Тем самым, соблюдая принятую периодизацию, мы не заблудимся, впредь, в трех соснах и не будем смешить людей, как это делают Н. Кодзоев и А.-М. Дударов, своими «протоингушскими» или «древнеингушскими» племенами.

Если мы договоримся по этим вопросам, то вопросы древней истории (хетты, хурриты, урартийцы), Нахчивана, дзурдзуков, алан и т. д. – будут для чеченцев, ингушей и бацбийцев общими. Вопросы истории средних веков – для бацбийцев будут своими, а для чеченцев и ингушей – общими для обоих народов. А с момента выселения ингушей на равнину и начала консолидации нескольких западных нахчийских (вайнахских) обществ в отдельный ингушский народ, связанного с добровольным принятием ингушами подданства России – у чеченцев будет своя история, а у ингушей – своя. Кроме, конечно, периода с 1934 по 1992 год, когда два братских народа, по воле Сталина и абсолютного большинства вайнахских народов, но вопреки руководящей чиновничьей верхушке чеченского и ингушского народов, опять были вместе. Кстати, это решение «вождя всех времен и народов», объединившее в одной республике два братских народа, в отличие от аналогичных решений по образованию национальных автономий абсолютно разных народов, могло бы быть вполне позитивным для наших народов, если бы была проведена соответствующая работа по консолидации двух близкородственных народов.

Что же касается этногенеза чеченцев и ингушей, то, по мнению А. Шавхелишвили, «решение вопроса о происхождении вайнахов является весьма сложным. Но все данные свидетельствуют, что вайнахи на Северном Кавказе являются этносом автохтонным. В то же время

этногенетические корни вайнахов, несомненно, связываются с территорией Закавказья и его древнейшими обитателями» (232, с. 66).

Это же самое утверждает и И. Джавахишвили: «Восточная Грузия некогда была заселена чеченскими и дагестанскими племенами» (79, с. 248).

«Не скрою, – писал Н.Я. Марр, – что в горах Грузии, вместе с ними в хевсурах, пшавах, вижу огрузинившиеся чеченские племена» (141, с. 1395–1396).

Но история чеченцев намного глубже. Известный историк Салман Джамирзаев настаивает на том, что «предки современных нахов и других коренных этносов Кавказа (грузин, абхазо-адыгов, аварцев, лакцев, даргинцев, лезгин и т. д.) со времен неолита наиболее ярко и, возможно, гораздо и раньше, до середины II тысячелетия до новой эры, занимая огромную территорию Кавказа (Северный Кавказ и Закавказье) и Передней Азии в лице хурритских племен (или генетически родственного им народа) составляли одно этнокультурное, языковое целое» (81, с. 21). Таким образом, С. Джамирзаев считает, что «происхождение и последующее формирование нахского этнического элемента связано с древнейшими автохтонами Кавказа и Передней Азии – хурритами».

Этого же мнения придерживается и языковед Кати Чокаев, который пишет, что «древние племена Кавказа, в том числе и вайнахские, имеют прямое родство с этносами древней Передней Азии – хатами, шумерами» (225, с. 5).

А вот что пишет об этом Г. Меликашвили: «В древности адыгейско-чечено-лезгинские племена были распространены не только к северу от Главного Кавказского хребта, но, по-видимому, и к югу от него, в Закавказье и еще южнее... На территории к югу от Закавказья мы встречаем ряд названий, обнаруживающих поразительную близость к названиям, засвидетельствованным позднее в адыгейско-чечено-лезгинской среде» (150, с. 120).

Общепризнанной территорией зарождения и формирования чеченского этноса является Нашха (Нахша). Она занимала всю горную часть современной Чечни: Мйайста, Маълхиста, Хилдехъа, Тёрла, Аьккха, Галай и собственно Нашха (кроме Шатойского, Чеберлойского, Шаройского, Веденского и Ножай-Юртовского районов), земли которых выходами из Нашха были освоены позже, так же, как и земли на плоскости.

Как свидетельствуют многочисленные родовые таыптары и предания жителей всех этих районов, из Нашха/Нахша представители различных тайпо-тукхумных объединений «нахший» расселились на восток (Нахчмохк), на запад (горная Ингушетия), а после распада Золотой Орды – и на север (Орцах и Ара). «В XIII веке Золотой Ордой были заняты степи Северного Кавказа и превращены в просторы для своих кочевий. Местное население вынуждено было пробираться в горы...» (23, с. 125).

По мнению В.И. Абаева, «язык представляет нам дополнительный аргумент в пользу того, что предки современного вайнахского населения сравнительно поздно продвинулись в занимаемые им в настоящее время места по долинам рек Ассы и Армхи: в более раннюю пору эту территорию заселяли этнические элементы, стоящие по языку ближе к собственно чеченскому племени. Такой вывод следует из исследований В.И. Абаева, что, помимо общих осетино-вайнахских параллелей, «ряд лексических сходжений ведет от чеченского прямо к осетинскому, минуя ингушский. Мало того, некоторые из этих сходжений связывают чеченский с западным, дигорским, диалектом осетинского языка, минуя иронский» (237, с. 172; 1, с. 89).

Вот что пишет о прародине чеченцев в своей монографии «Чечня и чеченцы» А. Берже: «Место жительства чеченцев в древнейшие времена, по весьма темным и сбивчивым преданиям, находились выше Шуэти, Чабирли и Чаэнти, куда они пришли из Нашихэ. (...) Рядом с этим именем мы встречаем там же и Меэстэ, где, как говорит Заур, было местопребывание Молкха (одного из первопредков чеченцев. – Авт.). Такое тождество двух преданий дает повод думать, что Маэстэ и Нашихэ были первобытными местами жительства чеченцев, откуда

они уже позже перешли к верховьям рек Аксая, Гудермеса и Хулхулау, в землю, известную под именем Ичкерия и называемую самими чеченцами Нахчи-Мохк, т. е. «место народа» (25, с. 143).

По мнению известного советского языковеда Ю.Д. Дешериева, чеченцы, как этнос, сложились к западу от Аргунского ущелья – в районе Нашха и озера Галанчо́ж. «Именно здесь они осознали себя как единый народ – «кѣам» и единство страны – «мохк». Здесь зародились основы чеченской духовной культуры, сформировались религиозные культы, мифология чеченцев» (93, с. 6).

Берже А.П. приводит предание о происхождении чеченцев, в котором родоначальником чеченцев называет Молкха или Малкху, «который жил в Меэстэ. На высотах горных хребтов. Из Меэстэ чеченцы переселились в Нашихэ, где теперь находится аул Керстен-акх или Киоло. Это событие, по преданию, совпадает с тем временем, когда впервые появилось оружие, состоящее сначала из лука и стрелы, которые вошли в употребление при богатыре Кургухе, указавшим людям также меру. Впоследствии Чеченцы расселились и из Нашихэ; это совершилось при сыне Молкха Тинавин-вису...» (25, с. 44).

Об этом же пишет и Б.К. Далгат: «Древнейшими местами поселения чеченцев все же, по всем преданиям, считается общества Маасты и плоскогорье Нашах, в верховьях Чанти-Аргуна, Мартана, Гехи, Фортанги, Ассы и др.» (67, с. 54).

Сигаури И. обращает внимание на то, что этногенез чеченского народа стал одной из тем политических спекуляций ингушских авторов последнего времени. «Некоторые недобросовестные авторы, – пишет он, – договариваются до того, что представляют чеченцев этническим образованием, произошедшим от ингушей. Между тем, факты свидетельствуют, что ингуши, как отдельный народ сформировались на основе ряда западных обществ, причем в их национальной консолидации исключительно важную роль сыграли два фактора. Во-первых, колонизация равнины, которая началась примерно на два века позже чеченской колонизации; во-вторых, искусственное территориальное отделение от чеченцев, составляющее, кстати говоря, важнейший элемент «чеченского» направления российской политики на Северо-Восточном Кавказе. Именно обособленное развитие на протяже-

нии XIX века привело не только к дальнейшему расхождению между чеченским плоскостным и ингушским языками, но и к формированию отдельной ингушской нации. При этом, процесс этнического размежевания между чеченцами и ингушами завершается только в наши дни» (195, с. 504).

В соответствии с фантазиями «знатока» чеченского фольклора Н. Кодзоева, «носителями каякентско-хорочоевской культуры исследователями признаны дагестаноязычные племена. Но на территории Ичкерии – современные Ножай-Юртовский и Веденский районы Чечни – с течением времени наблюдается изоляция населения от дагестаноязычных племен, отделенных от ичкеринцев Андийским хребтом, и резкая активизация контактов с кобанцами. На основе смещения дагестаноязычных местных племен и продвинувшихся с запада ингушеязычных кобанцев начинается процесс складывания чеченского народа. Именно эта территория, именуемая Нохчий мохк («Страна чеченцев»), признается в чеченском фольклоре той местностью, где происходит складывание чеченского народа. Ичкерия в более поздние времена являлась зоной стыка ингушских (аланских), дагестанских и тюркских (хазарского) этнических элементов, что в конечном итоге (в позднем средневековье) привело к окончательному оформлению отличного от ингушского чеченского языка и чеченского народа» (112, с. 28).

У чеченцев есть такая поговорка: «Сайх аладе, вир ала ас». Так вот, Кодзоев поступает ровно по такому принципу. Таким же образом ингушей можно обвинить в осетинском, армянском или хазарском происхождении. Об этом свидетельствуют сами ингушские народные предания, записанные И. Дахкильговым и А. Мальсаговым. Не совсем понятным остается одно, зачем наши братья постоянно стараются, как можно больше задеть чеченцев, и какой в этом для них резон? Ведь все, что они пишут о чеченцах, бумерангом возвратится к ним обратно. Кто бы что ни писал, история наших народов до недавнего времени была едина и ингуши с чеченцами – близкородственные народы, и никуда нам от этого не деться. «Мотт, коьртана лъь хь», – олуш ду-кх вайн.

Единственно, что может лежать в основе, казалось бы, не совсем логичного поведения некоторых представителей ингушской научной общественности – это инстинктивная боязнь объединения с чеченцами, которых в 4 раза больше, чем ингушей (в начале Кавказской войны это соотношение было 1 к 10). Кажущееся везде и во всем посягательство чеченцев на свою самостоятельность толкает ингушей на не совсем адекватные действия.

В сложившейся ситуации, когда единый народ нахчий, по воле сильных мира сего и отдельных предводителей западных вайнахских обществ, оказался искусственно разделенным на два народа, ингушам приходится поступать в соответствии с чеченской поговоркой: «Лаца ма лаца ден маж, лаьцча – дIа ма хеца» (Взялся за гуж, не говори, что не дюж). Но все это ни в коей мере не может явиться оправданием недостойных высказываний отдельных ингушских авторов в адрес братского чеченского народа.

Как известно, дееспособность и благородство народа не определяется высокопарными словами некоторых его представителей о чести, долге и мифах о великих деяниях своих предков. Как говорится, «не судите по словам, а судите по делам». Так вот, история чеченского народа знает достаточно много славных и достойных уважения дел и поступков. Об этом знают и восхищаются во всем мире, но, почему-то, не хотят знать и не могут принять некоторые представители ингушского народа. У абадиевых и кодзоевых, с таким пафосом разглагольствующих о благородстве, в отличие от, в целом, всего ингушского народа, это качество, по всей видимости, отсутствует напрочь. Иначе, как они могли в таком тоне писать о братском народе, составной частью которого они до недавнего времени были сами? (Речь идет не о том, что ингуши произошли от чеченцев. Мы говорим о начавшемся накануне Кавказской войны процессе формирования ингушского народа из нескольких западных нахчийских обществ).

Читая некоторые перлы любителей истории из Ингушетии, создается впечатление, что их авторов, явно страдающих комплексом неполноценности, больше интересуют вопросы этногенеза чеченского народа, чем ингушского. И причем, они, почему-то, замечают в этом процессе только те моменты, которые, по их мнению, так или иначе отрицательно характеризуют чеченцев. Так вот, им следует хорошенько разобраться с историей собственного народа (если уж так получилось, что мы разделились), тем более, что она, в отличие от всеобщей нахчийской (вайнахской) истории, существенно короче. А со своей историей чеченцы, как-нибудь, разберутся сами.

И если они подойдут к рассмотрению этого вопроса действительно по-научному, без всяких эмоций и пристрастий, то, начиная с глубокой древности до конца XVIII века включительно, мы будем говорить об одном и том же – об истории единого чечено-ингушского (нахчийского, вайнахского) народа.

Но у отдельных ингушских околонуучных деятелей это вряд ли получится. Обладая бурной фантазией, они недостаточно глубоко владе-

ют фактическим материалом. Или, что еще хуже, если и владеют, то не совсем честно и добросовестно используют свои знания и целенаправленно искажают информацию в своих, далеких от действительной истории, целях. Ведь многими российскими и зарубежными исследователями об этногенезе чеченского народа написано достаточно много книг и статей. А люди, являющиеся авторами различных изданий и даже официального учебного пособия по истории Ингушетии, претендующих на научность, не могли не знать об этом.

Конечно же, историография чеченского и ингушского народов это не догма и превалирующие в ней в настоящее время взгляды на те или иные события и явления, в связи с какими-то новыми научными изысканиями и открытиями, могут претерпевать изменения. Но все это должно основываться не на эмоциях и заказных сфальсифицированных «преданиях» и «мифах», а на конкретных исследованиях, проведенных по общепринятым в научных кругах правилам, с соблюдением всех необходимых в таких случаях процедур.

Никто из серьезных ученых и специалистов по Кавказу до сих пор еще не «догадывался» назвать Ичкерия «местом складывания чеченского народа». Вот что пишет об этом, например, Ибрагим Дахкильгов: «Местом жительства своих предков в Чечне обычно называют Нашха. В Ингушетии своих предков локализуют в местах Кхе-кхаьлли и Mlarlo» (71, с. 114). Составитель пособия, скорее всего, прекрасно обо всем этом знает, но, как я отмечал выше, в силу своей заданности, целенаправленно интерпретирует факты или не считается с ними вообще.

Кодзоев произвольно перемещает очаг зарождения и формирования чеченского народа на восток, в Ичкерия, специально, под свою вымышленную «концепцию» о происхождении чеченского народа. Он изо всех сил старается расширить ареал обитания ингушей, предъявляя нелепые претензии на историческую прародину чеченцев – территорию горной Чечни, вплоть до реки Аргун, откуда вышли все коренные нахчийские, в том числе и некоторые ингушские, тайпы. Но, что бы там не писал сей автор, Ичкерия – это всего лишь место вторичной, внутренней, колонизации чеченцев, так же, как и равнинная часть современной Чечни и Ингушетии.

Все нахчмахахойские (ичкеринские) тайпы являются выходцами из Нашха (Нахша). Мигрировав оттуда из-за избыточности населения на восток и заняв территорию современной Ичкерии примерно в начале второго тысячелетия нашей эры, часть нахчий называли эту местность, в знак освоения и владения им, «землей наххий/нахший/нахчий» (Нахчмохк). Так, исследователь И. Попов, побывавший в Чечне в 1869 году, пишет: «Восемнадцать человек выходцев, по преданию ичкеринцев, из аула Нашахэ, основали в Ичкерии все названные аулы, более или менее в разное время. Память о первых поселенцах здесь не умрёт в народе, так как имена

их перешли в потомство в виде фамилий, которые ичкеринцы носят... Так, судя по времени основания аулов, ичкеринцы имели движение от Аргунского к Кумыкскому округу» (186).

А местность Нашха/Нахша (от слова «нах» – народ) – является колыбелью чеченского народа, от которого происходит и самоназвание чеченцев – «нахчий». Отсюда вышел легендарный предок чеченцев – Турпал-Нахчо. Кстати, по одному из ингушских преданий первопредок ГалгГай – Га являлся одним из трех сыновей Турпала-Нахчо.

«Неохотно приближаешься к старости, неохотно удаляешься от молодости. Не хотите ли, добрые молодцы, я спою вам нашу родную песенку: как искры сыплются от булата, так мы рассыпались от Турпала-Нахчууо. Родились мы в ту ночь, когда от волчицы родятся щенки, имена нам даны были в то утро, когда ревел барс, такими произошли мы от праотца Турпала-Нахчууо. Когда на небе нет туч, тогда и дождь не идет, так и у нас, когда нет думы на сердце, то и глаза не плачут. Если душою вы не положитесь на Бога, то и в деле не успеете. Не утратим славы имени отца нашего Турпала-Нахчууо», – поется в одной из героических песен о расселении чеченцев в центральной и восточной частях Северного Кавказа (25, с. 46).

Только вышедший из Нана-Нашха тайп считается исконно чеченским. По чеченским преданиям, из Нашха вышло 63 чеченских тайпа, в том числе аьккхий, маьлхий, орстхой и ряд современных ингушских тайпов, которые расселились на восток, запад и север, от верховьев

Андийского хребта и реки Сулак до верховьев и нижнего течения рек Сунжи и Терека.

Как пишет А.Г. Мациев, «древнейшим поселением чеченцев по основным преданиям считается урочище Нашха, что издревле у всех чеченцев существовало такое мнение, что если кто-либо является выходцем из Нашха, то его можно считать коренным жителем Чечни» (147, с. 6).

А вот что писал известный исследователь И. Попов: «Самый чистый обычай, по мнению чеченцев и ичкеринцев существует в Нашахе, куда, так еще недавно, отправлялся обиженный для проверки приговора по его делу».

«Значение Нашха (Нахша) как области, в которой закладывались основы современного чеченского национального самосознания, подчеркивается и целым рядом преданий о медном котле, на котором были записаны названия всех исконно чеченских тейпов. (...) Независимо от того, существовал ли он на самом деле или нет, он должен был олицетворять собой единство чеченских тейпов. В этом и состоит смысловое значение всех преданий о нем» (195, с. 289).

По одному из преданий, записанному со слов 85-летнего жителя с. Алхан-Кала Умара Умхаева в 1980 году (он слышал это предание от своего отца Умхы), этот котел, в котором за раз можно было сварить трехлетнего быка, состоял из семи склепанных друг с другом медных пластин с именами родоначальников исконных чеченских тайпов. Он просуществовал до середины XIX века, и, со слов информатора, был уничтожен одним из наибов Имама Шамиля по имени Гелга, фамилии которого на котле не было (144).

Следы пребывания в Нашхе основных чеченских тайпов сохранились в различных топонимических названиях. Так, со слов краеведа Яхьяева Хизира, работника Аргунского государственного музея-заповедника, нашхойца по происхождению, недалеко от аула ХИйлах, на левом берегу реки Гехи, находится место под названием «Беной кха», рядом с которым находятся развалины древней жилой башни. По рассказам старожиллов, именно из этой башни переселился на восток предок беноевцев.

В урочище ЧIармах находятся развалины башни, называемой «Венда-гIала». Она является родовой башней гендергенойцев.

При слиянии рек Гехи и Чармхойн-хи до сих пор сохранились развалины башни Сахан-гIала. По преданию она принадлежала брату Нашхо – МIайсто.

На правом берегу р. Гехи находится ровное плато «ПхъанетIе». На северной стороне этого плато лежат развалины башни, которая принадлежала предку аллеройцев.

В ауле ТIийста расположены три полуразрушенные башни, одна из которых принадлежала предку цIонтаройцев, вторая – дышнинцев. Их так и называют – «ЦIонтарочун хилла гIала», «Дишничун хилла гIала».

В местечке «ГIов тIехъашка» находятся развалины древних башен, откуда, по преданию, переселились три брата: Зумсо, Тумсо и ЧIаанти.

Беноевцы – один из наиболее многочисленных чеченских тайпов, не уступающий по численности сообществу всех чисто ингушских фамилий (кхекхаьллой) вместе взятых, в соответствии со старинными тайповыми летописями на арабской графике и устными преданиями, вышли из Нашха и осели на землях современной Ичкерии, примерно, около 900 лет назад.

Чуть раньше, чуть позже из Нашха расселились и другие нахчийские (нахшийские) тайпы. Иван Попов в своем историко-топографическом очерке «Ичкерия», написанном в 1869 году, приводит следующие данные о времени выхода из Нашха различных нахчийских тайпов (основанные на чеченских преданиях, записанных им самим): цIонтарой – 700 лет, знакхаьллой – 600 лет, ялхой – 500 лет, курчалой – 600 лет, гIордалой – 500 лет, шуоной – 500 лет (186).

Таким образом, ни Ичкерия, ни Аух, ни Теркйист, ни современные равнинные территории Чечни и Ингушетии не являются территориями зарождения чеченского народа. Все это места вторичной, внутренней колонизации.

Среди многочисленных версий происхождения чеченского народа диссонансом звучит мнение Н.Ф. Яковлева, который, без всяких на то оснований, пишет: «Со второй половины XVI века начинается эмиграция ингушских племен из нагорной полосы на теперешнюю чеченскую плоскость. Многочисленные нагорные племена из Нашаха, с верховьев Аргуна и из Чаберлоя вновь перемещались на плоскости, попали под влияние соседних плоскостных культур (русской, кабардинской, ногайской, кумыцкой и калмыцкой) и дали в результате новую культурную область с новыми центрами, в которых сформировалась новая культура и новый язык – чеченский. Таким образом, чеченцы и ингуши создались, в общем, из одних и тех же национальных элементов, но

сгруппировавшихся вокруг разных культурных центров, в разные эпохи и смешавшихся в разных пропорциях» (239, с. 197–198).

Вот откуда, оказывается, истоки так называемой абадиевско-кодзоевской версии ингушского происхождения чеченцев. О какой «миграции ингушских племен» из «Нашаха, верховьев Аргуна и Чаберлоя» со второй половины XVI века пишет Яковлев, если отдельного ингушского народа, как, впрочем, и чеченского, тогда еще не было? Были независимые друг от друга нахские горные общества, иногда враждовавшие между собой, которые только с выселением на плоскость сконсолидировались в чеченский, а затем и в ингушский народы. Что может быть абсурдней того, что такой известный на Кавказе ученый называет нахские общества того времени термином «ингуши», придуманным русскими для обозначения жителей села Ангушт, основанного всего лишь в XVIII веке? Что интересно, данное утверждение он категорически опровергает в других своих работах, неоднократно указывая на молодость ингушской народности, которая даже свой родной язык до сих пор не называет именем своего народа.

Представители абсолютного большинства нахских обществ, в том числе и «Нашха, верховьев Аргуна и Чаберлоя», первыми из своих соплеменников освоившие предгорно-плоскостные земли на территории современной Чечни, а затем принявшие ислам, консолидировались в единый народ, который они назвали, отбросив свои племенные этнонимы, древним объединяющим все нахские племена именем – «нахчий» (чеченцы).

«Колонизация чеченцами равнинных земель осуществляется двумя основными потоками, первый из которых имел в качестве своего истока Аргунское ущелье, а второй – Ичкерия, которая стала местом формирования самого молодого из чеченских тукхумов – Нохчамахкой. Причем миграция из области Нохчамахк хотя и началась позднее, но отличалась большей массовостью. В конечном итоге на рубеже XVIII–XIX веков в основном сложились исторические границы современной Чечни, которые в последующем, конечно же, претерпевали определенные изменения. Причем далеко не всегда речь может идти о приращении территории Чечни. В частности, земли чеченцев-аккинцев оказались в составе Дагестана, а значительная часть территории чеченского тукхума Арштхой – в составе Ингушетии» (195, с. 374).

Небольшая часть западных нахчийских (вайнахских) языческих обществ оказалось замкнутой в горах. На плоскость эти общества не пускали свои соплеменники, принявшие ислам, и кабардинские князья,

считавших их своими подданными. Сюда они выселились, в основном, в конце XVIII – начале XIX века под покровительством царской армии (через 200–300 лет после своих восточных собратьев). С помощью различных политико-административных мер, как царских властей, так и советской власти, они позднее были объединены в один народ.

Многочисленные предания чеченцев и ингушей, записанные 150–200 лет назад русскими и зарубежными исследователями, а также изыскания ученых, в том числе и ингушских, свидетельствуют о том, что первоначально современных ингушей вышли из областей горной Чечни – Геши и той же Нашхи. Скорее всего, Яковлев мог и не знать об этом. Нельзя исключить также и того, что такие нелепые выводы, вопреки общеизвестным фактам и здравому смыслу, ученый сделал на основе недобросовестного информирования со стороны местных ингушских респондентов.

Почему близость наречия жителей села Ангушт к диалектам горцев Чечни должна говорить об ингушском (ангуштинском) происхождении последних, когда все на самом деле – ровно наоборот? Жители Ангушта представляли разные вайнахские общества, в том числе и входившие в состав чеченского народа.

Как мы уже отмечали, все нахчийские (вайнахские) общества (и чеченские, и ингушские) – являются горскими. Разница лишь в том, что несколько западных нахчийских обществ, консолидировавшихся со временем в ингушскую народность, немного приподняли как с выходом на плоскость, так и с принятием ислама. А на плоскости, к тому времени, из представителей практически всех горных вайнахских обществ (и восточных, и центральных, и западных) уже начал формироваться сильный народ, спаянный мусульманской идеологией. Он вытеснил с плоскости иноземных пришельцев и взял под контроль земли своих предков.

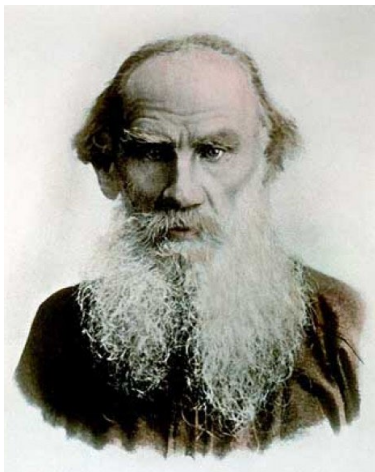
Язык равнинных чеченцев сформировался исключительно из наречий горных нахчийских (вайнахских) обществ, но не одномоментно, а в течение многолетнего совместного проживания представителей всех этих обществ, первыми вернувшимися через несколько сотен лет горного заточения на плоскость. В отличие от гор, на равнине люди проживали не в чисто родовых селениях, а в населенных пунктах, в которых жили представители нескольких, а порой и десятков родов. Естественно, у них со временем вновь сформировалась общая для всех форма языка (тем более, что основа всех нахчийских наречий и так была общей), которая была названа чеченским (плоскостным) языком. А разделение единого нахчийского языка на диалекты и говоры прои-

зошло в связи с вытеснением нахчий с плоскостной территории в горы. А горы, как известно, не объединяют, а разъединяют людей.

В то время, как плоскостной язык развивался очень быстро, наречие западных нахчийских (вайнахских) обществ, находящихся в изоляции от своих собратьев, отстало в своем развитии. Естественно, в нем, так же как и в основных горных чеченских диалектах, сохранилось больше архаических словоформ, тогда как в плоскостном наречии появилось много неологизмов, связанных с жизнью на равнине.

В связи с бурным развитием производственных и общественных отношений, многочисленных культурных и торгово-экономических связей с окружающими народами, плоскостной (чеченский) язык получил большее развитие в сравнении с диалектами, на которых говорили отдельные горные нахчийские общества, в том числе и ингушские, замкнутые в горных ущельях. Это, конечно, не исключает того неоспоримого факта, что плоскостной диалект, на основе которого был создан чеченский литературный язык, сформировался из всех основных диалектов единого нахчийского (вайнахского) этномассива и по сегодняшний день подпитывается ими.

О каких «ингушских племенах, выселившихся на чеченскую плоскость» и попавших «под влияние соседних плоскостных культур (русской, кабардинской, ногайской, кумыцкой и калмыцкой)» и давших «в результате новую культурную область с новыми центрами, в которых сформировалась новая культура и новый язык – чеченский», идет речь, если, на самом деле, нахчий не только не попали «под влияние соседних плоскостных культур», но силой вернули себе равнинную территорию, в свое время захваченную у их предков полчищами монголо-татар и Тимура Хромого, и сами оказали заметное влияние на культуру, быт и даже язык этих народов. Чего только стоят чеченские лирические и героико-эпические произведения, созданные в этот период и названные великим русским писателем Л.Н. Толстым «сокровищами поэтически необычайными»?

Территория современной Чеченской равнины, покрытая тысячами дремучими лесами, на которую возвращались мигранты из

горных нахчийских обществ, тогда практически не была заселена и чеченцы вновь осваивали ее как свободную землю. Хотя в самом начале реконкисты они вынуждены были платить определенную плату за пользование землей и пастбищами кабардинским и кумыкским владетелям (считавших эти территории своими дальними владениями), так как жили небольшими хуторами и из-за своей малочисленности не могли на первоначальном этапе противостоять им. В последующем, набравшись сил, чеченцы не только перестали платить «мзду», но и, как образно сказал известный чеченский писатель Халид Ошаев, «турнули» этих владетелей за Терек, в Терско-Сулакское междуречье и Кабарду.

Никто, конечно, не говорит, что вековые взаимоотношения и контакты с представителями других народов на плоскости не влияли на горцев. Но это влияние было не столь существенным, чтобы освободившие свои земли нахчий могли «попасть под влияние соседних плоскостных культур» и создать какую-то «новую культуру» и «новый язык». Этот процесс не затрагивал основ национальной культуры и языка.

Во-первых, чеченцы не жили с представителями этих «соседних плоскостных культур» в совместных населенных пунктах. Они выдавливали захватчиков с занимаемых территорий.

Во-вторых, занимаемая чеченцами плоскость была не оторванной от Чечни заморской областью, а непосредственно прилегающей к горам, смежной с их землями территорией, которая постепенно, шаг за шагом, осваивалась ими. В результате реконкисты они не только не теряли связей со своими соплеменниками, но постоянно поддерживались ими, так как являлись единым целым.

А влияние было обоюдным. Казаки приняли от горцев кавказское оружие, одежду, некоторые изделия быта, в какой-то степени даже образ жизни. Но а горцы, в свою очередь – отдельные принадлежности домашней утвари, неизвестные горцам сельскохозяйственные культуры и орудия производства, например, железный плуг. Такое же взаимодействие у чеченцев было с теми же кабардинцами, кумыками и ногайцами. Естественно, все это находило свое отражение в языках и культуре взаимодействующих народов. Но это ни в коей мере не затрагивало основ национальной культуры и языка. Наоборот, все это способствовало обогащению и дальнейшему развитию нахчийского языка и культуры. А разве ингуши были в этом плане исключением?

Взаимодействие и какие-то чисто человеческие отношения у чеченцев возникали даже непосредственно с самими солдатами русской

армии. «Так, в 40-е годы XIX века полковник отдельного Кавказского корпуса Бенкендорф вспоминал: «Однажды в одном селении, в базарный день, возникла ссора между чеченцами и апшеронцами (солдатами Апшеронского полка), куринцы (солдаты Куринского полка, элита Кавказского корпуса) не преминули принять в ней серьезное участие. Но кому они пришли на помощь? Конечно, не апшеронцам! «Как нам не защищать чеченцев, – говорили куринские солдаты, – это наши братья, вот уже 20 лет, как мы с ними деремся!». Это удивительное ощущение братства, отмечает Я. Гордин, возникшее из уважения к противнику в ходе военных столкновений, отличало этот уникальный мир» (210, с. 8–9).

Умалт Лаудаев пишет: «Основав на плоскости аулы, чеченцы тотчас воспользовались выгодами, которые могли извлечь от земли своей; подражая русским, они заменяют горные сохи плугами, производят правильное хлебопашество и по этой отрасли промышленности превосходят прочие племена окружающих стран. Сообразуясь с условиями своей жизни, они обзавелись лучшим хозяйством, развели рогатый скот, лошадей, овец и пчел и устроили прекрасные сады. Они сеяли преимущественно пшеницу, просо и ячмень... Такие успехи поставили плоскостных чеченцев выше их горных братьев; перенимая от соседей все лучшее и полезное, они усовершенствовались в нравах, обычаях и общежитии, даже самый язык их, состоящий из природно-подражательных звуков, делается благозвучнее. Они во всем превосходят своих горных братьев, которые, отдавая им над собою первенство, называют их настоящими нахчой, сами же называясь этим именем поверхностно, удержали для себя название ламарой. Из этого ясно, почему впоследствии все предприятия чеченцев: возмущения, переселения, религиозные волнения и проч. начинались сперва плоскостными чеченцами и от них уже постепенно распространялись в горы. Все люди, волновавшие Чечню, для достижения своих целей обращались сперва к плоскостным жителям, с твердой уверенностью, что горные последуют за ними» (125, с. 85).

И, наконец. Как могло получиться так, что эти самые «многочисленные нагорные племена из Нашаха, с верховьев Аргуна и из Чаберлоя», не только не потерявшие связей со своими обществами, но делегированные ими из своей среды для решения жизненно важной задачи – возвращения потерянной в результате монголо-татарского и тимуровского нашествий плоскости, забыв о своем происхождении и исторической миссии, вдруг, из ингушей превратились в чеченцев? И

это притом, что со своей задачей они справились вполне успешно, заявив о себе как о силе, с которой окружающему миру впредь придется считаться и, тем самым, став одним из субъектов всех значимых процессов, происходящих на Северном Кавказе.

А что касается ингушей (которых, как таковых, тогда и не было), то их так называли русские. Как бы они называли себя, если бы не было этого русского этнонима? Ведь этноним «Г1алгай», обозначающий конкретное западное нахчийское общество кхекхаьлой (в отличие от этнонима «нахчий», не являющегося племенным названием), неприемлем как общенациональный этноним для других равнозначных нахчийских (вайнахских) обществ.

На самом деле, все происходило совсем не так, как пишет Яковлев. «В довольно длительный период жизни чеченцев и ингушей в горах у них не было единого общеплеменного названия. Оно появилось позже, когда началось переселение чеченских и ингушских обществ с гор на плоскость» (68, с. 40). С освоением нахчийскими обществами равнины и строительством там больших сел, населенных представителями всех родственных друг другу обществ и родов, вместо небольших чисто родовых сел в горах, развитием общественных и производственных отношений, начался процесс консолидации этих обществ в один народ.

«На плоскости образовывались поселения из представителей разных родоплеменных групп. На первый план выдвигались уже не кровнородственные связи, а социально-экономические факторы, общие идеологические и политические задачи: корчевка лесов, освоение земель и пастбищ, строительство сел, проведение каналов, создание внутриобщинной организации и организация обороны от внешних посягательств княжеских дружин, позже – борьба против царского самодержавия. Начавшийся еще в горах процесс ломки патриархально-родовых отношений и зарождения феодализма получил дальнейшее выражение в плоскостных селениях – соседских общин. В новых условиях вырабатывался и устαιивался комплекс морально-нравственных и этических представлений, происходило формирование нового быта и уклада народа, без которых существование на равнине было бы немыслимо» (92, с. 8).

Сигаури совершенно обоснованно считает, что «истоки национального самосознания современных чеченцев лежат не в Ичкерии, а в Нахше, который стал звеном, связующим между собой восточные и западные тукхумы. И окончательно формирование чеченского национального самосознания произошло не в Ичкерии, а на равнине, где в процессе ко-

лонизации бок о бок селились выходцы со всех тукхумов Горной Чечни. С плоскости чеченское национальное самосознание постепенно распространилось на горные районы, в том числе и Нохчмахк. И если жители современного Ножай-Юртовского и Веденского районов осознали себя чеченцами раньше жителей Итум-Калинского района, то это произошло не потому, что ножай-юртовцы и веденцы являлись создателями национального самосознания, а потому, что, имея больше связей с равниной, они быстрее ее восприняли» (195, с. 306).

Что не говори, но процесс консолидации нахчийского народа, загнанного в горы многотысячными полчищами различных завоевателей, а в последующем раздробленного на отдельные мелкие общества и терзаемого постоянными набегами калмыкских и ногайских ханов, кабардинских и кумыкских князей, захвативших равнину, на момент вторжения царской России на Кавказ не был окончательно завершен. У нахчий тогда не было своей государственности, хотя выселение на плоскость, принятие и укрепление ислама и, в связи с этим, относительно быстрое развитие производственных и общественных отношений у большинства нахчийского народа создали практически все условия для ее воссоздания.

Нахчийские (вайнахские) общества жили обособленно друг от друга, и единственным органом управления тогда был Мехк-Кхел, который принимал решения рекомендательного характера по общим стратегическим вопросам страны. Как писал Е. Максимов, «между племенами нет никакой гражданской связи, кроме общности языка; они отделяют себя друг от друга и даже враждуют между собой» (127, с. 24).

Процесс отчуждения ингушей от чеченцев, начавшийся с религиозной розни, усилился с подписанием известного акта о подданстве ингушей России. Как известно, Российская империя в своем стремлении в Закавказье и к Персидскому заливу начала «осваивать» Северный Кавказ. Царская военная администрация, в соответствии с принципом «разделяй и властвуй», всячески поощряла и поддерживала этот процесс. В целом единый до этого союз нахчийских (вайнахских) обществ, называемый «чеченским племенем», по любому удобному поводу начали ссорить и противопоставлять друг другу. Вот что пишет по этому поводу П. Бутков: «В то время наблюдаемо было правило древних римлян, чтобы для пользы кавказского края ссорить между собой разные кавказские народы, дабы они ослабляли свои силы, оставляя больше нас в покое» (32).

Попытки объединить раздробленные, раздираемые внутренними междоусобицами нахчийские (чечено-ингушские) общества в одно це-

лое предпринимались не раз. Старался это сделать и Берс-Шейх Курчалойский, и Шейх Мансур (Ушурма) из Алдов – первый Имам народов Северного Кавказа, умерший в тюремной камере Шлиссельбургской крепости в Санкт-Петербурге, и Бейбулат Таймиев из Чечен-Аула, названный великим русским поэтом А.С. Пушкиным «грозою Кавказа», и друг Бейбулата, старшина селения Яндырка орстхоевец Джамбулат Цечоев, предательски убитый по наущению генерала Ермолова.

Идею единства чеченцев и ингушей проводил и Кунта-Хаджи Кишиев из Илисхан-Юрта, в результате миссионерской деятельности которого абсолютное большинство ингушей-язычников приняло ислам. Но активное противодействие их усилиям со стороны царской администрации не позволили народу объединиться. Воссоединение единого народа могло быть достигнуто и позже, если бы была поддержана идея настоящих нахчийских патриотов, ученых-лингвистов Заурбека и Дошлуко Мальсаговых, а также писателей и общественных деятелей Халида Ошаева, Магомеда Мамакаева, предложивших в 30-е годы прошлого века выработать и поэтапно ввести для чеченцев и ингушей единый литературный язык. Но это предложение не было реализовано в связи с начавшейся в республике кампанией по борьбе с буржуазным национализмом.

«Позднее, первыми выселившись на равнину, они в течение веков распространили свой этноним «нохчи» (от нахского слова «нах» – «народ, люди») на ряд аланских горных обществ, располагавшихся в горной полосе от территории горной Ингушетии до реки Аргун. Близость диалектов обществ горной полосы Чечни от Ингушетии до реки Аргун к ингушскому языку отмечены исследователями. В ингушском фольклоре также сохранились сведения о происхождении некоторых чеченских родов от ингушских родов», – пишет Н. Кодзоев (112, с. 126).

Не знаю, как вы, но мы ничего не поняли. Если, как пишет автор, «первыми выселившись на равнину, они (имеются в виду чеченцы. – Авт.) в течение веков распространили свой этноним «нохчи» на ряд аланских горных обществ», то кем, как не чеченцами, они были в горах до своего выселения на равнину? Если «нохчи» выселились из своих гор, то как там могли оказаться какие-то «аланские горные общества»? И что это за «аланские горные общества», оказавшиеся, вдруг, в самом сердце нахчийских земель? Нохчийн хIу дайна-м ца хилла?

Да, чеченцы начали выселяться с гор на равнину намного раньше ингушей, как признает это и сам Кодзоев. Но выселение не было поголовным и древние очаги «нахчи» не остались пустыми. Более того, связи между горными и равнинными чеченцами не только не прерывались,

но и поддерживались на самом высоком уровне. А распространять этноним «нахчи» на собственной территории, где жили кровнородственные общества, не было никакой необходимости. Никаких чеченских обществ, которых не было в горной части Чечни, на равнине не было. А на плоскость «нахчи» переселились во имя того, чтобы вновь, как и до монгольского нашествия, распространить этот самый этноним именно на равнинной территории. С чем они вполне и справились. А на счет «аланских горных обществ», то они на обозначенной территории могли быть только в одном случае – если эти аланские общества были чеченскими.

С чего это вдруг ингушские племена стали чеченскими? Неужели Кодзоев считает, что так просто можно навязать другому народу свое этническое самоназвание? «Распространить свой этноним» на других может только более сильный и цивилизованный народ. Это аксиома.

Окрестности озера Галанчож (Галанчож-Ами) и Галанчожской котловины явились местом сложения чеченской народности. Именно бассейн р. Гехи и озера Галанчож стали исторической прародиной современных чеченцев и одним из важнейших очагов чеченской культуры» (68).

В соответствии с преданием «Богатырь Нохче и его двенадцать сыновей», зафиксированным исследователем Пожидаевым, «этноарх Нохче предстает первопредком и чеченцев, и ингушей. Нохче назван богатырем. 12 сыновей тоже крепкие и сильные. Нохче делает такое завещание: все они должны поселиться на расстоянии одного дня пути друг от друга, чтобы они не покидали родные горы и берегли леса». Его сыновья образовали 12 обществ, которые получили названия по именам этих сыновей» (50).

«Складывание Чечни (Нохчичоь, ДегIаста, Даймохк) как страны, а также формирование собственно чеченского народа на базе нахского этномассива, – пишет Явус Ахмадов, – носило длительный многовековой характер и закончилось в основных чертах в течение XVI–XVIII веков» (11, с. 25).

В свою очередь, А.П. Берже отмечает, что «из преданий, существующих между чеченцами, известно, что народ этот вышел из гор и занял лет 200 назад плоскость Большой и Малой Чечни, до того времени необитаемые и покрытые непроходимыми дремучими лесами» (24, с. 30).

СТРУКТУРА ЧЕЧЕНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО РАССЕЛЕНИЕ

*Тайпан лам а бацахь, ломахь
бЮв а яцахь, Наихарчу яйн
тIехь цIе а яцахь – нохчий вац!*
Нохчийн алар

Известный чеченский писатель и этнограф Магомед Мамакаев в своей работе «Чеченский тайп в период его разложения» называет 9 фратрий (тукхумов) чеченского народа – нохчмахкахой, чIаьнтий, орстхой, аьккхий, шарой, мялхий, шотой, тIерлой, чIебарлой и 135 тайпов, входящих в структуру чеченского общества. Тайпы в свою очередь делятся на «гары», «гары» – на «некый», «некый» – на «цIа», «цIа» – на «довзал» (136, с. 15–19).

Чеченский тукхум – это военно-экономический союз различных тайпов, как правило, не связанных кровным родством, объединившихся для решения вопросов защиты от внешнего врага и совместного ведения хозяйственной жизни. «Когда чеченцы хотят подчеркнуть отсутствие родства у какого-нибудь человека, то обычно говорят: «Цу стеган тайпа а, тукхам а дац» (у этого человека нет ни рода, ни племени)» (136, с. 20).

По мнению М. Мамакаева, в каждый тукхум входило по несколько тайпов. В **Аьккхий** входили: Барчахой, Жевой, ЗЮгой, Ноккхой, Пхьарчой, Пхьарчахой и Ваьппий. В **Маьлхий**: БIаьстий, БIенастхой, Италчхой, Камалхой, Кхоратхой, КIеганхой, Меший, Саканхой, Тератхой, ЧIархой, Эрхой и Iамхой. В **Нохчмахкахой**: БелгIатой, Беной, Билтой, Гендаргеной, ГIордалой, Гуной, Зандакхой, ИхIирхой, Ишхой, Курчалой, Сесанхой, Чермой, ЦIонтарой, Чартой, ЭгIашбатой, Энакхаллой, Энганой, Шуоной, Ялхой и Iаларой. В **тIерлой**: Никъарой, Оьшний, Шуьндий, Элтпхьархой и другие. В **чIаьнтий**: Борзой, БугIарой, Хилдехъарой, Доьрахой, Кхуокхадой, Хъачарой и Тумсой. В **чIебарлой**: ДIай, Макажой, Садой, Сандахой, Сиккхой и Сирхой. В **Шарой**: Кинхой, Ригахой, Хой, Хъакмадой и Шикъарой. В **Шуотой**: Варандой, Вашандарой, ГIаттой, Келой, Маршой, Нижалой, Нихалой, Пхьамтой, Саьттой и Хъаккой. В **Эрштхой** (Орстхой): Галай, ГIандалой, ГIарчой, Мержой, Мужахой и ЦIечой. Кроме того, по Мамакаеву, были тайпы,

которые не входили ни в какие из вышеперечисленных тукхумов. Например, МІайстой, Пешхой.

Вся эта схема, конечно, еще не до конца выстроена, в ней много неточностей, за ее рамками осталось еще много тайпов, но в целом отражает тукхумно-тайповую систему чеченского общества, сложившуюся к началу XX века.

«В каждом тейпе можно встретить людей, которые могут перечислить поименно до 20–30 своих прямых предков и обыкновенно эти предки по восходящей линии на том или ином колене у лиц одного тейпа сходятся в общего предка с другими тейпами» (164, с. 4). Каждый чеченец, чтобы доказать исконность своего чеченского происхождения, должен был назвать имена не менее семи своих прямых предков. Не просто назвать, а рассказать об их конкретных деяниях.

Как мы писали выше, «нахчий»/«нохчий», в отличие от «гІалгІай», – не отдельный тайп или общество. Это собирательный этноним всех нахчийских (вайнахских) обществ, вышедших из колыбели чеченского (нахчийского) народа – Нашха (Нахша), которая включала в себя всю горную часть современной Чечни и части Ингушетии. Каждый из этих тайпов имел свои тайповое село, гору, тайповый таыптар (летопись) и другие идентификационные атрибуты. Чеченцы говорят: «Тайпан лам а бацахь, ломахь бІов а яцахь, Нашхарчу яйн тІехь цІе а яцахь – нахчи вац!» (Если у тебя нет тайповой горы, нет в горах своей башни и если твое имя не написано на Нашхинском Котле, то ты не чеченец!). Таким образом, все нахчийские общества объединялись одним этнонимом «нахчий», тогда как каждый «нахчий»/«нашхий» имел свое общество (нохчмахкахо, аьккхий, маьлхий, и т. д.) и свой род (беной, пхьарчой, бІаьстий).

А этноним «гІалгІай» – всего лишь название одного из западных нахчийских обществ, наряду с цхьорой, джейрахой. Исходя из этого, вполне закономерно, что все нахские общества, кроме бацбийцев, называются производным от «нахи» этнонимом «нахчий» (нашхий). Это абсолютно естественно и логично, так как в этнониме «нахчий» звучит, пронесенный через тысячелетия и сохраненный для наших потомков только в названии чеченцев, священный для каждого из нас коренной идентификационный код – «нах» – «люди», от которого образовалось имя страны нахов – Нахийчоь/Нахчийчоь (Страна нахов). Берже в одной из своих работ так и пишет об этом: «Сами чеченцы себя называют Нахче, т. е. «народ», и это, как мы сказали выше, относится для всего народа, говорящего на чеченском языке и его наречиях» (24, с. 31).

А то, что русские, впервые столкнувшись с различными нахчийскими обществами на Кавказе, называли каждое из них по названию насе-

ленных пунктов, где они проживали: Чеча (большой населенный пункт, бывший в пределах центральной части современного г. Грозного. Не путать с Чечана, образованного у входа в Ханкальское ущелье после уничтожения Чеча русскими войсками) – чеченцы, местность Карабулак (черный родник) – карабулаки, Ангушт – ингуши или по тому, как называло себя каждое общество в отдельности (аьккхий – ококи, шотой – шубути, ч'ебарлой – чарбили, пешхой – пшехойцы, галай – галашевцы) – совсем не отменяет принадлежности всех этих обществ, с одним языком, традициями и культурой, к единому нахскому народу «нахчий». Как бы нас кто не называл, мы-то знаем, кто мы такие.

Вот что сообщает Б. Далгат об образовании различных нахчийских обществ: «Ичкеринское общество основал выходец из Нашаха Молкх, из рода Нахчуо; он дал обществу свое имя – Нохчий-Молкх, устроил его, первым ввел меру локтем.

Ауховское общество основали несколько фамилий из Аккинского общества у гор Салатавии на р. Акташ.

Акинец Арштхо поселился на плоскости у реки, впадающей в р. Мартан (имеется в виду река Фортанга. – Авт.) – приток Сунжи, и дал свое имя обществу, как и основатели прочих обществ; кумыки называли их карабулаками.

Ингушское общество было образовано выходцами из Галгаевского общества; это были семь фамилий: Бековы, Мальсаговы, Арчаковы, Костоевы, Плиевы, Сульдигиатовы и Гириатовы; они поселились на р. Ангиш или Ингиш (Ангуш), впадающей в Камбилеевку в Тарской долине, а позже переселились к р. Назрань, впадающей в Сунжу, и стали называться – Насрхой» (67, с. 60).

Обычно нахчий подразделяют на 2 больших территориальных сообщества – «ламан нах»/«ламарой» (в данное сообщество входили и западные нахчийские горные общества), «арара нах»/«чоьхъара нах» или собственно «нахчий» (вместе с чеченцами-аккинцами Республики Дагестан). Иногда к этим двум присоединяют еще одно нахчийское территориальное сообщество, образовавшееся позднее – «теркйистера нах»/«теркахой».

Всех нахчий, живущих на плоскости южнее Терского и Сунженского хребтов до Черных гор, теркахой до сих пор называют «чоьхъара нах»/чуьра нах («внутренние нахи»), также называют их и «ламарой». Так, со слов «информатора Маты Эдельханова, 1897 года рождения, из селения Дарго, равнинных чеченцев их сородичи в горах называли в прошлом «чоьхъара нах», от «чоь» – «внутренняя»(!) часть Чечни» (237, с. 168). «Жители Сунженской (Чеченской) равнины, – пишет

И. Джандаров, – в чеченской традиции названы «чоьхъара нах», то есть «люди внутренней области». Таким образом, обширные равнинные районы, прилегающие к горам, в чеченском сознании уже давно и прочно закрепились именно как внутренние области Чечни, а не пограничные территории» (82, с. 5).

Именно по линии этих сообществ отдельные недоброжелатели иногда пытаются разделить и противопоставить нахчийский народ. Но дело в том, что это было, как мы отмечали, вовсе не этническое, а чисто территориально-географическое деление. «Ламарой» (ламан нах – горные нахи) – это нахчий, проживающие в высокогорье. «Арара нах» или «чоьхъара нах» (равнинные нахи, внутренние нахи) – те же нахчий, живущие в предгорьях и плоскостных городах и селах, вплоть до Терского и Сунженского хребтов. А «теркахой» или «теркийстера нах» (притеречные нахи) – те из нахчий, кто живет в притеречье, за Терским и Сунженским хребтами.

Все «арара нах» и «теркахой» являются выходцами из горных нахчийских (вайнахских) обществ, которые, в большинстве своем, вплоть до сегодняшнего дня, сохранили связи со своими однотайповцами в горах. Не зря чеченцы говорят – «ша волу нахчи – лам чуьра схьаваьлла ву». Так что, такое противопоставление у наших недоброжелателей, как правило, не имеет успеха.

К примеру, выходцы из чисто «ламароевских» тайпов Чинхой, пешхой, зумсой, Тлерлой, нашхой, дишний, Члаьнтий, кей, аьккхий, галай, шарой и т. д., проживающие в г. Урус-Мартан, называются не «ламарой», а «чоьхъара нах» (нахчий). Представители тех же ламароевских тайпов: кей, дишний, аьккхий, нашхой, пешхой, Чинхой, а так же нах-чмахкахоевцы (чоьхъара нах) зандакьой, Глордалой, энганой, чартой, живущие в Толстов-Юрте или в Кень-Юрте, называются ни «ламарой» и ни «чоьхъара нах», а «теркахой».

Одним словом, «ламарой», «чоьхъара нах» и «теркахой» являются представителями одних и тех же нахчийских обществ, как продолжающих до сих пор жить в горах, так и в силу разных причин мигрировавших на Чеченскую равнину, а затем и в Притеречье. Члаьнтийцев, например, чисто по месту их проживания, одновременно относят и к «ламарой» (если они до сих пор живут в горах Итум-Калинского района), и к «чоьхъара нах» (если они живут, например, в г. Урус-Мартан), и к «теркахой» (если они проживают в с. Гални – Члаьнтий-Юрт Надтеречного района). Та же самая схема прослеживается и в отношении других чеченских тайпов, проживающих в различных регионах Чечни, кроме некоторых из них, образовавшихся уже непосредственно на пло-

скости, путем отпочкования от основных тайпов. Таким образом, «ламарой», «чоьхъара нах», «теркахой» являются не этническими, а чисто территориальными образованиями единого нахчийского этноса.

Башир Далгат считает, что «тайпы возникли в горах, хотя и на плоскости возникали новые тайпы из выходцев из гор, но мне неизвестны случаи, чтобы эти новые тайпы окончательно забыли, что они – члены одной общей тайпы, жившей некогда в горах неразрывно, вместе» (67, с. 87).

Таким образом, все чеченские тайпы вышли из гор (это не значит, что они испокон веков только там и жили). Представители самых что ни на есть «ламаройских» обществ, переселившись на равнину и прожив там определенное время, переходили из категории «ламарой» в категорию «арара нах» или «теркахой». Так, например, нашхойцы, кей, терлойцы, нихалойцы, чIинхойцы, пешхойцы, зумсойцы, пхъамтойцы, варадойцы, чIаантийцы, издавна живущие на плоскости, называют своих одготайповцев, живущих в родовых горных селах – «ламарой», а самих себя считают представителями «арара нах» («чоьхъара нах» – нахчий).

Среди чеченцев бытует одна притча о двух братьях-ламаройцах, решивших переселиться с гор на равнину. По дороге к новому месту жительства на плоскости, старший брат попросил младшего, чтобы он вернулся обратно и принес забытую ими какую-то вещь. Младший брат, вопреки строгому этикету, категорически отказался это сделать, заявив, что старший брат в этом случае доберется до места назначения первым, и его, как прибывшего на равнину после него, будет называть «ламаро».

«Арара/чоьхъара нах» (плоскостные чеченцы), как подавляющее большинство вайнахского народа, состоящее из представителей всех коренных нахчийских (вайнахских) обществ, выселившихся с гор и первыми освоивших равнину, назвали древним собирательным для всех нахских обществ этнонимом «нахчий», который состоит из двух слов «нах» – «люди» и «чоь» – «место, находящееся внутри чего-то», что буквально означает «чоьхъара нах» – «внутренние нахи».

Одними из главных факторов, активизировавших процесс консолидации нахчийских обществ в один народ, как уже отмечалось, явились: миграция нахчийских обществ с гор на равнину; переход к формированию больших населенных пунктов на плоскости не по одготайповому, а по многотайповому принципу; интенсивное развитие различных мелких производств, связанных с земледелием и животноводством; принятие и укрепление ислама; зарождение письменности на арабской основе.

Говоря о причинах переселения с гор на равнину, первый чеченский этнограф У. Лаудаев писал: «К переселению побуждало чеченцев много естественных причин: ичкеринцы и шатоевцы размножились так, что им невозможно было существовать в горах, кормить овец и скот, когда как обширная, привольная и девственная плоскость была как нельзя более удобна для скотоводства» (125, с. 84).

Условия жизни на равнине в корне отличались от условий проживания в горах. Без совместных действий и единства всех обществ удержаться на плоскости, отвоеванной у кабардинских, кумыкских и ногайских князей, не было возможности. В силу этих и ряда других причин, из выселившихся с гор на равнину разобщенных нахчийских обществ началось складывание единого чеченского народа.

Б.К. Далгат пишет: «Общего племенного названия чеченские фамилии не имели не только в горах, но даже и в Ичкерии, где отчужденность родов ослабела и возникла общественная, общенародная жизнь, где народ размножился и сплотился, приобретши силу вовне и организовавшись несколько внутри (народный суд, возникновение аулов более значительных и т. п.). Все-таки, общего племенного названия еще нет, пока с уходом русских за Терек в начале XVIII столетия чеченцы не заселили самую плоскость Чечни; с тех пор частые столкновения с чуждыми народами еще более сплотили чеченцев и они стали называть себя «нахчой»... Это название мало-помалу распространилось и на горных обитателей Чечни, и даже шатоевцы и назрановцы стали говорить друг другу: «мы общие братья, мы одинаковые нахчой» (67, с. 57).

«В среде выходцев из различных тейпов и тукхумов, укрепляется осознание этнического единства, что нашло отражение в распространении этнонима «нахчий», как покрывающего одновременно все диалекты и все тейпы. Переселившиеся из Нашха на восток в Ичкерию нахи положили основание новым тейпам, которые объединились в новый и самый молодой чеченский тукхум – Нахчмахк», – считает И. Сигаури.

«В чеченских преданиях сохранились имена нахчий первыми выселившимися на плоскость. Это Цвантуро Меэtti, Гордало Эльгукко, Хорачо Уэзи. Они являются первопроходцами в деле освоения равнинных земель» (50).

Как утверждает Ш. Ахмадов, еще в XIV веке чеченцы активно начали заселять берега Терека и Сунжи. Одновременно они осваивают Терско-Сулакское междуречье (12, с. 34).

«Выселение чеченцев на плоскость началось во всяком случае не позже начала XVI столетия, а в предгорья, конечно, еще раньше этого времени. (...) Выселение это не закончилось даже и теперь, но ко вре-

мени вытеснения казаков чеченцами за Терек в 1711 году можно отнести период окончательного утверждения чеченцев на плоскости», – утверждает Б. Далгат (67, с. 49).

«Общим культурным центром абсолютно для всех вновь спускавшихся на плоскость нахов, – сообщает Д. Сулейманов, – являлся район Грозненского хребта и двух святых гор Сюйр-корт (Суййра-корта). В то время, вероятно, ещё свежи были воспоминания в народной памяти о месте расположения их древней столицы Маас, в районе современно-го Алхан-Калинского городища. Роль административно-политического центра выполняло крупное поселение Нана-Чечана (Большой Чечен), хотя в разные времена он переносился в другие места из-за нестабильной военно-политической обстановки» (200).

По мнению Я. Ахмадов, «носители самых крупных диалектов – нохчамакхайского и итум-калинского (в лице носителей шатойского говора) – первыми освоили плоскостные районы по Сунже и Тереку» (11, с. 117).

«Нынешние ауховцы, поселившиеся в долинах рек Ярык-су и Акташа, по преданиям их, выселились из горного общества Акки-лам, и с тех пор сменилось 14 поколений» (197, с. 267).

На протяжении всего XVIII века чеченское население Терско-Сулакского междуречья пополнялось за счет ичкеринцев, карабулаков и лам-аккинцев (97, с. 239). Говоря о заселении этих земель чеченцами, профессор П.И. Ковалевский писал, что они «... мало-помалу стали спускаться с гор и постепенно занимать под свои аулы Кумыкскую площадь. Так образовался целый ряд аулов от Качкалыковского хребта и чуть ли не до Кизляра по Тереку, образуя Качкалыковскую Чечню» (109, с. 204).

Говоря о влиянии чеченцев в Аухе и во всем Терско-Сулакском междуречье, то Потто пишет, что «ни один из князей кумыкских... не смел выезжать, не будучи сопровождаем чеченцем» (156, с. 11).

«Переселение на плоскость имело для горцев прогрессивное значение, это позволило им не только избавиться от малоземелья, но и в определенной мере разрушить старые патриархальные отношения, сковавшие социально-экономическое развитие общества» (39, с. 123).

Это же подтверждает Шахруддин Гапуров с соавторами: «Исключительно важную роль в этнической консолидации чеченцев, в разви-

тии производительных сил, общественно-экономических отношений сыграл процесс переселения их с гор на равнину и расселения в бассейнах рек Терека, Сунжи и Аргуна!» (58, с. 20).

«Активное освоение вайнахами (больше всего чеченцами) плоскостных, равнинных земель способствовало резкому оживлению хозяйства и торговли, созданию многочисленных крупных аулов, населенных выходцами из разных тайпов, большей частью выселившихся из различных районов горной полосы края. В итоге именно этих событий формировались чеченская и ингушская народности» (176, с. 21).

Значительную роль в истории нахчийцев сыграли нахчмахкахойцы. Одними из первых выселившись из Нашхи, они составили «основное ядро чеченцев, которые «первыми поселились и в районах Аксая, Мичига и вдоль реки Терека» (136, с. 19).

Вот что пишет по этому поводу Явус Ахмадов: «По меткому замечанию автора первой трети XIX века Р.Ф. Розена, «ичкеринцы дали начало всем чеченцам, поселенным по Сунже и другим рекам на равнинах». Так, начиная с середины XVII века ичкеринцы-мичкизовцы служат основной силой заселявшей Сунжу и низовья Аргуна, берега Аксая, Ямансу и Ярыксу (сел. Ишхой-Юрт, Замай-Юрт, Тухчар и др.), а в XVIII веке Притеречье, нижнюю часть реки Мичига, Качкалыковский хребет и западную часть Кумыкской плоскости. Поэтому этноним «нахчой/нохчий» стал нарицательным, обозначая все нахское население плоскости» (11, с. 165).

«Ичкерия, главное Чеченское общество, считается ядром и рассадником всех Чеченцев, откуда все они первоначально вышли. Ичкеринцы занимают земли выше Ауховцев на рр. Аксай, Яман-су и Ярык-су; Акинцы в верховьях реки Гехи, Пшехой; в верховьях Чанти и Шаро Аргуна обитают шубузты или Шатой и Шаро; и Чабирли к востоку от Аргунского ущелья» (98, с. 132).

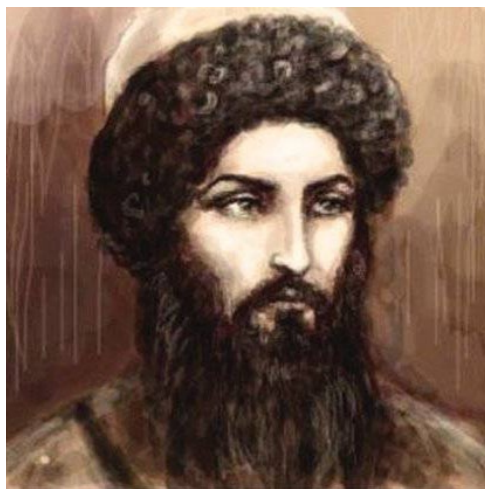
Аркадий Гольдштейн в своей книге «Башни в горах» пишет: «Ичкерия, когда-то один из самых главных районов сопротивления царским войскам, а теперь одна из наиболее густонаселенных областей Чечено-Ингушетии. (...) Чеченцы заселили этот район в период последних столетий. Вряд ли эта благодатная земля была необитаемой» (64, с. 217–218).

«Таким образом, – отмечает Я. Ахмадов, – Нахч-Мохк (Ичкерия, Мичкизская земля), пожалуй, самая крупная самоуправляющаяся «землица» Чечни в течение XVI–XVII вв. наращивает свой политический и хозяйственный потенциал на Северо-Восточном Кавказе, а затем, в течение второй половины XVII–XVIII вв. «растрачивает» демографиче-

ские силы в процессе реконкисты на плоскость в западном, северном и северо-восточном направлениях, заложив, по существу, основу нового облика страны и его этнического лица» (11, с. 167).

Чеченские предания говорят, что ислам в Ичкерии, в основном, был принят еще в начале XVI века. Относительно раннее принятие ичкерийцами мусульманства способствовало невиданной консолидации разрозненных нахчийских обществ вокруг нахчмакхакоевцев.

Ахмадов Я. считает, что «огромное влияние на духовную культуру чеченцев XVI-XVII веков оказало принятие великой монотеистической религии – ислама. Первые следы ислама в Чечне обнаруживаются в VII веке, с началом арабских завоеваний, а с конца XIV века, когда в Золотой Орде и соседнем Дагестане мусульманство получило распространение и утверждение, оно начинает свое реальное распространение в Чечне. (...) Так, в XVI веке можно говорить о полной исламизации плоскостных селений восточной части края. С конца XVI в. вплоть до середины, а отчасти и со второй половины XVII в., наблюдается проникновение ислама и в горные районы страны. (...) Однако в XVIII в. отдельные высокогорные чеченские общества, прилегающие к Грузии, продолжали следовать языческим обычаям» (99, с. 150–151).

«Движение шейха Имама Мансура в его национально-освободительном и религиозном формате своеобразно завершает и оформляет развитие чеченского народа в единую нацию и единую страну в своеобразных условиях горского мира» (11, с. 255–256).

«По народному преданию, – пишет Н. Дубровин, – богатая плоскость, простирающаяся от реки Сунжи до северного склона Дагестанских гор, лет двести тому назад представляла вид дремучего непроходимого леса, где рыскали одни дикие звери, не встречавшие нигде человеческого присутствия... Не так давно старики туземцы рассказывали, что чеченский народ вышел из Ичкеринских гор века два с четвертью тому назад и занял сначала долины, орошаемые реками Сунжею, Шавдоном (Ассой. – Авт.) и Аргуном, а потом, мало-помалу, занял и всю плоскость Большой и Малой Чечни» (86, с. 369).

А вот Башир Далгат пишет, что выселение чеченцев произошло раньше. Вот как он комментирует высказывание Дубровина: «Дубровин, Потто и др., вслед за Бартоломеем и Берже, говорят, что чеченцы выселились на плоскость около 200 лет тому назад. Но я утверждаю, что 200 лет нужно считать временем окончательного утверждения чеченцев на плоскости; начало же выселения хуторами было несравненно ранее этого времени» (67, с. 49).

Чеченские предания гласят о том, что первые поселенцы на плоскости, в силу своей малочисленности, были вынуждены арендовать равнинные земли у кабардинских и кумыкских князей, владевших этими землями после нашествия Тимура. За пользование земель они вынуждены были платить им определенную подать. Но с ростом численности своей общины на равнине, чеченцы отказывались от выплаты каких-либо платежей, а затем и изгоняли их с земель своих предков.

Накануне экспансии царской России на Кавказ, нахчий практически уже стояли в преддверии зарождения (восстановления) первичных форм государственности. Так, профессор С. К. Бушуев пришел к выводу, что «в ряде мест Чечни к началу завоевания ее царизмом уже складывались типичные для феодализма повинности (подати, ясак), устанавливались различные формы личной зависимости узденей, часть которых уже стала безземельной, от родовой знати, становившейся личными владельцами земли, т. е. феодалами» (33, с. 20). «К концу XVIII – началу XIX века в Чечне были налицо все признаки складывающегося классового, феодального общества» (58, с. 40).

Броневский также отмечал «более высокий уровень общественного развития у плоскостных чеченцев, нежели у горных». Он впервые среди ученых указал, что часть равнинных чеченцев знает в своем общественном строе феодализм, тогда как у горных чеченцев он признал родовой строй (29, с. 39).

Эволюционный процесс формирования единого нахчийского народа из нескольких десятков родственных обществ был прерван вторжением царской России на Кавказ. Несколько западных нахчийских (вайнахских) обществ, выделившихся затем из единого этномассива в самостоятельный ингушский народ, к этому времени все еще оставались запертыми в горах (малочисленность, исповедование язычества), что, по большому счету, и предопределило их окончательное обособление от своих соплеменников.

Если бы западные нахчийские (ингушские) общества не запоздали с принятием ислама (а принятие ими мусульманства был только вопросом ближайшего времени) и выселением на равнину, и не затея-

ли сепаратные игры с принятием российского подданства (в то время, как остальные нахчий на протяжении десятилетий сражались за свою свободу с Российской империей), то, без всякого сомнения, мы бы не говорили сегодня о чеченцах и ингушах, как о разных народах. Но случилось то, что случилось. Как говорится, история не знает сослагательных наклонений.

Большинство исследователей отмечают практически поголовное удаление нахчий в горы после нашествия монголо-татар на Северный Кавказ в начале XIII века, а затем и опустошительных походов Тимура Хромого в конце XIV века. Но есть ученые, которые не согласны с такой трактовкой событий. Известный археолог Майрбек Ошаев, тщательно исследовав Гудермесское городище, делает такой вывод: «Судя по собранному материалу, оно (городище. – Авт.), несомненно, пережило бурный XIII век, татаро-монгольское завоевание и существовало вплоть до конца XIV века. Это лишний аргумент против утверждения о том, что после татаро-монгольского нашествия вайнахские племена поголовно покинули свои насиженные места на плоскости и на целые века удалились в горы... Гудермесское городище свидетельствует, что вайнахи и во времена татаро-монгольского владычества продолжали на плоскости свою полнокровную жизнь и интенсивную хозяйственную деятельность» (167).

А вот что пишет об этом видный чеченский ученый Якуб Вагапов: «Согласно традиционной сарматологии, нахские племена, по меньшей мере, с V века д.н.э. до XV–XVI вв. н. э. обитали в горах, а предгорья и равнина Чечено-Ингушетии находились во власти скифо-сарматских племён. Это утверждение находится в непримиримом противоречии с удивительным единством вайнахского языка... Ведь жизнь в горных ущельях в течение времени около двух тысяч лет непременно привела бы к очень сильному расхождению, обособлению территориальных диалектов. Эти дивергентные процессы в диалектах горных ущелий могли тормозиться в столь эффективной степени только мощным влиянием конвергентных тенденций, исходящих от вайнахов, обитавших на равнине» (36, с. 172).

Если бы это было не так, то у нас было бы множество языков, а не относительно небольшие диалектные различия в целом одного языка, который был распространен на довольно-таки большом пространстве от прикаспийского Терско-Сулакского междуречья вплоть до Осетии и Кабарды.

Ряд ученых предполагает, что местное население сначала бежало в горы, но, через некоторое время, часть из них вернулась на плоскость.

Так, чеченский историк Хажи Хизриев, ссылаясь на своего коллегу Федорова-Давыдова Г.А., пишет: «С образованием Золотой Орды, куда входила и плоскостная часть Северного Кавказа, коренное население постепенно стало возвращаться на родные пепелища и упорным трудом восстанавливать свое хозяйство. Плоскостные жители подпали под налоговый пресс монгольских ханов, которые содержали огромное пограничное войско и бюрократический аппарат управления» (216, с. 29).

Еще несколько слов о границах расселения нахчийских племен.

Как отмечает Е. Максимов, «чеченцы – самая многочисленная народность Северного Кавказа. (...) И сами по себе чеченцы, без ингушей, многочисленной всех своих туземных соседей и занимают своими поселениями довольно значительную площадь» (128, с. 7).

«Горские народы, населяющие все пространство от Терека до Андийского хребта и Сулака, принадлежат к двум главным племенам: Татарскому (Тюркскому) и Чеченскому (Мычкиз Нашхой) ... К Татарскому племени относятся собственно кумыки, ... также покорные нам Татарского племени, Аксаевские Костековские Нагайцы... К второму и самому многочисленному племени (Чеченскому) принадлежат все остальные народы в описываемом нами пространстве. Некоторые из них покорны, другие находятся во враждебном отношении» (44, с. 131).

Явус Ахмадов пишет: «Следует отметить, что некоторые исследователи и наблюдатели конца XVIII – начала XIX веков расширяли этническую территорию Чечни до левого берега Терека в верхнем течении, включая в нее и западнахские общества – Джейрах, Мецхал, Чулхой, Цори, Галгай, Ангушт, Назрань (жители которых в конце XVIII – XIX веков слагаются в ингушскую народность на базе двух последних крупных плоскостных обществ. Это обстоятельство в какой-то степени отражало центростремительные консолидационные процессы, когда более крупный этнос вбирает в себя пограничные диалектные единицы)» (11, с. 45).

«Граница области, населенной мычкизами (чеченцами. – Авт.), – отмечает Бларамберг, – на западе проходит по верхнему течению Терека, на севере – по Малой Кабарде и Сунже, на юге граничит с Кавказскими горами» (26, с. 325).

«Все чеченское племя заняло горную полосу Северного Кавказа от самых снежных гор Передового хребта до равнины и часть плоскости между рр. Терек и Сулаком, гранича с севера с осетинами, казаками, кабардинцами и кумыками; с юга – с грузинскими племенами (пшавы, хевсуры, тушины); с востока – с лезгинскими племенами, и с запада – с осетинами и казаками» (67, с. 42).

В таких же пределах определяет границы Чечни и военный историк В. Потто: «Чечнею называется обширная страна, расположенная в неопределенных границах, которые приблизительно совпадают: на севере – с Терекон и Качкалыковским горным кряжем, отделяющим ее от Кумыкской степи; на востоке – с рекою Акташем, за которою начинается уже собственно Дагестан; на юге – с Андийским и Главным Кавказским хребтами и на западе – с верхним течением Терека и Малою Кабардою, представляющей собою по населению уже получеченский, полукабардинский край» (173, с. 61).

О том, что местность, «закрывающаяся между Осетией и Кумыкскою плоскостью, населена многочисленным племенем кавказских горцев, говорящих одним языком, называющимся чеченским» и что «в состав этого племени входят общества бывших округов: Ауховского, Ичкеринского, Аргунского, Чеченского и Назрановского», утверждает и Берге.

По мнению Я. Ахмадова, «политические границы Чечни к концу XVIII века, по сравнению с XVI – XVII веками, расширились значительно. Сложившаяся к тому времени обстановка вокруг страны – ослабление феодальных соседей, успешное сопротивление горцев натиску Российской империи, военная мощь и экономическая самостоятельность вывели Чечню в ведущую политическую силу на Северо-Восточном Кавказе. (...) С другой стороны, в конце XVIII века, чеченские военно-политические объединения распространяют в определенной мере свое политическое влияние на запад до так называемой Осетинской равнины, западных оконечностей Сунженского и Терского хребтов, до правобережья реки Курп (приток Терека). Так русская крепость Владикавказ была построена в 1784 году на «границе» поселения ингушей и осетин под формальным предложом их защиты от «чеченских набегов» (11, с. 45).

«Численность чеченцев по данным конца XVIII в. колебалась в пределах 150–180 тысяч, а ингушей – 12–15 тысяч» (11, с. 114).

Благоприятные географические и климатические условия оказывали «определенное влияние на развитие чеченского общества, во многом определяя своеобразие и темпы его исторического развития. Ведь ясно, что страна с обширной территорией, плодородными землями, большими запасами полезных ископаемых, благоприятным климатическим режимом обладает большими и лучшими возможностями для своего развития, нежели страна, лишенная этого. Географическая среда, как известно, может как ускорять, так и замедлять развитие того или иного общества» (105, с. 75).

«Однако, масса людей, проживающая на единой географической территории и говорящая на одном языке, не обязательно может составить «нацию» – народ с национальным самосознанием и определенной степенью организованного управления. Нацию создают века общей истории, общая религия, идеология, наличие государства» (11).

В зону чеченской колонизации в начале XIX века входила и территория современного Малгобекского района, считавшаяся тогда частью Малой Кабарды. Во второй половине XVIII века на этих землях возникло чеченское селение Пседах (Доблак-Юрт), несколько позднее чеченцами же были образованы аулы Кожаков и Мизи-Юрт. Поселения чеченцев появились также и северо-восточнее современного города Малгобек (48, с. 209, 225).

«В начале 40-х гг. недалеко от Пседаха, на его же аульном наделе, несмотря на протесты пседахинцев, поселили ингушей, основавших селение Кескем. Несколько позже, в 1847 году, здесь же возникли еще два хутора назрановских ингушей. В 1848 году в Малой Кабарде, кроме собственно кабардинцев, было 166 дворов чеченцев (1,4 тысяч человек), 104 ингушских и 64 кумыкских двора» (156, с. 14).

«В 1810 году в Яндырке было 80 домов, взрослых мужчин – 100, по национальности чеченцы, карабулаки и ингуши» (95, с. 469).

На рубеже XVIII–XIX веков чеченцы становятся одним из самых сильных народов Северного Кавказа. «С 20-х – 30-х годов XVIII века чеченцы перестают быть народом «страдальным, униженным», а делаются народом «действующим» (182, с. 76).

«Быстро возрастающее народонаселение, благосостояние Чечни и упадок воинственности у соседей дали чеченцам превосходство над ними», – пишет Н. Дубровин (86, с. 371).

Как считает Б. Далгат, «все общественные движения начинались в Большой и Малой Чечне; горцы же только следовали за ними. Исключая назрановцев (наسر-хой) – язычников-христиан, весь остальной чеченский народ, объединенный единством языка, религии, общим племенным названием и убеждением о происхождении от общего родоначальника, а также общностью политических интересов, с половины XVIII столетия становится постоянным, упорным защитником самобытности и непокорным, беспокойным соседом русских, пока сто с лишним лет спустя не был окончательно сломлен царскими полчищами» (67, с. 58).

«Они (чеченцы. – Авт.), – продолжает Далгат, – будучи сначала слабым народом, подчинялись кумыкским князьям, платили ясак аварскому хану, боялись казаков, часто совершавших на них нападения и

угонявших стада; но впоследствии, усилившись и основавшись большими аулами на плоскости, они далеко отбросили своих соседей, сделались полными хозяевами края от Сунжи до Акташа и, став угрозой соседям, восклицали: «Боже! Есть ли на свете кто-либо, кроме нас!?» (67, с. 76).

«В новый XIX век чеченцы вступают, говоря словами документов, «сильнейшим» народом Кавказа, гордым своим прошлым, претендующим на роль предводителя всех горских народов. Этноним «чеченцы», как когда-то «черкесы», становится нарицательным и собирательным» (222, с. 142).

«Будучи по численности вторым, после грузин, народом среди родственных им народностей Кавказа, чеченцы всегда находились в гуще тех политических событий, которыми была так богата кавказская история, и не раз случалось так, что именно от них зависела судьба этого решения» (221, с. 10–11).

«На плоскости же земледелие начинает для чеченцев становиться главным источником существования, тогда как в горах вся надежда их была на скотоводство; вскоре соха заменяется у них плугом (от русских), народ окреп и политически, улучшилось и его материальное благосостояние. Соседи почувствовали к чеченцам полное уважение, не смея тревожить их; только от одних русских они получали отпор» (67, с. 58).

А вот что считает по этому поводу А. Берже: «Чеченцам не давала покою врожденная им страсть к удовольствию; они стали делать набеги на соседей: к Кумыкам за Мичик, в Малую Кабарду за Сунжу и за Терек, – словом, стали грозой других племен, забирая везде добычу и пленных. Это развило в Чеченцах гордость, жажду крови и ненасытную алчность; они стали смотреть на соседние племена с презрением. Не в это ли время своей необузданной и соединенной деятельности Чеченцы назвали себя Нахчуй, или народ, т. е. *Le peuple par excellence*? (...) Таким образом, совершилось водворение племени Нахчууо на огромном пространстве, называемом ныне Чечнею» (25, с. 48).

«Не имея над собой власти, дикий и воинственный дух чеченцев не дает никому отчета в своих поступках. В эти именно времена вошли в народе в поговорку возгласы, ныне повторяющиеся только на пирушках, но тогда бывшие во всеобщем употреблении: свет наш, кто кроме нас на свете (дуне вай деци!)» (125, с. 87).

В XVIII веке резко возросла политическая мощь Чечни. С начала 80-х годов происходит массовое возвращение чеченцев в области

между рр. Шалажи и Фортангой, берегов Сунжи, Терека. Это была т. н. внутренняя колонизация... С середины XVIII – в первом десятилетии XIX века чеченцы вновь заселили правый берег Терека», – считает Д. Хожаев (218).

«Перед наукой стоит задача показать роль чеченцев в судьбах Кавказа, где чеченцы были серьезной и активной силой исторического процесса. Чеченцы не всегда стояли в стороне от мировой истории» (105, с. 95).

По мнению У. Лаудаева, чеченцы, приняв ислам, «делаются религиозными врагами как русских, так и язычествующих соседей своих и собратий. С этого времени начинается новый период в жизни чеченцев – они являются между горцами сильным народом» (125, с. 84).

«Став непобедимыми и полными хозяевами Чечни, тогда чеченцы перешли от полукочевого образа жизни к оседлому, построили большие аулы и селились в них по несколько фамилий вместе, чего в горах почти не бывало, за исключением разве родов, заключавших союз обороны».

Халид Ошаев в своем письме Х.-М. Мугуеву пишет: «Последнее пятнадцатилетие перед началом движения Мансура в Чечне характеризовалось тем, что чеченцы турнули со своей территории кумыцких, кабардинских, дагестанских князей, беков, ханов, занявших плоскостную территорию Чечни в период господства в Предкавказье монголо-татар, пытавшихся закабалить чеченцев и превратить их в холопые сословие» (171).

«На страницах нашей отечественной истории, – пишет Берже, – наименование чеченцы впервые встречается в 1708 году, в договоре калмыцкого Хана Аюки, заключенным... с Астраханским губернатором Петром Апраксиным. Хан принимает подданство России и обязуется преследовать чеченцев и ногайцев» (25, с. 140).

Но еще до этого у чеченцев были военные стычки с русскими. «Так, известно, что чеченцы вместе с кумыками и ногайцами осадили Терский город в 1707 году. Это было первое серьезное столкновение русских с народом, с которым так много пришлось бороться в течение почти 150 лет... Но уже в 1711 году чеченцы были настолько опасными врагами русских, что казаки принуждены были покинуть Сунжу и поселиться на левом берегу Терека» (67, с. 8).

Как отмечает Далгат, «чеченцы, разбитые на множество родов и обществ, интересы коих часто сталкиваются, успели благодаря внешней опасности, сплотиться в один могущественный политический организм, боровшийся более ста лет за свободу свою с царской Россией. Хотя по образованию народ этот отстал от некоторых соседей, например, осетин, но у него имеются такие качества, каких нет у соседей, как например, политическая организация и племенное единство и солидарность в общенародных делах» (67, с. 140).

Ярким свидетельством возросшей силы и мощи чеченцев является разгром ими отряда Ветерани во время персидского похода Петра I в 1722 году, а также поражение 80-тысячного войска крымского хана Каплан-Гирея в сражении с чеченцами, через территорию которых хан хотел пройти в Дагестан. Потеряв значительную часть своих войск, он вынужден был отступить, а затем изменить маршрут своего похода.

И таких примеров проявления мужества и героизма в истории чеченского народа с тех далеких времен по сегодняшний день можно привести огромное множество. Для их перечисления потребуется уйма времени и много бумаги. Судьбы Кавказа определялись такими свершениями, а не «историческим» мифотворчеством и голословными утверждениями о своей избранности и значимости некоторых историков – ура-патриотов.

«Чеченцы представляют из себя богатую почву для насаждения начал свободы личности и самоуправления на истинно демократической почве при конституционном режиме, так как любовь к свободе, равенство всех и привычка к общественно-политической организации на выборном начале – являются основными чертами этого народа» (67, с. 140).

Эти же качества чеченцев отмечает и наш современник Р.А. Автандилян: «Чеченцы, как последние могикане, сумевшие хоть что-то сохранить от наследия Ариев не только в земледелии, ремеслах, строительстве (фактически всей основы нашей цивилизации от огня до колеса), но и в общественном устройстве, были поперек горла всем властителям, ибо являли для народов соблазнительный пример вольного самоуправления» (3).

ФОРМИРОВАНИЕ ИНГУШСКОГО НАРОДА

*ГалгIай хьабаьннаб лоаман Нохчийче
Органан лакхагIа долча Гайши чIожар.*

И. Дахкильгов

Вся история ингушского народа, сложившегося из нескольких западных нахчийских (вайнахских) обществ, до вхождения его в подданство России в 1810 году – это часть истории единого вайнахского народа, состоящего из союза вольных нахчийских обществ.

Так кто такие ингуши, каково их происхождение, из каких нахчийских (вайнахских) обществ они состоят и где находились места их проживания?

Вот что пишет по этому поводу исследователь П. Зубов: «Ингуши сами себя называют Ламур, т. е. горный житель, а от соседских народов называются Ингуши и Галгаевцы. Обитают в небольших аулах, расположенных на предгорьях, перерезанных возвышенными равнинами, по обоим берегам Сунжи, от самого ее истока до р. Назрана, по левому берегу р. Осай или Шадгира, от развалин древней церкви до Карабулакского аула; по обоим берегам Кумбелея, от самого ее истока в Джерахском ущелье до Елисаветинского редута, и по обоим сторонам реки Терека, от Владикавказской крепости до впадения в Терек р. Пог».

По мнению известного чеченского историка Далхана Хожаева, «основу ингушской народности составили выходцы из горных обществ ГалгIай (кхаькхаллой), цхьорой и фаяппий (джейрахомецхалцы), по русским источникам ближние кисты, имевшие общее самоназвание «ГалгIай» и «ломурой» (89).

«Если кому случалось жить на Северном Кавказе, в Терской области, тот, вероятно, слышал, что близ г. Владикавказа, в верхней части бассейна р. Сунжа, обитает небольшое племя под именем «ингуш»; они же известны и под именем назрановцев», – пишет Н. Грабовский (188, с. 3).

Обособление западного нахчийского общества ГалгIай (кхекхаллой) и соседних с ним обществ цхьорой, джейрахой (мецхалой) от других нахчийских (вайнахских) обществ началось, примерно, с XVIII века. Связано это было как с религиозными причинами (в отличие от подавляющего большинства вайнахских обществ, они тогда еще не

приняли ислам), так и сепаратной политикой их лидеров, поощряемых со стороны царской администрации на отделение от своих собратьев.

«Выделению части западных нахских обществ в отдельный народ во многом способствовала политика российских властей, стремившихся всеми возможными способами изолировать их от остальных чеченцев. Эта цель была достигнута после создания Сунженской Линии казачьих станиц» (194, с. 278).

Но процесс разделения единого народа и самоидентификации ингушей не завершен до сих пор, хотя ингуши имеют все атрибуты отдельного народа. Так, например, до сих пор окончательно не решен вопрос отнесения некоторых нахчийских (вайнахских) обществ к одному или к другому народу. Это очень болезненный вопрос, так как родственники, друзья и близкие у представителей этих обществ находятся и среди чеченцев, и среди ингушей, и, как говорится, резать приходится по живому.

Все это является прямым следствием искусственного разделения единого нахчийского народа. Это еще хорошо, что в конечном итоге вайнахов удалось разделить только на две части, ведь до сих пор можно наблюдать абсурдные заявления отдельных представителей некоторых крупных нахчийских обществ о своей самостоятельности и «собственном историческом пути».

Большинство исследователей связывает образование ингушской народности с выселением западных вайнахских (нахчийских) обществ на плоскость. Так, И.М. Сигаури считает, что «формирование нации невозможно без преодоления деления на отдельные сравнительно изолированные общества. Например, у чеченцев чувство национальной общности зародилось в Нашхе и окончательно победило в массовом сознании во время колонизации новых земель. Оно укрепилось еще больше в борьбе с иноземными феодалами и в огне кровопролитной Кавказской войны. Ингушское национальное самосознание зародилось в Тарской долине, где впервые начали разрушаться узкие рамки общинной психологии» (195, с. 393).

Именно, более лучшей сохранностью этой общинной психологии у ингушей, чем у чеченцев, связанной с определенным отставанием в развитии общественных отношений, и любят гордиться абадиевы и танкиевы. А чем тут гордиться? Лучшей сохранностью языческих традиций?

Складывание ингушского народа и его национального самосознания, как уже было сказано, не завершилось до сих пор. «Далеко не сразу у переселенцев могло сложиться единое национальное самосо-

знание. Чеченцы, например, вступили на этот путь как минимум лет на 200 раньше ингушей, но те же шатоевцы, по наблюдениям У. Лаудаева, и во второй половине XIX века неохотно признают себя чеченцами. Естественно также, что в жителях Тарской долины, а затем и Назрани очень долго видели (и абсолютно справедливо. – Авт.) одну из разновидностей «чеченского племени». Вовсе не назло Абадиеву П.К. Услар писал о замечательном единстве чеченского языка, за исключением разве что джейраховцев, которые говорят на сильно измененном наречии» (195, с. 395).

Основным источником информации о происхождении обществ, из которых впоследствии начал складываться ингушский народ, является фольклор. Рассмотрим некоторые предания из ингушского устного народного творчества, относящиеся к жанру исторического фольклора.

Как пишет известный этнограф Б.К. Далгат, «в исследовании Г.К. Мартирозиана «Нагорная Ингушетия» приведено много интересных преданий об образовании отдельных ингушских обществ. (...) По этим преданиям, предка галгаевцев звали Га; у него было двое сыновей – Галгай и Габертэ (Кабардинец). Галгай (Га) вышел из ущелья Геши Аргунского округа (территория Чечни. – Авт.) и, поселившись в Галгаевском ущелье, основал галгаевское общество» (67, с. 63).

По другому преданию: «Жили четыре брата Галга, Варандо, Гуно и Галгазак; все они были из русских; после поражения в войне с осетинами у них начались разногласия и они разошлись: Варандо и Гуно – ушли к чеченцам, Галга – в современную Ингушетию, а Галгазак остался жить на прежнем месте» – «ГалгIа, Варандо, Гуно, ГалгIазакхе яхаш виь воша хиннав; берригаш а эрсех хиннаб уж; хIирашца тIом а хина, котало шоаш дIахийца хиларах вIаший барт а беа, дIай-хьай баьржаб: Варандо, Гунои – Нохчашкахь, ГалгIа – хIанз йолче ГалгIайче, ГалгIазакхе ше ваьхача метте висав» (71, с. 118).

На основе этого предания, по примеру абадиевых и кодзоевых, можно было бы выдвигать весьма оригинальные версии о происхождении ингушей. А основываясь на созвучии этнонимов (как это делают некоторые «народные этимологи» из Ингушетии, пытаясь отождествить этноним «нахчий» с этнонимом «ногий»), можно придумать еще больше.

Исследователь чеченского и ингушского языков и истории Н.Ф. Яковлев «записал интересное предание о происхождении ингушей от богатыря Турпала» (68, с. 42). Это предание, буквально, полностью повторяет известное предание о происхождении чеченцев от Турпала-Нахчо и является одним из его вариантов, распространенным среди ингушей.

О том, что «предок ингушей Галгай является выходцем из горной Чечни в верховьях реки Аргуна» и что «возведение такое – следствие того, что народ начал осознавать генетическое единство всех вайнахских племен» говорил нам на своих лекциях Ибрагим Дахкильгов (50).

Об этом же он пишет в своей книге «Вайнаьха багахбувцам»: «Иштта Ч. Ахриева дАязздаьчох, гIалгIай хьабаьннаб лоаман Нохчийче Орган лакхагIа долча ГIайши чIожар. Нохчаша, гIалгIаша шоай даьй цхьан овланга бигар хьадоагIа тукхамаша шоай йола гаргало кхетаеш а, хестаеш а хиларах» (71, с. 114).

Один из лучших исследователей-кавказоведов Башир Далгат, со слов столетнего ингуша Казбыка, жителя селения Арзи, сообщает, что «галгайцы были первыми поселенцами гор. Размножившись, вследствие недостатка земли они переселились частью в Акки; им скоро и там стало тесно, и часть их выселилась в Чечню на плоскость; там они присоединились к настоящим чеченцам, но последние их выделяют и теперь, считая их хуже себя и называя их не нахчой...» (67, с. 64).

«Сыновья Галгая – Эги, Хамхи и Таргим в главном ущелье реки Асса построили свои селения... Таким образом этноним гIалгIай первоначально относится к трем родам, составлявшим общество гIалгIай, а в качестве территории, откуда вышел эпоним гIалгIаев, указаны верховья реки Чанты-Аргун. В этой связи уместно будет указать, что по преданиям тукхума Маьлхий, общество гIалгIай заселили выходцы из этого тукхума», – пишет И. Сигаури (195, с. 381–382).

Как отмечают авторы «Истории Ингушетии», важнейшие эпизоды из событий, связанных с освоением ингушами плоскостных земель, сохранены в народной памяти. Так, одно из преданий, записанное И. Дахкильговым, повествует о том, «как собрались именитые мужчины нескольких территориальных обществ горной Ингушетии с целью объединения страны. Собравшиеся постановили, что отныне они все будут именоваться единым именем – «гIалгIа», прекратят распри и начнут организованно выселяться на плоскость» (100, с. 159).

Все предельно просто, как это обычно и бывает в фольклорных произведениях. Но в жизни таких простых решений не существует, кому бы это ни хотелось так представить. Об этом свидетельствуют многочисленные предания и свидетельства прямо противоположного плана. Они говорят нам о не совсем дружеских, а во многом и враждебных взаимоотношениях между различными западными нахчийскими обществами, вплоть до последнего времени. Кстати, боевые башни в горах Чечни и Ингушетии служили не только для обороны от внешних

врагов, но также и для защиты людей и имущества в постоянных межплеменных и клановых стычках.

«По всем сведениям, горная Ингушетия состояла из родоплеменных обществ: Кхаькхале, Цьхори, Чулхой, Файппий, Орстхой, а также к ним примыкали родоплеменные образования: Кей, Галай, Аккха, Мелхиста» (к ингушам, кроме вышеназванных чеченских обществ, примыкали и грузинские, и осетинские, и кабардинские общества, но это не значит, что они являлись ингушами. – Авт.) – несколько смущаясь за свою откровенно ложное утверждение, заявляет И. Дахкильгов в своей статье «Ангушт» из сборника материалов, посвященного 235-летию добровольного вхождения Ингушетии в состав России (34, с. 106).

Орстхой – это не горное родоплеменное общество (тем более, не ингушское). Это предгорно-равнинное объединение (нахчийских) обществ Мержой, Цёчой, Ялхарой и Галай, являвшихся составной частью Чечни и чеченского народа еще со времен принятия ими ислама. Они испокон веков жили на собственной территории и никуда и ни к кому не «примыкали». Это общеизвестный факт. А если у автора кроме голословных утверждений есть какие-то другие свидетельства, опровергающие это, то пусть приведет их.

В 20-х–30-х годах XIX века селения, относящиеся к галгаевскому обществу, располагались по обоим берегам реки Асса (в верхней ее части) и по одному из ее притоков – Тобачоч. Всего к этому обществу принадлежало «55 селений с 213 дворами и 1065 жителями. Одно из наиболее крупных галгаевских поселений Хамхи в 30-е годы XIX века имело всего 10 дворов» (48, с. 157).

Насколько многочисленными были населенные пункты в горах можно судить по следующему свидетельству: «Жилища горцев состоят из каменных построек, сгруппированных у оконечностей гребней или на выступах скал; две-три подобных постройки, вмещающие в себя несколько семейств, составляют горский аул; в участке (имеется в виду Горский участок Ингушевского округа. – Авт.) этих аулов насчитывалось до 120-ти. Между всем этим количеством аулов, встречаются только три или четыре, которые по числу помещений и живущих в них семейств, имеют право на такое название» (185, с. 3).

По мнению авторов «Истории Ингушетии», «первое, документально фиксируемое, массовое переселение ингушей на равнинные земли произошло не позднее середины XVI века. Оно было связано с передвижением части населения общества Аьккхи в Терско-Сулакское междуречье» (100, с. 157).

Речь, как вы поняли, идет о нахчийском обществе Аьккхий, вдруг, оказавшихся ингушами, которых тогда и в помине не было. Говоря, что не было ингушей, мы не имеем в виду, что не было галгайцев. Они, наравне с другими нахчийскими обществами, естественно, были. Имеется в виду, что не было еще такого народа, как «ингуши».

На самом деле, начало процесса выселения ингушей на плоскость, по мнению Д. Хожаева, проходило таким образом: «В XVIII веке галгаи мигрируют на запад, и спускаются по ущелью р. Терек (на север, через ущелье реки Ассы, их не пускали на плоскость карабулаки) в местечко Онгушт, заняв территории между правобережьем р. Терек и по берегам реки Камбилеевки (Тарская долина). Согласно документам второй половины XVIII века ингуши занимали территорию между р. Терек (правобережьем) и верховьями р. Сунжи (левый берег), где после ухода малокабардинцев основали совместно с карабулаками Ахки-юртовские хутора (период между 30-ми–60-ми годами XVIII века). Во второй половине XVIII века ингушами было основано с. Заур у входа в Дарьяльское ущелье» (218).

Основателями Ангушта были выходцы из различных нахчийских (вайнахских) обществ, входивших как в чеченский народ, так и вошедших, впоследствии, в состав ингушей: галгайцы, аккинцы, терлойцы, орстхойцы. Так, по Броневскому, из принадлежавших к «обоим Ангушам» деревень: Галга, Тироль, Ака, Беци, Ялгор, Корби, Аздар, Вушу, Голай, Ной, Гой, Цулай, Мелер, Паланг (30, с. 151–167), как минимум, 6 сел имеют самое прямое отношение к современным чеченцам: Тироль – Терла, Ака – Аьккха, Беци – (аккинское село Бецах), Ялгор – Ялхар, Голай – Галай, Гой – ГЮй (один из гаров чеченского тайпа «нашхой»). Все это подтверждает тот факт, что нахчий из Нашхи мигрировали не только на восток, но и на запад.

Тарская долина, куда выселилась часть западных нахчийских (вайнахских) обществ, была отрезана от Чеченской долины Яндырско-Назрановской возвышенностью. Это была одной из причин (в отличие от других – естественной), которая способствовала процессу разделения единого народа. Как известно, царскими властями проводилась целенаправленная политика по расколу единого нахчийского народа (христианизация ингушей, возведение крепостных линий, административное подчинение разным округам и т. д.). В связи с чем, ингушская часть вайнахского народа оказалась изолированной от основной части своих соплеменников и в большей степени сохранила свои тайповые, во многом языческие, обряды и традиции, которые чеченцами, уже в

течение продолжительного времени придерживавшихся строгих мусульманских канонов, частично, были утеряны.

До переселения в местность Назрань в Тарской долине, в пределах так называемых Больших и Малых ингушей, насчитывалось 25 ингушских хуторов. Они, как мы уже писали, были образованы представителями разных западно-нахчийских обществ, в том числе и обществ, входящих в современный чеченский народ. За пределами Тарской долины в то время была только одна единственная небольшая слобода при русской крепости Моздок, для проживания там переселенных новокрещенных ингушей.

«Как племя немногочисленное, – считает Грабовский, – и условиями жизни в горах приученное к тяжелому труду... ингуши, при выселении на плоскость, весьма естественно должны были подпасть под власть наиболее сильных племен, хозяйничавших на той местности, куда они выселялись. Таким образом, за право пользования удобствами плоскостной жизни, ингуши обязаны были платить дань то кабардинцам, то кумыкам и даже Шамхалу Тарковскому» (188, с. 3).

Этот факт находит подтверждение у Б. Далгата: «Все ингуши, не исключая горцев, долгое время находились в вассальной зависимости от шамхала и кабардинцев, были их данниками» (67, с. 65).

В 1769 году несколько ингушских фамилий обратились к Кизлярскому коменданту с просьбой о принятии их в подданство России. «Хотя ингуши в том же 1769 году и были приняты в подданство России, но, тем не менее, фактическая зависимость их от кабардинцев, все-таки, продолжала тяготеть над ними и ингуши по-прежнему платили дань кабардинцам, в год по одному барану со двора, а у кого нет баранов, то железом на одну косу» (188, с. 2–4).

«После восстания и усмирения в 1771 г. кабардинцев, зависимость ингушей от них ослаблена... В 1773 году ингуши, теснимые кабардинцами, считавшими их своими, просили у полковника Медема защиты, как подданные России и христиане; но двор предпочел оставить их в зависимости у кабардинцев, чтобы не раздражить последних и не вооружить против себя» (67, с. 49).

В свою очередь, Шамхал Тарковский считал ингушей именно своими «данниками». Так, «в 1784 году Шамхал Тарковский Муртазалий просил русское правительство оставить в подчинении его ингушей, его данников» (32, с. 134).

«Впрочем, – пишет Далгат, – сами ингуши не признавали себя ни чьими подданными, и, уступая иногда силе кабардинцев, при первой возможности отказывались от уплаты им дани» (67, с. 50).

Как сообщает А.Н. Генко: «В конце XVII века кабардинцы покинули свое прежнее место жительства в Эндерипсе (район Яндырки. – Авт.), опасаясь кровной мести со стороны своих беспокойных соседей – карабулаков, чеченцев и кумыков. Территория окрестностей Яндырки, вниз по Сунже, оставалась по 1781 год никем не заселенной. Кабардинцы перешли к Назрани и заняли пространство между Сунжей и Камбилеевкой ...» (68, с. 14).

«До окончания войны царизма с имамом Чечни Мансуром (1785–1791 гг.) не фиксируется какое-либо передвижение ингушей с междуречья Терека и верховьев Сунжи на северо-восток. На это указывает доклад ген. Гудовича Екатерине II в 1791 году: «В соседстве с Малою Кабардою, в верховьях Сунжи, обитает горный народ карабулаки, а позади его – ингуши...».

Штедер Л. считает, что «вплоть до селений Малый и Большой Яндырь, основанных карабулаками в 1772 году... берега Сунжи, несмотря на благоприятный климат и ландшафт, слабо заселены и «лежат необработанными». Жившие здесь ранее кабардинцы ушли задолго до проезда Штедера» (39, с. 114).

Переселение ангуштинцев в местность Назрань происходило в начале XX века. Вот что пишет об этом известный чеченский историк Далхан Хожаев: «Переселение было осуществлено группой ведущих ингушских фамилий под покровительством мусульман – чеченцев и кабардинцев. За разрешение жить в местности Назрань ингуши обязались исповедовать ислам, а чеченцам и кабардинцам платить небольшую символическую подать» (218).

Комендант крепости Владикавказ генерал-майор Дельпоццо 13 июня 1810 года в своем письме генералу от инфантерии Булгакову пишет: «По собранным мною достоверным сведениям, следующее свидетельство является справедливо: ингушский народ хотя и имел жительство свое в окружности сей крепости не в дальнем расстоянии, но совершенно верен Российскому правительству никогда не был... потом, выйдя в теснейший союз с кабардинцами и чеченцами, переселились все на место именуемое Назрань, в расстояние отсель за 32 версты, приняли от них мулл, построили мечети, приступили к исповеданию Мухаммеданского закона и обязались как чеченцам, так и кабардинцам по условию платить подати» (15, с. 70).

Хотя, «в 1781 году Л. Штедер застал в районе Назрани сторожевые посты ингушей, имевшие цели предупреждение обитателей Камбилеевских хуторов о приближении опасности» (34, с. 154), этот район уже

контролировался чеченцами-орстхойцами и без их разрешения поселиться здесь никто не мог.

Интересен вывод, который делает И. Дахкильгов по поводу этих «сторожевых постов», пытаясь обосновать более раннее освоение ингушами местности Назрань: «Как уже сказано, Штедер в 1781 году видел в Назрановской местности ингушские сторожевые посты. Но посты заметны, поскольку они возвышаются над местностью, а поселения могли быть Штедером не замечены, т.к. вся эта местность была покрыта густыми лесами» (можно подумать, что Штедер обзирал данную местность с какого-нибудь летающего аппарата). На этом основании он делает заключение, что «можно считать датой образования назрановского поселения 1781 год (34, с. 109). Кстати, именно 1781 год, когда «Л. Штедер застал в районе Назрани сторожевые посты ингушей, имевшие цели предупреждение обитателей Камбилеевских хуторов о приближении опасности» и стал официальной датой основания Назрани.

Рассказывая о переселении ингушей из Ангушта в местность Назрань, контролируемое тогда чеченцами и кабардинцами, авторы «Истории Ингушетии» опять «забывают» сказать, что сделано это было с согласия кабардинцев и чеченцев, за что они в определенный период платили им даже дань. Дань эта представляла собой небольшую, чисто символическую, плату за аренду ингушами земли, на которой они проживали и вели хозяйственную деятельность. Как сообщает Б.К. Далгат, «на плоскости до предгорьев, до выселения ингушей, обитали сперва ногойцы; их вытеснили и сменили кабардинцы, занявшие пространство до р. Фортанги, т. е. Большой Чечни, и бравшие дань с ингушей и осетин... Это время совпадает с удалением кабардинцев и из Малой Чечни, по мере завладения со стороны чеченцев берегами Терека и Сунжи с их притоками. Чеченцы во второй половине XVIII столетия уже заходят в местности, занимаемые нынешними ингушами. Выходец из Большой Чечни Кети Арсамаков с горстью своих домочадцев основывает приблизительно в 1780–1785 гг. селение Сурхохи в 35 верстах от Владикавказа» (67, с. 70).

Н.Г. Волкова в своей статье «Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII–XX веках» пишет: «Постоянное поселение ингушей в местности Назрань произошло в период между 1807-м и 1810 годами, причем поселенцы обязались платить подать кабардинцам и чеченцам. От кабардино-чеченской зависимости новые поселенцы избавились уже в 1810 году, благодаря «покровительству» Владикавказского коменданта» (46, с. 40).

В свою очередь, Б. Далгат считает, что «Назрань в то время представляла из себя пустошь и была спорным местом между кабардинцами и чеченцами» (67, с. 70).

«Освоение Назрановской поймы (урочища), – пишет И. Дахкильгов в статье «Ангушт», – не было стихийным. Оно происходило планомерно: был избран предводитель – организатор (бабча) Орцха Карцхал из рода Мальсаговых: от 80 родов, проживавших в Ангуште, по всенародному установлению способом жеребьевки выделили по 10 семей: все они единой массой двинулись к Назранке; принесли в жертву белого быка; посреди поселения была на четырех столбах поставлена сторожевая вышка...» (34, с. 105).

А вот как об этом переселении говорится в ингушском предании о прошлом Назрани (к счастью, записанном не сегодня и не Дахкильговым, а М.К. Аушевым): «Наш предок Кинда вышел из страны Шам-Сирии и поселился в Ингушетии. Шоа, сына Кинды, женили на дочери Сеска Солсы. Затем, по прошествии от Кинды шести поколений, родились три брата: Эга, Хамхи и Таргим. Они поселили на своих землях людей и заставляли их платить дань. Со временем трое братьев разделились. Один ушел жить в Таргим, другой – в Хамхи. Эга остался на месте. Затем размножилось их потомство и потомство поселенных ими людей. Жить им вместе стало тесно. Трое знаменитых братьев сделали своим четвертым братом Евло. Прошло время, и потомки этих четырех братьев собрались вместе и стали решать, что делать: ибо жить им стало очень тесно. Договорились они и переселились жить в Ангушт. Там они прожили определенное время. И там им стало тесно. Вскоре люди решили поселиться на том месте, где теперь находится город Назрань, так как эта земля была тогда свободна, а жившие там когда-то черкесы еще ранее покинули ее и ушли далеко. «Как мы поселимся в Назрани? – стали думать люди и порешили. – Мы не сможем обосноваться, если не заручимся защитой Магомета-хаджи». Магомет-хаджи был имамом, пришел он с востока. За ним стояло много людей. Выселяющиеся на новые места люди выдвинули своим предводителем Карцхала Мальсагова, сына Орцхо, и сказали ему: «Трудись для нас». Потрудился Карцхал и привел Магомета-хаджи с войском, который сказал людям: «Основывайте село на этом месте. Если кто нападет на вас, тому от меня будет больно». Пожелав благ, Магомет-хаджи и его воины ушли. В честь этого события люди произвели обряд заклания белого быка с черной головой. Бывшие при этом заклании вернулись в Ангушт и сказали: «Мы теперь имеем право основать свое село». Люди не желали

выселяться, так как боялись. Тогда провели совет страны и выбрали восемь родов, а от каждого рода по жребию отделили по десять дворов. Всего набралось восемьдесят дворов» (61, с. 23–26).

Магомет-хаджи, защитой которого заручились ингуши, был известным чеченским духовным наставником и предводителем из селения Атаги. Далхан Хожаев пишет по этому поводу так: «Подобная ситуация заставила ингушскую делегацию в 1807 году во главе с Мальсаговым Карцхалом, сыном Орцхо, обратиться к имаму Мохмад-хаджи из Атаги, религиозному наставнику Тайми Бейбулата, избранного имамом в 1807–1810 годах представителями ингушей, кабардинцев, чеченцев и дагестанских народов, с просьбой разрешить поселиться в районе Несар-Корт, покинутого кабардинцами во время чумы, когда от 70-тысячного малокабардинского населения осталось всего 6 тысяч человек...

Мохмад-хаджи разрешил ингушам поселиться у Несар-корт при условии, если они примут Ислам, будут содержать чеченских мулл для обучения населения религии, построят мечети, и будут принимать участие в газавате.

В соответствии с ингушским преданием «О прошлом Назрани», опубликованном в 1931 году, Магомед-хаджи пришёл со своим войском к ингушам и сказал: «Основывайте село на этом месте. Если кто нападёт на вас, тому от меня будет больно». Пожелав благ, Магомед-хаджи и его воины ушли, после чего был проведён обряд заклания белого быка, и 80 дворов самых бесстрашных ингушей, выбранных жребием, переселились в местность Назрань» (217, с. 101).

Переселение ингушей с гор в Назрановский округ, при непосредственном участии русских военных, было произведено в 1830, 1833 и в начале 40-х годов (126, с. 106).

Таким образом, царская администрация целенаправленно начала переселять своих союзников – казаков и ингушей на чеченские земли.

В связи с переселением ингуштинцев в Назрань, Ибрагим Дахкильгов пишет, что «от Камбелеевки до Назранки на безводном пространстве поселений не было. Получилось так, что назрановские ингуши, в начале XIX в. значительно умножившиеся и продолжавшие давать аманатов во Владикавказ, были оторваны от других, по Камбелеевке проживавших ингушей, да и самой Владикавказской крепости находились в отдалении 32 версты... Ситуация сложилась таким образом, что назрановцам или надо было вернуться к своим сородичам на Камбеле-

евку и Владикавказ, или с помощью русского вооружения оставаться на обжитых местах. Россия была крайне заинтересована, чтобы назрановцы оставались на своих местах (позднее об этом писал и Ермолов). Таким образом, по прошествии 40 лет (заметим, что никакие новые договоры за это время не заключались) был заключен договор именно назрановцев с Россией в 1810 г. Россия стала усиленно способствовать дальнейшему переселению ингушей к Назрани, стала более активно оказывать военную помощь» (72).

Ибрагим Дахкильгов сам признается, что назрановские ингуши, поселившиеся там с разрешения своих собратьев – чеченцев, «были оторваны от других, по Камбилеевке проживавших ингушей» и в связи с попытками российских военных использовать ингушей против чеченцев «ситуация сложилась таким образом, что назрановцам или надо было вернуться к своим сородичам на Камбилеевку и Владикавказ, или с помощью русского вооружения (войск. – Авт.) оставаться на обжитых местах». Последнее и было сделано.

Как пишет Семенов Л.П., «ареал обитания ингушей к 20-м годам XIX века охватывал горные и равнинно-предгорные районы по рекам Армхи, Камбилеевке, Сунже (с притоками Герг, Назрань, Эндерипс) и Ассе. Эта этническая территория ингушей, не будучи стабильной, создавалась в результате многочисленных перемещений населения на протяжении XVII–XIX веков» (191, с. 27).

Волкова Н.Г. считает, что «совместными поселениями чеченцев и ингушей были аулы Цори и Верхний Алкун. В том же 1810 году ингуши начали расселяться севернее Назрани. Самым северным населенным пунктом стало селение Верхние Ачалуки, заселенное 60 дворами «из Назрани» (48, с. 161).

По рассказам Казбыка, «время тогда было беспокойное, чеченские абреки рыскали повсюду и не давали покою ингушам, угоняли стада, уводили у них людей и продавали в рабство в Эндери и Дагестан. Главою всех чеченских шаек абреков в то время был Бейбулат Теймиев» (67, с. 71).

В 1817 году генерал Ермолов заложил на реке Сунже редут Назрань и выселил к нему ингушей для защиты Владикавказа от нападения чеченцев. Необходимо подчеркнуть, что сей генерал-живодер, ненавидевший всех горцев, с целью противопоставления чеченцев и ингушей, подчеркнуто хорошо относился и благоволил последним. По мнению Вертепова, аналогичные переселения продолжались и позднее, и в конце XIX века в горах осталось менее трети всех ингушей (204, с. 81).

В связи с тем, что были ликвидированы ингушские селения в Тарской долине, а их жители переселены в район Назрани, численность Назрановского общества к 1817 году резко возросла (153, с. 375).

Все ингушское население вокруг Назрани в 1816 году насчитывало 2410 дворов и 12 050 человек (48, с. 161–162)... В свою очередь, И. Бларамберг определяет их численность в 11 000 человек (26, с. 351). Общее число ингушей (назрановцы – 11 тыс., галгаевцы – 4,8 тыс., галашевцы – 2 тыс.) по его же данным достигает 17 800 человек (на 1834 год. – Авт.).

Постоянно комплексуя по поводу малочисленности ингушей, И. Дахкильгов разными манипуляциями всячески старается увеличить их количество. Так он пишет: «Если Ангушт мог безболезненно позволить себе отделить порядка 1000 человек (имеется в виду для переселения в местность Назрань. – Авт.), то сколь густонаселенным он был! Вряд ли можно усомниться в том, что оставшихся в Ангуште было больше выселившихся» (34, с. 106).

«От 80 родов, проживавших в Ангуште, – продолжает он, – по всенародному установлению, способом жеребьевки выделили по 10 семей: все они единой массой двинулись к Назранке...».

По-Дахкильгову получается, что количество выселившихся из Ангушта в Назрань семей составляло целых 800 семей (когда в предании говорится о 80-ти дворах). Если в каждой семье было по 7–8 человек, а семьи у ингушей традиционно были многочисленными (в одной семье тогда жили и женатые сыновья главы семьи), то количество выселившихся из Ангушта должно быть, примерно, свыше 6 тысяч человек. И если «оставшихся в Ангуште было больше выселившихся», то жителей одного Ангушта, грубо говоря, должно быть не менее 12 тысяч человек. В то же самое время, численность всего ингушского населения по переписи населения от 1795 года была лишь 11,1 тысяч человек (101, с. 145).

Что же касается того, что «оставшихся в Ангуште было больше выселившихся», то современник этих событий М. Энгельгард, побывавший в районе Камбилеевских хуторов в 1811 году, через год после переселения ингушей, отмечает, «что на месте Камбилеевских хуторов остались только «пустые дома некоторых теперешних жителей Назрани» (234, с. 226–227).

Как мы видим, уважаемый доктор наук явно манипулирует цифрами.

В 1810 году ингушские общества, представленные 6-ю основными галгайскими фамилиями, приняли присягу на верность России. В акте

присяги было зафиксировано следующее обязательство с российской стороны, подписанное генералом Дельпоццо: «Если ингушевский народ сохранит заключённые в обязательном их акте, данном мне, статьи свято и ненарушимо, российское начальство даст им для защищения от внешних их неприятелей российское войско, которое должно находиться в деревне их Назран».

14 июля 1810 года для охраны ингушей в деревне Назран было выделено три орудия, 200 рядовых мушкетёров и 150 казаков во главе с командиром отряда подполковником Фирсовым (практически та же помощь, которая была оказана русским царем кабардинскому князю Темрюку Идарову, как пишет Кодзоев, а за ним и ряд его учеников, в его мифическом походе на Ингушетию в 1562 году).

По признанию авторов «Истории Ингушетии», «после официального признания российской администрацией в письменном акте 1810 г. права владения ингушами землею по правобережью Терека, переселение ингушей с гор и предгорий на плоскостные земли приобрели массовый характер» (100, с. 18).

«Образовавшееся таким образом Назрановское общество быстро увеличивалось в основном за счет непрерывного потока новых поселенцев... Необходимо сказать, что наряду с выходцами из обществ Хамхи, Цори, Мецхал в районе Назрани селятся также чеченцы, причем не только арштхоевцы-карабулаки» (195, с. 396).

«Договор 1810 года о принятии ингушами подданства России, предоставил им возможность более прочно освоить обширную территорию по обеим берегам среднего течения Сунжи, пространство между Сунжей и Камбилеевкой, земли между Камбилеевкой и Терекком на территории современного Пригородного района СОАССР и Назрановского района ЧИР» (211, с. 42).

Как отмечает Н. Яковлев, «ингуши на плоскости появились, вероятно, довольно поздно, но, во всяком случае, до принудительных выселений из гор, предпринятых по отношению к ним русскими в 1830 году (в Назрань) и раньше (в Бамутское и Тарское ущелья)» (240, с. 87–88).

Несколько слов о заселении чеченцами и ингушами современного Малгобекского района.

В XVIII веке в Малой Кабарде были образованы чеченские села Доблак (Пседах) и село Магомет-Юрт, в котором чеченцы проживали вместе с кумыками. Было также основано сел. Кизляр (Бековичи) – совместное поселение кумыков, чеченцев и кабардинцев. Не позднее 20-х годов XIX века чеченцы возвратились также в такие места, как Малгобек-балка и Чечен-балка (территория современного г. Малгобек).

«В 1848 году в Малой Кабарде, кроме собственно кабардинцев, было 166 дворов чеченцев (1,4 тыс. человек), 104 ингушских и 64 ку-мыкских двора» (48, с. 162).

Вот как описывает первое поселение ингушей в районе чеченского села Дольлак Далхан Хожаев в своей книге «Великие сражения Чечни»: «Чеченское предание говорит, что назрановские ингуши, желая поселиться недалеко от чеченского селения Дольлак (Пседах), послали к Тайми Биболату делегацию с быком, на рога которого было привязано шёлковое платье. Главы Чечни не оказалось дома, но их приняла его мать. Приняв их подарок, она, взяв на себя ответственность, разрешила ингушам построить в районе Малгобекского хребта три дома» (217, с. 106).

ВХОЖДЕНИЕ ИНГУШЕТИИ В СОСТАВ РОССИИ

*Если чеченцы, карабулаки и прочие
неприятельные России народы...*

Из акта присяги ингушей

В 1810 году назрановские старшины торжественно поклялись своим главным языческим богом Гальерды быть верными подданными России. Этот год стал общепризнанной официальной датой вхождения Ингушетии в состав России. Хотя за последнее время в официальных кругах Ингушетии стали говорить о принятии присяги в верности России основными ингушскими обществами несколько раньше – в 1770 году.

При таком поверхностном, политически мотивированном и чисто пропагандистском подходе к этому вопросу, этой датой вполне мог стать любой год в истории ингушского народа. Но пока, видимо, остановились на 1770-м.

Хотя «принятие в подданство» не означает еще вхождения в состав российского государства. «Только устойчивый военно-административный контроль над различными заливными территориями (населе-

нием) и выдвижение внутренней русской границы к границе внешней сделают данные территории частью России».

Вот что сказал о проработанности и глубине исследования данного вопроса научный сотрудник Архивной службы Республики Ингушетия Б.Д. Газиков в своем выступлении на заседании Народного Собрания Республики Ингушетия по поводу принятия новой даты вхождения Ингушетии в состав России: «Я хотел бы предложить уважаемому собранию, что данная тема не должна ограничиваться установлением даты и необходимостью отметить ее. Дело в том, что эта тема большая, ее нужно исследовать глубже, больше, потому что нами такая работа в полном объеме не была проведена» (34, с. 57).

Определение даты вхождения ингушей в российское подданство, по всей видимости, было сопряжено с аналогичной датой вхождения Осетии в состав России. Как известно, это произошло в 1774 году. Ингуши, конечно же, не могли дальше терпеть такую «несправедливость», как первенство осетин, своих извечных соперников, в таком судьбоносном вопросе. Более того, признание факта вступления осетин в российское подданство раньше ингушей, могло послужить косвенным подтверждением первичности заселения осетинами территории современного Пригородного района. Хотя, на самом деле, никаких «вхождений в состав» или «вступления в подданство» ингушского и осетинского народов, как таковых, не было и не могло быть. Оба этих народа, как наиболее слабые звенья среди северокавказских горцев (в силу своей малочисленности и зависимости от своих соседей), практически одновременно были попросту поглощены Российской империей. Видимость каких-то присяг и договоренностей, когда «высокую российскую сторону» представляли всего лишь второстепенные чиновники из местной Кизлярской администрации, были необходимы России для придания этому процессу «законного вида и толка» перед другими геополитическими игроками на Кавказе – Англией, Турцией и Ираном.

Да и о каких равноправных договоренностях могла идти речь, если у сторон были разные, абсолютно несоотносимые друг с другом, весовые категории? Вот как пишет об этом известный исследователь Н. Грабовский «... такое, например, слабое племя, как ингушское, не имея возможности стать открыто во враждебные отношения с сильнейшими соседями без посторонней поддержки, должны были лицемерить, чтобы не попасть между двух огней. (...) Соприкасаясь с одной стороны с довольно сильным русским центром – Владикавказом и с другой – имея не менее сильных в былое время соседей кабардинцев и чечен-

цев, ингуши должны были, применяясь к обстоятельствам, угождать тому, кто представлял в данное время более гарантий для их существования» (188, с. 13).

Российская империя продвигалась в Закавказье, и дальше, к теплым южным морям. На ее пути стоял Кавказ с его малочисленными, но свободолюбивыми и воинственными народами. После подписания Георгиевского трактата с Грузией, покорение «ничейных» горцев Северного Кавказа стало для России одной из главных задач.

Но сделать это было совсем непросто. Практически весь горский Кавказ встал на защиту своей независимости. Особенно яростно сопротивлялась царским войскам Чечня. «Под именем Чечни известна обширная, малодоступная страна, которая лежала первой на пути распространения русского владычества... И только покорив Чечню можно было рассчитывать принудить к покорности и мирной жизни горные народы восточной полосы Кавказа. Но ничего не было труднее, как подчинить какой-либо власти не столько полудикий чеченский народ, как дикую природу Чечни, в которой население находило себе непреодолимую защиту. И природа, и люди Чечни стояли крепко на страже своей независимости... В этой лесистой Чечне шла суровая борьба свободных горских племен с северным колоссом; тут, что ни шаг, то след битвы, что ни река или аул, то историческое имя, связанное с кровавым эпизодом и памятное часто не одному Кавказу... Среди этой суровой природы жило оригинальное племя, воспитанное вековой борьбой с внешними врагами и закаленное внутренними междуусобиями» (173, с. 59).

Гапуров Ш. с соавторами считают, что «официальному Петербургу в XIX веке нужна была северокавказская земля. Для разных целей – геополитических, стратегических и т.д. В экономических целях – в последнюю очередь» (58, с. 6). Но сделать это было непросто. Практически все горские народы северокавказского региона тогда были мусульманскими. За пределами мусульманского сообщества оставались только ингуши и осетины, которые были замкнуты в горах и были на тот момент полуязычниками – полухристианами.

Вот эту, своего рода «ахиллесову пяту» Кавказа, и использовала Россия в своем противостоянии с горцами. Благо, что осетины и ингуши проживали в непосредственной близости от Дарьяльской дороги, соединявшей север Кавказа с его югом. Другие известные перевальные дороги в Закавказье – через Дербент и черноморское побережье контролировались дагестанскими и черкесскими владетелями, за которыми стояли Иран и Турция.

Таким образом, осетины и ингуши оказались единственными среди северокавказских горцев, кроме нескольких дагестанских ханов и беков, которых Россия могла использовать в качестве союзников в своей колониальной политике в регионе. Привлечением этих народов на свою сторону и организованным переселением их из гор на плоскость вокруг своих военных крепостей разрывалось на две части единое общекавказское пространство и, в определенной степени, обеспечивалась безопасность основной транспортной артерии, соединяющей Россию с его новой закавказской провинцией – Грузией.

Западные нахчийские (вайнахские) общества, представляющие современных ингушей, к началу XIX века (так же, как и их соседи – осетины), в основном, жили в горах и частично в предгорной зоне. Плоскость в северо-западном направлении контролировали довольно-таки многочисленные и сильные кабардинцы, а северо-восточное направление уже давно было освоено родственными чеченскими обществами.

Первые ингушские села в предгорной полосе стали возникать с ослаблением влияния кабардинских князей, теснимых с востока чеченцами, которые к началу XIX века контролировали территорию Малой Кабарды, вплоть до реки Курп, и вслед за появлением здесь русских военных укреплений, вокруг которых переселенцы и оседали. Таким образом, на плоскость и ингуши, и осетины, в основном, выселились под прикрытием русских войск, дислоцирующихся в крепостях и других военных укреплениях, основанных в регионе в конце XVIII – начале XIX вв. (Моздок, Владикавказ, Назрань). Такое покровительство им оказывалось взамен лояльности, принятия ими российского подданства и христианства, предоставления помощи в войне против своих собратьев – горцев.

В сборнике статей, посвященном 235-летию единения Ингушетии с Россией, Т.Х.-Б. Муталиев пишет: «Если осетины искали союза с Россией вообще для осуществления самой возможности переселиться на равнину, то ингушам такой союз нужен был, в первую очередь, для получения помощи в защите нескольких десятков своих сел, возникших на территории современного Пригородного района задолго до появления здесь русских войск» (34, с. 122).

Да, в предгорной части Тарской долины в середине XVIII века было несколько небольших ингушских сел и два десятка хуторов, но они были основаны с разрешения кумыкских и кабардинских князей, за что ингуши платили им дань. А в подданство России они вступили, в том числе, чтобы выйти из-под их контроля и с помощью русских войск закрепить за собой арендуемые у них плоскостные земли, на которых и были расположены их поселения. Как верно отмечает Н. Грабовский, «в 1769 году, ингуши,

как народ трудолюбивый и покойный, желая избавиться от аксайских кумыков и кабардинцев, в зависимости от которых они находились тогда, вошли с просьбой о принятии их в подданство России» (188, с. 2).

Как известно, кабардинцы вплоть до середины XIX века не могли смириться с потерей своих земель, в связи с чем, в отместку, периодически совершали набеги на ингушские поселения в Тарской долине. Так, в рапорте первого Владикавказского коменданта подполковника К. Матцена говорится, что ингуши нуждались в помощи солдат крепостного гарнизона, «поскольку расположенные на открытой местности их селения подвергались нередко нападениям хорошо вооруженных и многочисленных княжеских дружин Кабарды...».

Неспокойной была для ингушей жизнь даже вблизи крепостных стен восстановленного Владикавказа (в 1786 году в связи с угрозой нападения со стороны отрядов Шейха Мансура крепость была снесена – авт.). Так, «в один из майских дней 1803 года в результате внезапного нападения княжеской дружины, погибло более ста ингушей, занятых пахотой в восьми верстах от крепости (РГВИА, Ф.482, оп.1, д.2, л.98).

По материалам из названного выше сборника «Без прошлого нет будущего», ингуши, ни много, ни мало, оказывается, приняли присягу в верности России из-за того, что оказывали русским «большее снисхождение, сравнительно с другими народами» (34, с. 51). Интересно, перед какими именно?

То же самое утверждает кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Ингушского государственного университета Мужухоева Э.Д., предок которой, Гарс Чапанов, крещенный Иван Иванов, «был во главе той делегации, которая ходила в Кизляр и подписывала этот договор» (34, с. 54).

Что касается утверждений о том, что в 1770 году Ингушетия подписала какой-то договор с Россией, то это далеко не так. После так называемого «добровольно-принудительного» присоединения, эти народы принесли присягу на верность России, в знак чего выдавали ей своих аманатов (считай – заложников). Совсем так же, как это в свое время проделывали татаро-монгольские завоеватели с самими русскими. Эта же самая «договорная» процедура была применена и в отношении ингушей.

Кстати, тот же сотрудник Архивной службы РИ Б.Д. Газиков, о котором мы писали выше, считает этот документ не «договором о единении», а обыкновенным «доношением». «Мы все время пишем, что этот документ – договор о единении с Россией 1770 года – хранится в архиве Министерства иностранных дел. И при публикациях документ, который мы привозили из Москвы, издан как копия договора. На самом деле то,

что мы публиковали, не договор, это доношение, свидетельство того, что действительно ингуши в 1770 году давали присягу на верность России, то есть документ подтверждает это событие», – сказал он в своем выступлении на заседании Народного Собрания РИ (34, с. 56).

Так называемое «вхождение ингушей в состав России» окончательно завершилось принятием соответствующего акта присяги. Подписав этот акт, в котором они называли врагами своих единокровных братьев и обязывались воевать против них «не щадя своей крови и жизни», старшины части западных нахчийских обществ руководствовались корыстью и личными амбициями и, тем самым, предали собратьев.

Фактически с момента подписания данного акта присяги, открыто противопоставившего так называемых «ингушевцев» абсолютному большинству кровнородственных чеченских обществ, и началась целенаправленная работа по претворению проекта тайной канцелярии Российской империи по разделению единого нахчийского народа.

Все двадцать пунктов присяги не оставляют никакого сомнения в том, с какой целью и против кого все это действие было задумано. С момента принятия клятвы, ингуши обязывались оказывать безусловную помощь и поддержку любым действиям российской стороны против своих братьев – чеченцев и, тем самым, взяли курс на окончательное обособление от них.

Особенно интересными выглядят пункты 3, 5, 10, 11 и 19 данной присяги.

В пункте 3, например, говорится об обязательстве ингушей выставить от себя 1000 человек «хорошо вооруженного помощного войска», «когда российскому начальству воспотребуется надобность против здешних народов с российским войском действовать неприятельскую рукою». Что впоследствии в полной мере и было продемонстрировано.

Пятый пункт акта присяги провозглашает чеченцев и карабулаков «неприятельными России народами» и обязывает ингушей в случае нападения последних «давать знать находящемуся у нас начальнику», а самим «тотчас скакать к тому месту на встречу сих разбойников и стараться, не щадя своей крови и жизни, поражать оных...».

Кодзоев Н. в приложении к своему учебному пособию «История ингушского народа» «отредактировал» текст данной присяги, опустив из словосочетания «если чеченцы, карабулаки и прочие неприятельные России народы...» слово «карабулаки», наличие которого в документе в таком контексте противоречит утверждениям ингушских авторов об орстхойцах, как составной части ингушей (оказывается, царские власти и ингушские предводители начала XIX века, в отличие

от козловых, к своему стыду, не знали о том, что карабулаки относятся к ингушам).

Десятый пункт присяги, гласящий, что «отныне, впредь, навсегда мы и потомство наше обязуется: кабардинцам и прочим здешним мухаммеданского закона народам податей отнюдь никаких не платить (как было до сего)», развенчивает еще один миф, распространяемый новоявленными ингушскими историками, о том, что ингуши никогда и никому дани не платили. Как известно, дани не платит только сильный народ, который может защищать себя и свою собственность. А ингуши, в силу своей малочисленности, таковыми не являлись.

«Недостатка в иноземных князьях ингуши никогда не испытывали. Но в отличие от чеченцев, которые в конце концов, силой собственного оружия доказали свое право на равнинные земли, ингуши, чтобы избавиться от обременительной кабардинской, кумыкской и чеченской зависимости, избрали другой путь – добровольно вступили в российское подданство» (195, с. 392).

Необходимо подчеркнуть, что ингуши не являлись подданными кумыкских и кабардинских князей в полном смысле этого слова, а только платили подати, как арендаторы их земель. Под «прочим здешним мухаммеданского закона народам» имеются в виду чеченцы и кумыки, у которых ингуши также арендовали земли на плоскости.

Обращают на себя внимание 11-й и 19-й пункты присяги. В нем ингуши обязуются «на вечные времена мы и потомство наше обязуемся к проповедыванию и введению у нас мухаммеданского закона эфендиев, мулл и прочих особ духовных мухаммеданских отнюдь не принимать, не допускать и мечетей не строить» и клянутся «всемогущим богом небесным и почитаемым нами за святость кумиром, находящимся в горах, именуемый Гальерд».

К счастью для ингушей, эту клятву, данную именем своих языческих богов, они преступили и, вопреки вышеназванной присяге и воле своих предводителей, все-таки, приняли ислам и чеченских мулл.

После вхождения в подданство царской России, «ингушевский вольный и ни от кого независимый народ», постепенно начали превращать в холопов. Они раз за разом стали терять все свои вековые вольности, ставшие образом их жизни.

Ингушам, добровольно вошедшим в состав России (в отличие от чеченцев, до последнего отстаивавших свою свободу и независимость), не только не разрешалось исповедовать ислам, но и начали насильственно превращать в христиан. По сведениям современников,

значительная часть ингушей приняла христианство. Они лишились права носить оружие, без разрешения колониальной администрации ингуши не могли даже, например, купить коня или принять гостя. «Во многих случаях ингуш оплачивает штрафом свою старую дурную репутацию. Так, надел оружие, которое за исключением ингушей, всем туземцам позволено носить, – плати, сделал выстрел на свадьбе или на луну – плати, уехал без билета – плати, купил лошадь без удостоверения – плати, не объявил о приехавших гостях – плати или отправляйся в яму (сельская гауптвахта)» (188, с. 37).

И как знать, что стало бы с ингушами, если бы за ними мощной стеной не стояли их братья-чеченцы, которые в героической борьбе, ценой жизни десятков тысяч своих лучших сынов, отстаивали право на свою национальную идентичность, право придерживаться своей религии и народных традиций. Окончательно обессиленная в многолетней кровопролитной войне Чечня вынуждена была покориться царской России.

В знак уважения, проявленного ими беспримерного мужества и героизма, чеченцам были предоставлены невиданные до этого покоренным народам привилегии: право на соблюдение своей религии, национальных традиций, судопроизводства на основе шариата и адата, ношение оружия. Кроме того, чеченцы освобождались от набора в российскую армию и уплаты налогов в российскую казну сроком на 5 лет.

Этими правами, завоеванными чеченцами ценой собственной крови, воспользовались и ингуши, лишенные всех своих льгот после «Назрановского возмущения» в 1858 году. Это еще один наглядный пример того, что права и свободы отстаиваются в жесткой борьбе, их нельзя достичь покорностью и смирением.

Далхан Хожаев пишет, что с подписанием вышеназванного акта от 1810 года «ингуши неосознанно становились дополнительной защитой русских крепостей, гарнизонов и Военно-грузинской дороги, что облегчило русским войскам подчинение Грузии и Кабарды и подготовку к вторжению в Чечню с 1817 года» (217, с. 106).

Можно согласиться с оценкой Хожаева, если взять в целом весь ингушский народ, но не может быть и речи о какой-то «неосознанности» действий со стороны отдельных лидеров ингушей.

Все это подтверждает М. Базоркин в своей книге «История происхождения ингушей»: «Для того чтобы обеспечить свободное сношение через кратчайший путь с Грузией, укрепить крепостные подступы к бывшей царской крепости Владикавказ и изолировать от активно борющейся Чечни Ингушетию, командование русской армии имело важной стратегическо-политической задачей вынудить ингушей принять подданство

России. С целью реализации этих планов 5 июля 1810 года ингуши были спровоцированы на столкновение с чеченской партией (600 человек), отступавшей от крепости Владикавказ. По приказанию коменданта крепости генерал-майора графа Ивелича, они разбили эту партию. После этого кровопролитного инцидента генерал Булгаков приказал коменданту генералу Ивеличу «защищать ингушей от чеченцев, ибо полагать должно, что они по азиатскому обычаю будут мстить». И эту «защиту» русское командование постаралось использовать для понуждения ингушей ускорить прошение об их подданстве. Генерал Торماسов писал генералу Румянцеву: «Я по получении уведомления о происшествии сем поручил генералу от инфантерии Булгакову и генерал-майору графу Ивеличу войти в положение ингушей и воспользоваться сим случаем к преклонению народа сего на вечное подданство Российской империи...» (Отношение №158 от 2 сентября 1810 года). В результате этой политики срамливания ингуши (назрановцы), спровоцированные на бой с чеченцами, боясь мести последних, попали в коварно расставленные для них сети царизма: попали под «защиту» подданства самодержавной России. Конечно, в этом деле немалая доля вины падает и на поддерживаемую колонизаторской политикой царских сатрапов феодализированную ингушскую верхушку, помогавшую на каждом шагу царскому командованию в целях личной политической выгоды» (19, с. 104–105).

Но тут же, другой ингушский автор А.У. Мальсагов пишет прямо противоположное – о мудрости ингушских старейшин: «Учитывая свою малочисленность, военную мощь и прогрессивность России, ингуши добровольно приняли подданство ей. Поэтому вынуждены были отстаивать на своей территории интересы России, вступая в вооруженное противостояние с Шамилем. Как бы ни оценивалась кое-кем позиция мудрых ингушских старейшин, направлявших в тот период свой народ на сближение с Россией, этот путь оказался исторически оправданным. Именно поэтому ингуши в меньшей степени пострадали от жестокостей российских колонизаторов в XIX веке» (133, с. 31–32).

В свою очередь, И. Дахкильгов в одной из своих статей с пафосом заявил: «Когда в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века проходил в СССР и ее преемнице России т. н. «парад суверенитетов», ингуши же общенародным референдумом подкрепили свое единство с Россией (в отличие от отделившийся Чечни. – Авт.). Пожалуй, это был единственный из российских народов, который в столь массовом порядке и официально в столь тревожное время подкрепил свою более чем двухсотлетнюю клятву, подтверждающую его нерушимое единство с народами России» (55). Как говорится, «свежи предания, но верится с трудом».

Ингушетия, еще в составе Чечено-Ингушской Республики, одной из первых объявила о своем суверенитете. Как известно, Верховным Советом Чечено-Ингушской Республики 27 ноября 1990 года единогласно была принята Декларация о государственном суверенитете ЧИР. А после, в связи с провозглашением Чечней своей независимости, ни собственной республики, ни законноизбранных органов власти у ингушей уже не было. Не было ясности, в каких границах будет провозглашена государственность ингушей, так как не был решен вопрос возвращения ингушам Пригородного района. Кроме того, нерешенным оставался вопрос и по границе с Чеченской Республикой. Так что, хотелось бы напомнить Дахкильгову, что Ингушетия не проявляла активности в этом вопросе вовсе не из-за своей строгой приверженности «более чем двухсотлетней клятве» верности России, а в связи с тем, что у нее на этот момент не было ни своей государственности, ни законных органов власти.

УЧАСТИЕ ИНГУШЕЙ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ

*Назрановская милиция принимала
самое активное участие в боевых
действиях на стороне русской армии.*

З. Дзарахова

Кавказская война стала жестким испытанием единства нахчийско-го (вайнахского) народа. Она стала своеобразной чертой, с которой началось целенаправленное разделение единого нахчийского этнического субстрата на чеченцев и ингушей. С этого времени за западными нахчийскими обществами, вошедшими в состав России, в то время как подавляющая часть их собратьев сражалась за свободу и независимость своей Родины с самой могущественной военной державой мира, окончательно закрепилось название «ингуши».

Вот что пишет Башир Далгат: «События из исторической жизни чеченцев и ингушей в XIX столетии довольно хорошо известны, и я не считаю нужным здесь останавливаться на них. Скажу только, что и в XIX столетии до окончательного покорения Чечни и Дагестана в 1859 году рознь между чеченцами и ингушами продолжает усиливаться. Поэтому все движения в Чечне, каково поголовное восстание Чечни во главе с Бейбулатом Таймиевым в 1825 году и усиленная пропаганда мюридизма с 1830 года, со времени появления Кази-Муллы и т. п., почти совершенно не отразились на ингушах. Они вели себя мирно, нашедши в лице русских защиту от чеченцев и кабардинцев» (67, с. 52–53).

Из гор на равнину, как уже отмечалось, ингуши, в основном, выселились только через лет 200–300, когда плоскость у кабардинских, кумыкских, ногайских владетелей была окончательно отвоевана и освоена родственными им чеченцами, у которых ингуши вначале и брали в аренду земли на равнине (Назрань и его окрестности, а также территория современного Малгобекского района). Позже, после вхождения в подданство России, они отказались от аренды и, с помощью царской администрации, закрепили за собой арендованные у кабардинцев и чеченцев земли.

Таким образом, за равнинные земли, в силу своей малочисленности и оторванности от своей основы – чеченцев, ингуши не воевали (здесь

они, в основном, расселились под покровительством русской военной администрации) и в Кавказской войне не участвовали.

Необходимо отметить, что некоторые ингушские лидеры, во многом, прожженные политики и конъюнктурщики. Везде и во всем они ищут только собственную выгоду. Из любой ситуации они стараются что-то выгадать для себя лично, в том числе, и используя запрещенные методы достижения цели.

В зависимости от политической конъюнктуры меняется отношение ингушской политической верхушки и к Кавказской войне. Если, например, отношение к ней со стороны федерального центра негативное, то они, как правило, выступают с позиций державников и собирателей русских земель. Но, а если центр начинает рассматривать Кавказскую войну как национально-освободительную, то тут они становятся чуть ли не основной движущей силой этой войны.

Один и тот же автор в одном своем произведении показывает ингушский народ, как ярого противника царской России, с которой ингуши находились в постоянной вражде, а в других – как извечных друзей и защитников. А иногда дело доходит до полного абсурда, когда и то, и другое утверждается в одной и той же работе.

В главе пятой «Истории Ингушетии» авторы пишут, что «в записке Граббе о мерах по покорению ингушей говорится: «Для утверждения здесь русского владычества представляется два средства: 1) поселение казачьих станиц по Сунже и 2) возведение укреплений при главных выходах из гор.

Первые казачьи станицы на территории Ингушетии были основаны в 1845 г. – станица Троицкая на месте ингушского сел. Эбарг-Юрт и станица Сунженская (переименована в станицу Слепцовскую в 1851 г.) на месте сел. Кура-Юрт и Дебир-Юрт. В 1847 г. на месте ингушского сел. Махьмад-Хите, была основана станица Вознесенская» (100, с. 213).

О каких мерах «по покорению ингушей» ведут речь авторы, если ингуши добровольно вошли в состав России и «неукоснительно соблюдали и соблюдают до сих пор верность принятым на себя обязательствам», о чем ингушское руководство любит неустанно заявлять при любом удобном поводе?

Как всем известно, ингуши, вместе с осетинами, были самыми покорными России народами Северного Кавказа в период Кавказской войны. Более того, сами принимали непосредственное участие в покорении других кавказских народов, в том числе и чеченцев, за что получали денежные вознаграждения, чины, звания и земельные наделы на плоскости из рук царских чиновников. По признанию авторов «Истории

Ингушетии», «назрановская милиция, принимавшая активное участие в военных акциях в период Кавказской войны., имела репутацию «самой лучшей по воинственности» среди горских народов» (100, с. 231).

На самом деле, как всем понятно, Граббе писал о мерах по покорению Чечни, а не Ингушетии. А что касается станиц Троицкой, Слепцовой, Вознесенской, якобы основанных на месте ингушских селений, то это очередная ложь авторов издания. Станицы Слепцовская (Дебир-Юрт) и Троицкая (Обарг-Юрт), также, как и Ассиновская (Эха-Борзе), Нестеровская (Пажарийн-Юрт), Фельдмаршальская (Алхасте) и Карабулакская (Элдархан-Гала), Вознесенская (Мохьмад-Хитле) были построены на месте вышеназванных орстхойско-чеченских сел.

Жители всех вышеперечисленных сел, в отличие от назрановцев, вместе со всеми чеченцами, оказывали яростное сопротивление царским войскам. После окончания Кавказской войны большая часть из них по религиозным соображениям, поддавшись на обман царского генерала М. Кундухова и его сподручных, переселилась в Турцию, а часть, оказавшись в пределах административной границы Ингушетии, была отнесена к ингушам. Граница между Россией, куда входили ингушские земли, и Малой Чечней,

входящей в Имамат, проходила совсем рядом с Назранью.

Как пишет А. Цаликов, «агитация Кундухова имела успех и как раз те части чеченского населения, которые казались русской администрации наиболее опасными и которые были намечены к выселению и попались в искусно расставленные сети. Переселенцы несколькими партиями отправились через Закавказье в Турцию» (227).

Интересна реакция начальника Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцова на предложение М. Кундухова о переселении чеченцев в Турцию. Вот что пишет об этом Г.К. Мартиросян: «В ответ командующим войсками Терской области получена была телеграмма следующего содержания: «17 мая месяца 1854 года. Из Поти. Телеграмма №198. Правительственная. Владикавказ. Командующему войсками. Великий князь согласен на предложение генерала К. (Кундухова. – Авт.). Желаю полного успеха. Чем дальше – тем лучше. Карцов» (143, с. 83).

Как мы видим, вышеназванные казачьи станицы были построены на месте орстхойско-чеченских сел, входящих в Малую Чечню, являющейся составной частью Гехинского наместничества Имамата Шамиля. А

строить станции на территории своих верноподданных назрановцев никакой нужды не было. Станции были необходимы против немирных чеченцев, потому на их территории и строились. Всю эту линию станций называли Сунженской. Перед ней, у самой подошвы Черных гор, построили еще одну линию (укр. Ачхоевское – укр. Урус-Мартановское – укр. Воздвиженское), названную передовой Чеченской линией.

Авторы издания совершенно верно замечают, что Кавказская война «оказала огромное влияние на весь ход последующей истории региона. В том числе она способствовала существенному перекраиванию исторически сложившихся этнических границ, формированию новой этнополитической ситуации, заключавшейся, прежде всего, в строгом разделении на административно-территориальные единицы территории Северного Кавказа и упорядочение в рамках последних горских народов». Но они делают из этого совершенно неверный и по сути своей абсурдный вывод. Вот что они пишут: «В частности, именно такое влияние Кавказская война оказала на этнополитическую историю ингушских этнотерриториальных групп, расселявшихся в XIX веке на территории современных Ингушетии и Чечни, в горах и на плоскости от Терека и до Аргуна» (100, с. 18–19).

На самом деле все было, как раз, ровно наоборот. Действительно, именно Кавказская война и то, что ингуши не приняли к этому времени ислама (хотя процесс перехода западных нахчийских обществ в мусульманство к тому времени уже начался) – были одними из основных факторов разделивших единый нахчийский этнический субстрат на два народа. Царская Россия, уже давно положившая глаз на Кавказ, в соответствии с известным имперским принципом «разделяй и властвуй», расколола единое этническое сообщество нахчий на две части, противопоставив их именно по религиозному принципу.

О каких «ингушских этнотерриториальных группах, расселявшихся в XIX веке на территории современных Ингушетии и Чечни, в горах и на плоскости от Терека и до Аргуна» идет речь? Куда, интересно, авторы «Истории Ингушетии» чеченцев-то подевали, ведь их в то время было в десять раз больше, чем ингушей? Разве горы и плоскость «от Терека и до Аргуна» в XIX веке были необитаемы? В Чечне, особенно в горной ее части, плотно заселенной чеченцами, образно говоря, яблоку негде было упасть. Против кого тогда, интересно, Россия и верноподданные ей ингуши свыше 50 лет в этом самом XIX веке воевали?

Или под расселением ингушских этнотерриториальных групп на территории Чечни авторы имеют в виду колонизацию Чечни царской Россией, выселение чеченского населения и расселение русской воен-

ной администрацией на чеченско-орстхойских землях казаков и ингушей? Если они подразумевают это, то такое, действительно, было.

Да, этнические границы в Терской области к началу 1860-х годов во многом являлись результатом Кавказской войны. Но в чью пользу оказались результаты этой многолетней кровавой войны? Конечно же, не в пользу Чечни, против которой она и велась. Численность населения Чечни сократилась в два раза, были потеряны кровью и потом освоенные за последние двести лет территории современных Сунженского, Назрановского и Малгобекского районов, не говоря уже об уничтоженной экономической инфраструктуре. В то же самое время, ингуши не только ничего не потеряли, а, наоборот, с помощью русской армии смогли вырваться на плоскость и закрепиться там. Территория расселения ингушей за эти годы увеличилась в несколько раз. Таким образом, в результате Кавказской войны в выигрыше оказались ингуши, осетины и казаки, поселенные царской администрацией на экспроприированных у чеченцев, кабардинцев, черкесов и адыгов землях.

Совершенно нелепым выглядит следующее утверждение авторов книги: «Разрыв близкородственных ингушам ингушеязычных обществ (дальние кисты) с западными собственно ингушскими обществами и их постепенная ориентация на Чечню наметился с завершением строительства Сунженской линии и административно-территориальными реформами на Северном Кавказе во второй половине XIX века» (100, с. 19).

Во-первых, «дальними кистами» в российской имперской историографии называли чеченские общества Мlайстой, Маьлхий и Хилдехъарой (иногда к ним причисляли Тlерлой и Кей), которые располагались на границе с Грузией (часть на территории непосредственно самой Грузии). Но даже если бы их называли совсем по-другому, они бы все равно остались чеченцами, так как эти общества являются коренными чеченскими обществами. Такова объективная реальность, с которой нельзя не считаться.

Не отрицая общеизвестного факта близости этих обществ с западными вайнахами, как и, вообще, всех чеченских и ингушских обществ друг с другом, возникает естественный вопрос: отчего это «дальние кисты» из чеченских, вдруг, стали «ингушеязычными»? Из факта, что их диалекты близки к ингушскому наречию вовсе не следует, что они относятся к нему. С таким же успехом можно утверждать, что ингуши говорят на маьлхинском, майстинском или хилдехароевском наречиях чеченского языка. Тем более, что большинство исследователей вайнахских языков сам ингушский язык считают диалектом чеченского языка.

Во-вторых, каким образом Сунженская линия могла разорвать «близкородственные ингушам ингушеязычные общества (дальние кисты) с западными собственно ингушскими обществами», если и те, и другие проживали глубоко в горах, на границе с самой Грузией, а Сунженская линия находилась на плоскости? Как говорится, «где дом, а где Кура?». А что касается Сунженской линии, то она, как известно, была построена, чтобы «разорвать» горных и равнинных нахчийцев, а не горцев между собой.

Тот самый «разрыв», о котором говорят авторы издания, на самом деле, произошел между несколькими западными нахчийскими (вайнахскими) этнотерриториальными группами (ингушами), не успевшими к тому времени принять ислам, и близкородственными им другими нахчийскими обществами (чеченцами), составлявшими подавляющее большинство всех этих групп, в начале Кавказской войны.

В главе «Ингушетия в начале XX века – 1917 год» авторы «Истории Ингушетии» пишут: «Ингушетия, как и Кавказ в целом, в данный период во многом изживала еще последствия Кавказской войны. Это отражалось на самых различных сферах жизни края и населявших его народов: и экономической, и общественно-психологической, и даже демографической. Так доля не вовлеченных формально в Кавказскую войну ингушей среди народов Северного Кавказа в 1835–1858 гг. снижается с 1,5 до 1,2%» (100, с. 277).

Как все это понимать? О каких негативных последствиях Кавказской войны для ингушей, как всем известно, всячески облаканных и благодетельствованных царской администрацией за всестороннюю (в том числе и военную) помощь в покорении горцев? Ведь все значимые свои приобретения (особенно территориальные) ингуши обрели, ловко используя складывающуюся политическую конъюнктуру, именно в период Кавказской войны, а затем и в годы установления Советской власти на Северном Кавказе. Так что, они, в отличие, например, от чеченцев, не «изживали» (в таком случае им пришлось бы возвращаться обратно в горы), а осваивали в целом позитивные для себя последствия Кавказской войны.

Что означает сентенция «не вовлеченных формально в Кавказскую войну ингушей»? А акты присяги в верности России от 1770 или от 1810 годов, подписанные ингушскими лидерами, а Георгиевское знамя, пожалованное российским самодержцем Назрановскому обществу (188, с. 13)?

Скорее всего, авторы под ингушами подразумевают абсолютное большинство орстхойцев, аккинцев и галашевцев (галайцев) – представителей западных чеченских обществ, входивших в Гехинское и

Галашевское наибства Имамата Шамиля, которые покрыли себя неуязвимой славой в жестоких сражениях с царскими войсками и их приспешниками. Но разве орстхойцы, аккинцы и галашевцы – ингуши? Если это так, то объясните, во имя какой высокой и благородной цели ингушская милиция, вместе с царскими войсками, уничтожала орстхойские, аккинские, галашевские и другие чеченские населенные пункты и убивала своих соплеменников?

А насчет доли «не вовлеченных формально в Кавказскую войну ингушей среди народов Северного Кавказа в 1835–1858 гг., снизившейся с 1,5 до 1,2%», то авторы, по сложившейся у них привычке, передергивают факты. Вот как об этом сказано в работе В. Кабузана «Население Северного Кавказа в XIX–XX веках», на которую и ссылаются авторы «Истории Ингушетии»: «Численность и удельный вес других этносов в регионе (на Северном Кавказе. – Авт.) изменились мало и, учитывая недостаточную надежность сведений о них, делать какие-либо расчеты о их движении рискованно. Доля их понижается из-за сильного притока в регион русских и украинских мигрантов (адыгейцев – с 29,9 до 25,5%, чеченцев – с 10,0 до 8,5%, ингушей – с 1,5 до 1,2%, даргинцев – с 7,3 до 5,8%, ногайцев – с 5,5 до 5,3%)» (101, с. 82).

Таким образом, мы в очередной раз убеждаемся в недобросовестности авторов «Истории Ингушетии», пытающихся представить снизившуюся из-за притока русских и украинских мигрантов – колонистов долю ингушей среди народов Северного Кавказа на 0,3% с их участием в Кавказской войне.

Если близкородственных чеченцев и ингушей царская администрация, а затем и советская власть целенаправленно стали разделять, формируя отдельную от нахчий ингушскую народность, то ряд других народов Кавказа, далеко неродственных по языку и культуре, наоборот, стали насильственно объединять. Например, мингрелов, сванов, хевсур и тушин совершенно безосновательно стали относить к грузинам, а дагестанские андо-дидойские народы – к аварцам.

Более того, по окончании Кавказской войны нахчийские (вайнахские) общества, с целью их дальнейшего обособления друг от друга, определили в разные административно-территориальные образования. В то время, как абсолютное большинство, приговоренного к расчленению вайнахского народа стремилось к единению, правящая верхушка ингушей, по воле центральных властей и исходя из личных интересов, делала все, что в его силах, чтобы разделить народ.

О каком участии ингушей в Кавказской войне может идти речь, если, как пишет Н. Грабовский: «За все столетнее подданство России,

ингуши только один раз, и то, при участии чеченцев-атагинцев, открыто и всею силою восстали было против нашего правительства в 1782 году, но по прибытии к ним отряда, состоящего из одного батальона пехоты, одного эскадрона драгун и сотни казаков, без сопротивления покорились, дали присягу и в заложники восемь человек» (188, с. 11)?

Кодзоев Н. пытается оправдать покорность назрановцев не обязательствами, принятыми по договоренности с Россией, а тем, что «на западе Ингушетии находились две крупные российские крепости – Владикавказ и Назрань – с многочисленными военными гарнизонами, что сдерживало местное население от открытого выступления против России» (112, с. 163).

Хочется спросить у автора, почему наличие таких же крепостей и, причем, числом на порядок больше, не сдержало открытого выступления чеченцев против колонизаторов.

А вот З. Дзарахова считает, что во время Кавказской войны 1817–1864 годов равнинные ингуши «стали своеобразной внутренней кордонной линией, защищавшей Владикавказ и обеспечивавшей безопасность путей в Закавказье. Назрановцы, как называли равнинных ингушей в тот период, своими аулами прикрывали важнейшую стратегическую территорию на Центральном Кавказе, а их милиция принимала самое активное участие в боевых действиях на стороне Русской армии» (83).

Муталиев Т. в своей статье «Тернистый путь народа» признает, что «в годы Кавказской войны плоскостная Ингушетия не стала ареной ожесточенных сражений с царскими войсками. Это не значит, что ингуши не подвергались притеснениям со стороны царизма. Вплоть до конца 50-х годов в их обществе шло глухое брожение, периодически выливавшееся в серьезные выступления...» (34, с. 125–126). Что же поделаешь, как говорится, «на нет – и суда нет», спасибо и за «глухое брожение».

Выступая на 2-ом съезде ингушского народа, известный ингушский писатель Идрис Базоркин сказал: «В великую Кавказскую войну ингуши рядом с русскими, грузинами дрались, два месяца держали осаду Цори (нашего горного села) и были тогда на стороне русских войск» (49, с. 57). Неужели патриарх ингушской литературы не знал, о чем он говорил?

Совсем противоположного мнения о событиях периода Кавказской войны придерживается М. Базоркин. Он пишет: «Концом жесточайшей Кавказской войны было пленение имама Чечни и Дагестана Шамиля. После этого царской администрацией было официально провозглаше-

но долгожданное «замирение» края. Но фактически этим актом покорение Чечни и Ингушетии отнюдь не окончилось; свободолюбивые народы добровольно не сдались царским победителям, а «смиряться ни перед кем и не думали! Эта перманентная антиколониальная борьба горцев против российского самодержавия приобрела лишь другие контуры, формы и методы» (19, с. 114).

Вот как? Непонятно, как же у ингушских авторов это все вместе получается: и строго соблюдать клятву верности России, и «перманентно» с ней воевать?! Что интересно, книгу М. Базоркина рекомендует к изданию Ингушский НИИ гуманитарных исследований им. Ч. Ахриева во главе с Ибрагимом Дахильговым – главным идеологом так называемой концепции добровольного вхождения ингушей в состав России.

Царские власти предпринимали все, что в их силах, чтобы окончательно рассорить чеченцев и ингушей. И необходимо признать, что это у них неплохо получилось. Как пишет барон Г.В. Розен, «сходно с высочайшим соизволением употреблять горских жителей одних против других для укрепления взаимной ненависти их» (15, с. 169–170).

Со слов П.Г. Буткова, «в то время наблюдаемо было правило древних римлян, чтоб для пользы кавказского края ссорить между собой разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое. Вследствие сего поссорены от нас, разными образами, чеченские народы с ингушами, и в июне 1783 года сразились, имев каждая сторона от 1 тысячи человек. Чеченцы потеряли 20 убитыми и до 40 человек ранеными, однако получили поверхность и отогнали у ингуш до 2 тысяч баранов» (95, с. 465; 32, с. 268).

А вот как тот же факт описывает Грабовский: «Ингуши и чеченцы были поссорены между собой и в июне 1783 года сразились, имея с каждой стороны по 1000 человек; результатом битвы этой было поражение ингушей и отбитие у них до двух тысяч штук баранты» (188, с. 11).

Кроме всего прочего, царская администрация использовала «для приласкания горцев» и такие специфические методы, как одаривание чинами и званиями, а также подкуп влиятельных среди горцев людей. Так, например, «в октябре 1785 года Г.А. Потемкин приказал выдать ингушам подарки за оказанную им помощь в защите Владикавказа от нападения восставших горцев. В июне 1785 года вновь были посланы деньги во Владикавказ «для передачи ингушам за послушание и усердие» (100, с. 187; 117, с. 83).

В июне 1810 года ингуши напали на возвращавшихся из набега на Владикавказ чеченцев. Вот что говорится об этом сражении в рапорте

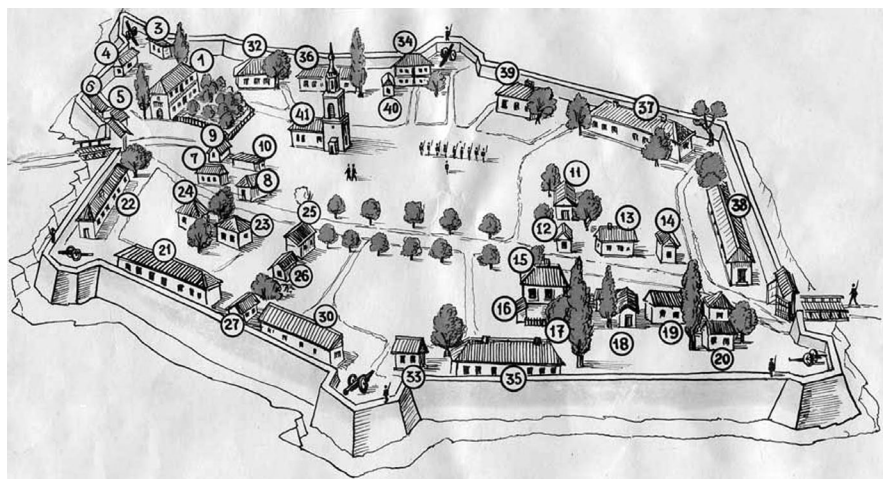
генерала А.П. Тормасова государственному канцлеру графу П.А. Румянцеву от 2 сентября 1810 года: «Чеченская партия, состоящая из 600 человек, переправившись через реку Сунжу и Камбулейку, потянулась к Владикавказской крепости, о чем узнавши, бывший там комендант генерал-майор Ивелич послал к ингушевскому народу с предварительным о том известием и чтобы на обратном пути чеченской партии ингушецы, встретив оную, разбили бы, что было исполнено ими на другой же день, 5-го числа июня: когда чеченцы были отражены от крепости Владикавказской и гнаты, то ингуши бросились на них и разбили...» (100, с. 201–202; 15, с. 70).

Опасаясь возмездия за содеянное, назрановские старшины попросили коменданта Владикавказской крепости выделить им «одно орудие и нескольких канониров с зарядами... В июне 1810 года комендантом Владикавказской крепости генерал-майором Дельпоццо в Назрань был командирован отряд под командованием подполковника Фирсова. Отряд состоял из 200 рядовых с тремя орудиями и 150 казаков» (100, с. 202; 15, с. 79).

Ингушей после этого случая сперва хотели вернуть в окрестности Владикавказа, откуда они и переселились совсем недавно в Назрань по договоренности с чеченцами и кабардинцами, но решили оставить их на месте, построив там российский военный редут.

Назрановцы, совместно с русскими войсками, несколько раз отражали нападения различных отрядов Шамиля.

В 1832 году с участием ингушей было отбито нападение войска Гази – Мухаммеда на Назрановское укрепление.

В 1841 году муриды Шамиля опять напали на Назрань. Интересны методы, которые использовались российскими военными по «мобилизации» ингушского населения в целях отражения нападения горцев. Несмотря ни на что, полного доверия к назрановцам со стороны русских не было. Получив от своих лазутчиков информацию о готовящемся нападении на Назрань, комендант Владикавказской крепости Широков прибыл на место и первым делом взял в заложники 40 человек, чтобы не допустить перехода назрановцев на сторону Шамиля. Большая

часть скота ингушей, по приказу Широкова, была переведена во Владикавказ. В случае предательства назрановцев, их скот должен был остаться у русских. Кроме того, семьи назрановцев, в качестве живого щита, были выставлены между крепостью и крепостным рвом. Под командованием полковника Нестерова, руководившего обороной Назрани, находилось 1,5 тысячи русских солдат, а также ингушские отряды. Отряды Шамиля вынуждены были отступить.

«В апреле 1846 года Шамиль вновь двинулся в Назрань... Русским военным командованием был отдан приказ согнать всех назрановцев, включая женщин и детей, под стены назрановской крепости и выдвинуть войска на встречу Шамилю. Войско Шамиля было остановлено русскими войсками совместно с ингушским ополчением» (100, с. 209).

Наиболее крупным событием времен Кавказской войны авторы «Истории Ингушетии» называют Назрановское восстание, которое произошло в мае–июле 1858 года. В документах того времени его еще называют «Назрановским возмущением». Непосредственно к Кавказской войне данное событие вряд ли имело прямого отношения, но само переселение ингушей, ставшее причиной возмущения людей, несомненно, явилось следствием этой войны. Что же касается того, что оно было «наиболее крупным событием Кавказской войны», то, вряд ли, оно таковым было для чеченцев и других воюющих за свою независимость горцев. Как говорят чеченцы, «вала а ца Гемина, хала велира тхан денда».

Практически победив горцев и укрепившись в регионе (военные действия на восточном Кавказе закончились в 1859 году), российская военная администрация перестала считаться со своими бывшими союзниками – ингушами. Тем более, что они, в отличие от осетин, в нарушение своих обязательств, отвергли христианство и стали исповедовать

ислам. Льготы и преференции, определенные ингушам за помощь в военных действиях против горцев, по окончании войны, стали таять один за другим. Теперь об ингушах, так же как и о чеченцах, все больше стали говорить как о потенциальных разбойниках и бандитах. После замирения чеченцев, церемониться с ингушами никто не собирался.

С целью освобождения плоскостных земель для казачьих поселений, а также для лучшего контроля над ставшими уже не совсем благонадежными ингушами, военные власти в конце 50-х годов XIX века решили укрупнить ингушские населенные пункты, уничтожив хуторскую систему расселения ингушей на равнинных землях. Как известно, переселявшиеся с гор под покровительством российских военных ингуши селились небольшими хуторами. Состав каждого вновь образуемого села предполагалась в количестве не менее 300 дворов.

Как сообщают архивные источники, «депутаты передали начальнику штаба войск левого крыла Кавказской линии полковнику Зотову о нежелании ингушей селиться большими аулами. В ответ полковник Зотов задержал четырех депутатов, которые, по его мнению, «были в числе главных виновников», и приказал собравшимся разойтись. Это задержание депутатов спровоцировало нападение ингушей на крепость.

Собравшиеся, по данным полковника Зотова, около 5000 человек, бросились на укрепление. Артиллерийским и ружейным огнем нападавшие были рассеяны. В результате этого неравного боя только одних назрановцев было убито 42 человека. Потери военных составили «... три убитых и семеро раненных нижних чинов, сверх того убиты в повозках два тульских мещанина и один отставной Навагинского полка» (15, с. 212–214; 100, с. 210–211).

Кроме назрановцев в «возмущении» также принимали участие и представители других западно-нахчийских обществ. Восставшие обратились к Иمامу Шамилю с просьбой прийти им на помощь.

Но авторы «Истории Ингушетии» продолжают свое: «Для большей части ингушского народа это переселение было неприемлемым, так как нарушался традиционный уклад жизни. Также ингуши понимали, что в результате переселения окажутся в полной зависимости от русской власти» (100, с. 210). А разве до этого они были независимы?

Несмотря на прошлые обиды и незавидное положение на фронтах, Шамиль дважды попытался прорваться на помощь назрановцам, но не смог этого сделать. С большими потерями он вынужден был отступить в горы.

Восстание было жестоко подавлено армейскими частями отдельного Кавказского корпуса, дислоцированными в крепостях Назрань

и Владикавказ. Нашлись добровольцы и среди самих ингушей. «Военным командованием были отмечены старшины и офицеры, которые сохранили верность русским властям и отличились при подавлении восстания. 14 милиционеров были представлены к наградам «За преданность правительству и отличие во время возмущения». В их числе выделялись юнкер Той Кантышев, поручик Дошлоку Гамурзиев, Б. Тамбиев, Т. Санталиев, О. Муталиев, Б. Мальсагов и другие, которые получили за это награды и чины... К слову сказать, большинство вновь образованных селений получило названия по личному имени или отчеству, фамилии «отличившихся» при подавлении народного восстания» (100, с. 211–212; 73, с. 58).

Назрановское возмущение дорого обошлось ингушам. Четыре человека из числа руководителей восстания были повешены, 32 человека были наказаны шпицрутенами (по 1000 ударов на каждого), 30 человек сосланы на каторгу в Сибирь. Кроме того, назрановцы, по представлению главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютанта А.И. Барятинского, императорским указом были лишены некоторых привилегий, данных им за помощь в военных действиях против горцев: знамени, двух знаменщиков и прекращение производившегося им содержания и права не платить податей в казну (100, с. 212; 15, с. 228).

Что касается знамени и привилегий, то они в свое время были дарованы назрановцам за отражение нападения отряда Шамиля на Назрань. Случилось это таким образом. По просьбе назрановцев освободить их от русских войск, весной 1841 года Шамиль выдвинулся со своим отрядом к крепости Назрань. Вместо обещанного восстания против русских, назрановцы собрали 1000 ополченцев и совместно с русскими частями выступили против войска Шамиля. «Ошарашенный таким поведением назрановцев, которые сами же пригласили его, и на основе заявлений которых он строил дальнейшие планы напасть на Владикавказ», Шамиль, неся значительные потери, вынужден был отступить в Ведено (218, с. 9–10).

Военный министр России генерал-адъютант Чернышев по поводу активного участия ингушского ополчения в этом сражении писал: «Его величество, с особенным удовольствием усмотрев... храбрость, усердие и преданность нашему правительству назрановских жителей,

оказанные им при отражении нападения, сделанного Шамилем 7 апреля, всемилостивейше соизволил пожаловать им знамя...». Есаул Гайтов был награжден Георгиевским крестом, а назрановским старшинам были вручены подарки и денежные вознаграждения (100, с. 209).

Случилось то, что должно было случиться – колониальная администрация использовала ингушей против своих собратьев, а затем, когда сопротивление со стороны последних практически было сломлено и надобность в услугах ингушей отпала, лишила их последних привилегий, дарованных им за содействие в борьбе против горцев Кавказа, в том числе и против братского чеченского народа.

По признанию самих ингушских авторов, назрановская милиция принимала самое активное участие в Кавказской войне, прикрывая Владикавказ и Военно-Грузинскую дорогу от нападений отрядов Имама Шамиля (100, с. 231).

«По совершенной покорности и преданности Осетинских и Ингушевских племен, живущих в пределах Владикавказского округа, все они охотно выставляют милицию, смотря по требованию Владикавказского военного округа» (98, с. 121).

Скандально известный историк, один из авторов концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, В. Виноградов (на которого очень часто любят ссылаться ингушские авторы) пишет: «Источники сообщают об участии отрядов ингушей вместе с русскими войсками в боевых действиях на Северном Кавказе» (176, с. 15).

Как следует из материалов архива Б.К. Далгата, житель селения Арзи Газбык Газиевич Хабилов, являвшийся информатором Далгата, «участвовал в походах на стороне русских... Газбык был и в походах при покорении русскими Чечни и Дагестана. Он был награжден двумя медалями. Одна серебряная медаль «За покорение Чечни и Дагестана 1857–1859», вторая светло-бронзовая «За храбрость 1854–1856» (68, с. 451).

Есть свидетельство того, что палач кавказских народов генерал Ермолов сформировал специальный отряд из ингушей, с целью его использования в борьбе против одного из предводителей чеченского народа Бейбулата Таймиева (211, с. 23).

Вот, например, имена некоторых ингушей, служивших в ингушской милиции и удостоенных наград и званий за участие в операциях против чеченцев:

«Барсук Мальсагов 1820 г.р. в 1837 году, будучи всадником отряда милиции, позже – аульным старшиной, за бои с бандитскими шайками имел награды» (ГВИА, ф.497, оп.1, д.944, л.76–77).

«Эльберд Мальсагов – всадник Терской постоянной милиции. 30 мая 1863 года произведен в корнеты, а 13 апреля 1865 г. – помощник командира 12-й сотни. За время службы в милиционных отрядах имел награды» (ГИАСО, ф.12, оп.5, д.287, № 24).

«Дошлуко Гамурзиев – старшина Назрановского общества в 50-х годах XIX века. Произведен в прапорщики 14 марта 1845 года. За отличия в делах с горцами произведен в подпоручики 11 февраля 1853 года.

Прикомандирован к Назрановской милиции. В 50–60-е годы XIX в. – депутат окружного суда Ингушского округа. Имел награды: серебряную медаль с надписью «За храбрость» (1839 г.), медаль за взятие Ахульго (1839 г.), золотую медаль с надписью «За храбрость»; ордена св. Станислава 3-й ст. (1845 г.), св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (24 октября 1846 г.), св. Анны 3-й ст. с бантом (14 июля 1849 г.). Получал единовременно денежные пожалования: 25 руб. (24 мая 1839 г.),

100 руб. (1844 г.), 70 руб. (1846 г.) и 150 руб. (1847 г.)» (РГВИА, ф.407, оп.1, д.946, л.23, с. 237).

«Мамилев Анзор Дударкиевич – майор 152 пехотного Владикавказского полка. Участвовал в боевых операциях российских войск в Чечне в составе известного Тенгинского пехотного полка и был награжден медалями «За покорение Чечни и Дагестана 1857–1859 годы» и «За покорение Западного Кавказа 1859–1864 годы». Участвовал в подавлении венгерского восстания в 1849 году, за что награжден орденом св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость» (РГВИА, ф.400, оп.9, д.10086, лл. 30–36 об.).

«Джабагиев Эльджи – штабс-капитан, командир 4 сотни Терской постоянной милиции. Был награжден медалью «За покорение Чечни и Дагестана 1857–1859 годы». В 1958 году был назначен словесным переводчиком к начальнику Аргунского округа. За оказанные важные услуги и преданность Правительству во время возмущения назрановцев в мае 1858 года награжден званием юнкера». А затем «За отличия

в делах 30 июня 1858–1859 гг., при поражении главных сил Шамиля в Ахкиюртовском ущелье Назрановского общества» юнкер Жабагиев Э. был награжден Георгиевским крестом – для мусульман (133, с. 140).

«Байсара Мочко (Сергей Федорович Базоркин) – родился в 1817 году в семье прапорщика царской армии в Камбилеевских хуторах, в тех местах, где ныне находится сел. Базоркино. Он из рода Газда из Эги; образование получил в Тифлисской духовной семинарии... Будучи в определенной степени язычником, Мочко не мог, конечно, учиться в духовной семинарии. Поэтому он и принял православие. В соответствии с этим сын Байсара Мочко стал Сергеем Федоровичем Базоркиным». За свою служебную деятельность Сергей

Федорович Базоркин получил множество наград. «В 1846 году его производят в подпоручики и он награждается орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»... » (133, с. 92–93).

А.У. Мальсагов представляет Мочко Байсаровича Базоркина (после крещения – Сергея Федоровича Базоркина) как человека, видевшего в исламе «нравственное совершенствование, воспитание трудолюбия и уважения закона». Мальсагов пишет: «Кунта-Хаджи высоко почитал Мочко. Он завещал ингушам после смерти Мочко совершить его погребение по мусульманскому обряду». Судя по тому, что пишет автор дальше, ингуши не выполнили завещание великого устаза. «Через несколько дней после выселения ингушей в 1944 году в Казахстан, ингушское селение Мочкхий-Юрт (Базоркино), названное именем его основателя, было переименовано в сел. Чермен. Склеп Мочко, находившийся во дворе его потомков, вскрыли и сожгли; вандалы сожгли также и гроб жены Базоркина, осетинки Хамбечеры Жукаевой» (133, с. 94).

Брат Мочко – Бонухо Базоркин – «свою военную карьеру начал с участия в Кавказской войне. В 1850 году он произведен в юнкера, в 1851 году – в прапорщики. После окончания военных действий на Северо-Восточном Кавказе в течение десяти лет – с 1861-го по 1871 год – он прослужил в императорском конвое...» (100, с. 234). Бонухо (Борис Федорович) Базоркин принял христианство, так же как и его брат – подполковник Сергей Федорович Базоркин. Русские имена им были даны при крещении. «Бонухо Байсарович Базоркин – младший

брат Мочко... Родился 21 сентября 1830 г., прослужил в царской армии 54 года и вышел в отставку в чине генерал-майора – первого генерала из ингушей» (133, с. 94). Борис Федорович Базоркин является дедом известного ингушского писателя Идриса Базоркина.

Руководитель партии «Нийсхо» Исса Кодзоев в своей книге «Сула-мбек Сагопшинский» дает такую оценку некоторым своим землякам – офицерам и генералам: «Национальные герои. Где нам их искать? А где угодно, но только не среди генералов и офицеров. Среди многочисленных прославленных военных из ингушей XIX, XX и XXI веков, всего несколько человек, отличившихся патриотичным духом... Я не назову народным героем служаку, если даже у него будет обвешена звездами не только богатырская грудь, но спина и то, что ниже нее. Он прекрасно служил своему Хозяину, и Хозяин по достоинству оценил его услуги. Все! Он получил то, что заслужил сполна. От народа, для которого он ничего не сделал, ему ничего не полагается...» (113, с. 3–5).

В статье «Ангушт», опубликованной в сборнике «Без прошлого нет будущего», И. Дахкильгов рассказывает о своем родственнике Шукри Эльберд-Хаджиевиче Дахкильгове. С нескрываемой гордостью он пишет, что его дед Шукри – Боскур Дахкильгов был адъютантом генерала Слепцова. Того самого Слепцова, который огнем и мечом прошелся по всей Малой Чечне. Вот что рассказывает о «воинской доблести» Слепцова известный ингушский историк Тамерлан Муталиев: «4 июня 1845 года отряд из 17 рот пехоты, 18 сотен кавалерии при 8 орудиях под командованием полковника Нестерова выступил из Назрановского укрепления вниз по Сунже... На рассвете следующего дня отряд незаметно приблизился к готовящемуся приступить к наступающему дню «немирному» чеченскому аулу Шовдан-Шари. Первым в село ворвался назначенный командиром вновь созданного 1-го Сунженского казачьего полка и одновременно начальником Верхне-Сунженской линии тридцатилетний майор Николай Слепцов. Происшедшее дальше отрядный летописец описывает беспристрастно и спокойно, как дело, ставшее привычным и скучно-будничным «... взошли в аул и приступили к зажиганию сакель и истреблению имущества... Аул сожгли весь до основания» (34, с. 129).

А вот с какими словами обратился Слепцов к солдатам своего полка, всего лишь за пять лет продвинувшийся по службе от майора до

генерала: «Вы будете иметь борьбу с народом, на котором лежит клеймо божьего гнева... Нет врага кресту нашему, мы водрузим знамение спасителя везде, где укажет нам Бог перстом царя. Долг наш оружием утвердиться здесь, на новых местах поселений, и мы обязаны исполнить этот священный долг с усердием, славно, честно, неутомимо» (59, с. 10). Есть чем гордиться И. Дахкильгову!

Плоскостные ингуши, называемые назрановцами, принимали самое активное участие в Кавказской войне. Но не на стороне горцев, воевавших за свою независимость, а против них. Есть множество документов, небольшая часть из которых приводится в данной работе, подтверждающих то или иное участие ингушей в военных действиях против своих соплеменников на стороне царских войск (милицейские отряды, интендантская служба, лазутчики, переводчики и т. д.).

Когда мы говорим о том, что ингуши не участвовали в национально-освободительной борьбе горцев Кавказа, не имеются в виду предки большинства орстхойцев, записанных в настоящее время ингушами. Принятием ислама, совместной борьбой с феодальными владельцами за равнинные земли, а также за свою свободу и независимость в Кавказской войне, они однозначно показали какую часть вайнахского народа они представляли.

Как пишет известный нахчийский историк Явус Ахмадов, «в средние века, да и в новое время, не только на Кавказе, но и зачастую «в той же Европе» религиозный фактор выступал основным нациоопределяющим элементом. В конце XVIII – начале XIX века карабулаки были полностью исламизированы и вписываются в системообразующую составляющую Малой Чечни, а через нее и всей Чечни» (11, с. 53). Позже, оторванные от Малой Чечни и преднамеренно включенные в состав ингушских административно-территориальных образований, они просто вынуждены были записываться ингушами.

Часть орстхойцев, оставшаяся в Малой Чечне после мухажирства подавляющего большинства этого чеченского тукхума в Турцию, была насильственно переселена царскими властями на территорию современного Назрановского и Малгобекского районов. «Избежавшие переселения карабулаки, жители, оставшиеся в аулах Ах-Барзой и Гажир-Юрт, частью были приняты в аулы Назрановского участка Ингушского округа, а большая их часть переселилась на территорию нынешнего Малгобекского района и образовала селение Новый Ах-Барзой» (34, с. 132–133).

Туда же, в основном, были поселены и возвратившиеся из Турции переселенцы-орстхойцы. Делалось это целенаправленно, чтобы ото-

рвать воинственных орстхойцев от своих собратьев-чеченцев, готовых при любом удобном случае восстать против царских властей, и рассредоточить среди мирных и верноподданных назрановцев, поселенных на орстхойских же землях.

Следует признать, что случаи участия ингушей (галгай) в войне на стороне чеченцев, несомненно, были. Не было массового участия. Последний факт не отрицают и сами ингушские авторы.

События, связанные с «Назрановским возмущением» 1858 года, наглядно показали истинное отношение царской администрации к ингушам. «Все плоскостные ингушские селения, располагавшиеся к югу от Владикавказа и прилегавшие к стратегически важной Военно-Грузинской дороге, в период между 1859 и 1865 годами были ликвидированы, а земля, им принадлежавшая, передана возникшим на их месте казачьим станицам» (34, с. 133). Как говорится, вот и вся любовь. Используя в войне против своих единокровных братьев, ингушам недвусмысленно указали на их место. А оно, кто бы что ни говорил, всегда было только рядом и вместе с чеченцами.

ПОПЫТКА ХРИСТИАНИЗАЦИИ ИНГУШЕЙ. ПРИНЯТИЕ ИСЛАМА

*По архивным данным, в 1834 году
было крещено 3169 ингушей.*

А.У. Мальсагов

Мощное влияние на духовную культуру нахчий оказало принятие ими мусульманства. Ислам стал широко распространяться в Чечне с середины XIV века с территории Дагестана и Золотой Орды. Уже в XVI веке «можно говорить о полной исламизации плоскостных селений восточной части края... Со второй половины XVII века наблюдается проникновение ислама и в горные районы страны...» (99, с. 150–151).

По мнению Вахита Акаева, «ислам, как единственная форма идеологии, существовавшей в то время, способствовала объединению разнородных, разноречивых народов Северного Кавказа» (6, с. 3).

Ингуши, в отличие от чеченцев, накануне вторжения России на Кавказ не приняли еще мусульманства. Именно этот фактор, в основном, и был использован российскими имперскими силами для разделения, а затем и противопоставления двух частей единого нахчийского народа. Принимая акт присяги о верноподданничестве России, несколько ингушских фамильных предводителей поклялись «всемогущим богом небесным и почитаемым нами за святость кумиром, находящимся в горах, именуемый Гальерд», что «к проповедованию и введению у нас мухаммеданского закона эфендиев, мулл и прочих особ духовных мухаммеданских отнюдь не принимать, не допускать и мечетей не строить». Вот что пишет об этом И. Дахкильгов: «Эрсий мехках дIаххеташ, гIалгIаша – цу хана бусулба бацар уж – ХIал-ерда цIарах дув биар» (71, с. 13).

«Жители Назрановского общества, – сообщает У. Лаудаев, – остаются еще в язычестве; чеченцы-мусульмане видят в них религиозных врагов: они ожесточаются друг против друга, грабя и убивая взаимно один другого, почему назрановцы разъединяясь с единоплеменными чеченцами, общаются с язычествующими еще осетинами...» (125, с. 85).

Зная, что «для подавляющего большинства мусульман Кавказа принадлежность исламу является доминирующей групповой идентичностью, в значительной степени «поглощающую» их этническую (пле-

менную) отличительность» (228, с. 41), российская администрация делала все возможное, чтобы не допустить принятия мусульманства ингушами и окончательного отрыва ингушей от своих собратьев. В первую очередь, проводилась целенаправленная миссионерская работа по христианизации ингушей. И необходимо признать, что эта работа была далеко не безуспешной. Особенно на первоначальном этапе. «Распространяя православие среди ингушей, царское правительство преследовало прежде всего политические цели, используя идеи христианства, как орудие политического влияния» (100, с. 178).

«Два основных критерия имперской избирательности в отношениях с различными субъектами общекавказского политического процесса – идеологический (конфессиональная близость) и прагматический (военно-политическая лояльность этих субъектов в отношении самой России). Избирательность, таким образом, задана не только лишь идеологией православного державного покровительства, но и прагматической логикой обеспечения устойчивого имперского контроля над регионом» (228, с. 17). Вхождение в состав России, а также начавшийся процесс христианизации ингушей полностью соответствовали этим критериям.

«Подданство России, – пишет Б. Далгат, – ингуши начали принимать еще в 1747 году, когда на них и осетин правительство обратило внимание с целью восстановления среди них христианства. (...) Назначены были и священники для ингушей; много вновь крещено» (67, с. 50).

«15 июня 1756 года на берегу Терека собралось 800 конных и пеших ингушей. К ним в лагерь явился иеромонах Григорий, который «начал с ними говорить... и советовал быть им под кровом всемилостивейшей государыни». Они сообщили иеромонаху, что «именуют себя христианами и как осетинцы великой пост постятца... и тем же праздником празднуют, которым осетинцы» (39, с. 103–104).

В донесении архимандрита Арсения в августе 1756 года на имя руководителя, осетинской духовной миссии, созданной для христианизации осетин и ингушей говорится: «И просят они у священников и диаконов, чтоб обряд церковной как надлежит у них усилить и проповедь распространить и в какой милости осетинцы и под покровом всемилостивейшей нашей государыни обретаются и свободно приезжают в Кизляр, – в такой же милости и под покровительством их, киштцов (ингушей) иметь и свободно ж в Кизляр им ездить дозволить» (176, с. 15).

Как свидетельствует ингушский старшина Авраам Пахомиев (до крещения Аржач. – Авт.), к 1757 году в Ингушетии, «несколько сот душ окрестились» (39, с. 105).

С началом строительства крепости Моздок, «к ингушам был послан полковник Петр Гак, который предложил им переселиться на Моздокскую линию. Ингуши ответили согласием. Это послужило поводом к учреждению в Моздоке Духовной осетинской школы, которая была открыта 27 сентября 1764 года, в ней учились ингушские и осетинские дети. В этой школе новокрещенным детям преподавались христианский закон и российская грамота» (100, с. 178).

Тем, кто принимал христианство, предоставлялись определенные льготы в торговле, в передвижении по региону, кроме того, выплачивались разовые денежные выплаты и давались подарки. Обращению в христианство способствовало и то, что всем новоиспеченным христианам выдавали деньги (50 копеек), кусок сукна, а также медный крестик, который ингуши считали золотым» (188, с. 25). Женщинам, кроме того, дарили зеркало и ножницы. Совсем, как это делали европейцы в своих взаимоотношениях с аборигенами Америки и Африки.

«Для нужд новообращенных горцев были открыты духовные училища (в 1834 г. в Моздоке и в 1836 г. во Владикавказе), куда поступали и дети ингушей... Владикавказское духовное училище 10 февраля 1837 года приняло обращение «ингушевского переводчика, находящегося при Назрановском приставстве... Батимурза Чирикова, которым он просил о принятии 10-летнего сына его Александра и 9-летнего Николая племянника во Владикавказское духовное училище на полное казенное содержание и о присоединении их к православной греко-российской вере» (108, с. 40).

Как пишет А.У. Мальсагов, «по архивным данным, в 1772 г. были крещены 177 ингушей (РГВИА, ф.405, оп.6, д. 6463, л.16), затем был перерыв в 50 лет. В 1821 году крещены 7 ингушских старшин, в 1822 г. у Назрановского редута крещены 113 человек. В 1823 г. в числе прихожан осетинской церкви во Владикавказе числились 118 дворов ингушей. Позже крещены: в 1827 г. – 284 ингуша, в 1833 г. – 1012, в 1834 г. – 3169 человек» (203, с. 41).

Дахкильгов И., ссылаясь на А. Шегрена, пишет, что две трети ингушей приняли христианство: «А. Шегрена яздаьчохь, 1820 шера гIалгIай къамах кхаьннех шин даькъо жIаргаш эхкадар» (71, с. 105; 102).

Основными причинами массового принятия ингушами христианства Э.Д. Мужухоева считает, «что они были язычниками и появление в пантеоне языческих божеств еще одного святого в образе Христа ничуть не оскорбляло их религиозных чувств», а также тот фактор, что «миссионерская деятельность в Ингушетии не была навязчивой и насильственной» (34, с. 76).

Кроме того, как писал Н. Грабовский, «условия прошлой жизни ингушей и их вековое зависимое положение от более сильных соседей, развивая в них дурные стороны характера, в то же время влияли и на расширение их умственного кругозора... В то время, когда наиболее сильные и богатые материально племена, населяющие Терскую область, упорствуют в своем закоснелом невежестве и строго следуют своим исконным обычаям, запрещающим заимствоваться чем-либо от ненавистных гяуров, – ингуши дают из себя совершенно обратное явление. Народ этот, находясь в течение многих лет в постоянном и близком общении с русскими и главным образом в соседстве с самым интеллигентным пунктом области – г. Владикавказом, усвоил себе потребности, отрадные для будущего» (188, с. 28).

В середине XIX века среди всех горцев Северного Кавказа осетины и ингуши были самыми продвинутыми в деле образования, в основном духовного. «Принявши за среднее число 100 человек учащихся из всего этого населения (11023 душ мужского населения. – Авт.), мы, все-таки, получим весьма почтенный процент: один учащийся на 110 человек (точная цифра учащихся неизвестна, но определение этой цифры в 100 приблизительно верно, так как, кроме Назрановской школы, около 20 детей обучаются во Владикавказском реальном училище, несколько человек в ставропольской гимназии и много в других учебных высших и низших заведениях, за исключением детей, обучающихся у частных лиц). Таким процентным содержанием едва ли многие местности в России могут похвастаться».

Так, например, «в Кабарде, в нальчинской горской школе, полагается на туземцев всего 35 вакансий, при населении Кабарды до 30 тысяч душ мужского пола, причем число учащихся в школе не достигает до положенной штатом цифры», в Чечне «при мужском населении около 60 тысяч душ, существует для детей чеченцев 25 вакансий в грозненской начальной школе», а у кумыков «богатейших и промышленных людей Северного Кавказа, насчитывающих в среде своей 37 тысяч душ мужского пола, и до сих пор еще не имеется ни одной школы для обучения русской грамоте» (188, с. 30–31).

Но несмотря на то, что российское правительство старалось обратить всех ингушей в христианство, «не жалея никаких для сего жертвований» (15), это предприятие не имело окончательного успеха. Многие в сложных православных обрядах и культах святых было непонятным и чуждым для ингушей. В то же самое время мусульманская идеология и обрядность были более простыми и понятными. И, что немаловажно, мусульманское мировосприятие больше соответствова-

ло ментальности ингушского народа. Кроме того, ислам, на примере 25-летней героической борьбы чеченского народа за свою независимость, прошедшей на религиозной основе, показал свою великую силу и жизнеспособность. Плюс ко всему, немаловажное значение имело и то, что проповедники ислама в Ингушетии – чеченцы были им родственны и говорили на одном и том же с ними языке.

Обращение продолжающих оставаться в язычестве нескольких западных нахчийских обществ в ислам было одной из главных задач чеченского имама из Алдов Шейха Ушурмы (Шейха Мансура). 26 марта 1785 года, в своем рапорте генералу Потемкину, астраханский губернатор Жуков пишет: «После того оный шейх (Мансур) говорил, что как скоро выедет со двора, то в то же самое время соберется к нему великое число войска, с коим и поедет он к ингушам для приведения их в закон магометанский» (15, с. 1114–1116; 60). Но, в связи с перенесением деятельности Шейха Мансура за пределы Чечни и Ингушетии это его намерение не было выполнено.

Смене ориентации ингушей на ислам способствовало также и изменение политики царской России по отношению к ингушам. Если в начале XIX века, когда требовалась помощь ингушей в деле защиты крепости Владикавказ и Дарьяльской дороги от нападений войск Шамиля, ингуши были всячески обласканы, то с окончанием Кавказской войны ингушей постепенно начали притеснять и подвергать различным репрессиям, все чаще отождествляя их уже с собственно чеченцами. «В связи с усилением антиингушских репрессий, укрепились позиции ислама в Ингушетии, что можно рассматривать как одну из форм протеста населения» (100, с. 253).

«Огромную роль в принятии ингушами ислама сыграла проповедническая деятельность святого устаза Кунта-Хаджи Кишиева» (133, с. 60). То, что не удалось сделать в течение двухсот лет нескольким поколениям чеченцев, смог сделать один Кунта-Хаджи из Иласхан-Юрта, с именем Аллаха на устах и с Кораном в руках прошедший с проповедями мира и ненасилия по всем ингушским селам с горсткой своих последователей. И главной причиной его ареста и ссылки в 1864 году царской властью была вовсе не религиозная деятельность Кунта-Хаджи в самой Чечне, а его миссионерство в Ингушетии, в результате чего практически все ингуши стали исповедовать мусульманство. Принятием ислама ингушами закладывалась основа для воссоединения искусственно разорванных друг от друга частей единого нахчийского народа. Царская администрация не могла допустить этого, в связи с чем, арестовала и выслала чеченского Устаза из Иласхан-Юрта.

Отдельные случаи принятия ислама западными нахчий, конечно, имели место и раньше. Граф Потоцкий, путешествовавший по Кавказу в 1797 году, писал, что «лишь немногие из ингушей втайне считались магометанами, а прочие – язычники. Они изгнали из своей среды (в Чечню) двух ингушей, попавших в рабство к туркам и, вернувшись на родину мусульманами, начавших проповедовать новую религию среди земляков своих. Последние сказали им: «Вы нас наставляете в законе, который вы приняли во время вашего рабства. Мы его не хотим вовсе. Уходите прочь из нашей земли и не смейте возвращаться в нее никогда» (67, с. 54).

«Джераховцы, кистинцы и галгаевцы считают себя магометанами, но вместе с тем у них встречаются некоторые христианские и языческие обряды; особенно резко выдаются последние... Галгаевцы, хотя и считают себя магометанами и у них есть муллы, но придерживаются все-таки прежних обрядов своего странного богослужения, т. е. молятся только по ночам, близ кладбищ, четырехугольных столбов в рост человека; у подножия столба, с восточной стороны, сделана маленькая ниша, в которую молящийся кладет свою голову, став на колени. Весь процесс моления заключается только в этом» (185, с. 16–19).

В то же самое время «совсем другое встречается у цоринцев, акинцев и мереджинцев: они чистые магометане, по крайней мере, в настоящее время» (185, с. 17).

По сообщению этнографа А. Тутаева, «с 1810 г. по 1835 г. умели читать молитву не более 10 человек, с 1835 г. по 1845 г. все ингуши говорили, что они магометане, но правильно читать молитву научились лишь к 70-м гг. XIX века» (133, с. 60).

О том, что процесс с принятием мусульманства у ингушей затянулся вплоть до XX века, пишет И. Дахильгов: «Кхыметтел 1900 шера а галгалай бусалба бирзай ба, аьнна, лоархаш хиннадале а, язычески цувнашта саглаш деш а хиннаб уж» (71, с. 103; 103, с. 33–34).

«Между ингушами встречаются еще старики, которые помнят обращение их в христиан и которые сами крестились... Несмотря на хлопотливую заботливость чеченских мулл о полном водворении магометанства, ингуши еще продолжают почитать воскресный день почти наравне с пятницею и признают за праздник Светло-Христово Воскресенье». (188, с. 25).

Как пишет А.У. Мальсагов, «последним ингушом в сел. Базоркино, принявшим ислам, стал сын Мочко Базоркина – Андрей (после принятия ислама – Саадул). Это произошло в 1912 году» (133, с. 78). Мож-

но себе представить, насколько было распространено мусульманство в горах Ингушетии, если даже на плоскости была такая неприглядная картина.

До принятия ингушами мусульманства между ними и чеченцами была кровная вражда. «Но теперь эта рознь все более и более сглаживается. Прежде же чеченцы нападали на ингушей, называя их неверными, так как чеченцы раньше ингушей приняли ислам» (67, с. 75). Но после завершения Кавказской войны «ингуши начинают становиться истыми мусульманами, имея в каждом селении мулл чеченцев, учеников Дагестана, которые с особенным рвением набросились наставлять ингушей на путь мусульманства. До этого же ингуши, как кровные враги с Шамилем, главным руководителем исламизма в восточной части Кавказа, были очень плохими мусульманами...». (188, с. 17).

Таким образом, попытки христианизации ингушей, в конечном итоге, провалились. Все ингуши приняли ислам, включая тех, кто, так или иначе, прошел до этого обряд крещения. С принятием ислама ингушами создавалась благоприятная ситуация для воссоединения двух частей единого нахчийского народа. Но взаимное отчуждение оказалось настолько глубоким, что о скором воссоединении не могло быть и речи.

ЧЕЧЕНСКИЕ ТУКХУМЫ ОРСТХОЙ, АЬККХИЙ И МАЬЛХИЙ

*Чеченских обществ к 17 веку было довольно
много: Аккхий, Малхий, Нохчмахкахой,
Чеберлой, Шарой, Шатой, Чантий, Эрстхой.*

В.И. Марковин

Пользуясь тем, что некоторую часть представителей таких основных чеченских тукхумов, как Орстхой, Маьлхий и Аьккхий, оказавшуюся в пределах ингушских территориально-административных образований, волонтаристским образом записали ингушами, отдельные ингушские авторы заявляют о принадлежности этих обществ к ингушскому народу. Если в бытность единой Чечено-Ингушетии этот вопрос практически никем в такой плоскости не ставился, то с образованием отдельной Ингушской Республики этот вопрос стал особенно остро.

Таким образом, вопрос о принадлежности тех или иных нахчийских (вайнахских) обществ к современным чеченскому или ингушскому народу, кто бы что ни говорил – это вопрос границы между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия.

Понятно стремление ингушей получить большие приобретения, в том числе и территориальные, при размежевании двух республик. Но у двухмиллионного чеченского народа тоже ведь нет лишней земли. И если та или иная часть чеченской территории будет кому-то отчуждена, то только по доброй воле его народа.

Вопрос о том, представители каких нахчийских обществ относятся к современному чеченскому народу, а какие к ингушскому, не совсем корректен, так как на самом деле, по существу, мы имеем дело с одним расчлененным на две части народом. Идентификация своей личности с чеченским или ингушским народом – это, так сказать, неотъемлемое и суверенное право каждого представителя нахчийского (вайнахского) народа и он может воспользоваться им по своему собственному усмотрению. И никто не вправе упрекнуть его за это. Поэтому, представитель любого нахчийского общества, как крайне восточного, так и крайне западного, который относит себя к чеченскому народу – является чеченцем (нахчо/нохчо), а тот, кто относит себя к ингушскому народу – ингушом (гIалIа). В свою очередь, оба эти народа объединяет их нахчийское (вайнахское) происхождение.

Недостойны и неприемлемы такие случаи, когда определившийся (свободно, без всякого принуждения) со своей национальной принадлежностью представитель того или иного нахчийского общества, меняет ее (с чеченского на ингушский или наоборот) по каким-то материальным, меркантильным или другим соображениям. Как говорят чеченцы – «дехкашка ун деъча – бирдолаг хуьлуш, бирдолагашка ун деъча – дахка хуьлуш товш вац къонах».

Составители «Истории Ингушетии» пишут: «Приграничные общества Чечни и Ингушетии, такие как Акки, Мелхи, Орстхой, Цечой, Мержой, Галай и др., которые сегодня частью позиционируют себя ингушами, частью чеченцами, относятся советскими историками чаще всего к чеченцам, хотя по признанию многих авторов (?), по своему языку они до недавнего прошлого являлись ингушами» (100, с. 116).

Во-первых, все перечисленные общества, действительно, являются чеченскими. Другое дело, что небольшие группы этих обществ, оказавшиеся в границах различных административно-территориальных образований ингушей, вынуждены были записываться ингушами, хотя никогда не считали себя таковыми.

Во-вторых, по признанию абсолютного большинства не только советских, но и царских, а также зарубежных исследователей, сами ингуши являются одной из ветвей «чеченского племени». А что касается вышеперечисленных обществ, то они вовсе не «приграничные», как о них пишут авторы, а самые что ни на есть «внутренние». Так как никакого отдельного ингушского народа, до вторжения России на Кавказ, не было. Был единый нахчийский этномассив, называемый «чеченским», в котором, наряду с другими нахчийскими (вайнахскими) обществами, было и общество ГІалГІай, состоящее тогда всего лишь из трех поселений – Эгикал, Таргим и Хамхи. И именно общество ГІалГІай было приграничным с осетинами нахчийским (вайнахским) обществом.

Сам этноним «ингуши» – это русское название жителей конкретного предгорного села Ангушт, представлявших разные нахчийские общества. Примерно половина деревень, относившихся к «к обоим Ангушам», как мы отмечали выше, были основаны родоплеменными объединениями, входящими в современный чеченский народ.

Естественно, возникает вопрос – о каком отдельном народе идет речь, если половина самого составляющего этнонима «ингуши» – самая что ни на есть чеченская? Какие могут быть «приграничные общества», если официально установленной границы между братскими республиками нет до сих пор? Межевое разграничение между отдель-

ными нахчийскими обществами и тайпами было, но не было границы, разделяющей две части чечено-ингушского народа. Народ был един.

Как известно, нахчийские общества не знали классового деления, и у них не было собственной государственности, чем они постоянно гордились. До конца XVIII века на территории Чечено-Ингушетии существовал союз самоуправляющихся вольных нахчийских (вайнахских) обществ.

Аккинское, Орстхойское или Маълхинское общества (общества ЦӀечой, Мержой, Галай, к сведению авторов, входят в Орстхойский тукхум) ни в чем не уступали в численности, воинской доблести, авторитету и влиянию другим нахчийским обществам, в том числе и ГӀалгӀай.

К началу вторжения России на Северный Кавказ, процесс формирования из всех нахчийских свободных обществ единого народа не был завершен, хотя консолидация этих обществ вокруг равнинных нахчий (названных русскими чеченцами), представлявших из себя мигрировавших на плоскость представителей все тех же горных вайнахских обществ шла вовсю. Главными факторами этой консолидации были более высокое качество жизни на равнине и начавшееся в связи с ним имущественное расслоение, а также принятие единобожия – ислама, которое стало своеобразной клейкой массой, скрепом, связывающим различные нахчийские (вайнахские) языческие общества в единый народ.

Как совершенно верно отмечает А. Цуциев, «конфессиональная принадлежность используется в прочерчивании национальных границ, и религии выступают «национальной» атрибуцией, культурным «ядром» или, по крайней мере, маркером зачинающихся наций. (...) Очевидно, что в этих и многих других случаях существует выраженная связь этнического и конфессионального «коллективного Я», усиливающая отличительность групп-носителей, своеобразную жесткость или, напротив, избирательную открытость их границ. Религия оказывается не просто символизацией, но средством национальной отличительности» (228, с. 41).

Но российским политикам удалось выбить из этого союза несколько западных нахчийских обществ, продолжавших поклоняться своим древним языческим богам.

Принявшие ислам вайнахские общества, проживающие как на равнине, так и в горах, стали идентифицировать себя как «нахчий» (в русской традиции – чеченцы). Этому в определенной мере способствовало и то, что этноним «нахчий» не являлся ни племенным, ни родовым названием, а, наоборот, своей древней корневой основой «нах» –

«люди», присутствовавшей в языке всех вайнахских обществ, объединял их все в один народ.

Из оторванных от своей основы нескольких нахчийских (вайнахских) обществ, в противовес чеченцам, используя религиозный и материальный факторы (деньги, чины и звания), начали искусственно создавать новый народ. Тем самым, союз нахчийских обществ был разорван на две части.

Подавляющее большинство принявших ислам вайнахских обществ, первыми освоившие плоскость и воевавшие за свою свободу в Кавказской войне, консолидировались в равнинных нахчий, представлявших собой своеобразный сплав всех вайнахских племен Кавказа. А те несколько западных нахчийских обществ, отказавшихся принять ислам, добровольно вступивших в российское подданство и воевавших против своих собратьев, сгруппировались, вернее, различными мерами административного характера были сгруппированы вокруг общества «гІалгІай».

Несомненным фактом является то, что аккинцы, орстхойцы и маблхий являются основными тукхумами чеченского народа. Отмечает это и В.И. Марковин: «Чеченских обществ к 17 веку было довольно много: Аккхий, Малхий, Нохчмахкахой, Чеберлой, Шарой, Шатой, Чантий, Эрстхой» (140, с. 71).

Основная часть аккинцев и орстхойцев, одной из первых выселившаяся из Нашха и занявшая предгорную и плоскостную территорию, находящуюся на восточной (Аух) и западной (Арстах) границе Чечни, в настоящее время идентифицируют себя чеченцами.

Аккинцы Республики Дагестан своим самоназванием – «чеченцы-аккинцы» – подчеркивают свою национальную принадлежность (чего только стоят, в связи с этим, потуги дахкильговых, пытающихся представить Ших-Мурзу Окоцкого ингушским предводителем?). Неотъемлемой частью чеченского народа являются и орстхой, проживающие практически во всех районах современной Чеченской Республики.

Что же касается части орстхойцев, еще с царских времен живущей в административных границах современной Ингушетии, то она вынуждена была записываться ингушами, чтобы не подвергаться различной дискриминации, противопоставляя себя титульному народу. Кроме того, проживая среди ингушей на протяжении достаточно большого промежутка времени, они перероднились с ними, потеряли диалектные особенности своего языка и постепенно перестали воспринимать себя частью чеченцев, но, вместе с тем, они никогда не считали и не считают себя до сих пор и частью «гІалгІай».

Как отмечает Явус Ахмадов, «в XVIII в. стала складываться еще одна нахская народность – арштхойцы (орстхойцы) – более известные в литературе как карабулаки. Их аулы и общества располагались по рр. Ассе, Фортанге и Сунже. Численность карабулаков определялась в источниках в пределах 6–8 тысяч человек. Однако, этногенез карабулаков в связи с принятием ими ислама в конце XVIII – начале XIX в. оказался тесно слит с этногенезом собственно чеченцев» (11, с. 114).

В своей работе «Топонимия Чечни» известный чеченский этнограф Ахмад Сулейманов отмечает: «Эрстхой, Орстхой – чеченское общество, обитало в бассейне реки Эс-хи (Иаьс-хи) и Фарта (Марта), граничило в горах на юге и западе с ингушскими шахьарами, на востоке – с чеченскими обществами Галай и Ялхара, на плоскости территория эрстхойцев (орстхойцев) уходила за реку

Сунжу. В общество Эрстхой (Орстхой) входили следующие некий и гары: Щечой, Мержой, Хьаьвхьарой, Ферг-некъе, Белхарой, Оьрга-некъе, Иалха-некъе, Велха-некъе, Мужахой, Булгуча-некъе, Буока-некъе, Гандалой, Мужганой, Галай» (198, с. 13).

«Название карабулаки (от тюркского слова кара – черный, булак – источник), – пишет Г.А. Гантемурава, – впервые появляется в исторической литературе во второй половине XVIII века... Карабулаки-орстхойцы (общества Ялхарой, Мержой, Щечой) занимали довольно обширное пространство в горах и предгорных равнинах (ущелье реки Фортанги, среднее и нижнее течение Ассы, часть среднего течения Сунжи)... Этимология нахского названия (оно же и самоназвание) карабулаков – «арштхой» указывает на то, что данный этноним возник в свое время, как общее наименование всех вайнахов, обитавших на предгорных равнинах» (56, с. 66, 68).

Исследователь П.Г. Бутков пишет, что «в 1763 году карабулаки... одноплеменцы чеченцев и от них независимо управляющиеся, обитают при вершинах Сунжи, по рекам Осай или Васай-Су и Баль, в Черных горах...». Но уже к 1772 году «они освоили низовья реки Ассы и местность Карасу-Яндырь и основали селения Большой и Малый Яндырь на территории современного Назрановского района» (39, с. 11).

«Древность тукхума Арштхой подтверждается не только особенностями речи арштхоевцев, но и массой народных преданий. В частности,

чеченский фольклор связывает арштхоевцев с мифическими нартами, которых так и называют нарт-орстхой... Предания самих арштхоевцев связывают их происхождение с областью Нашх, а более конкретно – с горой Балой-Лам или Лам-Аьккха. Данное предание подтверждается и тем, что сам арштхоевский говор относится к галанчоожскому диалекту чеченского языка» (195, с. 309).

Как пишет И. Дахкильгов, некоторые орстхойские предания рассказывают о чеберлоевском происхождении орстхойцев: «Цхьадолча орстхой дувцараша орстхой ч1аьбарлоех балар дувц» (71, с. 115).

Ислам орстхойцы начали принимать от своих единоплеменных соседей-чеченцев в начале XVIII века. Однако, «окончательное утверждение ислама в Карабулаке затянулось по крайней мере до конца XVIII века. В первой четверти XIX века карабулаки уже сами посылают мулл из своей среды в общество Галашки. Горные акинцы в тот же период заимствовались муллами от равнинных чеченцев» (5, с. 62).

Орстхойцы имели самые тесные торгово-экономические связи как с родственными чеченцами и ингушами, так и кабардинцами, кумыками и казаками. «Установлению торговых и политических связей карабулаков с соседними народами способствовало наличие соляных источников в местности Датых. Соль покупали у карабулаков «все соседственные чеченцы... и часть ингушей и кистов» (48, с. 166).

Гантемунова А. пишет: «Датыхский старшина Даларга, завладев соляными источниками и сосредоточив в своих руках всю торговлю этим жизненно необходимым продуктом, влиял не только на торгово-экономические, но и на политические отношения карабулаков с соседними народами» (56, с. 71).

По мнению Сигаури, «самостоятельное присутствие арштхоевцев на равнине было прервано в середине XIX века, когда большая часть их земель на равнине оказалась в составе строящейся Сунженской линии». Кроме казаков на освободившиеся в результате выселения арштхоевцев в Турцию земли стало «выселяться большое количество жителей тукхума Маьлхий и общества Майсты. (...) Но большую часть переселенцев на территорию современного Галашкинского района составили выходцы из расположенного рядом Г1алг1ая. К сведению тех, кто сегодня старается представить арштхоевцев как ингушей с глубокой древности – никто из тех, кто выселился тогда в Турцию, не считал себя ингушом, но все причисляли себя к чеченцам» (195, с. 397–398).

То, что орстхойцы не являются ингушами (г1алг1ай) наглядно подтверждает огромное количество всевозможных исторических документов и свидетельств. Например, архивные данные, касающиеся периода

Кавказской войны или народные предания. Большинство источников, в том числе зарубежные и российские, называют орстхойцев частью чеченского народа, небольшая часть представляет их отдельным народом и лишь отдельные источники (в основном ингушские) относят их к ингушам.

Наоборот, «арштхоевцы сыграли важную роль в формировании ингушского народа еще на ранней стадии этого процесса. В частности, арштхоевцы приняли участие в заселении нахами Джейрахского ущелья. Этот факт получил отражение в некоторых преданиях. Например, ингушская фамилия Цицкиевых, по преданию, происходит от арштхоевцев, которые основали селение Армхи. Селение было истреблено кабардинцами, а из всех жителей уцелел только один мальчик, который выжил, несмотря на девять ран, полученных им. За живучесть ему дали имя Цицк» (194, с. 386; 14, с. 213).

Неполитизированный объективный взгляд на вещи однозначно показывает, что все нахчийские (вайнахские) общества Северного Кавказа, в том числе и орстхойцы, являются составными частями одного и того же народа. Чеченцами русские называли этот народ потому, что они впервые столкнулись именно с жителями села Чечан, в котором жили представители нахчийских обществ раньше всех выселившихся с гор на плоскость. Так вот, жители этого большого по тем временам населенного пункта, представляющего многие горные нахчийские общества, и стали тем ядром, вокруг которого затем стало объединяться в один народ абсолютное большинство разрозненных до этого нахчийских (вайнахских) обществ.

По свидетельству краеведа А. Малаева, село Чеча, которое из-за его внушительных размеров называли Нана-Чеча, располагалось на левой стороне р. Сунжа в квадрате улиц Красных фронтовиков, Маяковского, Хабаровской и р. Сунжа. На современной территории г. Грозного, кроме Нана-Чечи, находилось еще несколько сел и 22 хутора, которые были уничтожены царскими войсками (Газета «Столица», № 60 от 19.07.2008 г.).

За последнее время в печати стали появляться публикации об особом, привилегированном положении общества галгайцев по отношению к другим западно-нахчийским обществам. Так, А.У. Мальсагов в своей книге «Ингуши. Краткая история, и их участие в войнах России» пишет буквально следующее: «В период средневековья господствующее место среди различных групп предков ингушей занимали «галгаи» — племя трех крупных поселений Ассинской (Таргимской) котловины — Эгикал, Хамхи и Таргим... Даже еще в начале XX века плата — выкуп

за убийство или покушение на жизнь члена общины этих могущественных поселений – значительно превосходила цену, установленную за представителя других ингушских обществ. Племя галгаев веками диктовало свою волю соседям (!), а старейшее из трех поселений – Эгикал – играло роль горной столицы Ингушетии» (133, с. 14–15).

Примерно то же самое И. Дахкильгов рассказывал студентам ЧИГУ в своих лекциях по историческому фольклору: «Собрались общества фаьппий, чулхой, гIалгIай, цхьорой. Наиболее могущественным считалось общество гIалгIай. Представитель гIалгIаев сказал, что мы единый народ, но мы разобщены на три части. Фаьппий – это неполноценное племя. У них мужчины носят поверх ремней кушаки. Их женщины называются гIарбашами. Мы должны уравниаться во всем и быть едиными. Все с этим согласилось и порешили название шахьаров оставить, но всех вместе называть гIалгIай. Фаьппинцев уравниять в правах. И в знак объединения всех в одну страну возвели три креста» (50).

В то же время, Н. Яковлев отмечает, что «по политическому положению племя орстхой, судя по преданиям, находилось по отношению к галгаям в таком же привилегированном положении, как и галгаи по отношению к фаьппий, что также выражалось в уплате двойного выкупа за кровь – т. е. в 12 коровах против 6» (51; 240, с. 92).

В народной памяти сохранилось много различных преданий, касающихся взаимоотношений орстхойцев с галгайцами. Так, Сигаури, ссылаясь на Кобычева, пишет: «Буквально до последнего времени известно немало преданий, рассказывающих о враждебных отношениях арштхоевцев к гIалгIаям. Например, арштхоевцы, застигнув выходцев из гIалгIая на своей земле, грабили их, а затем отпускали, просунув в рукава одежды длинную палку, к концам которой привязывали кисти рук. Передвигаясь в таком положении, гIалгIаевцам поневоле приходилось выделять самые различные телодвижения (особенно в лесу, среди кустарника или на узкой горной тропе), которые арштхоевцы называли «гIалгIаевским танцем». При этом, пишет автор, «не следует искать во взаимной вражде двух обществ какие-то этнические мотивы – просто два сильных общества претендовали на гегемонию над своими соседями. Таких случаев полно в нахской истории» (195, с. 394–395; 111, с. 28).

В одном из своих сборников фольклорных материалов фольклорист Ахмед Мальсагов опубликовал следующий рассказ, рассказывающий о похищении орстхойцами, с целью выкупа, ингушей: «Жил-был один орстхо по имени Муцарг. Из одного села он похитил ингуша три раза, каждый раз при похищении Муцарг говорил: «Я, Муцарг, тебя

похищаю». Когда в третий раз его похищали, ингуш, говорят, спросил: «Вы все, орстхойцы, носите имя Муцарг, или ты один меня третий раз похищаешь?» – «Я, Муцарг, похищаю тебя в третий раз», – сказал орстхоец» (134, с. 72; 241, с. 176).

В другом предании о кровной вражде между орстхойцами и галгаями говорится, что однажды орстхойцы выкрали сына влиятельного галгайца и потребовали за него тройной выкуп. Галгайцы собрали и принесли требуемое. Но орстхойцы попросили еще больше. Тогда галгайцы решили выкупа не давать. После чего, орстхойцы убили похищенного. А в ответ, галгайцы, в сговоре с царскими властями, выселили орстхойцев в Турцию и заняли их земли.

Вот что пишет об этом директор Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева И. Дахкильгов: «ХІана Юбахъийтар орстхой» яхача дувцарах орстхоша цІихеза волча гІалгІачун воІ вода а ваь, цох кхо мах бийха хиннаб; из дІабелча а, кІезига хийтта, кхы а хІама йийхай цар; шоашта из ца елча, цар из воІ вув; тІаккха гІалгІаша паччахьа Іаьдалца барт а баь, орстхой туркашкахьа Юбохъийт» (71, с. 141).

Очень интересное свидетельство о том, как были сосланы орстхойцы и кем были заняты их земли. В связи с этим, обращает на себя внимание то, что организатором выселения горцев в Турцию являлся родственник самых влиятельных ингушских фамилий – осетин Муса Кундухов.

Все вышеприведенные примеры (а этот ряд можно продолжить и дальше) не говорят о каком-то привилегированном положении, и, тем более, гегемонии галгаев над другими соседними нахчийскими обществами. Такая вот история взаимоотношений ингушей с орстхойцами.

Как верно отмечает Сигаури, «одним из результатов враждебности между арштхоевцами и ГІалгІаевцами стало то, что избыточное население ГІалгІая начало выселяться на равнину западнее земель, принадлежавших арштхоевцам, то есть в Тарскую долину» (195, с. 395). Имеется в виду, что галгаи, по логике вещей, должны были выселяться прямо на север, вниз по рекеASSE, в районе верхнего течения которой они сами проживали. Но среднее и нижнее течение АССЫ и примыкающая к ней плоскость были заняты орстхойцами, не совсем дружественными по отношению к галгаям, которые и не пустили галгаевцев через свои земли на север.

«По преданиям, которые существуют среди горских народов, – пишет И. Бларамберг, – карабулахи образовали в древние времена воинственное и очень сильное племя, которое соседние народы уважали за храбрость и мудрое самоуправление. У них было много скота и хлеба,

и они могли бы жить мирно и счастливо. Но карабулахи начинали угнетать и притеснять своих соседей, чем вызвали всеобщую ненависть: в ответ все окружающие их племена вооружились и почти уничтожили всех карабулахов, которые с этого времени стали в подчинении у чеченцев. Ныне они образуют народонаселение в 15 тыс. душ, которое разбросано по 22 поселениям» (26, с. 345).

Ингушей в это время, по сведениям того же Бларамберга, было немногим больше – 17 тысяч человек. А территория карабулаков включала тогда и часть Малой Кабарды.

«Среди ученых до сих пор нет единого мнения в отношении этнической принадлежности карабулаков. Между тем, сами они, как и все чеченцы, связывают свое происхождение с местностью Нашха в Чечне и считают себя потомками этноарха чеченца Турпала Нохчуо. Более конкретно в своих преданиях карабулаки-орштхоевцы называют своей прародиной местность Аьккха (Галанчожский район) или Лам-Аьккха (обширный район, который еще до половины XVII века включал в себя часть Джейрахского и Дарьяльского ущелий и земли, вплоть до горы Казбек. – Авт.). Карабулаки отсылают нас к аккинцам, как к своим славным предкам, а в некоторых преданиях – как и к родственному себе обществу» (221, с. 13).

Историк Далхан Хожаев подчеркивает, что «многие дореволюционные авторы отмечали большую близость карабулаков к чеченцам, выделяя карабулаков (балсурцев) в отдельное племя или включая в «чеченское племя». К примеру, Бутков П.П. называл карабулаков «одноплеменцами чеченцев», Гюльденштедт И.А. писал, что «карабулаки говорят по-кистински, чеченским или мисджегским наречием». Об этом же писал Рейнегс Я., Броневский С. М., Вейденбаум Е.Г. и ряд других исследователей. Ошаев Х. и этнограф Саидов И. считали, что после каждого ослабления карабулаков их состав пополнялся чеченцами. Собственно к чеченцам карабулаков относили также Розен Р.Ф., Зубов П., Берже А.П., Дубровин Н.Ф., Лаудаев У. и др.» (218). А известный исследователь кавказских языков П.К. Услар был убежденным сторонником того, что все племена «от Дариала до Аксая говорят на чеченском наречии».

«Многие авторы, писавшие до 1917 года, подчеркивали этническое единство карабулаков с остальными чеченскими племенами... Так, Норденстамм сообщал: «Карабулаки же, ауховцы и качкалыковцы говорят наречиями чеченского языка». Барон Ф. Розен считал, что чеченцы «разделяются... на общества под именем собственно чеченцев или мечигизов, качкалыков, мечиковцев, ауховцев и карабулак...» (156, с. 7).

В свою очередь, энциклопедическое издание «Народы Кавказа» сообщает: «Особенно значительная группа чеченского племени обитала на реке Карабулак (кумыки их называли карабулаками)» (153, с. 347).

Вместе с тем, известный исследователь Н.Г. Волкова отмечает: «Восточными соседями ингушей были карабулаки и горные аккинцы – две локальные группы вайнахов, имеющие особые самоназвания (орстхой и аккий) и некоторые диалектные особенности в языке. Обе группы не только занимают промежуточное положение между чеченцами и ингушами по своему географическому местоположению, но и в сознании коренного населения представляют особые тейпы вайнахов, не причисляемые последними ни к чеченцам, ни к ингушам» (48, с. 163).

В связи с вышесказанным следует отметить, что «особыми», не входящими ни в какой народ, считали себя и представители других обществ Чечни. Например, Нохчмахкахой, Шотой, Маълхий, Чеберлой и ряд других крупных нахчийских фратрий, составляющих основу чеченского народа. «И понятно, почему по свидетельству того же У. Лаудаева, шатойцы «неохотно признают себя нахчоями» – для них принадлежность к тейпу и тукхуму еще долгое время остается преобладающей по отношению к этническому происхождению» (195, с. 282). Это всего лишь один из этапов процесса складывания единого народа из отдельных, во многом независимых друг от друга, нахчийских обществ.

«В последней трети XIX века к ингушам начинают относить и часть арштхоевцев-карабулаков, что прямо связано с трагедией, постигшей этот чеченский тукхум (выселение в Турцию. – Авт.) ... Если говорить о народных представлениях, то еще в 60-х годах XX века среди ингушей была довольно широко распространена точка зрения, что арштхой – это реальный народ, родственный аккинцам и маълхистинцам, но не галгаевцам. Ингуши также сближали горных аьккхий с чеченцами, причем в качестве аккинских областей воспринимались не только Ялхорой, но и Майста и Маълхийста» (195, с. 386; 47, с. 172).

Первое, на что обращают внимание при определении этнической близости групп людей – это языки, на котором они говорят. Если они близки, то это верный признак родственности людей, говорящих на них. Особенно, если это языки групп людей одной культуры, проживающих на смежных территориях. Однако, родственность языков не означает, что не может быть каких-то различий между ними. Чем меньше взаимных контактов и связей будет между родственными группами людей, и чем больше они будут взаимодействовать с людьми другой

культуры и с другим языком, тем больше особенностей будет в их языках. В языковедении эти своеобразные наречия одного и того же языка-основы называют «говорами» и «диалектами».

Основа всех нахчийских (вайнахских) наречий одна, «лексика нахских языков, их диалектов и говоров тесно взаимосвязана, а отличие друг от друга в основном заключается в фонетических расхождениях. Эти расхождения возникли в результате процессов, имевших место в истории нахских языков, их диалектов и говоров (220, с. 62).

Вот что пишет о различиях в диалектах чеченского языка Петр Карлович Услар в своей монографии «Чеченский язык»: «Различие наречий преимущественно обозначается употреблением тех или других гласных, а также полных или усеченных форм» (214, с. 1–2).

Орстхойское наречие, как и все наречия чеченского языка, мало изучено. Одним из исследователей этого наречия является доктор филологических наук Овхадов М.Р. Он, на основе полевых научных материалов, классифицировал язык орстхойцев, как «орстхойский говор галанчожского диалекта чеченского языка» (158, с. 77–78).

В лексике орстхойского говора проявляются особенности и чеченского, и ингушского языков, которые свойственны всему галанчожскому диалекту. Это объясняется тем, что «на границах между отдельными диалектными зонами возникают области смешанных диалектов» или так называемые «зоны вибраций» (193, с. 37). Таковым «пограничным» диалектом является галанчожский диалект чеченского языка» (220, с. 78).

Как утверждает Муса Овхадов, орстхойское наречие ближе к современному чеченскому языку, чем к ингушскому. Так, например, «система гласных орстхойского диалекта совпадает с чеченской и отличается от ингушской наличием дифтонга «уоь». Этот дифтонг в ингушском языке вообще отсутствует (уоьсал – уосал, гуоьрга – горга, дуоьх – доьху)... В системе согласных, также как и в чеченском, отсутствует согласный «ф». Вместо него в орстхойском говоре используется глухой согласный «xI». Орстхойский «xI» отличается от чеченского только большим придыханием. (158, с. 77–78, 117). Кроме того, «распределительные числительные орстхойского диалекта по своей структуре аналогичны соответствующим числительным чеченского литературного языка» (158, с. 124).

По мнению Я. Ахмадова, орстхойский союз играл «значительную роль в истории не только среднегорной, но и всей западной части горной Чечни, а в последующем, с образованием родственных предгорно-плоскостных обществ Арштхой и Галашки, получил вес в политической жизни не только равнинной Чечни, но и Ингушетии» (11, с. 149).

Много различных спекуляций идет вокруг галашевцев. Как пишут авторы «Истории Ингушетии», «галашкинское территориальное общество, одно из старейших в предгорной зоне, было образовано переселенцами из верховьев реки Асса (общества Галгай и Цорой), Галанчо-ж (общество Галай) и с р. Фортанга (общества Орстхой и Цечой)» (100, с. 162).

Все вышеназванные общества, за исключением галгайцев и цоройцев, являются чеченскими. Хотя, как пишет У.Б. Далгат, по рассказам самих ингушей, цхоройцы происходят от орстхойцев, переселившихся в Цхоро из Даттыха. (68, с. 42–43). А галгайцы появились там только после выселения орстхойцев в Турцию.

На самом деле, галашевцами называли орстхойцев, происходивших из чеченского тайпа галай. «Часть этого тайпа некогда переселилась в местность при выходе реки Ассы из узкого ущелья на предгорья и на плоскость, основав селение Галашки» (139, с. 58). Общество Галашки «сложилось по берегам Ассы в части среднего и отчасти нижнего течения, не позже 60-х годов XVIII в. за счет переселенцев из преимущественно горного Галая, а также Мержоя, Цечоя и Ялхороя» (11, с. 160).

По мнению А.Н. Генко, «галашевцами назывались жители среднего течения Ассы (в районе выше и ниже современного села Галашки), **говорящие сейчас по-ингушски** (выделено нами. – Авт.)... что же касается карабулаков, то тут наши сведения недостаточны для решения вопроса, к которой из двух вышенамеченных лингвистических группировок следует их относить. Если руководствоваться теми немногими данными, которые дошли до нас в записях Клапрота, то по языку они должны быть отнесены к собственно чеченцам» (95, с. 462; 60).

О том, что галашевцы являются не галгай, а орстхойцами, отмечал и Чах Ахриев: «В последнее время карабулаки стали называться галашевцами, по имени ущелья, которое они заняли» (95, с. 18).

«В настоящее время, – пишет Сигаури, – часть арштхоевцев, ассимилированных ингушами, легко определить по «тейповым» фамилиям, например, Цечоевы или Мержоевы. Естественно, что ассимиляция сопровождалась и стиранием различий в языке» (195, с. 386).

Даже профессор Д.Д. Мальсагов отмечал, что и в первые десятилетия XX века значительная часть жителей Галашкинского района

Ингушетии говорит на галанчожемском диалекте (чеченского языка. – Авт.) и только в последние годы (речь идет о рубеже 30-х–40-х годов этого столетия) речь арштхоевцев была в значительной мере ассимилирована ингушским языком» (132, с. 21–24).

Часть представителей тайпа галай, после покорения Чечни, оказалась расселённой в пределах административной границы Назрановского округа, а затем и Ингушской автономной области, хотя общество Галашки в период Кавказской войны входило в состав Имамата Шамиля.

«Карабулаки и галашевцы решительно отказывались подчиняться военно-колониальному режиму и вместе с чеченцами постоянно участвуют в освободительной войне, объединяясь с чеченцами во все политические, военные, государственные союзы...

В начале 40-х годов XIX века карабулаки и галашевцы вошли в состав имамата Шамиля... Общества Арштхой и Галай в имамате входили в область Гехи, т.е. Малую Чечню, вместе с горной зоной. Западная граница Чечни в имамате определялась средним течением реки Ассы и Сунжи (218).

«По рассказам сказителя Ганыжа (60-летний сказитель из селения Фалхан), некогда жили три брата: Га, Орштхо (Арштхо) и Нахчо, от которых произошли все галгайцы, орстхойцы и нохчи. В представлении ингушей указанные три брата прибыли в горы с востока (из Чечни! – Авт.) и поселились в месте Галга – и отсюда уже расселялись по всей чеченской и ингушской земле. Орстхой поселились в Датихском ущелье... Га остался жить в Галгае и дал стране свое имя. Нахчо отправился в Нахчи, т.е. в Чечню... Арштхой начали расселяться по ущелью реки Асса и образовали много селений по ее течению до самого Аки-Юрта на плоскости. Там их стали называть русские и кумыки карабулаками» (68, с. 42–43).

Аккинцы – один из основных чеченских тукхумов. Ахмад Сулейманов в «Топонимии Чечни» пишет: «Чеченское общество Аьккха граничило на юге с Кей-Мохк, на севере с Ялхара, на востоке с Галайн-Чож, на западе с Мержа. В основу этнонима, вероятно, легло «аькхе» –

охота, охотиться, люди, живущие охотничьим промыслом (от «экха/ аькха» – «зверь». – Авт.). Акинцы разделяются на лам-аьккхий и арена-ан аьккхий...» (198, с. 44).

В этой связи совсем не убедительно выглядят попытки некоторых ингушских авторов связать название этого одного из самых крупных и влиятельных чеченских тукхумов с понятием «изгнанники», «беженцы» и что они являются «ингушскими переселенцами с запада». Так, например, авторы «Истории Ингушетии», основываясь только на определенном созвучии слов «аьккхий» и «эккхийна» пишут: «Ингушские переселенцы с запада, получившие название «аьккхий» (буквально «изгнанники», «беженцы»; в дальнейшем закрепилось в качестве этнонима за частью переселенцев), в массе своей оседали в приграничном к Дарьялу Джейраховском ущелье, в зоне расселения позднего территориального общества Фяппи. Другая их часть ушла через земли цоринцев в горную зону современной Чечни, в частности, в земли аккинцев («Аьккхий-мохк»), и далее на восток – в междуречье Сулака и Терека на территорию современного Дагестана – и частью – в горную зону восточной Грузии – Тушетию (бацбийцы)» (100, с. 153).

Профессор Исраил Арсаханов, являющийся аккинцем по происхождению, пишет: «Аккинцы издревле жили в нагорном районе Лам-Акки, у истока реки Гехи (Галанчожский район), где находится урочище Нашах... Вытесненные с плоскости кочевниками-завоевателями, вплоть до падения татаро-монгольского владычества на Северном Кавказе, вынуждены были оставаться в малодоступных горах, служившим им защитой от внешних врагов» (9, с. 5).

Когда-то Аьккха была густо заселена. Башенные селения Зенгали, Бици, Керети, Воуги, Ами, Итир-кале, Эрзи, Ларс, Гвилети до сих пор напоминают о суровом прошлом этих гор. В средние века территория Аьккхи простиралась до подножий горы Казбек, включая Джейрахское и Дарьяльское ущелья. Знаменитый Салтан-Мурза, контролировавший Дарьяльский проход, был братом знаменитого Ших-Мурзы Окоцкого, чеченца-аккинца первым установившего взаимоотношения с Русью.

Тукхум Аьккхий очень близок с тукхумом Орстхой. Одни предания гласят, что орстхой происходят от аьккхий, другие говорят о том, что они близкородственны по своему происхождению.

Как гласит аккинское предание об основании аула Оббоно, «наши предки происходят от орхустойцев (то же самое, что арштхойцы, орхстойцы, эрхустойцы. – Авт.); они вышли из Балты, поселились на берегу реки Арм-хий и основали аул Оббоно. Аул этот был взят и разо-

рен кабардинцами дотла. Только один мальчик остался живым, да и тот был брошен с высоты берега, но остался жив, хотя получил девять ран. Мальчик этот был поднят и взят женщиной, возвращавшейся с мельницы в аул Ффарпа. Ему дали имя Циск (кошка)» (95, с. 34).

Часть аккинцев (называемая «арара аьккхий»), из-за малоземелья в горах и в связи с распадом Золотой Орды, одной из первых из числа чеченцев, вернулась на плоскость в район северо-восточной Чечни, в междуречье нижнего течения Терека и Сулака. «Таким образом аккинцы, продвигаясь на северо-восток, дошли до Ауха и обосновались там... В слободке города Терки, основанной Ших-Мурзой Окоцким, были и представители мичикизьян (мичиковцев – так кумыки называют чеченцев и ныне) и шибутян, то есть шатоевцев» (9, с. 8). Другая часть (лам-аьккхий), ослабленная значительными миграционными потоками, была оттеснена осетинами и галгаями на восток.

Башир Далгат пишет: «Там, в стороне Баш-лама, рассказывают старики-чеченцы, есть горы, из которых вытекают рр. Асса, Фортанга, Геха. Это – горы Акки-лам; там живут, или, по крайней мере, жили при наших предках «лам-крсты» (горные христиане). Это наша колыбель, как и других чеченских родов. Сменилось четырнадцать поколений с тех пор, как наша часть «лам-крстов» вышли из своего гнезда по причине малоземелья и протянулись на восход солнца. Роды нахчи (чеченцев) ели тогда свинину и были «русские», т. е. христиане. Судя по тому преданию, чеченцы в горах были христианами лет 400–500 тому назад; очевидно, они оставались ими и долгое время по выселении из гор в Ичкерию (предгорья) и далее на плоскость. Пока не стали забывать принесенную ими из гор веру и учение» (69, с. 45).

Как сообщает Сигаури, «к тукхуму Аьккхий одни авторы относят тейпы барчахой, жевой, злогой, ноккхой, пхьарчой. По другим источникам, аккинских тейпов не пять, а семь – к перечисленным выше добавляются еще тейпы ваьппий и пхьарчахой» (195, с. 309).

Ваьппий (вабой) один из аккинских тайпов. Известные селения с боевыми и жилыми башнями Эрзи, Ларс, Гвилети, Балта были ваьппинскими. Особенно впечатляет башенный комплекс Эрзи, который, почему-то, называют ингушским. Называют гIалгIаем и известного мастера по строительству боевых башен Янда, который, на самом деле, был ваьппинцем.

Ваьппи жили в Джейрахском ущелье, граничащем с востока с ГалгIай (Кхекхаьлой). Они, как и цхорой, не относились к гIалгIаям. По преданиям, записанным Чахом Ахриевым, аккинцы произошли от орстхойцев или наоборот (68, с. 113).

«Описываемые мною горцы (имеются в виду гIалгIай. – Авт.), за исключением акинцев и мереджинцев, считаются издавна покорными русскому правительству. Ведя постоянную вражду с соседями своими – акинцами, они служили всегда надежным оплотом военно-грузинской дороге от набегов непокорных. До сих пор еще между ними сохранилась кровная ненависть и она так велика, что горцы без особенно крайней необходимости, не только не посещают друг друга, но и избегают проезжать через земли своих противников» (185, с. 26).

Один из русских исследователей, побывавший в Акке в начале XX столетия сообщает: «На возвышенных площадках разбросаны каменные сакли нескольких отселков старшинства. Они группируются в большинстве случаев вокруг старинных башен, которыми вообще богата эта местность, служившая в отдаленном прошлом ареной бесконечных распрей и междоусобиц, а в ближайшую эпоху – борьбы Шамиля с русскими войсками. Об этих последних событиях среди населения сохранились еще свежие воспоминания: рассказывают о том, как брались русскими крепкие башни, как гремели пушечные выстрелы и артиллерийские снаряды разбивали твердыни горцев».

Акинцы, в отличие от галгайцев, самым активным образом участвовали в Кавказской войне и входили в Имамат Шамиля. Многие акинские боевые башни были стерты с лица земли артиллерийскими обстрелами русских войск, а оставшиеся подорваны. Вот что пишет по этому поводу Б. Далгат: «Все башни акинцев были разрушены русски-

ми по окончании войны, как опасные крепости, наделавшие им немало хлопот» (67, с. 99).

По окончании Кавказской войны аккинцы и мереджинцы случайно оказались вне административных границ Чечни. Но, «в 1866 году, по распоряжению начальства, акинцы и мереджинцы отделены от Ингушевского округа и подчинены управлению Аргунского округа, «как вследствие одноплеменности с населением последнего, так и потому, что по месту своего жительства они ближе находятся к центру управления его» (185).

Своеобразное отношение у галгайцев к некоторым обществам, причисляемых ими к ингушам. «Ферри» – жители западной Ингушетии – Мецхальского общества в сознании чисто галгая до сих пор представляются людьми неизмеримо ниже его стоящими по происхождению» (51, с. 87).

«Кроме ингушских подразделений в их преданиях фигурируют названия трех соседних (чеченских) племен – eaqqv (акинцы), обитающих в Галанчожском ущелье в верховьях реки Гехи, mejjoу – в верховьях Фортанги, melxi – в верховьях одного из левых притоков Чанты-Аргуна, причем, первенство в смысле силы и благородства происхождения остается, конечно, за настоящими ghalghaj-ми. Истинные причины этого предпочтения объясняются, если взглянуть на статистические данные (имеется в виду многочисленность галгаевского общества. – Авт.)» (51; 240, с. 87).

Думается, что на самом деле чувство собственного превосходства галгаевцев над соседними с ними обществами, о котором пишет Яковлев (не соответствующее действительному положению дел), было основано на всесторонней военной и политической поддержке галгайцев со стороны русских, в отличие от аккинцев, мержой и маълхий, вместе со всеми чеченскими обществами жестко противостоявших военной экспансии царской России на Кавказе.

«Вообще в отношении культурного национализма ингуши позади кабардинцев и чеченцев. Не без влияния здесь то обстоятельство, что ингуши при своей относительной малочисленности давно и близко соседнили с русскими и таким областным центром, как город Владикавказ. Почти все мужчины говорят или понимают по-русски (в плоскостной Ингушетии, по крайней мере), и многие владеют русской грамотой» (51; 240, с. 97–98).

Галгайцы, союзники русских в проведении колониальной политики, так же как и некоторые осетинские общества, не считаясь ни с какими национальными традициями и условностями, первыми нача-

ли интегрироваться в российское общество. Обучение детей русскому языку, учеба в российских гражданских и военных заведениях (вплоть до духовных семинарий, поступление в которые требовало принятия православия), а затем, устройство на гражданскую и военную службу в различные административные учреждения региона, действительно, ставило их в более привилегированное положение относительно своих собратьев, о которых шла речь выше. Презрительное отношение русских к «диким» и «необразованным» горцам, из-за своего «невежества» противостоящим «цивилизации», которую несут царские пушки, постепенно начало передаваться и галгайцам, обслуживающим их интересы. Обласканные за преданность чинами и званиями, получив большие земельные наделы на плоскости, галгайцы почувствовали себя привилегированной частью горцев, и на соседние общества стали смотреть свысока. Вот в чем заключалось это мнимое «превосходство» галгайцев над аккинскими, орстхойскими и маълхинскими обществами, которые, на самом деле, ни в чем не уступали галгайцам.

Так, например, Б. Далгат считает, что «Акинцы, Малхинцы и народ Пхей (Хевсуры?) часто вели войны с ингушами Галгаевского общества. Акинцы (прибавлю от себя – самый воинственный, непокорный народ) вечно беспокоили прочих ингушей и были в непримиримой вражде с ними» (67, с. 75).

На самом деле галгайцы не были оригинальны в этом деле. Таким же образом, как пишет У. Лаудаев, с пренебрежением относились к своим горским соплеменникам и плоскостные, а так же притеречные чеченцы, раньше других своих соплеменников переселившиеся на плоскость и оказавшиеся в зоне русского влияния.

По мнению Сигаури, «миграция чеченцев на запад, с которой собственно и начиналась история Галгайя, продолжилась и в последующем. Поэтому среди ингушей немало выходцев не только из арштхоевцев, но и из других чеченских тейпов. Так в Джейрахском ущелье рядом с аулом Эрзи находилось селение Кербите, жители которого считали себя аккинцами по происхождению. О своей принадлежности к этому чеченскому тукхуму говорили в XIX веке и жители селения Озьми (в нижнем течении Армхи) и Фалхан (правобережье Армхи)» (195, с. 386).

В связи с пересеченностью и труднодоступностью местности, а также примитивностью хозяйственной жизни, нахчий жили в горах отдельными обществами. «В результате относительной изолированности друг от друга почти у каждого из вайнахских племен, естественно, вырабатывались и свои языковые особенности, то есть диалекты, спец-

ифические признаки которых в известной мере внутренне связаны с историей общества» (9, с. 5).

По мнению профессора И. Арсаханова, «аккинский диалект, хотя и занимает промежуточное положение между чеченским и ингушскими языками, все же больше тяготеет к чеченскому языку» (9, с. 18). Так, например, в аккинском диалекте, как и в целом чеченском, нет слов с фрикативным глухим согласным «ф», когда в ингушском он имеет довольно широкое распространение (что, скорее всего, является заимствованием от соседей – осетин). В аккинской речи все послелогии могут принимать формант локатива, когда в ингушском он отсутствует, например, «хи чохъ» (аккинский) – «хи чу» (ингушский). В аккинском диалекте, так же как в чеченском языке, в глагольных формах распространены гласные «оь» и «уь», а в ингушском – нет. Аккинскому диалекту, как и чеченскому языку, в отличие от ингушского, характерна назализация гласных (в основном, в конце слова). Вокализм аккинского диалекта схож с чеченским и т. д.

«Все имеющиеся сведения позволяют утверждать, что нагорноаккинский и орштхойский диалекты в сущности есть один диалект. Для уяснения истории образования языка чеченцев и ингушей весьма существенно совершенно точное установление того положения и выявление особенностей диалекта, являющегося промежуточным между чеченскими диалектами с одной стороны и ингушским с другой» (51, с. 100).

Так почему же орштхой, галашевцы и аккинцы – чеченцы, а не ингуши?

Во-первых, все эти общества, как и все нахчий, являются выходцами из колыбели чеченского народа – Нашха (Нахша). Галгалай, по старинным преданиям, ведут свое начало из местности Млагу.

Во-вторых, все они, вместе со всеми чеченцами, намного раньше ингушей приняли ислам. А, как известно, религия – это один из основных народообразующих факторов. Единая вера, в то время как Галгалай оставались язычниками, еще больше сплотило эти общества с первыми и противопоставило вторым.

В-третьих, их единство было закреплено общей борьбой за освоение плоскостных территорий от ногайских, кумыкских и кабардинских владетелей, а также за свободу и независимость в годы Кавказской войны, когда они входили в состав единого государства во главе с Имамом Шамилем. Необходимо подчеркнуть, что воевали они не только с русскими, но и против Галгалай, участвовавших в войне на стороне царской армии.

В-четвертых, эти общества ближе к чеченцам, чем к ингушам, и по своим языковым особенностям.

Этот ряд можно продолжить и дальше.

Маълхий – один из основных девяти чеченских тукхумов. Некоторые исследователи считают Маълхий не тукхумом, а большим тайпом, который, в свою очередь, делится на более мелкие ответвления – гары и некыйй.

Тукхум Маълхий состоит из девяти тайпов: тертхой, кхоратхой, Ёаьстий, камалхой, саханхой, жлархой, кЕганхой, меший, Ёаьнастхой.

Этноним «маълхий» буквально означает «солнечные», «относящиеся к солнцу». Возникновение этого термина, скорее всего, связано с культом солнца, широко распространенным среди нахов в древние времена.

Сулейманов А. в «Топонимии Чечни» отмечает: «Общество Малхиста было расположено в бассейнах Мешихи и Ёаьстахи, левых притоков р. Чанты-Аргун. Ущелье тянется с запада на восток, от границ ингушского горного общества Цори. На юге общество граничит с Грузией, на севере – с чеченскими обществами Кей и Терлой, на востоке к ущелью подходят отроги Тюлой-Лам и Тебулос-Мта.

Протяженность малхестинского ущелья 18–20 километров. Из 14 небольших аулов, в которых жили малхестинцы, только два были рас-

положены на правой стороне р. Меши-хи – ЖIаре (на карте Джарего) и Кегине (на карте – Кагинахо). Остальные населенные пункты, главным образом, были расположены на южном (солнечном) склоне горы Коре-Лам, тянущегося параллельно Главному Кавказскому хребту. Может быть, это обстоятельство и послужило поводом называть жителей ущелья «маълхи», что в буквальном переводе означает «солнечники» (198, с. 87).

«История маълхи во многом типична для чеченских тукхумов: маълхи отстаивали свою территорию и никогда не утрачивали осознания своего этнического родства с другими нахами... Маълхи положили начало и некоторым чеченским тейпам (например, гухой. – Авт.), которые впоследствии отошли от этого тукхума и выступали в качестве самостоятельных независимых тейпов. Участвовали маълхи и в заселении области Нашх, и в последующей миграции чеченских тейпов в Ичкерия и на равнину» (195, с. 498).

Маълхий говорят на одном из диалектов чеченского языка. «Поскольку местоположение горных обществ отличалось большой стабильностью и не изменялось в течение длительного времени, то и язык сохранил более архаичные языковые формы» (220, с. 63).

«В столкновении с другими тейпами, – отмечает Х. Ошаев, – малхестинцы выступают всегда единодушно, забыв свои распри, хотя внутри тейпа все живут друг с другом в страшной вражде на почве, главным образом, кровничества» (165, с. 60).

Б. Далгат пишет, что «кровная месть наблюдается здесь в страшных формах, она – господствующий во всей жизни фактор. В Малхийста почти нет стариков. До старого возраста мужчины здесь почти не доживают, кончая жизнь от кинжала или пули. Не будет большой ошибки, если сказать, что половина мужчин, доживших до зрелого возраста, кончали свою жизнь не своею смертью... Когда какую-нибудь фамилию хотят унижить, малхестинцы говорят: «Ну, кто они такие? Кого они убили? Кто у них убит?» (67, с. 95).

Как отмечает Сигаури, «с самого начала процесса национального размежевания между чеченцами и ингушами, маълхи оказались вовлеченными в него. Будучи пограничным обществом, оно «делегирировало» часть своих представителей в состав ингушей, хотя большинство осталось в составе чеченской нации. Вопрос о том, к какой нации должны принадлежать маълхи, в свое время решили старейшины, собравшиеся на совет в Маълхийсте (по другому варианту предания – в Арштах). После длительного обсуждения старики решили, что открытому харак-

теру маълхи больше подходят такие же прямые по характеру чеченцы, чем скрытные и хитрые ингуши» (195, с. 496).

Примерно такое же отношение можно было наблюдать и со стороны ингушей к маълхий. Так, по мнению Генко, «если национальное самосознание коренного ингуша Хамхинского общества, называющего себя *ghalgha* – «галгаевец», примирится, исходя из факта значительного смещения в наиболее населенной части страны, на плоскости, с причислением к себе жителей Мецхальского общества, так называемых *farrj* (веппинцы по старой русской терминологии), то считать себя в ближайшем родстве с *melxij* не согласится, вероятно, никто» (60, с. 462).

По рассказам многих маълхийцев, проживающих среди ингушей, свидетельства о рождении детей, а также паспорта по достижению совершеннолетия ингушскими чиновниками им выдавались только при условии, что они запишутся ингушами. Вот что пишет об этом народный писатель Чеченской Республики Муса Бексултанов: «Сан цхъа нус Арштера ю, маълхийн тайпанах, паспорт тӔхъ гӔлгӔа а йолуш, цу юртахъ, маълхийн бен, кхин цхъа а цӕа а дац. Слепцовскерчу больнице кхочуш йолчу муӕлххачу нохчийн зудчо схъадеш долу бер «гӔлгӔа» аӕлла яз деш дара, цхъа доккха дов а даӕккхина, хала Дела балийца «нохчо» ца яз дайтича» (22).

«В целом тукхум Маълхий давно и прочно интегрирован в состав чеченского народа и разделяет все тяготы его судьбы. Маълхий вместе со всеми чеченцами в годы Гражданской войны боролись за возвращение земель на равнине, отнятых в свое время для казачьих станиц. Они пережили коллективизацию, раскулачивание, культурную революцию и многое другое, что было связано с укреплением советской власти. Прошли через высылку и после восстановления чечено-ингушской автономии были лишены возможности вернуться к очагам своих предков. Как и все чеченцы, они были втянуты в политические события последнего десятилетия XX века и пережили тяготы двух войн» (195, с. 498).

Многие маълхийцы, вместе с шатойцами, принимали участие в Кавказской войне в отрядах Имама Шамиля. Из числа маълхий вышли два наиба Шамиля – Абубакар сын Хьунаха и Алхаст сын Хазни.

В царское время маълхийцев называли «дальними кистинами». Как утверждает известный кавказовед Н.Г. Волкова, этноним «кистины» применялся к населению, живущему в ущелье Охкарохи, жителям верхней части Джейрахского ущелья, а также двум чеченским горным обществам Маълхийста и Майста (47, с. 140–141).

В результате произвольного администрирования, большая часть сел «дальних кистин» вошла в состав Тионетского уезда Тифлисской

губернии. «В конце 80-х годов XIX века в Тионетском уезде насчитывалось 18 кистинских сел, из которых 11 находились в Маълхийсте, три в Майсте, а остальные – на территории Панкиси» (195, с. 483).

«Ненормальность существования Маълхийстинского и Мlайстинского обществ в составе Тионетского уезда хорошо понимали как сами кистины, так и кавказское начальство. Летом 1904 года общественные сходы Маълхийсты и Мlайсты приняли решение добиваться передачи своих селений из Тифлисской губернии в состав Терской области... (ЦГИАК. Ф.13, Оп.10, Л. 6–8 об.). В обращении Тифлисского губернатора на имя наместника на Кавказе указывалось, что оба эти общества «лишь по ошибке присоединены к Тионетскому уезду» (195, с. 492).

Представители «дальних кистин» были против объединения с Назрановским (ингушским) округом. Они и представить не могли, что коззоевы в XXI веке отнесут их, рожденных чеченцами, к ингушам, и в «слепом невежестве» настойчиво требовали, чтобы их присоединили к 4-му участку Грозненского (чеченского) округа.

В связи с тем, что разразилась Первая мировая война, вопрос территориального объединения маълхистинцев и майстинцев с Чечней был отложен до окончания войны. И только в 1925 году, решением Всегрузинского ЦИК, эти общества, наконец-то, были переподчинены и вошли в состав Чеченской автономной области (ГАРФ, Ф. Р-1235, Оп.129, Д.162, Л.5, 19).

Миграция маълхий на равнину до начала XX века была относительно незначительной. Но поток мигрантов из высокогорья постепенно начал нарастать. Так, «в течение 1920 и 1921 годов в равнинные районы Чечни и Ингушетии переселилось до 2 тысяч кистин. В основном они расселялись на дополнительных земельных наделах станицы Нестеровской, а также в пределах чеченских и ингушских хуторов Бережки, Верхние Аршты, Верхний и Нижний Бамут, Мужичи» (45, с. 19).

В настоящее время на своей исторической родине – Маълхийсте никого из маълхий практически не осталось. Местами их более или менее компактного проживания являются одноименные Сунженские районы Чеченской Республики и Республики Ингушетия, а также Ачхой-Мартановский район Чечни.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ СУНЖЕНСКОГО ОКРУГА

*До 1819 года на Сунже, кроме чеченских
аулов, русских поселений не было.*

А.П. Берже

Сунженский район был образован 30 сентября 1931 года в составе Чеченской АО, на территории бывшего одноименного казачьего округа, присоединенного к Чечне в 1929 году.

История Сунженского округа напрямую связана с продолжавшейся несколько десятков лет Кавказской войной. Территория чеченского тукхума орстхой в ходе многолетнего российско-чеченского военного противостояния была насильственно, выражаясь современной терминологией, зачищена от своих коренных обитателей (практически все населенные пункты были полностью уничтожены, а оставшиеся в живых люди переселены в Турцию). На «освобожденной от туземцев» территории, по всем канонам колониальной войны, была выстроена цепь военных укреплений – крепостей, так называемая Сунженская казачья линия. Она должна была отделить покоренную (мирную) плоскостную часть Чечни от непокоренной предгорной и горной (немирной).

Для поселяемых здесь казаков из Дона и Кубани требовались земли. Освоенные в течение нескольких столетий равнинные чеченские территории были насильственно экспроприированы у своих хозяев и отданы во владение российской военно-полицейской касты – казачества.

Как пишет М. Базоркин, «для обеспечения Терского казачества землей требовались конфискованные чеченские земли, которые добывались за счет выселяемых орштхойцев» (19, с. 126).

Мартirosиан Г.К. в своей работе «Горная Ингушия» отмечает, что «из всех туземных племен чеченское по количеству населения, общественному устройству своему, и еще более по топографическим свойствам занимаемой им местности, долее прочих сохранило возможность к сильному сопротивлению и действительнее всего оказывало его против нас самым упорным образом... Мы испытали на деле всю бесплодность борьбы с чеченцами, которые пользовались закрытою местностью Сунженской долины и предгорий, чтобы наносить нам потери, и избегали в то же время решительного боя. Поэтому мы, по необходимости, прибегали к коренной русской исторической системе заселения окраин государства казаками» (95, с. 326).

«Заселение Сунженской и Ассинской линий, как известно, производилось путем вызова охотников заселять новые станицы на передовой линии, с назначением денежного пособия от казны на первоначальное обзаведение и с дарованием некоторых льгот. На этот клич шли жители из старых надтеречных станиц, крестьяне внутренних губерний, малороссы, донские и другие казаки, словом, преимущественно те, которым нечего было терять на родине. Эти люди, лозунгом которых было слово «не плошай», дали нам превосходных бойцов, составивших славу сунженских казаков, оказавших громадную услугу в деле покорения Чечни» (188, с. 19).

Капитан Николаи в своей записке о Чечне пишет: «В 1845 году основана была Сунженская линия и поселен 1-й линейный Сунженский казачий полк в 5 обширных станицах. Таким образом, образовалась на самых пределах Чечни превосходная кавалерия, всегда угрожающая неприятелю неожиданными нападениями» (95, с. 345).

«По словам А.П. Берже, «до 1819 года на Сунже, кроме чеченских аулов, русских поселений не было» (95, с. 345).

Царский полковник Де-Саже писал в 1854 году: «Система войны против кавказской природы и сынов ее избрана была верно. Каждый наступательный шаг отрезывал горцам безвозвратно кусок их родной земли. Так покорены Малая Чечня и Галашки. На всех этих местах поселены казаки, устроены укрепления с штаб-квартирами полков...».

Это же подтверждает известный чеченский общественный деятель и политолог Абдурахман Авторханов: «В деле проведения царской национальной политики в области тоже наступает новый этап – этап форсированного продвижения колонизации в глубь Чечни... Сунженская линия окончательно занимается казаками-колонизаторами. Вместо уничтоженных чеченских аулов создаются казачьи поселения (ст. Ермоловская, Закан-Юрт, Самашки, Михайловская, Слепцовская, Ассинская и т. д.)» (4, с. 10).

С целью подавления сопротивления горцев было выстроено несколько линий крепостей и казачьих станиц. «Для охранения такого обширного пространства, принадлежащего к левому флангу Кавказской линии... устроены здесь следующие кордонные линии: 1) Терская внутренняя, для охранения пределов Ставропольской губернии, 2) Сунженская, обеспечивающая Надсунженских и

Надтеречных чеченцев, а равно и часть Терской линии, 3) Передовая Кумыкская линия, прикрывающая Кумыкскую плоскость и 4) Передовая Чеченская, расположенная в Малой Чечне недалеко от подножья Черных гор с двоякою целью: занятия равнины и приведения Малой Чечни в покорность, или очищения ее от жителей Левого фланга и для наступательных действий» (98, с. 127).

Методически, одну за другой, на месте выжженных плоскостных чеченских селений царское самодержавие строит военные укрепления и казачьи станицы. «На месте карабулакского аула Энахишка в 1819 году было построено укрепление Преградный Стан, позже в 1846 году основана станица Михайловская (сел. Асланбековское, совр. Серноводская), на месте карабулакского аула Обург-Юрт – Волынское укрепление, а позже в 1845 году станица Троицкая. На месте карабулакского селения Дибир-Юрт построены в 1845 году станица Покровская (более позднее название станицы – Сунженская, Слепцовская, совр. ст. Орджоникидзевская), ставшая штаб-квартирой 1-го Сунженского полка. В 1847 году на месте карабулакского аула Гажарийн-юрт (Берд-Юрт), сооружена станица Нестеровская. В 1847 году на месте карабулакского аула Эха-Борзе – воздвигнута ст. Ассиновская. И далее: сел. Алхастие (карабулакское) – ст. Фельдмаршальская (1860 г.); сел. Мохьмад-Юрт (чеченское) – ст. Магомет-Юртовская (1847 г.) – Вознесенская; сел. Элдархан-юрт (карабул.) – ст. Карабулакская (1851); сел. Семалашки (чеч.) – ст. Самашкинская (1851 г.); сел. Заки-юрт (чеч.) – ст. Закан-юртовская (1851 г.) – Романовская; сел. Иалхан-юрт (чеч.) – ст. Алхан-Юртовская (1851 г.), Ермоловская, совр. Алхан-Кала; сел. Бас-юрт (чеч.) – ст. Джалкинская (1860 г.), Ильинская; сел. Чурт-тогIе (чеч.) –

ст. Петропавловская (1856); сел. Мамакхин-юрт (чеч.) – совр. ст. Первомайская; сел. Бамут (чеч.-караб.) – укрепление Бамут; сел. Иашхой – Марта (чеч.-караб.) – укрепление Ачхоевское; сел. Шахьгирийн-эвла (чеч.) – укрепление Воздвиженское и т. д. К востоку от станицы Михайловской вниз по Сунже на месте чеченских аулов были основаны казачьи станицы 2 Сунженского полка» (218).

После образования станиц 1-го Сунженского полка, чеченцы, в том числе и карабулаки, на завоеванной территории Малой Чечни входили в подчинение начальника так называемой Верхнесунженской линии.

С окончанием Кавказской войны, в районах, населенных горцами, вводится так называемая военно-народная форма правления. Начальниками военно-народных округов «назначаются армейские офицеры, в ведении которых сосредотачиваются административно-управленческие, полицейские и в значительной мере судебные функции. При этом судопроизводство осуществляется при участии избираемых в горских обществах судей и на основе обычного права и шариата» (228, с. 24).

И что существенно, границы округов определялись с соблюдением таких принципов, как административно-территориальная преемственность (границы округов проводились с учетом существовавших на Кавказе границ между феодальными владениями или вольными обществами); военно-оперативной доступности; хозяйственно-политической связности; военно-колониционной целесообразности и этнической однородности, предполагавшей совпадение, в значительной мере, административных границ с этническими. (228, с. 24–27). Именно в силу этих факторов, близости к Владикавказу, нежели к Грозному, орстхойские земли, вместе с ингушскими, и стали относить к Владикавказскому округу.

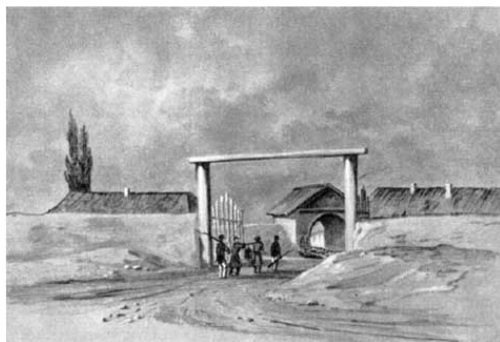
В 1860 году была образована Терская область. «Умиротворенная Чечня дозволила, прежде всего, применить к Терской области новое положение о военно-народном управлении, наподобие Дагестанского, причем область была разделена на 3 военных отдела и 8 округов» (37, с. 152).

На территории Чечни были образованы Чеченский, Ичкеринский, Аргунский округа и Ауховское наибство. Кроме того, часть чеченцев проживала в Кумыкском округе, а часть в Тионетском округе Грузии. Ингуши, вместе с осетинами, частью орстхойцев и сунженских казаков, вошли во Владикавказский округ.

В дальнейшем Терская область была поделена на Западный, Средний и Восточный военные отделы. В Западный отдел вошли Кабардинский, Осетинский и Ингушский округа, в Средний – Чеченский, Ичкеринский и Аргунский, в Восточный – Кумыкский и Нагорный

округа, куда, кроме кумыков и аварцев, входила и часть чеченцев (аккинцев, орстхойцев и нахчмахкахоевцев). Тогда же в Ингушский округ ошибочно была включена территория, на которой проживали аккинцы и мереджинцы. Но это недоразумение было быстро устранено. В 1866 году, по настоятельным требованиям населения этих обществ, они были подчинены чеченскому Аргунскому округу, «как вследствие одноплеменности с населением последнего».

Терское и Сунженское казачество тогда еще не была включено в состав Терской области. «В острых межгрупповых противоречиях самодержавное государство стремится поддержать, прежде всего, казачество, как свою ключевую социальную и военную опору. Вы-

нужденное смириться со значительной долей русского «иногороднего» (вне-войскового) населения в казачьих отделах, администрация области (Терской. – Авт.) в 1890-е годы прибегает к дискриминационным мерам, ограничивающим хозяйственную и поселенческую миграцию горцев в города и

войсковые земли. В частности, в 1893 году введен запрет на поселение горцев, «не состоящих на службе», в Грозном и русских слободах Воздвиженской, Ведено и Шатой» (228, с. 40).

В то время, как все горские народы имели свои отдельные национальные округа (а чеченцы даже целых четыре), ингуши в 1883 году были включены в Сунженский казачий отдел. Свыше 25 лет ингуши добивались выхода из подчинения Сунженского казачьего отдела и учреждения своего собственного округа.

На территории собственно Сунженского района (без части Галашкинского района) ингушских населенных пунктов не было. До начала Кавказской войны здесь находились чеченские (в основном, орстхойские) села. По окончании этой многолетней кровопролитной войны, местное орстхойское население, под видом переселения к своим единоверцам, было практически поголовно выселено в Турцию (1500 семей). Оставшуюся небольшую часть насильственно переселили в другие районы. Таким образом, территория района была полностью освобождена от своих исконных хозяев и передана во владение казакам, переселенным из южных районов России.

Как считает И. Сигаури, «большая часть территории арштхоевцев в настоящее время вошла в состав Ингушетии, но произошло это в несколько этапов. После выселения большей части арштхоевцев-карабулаков в Турцию (1865 год) началось широкое расселение выходцев из ГалгIай на землях этого тукхума (при поддержке царских властей. – Авт.), которые позднее составили Галашкинский район. Тогда же в составе современных ингушей оказалась и часть представителей чеченского тейпа Галай.

Что касается арштхоевских земель на плоскости, то они первоначально были переданы сунженским казакам, а затем в составе Сунженского района в 1928 году переданы Чечне. В настоящее время большая часть этого района фактически входит в состав Ингушетии» (195, с. 386).

Заселение ингушами земель, высланных в Турцию карабулаков, началось в последней четверти XIX века. Например, в Галашки переселилось 168 дворов представителей обществ ГалгIай и цхьорой из Хамхинского и Цоринского обществ, в Мужичи – 300 дворов, Алкун – 49 дворов (218).

Вертепов пишет: «В различных местах Сунженского отдела и Владикавказского округа Терской области насчитывается несколько мелких ингушских хуторов, по преимуществу на землях частных владельцев, где ингуши живут в качестве сторожей, а иногда и арендаторов» (204, с. 71).

При советской власти эти земли, наряду с другими национальными округами, были выделены в отдельный Сунженский автономный казачий округ. В 1929 году Сунженский казачий округ был объединен с Чеченской автономной областью. Основанием для этого решения послужило то, что данная территория исторически являлась частью Малой Чечни. Кроме того, это было ответом на многочисленные обращения жителей округа с просьбой объединить их именно с Чеченской автономной областью.

После объединения с Чечней на территории бывшего казачьего округа был образован Сунженский район Чеченской автономной области. В 1934 году Чеченская и Ингушская автономные области были объединены в Чечено-Ингушскую АО.

До выселения чеченцев и ингушей в 1944 году ингушей в Сунженском районе практически не было. Подавляющее большинство населения района составляли казаки. Ингуши впервые стали здесь селиться после возвращения из депортации в 1957 году, когда их лишили основной части плоскостной территории, на которой и началось складывание ингушского народа – Пригородного района, незаконно оставленного в составе Северной Осетии.

Возвращающихся из ссылки некоторых жителей Пригородного района стали организованно расселять в других регионах Чечено-Ингушетии, в основном, в Сунженском районе. Сюда же, тогда еще в чисто казачьи станицы Карабулакская, Нестеровская, Троицкая, Слепцовская, возведенных на месте разоренных царскими войсками орстойско-чеченских сел, входивших до объединения с ингушами в Чеченскую автономную область, целенаправленно стали подселять и все нуждающиеся в обустройстве семьи из других ингушских сел. Таким образом, на фоне отсутствия ответственной миграционной политики со стороны республиканских органов власти, началась «колонизация» ингушами Сунженского района. Хотя никто не мог предполагать, что случится то, что случилось.

Тем временем, чеченцы, которым категорически было запрещено возвращаться в свои родовые поселения в горах, вынуждены были селиться в Наурском, Каргалинском, Шелковском районах, присоединенных к вновь восстановленной ЧИАССР из бывшей Грозненской области. Ингуши, в основном, вернулись в Пригородный район, переданный в состав Северной Осетии, а вот чеченцам-аккинцам Дагестана, а также чеченцам, проживавшим в некоторых горных районах Чечни, например, в Галанчожском, этого сделать, под разными формальными предлогами, не удалось по сегодняшний день.

Вот как весь этот процесс описывает Д. Хожаев: «9 января 1957 года Чечено-Ингушская АССР была восстановлена, однако часть Пригородного района оставалась в составе СОАССР. Кроме того, не смогли вернуться на родные земли ауховские чеченцы, земли которых были заняты переселенными туда лакцами и аварцами (Новолакский район и Ленин-аул, Калинин-аул Казбековского района Дагестанской АССР)... Ингуши, не имевшие возможности вернуться в Пригородный район, вынуждены были поселиться в станицах и селениях Сунженского, Малгобекского района, в городе Грозном и т. д. Ауховские чеченцы вынуждены были селиться в других селениях Хасавюртовского, Кизилюртовского и Бабаюртовского районов Дагестанской АССР» (218).

С увеличением численности ингушей в населенных пунктах Сунженского района, началось методическое выдавливание русскоязычной и чеченской частей населения. Не выдерживая целенаправленной политики выживания, в том числе и со стороны руководства района, казачество и чеченцы стали мигрировать из района. Особенно этот процесс усилился с середины 80-х годов прошлого века.

Уже в начале 90-х годов прошлого столетия, когда в связи с распадом Чечено-Ингушетии и осетино-ингушским конфликтом 1992 года в район хлынул поток ингушских беженцев, миграция из района казаческого и чеченского населения стала массовой. Таким образом, ингуши, за относительно небольшой промежуток времени, стали большинством населения Сунженского района.

По всей видимости, пытаясь создать видимость того, что Сунженский казачий округ был передан Чеченской АО произвольно, без всяких на то оснований, А.У. Мальсагов пишет: «1929 год, 4 февраля – Сунженский округ, входивший вместе с Ингушской и Осетинской АО в Горскую АССР, передается в состав Чеченской АО» (133, с. 116).

Во-первых, в Горскую АССР входили не только Ингушетия, Осетия и Сунженский казачий округ и г. Владикавказ, но и Карачаевский, Балкарский, Нальчикский (Кабардинский), Дигорский, Грозненский (Чеченский) округа, а также г. Грозный.

Во-вторых, чеченцы не были инициаторами распада ГАСР. Они вышли из ее состава только после того, как он стал разваливаться на составные части. Первой из Горской республики вышла Кабарда, получившая статус Кабардинской автономной области. Затем Карачаевский, Балкарский округа, и только затем – Чеченский.

Накануне окончательного упразднения Горской республики, в ней оставались только Осетия, Ингушетия, Сунженский казачий округ и г. Владикавказ. И припозднились они с выходом только из-за неурегулированности территориальных вопросов. Так, осетины, ингуши и сунженские казаки не могли поделить между собой г. Владикавказ, а также земли казачьих станиц Фельдмаршальской, Воронцово-Дашковской, Сунженской, Тарской. Выступая на 2-м съезде ингушского народа, известный ингушский писатель И. Базоркин сказал: «В 1918 году ингуши (основная масса ингушского народа) отстояли Владикавказ от бунта Бичерахова и вернули земли свои и аулы, отданные царским правительством казачеству» (49, с. 57).

Несколько слов о выселении чеченцев в Турцию.

Летом 1865 года свыше 5 тысяч чеченских семей или около 25 тысяч человек выселилось в Турцию. В числе выселившихся было около 1,5 тысяч семей орстхойцев. Кроме того, выселились и около трехсот ингушских семей. Процесс переселения, по договоренности с властями царской России и Османской Турции, был организован бывшим начальником Чеченского округа генералом Мусой Кундуховым и бывшим наибом Малой Чечни Оспановым Садуллой.

«Из числа покинувших свою родину чеченцев некоторая часть вернулась назад, свыше 15 тысяч остались в Турции, часть оказалась в Иордании, Сирии, Ираке. Все они осознают себя чеченцами и «называют себя этнонимом «нохчий»/«нахчой», разделяясь лишь на тайпы: беной, чинхой, арштхой, зандакхой, мержой, аьккхий, галгтай и т. д.» (218).

ПОЛОЖЕНИЕ ИНГУШЕЙ В ЧИАССР

*Ингушские районы были
сырьевым придатком Чечни...*

Султан Хамчиев

О том, что ингуши имеют к ним какие-то серьезные претензии чеченцы впервые узнали после публикации в прессе в начале 90-х годов прошлого века развернутого письма ингушской интеллигенции в ЦК КПСС «О судьбе ингушского народа», написанного в 1972 году. Все, кто был знаком с текстом данного письма, были крайне удивлены ничем необоснованными, голословными обвинениями в адрес чеченского народа в целенаправленной дискриминации ингушей и в их ассимиляции в Чечено-Ингушетии. Большая часть чеченцев, наоборот, вполне обоснованно считала, что ингуши являются наиболее привилегированной частью общества.

По заявлениям некоторых влиятельных ингушских лидеров, положение было таковым, что дальнейшее существование двух братских народов в одном субъекте было возможно только при учреждении новой федеративной республики на паритетной основе, с сохранением раздельного республиканского руководства как Чечни, так и Ингушетии (проект Беслана Костоева).

Костоевы добивались одинакового по объему финансирования программ развития как ингушской части республики, так и чеченской, через сохраняемые национальные правительственные структуры. А остальное и так было на паритетной основе.

Но чеченцев, которых по переписи 1989 года в Чечено-Ингушетии было в 4,5 раза больше, чем ингушей (734 тысячи против 163 тысяч), такой расклад не устраивал. Кроме того, он не учитывал фактор русскоязычного населения, которого в республике было почти в два раза больше, чем ингушей (около 300 тысяч).

Как же обстояло дело с равноправием народов в Чечено-Ингушской АССР и кто кого, на самом деле, дискриминировал?

Фактическим руководителем Чечено-Ингушетии, как всем известно, являлся первый секретарь обкома КПСС. По негласному установлению, этот пост мог занимать только представитель русской национальности. Чеченцы и ингуши не могли даже претендовать на него.

Как вспоминает бывший номенклатурный работник Махма Баснакаев, в состав бюро Чечено-Ингушского обкома КПСС в 1964 году входили: Титов, Дорохов, Чаккиев, Габисов, Бессарабов, Беляев, Гайрбеков, Бокков, Алмазов, Олейников, Правенький. Из 11 членов бюро 6 человек были русскими, 3 – ингушами и только 2 – чеченцами. Из 97 членов обкома КПСС в 1964 году чеченцев было 25 человек, а ингушей – 12. В 1970 году из 107 членов Чечено-Ингушского обкома партии чеченцев и ингушей было только 42 человека. В 11 районах республики из 18 – секретарями райкомов были русские: во всех четырех районах города Грозного, Гудермесском, Шелковском, Наурском, Надтеречном, Грозненском (сельском), Сунженском, Малгобекском.

Совершенно другая картина в этом отношении была в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, где более 80–90 процентов секретарей райкомов партии были представители местной национальности» (21, с. 100).

Вот таким было равенство и вот такой была, на самом деле, действительная реабилитация репрессированных народов.

Вторым и третьим секретарями обкома партии, как правило, попеременно с русскими становились, то чеченец, то ингуш. Должность секретаря Грозненского горкома партии также была недоступной для представителей так называемых титульных наций. Руководителем Президиума Верховного Совета республики – высшего органа представительной и законодательной власти республики – должен был быть ингушом. А председателем высшего органа исполнительной власти республики – Совета министров республики – чеченцем, но его 1-м заместитель, опять-таки, был ингушом. В тех министерствах и ведомствах, где первыми лицами были чеченцы (а большинство из них возглавлялось представителями русскоязычной части населения), заместителями, обычно, были ингуш или русский, а если ингуш, то чеченец или русский.

Таким образом, были предусмотрены конкретные квоты на представительство в органах власти тех или иных национальных групп, которые безукоснительно соблюдались.

На телевидении и радио по 25% вещания велось на чеченском и ингушском языках (полный паритет), а оставшиеся 50% – на русском. Что же касается Чечено-Ингушского книжного издательства (которое по непонятной традиции практически всегда возглавлялось представителем ингушской национальности), то, примерно, процентов 70 издаваемой там литературы выходило на русском языке, 20% – на ингушском и только 10% – на чеченском.

Представительство ингушей в центральных аппаратах обкома партии, правительства, министерств и ведомств (особенно в тех, где первыми руководителями были ингуши), правоохранительных и судебных органов и спецслужб (МВД, КГБ, Прокуратура и Суд) в процентном соотношении было, пропорционально численности населения, большим, чем у чеченцев.

Членов партии среди ингушей было намного больше, чем среди чеченцев. «Степень большевизации» ингушей традиционно была одной из самых высоких на Северном Кавказе (если не самой высокой). Как пишет М. Мамилев, «к моменту установления Советской власти здесь было 37 членов и 430 кандидатов в члены партии» (137, с. 334; 163, с. 79).

Идеологическими вопросами в республике, в основном, занимались также ингуши. Секретарем по идеологии, как правило, был представитель ингушской национальности.

На одну чеченскую республиканскую газету «Ленинан некъ» (нынешняя «Даймохк») приходилась одна республиканская газета на ингушском языке «Сердало» (хотя добрая половина текстов на ней, а иногда и больше, обычно была на русском языке), на один литературный журнал на чеченском языке «Орга» приходился ровно один ингушский журнал «Лоаман Гуйре», на единственный журнал для чеченских детей «Стелад» – ингушеязычный журнал с таким же названием «Селад». Причем, объединенную редакцию обоих детских журналов тоже возглавлял ингуш – поэт Саид Чакмаев.

Один объединенный Чечено-Ингушский драматический театр, с отдельными чеченским и ингушским национальными театральными труппами, Государственный ансамбль песни и танца тоже был общим – чечено-ингушским, что получило отражение и в своем названии – «Вайнах». На всю республику был также один Чечено-Ингушский кукольный театр, который ставил свои постановки на русском, чеченском и ингушском языках.

Представленность ингушей в сфере высшего образования и науки тоже была выше, чем у чеченцев. В области торговли и того больше. Непропорционально большое количество ингушей работало в сфере снабжения и услуг. Директора различных снабженческих баз, экспедиторы, заведующие складами, директора различных мясомолочных комбинатов и заводов, практически большинство всех так называемых «хлебных» мест были, если не за евреями и армянами, то за выходцами из ингушской национальности.

Как мы видим, налицо был не паритет, а самый настоящий приоритет интересов ингушской части населения республики перед чеченской. Впору было говорить об ингушском доминировании, особенно в сферах, связанных с хранением и распределением продуктов питания, различных материальных средств, товаров и предоставлением услуг.

О каких равных объемах государственного финансирования может идти речь, если чеченцев в республике было в разы больше, чем ингушей? Грубо говоря, при соотношении численности ингушей и чеченцев – 1 к 4,5, на каждый детский сад, школу, ПТУ, техникум, ВУЗ, больницу, объект соцкультбыта в районах компактного проживания ингушей, в чеченских районах всех этих объектов должно было строиться в 4,5 раза больше.

Вот, например, какие мифы о дискриминации ингушей в ЧИАССР распространяются в «Истории Ингушетии»: «Оставалось очень тяжелым социально-экономическое положение ингушских районов Чечено-Ингушетии, серьезные проблемы имелись в развитии образования, здравоохранения и т. д.»; «школ не хватало, подавляющее большинство из них работало в две смены»; «депортацию 1944 года Ингушетия встретила, как аграрно-нефтяное «приложение» в составе общей Чечено-Ингушской АССР»; «массовая безработица являлась еще одним, пожалуй, главным бичом ингушской социально-экономической жизни»; «в Чечено-Ингушетии не было ни одного ингушского вуза (института или тем более университета)»; «высокая детская и общая смертность в целом привели к тому, что, несмотря на высокие темпы естественного прироста населения, по данным переписи 1979 года, количество ингушей составило всего 279 тысяч человек» (100, с. 443–445).

«Беда в том, что массовое сознание чеченцев заражено национализмом. Чеченский национализм по отношению к ингушам проявлялся, на моей памяти, со дня восстановления ЧИАССР в 1957 году. В своей республике ингуши были национальным меньшинством, как бы людьми второго сорта... Достаточно сказать, что на момент создания своей республики, в Ингушетии не было ни одной гостиницы, домов культуры, заводов, фабрик, десятки лет не строились школы, дороги, большинство сёл не было газифицировано. Этот перечень можно продолжать бесконечно. Ингушские районы были сырьевым придатком Чечни. Зато строились и благоустраивались чеченские Шали, Аргун, Гудермес и др.», – продолжает ничем необоснованные обвинения чеченцев во всех смертных грехах Султан Хамчиев.

Да, действительно, ингушей в ЧИАССР, как мы отмечали выше, было в несколько раз меньше чеченцев. Но причем тут «чеченский национализм» и дискриминация? В чем это выразалось?

Социально-экономическое положение чеченцев было не лучше, чем у ингушей. В Урус-Мартане, Аргуне, Гудермесе, не говоря уже о горных районах, люди жили так же, как и в Назрани. Безработицы было если не больше, то не меньше, на заработки за пределы республики выезжали десятками тысяч. Практически вся промышленность республики была сосредоточена в г. Грозном, который, так же, как и Владикавказ, исторически сложился, как один из главных оплотов царской России на Северном Кавказе и был населен русскоязычным населением. Естественно, на промышленных предприятиях Грозного в основном были заняты русские.

Главные промышленные объекты города, в большинстве своем нефтехимические, были предприятиями союзного значения, а сам Грозный, находящийся в сердце Чечни, был включен в состав республики только в 1929 году. До этого он был отдельной административной единицей, с прямым подчинением Москве.

Абсолютное большинство чеченского населения проживало в сельской местности, где был огромный дефицит рабочих мест. Небольшая часть была занята в сельском хозяйстве, часть работала в школах, в медицинских учреждениях и правоохранительных органах, часть представляла чиновничество и сферу услуг. Вот, пожалуй, и все.

Конечно, ингуши жили не в шелках (так же, как и чеченцы), но писать о том, что вообще не было ни одной гостиницы, дома культуры, заводов, фабрик, что десятки лет не строились школы, дороги – это очевидное несоответствие действительности.

Авторы «Истории Ингушетии» поступили не совсем корректно, выделив ингушей из основной массы жителей сельской местности, страдающих от отсутствия работы. От безработицы на селе в республике страдали все, вне зависимости от национальной принадлежности, но в особенности – сами чеченцы.

О каких «проблемах в развитии образования, здравоохранения и т. д.» идет речь, если, в целом, по уровню грамотности ингуши намного превосходили чеченцев? Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года, на 1000 человек в возрасте 10 лет и старше, лиц с высшим образованием у чеченцев было в два с лишним раза меньше, чем у ингушей. Значительно отставали чеченцы от своих собратьев также и по удельному весу научных работников. Число научных работников в 1979 году у ингушей составляло 180, что составляет 0,1% от

общей численности ингушей, в то же время у чеченцев было 332 человека, что всего лишь 0,04% от общего числа чеченцев. 78% чеченцев было занято физическим трудом, тогда как у ингушей на 6% меньше – 72%. Соответственно, умственным трудом у чеченцев было занято 22%, а у ингушей – 28 % (данные переписи населения 1970, 1979 и 1989 годов).

На 1000 человек занятого населения ЧИАССР в 1989 году приходилось, «руководителей органов государственного управления и их структурных подразделений»: чеченцев – 2, ингушей – 2 (в 1970 году это соотношение было 2 к 3); «руководителей предприятий»: чеченцев – 9, ингушей – 15 (в 1970 – 4 к 12); «инженерно-технические работники»: чеченцев – 33, ингушей – 49 (в 1970 – 13 к 29); «научные работники, педагоги, воспитатели»: чеченцев – 54, ингуши – 66; «медицинские работники»: чеченцы – 21, ингуши – 27; «работники торговли, общепита, заготовок, снабжения и сбыта»: чеченцев – 16, ингуши – 23 (159, с. 64, 92). Вот такая получается дискриминация.

Относительно того, что «в Чечено-Ингушетии не было ни одного ингушского вуза», то это действительно так. Но это никак не было связано с дискриминацией ингушей. Не было в республике и чеченских вузов, и даже русских. В Советском Союзе вообще не было национальных вузов. Идеология самого государства не допускала этого. Вузы в СССР назывались именами субъектов, в которых они находились, но это вовсе не означало, что они национальные. В Чечено-Ингушетии было три вуза: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, Чечено-Ингушский государственный педагогический институт и Грозненский нефтяной институт имени академика Миллионщикова. Все они были такими же ингушскими, как и чеченскими. Можно даже сказать, что они были больше «ингушскими», чем «чеченскими», так как представленность ингушей в профессорско-преподавательском составе, а также в руководстве этих вузов была более широкой (в пропорциональном отношении), чем у чеченцев.

Что касается нехватки школ и их работы в две смены, а также того, что «высокая детская и общая смертность в целом привели к тому, что, несмотря на высокие темпы естественного прироста населения, по данным переписи 1979 года, количество ингушей составило всего 279 тысяч человек» – все это не более чем демагогия. А где, скажите, на Кавказе хватало школ и где они работали в одну смену? Даже в современной Чечне, где со школами дела обстоят лучше, чем в других северокавказских субъектах, они до сих пор, в подавляющем своем большинстве, работают в две смены.

Не знаю, откуда у авторов данные об общей и детской смертности в разрезе отдельных национальностей, обычно такие данные даются в среднем по отдельным субъектам, а не конкретным национальностям, проживающим в них. Официальная же статистика свидетельствует о том, что уровень жизни, общая и детская смертность чеченцев и ингушей, в целом, была равной. Так, число родившихся на 1000 человек населения в ЧИАССР в 1990 году было 24,1 человек, а умерших – 8,3 человека. Естественный прирост населения на то же количество людей – 15,8 человек (177, с. 250). При примерно равных показателях уровня жизни, общей и детской смертности и приросту населения, по материалам Всесоюзных переписей населения 1970, 1979 и 1989 годов, ингушей в 1970 году на территории Чечено-Ингушетии проживало 113,7 тысяч человек, в 1979 году – 134,7 тысяч (прирост относительно 1970 года в 21 тысяч человек), а 1989 – 163,8 тысяч (прирост относительно 1979 года в 29,1 тысяч человек).

В то же самое время, чеченцев в 1970 году в Чечено-Ингушетии проживало 508,9 тысяч человек, а в 1979 году – 611,4 тысяч (прирост относительно 1970 года в 102,5 тысяч человек), а в 1989 году – 734,5 тысяч (прирост относительно 1979 года в 123,1 тысяч человек). Учитывая то, что чеченцев в республике было, примерно, в 4,5 раза больше, чем ингушей, то это примерно равный прирост населения у обоих народ (с небольшим опережением, в рамках статистической погрешности, у чеченцев).

Таким образом, мы видим, что детская и общая смертность среди ингушей была в рамках средних данных по всей Чечено-Ингушетии.

А откуда авторы взяли то, что ингушей в ЧИАССР в 1979 году было 279 тысяч человек, то есть почти в два раза больше, чем по официальным статистическим данным, остается только гадать.

Что касается количества студентов высших учебных заведений, то авторы «Истории Ингушетии» пишут: «В 1959–1960-х гг. чеченцы и ингуши составляли 17% всех студентов, а в 1976–1977 гг. – 38%, при этом нужно отметить, что среди них очень мало было ингушей. В 1970-е годы в местных вузах обучалось 678 ингушей, в средних специальных учебных заведениях – 747 человек... В первой половине 1970 годов в ЧИГУ на дневном отделении обучалось около 2600 студентов, в том числе 246 ингушей» (100, с. 456).

По поводу «дискриминация ингушей в отношении получения образования», могу сказать, что эта «дискриминация» в сфере высшего образования выражалась, например, в следующих цифрах. Из общего количества мест во всех трех вузах республики в 1970 году представи-

телями ингушской национальности было занято 5,3% мест, в то время как чеченцами – 17,8% (пропорция 1 к 3,4); в 1980 году, соответственно – 9,4 и 32% (пропорция 1 к 3,4); в 1989 году – 12,4 и 47,3% (пропорция 1 к 3,8). На первый взгляд – это вроде бы подавляющее преимущество поступивших в вузы чеченцев перед ингушами. Но это только на первый взгляд. Все становится на свои места, когда мы смотрим соотношение в республике жителей ингушской и чеченской национальностей. А она такова: в 1970 году в ЧИАССР проживало 113 667 ингушей и 508 898 чеченцев (примерное соотношение 1 к 4,4). В 1979 году в республике проживало 134 744 ингушей и 611 405 чеченцев (примерное соотношение 1 к 4,5). А в 1989 году проживало, соответственно – 163 762 и 734 501, что составляет примерное соотношение 1 к 4,5. Получается, что чеченская часть учащихся, при прочих равных условиях, недобирает в сравнении с ингушской целых 1% мест в высших учебных заведениях.

Если, например, в 1989 году во все три вуза республики всего поступило 15 723 человек (из них около половины русскоязычных), то это довольно внушительная для чеченцев цифра. Соотношение количества учащихся вузов к численности чеченцев и ингушей в республике, как пишет об этом М.Р. Овхадов в своем исследовании «Национально-языковая политика и развитие чечено-ингушского двуязычия», было таковым: в 1970 году: чеченцев – 0,7, ингушей – 0,9; в 1979 году: чеченцев – 0,9, ингушей – 1,2 и в 1989 году: чеченцев – 1,4, ингушей – 1,6. (159, с. 81). Как мы видим, налицо явное превосходство ингушской части населения.

По результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года чеченцы оказались на 37 месте среди 40 народов России по количеству лиц с высшим образованием в возрасте от 10 лет и старше на 1000 человек. Так, если, к примеру, евреев таковых – 344, осетин – 52, адыгейцев – 37, якутов – 33, кабардинцев – 26, аварцев – 18, ингушей – 15, то чеченцев – всего 7, то есть, в два с лишним раза меньше, чем у ингушей (159, с. 92)!

Вот и посудите сами, кто кого в ЧИАССР подвергал дискриминации. Что касается «дискриминации» в получении доступа к «высококвалифицированной работе», то раскладка занятости в различных отраслях экономики республики, в отдельности по представителям чеченской и ингушской национальностей, была дана выше.

«В городе Грозном был образован Чечено-Ингушский театр, в составе которого работали талантливые ингушские актеры. Ингушским актерам приходилось работать на неродном языке. Как бы ни был доступен чеченский язык в быту, на сцене его подлинное незнание пред-

ставляло существенный барьер», – продолжают сочинять мифы о своем бедственном положении в ЧИАССР ингушские авторы (100, с. 378).

После прочтения данной цитаты, непосвященные люди могут подумать, что ингушам кто-то запрещал ставить спектакли на своем родном языке. Это неправда. В Чечено-Ингушском театре имени Х. Нурадилова были две труппы: чеченская и ингушская. Чеченская труппа с большим успехом играла на родном языке. И причем, не только драматургию национальных авторов, но и российскую, а также зарубежную классику в переводе на чеченский язык. Что касается ингушской труппы, то, действительно, она в основном работала на русском языке. Но делала она это не в связи с какими-то запретами и установкам сверху, тем более, с чеченской стороны, а из-за недостаточного знания родного языка большинством артистов из ингушской труппы. В особенности это касалось молодежи, вернувшейся в республику после окончания театральных учебных заведений в Москве, Ленинграде, Тбилиси.

Наоборот, и руководство театра, и министерство культуры настаивали, чтобы труппа работала на родном языке, иначе ее существование теряло всякий смысл. Единственным противником игры ингушской труппы на своем родном языке были они сами.

А в спектаклях чеченской труппы, а также в постановках республиканского Русского драматического театра, они участвовали в высшей степени добровольно, в целях поддержания своей формы, дальнейшего творческого роста, а также для решения вопросов материального плана.

ПИСЬМО ИНГУШСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЦК КПСС. 2-Й СЪЕЗД ИНГУШСКОГО НАРОДА

*Харцонца къуьйсуй волу стаг –
ша харцлен ца веза!*

Халкъан кхетам

В данном письме, в целом, нашли свое отражение боль и чаяния ингушского народа, накопившиеся к началу 70-х годов прошлого века. В нем была сделана попытка краткого анализа пути, пройденного ингушами в составе России, обернувшегося трагическими последствиями для них. Авторы письма от имени ингушского народа обратились к советскому партийному руководству, в лице ЦК КПСС – главного организатора всех беззаконий против ингушей – с требованием возвращения незаконно отторгнутых территорий и восстановления автономии Ингушетии.

Как следует из заключения комиссии Совета национальностей Верховного Совета СССР, созданной 26 марта 1990 года для рассмотрения обращений ингушского населения, «существо обращений ингушского народа заключается в требовании полной его реабилитации, восстановлении ингушской автономии в границах 1934 года, а также установлении его столицы в правобережной части города Владикавказ» (211, с. 54).

Обращает на себя внимание тот факт, что с воссозданием в 1992 году своей автономии, которая была провозглашена без конкретно обозначенных границ, ингушские лидеры, почему-то, перестали говорить о «восстановлении ингушской автономии в границах 1934 года» и стали претендовать на территории, входившие до 1934 года в состав Чеченской автономной области.

В 2012 году Глава Республики Ингушетия Ю.-Б. Евкуров официально заявил об отсутствии у ингушей территориальных претензий к Северной Осетии-Алания, признав, тем самым, право осетинского народа на отторгнутый в 1957 году от Чечено-Ингушетии Пригородный район. Но зато, начал оспаривать территорию бывшего Сунженского округа, используя фактор большинства проживающего там на сегодняшний день ингушского населения.

Как известно, ингуши, практически не жившие на данной территории до 60-х годов XX века, в результате целенаправленной мигра-

ционной политики уже в начале 90-х годов стали преобладающим населением Сунженского района. Динамика роста ингушского населения была такой: в 1926 году ингушей во всем Сунженском округе было всего 331 человек (1,2%); в 1959 году – 1 791 человек (4,2%); в 1970 – 15 599 (33,7%, вместе с частью Галашкинского района); в 1989 году – 26 550 (43,6%); в 2002 году – 76 515 (63,9%). Не выдержав агрессивного натиска ингушей, казаки, в подавляющем своем большинстве, вынуждены были мигрировать за пределы республики. Чеченцев это коснулось в меньшей степени.

Таким образом, ингушское руководство, сдав район своего исторического проживания (колыбель ингушского народа) Северной Осетии-Алания, стало незаконно претендовать на территорию Сунженского и северо-восточную часть Малгобекского районов, входивших в состав Чеченской АО.

Руководители Ингушетии развили в этом направлении такую активность, развернули такую мощную пропагандистскую кампанию, что возьмись они с таким же усердием за восстановление своей юрисдикции над Пригородным районом, то вряд ли осетины выдержали бы такого натиска.

Все это напомнил нам случай, который произошел с жителями г. Урус-Мартан гармонистом Абдулхалимом Димаевым (родным братом знаменитого чеченского гармониста-виртуоза Умара Димаева) и работавшего на пару с ним доулистом Денисултаном.

Абдулхалим и Денисултан были приглашены в соседнее с Урус-Мартаном село Алхан-Юрт для музыкального сопровождения одной из тамошних свадеб. Порядок на чеченских свадьбах был таким, что гармонист (пондарча) и доулист (вотанча) не только играли для присутствующих, но и по желанию, в порядке очереди, могли и станцевать. Надо признаться, что чеченцы относились к людям искусства без особого пиетета. И если к игре на гармонике отношение было более-менее уважительным, то работа доулиста считалась не совсем мужским занятием.

Как только подошла его очередь, гармонист Абдулхалим исполнил свой танец и с чувством исполненного долга сел на свое место. Очередь была за Денисултаном. Но как только доулист вошел в круг и начал танец, алхан-юртовцы все вместе, разом, дали залп из всех своих ружей и пистолетов и сорвали его (срыв танца считается оскорблением для танцующего). То же самое алхан-юртовцы повторили с ним и в следующем круге.

Когда подошла очередь станцевать Денисултану в третий раз, Абдулхалим положил свою гармонь, вынул из-за пояса свой семизарядный пистолет и, попросив слова у тамады, сказал: «Слушайте меня внимательно, алхан-юртовцы. Когда в 1919 году генерал Деникин напал на ваше село и тройным кольцом окружил его, мы, урус-мартановцы, взяв в свои натруженные руки винтовки, купленные за свою последнюю скотину, заткнув за пояс кукурузные лепешки, испеченные нашими старыми матерями, приходили к вам на помощь и не щадя своих жизней сражались с деникинцами, освобождая ваше село от врага. Несколько десятков надмогильных шестов появилось в те дни на кладбищах Урус-Мартана. Если бы вы, алхан-юртовцы, в то время произвели такое же количество выстрелов в сторону деникинцев, что вы сделали в воздух сейчас, вы бы одолели их и без нашей помощи. Пусть будут прокляты ваши отцы до седьмого колена, если вы не сорвете танец Денисултана на этот раз! Начинай свой танец, Денисултан». Алхан-юртовцы, пораженные мужеством Абдулхалима и справедливостью его упрёка, опустили свое оружие.

К большому сожалению, авторы данного послания в своей справедливой борьбе за восстановление поправленных прав ингушского народа иногда используют не совсем добросовестные приемы, так или иначе ущемляющие права и интересы соседних народов, в том числе и братского чеченского народа. Все это, естественно, вызывает множество вопросов, которые требуют честных ответов. Рассмотрим некоторые выдержки из текста письма.

«Сегодняшняя Ингушетия – это край экономического и духовного застоя. Почти все заслуги ингушского народа в борьбе за Советскую власть забыты. Ингушетия по существу лишена реальных условий для нормального развития. Территория ингушей поделена между соседними народами, а сами ингуши частью поселились в оставшихся за ними населенных пунктах, частью разбросались по всей стране... Галашкинский (Первомайский) район Ингушетии поделен между казачьим Сунженским и чеченским Ачхой-Мартановским районами Чечено-Ингушской АССР... Ачалукский и Пседахский районы Ингушетии также ликвидированы и их земли переданы частично Назрановскому и Малгобекскому районам и частично Северной Осетии... Одним словом, Ингушетию поделили, как делят землю под индивидуальные огороды. В результате, из пяти районов Ингушетии, существовавших до 1944 года, остались фактически только два – Назрановский и Малгобекский, которые и представляют собой современную Ингушетию», – пишут авторы письма в ЦК КПСС. Тут столько всего наворочено, что сразу и не разберешься (170).

Во-первых, преобразование районов – обычное дело, в Ингушетии такое администрирование производилось и до объединения ее с Чечней. Так, 14 марта 1929 года решением Ингушского облисполкома «в целях наиболее целесообразного использования средств, затрачиваемых в настоящее время на содержание административного аппарата» были объединены округа: Галашкинский с Пригородным, а Пседахский с Назрановским. Был образован Пригородный округ с центром в г. Владикавказе и Назрановский с центром в пос. Назрань.

Во-вторых, на каких основаниях Сунженский район, образованный на землях чеченцев-орстхойцев и еще с 1929 года официально вошедший в состав Чечни, должен входить в состав Республики Ингушетия?

В-третьих, если ликвидированные Ачалукский и Пседахский районы Ингушетии «переданы частично Назрановскому и Малгобекскому районам», то каким образом из этого следует, что «территория ингушей поделена между соседними народами»? Разве Назрановский и Малгобекский районы не являются территорией современной Ингушетии?

В-четвертых, все перечисленные авторами послания территории были изъяты не из Ингушетии, а Чечено-Ингушетии, так что территории эти были не ингушскими, а чечено-ингушскими. Ни одного района, кроме Пригородного и части Малгобекского (изъятой под так называемый «моздокский коридор»), от Чечено-Ингушетии отторгнуто не было.

В-пятых, в связи с тем, что все отторгнутые территории, как известно, вошли в состав Северной Осетии, не совсем понятным остается утверждение авторов письма о том, что «территория ингушей поделена между соседними народами». Если это намеки в сторону Чечни, то никаких отторжений ингушских земель в ее пользу не было. Наоборот, ликвидация Галашкинского района, до объединения Ингушетии с Чечней входившего в состав Ингушской АО и произвольное включение его территории в Сунженский и Ачхой-Мартановский (Бамут и его окрестности) районы бывшей Чеченской автономной области, дала формальный повод некоторым ингушским функционерам для абсолютно незаконных притязаний на весь преобразованный Сунженский и даже Ачхой-Мартановский районы, которые никогда административно в Ингушетию не входили.

Как мы видим, вышеназванное включение территории ликвидированного Галашкинского района бывшей Ингушской АО в Назрановский, Сунженский и Ачхой-Мартановский районы вновь образованной Чечено-Ингушской АО никак нельзя назвать разделом ингушского Галашкинского района «между казачьим Сунженским и чеченским Ач-

хой-Мартавовским районами». Тогда это была территория единой Чечено-Ингушетии. А как тогда назвать попытки включения большей части Сунженского района, входившего до 1934 года в Чеченскую АО в состав Ингушетии – аннексией Ингушетией чеченского Сунженского района?

В 1991 году, накануне распада бывшего СССР, на одном из заседаний Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики, чеченской частью депутатов был поставлен вопрос о восстановлении Галашкинского района в своих прежних границах (до объединения Чечни и Ингушетии). Этот вопрос стал актуальным в связи с настойчивыми попытками ингушей воссоздать свою автономию (письмо в ЦК КПСС «О судьбе ингушского народа», 2-й съезд ингушского народа) и принятием Декларации о суверенитете Чечни на первом общенациональном съезде чеченского народа в 1990 году. Восстановлением Галашкинского района Ингушетии и Галанчожского района Чечни автоматически восстанавливалась граница между Чечней и Ингушетией, в случае разделения двух республик на две составные части. Но ингушские депутаты категорически выступили против принятия такого постановления, тем самым, обозначив свои тайные притязания на чеченские территории.

«Сегодня все ингушские селения перенаселены и неблагоустроены. В большинство из них ведут плохие дороги, а отдельные села даже не обеспечены питьевой водой. Ингушские селения не газифицированы, несмотря на то, что по территории Ингушетии вдоль и поперек проложены магистральные газопроводы... За несколько десятков лет в Назрановском районе не построено ни клуба, ни дома культуры, ни универсама, ни гостиницы, ни больницы. Районная больница размещена в ветхом здании бывшей царской крепости построенной еще в начале XIX века» (эти и ряд других формулировок из данного письма фигурируют во многих публикациях ингушских авторов, без всяких ссылок на первичный документ), – жалуются на свои страдания авторы послания.

Выделив ингушские селения, авторы пытаются представить партийному руководству страны, что ингушская часть жителей Чечено-Ингушетии подвергалась целенаправленной дискриминации.

О каких «нескольких десятках лет» идет речь, если с момента возвращения чеченцев и ингушей из депортации прошло всего лишь 15 лет (имеется в виду к моменту написания письма в ЦК КПСС), а со времени объединения с Чечней, не считая 13 лет проведенных в ссылке, всего лишь 25 лет? Если не говорить о г. Грозном, который до 1929 года даже не входил в состав Чечни, а с 1934 года являлся общей столицей Чечено-Ингушетии, та же самая картина была и в Чечне.

«После ликвидации Галашкинского (Первомайского) района Ингушетии культурная и экономическая жизнь в селениях этого района стала замирать: филиал слюдяной фабрики в селении Галашки закрыли, лесопильный завод в селении Мужичи, оторвав от сырьевой базы, перенесли в станицу Орджоникидзевскую, а узкоколейную железную дорогу от станции Слепцовская до селения Мужичи разобрали, оставив всего-навсего маленький лесоучасток с небольшим штатом. Главное богатство Галашкинского района – драгоценный буковый лес – вырубается. Все эти меры превратили бурно развивающийся в первые годы Советской власти район в сырьевой придаток Сунженского района».

Судя по этим выдержкам, авторы письма тогда еще четко осознавали Галашкинский (Первомайский) район как ингушский, а Сунженский, на который они сегодня предъявляют претензии (в «сырьевой придаток» которого, как они считают, Галашкинский район был превращен), как территорию чеченской части республики

«Нынешнее положение ингушей создалось не вдруг, а постепенно, исподволь, и началом его явилось присоединение Ингушетии к Чечне в 1934 году. Оба наши народа веками жили рядом на своих землях, но имели неодинаковые исторические судьбы».

О каком «присоединении Ингушетии к Чечне в 1934 году» пишут авторы, когда на самом деле было не присоединение, а равноправное объединение совсем неравных друг другу частей? Оставим на совести авторов их утверждение о том, что бедственное положение ингушей «создалось не вдруг, а постепенно, исподволь, и началом его явилось присоединение Ингушетии к Чечне в 1934 году».

Что же касается отличной от чеченской «исторической судьбы» ингушей, о чем пишут авторы обращения, то единство исторических судеб двух народов, во всяком случае, до конца XVIII века, является общепризнанным фактом. В чем, интересно, выражалась эта особенность ингушской судьбы после этого? В том, что назрановские старшины предали своих братьев и пошли на услужение царской власти?

Если авторы под разностью исторических судеб имеют в виду то, что ингуши, в отличие от чеченцев, раньше «вошли в состав России», то ведь и чеченцы не избежали этой участи. Если же они подразумевают под этим более позднее, чем чеченцы, принятие ислама, то и в Чечне это было не одномоментным актом. Если восточными нахчийскими обществами мусульманство было принято в конце XV – начале XVI вв., то в западной Чечне, особенно в ее высокогорной части, ислам получил распространение только в конце XVII – начале XVIII вв.

«Неравноправие Ингушетии в составе Чечено-Ингушской АССР, начиная с 1934 года, все более и более закрепляется и в исторической науке. История Ингушетии вообще не принимается во внимание, ее постепенно сознательно «забывают». Во всех общественно-политических мероприятиях республики за исходное берется только история Чечни, а история Ингушетии при этом игнорируется.

Так, например, 50-летие Чечено-Ингушской АССР отмечается 30 ноября 1972 года на том основании, что Чечня выделилась из состава Горской республики 30 ноября 1922 года. При этом во внимание не принимается тот факт, что другая половина Чечено-Ингушской АССР – Ингушетия выделилась из Горской АССР только 7 июля 1924 года. И, следовательно, если исходить из этого принципа, 50-летие автономии Ингушетии надо отмечать в 1974 году.

Совершенно забытым, а вернее непризнанным, оказалось такое важное в исторической судьбе ингушского народа событие, как добровольное присоединение Ингушетии к России 23 августа 1810 года (по последней версии ингушских ученых – это уже 1770 год. – Авт.). Однако в 1960 году 150-летие присоединения Ингушетии к России не отмечалось», – пишут авторы.

Утверждение о том, что «история Ингушетии вообще не принимается во внимание, ее постепенно сознательно «забывают», не соответствовало действительности. В советской историографии история ингушей (так же, как и история чеченцев) периода до разделения единого нахчийского (вайнахского) этнического субстрата на две части, в подавляющем большинстве случаев, освещалась как общая вайнахская и нахская, а не как история чеченцев или ингушей в отдельности. Собственно чеченского и ингушского народов, как таковых, тогда еще не было. А что касается истории начавшегося формироваться на рубеже XVIII–XIX веков ингушского народа, то она освещалась в ЧИАССР во всей своей полноте. Одной только теме добровольного вхождения ингушей в состав России и участия в установлении советской власти на Северном Кавказе было посвящено невероятно большое количество различных исследований.

Кстати, в письме не сказано ни одного слова о таком значительном не только для России, но и для всего мира явлении, как продолжавшаяся в течение нескольких десятилетий Кавказская война, имевшего огромное влияние на судьбы горцев Северного Кавказа и участия в ней ингушского народа. Как говорится, «слона-то я и не приметил».

Пример с празднованием 50-летия Чечено-Ингушской АССР в 1972 году, которое было приурочено к 50-летию образования Чеченской АО,

в то время, когда 50-летие образования Ингушской АО было только в 1974 году, приводимый авторами в качестве наглядного примера дискриминации ингушей в ЧИАССР, выглядит не совсем убедительно. В данном случае, в условиях единой Чечено-Ингушской Республики, за точку отсчета была взята более ранняя дата.

Аргумент с неизвестно кем «забытым» и, соответственно, неотмеченным в 1960 году «150-летием присоединения Ингушетии к России», тоже весьма сомнителен. Это, как раз, тот самый период, когда чеченцы и ингуши, обогнанные и обвиненные в предательстве и сотрудничестве с немецко-фашистскими захватчиками, еще не все вернулись с мест высылки на свою историческую родину. А ингуши, к тому же, потеряли почти половину своей территории. О каком праздновании юбилея добровольного вхождения ингушей в состав России в этих условиях могла идти речь? И до этого ли тогда было? А где были, разрешите вас спросить, ингушские партийные и государственные функционеры, возглавлявшие республику? Разве не они должны были инициировать проведение таких мероприятий? Кто запрещал им это делать?

И вообще, о каком праздновании 150-летия присоединения Ингушетии к России идет речь, если в том самом 1960 году исполнялось не 150, а все 190 лет со дня свершения этого знаменательного события (по последней версии. – Авт.)? Ведь сделано это было, как утверждается сегодня, еще в 1770 году. Выходит, правильно сделали, что не отметили, не то без конфуза не обошлись бы.

«Третирование интересов Ингушетии проявляется даже в самой, казалось, безобидной форме. Так, в столице Чечено-Ингушетии – городе Грозном, лишь изредка можно встретить на дверях учреждений, организаций и предприятий вывеску, на которой бы данное заведение обозначалось на ингушском языке. Точно так же, конституционный ингушский язык незаметно снят даже со штампов печатей министерств республики».

Откровенная ложь. Никто никого по этому вопросу не третировал и делать вывески, штампы и печати на родном языке в республике не запрещал. Просто ингушей, не только не умевших читать и писать на своем родном языке, но и иногда не говоривших на нем даже в своих семьях (впрочем, таковые были и среди чеченцев), в абсолютном своем большинстве, мало волновал вопрос отсутствия вывесок и печатей на родном языке. А русскоязычным жителям республики в надписях на чеченском и ингушском языках не было никакой необходимости. Ситуация с родным языком была запущена до такой степени, что, как

выразился заведующий отделом республиканской газеты «Сердало» Хусейн Шадиев, «в обкоме партии работают ингуши, и ни один из них не владеет родным языком» (49, с. 196).

«К сказанному выше следует добавить, что дата объединения Ингушетии с Чечней – 1934 год – явилась и датой захоронения ингушского национального искусства, театра, который в 1931 году на Олимпиаде народов Северного Кавказа в Ростове занял первое место. С 1934 года до сегодняшнего дня, ингушский народ не имеет своего национального театра, не говоря уж об ансамбле песни и танца, эстрадно-концертной труппе и т. д.».

Что касается театра и ансамбля песни и танца, то они, как было отмечено в одной из предыдущих глав, были совместными – чечено-ингушскими. В республике был один национальный чечено-ингушский театр. Был объединенный чечено-ингушский ансамбль песни и танца «Вайнах», самым своим названием говоривший об общих корнях чеченцев и ингушей. Эстрадно-концертной труппы у ингушей не было по той простой причине, что у них заниматься таким видом деятельности, в силу определенных предрассудков, считалось чуть ли не позором. Естественно, этот жанр искусства у ингушей до последнего времени был развит очень слабо и эстрадное искусство в Ингушетии, в основном, представляли чеченские артисты.

«Когда казачье-осетинские белогвардейские соединения под командованием полковников Соколова и Беликова (осетинского контрреволюционера) захватили Владикавказ, ингуши спасли город и находившийся там Терский Совнарком. 6 августа 1918 года в имени графа Уварова в ингушском селении Базоркино Пригородного района был созван съезд ингушского народа. Съезд единодушно решил освободить Владикавказ. Ингуши объявили революционный газават, прощались с семьями и шли воевать с врагами Советской власти. Тысячи лучших сынов ингушского народа отдали свои жизни в эти августовские дни, освобождая Владикавказ и Терскую область от контрреволюции», – утверждают авторы.

Сколько же слов сказано о решающем вкладе ингушей в дело установления советской власти на Северном Кавказе и о так называемой «Красной Ингушетии» – авангарде горских республик, стремящихся к светлому будущему! В том числе и в данном обращении. Но ингуши, на самом деле, встали не на защиту советской власти и не ради коммунистической идеи, а за возвращение своих насильственно экспроприированных земель в Тарской долине. И газават они объявили именно за это, а не ради революции.

Но была не только «Красная Ингушетия», многие видные ингушские деятели, в особенности офицерство, были на стороне Деникина. Был даже сформирован ингушский полк в составе добровольческой армии, о котором ингушские авторы, строго в соответствии с конъюнктурой, начали говорить только после падения коммунистического режима.

Подвинул ингушей на выступление против армии Деникина, опиравшегося главным образом на казачество и осетин, соратник вождя мирового пролетариата, большевик Серго Орджоникидзе. Выступая на съезде ингушского народа в с. Базоркино, он громогласно заявил, что «Советская власть согласна передать ингушам земли четырех казачьих станиц, отделявших горную Ингушетию от плоскостной». Именно за эти, действительно ингушские земли, отобранные у них царской властью в конце 50-х годов XIX века, а также за г. Владикавказ и воевали ингуши. И не напрасно. Как известно, в результате установления советской власти на Северном Кавказе территория Ингушетии увеличилась на 58,4% (67, с. 44).

Кроме всего прочего, С. Орджоникидзе дал обещание ингушам помочь с созданием собственно автономной республики, которое, впоследствии, и было выполнено. Создание собственного государственного образования западных вайнахских обществ (ингушей) уже «де-юре» разделило единый народ на две части.

«В 1861–1865 годах около 20 тыс. ингушских семей были переселены в Турцию. В этом трагическом акте повинны, прежде всего, осетинские националисты, подготовившие его в сговоре с царскими генералами, — это трагическое переселение с целью захвата ингушской территории. Руководил этой кампанией известный царский агент, генерал Муса Кундухов (осетин по национальности). Эта провокация дорого обошлась ингушскому народу. В течение первого года переселения погибло более половины переселенцев, а потомки оставшихся тогда в живых скитаются в чужих для них странах Ближнего Востока до настоящего времени», — пишут авторы.

О каких таких 20 тысяч ингушских семьях идет речь, если ингушей всего тогда было около 20 тысяч человек, не говоря уже о каких-то семьях (101, с. 145)? Общеизвестно, что из Чечни и Ингушетии в

Турцию тогда добровольно-принудительно выселилось всего 5 тысяч семей. Подавляющее большинство из них были вовсе не ингушами, а чеченцами. Ингушей среди переселенцев было всего лишь две-три сотни семей. Около сотни из которых впоследствии были возвращены из Турции по просьбе ингушского офицерства.

А что касается «известного царского агента» Мусы Кундухова, то он был близким родственником наиболее видных ингушских фамилий того времени. Так что, нечего на родичей-то пенять! Тут, как раз, впору задаться вопросом: а случайно ли этот ближайший родственник наиболее авторитетных ингушских семей – Муса Кундухов – организовал массовое переселение чеченцев в Турцию? (Вспомним ингушское предание о переселении орстхойцев в Турцию).

«В 1944 году осетинские националисты через врагов советского народа Берия и Кобулова (осетина по национальности) добились выселения ингушского народа в Казахстан и Среднюю Азию и захватили всю ингушскую территорию. И эта сделка осетинских националистов с Берия и Кобуловым также дорого обошлась ингушскому народу. Здесь следует заметить, что из Закона Верховного Совета РСФСР от 25 июня 1946 года об упразднении Чечено-Ингушской АССР вовсе не вытекало положение о том, что ингуши подлежали выселению, но, тем не менее, они были выселены. Как это произошло?» – пишут авторы.

Не знаю, что предприняли «осетинские националисты» с целью выселения ингушей, но свои, местные коллеги Берии и Кобулова, постарались изрядно. Пора назвать и своих доморощенных «героев» этой величайшей трагедии наших народов. Преступная деятельность таких сподручных Берии из республиканского НКВД, как Албогачиев, Алиев и Холухоев, до сих пор остается практически неизвестной широкой публике. А ведь именно сфальсифицированные ими так называемые «агентурные данные» и «сводки» легли в основу обвинения чеченцев и ингушей в массовом бандитизме и дезертирстве, а в последующем послужили поводом для их поголовной депортации в Казахстан и Среднюю Азию.

Известный историк Д.Д. Гакаев пишет: «Еще накануне войны Берия делает попытки обострить политическую обстановку в Чечено-Ингушетии, подготовить «основательную законодательную базу» для принятия жестоких репрессивных мер против ее коренного населения. С этой целью в апреле 1943 года наркомом НКВД ЧИАССР Берия назначает С. И. Албогачиева, капитана госбезопасности, освободив от этой должности русского Рязанова. Начальником Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД республики в начале 1942 года был утвержден

ингуш И.И. Алиев. Должность командира 141-го стрелкового полка НКВД, отличавшегося особой жестокостью в отношении чеченского и ингушского населения, поручили ингушу Б.А. Холухоеву. Назначая их на эти посты, Л.П. Берия был уверен, что они, не считаясь ни с вайнахской, ни с общечеловеческой моралью, четко будут выполнять задачу по целенаправленной дискредитации собственных народов. И в этом он не просчитался. Ему и в Чечено-Ингушский обком партии регулярно стала поступать тенденциозная информация о «бандитизме» в республике, об обострении политической обстановки» (145).

«Таким образом, — продолжает Гакаев, — целенаправленными стараниями органов НКВД, Исраилова, Шерипова и других руководителей бандгрупп (необходимо подчеркнуть, что на территории Чечено-Ингушетии действовали не только бандгруппы титульных народов, но и дагестанские и русские бандгруппы, например, бандгруппы дагестанца Сахабова, русских Зиновьева, Платова—Михайлова. — Авт.) возникла «документально подтвержденная «версия» активной антисоветской борьбы чеченцев и ингушей» в годы войны. Это была обычная грязная провокация Сталина, Берии, Албогачиева, Алиева, Дроздова, цель которой не просто насильственное изгнание чеченского и ингушского народов со своей Родины, но и превентивное устрашение всех других советских народов» (145).

«Осетинские националисты, — продолжают авторы послания, — верные своей давней аннексионистской политике, стремились к тому, чтобы, захватив территорию Ингушетии, Моздок и Кизляр, выйти к Каспийскому морю и таким образом создать Великую Осетию. И вот когда Берия разработал план выселения некоторых ни в чем неповинных народов Северного Кавказа (чеченцев, карачаевцев, балкарцев, калмыков), политический бандит Кобулов добился выселения и ингушей в числе этих выселяемых народов.

Таким образом, в основе выселения ингушского народа лежал бериевско-кобуловский заговор, имевший целью захват всей территории Ингушетии. Заговор этот до сих пор не раскрыт и ему не дана соответствующая политическая оценка. Это обстоятельство вот уже 28 лет, как некая всеобщая вина, тяжелым моральным грузом довлеет над нашим народом».

Абсолютный блеф. Какой выход к Каспийскому морю, какая «Великая Осетия» при жесточайшем тоталитарном режиме Сталина в СССР?

Берия, оказывается, и не собирался выселять ингушей вместе с чеченцами, карачаевцами, балкарцами и калмыками. Это, по мнению авторов, было сделано в результате козней «политического бандита

Кобулова», добившегося включения ингушей в список выселяемых народов, а так ингуши не должны были быть среди них.

А какой, интересно, «политический бандит», по мнению авторов письма, включил в этот список остальные народы? И какая разница в том, кто именно и с какой целью это сделал, ведь в любом случае это было чудовищным актом произвола и беззакония. Отделяя ингушей от других высланных народов, в том числе и от своих братьев – чеченцев (в то время как этого не сделал даже сталинский режим), авторы обращения, тем самым, косвенно соглашаются с тем, что их выселение, в отличие от ингушей, было обоснованным.

Неужели авторы обращения в ЦК КПССС, из-за отсутствия в конститутирующей части Закона «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область» от 25 июля 1946 года упоминания ингушей, и вправду думают, что они, в отличие от других депортированных народов, попали в список выселяемых народов случайно, из-за козней ненавидящего ингушский народ Кобулова? Есть десятки различных документов, принятых руководством СССР по поводу депортации чеченцев и ингушей не через два года после выселения, как в случае с данным законом, а накануне или сразу же после депортации, где ингуши, вместе с чеченцами, официально называются в числе «провинившихся» и потому подлежащих вечному выселению. Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» от 7 марта 1944 года. Или авторы обращения не знали о наличии таких документов?

И при чем тут, по большому счету, осетины? Выселение остальных 11 народов СССР и репрессии десятков миллионов советских людей тоже организовали они? Скорее всего, все намного проще – Сталин прекрасно знал, что чеченцы и ингуши – это две ветви единого народа. Это ровно то, что до сих пор не могут понять и принять некоторые лидеры ингушского народа.

«Что же касается ингушей, то они никогда не посягали на чужие земли и свои отношения с соседними народами строили на взаимном уважении и доверии. В 1920 году С. Орджоникидзе предложил ингушам занять и заселить селение Ольгинское за его контрреволюционные действия, но ингуши не тронули это селение, заявив, что это может вызвать осложнения между двумя соседними народами, хотя селение это в свое время было основано на ингушской земле. К сожалению, такого благородного и миролюбивого отношения в ответ к себе мы сегодня не наблюдаем в Северной Осетии», – пишут авторы.

Опять приходится напоминать авторам азбучные истины: на чужие земли посягают и их завоевывают только сильные народы, а слабые живут согласно известному принципу «лишь бы нас не трогали».

В отношении «предложения» большевика Серго Орджоникидзе занять ингушам осетинское селение Ольгинское, то здесь очевидно, что это напрямую было связано с борьбой за установление советской власти в крае, когда «красные» ингуши вместе с большевиками противостояли «белым», в основном, казакам и осетинам.

И никакой речи о каком-то благородстве и миролюбии со стороны одних и отсутствии всего этого со стороны других, в данном случае, не может быть. Просто «друг Серго», не считаясь ни с чем, по-дружески, как говорится, «с барского плеча», одаривал одних различными преференциями, а других – различными экзекуциями, усугубляя и так напряженные межнациональные отношения в регионе на десятилетия вперед.

«Положение ингушского народа не было бы сегодня столь бедственным, если бы руководители Чечено-Ингушской АССР уделяли его коренным интересам должное внимание и заботу. Но, к сожалению, приходится констатировать, что со стороны руководителей республики ингушский народ внимания и заботы к своим насущным проблемам не видит. Более того, всякого, кто ратует за те или иные нерешенные национальные проблемы, в Чечено-Ингушетии официально объявляют националистом. Любовь и уважение к своему народу, к своей национальной культуре, к своим положительным национальным традициям и обычаям, к своему родному языку – словом, привязанность ко всему, что составляет бытность народа, преследуется как общественно вредное явление», – жалуются авторы послания.

Соглашаясь, в целом, со сказанным выше, хочется отметить, что чеченцы тут были не при чем. Такая же политика, и даже в более изощренной форме, проводилась руководством республики и по отношению к чеченскому народу, и его положение было не лучше. От чеченцев не зависело не только решение вопросов национально-культурного развития ингушей, но даже и своего собственного. Примерно та же

картина была во всех национальных республиках бывшего Советского Союза, в котором строился коммунизм и новая общность людей – советский народ.

Идеологические вопросы, как известно, разрабатывались в Москве, и оттуда, в виде различных циркуляров и указаний, поступали вниз. За их реализацию на местах отвечало партийное руководство республик, во главе со «смотрящими» – руководителями обкомов партии, присланными из той же Москвы. Они же, в большинстве своем, и составляли тот самый Центральный Комитет КПСС, с посланием к которому обратилась ингушская интеллигенция.

С момента образования Чечено-Ингушской АССР на должности 1-го секретаря рескома КПСС не было ни одного чеченца и ингуша. Но в данном случае, это не имело принципиального значения, так как представители титульных наций, назначенные на эту должность, просто вынуждены были, в рамках жесткой партийной дисциплины, проводить политику, исходящую из вышестоящих партийно-государственных органов. И хотя авторы письма в качестве проводников антинациональной политики в республике называют имена номенклатурных работников из числа чеченцев и ингушей, от них мало что зависело, более того, они сами являлись заложниками этой системы.

«Бывший председатель Совета Министров ЧИАССР М.Г. Гайрбеков, занимая ответственный пост в руководстве республики, своим отношением к Ингушетии объективно осуществлял политику, направленную на ликвидацию ингушей как нации.

Он согласился с предложением передать Северной Осетии Пригородный район, составляющий более половины ингушских земель и аулов и даже не поставил перед правительством вопроса о том, что власти Северной Осетии, нарушая Указ Президиума Верховного Совета СССР, не разрешают ингушам туда вернуться.

Он великодушно согласился на передачу Осетии ингушских земель в Малгобекском районе.

Под его руководством упразднены ингушские районы – Галашкинский (Первомайский), Ачалукский, Пседахский, которые были присоединены к казачьим и чеченским районам.

В согласии с осетинскими националистами он осуществил план, по которому Моздокский район и ингушские земли Пригородного района, без ингушей, были присоединены к Северной Осетии, а взамен их он получил для расселения чеченцев горных районов на равнине – Каргалинский, Шелковской и Наурский районы Ставропольского края», – пишут авторы.

Серьезные, но по-детски наивные обвинения в адрес выдающегося государственного деятеля всего нахчийского (чечено-ингушского) народа.

Муслим Гайрбеков вместе со своими соратниками Мальсаговым, Атиевым, Тангиевым, Бузуртановым делали все, чтобы «отвоевать каждую пядь родной земли», ведь в тогдашнем руководстве Грозненской области сложилась сильнейшая оппозиция восстановлению республики. «Ведь сам первый секретарь обкома КПСС Яковлев заявил: «Возвращение чеченцев и ингушей – большая ошибка».

А вот что писал секретарь Урус-Мартановского райкома партии и председатель райисполкома Шаповалов в ответ на запрос Грозненского обкома и облисполкома по приему и размещению возвращающихся чеченцев в район: «На ближайшие три года райком партии и райисполком планируют принять и разместить три семьи» (21, с. 154).

По меньшей мере глупо было бы полагать, что вопрос передачи Пригородного и части Малгобекского районов из ЧИАССР в состав Северной Осетии решался председателем Оргкомитета по Чечено-Ингушской АССР Муслимом Гайрбековым. Его согласие на это отторжение не требовалось.

Вопрос отторжения Пригородного района был решен задолго до назначения М. Гайрбекова на эту должность на самом высоком уровне власти бывшего Советского Союза. Ведь это же самое утверждают и сами авторы послания, говоря о заговоре Кобулова и Берии против ингушского народа.

Посмотрим на Указ Президиума Верховного Совета РСФСР №721/4 от 9 января 1957 года «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области», в строгом соответствии с которым должен был действовать М. Гайрбеков или любой другой человек, будучи на его месте.

Так вот, в этом указе однозначно говорится: «Включить в состав Чечено-Ингушской АССР: ... Из Северо-Осетинской АССР – город Малгобек с пригородной зоной, Коста-Хетагуровский (Назрановский – авт.) район и северо-восточную часть правобережного района» – и все! Вся остальная территория, переданная СОАССР из состава ЧИАССР, в связи с депортацией чеченцев и ингушей и ликвидацией Чечено-Ингушской АССР в 1944 году в соответствии с этим указом, должна была остаться в составе Северной Осетии. Разве мог Гайрбеков выйти за рамки данного Указа?

А что касается «передачи Осетии ингушских земель в Малгобекском районе», то дальше в указе прописано: «Поручить Президиуму Верховного Совета Северо-Осетинской АССР и Организационному комитету по Чечено-Ингушской АССР внести на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР описание границы между Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской АССР с учетом упразднения территориальной разобщенности Моздокского района с основной территорией Северо-Осетинской АССР».

Как мы видим, указ прямо предписывает передачу части территории ЧИАССР Северной Осетии для «моздокского коридора», так как в нем ни словом не упоминается Кабардино-Балкария, которая до выселения граничила с запада с Малгобекским районом ЧИАССР.

Несмотря на то, что Гайрбеков был большим патриотом своей республики, он, как и большинство членов Оргкомитета (в том числе и ингушских), был вынужден смириться с потерей Пригородного района, с твердой уверенностью в том, что со временем вопрос возвращения района республике будет решен положительно.

Разве не с этой надеждой вернулись ингуши на свою родину, а не остались, в знак своего несогласия с таким решением, в местах своей ссылки? Любой человек из числа чеченцев и ингушей, ответственный за судьбу своего народа, в тех условиях, вынужден был бы поступить таким же образом. Ведь на заседаниях высшего партийного руководства страны самым серьезным образом обсуждался вопрос о восстановлении автономии Чечено-Ингушетии не на своей исторической родине, а на территории Казахской ССР. А этого нельзя было допустить ни в коем случае.

То же самое можно сказать и по поводу утверждения авторов, что, якобы, Гайрбеков не «поставил перед правительством вопроса о том, что власти Северной Осетии, нарушая Указ Президиума Верховного Совета СССР, не разрешают ингушам туда вернуться».

Во-первых, нельзя, не приводя достоверных доказательств, на уровне различных сплетен, голословно утверждать, что он этот вопрос не ставил. Нам, например, известно, что он не только ставил эти вопросы перед вышестоящим руководством, но лично сам выезжал неоднократно в Северную Осетию для решения этих вопросов. Об этом вспоминает член Оргкомитета по восстановлению Чечено-Ингушской АССР В. Русин в своей книге «Достоинство гордых».

Во-вторых, никто такие вопросы с ним не согласовывал, это было вне его компетенции. Кроме того, как всем известно, порядки тогда были другие, мягко говоря, не совсем демократические. Ведь не только ингушей не пускали в места своего прежнего проживания, не пускали в свои родные села и чеченцев, проживавших в горах, а также чеченцев-аккинцев Дагестана, лишенных этого права до сегодняшнего дня.

По поводу же того, что «под его (Гайбекова. – Авт.) руководством упразднены ингушские районы Галашкинский (Первомайский), Ачалукский, Пседахский, которые были присоединены к казачьим и чеченским районам», то это не совсем так.

Под казачьим и чеченским районами, к которым якобы были присоединены вышеназванные ингушские районы, авторы послания подразумевают Сунженский и Ачхой-Мартановский районы, в состав которых вошла часть территории упраздненного Галашкинского района. Тем самым, они косвенно признают, что это не ингушская территория.

По всей видимости, авторы имеют в виду процесс укрупнения отдельных районов, который был проведен во всей Чечено-Ингушетии. Галашкинский район (после депортации 1944 года переименованный в Первомайский), действительно, был упразднен. Часть Галашкинского района осталась в Назрановском районе, а часть вошла в Сунженский и Ачхой-Мартановский районы. Но все эти три района были не отдельными национальными районами ингушей, казаков и чеченцев, а территорией единой Чечено-Ингушской АССР.

В свою очередь, Ачалукский и Пседахский районы стали составной частью Малгобекского района, который и ныне входит в состав Республики Ингушетия. Кстати, Пседах – это чисто чеченское селение, основанное на бывшей территории Малой Кабарды свыше 200 лет тому назад.

Как мы видим, никакого «присоединения к казачьим и чеченским районам» ингушских районов не было. Наоборот, Сунженский район, являвшийся составной частью Чечни и никогда не входивший в состав Ингушетии, авторами письма произвольно предлагается включить в

состав предлагаемой ими в конце своего послания будущей Ингушской Республики.

Из территории бывшей Ингушской АО в составе современной Чеченской Республики остался небольшой участок земли в районе маьлхинского с. Бамут, а из территории бывшей Чеченской АО в составе нынешней Республики Ингушетия до сих пор остается подавляющая часть Сунженского и северо-восточная часть Малгобекского районов. Вот и судите сами – что к чему было присоединено.

И вообще, какие претензии по вопросам территориально-земельных преобразований в ЧИАССР могут быть к председателю Совета Министров ЧИАССР Гайрбекову, если это вопросы, входящие в компетенцию Верховного Совета ЧИАССР? А председателем Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР был ингуш И.Алмазов.

О каком согласии «с осетинскими националистами», в соответствии с которым Гайрбеков передал Северной Осетии Моздокский район, пишут авторы письма? Этот же район никогда не входил в состав Чечено-Ингушетии.

Каргалинский, Шелковской и Наурский районы были переданы в состав восстановленной ЧИАССР не из Ставропольского края, а из Грозненской области. И вовсе не «для расселения чеченцев горных районов», а, в первую очередь, для своего рода «разбавления» моноэтнических республик, образованных в свое время по национальному принципу, так называемым «государствообразующим» русским населением. Таким же образом часть казачьих районов было передана в состав Дагестана, часть – в состав Северной Осетии (тот самый Моздокский район, который авторы письма считают ингушским).

Непонятным остается вопрос: почему авторы так смело и безапелляционно называя имена руководителей республиканского масштаба – чеченцев и ингушей, причастных, якобы, к притеснению ингушей в ЧИАССР, не называют имен главных виновников беспредела в республике, творимого и над ингушами, и над чеченцами, и над русскими, одним словом, над всеми жителями республики? Например, 1-го секретаря обкома КПСС, руководителей республиканских МВД, КГБ, Прокуратуры. А ведь ни одного чеченца или ингуша среди этой категории высших республиканских чинов тогда не было. Как говорят чеченцы – «Говрах лата ца ваьхьнарг, нуьйрах летта».

Далее авторы обращения пишут: «Ингушетию следовало бы восстановить, включив в нее следующие шесть районов с указанными ниже населенными пунктами:

1. НАЗРАНОВСКИЙ РАЙОН с центром – в городе НАЗРАНИ. Город Назрань, селения Насыр-Корт, Альтиево, Гамурзиево, Барсуки, Гази-Юрт, Экажево, Сурхохи, Али-Юрт, Долаково, Кантышево.

2. МАЛГОБЕКСКИЙ (бывший ПСЕДАХСКИЙ) РАЙОН с центром в городе МАЛГОБЕКЕ. Город Малгобек, селение Пседах, Сагопши, Кескем, Новый Редант, станица Вознесенская, Красная Горка, объединенные Кескемские хутора.

3. ГАЛАШКИНСКИЙ РАЙОН с центром – в селении ГАЛАШКИ. Селения Галашки, Мужичи, Алкун (Верхний), Алкун (Нижний), Датых, Аршты, Чемульга, Гандалбос, Бамут (Верхний), Бамут (Нижний), Бамут (Средний), Сомиегоч, Цори, Хамхи.

4. КАРАБУЛАКСКИЙ РАЙОН с центром – в поселке КАРАБУЛАК. Поселок Карабулак, селения Гейрбек-Юрт, Верхние Ачалуки, Средние Ачалуки, Нижние Ачалуки, Яндырка, Плиево.

5. СУНЖЕНСКИЙ РАЙОН с центром – в станице ОРДЖОНИКИДЗЕВСКОЙ. Станицы Орджоникидзевская, Троицкая, Нестеровская, Ассиновская, Краснооктябрьская (Алхасты), хутор Давыденко.

6. БАЗОРКИНСКИЙ (нынешний ПРИГОРОДНЫЙ) РАЙОН с центром – в городе Орджоникидзе или селении БАЗОРКИНО. Селения Базоркино, Шолхи, Онгушт, Ольгинское, Ахи-Юрт, Длинная Долина, Гадаборшево, Яндиево, Камбилеевка, Чернореченское, Редант, Балта, Таузен-Юрт, Джерахой-Юрт, Галгай-Юрт, Ларс (верхний), Ларс (нижний), Чми, Эзми, Планы, поселок Базоркинского консервного завода, хутора Баркинхоев, Цороев, Алиев, Ахушков, Чермоев, Хадзиев, Терпугов, Сыздоев, Шадиев, Гетагазов, Патиев (первый), Патиев (второй), Бартабос, Яреча, Винзаводской, Томов, Мамилов, Мецхальский, Льянов, горные аулы Джерах, Фуртоуг, Ляжг, Ольгетты, Хули, населенные пункты Джерах-Мецхальского общества, Гвелети», – пишут авторы.

Шесть, так шесть. Пусть у ингушей будет районов на порядок больше, но только на своей территории! Ни один населенный пункт, входивший в состав Чеченской автономной области на момент объединения ее с Ингушской АО в 1934 году, не может войти в состав современной Республики Ингушетия без согласия чеченского народа. Так же, как ни один населенный пункт, входивший в Ингушскую АО, не может войти в состав современной Чеченской Республики без доброй воли ингушского народа. Все остальное – вторично.

По составу Ингушетии.

Никаких возражений по поводу состава Назрановского района нет, здесь все на своем месте.

Что же касается Малгобекского района, то в его состав ошибочно включены станица Вознесенская и Красная Горка. Эти населенные пункты не могут быть в составе Малгобекского района Ингушетии, так как они до 1934 года (объединения Чечни и Ингушетии) входили в Чеченскую автономную область.

В Галашкинский район Ингушетии ошибочно включена Чемульга. Данный населенный пункт ни в состав Галашкинского района, ни в состав Ингушской АО не входил, а являлся составной частью Чеченской АО.

В Карабулакский район ошибочно включен поселок Карабулак. Этот поселок до 1934 года входил в состав Чечни.

Из предлагаемой авторами письма будущей территории Республики Ингушетия необходимо также полностью исключить Сунженский район, кроме с. Алхасты, входившего в Галашкинский район Ингушской АО.

Любопытно, как авторы обращения, только что возмущавшиеся волонтаристским объединением ингушского Галашкинского района с тем же Сунженским районом, не моргнув и глазом, собираются включить весь этот укрупненный район в состав Ингушетии?

Из всего этого следует, что авторы письма в ЦК КПСС, требующие честности и справедливости от других, сами поступают нечестно и несправедливо, претендуя на территории никогда не входившие в состав Ингушетии. Да, в настоящее время большинство населения бывшего Сунженского округа Чеченской АО, в результате целенаправленного вытеснения оттуда казачьего и чеченского населения, составляют ингуши. Но еще в начале 70-х годов прошлого века они представляли всего лишь треть населения района. Из факта численного превалирования ингушей в Сунженском районе на сегодняшний день вовсе не следует, что он должен принадлежать Республике Ингушетия.

Касаясь возможного решения ингушской проблемы, авторы послания пишут: «Мы согласны на любые варианты решения ингушского вопроса, которые дадут возможность восстановить территориальную целостность и национальную государственность Ингушетии. На наш взгляд, наиболее целесообразны следующие варианты:

1. ИНГУШСКАЯ АССР (с административным центром в ПРАВО-БЕРЕЖНОЙ ЧАСТИ города ОРДЖОНИКИДЗЕ). Ингушский народ, насчитывающий 170 тыс. человек и имеющий компактную территорию, будет представлен равноправной автономной республикой в составе РСФСР.

2. ОСЕТИНО-ИНГУШСКАЯ АССР (с административным центром в городе ОРДЖОНИКИДЗЕ). В пользу этого варианта говорит накопленный в Советском Союзе опыт образования многонациональных автономных республик и областей по признаку общности или смежной территории. Таковы: Дагестанская АССР, Кабардино-Балкарская АССР, Карачаево-Черкесская автономная область и т. д. Именно исторически сложившаяся привязанность местного населения к своим исконным землям и послужила основанием для создания этих национально-государственных единиц. Таким же основанием для образования Осетино-Ингушской АССР является исторически сложившаяся территориальная общность осетинского и ингушского народов», – пишут авторы.

Весьма своеобразным и неожиданным, после обвинений осетин во всех смертных грехах (в том числе и в депортации ингушей в 1944 году), было предложение авторов письма о создании единой Осетино-Ингушской АССР (2-ой вариант).

По мысли авторов, в случае реализации данного варианта ингушская сторона не только возвращала себе потерянный Пригородный район, но и прихватывала с собой в братскую Осетию и чеченские Сунженский и часть Малгобекского районов.

Чего только стоит мотивировка необходимости создания такого объединения. По мнению авторов, «основанием для образования Осетино-Ингушской АССР является исторически сложившаяся территориальная общность осетинского и ингушского народов».

А разве с чеченским народом у ингушей нет территориальной и даже, что намного важнее, этнической, языковой, культурной и духовной общности? Но, несмотря на это, выход из состава Чечено-Ингушской АССР они считают важнейшим моментом в возрождении Ингушетии. Ну что же, пожелаем ингушам удачи, если, конечно, осетины согласятся на такую трансформацию. Но, в таком случае, пусть наши братья не питают каких-то иллюзий на счет возможных территориальных уступок с чеченской стороны.

Что же касается первого варианта, то вряд ли такое решение возможно в нынешних условиях.

«Территориальная разобщенность делала нецелесообразным объединение не только родственных народов, но даже и одного народа в единую автономию. Так, три родственных шапсугских народа – кабардинцы, черкесы и адыгейцы – имеют три разных автономных образования: Кабардино-Балкарская АССР, Карачаево-Черкесская автономная

область и Адыгейская автономная область. Более того, даже единый по своему историческому происхождению и этническому составу осетинский народ имеет два различных автономных образования: Северо-Осетинская АССР в составе РСФСР и Юго-Осетинская автономная область в составе Грузинской ССР. Точно так же ингуши и чеченцы, хотя и родственные народы, но ввиду их территориальной разобщенности должны составлять отдельные автономные единицы», – продолжают авторы письма.

О какой это территориальной разобщенности между Чечней и Ингушетией пишут авторы? Имеют ли они элементарное представление о географии? Нахчий (вайнахи) испокон веков занимали единый территориальный массив от реки Акташ на востоке до реки Терек на западе, от Главного Кавказского (Бокового) хребта на юге и до той же реки Терек на севере. Никаких разобщающих нахчийские общества вклиниваний других народов в их территорию никогда не было, если не считать временное разобщение чеченцев и ингушей на плоскости строительством царскими войсками Сунженской крепостной линии в период Кавказской войны.

Непонятно также, о какой территориальной разобщенности между Северной и Южной Осетией, а также между кабардинцами, черкесами и адыгейцами пишут авторы, если, условно говоря, северные и южные осетины находятся на смежной территории с северной и южной стороны Главного Кавказского хребта, а кабардинцы граничат с черкесами, а те, в свою очередь, с адыгейцами (если не считать искусственного коридора из казачьих станиц, образованного для их разделения)?

Северокавказские сдвоенные национально-территориальные образования сформированы не по каким-то родственным признакам составляющих их народов или каких-то других общих для них признаков, а вопреки этому. Но в этой, на первый взгляд, бессистемности есть, все-таки, один общий принцип, в соответствии с которым эти республики образованы. Это извечный имперский принцип разделения и противопоставления народов, для лучшего контроля над ними со стороны центральных властей.

В основном, те же самые проблемы, которые ингушская интеллигенция ставила в своем письме в ЦК КПСС в 1972 году, обсуждались и на 2-м съезде ингушского народа. На этом съезде, прошедшем 9–10 сентября 1989 года в г. Грозном, была принята резолюция о создании Ингушской АССР в составе РСФСР (при существующей де-юре и де-факто Чечено-Ингушской АССР!). Как пишет Алихан Костоев, один

из организаторов этого съезда, «вся работа съезда была подчинена высокой цели – восстановлению автономии ингушского народа» (49, с. 3). Таким образом, заявленную в письме ЦК КПСС идею отделения от Чечни и создания отдельной автономии ингушского народа, еще долго до 1-го чеченского съезда, начали претворять в жизнь.

Организаторами съезда были Б. Сейнаров, Б. Богатырёв, Ахмед Куштов, Султан Хамчиев, Иса Кодзоев, Беслан Костоев, Алихан Костоев, Пара Парчиева и др.

Именно со стороны ингушей, а не чеченцев, впервые были сделаны официальные заявления о своем стремлении отделиться от своих собратьев. Наиболее ярко об этом было заявлено в прокомментированном выше письме ингушской интеллигенции в ЦК КПСС 1972 года.

А вот как все это старается представить Б. Костоев: «Конечно, образование республики не было самоцелью для ингушей, стремившихся в любой форме вернуть свои земли. В этой связи высказывания о том, что ингуши первыми решили отделиться от чеченцев, мягко говоря, не соответствуют действительности. В глубокой тайне от ингушей неформальные лидеры Чечни разрабатывали концепцию Чеченского независимого государства. Эта концепция нашла своё концентрированное выражение на 1-ом съезде 25–27 ноября 1990 года, также готовившегося втайне от ингушей» (115, с. 38).

Да, действительно, 1-й общенациональный съезд чеченского народа прошел 23–25 ноября 1990 года, через год с небольшим после 2-го съезда ингушского народа и 18 лет спустя после известного обращения ингушской интеллигенции в высший партийный орган Советского Союза в 1972 году, однозначно заявивших о необходимости создания собственной ингушской автономии.

Подготовка к чеченскому съезду проходила совершенно публично и гласно, в течение 3-х месяцев, и никакой речи о том, что он готовился тайно, не может быть в принципе. О предстоящем съезде и ходе его подготовки широко информировали все СМИ республики: телевидение, радио, периодическая печать. В связи с прохладным отношением к проведению данного съезда со стороны руководства республики (на

первоначальном этапе) шла даже широкая дискуссия о целесообразности его проведения. Но затем, отношение руководства к проведению съезда изменилось и правительственные структуры, во главе с заместителем председателя правительства ЧИР Герсолтой Эльмурзаевым, начали оказывать необходимую помощь организаторам этого форума.

О какой тайне всего этого для ингушей можно говорить если, например, вопросы приглашения делегатов и гостей съезда из зарубежных стран курировал сам Беков С. М.? Это общеизвестные всем факты, и совершенно зря Б. Костоев пытается навести тень на плетень.

Несколько ингушских представителей даже входило в Оргкомитет по подготовке съезда и принимало непосредственное участие в работе данного форума в качестве гостей. Вот что пишет об этом Леча Умхаев – председатель Оргкомитета по подготовке и проведению 1-го общенационального съезда чеченского народа: «22 ноября 26 человек из ингушского Оргкомитета во главе с Сейнароевым пришли на встречу с единственным предложением – не обсуждать на Чеченском съезде проблему Сунженского и Малгобекского районов. Мы ответили, что не будем этого делать, если ингушский Оргкомитет сделает официальное заявление, что не претендует на эти районы. Сделать это они отказались, и уже прямо заявили, что они будут настаивать на включении их в состав Ингушетии при восстановлении ее автономии.

На что нам ничего не оставалось, как пожелать им успехов, но заявив, что мы с этим никогда не согласимся. После чего они уехали, даже не взяв пригласительные билеты на съезд.

Так что, официальная делегация от Ингушетии отказалась от участия в съезде добровольно, а всякие инсинуации, которые раздувались вокруг этого, были высосаны из пальца. Свидетелями чему являлись те 26 человек с ингушской стороны и такое же количество со стороны чеченского Оргкомитета. Ингуши в работе съезда принимали участие и как гости, и один даже как полноправный делегат съезда. Это был С. Мальсагов – житель г. Грозного и активный участник Оргкомитета» (213, с. 17–18).

Необходимо подчеркнуть, что чеченский народ собрал свой съезд одним из последних в республике. До этого прошли аналогичные съезды ингушского, ногайского народов, терского казачества, готовился съезд так называемой русскоязычной части населения Чечено-Ингушетии. На всех этих форумах говорилось о проблемах этих народов, метилась территория, предъявлялись ничем не обоснованные претен-

зии к чеченскому народу, который находился далеко не в лучшем, нежели они, положении. На этом фоне чеченский народ, составляющий две трети населения республики, просто вынужден был собрать свой съезд и выразить свое отношение к ситуации, сложившейся в республике, буквально накануне распада бывшего Советского Союза. Заявить, наконец-то, о своих правах и обозначить конкретные действия на ближайшую перспективу.

Так вот, о 2-м съезде ингушского народа.

Со вступительным словом на нем выступил Исса Кодзоев, который кратко изложил, в каких условиях собрался съезд и какие задачи он перед собой ставит. «Мы собрались сегодня, – сказал он, – чтобы решить: быть или не быть ингушской автономии и даже самому ингушскому народу? Ибо вопрос его государственности – это вопрос его жизни и смерти» (49, с. 6). Кодзоев также высказал предположение, что местность Бартбос («Склон согласия»), где ингуши вступили в подданство России – «это

место сходов ингушского народа и других народов Кавказа, которые, по взаимному согласию старейшин разных племен, объединялись для борьбы с татаро-монгольскими, аланскими и другими захватчиками». Простим великодушно Иссе Кодзоеву, он тогда еще не знал, что аланы являются «прямыми предками ингушей».

Основным докладчиком на съезде был Беслан Костоев, который допустил в своем выступлении ряд сомнительных, и даже явно несоответствующих действительности, эмоциональных высказываний.

Так, он в самом начале своего доклада сказал, что на первом съезде революционного ингушского народа, состоявшемся в селении Базоркино 4 февраля 1919 года по предложению С. Орджоникидзе, «была провозглашена независимая Горская советская республика» (49, с. 9).

На съезде ингушского народа Горская советская республика, конечно же, не могла быть провозглашена, для этого необходимо было более представительное собрание. Горская республика была провозглашена на съезде народов Терека во Владикавказе только год спустя.

«Начало вытеснению ингушей со своих исконных исторических земель, – заявил Костоев, – было заложено еще в XVIII веке русским царизмом» (49, с. 11).

Бедный русский царизм! То он спасает ингушей от кровожадных соседей, взяв под свое покровительство, то вытесняет их «со своих исконных исторических земель». Под словом «вытесняет», наверное, следует понимать организованное, под конвоем, переселение ингушей «русским царизмом» из своих горных ущелий на чужие плоскостные территории. Какие земли, кроме земель трех действительно исконно галгаевских обществ – Эгикал, Хамхи и Таргим, подразумевает Костоев под понятием «исконные исторические земли» ингушей?

Далее Костоев продолжает: «Непреложная истина состоит в том, что ингуши – коренные жители Северного Кавказа, а осетины – пришельцы. В то время как предки осетин – аланы – появились на Северном Кавказе в IV веке нашей эры, а сам осетинский народ сформировался из остатков аланских племен лишь в позднем средневековье, ингуши жили в центральной части Северного Кавказа пять тысячелетий тому назад» (49, с. 16). Если ингуши теперь сами стали претендовать на единственных наследников алан, в подтверждение чему новая столица Ингушетии названа именем древней аланской столицы – Магасом, то, значит ли это, что они не являются аборигенами Кавказа?

По мнению Костоева, «в 1957 году автономия ингушского народа была восстановлена частично, без правобережной части города Ordzhonikidze, главного Пригородного района и части Малгобекского района, оставленных в составе Осетии без ведома и согласия ингушского народа, в результате закулисных переговоров между руководством Северной Осетии и Оргкомитетом ЧИАССР во главе с М. Гайрбековым...» (49, с. 22–23).

Придется повторить наш экскурс в историю.

Во-первых, город Ordzhonikidze на момент депортации чеченского и ингушского народов и упразднения ЧИАССР в состав Чечено-Ингушетии не входил, чтобы вести какие-то переговоры о его возвращении в состав вайнахской республики. Официально правобережная часть Ordzhonikidze никогда частью Ингушетии не являлась, хотя там находились все административные органы Ингушской АО. Костоев не мог не знать об этом.

Во-вторых, решение таких важных политических вопросов, по Конституции, является прерогативой руководства Российской Федерации и Советского Союза, а не автономных республик. Все решения, связанные с восстановлением ЧИАССР и возвращением высланных, так же, как и решения о ликвидации автономии и депортации чечен-

цев и ингушей, принимались на самом высоком уровне, с непосредственным участием первых партийно-государственных руководителей СССР. И если даже эти вопросы решались на республиканском уровне, разве руководителем Чечено-Ингушетии был Гайрбеков? Помнится, 1-м секретарем обкома КПСС тогда был Яковлев А.И.

В функции Оргкомитета, возглавляемого Гайрбековым, не входило решение каких-либо политических вопросов, он занимался сугубо вопросами организованного возвращения и размещения на местах депортированных чеченцев и ингушей, т.е. хозяйственными вопросами. Решение о передаче Северной Осетии Пригородного и части Малгобекского районов, как и решение о депортации чеченцев и ингушей в 1944 году, так же было принято в Москве. Разве палачи спрашивают у своих жертв их согласия на казнь? Так что, Гайрбеков никакого отношения к тому или иному решению вопроса Пригородного и части Малгобекского районов не имел, как бы не хотелось обвинить его в этом Костоеву и ряду других ингушских авторов.

К тому же, в Оргкомитет по Чечено-Ингушской АССР входили и представители ингушской национальности. А один из них (Тонгиев З.С.) был даже заместителем председателя. Вот его полный состав: Гайрбеков М.Г. – председатель; Слюсарев А.М. – 1-й заместитель; Зонов А.Ф. – заместитель; Тонгиев З.С. – заместитель; Шустов И.А. – заместитель; Комаров М.И. – секретарь. Члены Оргкомитета: Баранов Ф.Д. – зав. орг-инструкторским отделом Оргкомитета, Брыксин Е.В. – председ. Грозненского горисполкома, Гашев А.Д. – зам председ. Госплана РСФСР, Дементьев Г.М. – начальник МВД ЧИАССР, Петров Н.Г. – начальник республиканского управления культуры, Русин В.Ф. – начальник республиканского управления сельского хозяйства, Струлев С. С. – зав. республиканским финансовым отделом, Яковлев А.И. – первый секретарь обкома КПСС, а также Дукузов Х.Н., Мальсагов Д.Г., Сулейманов К., Тепсаев А.-В.Т., Хозиев В.Ф., Цутиев У.Д., Яндиев М.А., которые в то время в ЧИАССР не занимали никаких служебных постов (37, с. 903).

Как мы видим, из 14 членов Оргкомитета, относящихся к руководству ЧИАССР, только двое – Гайрбеков и Тонгиев – были представителями титульных народов. Кроме того, было еще 7 рядовых членов Оргкомитета, не занимавших никаких служебных постов, пятеро из которых были чеченцами, а двое – ингушами. Спрашивается: почему члены Оргкомитета – ингуши – не выступили против решений Оргкомитета, ущемляющих права ингушского народа, если они были в их

компетенции? На этот вопрос есть один ответ: никто их мнения по вопросу отторжения территории ЧИАССР в пользу Северной Осетии не спрашивал и спрашивать не собирался. Время было другое. Решение это, мотивированное соображениями совсем другого порядка, было принято на самом высоком уровне и с Оргкомитетом не обсуждалось. Обо всем этом Костоев прекрасно знает, но поступает в соответствии с чеченской поговоркой – «медведица, задумавшая съесть своих медвежат, вываляла их в грязи».

«Территориальная разобщенность делала не целесообразным объединение не только родственных народов, но даже одного народа в единую автономию. Ингуши и чеченцы – родственные народы. Но в виду взаимоудаленности мест исторического проживания должны составлять отдельные автономные единицы», – подытожил свое выступление на съезде Костоев (49, с. 38).

О какой «территориальной разобщенности» и «взаимоудаленности мест исторического проживания» чеченцев и ингушей из раза в раз повторяют костоевы, обосновывая необходимость отделения от своих собратьев, если они испокон веков жили, и живут до сих пор, рядом, на смежных, разделенных только искусственной административной границей, территориях? Какая стена и какие народы, интересно, их разделяли и разделяют до сих пор, кроме фантомов, придуманных разного рода провокаторами? Кого они такими несуразицами пытаются ввести в заблуждение? Нечистоплотные методы, используемые отдельными ингушскими лидерами для достижения своих узкогрупповых целей, по известному принципу – цель оправдывает средства, не делают им чести.

Неприятный осадок оставляет эмоциональное выступление на съезде директора государственного Ингушского государственного драматического театра Мустафы Бекова. Он заявил буквально следующее: «С 1934 года, со дня основания Чечено-Ингушской АО, ингушский театр перестал существовать. В так называемом Национальном драматическом (а в последующем – Чечено-Ингушском) театре с 1934 г. по 1978 г. не был поставлен ни один спектакль на ингушском языке. За вывеской «Чечено-Ингушский» фактически существовал чеченский театр» (49, с. 66).

Делая такое громогласное заявление, директор ингушского театра не удосужился рассказать об истинных причинах такого печального факта, намекая на дискриминацию ингушей в этом вопросе со стороны чеченцев. Так вот, никакой дискриминации на самом деле не было.

Придется напомнить еще раз, никто в республике не запрещал ингушской труппе театра творить на родном языке, что было их прямой профессиональной обязанностью и гражданским долгом. Проблема была в самих ингушских артистах, большинство из которых, к сожалению, недостаточно владело родным языком. Им легче было играть на русском языке, вот они на нем и играли. В театральных кругах даже шутили по этому поводу, мол, в республике работает целых два русских театра.

Интересно, кто запретил бы ставить спектакли на родном языке ингушской труппе национального театра, если она специально для этого и была создана? Но «русскоязычные» ингушские артисты не в силах были это сделать.

Мустафа Беков считает виновными всех, кроме самих ингушей, даже в том, что «из девяти человек, обучавшихся в ГИТИСе с 1967 по 1972 годы, московский театральный вуз закончили всего двое...».

«Таким образом, – заключает директор ингушского театра, – можно твердо сказать, что с 1928 г. по 1988 г. было дискриминировано право ингушского народа на осуществление своих духовных потребностей».

Тут М. Беков, как известная унтер-офицерская вдова, высек сам себя. Можно было еще допустить, что ингушский народ, действительно, был дискриминирован «в праве на осуществление своих духовных потребностей» с 1934 года, то есть, с момента объединения Чечни и Ингушетии, но кто же тогда, позвольте спросить у Бекова, дискриминировал ингушей с 1928 по 1934 годы, когда Ингушетия была самостоятельной автономной областью?

Хочется отметить достойное выступление на съезде Ахмеда Евлоева. Он, один из немногих, обратил внимание на то, что «с момента ликвидации Сталиным Ингушской автономной области и присоединения ее к Чеченской автономной области мы, ингуши, всегда получали и получаем братскую помощь, сочувствие и поддержку от чеченцев».

В своем выступлении на съезде Бембулат Богатырев обрушился с необоснованной критикой действий выдающегося государственного деятеля Муслима Гайрбекова, основываясь на каких-то совершенно нелепых, вымышленных провокационных байках недоброжелателей. Он заявил: «В этой нечистоплотной политической афере незавидную роль сыграл бывший председатель Оргкомитета по восстановлению Чечено-Ингушской АССР М.Г. Гайрбеков. В 1957 году Президиум Верховного Совета РСФСР просил его сообщить в составе каких районов желательно и необходимо восстановить Чечено-Ингушскую АССР. Замещавший его

тогда Слюсарев дал ответ на этот вопрос, и при этом он сделал особый упор на необходимость возвращения ингушам Пригородного района, без которого половина ингушей просто не может возвратиться с мест высылки. Находившийся тогда в Москве Председатель Совета Министров Северо-Осетинской АССР Агкацев позвонил М.Г. Гайрбекову и передал ему содержание ответа А.М. Слюсарева на запрос Президиума Верховного Совета РСФСР. И Агкацев настойчиво умолял Гайрбекова не настаивать на включении в состав Чечено-Ингушской АССР Пригородного района, «по крайней мере, пока», как он выразился. М.Г. Гайрбеков пошел на этот беспринципный шаг. Он вышел из больницы в халате, пришел в здание Оргкомитета, отозвал телеграмму, посланную за подписью А.М. Слюсарева, и отправил туда новую, в которой утверждалось, что

ингуши «пока» могут обойтись без Пригородного района. При этом между М.Г. Гайрбековым и А.М. Слюсаревым состоялся неловкий разговор. А.М. Слюсарев был категорически против этой аферы, а М.Г. Гайрбеков, ссылаясь на обещание, данное им Агкацеву и еще кому-то в Москве. Это подлинный рассказ А.М. Слюсарева, который здравствует и живет в Москве» (с. 151–152).

Совершенно провокационное и безответственное выступление.

Во-первых, на самом деле никаких просьб к Гайрбекову со стороны Президиума Верховного Совета РСФСР «сообщить в составе каких районов желательно и необходимо восстановить Чечено-Ингушскую АССР», а также Агкацева «не настаивать на включении в состав Чечено-Ингушской АССР Пригородного района» в тех условиях не было и быть не могло. Это было решение высшего руководства СССР. Можно подумать, что Гайрбеков являлся Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Во-вторых, если бы даже решение данного вопроса было бы в компетенции республики, как мог Слюсарев – будучи простым заместителем председателя Оргкомитета по ЧИАССР, занимающимся вопросами возвращения и обустройства выселенных чеченцев и ингушей, принимать решение по такому важному вопросу, как передача части территории республики в состав другого субъекта Федерации, без согласования со своим начальником?

Ответ на вопрос, как и почему Пригородный и часть Малгобекского районов Чечено-Ингушской АССР, а также Моздокский район Ставро-

польского края и часть Курпского района Кабардино-Балкарии были переданы в состав Северной Осетии, лежит на поверхности. По всей видимости, это было сделано исходя из военно-стратегических соображений. Военно-грузинская дорога, крупная военная база, 58 армия – все это должно было находиться в одном максимально преданном и лояльном для центра субъекте. Этим субъектом, по мнению руководства СССР, являлась Северная Осетия.

И вообще, Оргкомитет по Чечено-Ингушской АССР был создан не до, а после выхода Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области» от 9 января 1957 года, в соответствии с которым Пригородный район отходил к Северной Осетии. Таким образом, вопрос с отторжением территории Чечено-Ингушской АССР был решен еще до создания Оргкомитета и назначения Гайрбекова его председателем, и в каких-то согласованиях с ним этого вопроса, даже если бы это требовалось сделать по закону, просто не было никакой необходимости.

Заканчивая свое, во многом эмоциональное и противоречивое выступление, Б. Богатырев, все же, нашел в себе мужество сказать несколько добрых слов о братском чеченском народе: «За всю свою историю чеченцы и ингуши не помнят случаев общественных конфликтов между ними. Не помнят об этом и граждане других национальностей, проживающие на территории Чечено-Ингушской АССР, в том числе и осетины, с момента объединения этих двух народов в 1934 году. И слуга в этом прежде всего наших братьев – чеченцев, которые делили с нами и хорошее, и плохое, стояли рядом на протяжении тяжких лет высылки, и в 1957 году, когда у ингушей отобрали родину, и в 1973 году, когда нас били и обливали зимой холодной водой из брандспойтов на площади имени В.И.Ленина в г.Грозном только лишь за то, что мы просили вернуть ингушам то, что им принадлежит по праву. Ингуши должны быть верны этой дружбе и делать все от них зависящее, чтобы не омрачать эту дружбу. Если сильны чеченцы, значит, сильны и ингуши, и наоборот. Важно об этом помнить всегда и всем без исключения».

По свидетельствам участников форума, в кулуарах съезда демонстрировались самодельные карты, по которым в будущую Ингушскую Республику, кроме территорий, отторгнутых в пользу Северной Осетии в 1957 году, были произвольно включены и районы, входившие до объединения Чечни и Ингушетии в 1934 году в состав Чеченской автономной области. Этот факт, который категорическим образом тогда

еще отрицался организаторами съезда, в настоящее время не только не отрицается, но и внаглую навязывается отдельными ингушскими политическими и общественными деятелями при обсуждении административной границы между двумя братскими республиками.

Бытует ошибочное мнение, что чеченцы первыми провозгласили о создании своей республики, после чего ингушам ничего не оставалось, как сделать то же самое. Это не так. Ингушская сторона заявила о создании Ингушской Республики в составе Российской Федерации на так называемом съезде депутатов всех уровней в г. Назрани еще 20 июня 1991 года, при существующей еще Чечено-Ингушской Республике. Еще раз о создании своей республики ингуши объявили уже 15 сентября 1991 года. Так что, в этом деле первыми были, все-таки, ингуши, а не чеченцы.

ПРОБЛЕМА ПРИГОРОДНОГО РАЙОНА

Комиссия считает, что требования ингушского населения о возвращении Пригородного района в его границах до 1944 года и других территорий имеют основания и подлежат рассмотрению.

Из заключения Комиссии ВС СССР

Одной из самых болевых проблем не только ингушского, но и чеченского народа, вот уже на протяжении 55 лет, является проблема незаконно отторгнутых в пользу Северной Осетии территорий бывшей Чечено-Ингушетии. Ведь, как известно, именно на территории Пригородного района из нескольких западно-нахчийских обществ началось формирование ингушского народа.

Выдавливание ингушей из Пригородного района имеет давнюю историю. Все началось с организованного переселения ингушей из Ангушта в местность Назрань в самом начале XIX века.

В 1858 году, под видом ликвидации хуторской системы и укрупнения небольших населенных пунктов, ингушей вновь решили выселить из своих сел в Тарской долине. Недовольство ингушей изъятием своих земель вылилось в массовое выступление против царской администрации, названное «назрановским возмущением», которое самым жестоким образом было подавлено.

На место выселяемых ингушей в Тарской долине стали заселять казаков. По всей видимости, несмотря на верноподданнические заверения ингушских лидеров, царская администрация, памятуя об их одноплеменности с чеченцами, все-таки, не верила ингушам до конца.

С установлением советской власти на Северном Кавказе, Владикавказ стал столицей Терской республики, а затем и Горской АССР. К моменту ликвидации Горской республики в 1924 году, в ее составе оставались лишь Северная Осетия, Ингушетия, Сунженский казачий округ и город Владикавказ. Кабарда, Балкария, Чечня вышли из ее состава немного раньше.

После упразднения Горской республики, на ее основе были созданы Северо-Осетинская и Ингушская автономные области, а также отдельный Сунженский казачий округ. Административным центром всех этих образований, не входя ни в один из них, как и прежде, являлся г. Владикавказ.

Постановлением ВЦИК от 1 июня 1933 года г. Владикавказ, переименованный в 1931 году в Орджоникидзе, был включен в состав Северной Осетии. В 1934 году Чеченская и Ингушская АО были объединены в Чечено-Ингушскую АО. Административные органы власти и учреждения Ингушетии из Орджоникидзе были переведены в Грозный. В 1936 году Чечено-Ингушская автономная область была преобразована в Чечено-Ингушскую АССР.

В 1944 году ЧИАССР была ликвидирована, а чеченцы и ингуши незаконно высланы в Среднюю Азию и Казахстан.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 года ЧИАССР была восстановлена, но из состава республики волюнтаристским образом изъяли Пригородный и часть Малгобекского районов, где до депортации в 1944 году проживало около половины всего ингушского населения.

Но не для того отбирали Пригородный район у ингушей, чтобы они свободно там селились и жили. Возвращение ингушей в Пригородный район стало головной болью осетинских националистов, а также поддерживающих их некоторых кругов в советском руководстве. Жителям ингушской национальности всячески препятствовали возвращению в свои родные села, откуда они были высланы в 1944 году. Но их стремление, несмотря ни на что возвратиться к своим родным очагам, было непреодолимым.

В 1982 году принимается Постановление Совета Министров СССР за № 183 «Об ограничении прописки граждан в Пригородном районе Северной Осетии», запрещающее прописку в Северной Осетии вновь прибывающих граждан, а также особом порядке оформления договоров купли-продажи, мены и дарения жилых домов (части домов), принадлежащих гражданам на праве личной собственности в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР. Данное постановление было принято с целью максимального ограничения количества возвращающихся в район ингушей.

По надуманным причинам, ссылаясь на волю осетинского народа (хотя, как известно, никто никаких опросов и референдумов по этому вопросу в Северной Осетии не проводил), руководство Советского Союза до самого распада страны отказывалось вернуть Пригородный район своим истинным хозяевам, хотя при желании могло это сделать. И никаких межнациональных столкновений в связи с этим не было бы. Претендовать на чужое на Кавказе всегда считалось недостойным делом. Испокон веков территориальные вопросы решались на Сове-

те лучших представителей кавказских народов. Вердикт этого Совета был окончательным и, как говорится, обжалованию не подлежал.

Хотя был момент, когда осетинское руководство, в принципе, согласилось передать ингушам Пригородный район (без города Владикавказ). Это было как раз накануне распада СССР.

Как вспоминает депутат Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики Лечи Умхаев, «во время подготовки съезда, ко мне, как к председателю Оргкомитета по подготовке съезда чеченского народа приехали представители ингушского оргкомитета из Пригородного района (Ахильгов С. -С. с товарищами) и рассказали, что одной из причин нежелания руководства Осетии решить проблему возвращения ингушских территорий является то, что якобы чеченцы не поддерживают ингушей в этом вопросе, а самостоятельно решить эту проблему ингушам не под силу. И был бы очень желательным приезд представителей чеченской части депутатского корпуса Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики для демонстрации поддержки своим братьям.

Мы согласились, и, в составе четырех человек: Осмаева А., Цобаева Х., Разыханова А. и меня буквально на следующий день поехали в Осетию. Было это в сентябре 1990 года. Приехав во Владикавказ, в Верховный Совет Осетии, мы попросили доложить, что приехала группа чеченцев-депутатов. Нас сразу же встретил А. Галазов. Узнав о цели визита, он собрал в кабинете своих заместителей, в общей сложности 9 человек из высшего руководства Осетии.

Состоялся серьезный и обстоятельный разговор о цели нашего приезда. Мы однозначно заявили, что проблема возвращения отторгнутых ингушских территорий волнует чеченцев не в меньшей мере, чем ингушей, и что мы будем настаивать на ее спокойном и справедливом политическом решении.

После длительного обсуждения было признано, что осетинское руководство готово вернуть земли Пригородного района, за исключением правобережной части Владикавказа, которая, по их словам, сосредотачивает 3/4 промышленного потенциала Осетии и передача которой поставит крест на самом факте существования Осетии как республики.

Учитывая то, что для ингушей эта часть вопроса была очень серьезна, а осетинская сторона явно не готова была уступать по этому пункту, мной был задан А. Галазову вопрос, а готовы ли они в обмен на правобережную часть Владикавказа, к обсуждению вопроса о передаче одного из других городов – промышленных центров Осетии. На что он ответил утвердительно.

Для доказательства серьезности своих намерений, мы попросили их создать комиссию для начала переговорного процесса по указанной проблеме. Комиссия в нашем присутствии была определена. Председателем ее был назначен 1-й заместитель председателя Верховного Совета – В. Бирагов. За нами оставалось только создать такую же полномочную делегацию с ингушской стороны и обеспечение нормального, без эксцессов, хода переговоров.

С этой радостной, по нашим соображениям, вестью мы приехали в Назрань, где нас ждало руководство Ингушского оргкомитета и активисты партии «Нийсхо» во главе с И. Кодзоевым. Нас в буквальном смысле огоршили, заявив, что без возвращения правобережной части города Владикавказа никакого переговорного процесса в принципе быть не может. И даже были упреки в том, что мы заняли якобы недостаточно жесткую позицию по этому вопросу.

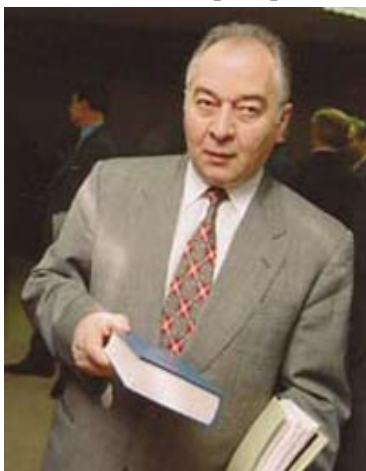
Мы высказали все то, что мы думаем по этой линии ингушских лидеров, а также о ее возможных последствиях и уехали. На этом переговорный процесс с нашим посредничеством сорвался. Хотя переговорный процесс на уровне Верховных Советов Чечено-Ингушетии и Осетии продолжался достаточно активно, и вопрос был очень близок к своему положительному решению» (213, с. 15–16).

Один из членов депутатской группы Амин Осмаев в устной беседе с нами сообщил, что обстановка как в Ингушетии, так и в Северной Осетии накануне их поездки была крайне напряженной. Совершались провокации. Руководство Северной Осетии было намерено ввести в Пригородном районе режим Чрезвычайного Положения, и, поэтому, в первую очередь чеченская делегация потребовала от А. Галазова отказаться от введения ЧП. Как считает А. Осмаев, осетинское руководство тогда, действительно, было готово решить вопрос

отторгнутых ингушских территорий на конструктивной основе, что нельзя было сказать о лидерах различных ингушских общественных организаций.

Активно работало в этом направлении и руководство Верховного Совета ЧИР. Вот что пишет об этом член Президиума Верховного Совета ЧИР Абдула Бугаев: «В данной связи хочется вспомнить один малоизвестный факт, который, на мой взгляд, мог иметь достаточно важное для истории Чечено-Ингушетии значение. Еще 12 августа, поздно ночью, во Владикавказе произошла рабочая встреча делегаций двух наших республик, на которой председательствовал тогдашний заместитель председателя Правительства РСФСР Олег Лобов. Предметом обсуждения стали известные проблемы, связанные с Пригородным районом. Нашу республику представляли Д.Г. Завгаев, председатель Совмина ЧИР С.М. Беков и ваш покорный слуга – председатель постоянной комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета Чечено-Ингушетии. Присутствовали и другие лица – депутаты СССР и РСФСР. На этой встрече нами, совершенно неожиданно для представителей Северной Осетии, был предложен проект согласительного протокола, состоявший из четырех пунктов и предусматривавший реальные меры, практическое осуществление которых позволило бы, на наш взгляд, исчерпывающе урегулировать территориальные проблемы, возникшие между двумя республиками в результате сталинской депортации чеченского и ингушского народов в 1944 году. Хочу подчеркнуть (так как не помню, что это было где-то еще озвучено), северо-осетинская сторона во главе с первым руководителем республики А. Галазовым не стала отвергать наши предложения. Можно сказать даже, что, в принципе, согласилась с ними. Поэтому для дальнейшей работы по подготовке окончательного варианта протокола была создана двусторонняя рабочая группа. С нашей стороны в нее вошли зампредседателя Верховного Совета ЧИР Магомед Султыгов, я, как председатель постоянной комиссии Верховного Совета, представитель республиканской общественности, историк и общественный деятель Федор Боков и представитель нашей республиканской прокуратуры (по-моему, его фамилия была Кокурха-

ев)... 19 августа 1991 года, рано утром, в соответствии с достигнутыми неделю назад договоренностями, мы вчетвером выехали в Осетию, чтобы окончательно согласовать нашу позицию с руководством СОАССР. Весть о ГКЧП нас и застала в пути. Но мы, все же, продолжили свой путь и приехали во Владикавказ. Однако, в сложившейся ситуации руководство Северной Осетии сочло, что момент для обсуждения этого, хотя и животрепещущего для обеих автономий вопроса, не слишком подходящий, и поэтому какого-то конкретного результата нам достичь не удалось» (31).

Так как в своем интервью газете «Столица» А. Бугаев не назвал, какие именно пункты входили в согласительный протокол, я обратился к нему с просьбой назвать их. Вот что он ответил: «Документ этот у меня, к сожалению, не сохранился. Согласительный протокол (условное рабочее название проекта) состоял из четырёх пунктов. Была и небольшая преамбула, которая гласила, примерно, так (смысловое изложение документа):

Руководствуясь решениями партийных и государственных органов, направленных на полную реабилитацию репрессированных народов, а также во имя торжества справедливости, сохранения братских отношений между осетинским, чеченским и ингушским народами, стороны согласились:

Передать территорию Пригородного района и части Малгобекского района под юрисдикцию Чечено-Ингушской АССР.

Просить соответствующие органы власти СССР отменить постановление Совета Министров СССР № 183, ограничивающее прописку лиц ингушской национальности на территории СОАССР

В установленном порядке согласовать механизм материальной и моральной компенсации населения ЧИАССР и СОАССР, пострадавшего в результате этнических депортаций.

Органам власти Северной Осетии и Чечено-Ингушетии сформировать рабочие группы для согласования механизмов и процедуры практического решения задач, обозначенных в пунктах 1–3 настоящего согласительного протокола.

А вот как обо всем этом вспоминает общественный деятель Султан Бурчаев: «Интересно, почему ингуши решили потерю своих западных земель компенсировать на северо-востоке, отняв их у чеченцев с помощью внешней силы? Просто, еще в начале 1992 года, когда ингуши

стали активно бороться за возвращение Тарской долины, в этот спор стали вмешиваться и чеченцы, требуя от осетин справедливости. От президента Северной Осетии прибыла делегация и договорилась с Д. Дудаевым в течение пяти лет переселить живущих там осетин на другие земли и передать Пригородный район законному хозяину – Ингушетии (в 1991 году посреднические усилия предприняла делегация депутатов Верховного Совета ЧИР во главе с Л. Умхаевым, которая тоже достигла договоренности о возвращении Пригородного района, но уже в течение трех лет. И что интересно, с осетинской стороны переговоры вел руководитель Северной Осетии А. Галазов. – Авт.). Но прискакали ингушские «патриоты» и объявили, что «они обойдутся без посредничества чеченцев и свои земли сами отберут у осетин» (90, с. 29–21).

Большую работу по справедливому решению этого вопроса провела Комиссия Совета Национальностей Верховного Совета СССР, созданная 26 марта 1990 года для рассмотрения обращений ингушского населения. Вот заключение, сделанное по итогам работы данной комиссии:

«Комиссия Совета Национальностей Верховного Совета СССР, созданная 26 марта 1990 года для рассмотрения обращений ингушского населения, изучила их с выездом на место.

Во время пребывания в Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской автономных республиках, члены Комиссии имели многочисленные встречи с населением Назрановского, Малгобекского, Сунженского, Ачхой-Мартановского районов Чечено-Ингушской АССР, Пригородного района Северо-Осетинской АССР, с трудящимися ряда предприятий, ветеранами войны и труда, а также с интеллигенцией в городах Грозном, Владикавказе (Орджоникидзе).

Комиссия проанализировала также статистические, архивные и исторические документы и материалы.

Требования ингушского народа заключаются в полной его реабилитации, восстановлении ингушской автономии в границах 1934 года, а также установлении ее столицы в правобережной части города Владикавказа.

Ингуши и чеченцы в числе других советских народов подверглись жестоким репрессиям в годы Великой Отечественной войны. В феврале 1944 года в результате бездоказательных обвинений все чеченцы и ингуши, проживающие в Чечено-Ингушской АССР, а также в прилегающих к ней районах, были насильственно переселены в Казахстан и Киргизию, а сама автономная республика ликвидирована. Тяжелые

испытания выпали на долю переселенцев, особенно стариков, женщин и детей. Насильственное выселение чеченцев и ингушей – это трагедия, незаживающая рана народа. Незаконная, бесчеловечная акция выселения оставила глубокие следы в жизни народа. Горькая память об этом постоянно проявлялась во время многочисленных встреч на ингушской земле.

Чечено-Ингушская АССР была восстановлена в 1957 году. Но актами об отмене репрессий права переселенных полностью восстановлены не были: не отменено огульное обвинение чеченцев и ингушей в измене Родине; ничего не сказано о том, что упразднение автономии народа было незаконным: не были до конца решены и некоторые другие вопросы.

Комиссия отмечает, что в нынешних условиях Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечении их прав» создает основу для полной реабилитации ингушского и чеченского народов.

Автономия ингушского народа существовала ранее. Ингушская автономная область была образована в 1924 года при упразднении Автономной Горской ССР и расчленении ее по национальному признаку. Тогда были образованы две автономные области – Ингушетия и Северная Осетия, а также автономный Сунженский округ. Город Владикавказ был выделен в самостоятельную административную единицу РСФСР.

В 1934 году Ингушская автономная область была объединена с Чеченской автономной областью в единую Чечено-Ингушскую область, ставшую в 1936 году автономной республикой с центром в г. Грозном.

В марте 1944 года в результате незаконной ликвидации Чечено-Ингушской АССР на большей части ее территории была образована Грозненская область, а остальная часть территории республики была разделена между Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР и Грузинской ССР. Все эти территории были заселены русскими, осетинами, некоторыми народами Дагестана, выходцами из Грузии и другими народами.

В январе 1957 года, в связи с восстановлением Чечено-Ингушской АССР, были установлены новые границы и административно-территориальное устройство автономной республики.

В настоящее время из 237 тысяч ингушей, проживающих в СССР, на территории Чечено-Ингушской АССР живет около 165 тысяч ингушей, 140 тысяч из них – в Назрановском, Малгобекском и Сунженском

районах автономной республики, что составляет три четверти населения этих районов.

Более 33 тысяч ингушей проживает сегодня в Северо-Осетинской АССР, и большая часть из них – в Пригородном районе автономной республики.

Значительная часть территории нынешнего Пригородного района, расположенная на правом берегу реки Терек, с 1924 года вплоть до 1944 года входила в состав Ингушской автономной области, а затем Чечено-Ингушской АССР. До 1944 года численность населения Пригородного района Чечено-Ингушетии составляла более 34 тысяч человек, из них 31 тысяча человек – ингуши. А ныне на территории прежнего Пригородного района проживает около 40 тысяч человек, в том числе прописано 17,5 тысяч ингушей. В ряде сел этой части района (Чермен, Тарское, Дачное, Майское, Куртат) ингуши составляют от 50 до 80 процентов всего населения.

При восстановлении Чечено-Ингушской АССР в 1957 году Пригородный район, без учета возможных последствий для межнациональных отношений, был оставлен в составе Северо-Осетинской АССР. В 1963 году его территория была значительно расширена за счет присоединения к нему земель Северной Осетии по левому берегу реки Терек.

Ингушское население Чечено-Ингушской АССР и Пригородного района Северо-Осетинской АССР остро ставит вопрос возвращения Пригородного района в его прежних границах (до 1944 года) в Чечено-Ингушскую АССР. Ингуши в своих обращениях указывают, что эта часть Пригородного района Северо-Осетинской АССР исторически и этнически является ингушской землей. Многие ингуши, проживающие в настоящее время в Чечено-Ингушской АССР, стремятся возвратиться в села Пригородного района, откуда их семьи были выселены в 1944 году. Но из-за ограничения прописки и купли-продажи жилых домов, установленного Постановлением Совета Министров СССР № 183 от 6 марта 1982 года «Об ограничении прописки граждан в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР», эти вопросы не решаются.

Многие прежние названия ингушских сел в Пригородном районе заменены новыми. Все это вызывает справедливое недовольство ингушского народа.

Город Владикавказ был основан российской администрацией в 1784 году вблизи ингушского селения Заур, как военная крепость, которая в 1861 году была преобразована в город, ставший центром Терской области. После установления Советской власти на Северном Кавказе, в 1921–1924 годах Владикавказ был центром Автономной Горской ССР.

С 1924 по 1933 годы в городе Владикавказе располагались руководящие органы Северо-Осетинской, Ингушской автономных областей, Сунженского автономного округа и самого города, который в течение всего времени сохранял статус самостоятельной административной единицы РСФСР. Между ними были поделены находившиеся в городе административные здания, предприятия местной промышленности, учебные заведения и другие учреждения.

В июне 1933 года город Владикавказ постановлением ВЦИК был включен в состав Северо-Осетинской автономной области, а с 1936 года стал столицей Северо-Осетинской автономной республики. В настоящее время в городе проживает 310 тысяч человек. В составе населения осетины составляют 48,5 процента, русские – 37,3 процента, ингуши – 4,8 процента, грузины – 3,4 процента, армяне – 3,3 процента.

В правобережной части города Владикавказа (Ленинский и Промышленный районы), размещены руководящие органы Северо-Осетинской АССР, министерства и ведомства, высшие учебные заведения, объекты культурного назначения, а также около 30 крупных промышленных предприятий. Объем продукции, выпускаемой предприятиями Ленинского и Промышленного районов Владикавказа, составляет более половины объема промышленной продукции Северо-Осетинской АССР.

Одним из главных мотивов требований ингушского народа восстановить автономию в прежних границах является стремление преодолеть отставание районов компактного проживания ингушей в Чечено-Ингушской АССР в социально-культурном и экономическом развитии. Эти районы, как и автономная республика в целом, существенно отстают в социально-экономическом развитии от средних показателей по РСФСР. Обеспеченность ингушских районов жильем на одного человека составляет в среднем только 10,6 квадратных метров; больничными койками – 84 койки на 10 тысяч населения; лишь 28 процентов детей обеспечены местами в детских садах и яслях, около 40 процентов школьников обучаются в непригодных помещениях, низок уровень торгового и бытового обслуживания населения.

Причиной социальной напряженности в ингушских районах является также значительная незанятость трудоспособного населения в общественном производстве. В Назрановском, Малгобекском и Сунженском районах Чечено-Ингушской АССР не занято 16,5 тысяч человек, или каждый пятый из трудоспособного населения этих районов. Однако Постановление Совета Министров СССР № 1126 от 20 ноября 1985 года «О мерах по дальнейшему улучшению использованию трудовых ресурсов Чечено-Ингушской АССР а 1986–1990 годы и в период до 2000 года» практически не исполняется.

В результате проведенной работы Комиссия Совета Национальностей Верховного Совета СССР пришла к следующему заключению:

1. Политическая реабилитация ингушей, чеченцев и других народов, репрессированных и депортированных в годы Великой Отечественной войны, осуществлена 14 ноября 1989 года Декларацией Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

Однако юридическая реабилитация ингушского и других репрессированных народов практически до сих пор не осуществлена.

Верховному Совету СССР необходимо определить принципиальные подходы к решению вопросов восстановления прав всех народов, подвергшихся насильственному переселению.

Согласно Декларации Верховного Совета СССР, Министерству юстиции СССР и соответствующим министерствам и ведомствам необходимо ускорить подготовку предложений по отмене или изменению законодательных актов СССР, связанных с насильственным выселением народов, в том числе ингушей и чеченцев, и ускорить внесение указанных предложений на рассмотрение Верховного Совета СССР.

Следует также рекомендовать Верховному Совету РСФСР рассмотреть вопросы отмены или изменения соответствующих республиканских актов.

2. Учитывая просьбы ингушского народа и Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР (чеченцы не были против восстановления автономии ингушей, как это стараются представить некоторые ингушские авторы, иначе таких просьб не было бы. – Авт.) о восстановлении автономии ингушского народа, Комиссия вносит предложение рекомендовать рассмотреть вопрос Верховному Совету РСФСР.

3. Комиссия считает, что требования ингушского населения о возвращении Чечено-Ингушской АССР Пригородного района в его границах до 1944 года и других территорий, ранее входивших в состав Чечено-Ингушской АССР, имеют основания и подлежат рассмотрению Верховным Советом РСФСР.

По мнению Комиссии, для выработки решений по этим сложным вопросам можно было бы привлечь народных депутатов, старейшин, ветеранов войны и труда, представителей духовенства и других уважаемых ингушским и осетинским народами людей.

4. Комиссия пришла к выводу, что Постановление Совета Министров СССР от 5 марта 1982 года «Об ограничении прописки граждан в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР» следует отменить.

5. Комиссия считает, что предложения об установлении столицы ингушской автономии в правобережной части города Владикавказа не могут быть реализованы в силу существующих социально-политических, демографических и экономических реальностей.

6. Комиссия считает необходимым рекомендовать Совету Министров Чечено-Ингушской АССР разработать и внести на рассмотрение Совета Министров РСФСР меры по экономическому и социальному развитию автономной республики.

Изучение обращений ингушского народа показало, насколько сегодня важно для оздоровления советского общества справедливое и взвешенное разрешение проблем народов, репрессированных в годы Великой Отечественной войны.

Комиссия уверена в том, что для справедливых, взаимоприемлемых решений в интересах нынешнего и будущих поколений нужны обоюдная добрая воля, мудрость народов, веками живущих вместе.

Председатель комиссии:

А. БЕЛЯКОВ

Члены комиссии:

А. АКАЕВ

Ю. БОЯРС

А. ГАЛАЗОВ*

С учетом моих замечаний

М. ДАРСИГОВ

С учетом моих замечаний

Д. ЗАВГАЕВ

С. ЛАВРОВ

С учетом моих замечаний

Ю. МАРИНИЧЕВ

И. ОСИПОВ

* А. Галазов данное заключение не подписал.

Особые мнения членов Комиссии. Особое мнение по пункту 5:

1. Боярс Ю., депутат Верховного Совета СССР, считает, что по данному пункту следует дополнительно изучить материалы и все последствия позитивного или отрицательного решения вопроса.

2. Мариничев Ю.В., народный депутат СССР, предложил дополнить пункт 1 словами: «В связи с тем, что провозглашая свой суверенитет и признавая принцип недопустимости изменения границ без вза-

имного согласия республик, включая и территории, с которых в годы репрессий насильственно были выселены народы, сегодня выступающие за возвращение на свою историческую родину и восстановление собственной автономии, Комиссия считает целесообразным принятие Верховным Советом СССР специального закона о том, что действие деклараций республик о суверенитете и принятых в их развитие законов не распространяются на территории, с которых были насильственно выселены ранее проживавшие там народы».

3. Завгаев Д.Г., Председатель Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, внес предложение: «Исключить из Заключения Комиссии пункт 5».

4. Дарсигов М.Ю., депутат Верховного Совета СССР, выразил мнение изложить пункт 5 Заключения Комиссии в следующей редакции: «Ингушский народ имеет полное право на установление столицы ингушской автономии в правобережной части г. Владикавказа»

(211, с. 54–59).

Как мы видим, если бы не амбиции некоторых ингушских лидеров, требовавших все и сразу (не только возвращения Пригородного района, входившего до 1944 года в состав Чечено-Ингушетии, но и правобережной части Орджоникидзе (Владикавказа) – отдельной административной единицы, не входившей до 1933 года ни в Осетию, ни в Ингушетию), то проблема Пригородного района вполне могла быть решена и он, возможно, был бы возвращен республике еще до развала Советского Союза.

Трагический конфликт между осетинами и ингушами в 1992 году (в котором на стороне осетин действовали отдельные подразделения российской армии), закончившийся поголовным изгнанием ингушей не только из Пригородного района, но и всей территории Северной Осетии, а также последние заявления Главы Республики Ингушетия Ю.-Б. Евкурова усугубили ситуацию и отбросили решение этого вопроса далеко назад.

Как заявил В. Тишков, «...финальная трагическая стадия конфликта оказалась возможной в условиях, когда высшее руководство России разменяло индульгенцию на этническую чистку в обмен на возможность использовать ситуацию для решения проблем восстановления власти над Чечней» (205, с. 393).

Это же буквально повторил Сейнароев: «Война, развязанная в октябре–ноябре 1992 года руководством Северной Осетии с участием российской армии против мирных граждан Пригородного района ин-

гушской национальности с целью их изгнания с родной земли и уничтожения, с одной стороны, а с другой – с целью втянуть в войну провозгласившую свою независимость от России Чеченскую Республику Ичкерия и использовать это в качестве повода для ввода войск и решения вопроса о власти в Чечне, принесли много горя и бед ингушам, да и осетинам тоже» (190, с. 25).

Но неистребимо желание отдельных ингушских лидеров и общественных деятелей обвинять во всех своих бедах кого угодно, но только не себя. Вспоминая тяжелые дни осетино-ингушского конфликта, С. Хамчиев пишет: «Ингуши хорошо помнят, как в 1992 году ингушских беженцев, бредущих с гор, обмороженных, раненых, голодных, чеченцы не пустили в Серноводск, встретив их, вооружившись вилами, лопатами, палками. Несмотря на это, ингуши приютили сотни тысяч чеченских беженцев».

Что тут сказать? Интересно было бы узнать у Хамчиева, неужели всех этих беженцев из Пригородного района не пригрели, не накормили, не приютили еще до Серноводска, когда они в таком плачевном состоянии проходили всю Ингушетию до границы с Чечней? Их что, не приняли в своих же ингушских селах? Или они целенаправленно хотели попасть только в приграничный Серноводск, единственный, вместе со станцией Ассиновской, оставшийся от всего Сунженского района в границах Чеченской Республики?

На самом деле никаких «беженцев», как таковых, стремившихся попасть в Серноводск не было. О них позаботились еще далеко до Серноводска. Это была чистой воды провокация со стороны богатыревых и костоевых, стремившихся, по договоренности с российским руководством, втянуть Чечню в этот конфликт и, тем самым, развязать руки военным для ввода войск на ее территорию.

А вот что пишет по этому поводу Джамбулат Сулейманов: «Описывая события 1992 года, Султан Хамчиев забыл сказать, что вслед за ингушскими беженцами брели российские войска. Именно их встречало население Серноводска вилами и лопатами, то есть подручными средствами обороны. Да, ингушей не пустили в приграничное с Россией село, их пропустили дальше в столицу республики Грозный и поселили в её лучшей гостинице «Кавказ», в санаторных корпусах и частных домовладениях, а не в холодных палатках и не за деньги...» (200).

ПРОВОКАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОТОРЫХ ИНГУШСКИХ ЛИДЕРОВ

Мотт, коьртана лоб хьо.

Нохчийн кица

В выступлениях некоторых общественных деятелей, во многом, отсутствует хоть какая-то логика и последовательность. Касаясь весьма неудобного для ингушей вопроса об их участии в Кавказской войне, известный ингушский общественный деятель Б. Богатырев, внесший весомый вклад в разлад между чеченцами и ингушами, в книге «Маздакиты на Кавказе» пишет: «Должен сказать со всей ответственностью, что ингуши, будучи уверенными в могуществе России и бесперспективности борьбы Шамиля против притязаний царизма на Кавказ, подавляющим большинством своим в этой войне на стороне имама Шамиля не участвовали и сохраняли нейтралитет и, если угодно, очень просили чеченцев оставить Шамиля в покое и не ввязываться в драку, затеянную аварцами во главе с ним против царских войск, желая добра своим братьям-чеченцам и желая сохранить драгоценные жизни чеченских парней». И тут же, через несколько страниц пишет совсем противоположное: «Отказ Ельцина вести переговоры по этому поводу с чеченскими лидерами и последовавший за этим ничем не спровоцированный геноцид ингушского народа окончательно убедили чеченских лидеров в порочности всей политики новой России на Кавказе. Она ничем не отличается от прежней» (27, с. 293).

Во-первых, неучастие ингушей в национально-освободительном движении горцев под предводительством Имама Шамиля, по тем основаниям, которые приводит Богатырев, на каждом шагу заявляющего о безукоснительном соблюдении ингушами присяги в верности России не делает им чести. Быть на стороне завоевателя в каких-то своих меркантильных интересах, не только не приветствовалось чеченцами и ингушами, а, наоборот, в соответствии с вайнахским обычаем, считалось постыдным, недостойным делом. Конформизм, приспособленчество, когда дело касалось чести и достоинства народа, были неприемлемы для настоящих нахчий (вайнахов).

Во-вторых, к сведению Богатырева, чеченцы воевали не «на стороне имама Шамиля», а за свою свободу, а имамы, возглавлявшие на-

ционально-освободительное движение на Кавказе, были и до Шамиля и после него, а борьба за независимость продолжалась permanently. Как известно, первым имамом на Кавказе был не аварец, а чеченец – Ушурма из Алдов (Шейх Мансур), возглавивший освободительное движение на всем Северном Кавказе.

В-третьих, что это за двойная бухгалтерия? Если богатыревым, в соответствии со складывающейся политической конъюнктурой, выгодно представить, что подавляющее большинство ингушей не участвовало в Кавказской войне (чтобы выпросить для себя какие-то привилегии и льготы), то они говорят о вечной верности России, а также о том, что в этой войне они были на ее стороне. Тогда карабулаки, аккинцы, мялхинцы и галашевцы становятся «чеченскими» или, в лучшем случае, промежуточными между чеченцами и ингушами обществами. Но, а если вопрос заходит, например, о границах Ингушетии, или численности ингушей, то, как сами вышеперечисленные (действительно чеченские общества), так и земли на которых они проживали, вдруг, оказываются «ингушскими»!

Интересно, какое же количество ингушей составляло это грозно звучащее у Богатырева «подавляющее большинство», если накануне Кавказской войны (в начале XIX века) их всего было лишь около 15 тысяч человек? Ресурс, даже по кавказским меркам, более чем скромный. Для сравнения, население одного только чеченского селения Урус-Мартан, в соответствии с камеральными списками, составленными российской администрацией в 1867 году, сразу же после окончания Кавказской войны, составляло около 10 тысяч человек. Как это понимать, что ингуши «сохраняли нейтралитет»? Если ингуши «соблюдали нейтралитет» в многолетней войне России по покорению Кавказа, что абсолютно не соответствует действительности, они, тем самым, изменили своей присяге и стали клятвопреступниками. И где тут тогда верность? Или присягу, когда она не интересна ингушам, можно и не соблюдать? Тогда богатыревым необходимо прекратить свои набившие оскомину и повторяемые как буддистские мантры верноподданические заклинания о вечной преданности и верности, в которые практически никто уже не верит. Так определитесь, господа, со своим местом в Кавказской войне, а то как-то неудобно получается.

А на счет просьб «оставить Шамиля в покое и не ввязываться в драку, затеянную аварцами во главе с ним против царских войск, желая добра своим братьям-чеченцам и желая сохранить драгоценные жизни чеченских парней», скажу одно – тот, кто желал добра чеченцам не шел против них в рядах их противника. А за «драгоценные жизни

чеченских парней», лишенных, в том числе и стараниями их собратьев, богатыревым не стоит беспокоиться, они отданы были не зря, и это был их добровольный выбор, который строго соответствовал их духовно-нравственному мировосприятию.

Говорят, генерал российской армии Орца Чермоев, намекая на могущество России, с сожалением упрекнул Уму Дуева, известного предводителя одного из многочисленных антиколониальных восстаний чеченского народа, захваченного царскими войсками в сражении и приговоренного к казни через повешение: «Зря ты погубил свою голову во имя практически неосуществимой идеи освобождения Чечни». На что Ума гордо ответил ему: «Ты глубоко ошибаешься, Орца, я умираю не зря. То, что сделал я, с моей смертью, не пропадет бесследно.

Оно будет иметь благотворные последствия для нашего народа в будущем. Человек, отдавший свою жизнь за свободу своего народа, будет жить в его памяти вечно, как достойный пример для подражания. А что совершишь ты, оставшись жить после меня в этом бренном мире? Ты съешь за остаток своей рабской жизни две-три сапетки кукурузы, несколько голов скота и заполнишь всем этим известное место. А я доволен своей судьбой, определенной Аллахом!».

«Выдающийся сын ингушского народа Малсаг Уциевич Долгиев вместе с двумя товарищами – Эдди Мальсаговым и Янарсханом Хашагульговым, направляясь к Шамилю после переговоров с чеченцами, были предательски убиты в лесу, между населенными пунктами Атаги и Гойты. Послушайся тогда чеченские лидеры ингушей, их было бы сейчас не миллион человек, и они занимали бы не такое положение на Северном Кавказе, как сейчас. Вообще вся история Кавказа была бы совершенно иной. Тогда ингуши настойчиво предостерегали своих соседей (кабардинцев и чеченцев) о возможных последствиях такого неверного и необдуманного шага», – пишет Богатырев (27, с. 292).

Как понимать, что российский офицер Малсаг Долгиев с товарищами «были предательски убиты в лесу между населенными пунктами Атаги и Гойты»? Кто с кем воевал, и кто на самом деле был предате-

лем? Те, кто защищал свой дом, свое село, свою Родину, своих родных и близких, свою свободу, наконец, или те, кто перешел на сторону завоевателя за чины и звания и всячески помогал ему уничтожать своих соплеменников? Причем тут «могущество России» и «бесперспективность борьбы Шамиля против притязаний царизма на Кавказ», когда враг вероломно врывается в твой дом с целью убить тебя и твою семью? Конечно же, нормальные люди в таком случае не будут думать о могуществе этого государства (о котором они даже не имели представления) и перспективах борьбы с ним, а будут противостоять ему всеми имеющимися силами. Тем более, когда весь мир для этих мужественных людей заканчивался родным селом и ближайшей округой.

Если ингушские старшины были такими «ясновидящими» и могли просчитать далекую перспективу (что даже «советовали» чеченцам и кабардинцам, являвшимся значимыми субъектами всего происходящего на Кавказе, что им следует или не следует делать), то почему они не предусмотрели события 1858 года или до последнего отказывались принимать ислам?

Послушайся ингуши чеченцев и прими они вместе со всеми нахчийскими обществами мусульманство, не цепляясь за язычество и связанными с ним косность и невежество, и не отделись они из-за этого от своих братьев, то, действительно, «история Кавказа была бы совершенно иной». Во всяком случае, были бы совершенно иными взаимоотношения между нашими народами. А в искренность Богатырева, зная на конкретных примерах его истинное отношение к «братскому» чеченскому народу, поверить очень трудно. Как говорят чеченцы – «ча тешийла шех-м!».

«Во-вторых, ингушские лидеры в 1989–1991 годах неоднократно предупреждали чеченских лидеров о пагубности, прежде всего для самого чеченского народа, идеи полной суверенизации Чечни от России...», – продолжает главный землеустроитель бывшей Чечено-Ингушетии (27, с. 292).

У Богатырева, как говорили когда-то в советские времена, «не голова, а Дом советов». Но ему бы, вместо запоздалых (на целые столетия) советов, что стоило делать чеченцам в той или иной ситуации, лучше бы озаботиться сегодняшними проблемами своего народа и не бросать его своими необдуманными провокационными выступлениями и действиями под танки, как это было сделано в 1992 году в Пригородном районе. Почему он не предусмотрел возможность такого развития ситуации?

На самом деле, Народному Совету Ингушетии во главе с Сейнароевым и Богатыревым, заявившим на 2-м съезде ингушского народа о воссоздании своей автономии и формировании оргкомитета по его восстановлению, только это и надо было. Ситуация, когда Чечня заявила об учреждении собственного независимого государства, а Ингушетия на референдуме проголосовала за единство с Россией, была идеальной для закрепления Сунженского и части Малгобекского районов, никогда не входивших в какое-либо ингушское государственное образование, за Ингушетией. Эти районы, являвшиеся до объединения Чечни и Ингушетии в 1934 году составной частью Чеченской автономной области, богатыревы, с помощью России, надеялись сохранить за собой. В таком случае, территориальная проблема, связанная с Чечней, решалась сама собой, так как воевать за эти районы с Россией у независимой Чечни не было ни сил, ни возможностей, а отдавать эти районы самостоятельной Чечне Россия не собиралась. Все это прекрасно понимали вышеназванные лидеры Народного Совета Ингушетии и делали все, что в их силах, чтобы Чечня осталась вне пределов России. Так что, не надо Богатыреву рассказывать сказки и лить «крокодиловы слезы» по поводу жизни чеченских парней, мы все это хорошо знаем и помним.

Мы также не забыли, как российские войска, стремившиеся занять позиции вдоль восточной границы Сунженского района, были остановлены чеченскими ополченцами на линии Ассиновская-Серноводская. По всей видимости, богатыревы договорились с Ельциным, что при создании Ингушской Республики Сунженский район бывшей Чечено-Ингушетии останется в ее составе (в качестве, своего рода, утешительного приза за Пригородный район).

О какой мудрости и видении на перспективу у ингушских лидеров (и сегодняшних, и двухсотлетней давности) можно говорить, если они стали активными пособниками разделения единого нахчийского (вайнахского) народа на две части, тем самым раздробив его силы?

Непонятно одно – кто и на каком основании определил Сунженский район как ингушский? Ведь Сунженский район, за исключением его современной горной части, входившей в Галашкинский район Ингушетии, до объединения Чечни и Ингушетии в 1934 году входил в Чеченскую АО. Эта, в основном, территория проживания чеченского тукхума орстхой (карабулаков) в период Кавказской войны была «защищена» от своего коренного населения, выселившегося, в большинстве своем, в Турцию и заселена казаками и никогда не входила в какое-

либо ингушское административно-территориальное образование. Как известно, руководитель Чеченской Республики Ичкерия Д. Дудаев был орстхойцем и был избран на эту высшую государственную должность, естественно, как чеченец, а не как ингуш.

Само понятие «ингуши» – неологизм. Он появился, как мы отмеча-ли, только в конце XVIII – начале XIX века с подачи русских. Так они называли жителей населенного пункта Ангушт, но при этом относили их к чеченцам.

Как пишет Н. Яковлев, «племенной термин «ингуш» получил та-кое распространительное толкование, по словам С. Ахриева, довольно поздно, на его памяти, лет не более 60 назад. У его отца в паспорте значилось еще «кистин»... Таким образом, название «ингуш» сравни-тельно недавнее, название русское, соответствующее теперь термину ghalghay и по происхождению названия ближайшего к Владикавказу крупного аула и, вероятно, целого общества, распространенное затем на целую племенную группу ингушского народа» (51, с. 91–92).

В Сунженском районе ингуши впервые появились, по большому счету, только в начале 60-х годов прошлого века, когда район целена-правленно стал заселяться выходцами из Пригородного района, а также переселенцами из горных районов Ингушетии. В результате проведе-ния политики выдавливания из района неингушской части населения, в основном, казаков (с середины 80-х годов прошлого века), они вскоре стали большинством населения района. И только по этой причине этот район условно стали называть ингушским. Но такое название района не имело и не имеет никакой юридической основы, так как территории района с 1929 года являлась составной частью Чеченской АО.

Ингушским лидерам необходимо прямо и однозначно ответить на вопрос – какие территории они собираются «возвращать»? Город Вла-дикавказ, в котором находились областные органы власти Ингушетии, хотя он являлся отдельной административной единицей? Территорию бывшего Сунженского казачьего округа, объединенного с Чечней в 1929 году? Отторгнутые от уже объединенной Чечено-Ингушетии, по-сле незаконной депортации чеченцев и ингушей в Среднюю Азию и ликвидации ЧИАССР в 1944 году, территории Пригородного и Мал-гобекского районов? Или так называемые «территории историческо-го проживания ингушей», по мнению отдельных ингушских истори-ков (Н. Кодзоев, Дударов, Р. Сагов, И. Абадиев и т. д.), включающие в себя не только весь Кавказ, но также Ближний Восток и Переднюю Азию?

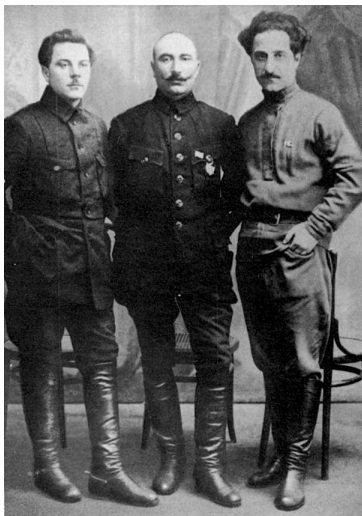
От того, какого варианта из этих четырех будут придерживаться в этом вопросе руководство и лидеры общественных организаций Республики Ингушетия, и будет зависеть позиция руководства и общенности Чеченской Республики.

Если речь будет идти о территориях, аннексированных в 1944 году, чеченцы, без сомнения, оказывали и окажут свою поддержку. Но, а если речь пойдет о так называемых «территориях исторического проживания ингушей», с претензией на Сунженский и часть Малгобекского районов, это будет для чеченцев неприемлемо. Так что выбор остается за руководством ингушей.

Если, несмотря ни на что, речь будет идти о каких-то мифических «исторических» границах, а не о юридически закрепленных, то ингуши могут потерять еще больше. Ведь именно после установления советской власти в регионе территория Ингушетии увеличилась почти в два раза. Как писал С. Орджоникидзе, «земельный вопрос в Ингушетии абсолютно решен, и ингуши не предъявляют никаких претензий» (19, с. 182). Таким образом, ингуши получили от большевиков столько земли, сколько они в силах были на тот период освоить, и никаких территориальных претензий у них к своим соседям тогда не было, хотя претензии к ним самим – были.

У каждого народа бывают собственные представления об «исторических» границах своего расселения. И, как правило, они бывают в значительной степени завышены. И если апеллировать ими, а не юридически обоснованными конкретными фактами, то не может быть и речи о правовом решении вопроса.

Цуциев А. в своей книге «Атлас этнополитической истории Кавказа» отмечает: «Этнополитические противоречия рубежа 1980-х–90-х годов формируют повышенный идеологический спрос на реконструкции «исконных границ», на обоснование приоритетных «исторических прав» на оспариваемые территории и/или групповые статусные позиции. Историко-территориальные идеологемы есть образы «исконных национальных территорий, представления о пространстве, занимаемом в некоем великом прошлом. Такие идеологемы различным обра-

зом встроены в современный контекст: они могут «дремать» в тиши библиотек или становиться прямой провокацией острых политических противоречий, сформулированных в этнических категориях.

Описание «исторических территорий», различных сюжетов, связанных с их обретением или потерей, может носить фактографический характер и не иметь явного идеологического содержания или же, напротив, выступает прямым обоснованием статусно-территориальных претензий, оправданием принимаемых политических решений. (228, с. 109). Это как раз то, чем занимаются отдельные современные ингушские деятели от науки.

Далее Цуциев раскрывает технологии трансформации исторических сюжетов в идеологические конструкции: «Исторические реконструкции нередко исходят из допущения о прямой преемственности между современными этническими и/или национальными общностями (народами, нациями) и различными этническими, племенными, государственными образованиями весьма отдаленного прошлого. Историческое прошлое, сокрытое в письменных источниках, архитектурных и археологических памятниках, в самом языке, наделяется значением правовых аргументов. Технология трансформации исторических сюжетов в идеологические конструкции предполагает несколько процедур:

а) Предшествование. Необходимо показать расселение своей этнической группы как исторически предшествующее на данной территории расселению группы – соперника, формируя представление о должных отношениях между группами по принципу «коренные жители – пришельцы». Древность расселения, автохтонность обеспечивает право первовладения.

б) Преемственность. Нужно зафиксировать преемственность (языковую, культурную, политическую) между современной этнической или национальной группой и ее могущественными предками, доминирующими на данной территории в прошлом. Необходимо определить таких великих предков или по крайней мере обнаружить какую-либо историческую группу в качестве таковой. Преемственность здесь обеспечивает право наследования.

в) Справедливость и несправедливость. Необходимо показать негативные изменения исторических границ/этнических ареалов как нарушение преемственности и как попрание исторических прав. Позитивные изменения при этом рассматриваются как «естественные», «исторически оправданные» и сами собой разумеющиеся» (228, с. 109).

«Россия не выиграла бы и первую Кавказскую войну, если бы не предательский удар в спину, нанесенный Грузией в то время своим северокавказским братьям, истекавшим кровью в неравной борьбе с царскими войсками» (228, с. 196).

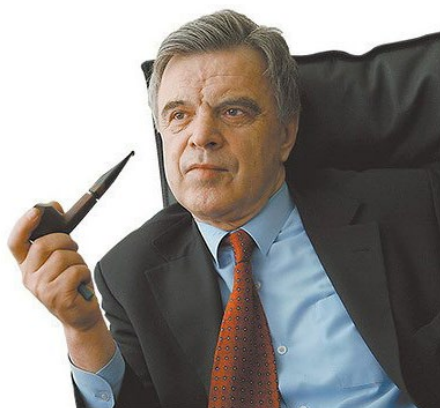
О каком «предательском ударе в спину, нанесенном Грузией в то время своим северокавказским братьям», идет речь, если этот самый предательский удар был нанесен самими назрановскими старшинами в 1810 году?

Про какую «неравную борьбу с царскими войсками» пишет автор, если, на самом деле, назрановцы были на стороне колонизаторов и клятвенно обязались, что «отныне впредь на вечные времена мы, ингушевский вольный и ни от кого независимый народ... обязуемся: всех врагов российскому престолу е. и. в., почитая за таковых здешних окружающих нас мухаммеданского Закона народов, мы должны считать равным образом и своими врагами... Если чеченцы, карабулаки и прочие неприязненные России народы, где ни есть будут прокладываться воровскими партиями с намерением учинить на российские обозы и команды, проходящие по Грузинской дороге, нападение и сделать грабежи и разбои, и мы о том получили сведения, тогда должны мы тотчас давать знать находящемуся у нас российскому начальнику и ближайшему, а буде при нападении оными на русских услышим пушечные выстрелы, тогда, равным образом, дав знать находящемуся у нас начальнику, сами обязаны тотчас скакать к тому месту на встречу сих разбойников и стараться, не щадя своей крови и жизни» (112, с. 226)?

И обо всем этом пишет Богатырев, который в той же своей книге, но только чуть выше, писал прямо противоположное. Так когда он говорит правду?

«Осетинские националисты и современные чеченские руководители постараются не допустить этого, ибо они более, чем кто-либо, не хотят появления между городами Грозный и Владикавказ суверенной Ингушской Республики. Они по-прежнему хотят, чтобы Ингушетия осталась аграрным придатком Чечни и Осетии, и растворить в своей среде наш маленький, древний и свободолюбивый народ. (...) Несмотря на яростное сопротивление Галазова, Хасбулатова и их друзей в Москве, ингушские парни добились принятия Парламентом России Законов «О реабилитации репрессированных народов», «О реабилитации жертв политических репрессий» и «Образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» (28, с. 199).

Как это «ингушские парни добились», если за принятие этих законов проголосовали все 7 чеченских депутатов и только двое «ингушских парней» – Б. Богатырев и И. Костоев. Если бы Хасбулатов был против, как пишет Богатырев, то такого единодушия, конечно же, не было. Да и как ему быть против, если в принятии этих законов сами чеченцы были заинтересованы не в меньшей степени, чем ингуши и другие депортированные народы? Наоборот, законы эти были приняты таким опера-

тивным образом именно благодаря тому, что председателем Парламента Российской Федерации был именно Руслан Хасбулатов – представитель репрессированного чеченского народа, а Президентом России Борис Ельцин, предложивший его на эту должность. Можно вполне себе представить, что было бы с этими законами, если бы Президентом России стал Полозков, а руководителем российского Парламента – Бабурин.

А вот что пишет о вкладе чеченских депутатов в принятие Закона «О реабилитации репрессированных народов» Бексолт Сейнароев: «Очень цепко и решительно вели борьбу в Парламенте России за принятие Закона о реабилитации репрессированных народов депутаты Ибрагим Костоев, Султан Джамалдинов, Асламбек Аслаханов, Ахмед Арсанов, Исса Алероев и другие.

Ингушский народ никогда не забудет, как достойно и аргументировано народный депутат СССР, член-корреспондент Академии наук Саламбек Хаджиев в марте 1990 года вступил в диалог с Президентом СССР М.С. Горбачевым и настоял на создании комиссии по ингушской проблеме. Его позиция, высказанная на этом съезде, имела большой общественно-политический резонанс. Весь мир узнал о нашей проблеме, и комиссия не замедлила приехать к нам» (194, с. 48).

Что же касается того, что «чеченские руководители постараются не допустить» создания Ингушской Республики, могу привести два документа, принятых Верховным Советом Чечено-Ингушской Республики, начисто опровергающие эти лживые утверждения Богатырева. Первый документ – это Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики. В Декларации была статья 17, гласящая: «...Чечено-Ингушская республика подтверждает справедливое требо-

вание ингушского народа о восстановлении национальной государственности... Союзный договор будет подписан Чечено-Ингушской республикой после решения вопроса возврата отторгнутых территорий Ингушетии...» (65).

Второй – обращение Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР в Верховный Совет РСФСР по вопросу восстановления ингушской автономии. Ввиду важности этого документа, приведем его полностью:

ОБРАЩЕНИЕ

Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР в Верховный Совет РСФСР по вопросу восстановления ингушской автономии.

На протяжении многих лет ингушский народ ставит вопрос о восстановлении своей автономии. В последнее время по данной проблеме состоялись два съезда ингушского народа, требующие восстановления исторической справедливости. Съездом создан Оргкомитет по восстановлению ингушской автономии, в народе зародились и другие массовые движения с теми же политическими требованиями.

Настоящее положение сложилось в результате грубого попрания прав народов в стране сталинским тоталитарным режимом, которым ингушский и чеченский народы в 1944 году были поголовно депортированы с родных мест, политическая карта региона полностью перекроена, после чего часть ингушских земель отошла к Северной Осетии. Вопрос о возвращении территорий и право поселения на них ингушами предъявлялись со дня восстановления Чечено-Ингушской республики, однако проблема глушилась репрессивными методами. Так, известные события в г. Грозном в 1973 году происходили именно на этой почве. Многие представители этого народа подверглись тогда за свои справедливые требования и уголовному преследованию.

Особенно обострилась постановка вопроса в настоящее время, когда геноцид сталинского режима над народами осужден на государственном уровне. Огромные надежды на восстановление своей автономии связывались ингушским народом с Декларацией Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», которая явилась документом политической реабилитации репрессированных народов.

30 марта 1990 года сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР обратилась к первому съезду народных депутатов РСФСР с

просьбой включить вопрос об ингушской автономии в повестку дня своей работы. К сожалению, эта просьба не была удовлетворена. Советом Национальностей Верховного Совета СССР была создана комиссия по рассмотрению обращений ингушского народа, которая на сегодняшний день свою работу закончила.

Одной из болевых точек вопроса является постановление Совета Министров СССР от 5 марта 1982 года № 183, которым ограничена прописка граждан в Северо-Осетинской АССР, практически лишаящая ингушей возможности поселения на местах прежнего жительства.

23 июня 1990 года Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР обратился к Правительству СССР с просьбой об отмене данного постановления. Однако и этот вопрос до сих пор не получил своего разрешения, что вызывает еще большее нагнетание проблемы.

Таким образом, проблема автономии ингушского народа доведена до критической точки, на данный момент чревата непредсказуемыми последствиями, которые, безусловно, могут повлиять на стабильность общественно-политической жизни всего региона. Во избежание перерастания ситуации в неуправляемую, Верховным Советом Чечено-Ингушетии, Правительством республики ведется исключительно напряженная работа, в которую включены религиозные и общественные деятели, Советы старейшин и различные формы народной дипломатии. Однако, напряжение ситуации может быть снято только безотлагательным решением самой проблемы.

Учитывая изложенное, проявляя тревогу и беспокойство за сложившееся положение, Президиум Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обратиться в Верховный Совет РСФСР с просьбой ускорить рассмотрение вопроса о восстановлении автономии ингушского народа.
2. Обратить внимание членов Верховного Совета РСФСР на моральную ответственность, которая ложится на них за непредсказуемые последствия, возможные при затягивании решения вопроса.

Председатель Верховного Совета
Чечено-Ингушской АССР

Д.Г. Завгаев (66)

Данное Постановление было принято единогласно. Как мы видим, высший представительный и законодательный орган Чечено-Ингушетии, большинство депутатов которого (в том числе и председатель) были чеченцами, не только не противодействовал восстановлению ав-

тономии ингушского народа, но сделал все возможное для скорейшего решения этого вопроса.

Принятие Закона «О реабилитации репрессированных народов» 26 апреля 1991 года, определившего социальную, территориальную и культурную реабилитацию всех репрессированных народов, а не только ингушей, а также Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» было одной из насущнейших потребностей всех народов России и обеспечивалось их непосредственной волей, а не только кипучей, но не совсем профессиональной деятельностью ингушского Народного совета и двух депутатов от Ингушетии.

А что касается принятия Закона «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации», то после провозглашения «независимости» Чечни, это было только делом времени, и российское руководство хотело этого больше, чем сами ингуши. Так что, богатыревы рвутся в открытые двери, по привычке, явно преувеличивая свой вклад в решение этих вопросов.

«Это было время, когда ВЦИК решил переселить казаков с бассейна Терека в район Пятигорска, где было много пустующих земель. Практически все народы Кавказа воспользовались этим решением и переселились на земли, которые когда-то у них были отобраны царским правительством для заселения казаками. Все, но только не ингуши (опять противопоставление ингушей и «всех народов Кавказа». – Авт.). В 1921 году ингуши отказались от такой услуги со стороны ВЦИК и воспротивились депортации казаков в район Пятигорья, и не стали заселять станицы: Ассинская (бывшая Ага-Борз), Нестеровская (бывшая Гажи-Юрт), Слепцовская (бывшая Дибир-Юрт), Троицкая (бывшая Эбирг-Юрт), Карабулакская (бывшая Эльдар-Гала) и Вознесенская (бывшая Махмад-Юрт). Об этом благородном поступке ингушей знают и осетины, и российские шовинисты, и казачьи атаманы», – продолжает нагло лгать Богатырев (27, с. 245–246).

На самом деле, все было иначе. Казаки из вышеперечисленных станиц, основанных на месте орстхойско-чеченских сел, никуда не выселялись и до самой горбачевской перестройки (когда на них обрушился жесточайший прессинг со стороны ингушей) благополучно жили на своих местах. Автор не сумел даже правильно назвать орстхойские села, на месте которых были возведены эти станицы. Это села Эха-Борзе, Пажарийн-юрт, Обарг-юрт, Эльдархан-Гала, Мохьмад-Юрт. Вопрос о выселении казаков из этих станиц тогда и не стоял.

По поводу же казаков и их станиц, находившихся на ингушской территории (в Тарской долине), то все они, как раз, поголовно были выселены советской властью под предлогом контрреволюционных вы-

ступлений в те самые «пустующие земли» в районе Пятигорска, а сами их станицы были заселены ингушами. Вот как это все описывается в одном из сборников документов: «Третий съезд (имеется в виду съезд народов Терека. – Авт.) декретировал передачу земель горскому беднячеству и национализацию земли, недр и полезных ископаемых. Кроме того, он санкционировал переселение казаков станиц Тарской, Сунженской, Аки-Юртовской и Фельдмаршальской в Пятигорский казачий отдел и передачу их земель ингушам... Это решение, по-видимому, придавало некоторую легитимность фактической депортации казаков этих станиц в августе 1918 года» (38, с. 266).

А вот как происходил возврат ингушам вышеназванных казачьих станиц: «Еще до взятия Владикавказа ингуши во главе с Джабагиевым уничтожили Тарский хутор и обложили станицы Сунженскую, Тарскую и Аки-Юртовскую. Станицам был предъявлен ультиматум о сдаче оружия и о выселении в двухдневный срок за Терек... В обмен на гарантии личной и имущественной неприкосновенности станицы приняли этот ультиматум, и выселение за Терек стало свершившимся фактом» (38, с. 268–269).

Или вот еще один пример. «Большевики снискали огромную популярность среди ингушей тем, что предоставили им полную возможность безнаказанно грабить и изгонять казаков станиц Сунженского отдела с казачьих земель. Кроме того, советская власть задаривала деньгами все ингушское население» (38, с. 339). Так что, на самом деле, ингуши не только не «воспротивились депортации казаков в район Пятигорья», а сами явились инициаторами и непосредственными проводниками этой депортации.

Как пишет Базоркин, «все казачьи станицы (Фельдмаршальская, Воронцово-Дашковская, Аки-Юртовская, Сунженская, Тарская), которые разрезали пополам Ингушетию, отделяя горную часть от плоскостной, были вновь заняты ингушами (с санкции СНК и Серго Орджоникидзе)... Лишь с первыми боями Советской власти аграрный вопрос был наконец-то решен в положительном для ингушей смысле. Вот что говорил Серго Орджоникидзе по этому вопросу: «Ингуши активно стояли на нашей стороне (Терского СНК – М.Б.) и революционным путем разрешали земельный вопрос. Ингуши вернули себе те земли, которые лет пятьдесят тому назад принадлежали их отцам...» (19, с. 181).

В данном случае необходимо отметить, что казачьи станицы в Малой Чечне, были построены на месте разрушенных и сожженных орстхойско-чеченских сел, население которых частично было уничто-

жено, а частично эмигрировало в Турцию. А что касается станиц Воронцово-Дашковской, Тарской, Сунженской, Аки-Юртовской, Фельдмаршальской, то они были построены на месте ингушских сел после мирного переселения царскими властями проживающего там ингушского населения на орстхойские земли современного Назрановского и Малгобекского районов. Так что, если в первом случае, оставшиеся в живых чеченцы лишились, как своих земель, так и своей родины, то для ингушей эти перемещения оказались вдвойне позитивными. Они вернули себе свои старые земли, и, вместе с тем сохранили за собой и орстхойские земли, предоставленные царской администрацией при переселении из Тарской долины. Уо мах ца хилла!

Заселение же ингушами станиц Сунженского района Чечено-Ингушской АССР, как мы уже писали, началось только в начале 60-х годов прошлого века. Делалось это под предлогом необходимости размещения жителей из Пригородного района, волевым образом переданного в состав Северной Осетии. Дело в том, что властями Северо-Осетинской АССР чинились всевозможные препятствия на пути свободного возвращения ингушского населения в данный район.

Ингуши, якобы выступившие против выселения казаков и отказавшиеся от заселения их станиц, через несколько десятков лет, в 80-е и 90-е годы прошлого века, почему-то забыв о своем благородном поступке, практически полностью вытеснили их из вышеназванных станиц, построенных на месте орстхойско-чеченских сел, не только без всяких на то решений руководства страны, но и вопреки им.

Богатырев предъявляет нелепые обвинения в адрес руководства Чечни в том, что они не только знали о предстоящей бойне, но и являлись ее прямыми соучастниками. «Все действия осетинского руководства согласованы с чеченскими руководителями. Иначе чем было объяснить частые визиты тех и других в Грозный и Владикавказ в течение месяца перед началом геноцида ингушского народа», — пишет автор.

«За этот месяц, — продолжает он, — в городе Владикавказе несколько раз побывали чеченские руководители. Два раза там побывал сам генерал Дудаев. Один раз он просил у известного ингушского писателя Идриса Базоркина обратиться к своему народу, чтобы он вновь вошел в состав Чечни (речь идет об объединении с Чечней. —

Авт.), другой раз он привез путевки семье писателя и настойчиво просил его уехать лечиться в Кисловодск» (27).

Хотелось бы спросить у Богатырева – какие тайные сепаратные переговоры с осетинами во Владикавказе мог вести Дудаев, если он ездил туда в открытую, со своим многочисленным эскортом, через всю территорию Ингушетии? Он же запросто мог это сделать, как говорится, без всякого шума и суеты, если он что-то хотел скрыть. И с чего это он, вдруг, во время своих «тайных вечери» с осетинами навещал классика ингушской литературы И. Базоркина?

И еще: как может Богатырев обвинять Дудаева, орстойца по происхождению, в предательстве, если Пригородный район был и его болью? Как известно, одними из основателей Ахки-Юрт, находящегося в Пригородном районе, были орстойцы.

Что же касается того, чем объяснялись «частые визиты тех и других в Грозный и Владикавказ», то это, как мы отмечали выше, как раз было связано с переговорным процессом о возвращении Пригородного района ингушскому народу.

«Когда 2 ноября 1992 года начался варварский обстрел ингушских населенных пунктов из тяжелых орудий, я, по просьбе тех же стариков, поехал в Грозный, чтобы просить у генерала Дудаева оружие с единственной целью: задержать агрессоров хотя бы на несколько часов и обеспечить отход безоружных людей из пылающих населенных пунктов... Я знал, что Дудаев нам оружия не даст. Знал я и то, что все действия осетинского руководства согласованы с чеченскими руководителями. Иначе, чем было объяснить частые визиты тех и других в Грозный и Владикавказ в течение месяца перед началом геноцида ингушского народа?» (27, с. 148–149).

Во-первых, зачем Богатырев поехал к Дудаеву просить оружия, если знал, что оружия он не даст? Тем более, когда он публично обвиняет Дудаева в сговоре с осетинским руководством, развязавшем бойню ингушей в Пригородном районе.

Во-вторых, как мог Дудаев дать оружие ингушам, если конфликт в Пригородном районе, по замыслу его авторов, должен был решить две главные задачи: выдать из района ингушей и втянуть в конфликт Чечню, чтобы под этим благовидным предлогом расправиться с мятежной республикой. Ведь Богатырев сам рассказывает про публикацию в осетинской газете «Отчизна» весной 1997 года, в которой ведущий осетинский политолог Вадим Баскаев опубликовал статью под заголовком «Осетии отступать некуда», где он пишет: «...Но в этой разворачивающейся трагедии не было главного звена – движения со стороны

Джохара Дудаева. Как он был необходим! План удара – «Владикавказ – Назрань – Грозный» – не мог быть реализован без движения со стороны Чечни. Нужна была хоть бы одна броня, один чеченец. Одно незначительное движение» (27, с. 140).

«Оружия нам, конечно, не дали. Через своего помощника У. Алсултанова Д. Дудаев, на нашу просьбу передать ингушам определенное количество тяжелого оружия, ответил: «Пусть ингуши выйдут из состава России, объявят ей войну, разгонят все структуры органов власти, в т.ч. числе и депутатов всех уровней, и присоединятся к Чечне. Тогда я дам ингушам оружие, а в противном случае не дам» (27, с. 148–149).

Как говорится, «хъан валаре хъаьжжина ду сан до!а!». Достойный ответ генерала, который прекрасно понимал провокационный характер визита делегации во главе с Богатыревым.

При анализе сложившейся тогда ситуации создается впечатление, что Богатырева, Сейнароева, Кодзоева с их Народным Советом и партией «Нийсхо», вольно или невольно, использовали для того, чтобы сорвать процесс мирного возвращения ингушам Пригородного района, в соответствии с Законом «О реабилитации репрессированных народов» (вспомните решение комиссии Верховного Совета РСФСР) и консервации положения на долгие годы вперед, а также, чтобы вовлечь близкородственных чеченцев в данный конфликт, с целью решения «чеченской проблемы». Иначе говоря, хотели одним выстрелом убить двух зайцев, то бишь, двух волков.

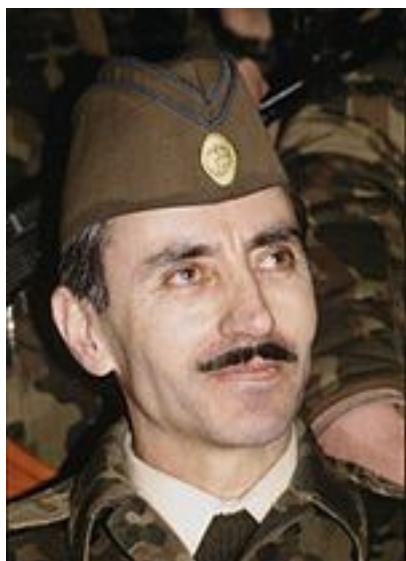
«Я попросил своих товарищей немедленно вернуться домой. Однако они пожелали выступить по чеченскому телевидению и обратиться к народу с такой же просьбой. Я очень просил их не делать этого, ибо был уверен на сто процентов, что об этом узнают в Москве и Владикавказе через руководителей чеченского телевидения. Однако Героев и Эльджаркиев меня не послушались и стали обвинять в излишней подозрительности. (...) О том, что члены Народного Совета Ингушетии выступили по чеченскому телевидению и просили у Дудаева оружие, в 9 часов вечера того же дня, т. е. ровно через час после их выступления, передали российское и осетинское телевидение. Что и требовалось, как говорится, доказать. Они были информированы сотрудниками чеченского телевидения по указанию генерала Дудаева» (27, с. 148–149).

Это не просто ложь, а настоящее иезуитство. О каком информировании российского и осетинского телевидения «сотрудниками чеченского телевидения по указанию Дудаева» может идти речь, если ингушские делегаты сами проинформировали об этом весь мир, вы-

ступив со своей просьбой в прямом эфире республиканского телевидения? Разве нормальные люди говорят о тайном в прямом эфире телевидения? Телевидение для того и создано, чтобы «информировать», а не скрывать информацию. Скрывать информацию – это по части ГБ.

Интересно, за кого Богатырев принимал руководителя Ичкерии? Его визит за военной помощью в Чечню – был чистой воды собственной пиар-акцией на фоне бойни ингушского народа, устроенной из-за провокационных, неадекватных действий как самого Богатырева, так и его Народного Совета с партией «Нийсхо». Если Богатырев в результате этой акции (просьба о военной помощи) в глазах народа только выигрывал, то чеченская сторона от нее заведомо проигрывала. Дать оружие означало вступить в военный конфликт с российской армией, не дать – отказать в помощи своим собратям, попавшим в беду. Коварный был расчет!

Хотелось бы спросить у Богатырева, каковы были истинные цели его поездки в Чечню? Что он, кроме категорического отказа, ожидал услышать на свою просьбу от Дудаева,

если он сам в своей книге пишет: «Однако, чтобы убрать Дудаева, нужен был предлог, причем очень веский. Российские руководители хотели представить Дудаева в роли агрессора и, таким образом, оправдать свои действия. Как и всегда, услужливые осетинские руководители предложили Ельцину и его воинственным генералам грубый и примитивный способ решения как ингушской, так и чеченской проблемы. Осетия продолжала бы по заданию российских руководителей провокации, и ингушей убивали бы до тех пор, пока последние не ответят на них. Тогда Осетия

объявила бы на весь мир об ингушской агрессии ради захвата части ее территории и просила бы российских руководителей ввести в зону конфликта войска для защиты бедной «Алании» от ингушских «национал-экстремистов». Российские руководители немедленно перебрасывали сюда свои войска и приступали к уничтожению безоружных ингушей.

При этих условиях (по мысли осетинских и российских руководителей) чеченская армия приходила бы на помощь своим братьям по вере и

крови. Россия обвинила бы Чечню в агрессии против России и Осетии, а ее войска с осетинскими... входили бы в город Грозный» (27, с. 196). Неужели Богатырев думал, что Дудаев поддастся на такой «грубый и примитивный способ решения как ингушской, так и чеченской проблемы»?

Все так и случилось. За исключением того, что не удалось перехитрить Дудаева и втянуть в конфликт Чечню. В связи с этим, напрашивается неприятный для Богатырева и его компании, но естественный в таком случае вопрос – почему они так жестоко подставили свой народ, если заранее обо всем знали? Что это – святая простота или обыкновенное предательство?

О каком совместном заговоре чеченского руководства с осетинским и российским руководством против ингушского народа пишет автор, если Богатырев сам признается, что острие этого заговора было направлено против Чечни?

«Под давлением ингушского народа Чрезвычайный комитет (возглавляемый Богатыревым. – Авт.) проголосовал за покупку оружия на эти 50–60 миллионов рублей. Вечером 2 ноября и утром 3 ноября на эти деньги уполномоченные Чрезвычайного комитета купили 27 гранатометов, 32 тяжелых пулемета, несколько бронетранспортеров и определенное количество боеприпасов. (...) Если все мы, вместе взятые, сделали что-то хорошее для своего народа за время российско-осетинской агрессии, то, вне всякого сомнения, вот это. (...) Я горжусь тем, что настоял на выдаче этих денег под расписку тем, кто покупал это оружие у тех же русских солдат и офицеров, которые сочувствовали нам», – пишет Богатырев (27, с. 151).

Очень интересные признания. А чем тут гордиться? Разве «27 гранатометов, 32 тяжелых пулемета, несколько бронетранспортеров» могли остановить целую армию? Наоборот, наличие этого оружия еще больше ужесточило противостояние и дало повод осетинским националистам обвинить ингушей в агрессии против своей республики. Судить Богатырева за это надо.

Что касается покупки оружия, то можно еще допустить, что автоматы и другое легкое стрелковое оружие богатыревский комитет мог купить у «русских солдат», но каким образом и у кого покупались гранатометы, тяжелые пулеметы и бронетранспортеры? Ведь конфликт был стремительным и продолжался всего лишь в течение недели. Бронетранспортеры, как любил говорить в аналогичных случаях один известный грузинский актер, «на улице не валяются», их нельзя было достать даже на назрановском рынке.

«Ингушетия опять была поделена между Чечней и Осетией. Это был уже второй раздел. (...) Как при первом, так и при втором разделах Ингушетии между ее соседями, мнение ингушского народа на сей счет никто не спрашивал и, следовательно, вся эта авантюра со стороны российских, осетинских и чеченских руководителей является абсолютно незаконной и преступной. (...)

Из всего сказанного здесь сделаем для себя краткие выводы. Говорят ли действия тогдашних руководителей России, Осетии и Чечни об их историческом прагматизме и уважении к элементарным правам ингушского народа? Конечно, нет! Все они действовали тогда, как мошенники, жулики и безответственные политические авантюристы, у которых нет ни совести, ни чести, ни стыда, не говоря уже о благородстве, о котором вся эта «святая троица» не имела и понятия», — пишет автор (27, с. 125–126).

Первым разделом Ингушетии между Чечней и Осетией Богатырев, по всей видимости, считает включение г. Орджоникидзе в состав Северной Осетии, а затем и объединение Чечни и Ингушетии в 1934 году. Но в данном случае, Ингушетия была не присоединена к Чечне, а объединена с ней в одну равноправную Чечено-Ингушскую автономную область (Так же, как были объединены Кабарда с Балкарией, Карачай с Черкесией). Этот богатыревский «первый раздел» был скорее разделом Чечни, чем Ингушетии, так как последняя, объединившаяся с Чечней в одних границах, теперь при разделении пытается прихватить с собой целых полтора чеченских района. Так что, Чечня от этого объединения ничего не выиграла. К тому же, не чеченцы являлись инициаторами этого объединения.

Что же касается г. Орджоникидзе, то он, как мы уже отмечали, представлял собой отдельную административную единицу, которая в состав ни Осетии, ни Ингушетии до 1933 года юридически не входила, хотя и являлась их общим административным центром.

Вторым разделом автор, скорее всего, называет аннексию Пригородного и части Малгобекского районов в пользу Северной Осетии в 1957 году, после восстановления ликвидированной в 1944 году Чечено-Ингушской АССР. Но, причем тут опять Чечня? Что она в результате этого раздела получила от Ингушетии? Наоборот, являясь единой с Ингушетией республикой, она потеряла ровно то, что потеряла и сама по себе Ингушетия — значительную часть своей территории.

Интересен пассаж Богатырева о том, что эти упражнения с объединениями, отторжениями, изменением границ совершались без учета мнения ингушского народа. А мнение чеченского народа, интересно, кто-нибудь

по этому поводу спрашивал? Разве учитывалось мнение чеченцев и ингушей при их высылке в Среднюю Азию и Казахстан? Как может автор обвинять чеченское руководство в интригах против ингушского народа, если, в первую очередь, чеченский народ сам являлся жертвой сталинского режима? По всей видимости, автор явно подзабыл, при каком государственном режиме все это происходило. Создается впечатление, что Богатырев не имеет элементарного понятия о принципе историзма, который необходимо соблюдать в освещении событий прошлого.

Относительно безответственных выражений автора об отсутствии стыда, совести, чести и благородства в той части, в которой это относится к чеченскому руководству, то пусть эти безосновательные обвинения останутся на совести Богатырева.

«Разве является случайным факт упразднения Сунженского казачьего округа в 1928 году? Почему он передан Чечне, а не Ингушетии, тем более, что до прихода русских на Северный Кавказ земли этого округа принадлежали ингушам», – пишет Богатырев (27, с. 121). Вот где, оказывается, собака зарыта!

Должно быть, тот, кто Сунженский казачий округ «передал Чечне, а не Ингушетии», знал о том, что ингуши в 1921 году однажды уже отказались от «услуги ВЦИК» и не стали селиться в казачьих станицах Сунженского округа, ведь «об этом благородном поступке ингушей знали и осетины, и российские шовинисты, и казацкие атаманы». С учетом этого, ВЦИК, наверное, решил на этот раз «предложить» округ Чечне, а не Ингушетии.

А если серьезно, то «до прихода русских на Северный Кавказ» ни одного населенного пункта ингушей, кроме нескольких деревень и двух десятков семейных хуторов в Тарской котловине, а также в окрестностях Владикавказской крепости, на плоскости, которую контролировали чеченцы и кабардинцы, не было. Дальнейшее освоение плоскости ингушами произошло благодаря их покровительству (Назрань и ее окрестности, Малая Кабарда), а с началом Кавказской войны – при непосредственной поддержке русской армии. Территория Сунженского казачьего округа, как мы уже писали, принадлежала чеченцам (в основном, орстхойцам), воевать против которых ингуши клятвенно обязались в своей присяге на верность России от 1810 года. А сама территория являлась составной частью известной на весь мир исторической чеченской области – Малая Чечня.

«Избрание Р. Хасбулатова председателем Верховного Совета России было встречено с радостью противниками этого закона (имеется в виду Закон «О реабилитации репрессированных народов». – Авт.).

Они знали, что Р. Хасбулатов был категорически против реабилитации ингушского народа, восстановления его государственности. Поэтому депутаты от репрессированных народов просили меня подготовить от их имени письмо на имя Президента, председателя Верховного Совета, в Конституционный суд и Совет Безопасности России и указать в нем, что репрессированные народы выражают обеспокоенность таким отношением к закону, который призван подвести черту под сталинскими репрессиями и восстановить историческую справедливость в отношении их и просят принять безотлагательные меры к введению в действие закона в полном объеме» (27, с. 206–207).

Если Р. Хасбулатов был «категорически против реабилитации ингушского народа», то каким образом могло получиться так, что за данный закон проголосовало абсолютное большинство членов Верховного Совета РСФСР, возглавляемого им? Ведь Хасбулатов, как спикер, пользовался большим авторитетом у депутатов (особенно у регионалов). А за Хасбулатовым, как известно, стоял и Президент России Б. Ельцин.

О каком категорическом неприятии Хасбулатовым реабилитации ингушского народа пишет Богатырев, если чеченский народ, о чем мы писали выше, сам входил в число репрессированных? Интересно, какие действия, конкретно, предпринимал Хасбулатов против восстановления государственности ингушей, ведь в создании Ингушской Республики, после того, как Чечня де-факто вышла из состава России и заявила о создании собственного независимого государства, российское руководство, в том числе и Хасбулатов, было заинтересовано больше, чем сами ингуши. Медлительность в этом деле была смерти подобна, Ингушетия могла последовать за Чечней.

Письмо, о котором пишет автор, подписали все семь чеченских депутатов. Хасбулатова в числе подписантов не оказалось по той лишь простой причине, что письмо, как председателю Верховного Совета России, было адресовано в его адрес. Ну а что касается самого письма Богатырева, то оно чеченскими депутатами могло быть подписано только с одобрения Хасбулатова.

Хочется спросить у Богатырева, почему Руслан Хасбулатов, если он был противником восстановления автономии Ингушетии, а также Закона «О реабилитации репрессированных народов», решением съезда ингушского народа был награжден премией В. Джабагиева, «за выдающийся вклад в дело восстановления поправных прав ингушского народа»? Кстати, в числе награжденных, вместе с Хасбулатовым, был и сам Б. Богатырев (190, с. 60).

«В день принятия «Закона века», как его окрестили юристы, (...) в зале заседаний Верховного Совета России присутствовали 35 ингушей, семеро чеченцев и 169 осетин... Должен сказать со всей ответственностью, что сочувствие Б. Ельцина, Р. Хасбулатова, Р. Абдулатипова было на стороне осетин», – пишет автор (27, с. 102).

Что бы там ни утверждал обиженный на весь мир и на самого себя Богатырев, нет никакого сомнения в том, что Ельцин, Хасбулатов и Абдулатипов не были противниками принятия Закона «О реабилитации репрессированных народов». Наоборот, они, как руководители новой демократической России, были наиболее заинтересованными в положительном решении этого вопроса людьми. Принятием этого долгожданного закона, они показывали всему миру, что порывают с кровавым прошлым и открывают новую, светлую страницу в истории нашей страны.

По поводу 7 чеченцев, присутствовавших в зале заседания при принятии вышеназванного закона, то Богатырев «забыл» пояснить, что все они, в отличие от трех десятков ингушей-болельщиков, не только присутствовали, а были депутатами Верховного Совета РСФСР с правом решающего голоса. И все семь чеченских депутата, в том числе и Р. Хасбулатов, единодушно проголосовали за принятие вышеназванного закона.

А из числа 35 ингушей, присутствовавших на сессии, депутатами были только двое. Думаю, что эти цифры наглядно показывают конкретный вклад каждого из вайнахских народов в дело принятия Законов «О реабилитации репрессированных народов» и «Об образовании Республики Ингушетия в составе Российской Федерации». Чего стоит в связи с этим беззастенчивая ложь и инсинуации известного ингушского общественного деятеля?

Несколько слов об ингушском референдуме о государственном устройстве, проведенном 30 ноября 1991 года, и отношении к нему большинства чеченского и ингушского народов.

Один из общественных лидеров Ингушетии Беслан Костоев в своей работе «Кавказский меридиан», явно показывая, что за проведением референдума и созданием Ингушской Республики стояло высшее руководство России, пишет: «Чтобы сорвать планы политических авантюристов (имеются в виду Р. Аушев и его сторонники. – Авт.), по совету Президента РФ, Народный Совет Ингушетии начал готовить всенародный референдум о государственном устройстве ингушей и казаков, проживавших на территории Ингушетии на 30 ноября 1991 года. Надо отдать должное Президенту РФ Б.Н. Ельцину в этот период. Будучи даже в Германии, он интересовался ходом подготовки референдума

ингушей, звонил оттуда в Москву, беспокоился, чтобы всё прошло без эксцессов» (115, с. 44–45).

Как мы видим, абсолютно безосновательно обвиняя руководство Чечни в сговоре с Кремлем, ингушские лидеры Б. Богатырев, Б. Сейнароев, Б. Костоев, в отличие от Р. Аушева, И. Костоева и ряда других ингушских деятелей, ни шага не делали без ведома московского руководства.

Отношение ингушей к референдуму о государственном устройстве своей будущей республики было далеко не однозначным. Большинство авторитетных ингушских лидеров были за Ингушетию в составе России. Хотя и среди них не было полного единства. Мнение большинства простого народа тоже было разным, несмотря ни на что, оно не хотело разрыва с близкородственными чеченцами.

Основным козырем в руках богатыревых был убийственный тезис о том, что если Ингушетия останется вне пределов России (с Чечней), то навсегда лишится отторгнутого Пригородного района. «Вот возвратим себе Пригородный район, а затем вновь объединимся», – заверяли тогда чеченцев ингушские лидеры. И что же? Ингушские руководители не только не вернули Пригородный район, но и официально заявили о своем отказе от него. В то же самое время, они стали предъявлять свои права на территорию бывшего Сунженского округа, входившего в состав Чечни еще с 1929 года. И что самое интересное – категорически не хотят даже слышать о возврате этих территорий своим законным хозяевам, пугая возможным конфликтом.

Что касается референдума, то вопрос в анкете был составлен очень популистским: «Вы за создание Ингушской Республики в составе РСФСР с возвратом незаконно отторгнутых ингушских земель и столицей в городе Владикавказе?». На такой крайне некорректный, с точки зрения технологий проведения общественных опросов, вопрос ответить отрицательно, практически, было невозможно. Вопрос был поставлен и на него, по данным Народного Совета Ингушетии (обыкновенной общественной организации), проводившего референдум, ответило положительно 97,5% из числа проголосовавших жителей Ингушетии.

Как пишет Б. Костоев, «в намеченный день, 30 ноября 1991 года, несмотря на оголтелое сопротивление экстремистских группировок, при сжигаемых на избирательных участках урнах, Народный Совет провёл референдум, в результате которого 97,5 процента казаков и ингушей проголосовали за вхождение в состав РСФСР» (115, с.46). В связи с проведением референдума совершенно умиляет упоминание в опросном

листе казаков. Они, действительно, практически все проголосовали, но сделали это раньше, и ногами.

Совсем противоположного мнения об участии ингушей в референдуме придерживаются в другой влиятельной ингушской общественной организации «Нийсхо». Так, руководитель Пресс-центра ДСИ «Нийсхо» Хаджимурат Костоев считает, что в голосовании не приняли участие 37 основных населенных пунктов Ингушетии. Он пишет, что у «Нийсхо» имеются справки от глав администраций этих сел, свидетельствующих о том, что референдум в них не проводился.

Насколько близок к решению стал вопрос возвращения Пригородного района и сколько казаков из числа проголосовавших «за» осталось на территории Ингушетии по истечении 20 лет после проведения этого референдума судить вам самим.

Большой интерес вызывают воспоминания Б.М. Сейнароева о значимых для ингушского народа событиях тех времен в книге «На трудном пути создания Ингушской Республики».

Вот как он пишет о таком знаменательном событии, как принятие Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики со знаменитой 17-й статьей: «Нельзя сегодня обойти молчанием важное в жизни республики событие, которое вызвало большой

резонанс в обществе. Я имею в виду принятие знаменитой 17-й статьи Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушетии. Все знают, что это было 27 ноября 1990 года. Бурные дискуссии вызвало предложение Оргкомитета по возрождению ингушской государственности и депутатов-ингушей о включении в Декларацию Верховного Совета Чечено-Ингушетии статьи о признании справедливыми требований ингушского народа по поводу возвращения ему незаконно отторгнутых территорий и образования своей государственности. В ходе сессии возникали драматические ситуации. Обсуждение затянулось до глубокой ночи» (115, с. 44).

Во-первых, как мы видим, ингуши вовсе не стояли в стороне от процессов суверенизации, как пишут отдельные ингушские авторы. Они совместно с чеченцами провозгласили 27 ноября 1990 года Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушетии.

Во-вторых, чеченцы никогда не ставили под сомнение справедливость требований ингушей о территориальной реабилитации и всеми своими силами добивались возвращения отторгнутых территорий

ЧИАССР, так что никаких бурных дискуссий именно этот вопрос на сессии не вызвал. Обсуждение затянулось не из-за 17-й статьи, а, в целом, в связи с принятием Верховным Советом ЧИР такого судьбоносного документа, как Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушетии. Как известно, 1-й съезд чеченского народа, прошедший накануне, 23–25 ноября 1990 года, в жесткой форме потребовал от депутатов принятия данной Декларации.

17-я статья гласила, что Чечено-Ингушская Республика не подпишет Союзный договор до тех пор, пока не будут возвращены аннексированные ингушские территории Пригородного, части Малгобекского районов и правобережной части города Владикавказ.

«Никто не оглядывался назад, не думал о личной безопасности, хотя обстановка вокруг здания и в зале заседания была бурной и непредсказуемой, раздавались гневные, недовольные возгласы депутатов-чеченцев по поводу предложения ингушей, на что последние отвечали столь же жестко и решительно» (115, с. 74).

Никаких причин для беспокойства по поводу личной безопасности тогда не было, в ноябре 1990 года властные структуры Чечено-Ингушетии полностью контролировали ситуацию в республике. Как пишет сам автор: «Тогда власть Верховного Совета Республики и депутатам, и гражданам казалась всесильной, могучей и данной на многие года!» (115, с. 89). Это был не сентябрь 1991 года, когда при прямом попустительстве из Москвы работа правоохранительных органов республики полностью была парализована и в республике царил хаос.

Абсолютно невероятным выглядит утверждение автора о том, что «спустя несколько дней после принятия указанной выше Декларации, члены Президиума Верховного Совета ЧИР собрались в Доме политпросвещения для обсуждения вопроса об отмене статьи 17 данной Декларации, считая ее нецелесообразной (думается, что по этому поводу выскажутся непосредственные участники этого заседания, в том числе и уважаемый мною Абдулла Бугаев, который упоминается автором в связи с заседанием Президиума)».

Во-первых, что касается содержательной части этой статьи – это было не только мнение Сейнароева, а абсолютного большинства депутатов, по крайней мере – ее чеченской части (а, как известно, Верховный Совет ЧИР, пропорционально своей численности, представляли и другие народы Республики), которые болели за справедливое решение этого вопроса не в меньшей степени, чем ингуши. Результаты голосования по данной статье (единогласное решение с одним воздержавшимся) наглядно продемонстрировали это.

Во-вторых, каким образом Президиум Верховного Совета ЧИР мог отменить решение практически единогласно принятое всем составом Верховного Совета? Сейнароев, как юрист, должен об этом знать.

В-третьих, если на самом деле и было заседание Президиума с такой повесткой дня, в чем я сомневаюсь, то его должен был организовать председатель Президиума ВС ЧИР Д. Завгаев, но он был сторонником возвращения отторгнутых от Чечено-Ингушетии территорий, о чем заявлял неоднократно и публично. И если бы у Завгаева было такое намерение, то он, скорее всего, добился бы такого решения Президиума, что было бы совершенно недостаточно для отмены решения Верховного Совета.

Интересен пассаж автора о «неожиданном» визите к нему Джохара Дудаева, который, с его слов, был инициирован одной из «активисток ингушского движения». Вот как описывается этот визит в книге Сейнароева: «Встреча для хозяев дома была совершенно неожиданной. Однако Бексолт, по вайнахской традиции, широко улыбаясь, встретил гостей, пригласил их в дом... Готовясь накрыть стол, хозяйка дома, Мадина, сказала мне, что она смущена таким неожиданным визитом. На что ей заметил, приход гостей без предупреждения – это их проблема, а мы должны принять их так, как подобает принять ингушам...» (115, с. 87).

Наверное, в связи с долгим отсутствием на родине, Сейнароев со своей супругой несколько подзабыли о том, что гость у вайнахов, в отличие от, например, русских, не обязан предупреждать о своем визите. Хозяева дома всегда должны быть готовы к его приему. Так что, намеки последних на отсутствие такта у Д. Дудаева, без предупреждения, оказавшегося у них в гостях, по меньшей мере, не корректны.

Говоря о своей с Богатыревым якобы встрече с Д. Завгаевым, на которой последним был поставлен вопрос о возможном восстановлении Галашкинского района, с целью «реорганизации и обустройства нового района», автор пишет: «Поняв, что под новой инициативой руководства республики угадывается стратегия на отторжение от Ингушетии Сунженского района при назревающем размежевании Чечни и Ингушетии, представители Ингушетии заявили, что они считают необходимым создавать соответствующую инфраструктуру в селах Ингушетии, но для этого, по их мнению, нет необходимости разукрупнять район» (115, с. 91).

О каком «отторжении от Ингушетии Сунженского района» ведет речь Сейнароев, когда Сунженский район никогда не входил в состав Ингушетии? Оттого что ингуши, пользуясь попустительством со сто-

роны руководства Чечено-Ингушетии, начиная с 1957 года, постепенно вытеснили из бывшего Сунженского (орстхойско-чеченского) района казачье население и стали большинством населения данного района, район-то не становится ингушским. Интересно, какими правовыми нормами Сейнаров обосновывает свое утверждение, что Сунженский район является ингушским?

Как мы уже отмечали выше, этот район еще в XIX веке входил в так называемый Имамат Шамиля (Гехинское наибство) и на его территории проживали орстхойцы-чеченцы и никогда не жили собственно ингуши (гIалгIай), которые в 1810 году клятвенно обязались воевать против чеченцев и карабулаков – своих соплеменников – во время Кавказской войны. Орстхойцы-чеченцы, в отличие от небольшого числа орстхойцев-ингушей, примкнувших к назрановцам, вместе со своими братьями до самого конца сражались за свободу и независимость своей страны.

С присоединением к Чеченской Автономной Области Сунженского казачьего округа, была восстановлена историческая справедливость – территория округа была возвращена своему истинному хозяину – чеченскому народу. Сунженский округ был преобразован в район, и вот уже в течение 83 лет, является составной частью Чечни (с 1934 по 1991 годы – частью единой Чечено-Ингушетии).

Вспоминая о так называемом «референдуме» о выходе из состава Чечни и вхождении в состав Ингушетии жителей отдельно взятого села Аршты, автор пишет: «Быть может, именно это неординарное и мудрое решение Главы администрации села Аршты способствовало спасению от полного разрушения села в российско-чеченской войне 90-х годов XX века, уменьшило число человеческих жертв?» (115, с. 98).

Так значит, по Б. Сейнарову, известному юристу, в свое время «решением бюро обкома КПСС утвержденного в резерв на должность министра юстиции Республики» (с его слов), выходит, что каждое отдельное село может проводить свой «референдум» по такому значимому вопросу, как вхождение в состав того или иного субъекта и даже государства (в нашем случае, из Чеченской Республики Ичкерия в Россию), и чтобы спастись от войны всем городам и весям Чечни нужно было, по примеру Аршты, провести свои «референдумы» и войти в состав Ингушетии? Если даже такое было возможно, то вряд ли это спасло бы чеченцев и их «мудрых» собратьев-ингушей от разрушительной войны.

Ведь кроме нас самих никто, по большому счету, и не различает чеченцев и ингушей друг от друга. Когда выселяли в Среднюю Азию и Казахстан никто нас не разделял, на всех, вне зависимости от того чеченец ты или ингуш, навесили ярлыки предателей и изменников.

«26 декабря 1991 года, уже после проведения референдума, группа ингушских старейшин на собрании в селе Сурхохи приняла обращение к ингушскому народу с просьбой строить единое вайнахское государство, для чего необходимо вновь объединиться с Чеченской Республикой. Для обсуждения этого предложения в Грозный к Правительству Чеченской Республики Джохара Дудаева инициаторами вайнахской идеи была послана делегация ингушей, которую официально принял министр иностранных дел Чеченской Республики Ичкерия Шамиль Бено... Делегация ингушей вернулась ни с чем. Министр Шамиль Бено заявил, что у чеченцев девять тукхумов, ингушей, сказал он, прием как десятый тукхум, но не в качестве нации! Все приготовления и надежды объединителей рухнули», — «сокращается» автор (115, с. 99–100).

Жаль, оказывается судьба единой Чечено-Ингушской республики была в руках министра иностранных дел ЧРИ Шамиля Бено. Для этого, оказывается, требовалось всего лишь его согласие считать ингушей равными чеченцам. А он, нехороший человек, ответил делегации ингушских старейшин отказом и «все приготовления и надежды объединителей рухнули». И зачем это ингушам «преодолевая оголтелое сопротивление экстремистских группировок, при сжигаемых на избирательных участках урнах» надо было проводить референдум об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации, если решение этого вопроса было в руках Шамиля Бено?

Конечно же, сейнароевы не собирались объединяться с чеченцами. Им просто необходим был лишний повод обвинить во всех грехах чеченскую сторону и, тем самым, «продемонстрировать» ингушскому народу невозможность дальнейшего существования двух народов в единой республике.

Но правда в том, что большинство ингушского народа, так же как и чеченского, в отличие от своих национальных элит (в большей степени — ингушской), стремилось сохранить единство друг с другом. И те, и другие, в массе своей, на интуитивном уровне чувствовали, что лучше им от разделения не будет.

Как известно, Дудаев был родом из чеченского орстхойского тукхума, и, как никто другой, остро чувствуя эту проблему, старался сделать все, чтобы сохранить единство двух братских народов. Некоторая мед-

лительность Дудаева с определением границы Чечни, несмотря на настойчивые требования Парламента Ичкерии, была, в первую очередь, связана с этим.

Таким образом, вся эта история, с отказом ингушам в равнозначном объединении со стороны чеченцев, рассказанная автором, была всего лишь выдумкой сторонников отделения Ингушетии от Чечни, мол, мы ведь всей душой стремились быть вместе со своими братьями, но чеченцы не посчитали признать нас за равных себе и мы вынуждены были отделиться. К большому сожалению, на эту «утку» попались многие наши собраты в Ингушетии. Кто из вайнахов согласится на что-либо не на равных?!

«В условиях, когда многие народы устремились к полному суверенитету, что грозило развалом России, ингушский народ первым выступил за сохранение Российской Федерации, за создание своей Республики в составе России, будучи верен присяге своих предков при добровольном вхождении в состав России в 1770 году» (115, с. 101).

Полноте, братья-ингуши! Хватит вам хвастаться своей особой верностью России (царской, советской и даже современной демократической). Другие народы не хуже ингушей соблюдали и соблюдают верность принятым на себя обязательствам, кому бы они ни были даны: властвующей над ними метрополией или находящимся в вассальной зависимости от них народам. Пишите сколько угодно о своих достоинствах, но не противопоставляя себя остальным народам.

Что же касается существа вышеприведенной цитаты автора, то помнится, что ингушские депутаты в составе Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики в 1990 году единогласно голосовали за принятие Декларации о государственном суверенитете ЧИР, провозгласившей абсолютную независимость Чечено-Ингушетии от какого-либо государства.

В статье 17-ой данной Декларации, проект которой, со слов автора, был составлен им самим, как мы уже писали, черным по белому написано, что «союзный договор будет подписан Чечено-Ингушской Республикой после решения вопроса возврата отторгнутых территорий Ингушетии». Причем сам этот договор Чечено-Ингушской Республикой предполагалось подписать напрямую, на равных с Российской Федерацией и другими союзными республиками, становясь, тем самым, прямым субъектом этого договора. Хотелось бы спросить у Сейнароева, как все это соотносится с той набившей оскомину, извините за выражение, дребеденью о том, что «ингушский народ первым выступил за

сохранение Российской Федерации» и вечной верности ингушей своей присяге и т. д.?

Нельзя не сказать о том, каким видит автор решение самого болезненного вопроса – территориального размежевания двух республик. Это известная всем так называемая проблема Сунженского и части Малгобекского районов, законных чеченских территорий, которые, после распада Чечено-Ингушетии на две составляющие ее республики, временно, до законодательного оформления самой Ингушской Республики и избрания ее законных органов власти, а затем в связи с двумя войнами на территории Чеченской Республики остаются в административном управлении Республики Ингушетия.

Ничего нового, кроме известных (несостоятельных фактически и ничтожных юридически) аргументов, Сейнароев, конечно, в пользу принадлежности данных территорий ингушам не приводит. Интересными для нас являются некоторые его интерпретации известных широкой публике фактов, а также весьма сомнительные утверждения, со ссылками на мало кому известных авторов (как правило, ингушских).

Автор не согласен с основополагающей, юридически выверенной позицией чеченской стороны, заключающейся в том, что при установлении административной границы стороны должны исходить из границы, существовавшей между Чечней и Ингушетией на момент их объединения в 1934 году. Он пишет: «Позиция же ингушской стороны заключалась в том, что на Северном Кавказе границы, особенно в первые годы советской власти, менялись часто по усмотрению органов власти, произвольно, без учета воли проживающих там народов. Все решала другая воля – политическая, партийная. Власть просто реализовывала очередной замысел, согласно которому либо создавался, либо, наоборот, упразднялся тот или иной административный округ, либо соединялся с другим, соседним» (115, с. 104).

Вернее и не скажешь. Именно по такому принципу, в продолжение царской политики разделения и противопоставления друг другу фактически одного народа, ингуши, в основном, и получили все, что они имеют на сегодняшний день, как отдельный народ. Именно с помощью «воли политических и партийных» руководителей органов советской власти ингуши, удачно поставившие на большевиков, сперва получили автономию, а затем и земельные приращения от своих соседей, в результате которых территория Ингушетии увеличилась почти в два раза. Кому-кому, а ингушам грех жаловаться по этому поводу.

«В нашем случае необходимо было учитывать, в каких границах Чечня вошла в состав Горской Автономной Советской Социалистиче-

ской Республики (ГАССР) и в каких она вышла из нее в 1922 году; в каких границах она существовала до 1929 года, когда советская власть ее объединила с Грозным и образованным в 1924 году Сунженским казачьим округом с ингушскими селами, переименованными царской властью в казачьи станицы» (115, с. 105).

Несомненно, мы приведем примеры, в каких границах существовала Чечня в те или иные периоды ее исторического прошлого. Можем даже привести примеры, в каких границах существовала Чечня (Нахчийчоь), когда такого понятия, как Ингушетия, вообще не существовало. Но все по порядку.

Чечня не «вошла в состав Горской республики», как пишет автор, а как самая крупная по территории, численности населения и своему экономическому потенциалу область, была одной из главных ее учредителей.

Что же касается того, в каких границах Чечня, а также и Ингушетия были в Горской Автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР) и в каких они вышли из нее в 1922 году, то это выглядело таким образом.

В соответствии с военно-народной формой правления, установленной сразу же после окончания Кавказской войны, в Терской области, в зависимости от численности народов и размеров занимаемых ими территорий, было образовано 8 округов: Кабардинский, Осетинский, Ингушевский, Чеченский, Ичкеринский, Аргунский, Кумыкский и Нагорный. Из них целых три округа: Чеченский, Ичкеринский и Аргунский были с подавляющим большинством чеченского населения. Еще в двух: Нагорном и Кумыкском – чеченцы (ауховские) были представлены наравне с кумыками, ногайцами и аварцами. Ингуши были представлены только в одном Ингушевском округе.

После определенных преобразований, проведенных в 70-х годах XIX века, в Терской области было образовано 7 округов, с включением в область двух терских казачьих округов: Георгиевский (разделенный затем на Пятигорский и Нальчикский), Владикавказский, Грозненский, Аргунский, Веденский, Хасавюртовский и Кизлярский. Из этих семи округов три округа были чисто чеченскими, а в одном округе (Хасавюртовском) они были представлены наряду с другими основными народами. В то же самое время ингуши, наряду с осетинами, были включены во Владикавказский округ.

В 1883 году территорию Терской области преобразовывают в четыре округа: Нальчикский (основное население – кабардинцы), Влади-

кавказский (основное население – осетины), Грозненский и Хасавюртовский. Как мы видим, чеченцы входят в Грозненский округ (основное население) и Хасавюртовский округ (ауховские чеченцы представлены наряду с сулакскими кумыками и салатавскими аварцами). Кроме вышеназванных округов, в области было создано три казачьих отдела: Пятигорский, Грозненский и Кизлярский. Ингуши, оставшиеся без своего округа, вошли в состав Сунженского казачьего отдела. Только в 1905 году (временно) и в 1909 году, уже на постоянной основе, ингуши были выделены из состава Сунженского отдела в отдельный Назрановский округ. В том же году чрезмерно большой Грозненский округ был разделен две части – Грозненский и Веденский округа.

По состоянию на 1912 год (последнее дореволюционное преобразование области), в Терскую область входило 6 округов: Нальчикский (150,1 тыс. чел.) – основное население – кабардинцы и балкарцы; Владикавказский (127,1 тыс. чел.) – осетины; Назрановский (56,5 тыс. чел.) – ингуши; Грозненский (118,9 тыс. чел.) – чеченцы; Веденский (113,5 тыс. чел.) – чеченцы; Хасавюртовский (81,5 тыс. чел.) – кумыки, чеченцы, аварцы и 4 казачьих отдела: Сунженский (69,4 тыс. чел.) – казаки; Кизлярский (112,5 тыс. чел.) – казаки, ногойцы; Моздокский (87,8 тыс. чел.) – казаки; Пятигорский (109,7 тыс. чел.) – казаки. Таким образом, накануне образования Горской АССР чеченцы были представлены в трех из шести округов, тогда как ингуши только в Назрановском округе.

Назрановский (ингушский) округ граничил на востоке с Сунженским казачьим округом, со станицами Фельдмаршальская, Нестеровская, Карабулакская, Троицкая, Слепцовская, Ассиновская (на плоскости и в предгорье), а также с Грозненским (чеченским) округом, с чеченскими обществами Маълхиста, Кей, Аьккха, Галай, Ялхара, Мержа (в горах). Граница проходила точно по той меже, которая существовала между отдельными нахчийскими (вайнахскими) тайпами, впоследствии вошедшими в состав чеченского или ингушского народа. И именно эта межа была заложена в основу административной границы между Чеченским и Ингушским Автономными Областями до их объединения в 1934 году (228).

Таким образом, Чечня «вошла» и вышла из Горской республики в 1922 году в вышеназванных нами границах.

Относительно того, «в каких границах она существовала до 1929 года, когда советская власть ее объединила с Грозным и образованным в 1924 году Сунженским Казачьим округом с ингушскими селами, переименованными царской властью в казачьи станицы», то можем сказать следующее.

До 1929 года, до момента объединения Сунженского казачьего округа с Чеченской АО, последняя существовала в тех границах, о которых мы писали выше. Что же касается «ингушских сел, переименованных царской властью в казачьи станицы», то никаких ингушских (галгайских) сел не только на территории Сунженского округа, сформированного после окончания Кавказской войны, но и до этого, никогда там не было. Здесь, в основном, проживали чеченцы-орстхойцы, а также представители других чеченских тайпов, до последнего сражавшихся вместе со всем чеченским народом против царского самодержавия под религиозными мусульманскими знаменами. А станицы возникли не «переименованием ингушских сел на казачьи станицы», а на месте сожженных царскими войсками, при содействии назрановского ополчения, чеченских сел, с целью разделить горных чеченцев от плоскостных.

Присоединение же к Чечне г. Грозного, возникшего из крепости Грозной, заложенной генералом Ермоловым в 1818 году на месте сожженных им нескольких чеченских сел, было исторически неизбежным явлением. Это было вопросом времени. Грозный, в отличие от Владикавказа, не был приграничным городом, а находился в самом центре Чечни.

А почему, интересно, автор заговорил о Грозном? Не считает же Сейнароев, что включение города в состав Чечни было несправедливым решением, и он должен был войти в Ставропольский край или ту же Осетию?

«Всего четыре года, с 1929 года по 1933 год, Сунженский район с ингушскими селами входил в состав новой объединенной с городом Грозным и Сунженским казачьим округом Чечней, а во все остальные годы советской власти – это территория единой Чечено-Ингушетии», – продолжает автор, пытаясь принизить значение фактора нахождения Сунженского округа в составе Чеченского АО.

Будем точны, не четыре, а пять лет (с января 1929 по январь 1934 гг.) Сунженский округ и город Грозный вошли в Чеченскую АО в январе 1929 года.

Всего лишь 5 лет в то время было и автономии Ингушетии, а когда Ингушетию объединяли с Чечней, то Ингушской АО было всего лишь 10 лет. Ну и что из этого следует? Отменить автономию Ингушетии?

К сведению автора, в этом году исполнилось уже 83 года с момента вхождения Сунженского округа в Чечню. С 1934 года Сунженский округ входил в состав единой Чечено-Ингушетии, но как составная часть Чечни, а не Ингушетии. Так же, как Назрановский район вхо-

дил в состав ЧИАССР, как составная часть Ингушетии, а не Чечни. Не хотят же сказать наши ингушские коллеги, что если бы не было этого объединения в 1934 году, то они бы оспаривали сегодня у Чечни территорию данного округа?

По логике Сейнароева, чеченцы с таким же успехом могут претендовать, например, на тот же Назрановский район, мотивируя это тем, что в составе Ингушской АО данный район до объединения с Чечней находился только 10 лет (с 1924 по 1934 гг.), «а во все остальные годы советской власти – это территория единой Чечено-Ингушетии». Странная логика.

«Кроме того, важным фактором является и то общеизвестное обстоятельство, что за годы советской власти, после восстановления в 1957 году ЧИАССР и до развала СССР (1991), бесспорно ингушскими признавались и фактически являлись Назрановский, Сунженский и Малгобекский районы. Это подтверждается партийными и правительственными актами того времени, создававшимися избирательными округами по выборам депутатов в Верховный Совет ЧИАССР, РСФСР, СССР, в Совет Национальностей, а также другими документами. Правоту этих документов подтверждает и национальный состав проживающего в этих районах населения – абсолютное большинство ингушей» (115, с. 105).

Не знаю, какими это «партийными и правительственными актами» подтверждается то, что Назрановский, Сунженский и Малгобекский районы являются «бесспорно ингушским», если официальная политика партии и правительства Советского Союза, наоборот, была направлена на нивелирование национальных различий. Что же касается ингушей в Сунженском районе, то большинством они там стали только после падения советской власти.

Как мы уже отмечали, ингуши, по большому счету, появились в казачьем Сунженском районе только с момента присоединения к нему части ингушского Галашкинского района. Абсолютным большинством в районе тогда были казаки, вторыми по численности были чеченцы. Укрупнение Сунженского района за счет части ингушского Галашкинского района было стратегической ошибкой руководства республики. С этого момента и началась ползучая экспансия Сунженского района со стороны наших соседей. До 70-х годов XX века наблюдались только единичные случаи подселения ингушей в казачьих станицах. С начала 80-х годов, особенно после так называемой горбачевской перестройки, этот процесс начал усиливаться. В конце 80-х начале 90-х годов, после различных межнациональных столкновений (убийство известного че-

ченского общественного деятеля, коренного жителя с. Пседах Махрадина Коттоева и его сына, а также казачьего атамана Подколзина, резня в станице Троицкой) этот процесс вылился в многотысячный поток, выезжающих за пределы республики сунженских казаков.

Вот что писал о трагических событиях в станице Троицкой в своем докладе на сессии Верховного Совета Чечено-Ингушетии председатель постоянной комиссии по межнациональным отношениям Абдулла

Бугаев: «Но беда случилась. Восемь человек погибли. Около двадцати получили огнестрельные, ножевые ранения и другие телесные повреждения. И сегодня самое главное состоит в том, чтобы попытаться ответить на вопрос: в силу каких причин и обстоятельств стала возможной эта трагедия? (...) Целая цепь трагических событий с человеческими жертвами (убийство Типайлова, Подколзина, восемь жертв 27 апреля) – и это в течение одного месяца в одном районе – повиснет в воздухе и может иметь непред-

сказуемые последствия. (...) На наш взгляд, главная причина, приведшая к массовому конфликту 27 апреля текущего года, заключается в той общественно-политической ситуации, которая в силу воздействия различных объективных и субъективных факторов, сложилась в последнее время в Сунженском районе. (...) Поэтому драка, которая произошла 27 апреля в ст. Троицкой между лицами ингушской и русской национальности, послужила, как мне представляется, поводом для вспышки межнационального конфликта. И таким образом закономерно взорвалась ситуация, сложившаяся к этому моменту в Сунженском районе (...)

Разве не знал председатель Сунженского районного Совета народных депутатов (он же первый секретарь РК КПСС) т. Татиев Р.М., что в доверенном совсем недавно ему районе происходят неоднозначные процессы в сфере межнациональных отношений, в том числе под воздействием внешних стихийных внутрирайонных миграционных процессов, направленность которых на изменение национального состава, особенно станиц, очевидна при простейшем арифметическом анализе? По данным республиканского управления статистики, население Сунженского района в результате миграции (прибыло–выбыло) уменьшилось с 1989 года по 1991 год (включая на I квартал) на 216 человек.

Но если брать отдельные населенные пункты, особенно станицы, то невольно напрашивается вывод, что в них изменение национального состава происходит, прежде всего, за счет внутреннего перемещения, и прежде всего, ингушского населения. Так, например, по переписи населения 1989 года в ст. Орджоникидзевской проживало 10 750 человек ингушской национальности, а по последним данным – 16,7 тысяч человек; в ст. Троицкой соответственно 574 и 1,5 тысячи (...)

Разве не знало руководство Сунженского района, что расстановка их кадров, особенно на верхнем уровне, не соответствует национальному составу населения района, и что эти диспропорции вызывают обоснованные вопросы у различных слоев населения района? То же самое можно сказать о депутатском корпусе Сунженского районного Совета, общая численность которого составляет 59 человек: 11 чеченцев, 15 русских, 33 ингуша» (85).

Количество ингушей в районе увеличивалось обратно пропорционально тому, насколько уменьшалось в районе казачье население. Когда ингуши стали большинством в районе, потихоньку начали притеснять и чеченцев. Если до этого многие руководящие должности районного масштаба в Сунженском районе, занимали представители казачества и чеченцы, то теперь, под предлогом демократизации и перестройки, руководство районом практически полностью перешло в руки ингушской части населения. Вмешательство республиканских властей уже не имело успеха. Бразды управления были потеряны. Именно с целью нормализации межнациональной обстановки в Сунженском районе ЧИАССР и была выдвинута инициатива о восстановлении Галашкинского района, что было встречено в штыки ингушскими депутатами.

Кроме того, с 90-х годов прошлого столетия ингушским руководством Сунженского района делалось все, чтобы жители района не продавали жилье чеченцам, а если кто из них, вопреки всему, покупал жилье, принимались все законные и незаконные меры административного характера, чтобы не прописывать их там.

Вот каким образом, ингуши, начавшие «освоение» Сунженского района в начале 60-х годов прошлого века, на сегодняшний день стали тем самым «абсолютным большинством» и почувствовали себя полными хозяевами данного района.

Ну что же, никакой трагедии в этом ни для чеченцев, ни для ингушей нет. Как мы знаем, по переписи населения 2002 года на территории Республики Ингушетии проживало 95 403 чеченцев (154, с. 368). В на-

стоящее время поменьше. С восстановлением юрисдикции Чеченской Республики над своими законными территориями, примерно столько же ингушей – наших братьев будет жить на территории Чеченской Республики. Будут жить в дружбе и братстве, как и подобает жить родственным народам. Права и свободы ингушей, проживающих на территории Чеченской Республики, будут соблюдаться неукоснительно. А граница между Чечней и Ингушетией будет чисто символической.

Если невозможность возвращения Чечне территории Сунженского и части Малгобекского районов некоторыми ингушскими лидерами раньше связывалась с провозглашением независимого от России чеченского государства, когда эти районы, где проживало несколько десятков тысяч ингушей, автоматически оказывалась в другом государстве, то теперь никаких оснований для таких опасений уже нет. Так как, Чечня является не только одним из субъектов РФ, но и одним из главных оплотов безопасности Российского государства на Кавказе.

«Наконец, – продолжает Сейнаров, – одну треть (5 тысяч кв. километров) нынешней территории Чеченской Республики составляет полученная в компенсацию отнятого в 1957 году ингушского Пригородного района территория трех районов Ставрополя (Наурского, Шелковского и Карагалинского), которые и сейчас входят в состав Чечни. Районы расположены чересполосно на сотни километров от Ингушетии. Ингуши там никогда не жили и не живут. Ингушский народ никогда и никому не давал согласия на отчуждение части своей Родины. А чужая земля ингушам не нужна» (115, с. 106).

Крепко сказано, аж слезы на глазах наворачиваются! Но осталось не совсем понятным – ингуши не заселили затеречные районы из-за высокого чувства справедливости и ответственности или потому, что они были расположены слишком далеко «на сотни километров от Ингушетии»?

По поводу же того, почему эти районы, входившие в Грозненскую область, остались в составе восстановленной Чечено-Ингушетии, поговорим чуть ниже.

Сейнаров утверждает, что руководитель ингушской делегации по территориальному размежеванию (1992 года) Осман-Хаджи Муцольгов предложил решить вопрос границы через шариатский суд. Но чеченская сторона в лице руководителя чеченского Мехк-Кхела Сайд-Ахмада Адизова, после согласования этого вопроса с Д. Дудаевым, якобы не согласилась с передачей дела в шариатский суд.

Все это не соответствует действительности. Мы были свидетелями всего этого процесса. Чеченская сторона была готова (и не только

тогда, но и сейчас) обсуждать этот вопрос через любой суд – и шариатский, и светский, и суд адата. Не готова была тогда ингушская сторона, у которой не было легитимных, избранных народом, ответственных за свои действия органов власти. Не был еще даже принят Закон об образовании Ингушской Республики. Отсутствовало единство среди самих ингушей. С одной стороны был Народный Совет Ингушетии, с другой – совет депутатов всех уровней, с третьей – различные общественные организации, которые оспаривали друг у друга право на власть в Ингушетии. Вот почему этот вопрос не был решен в 1992 году.

С принятием Закона «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» и с избранием первого Президента Ингушской Республики Руслана Аушева, такая возможность появилась. Были созданы государственные комиссии с обеих сторон. Эти комиссии, с привлечением необходимых ученых и экспертов, а также общественных деятелей, старейшин и духовенства, провели огромную предварительную работу и подготовили проект соглашения между сторонами о границе между Чечней и Ингушетией для подписания его президентами двух республик. Это соглашение было подписано руководителем Чеченской Республики Ичкерия Д. Дудаевым и Президентом Ингушской Республики Русланом Аушевым 29 марта 1994 года.

«Благодаря «стараниям» российского спикера и нашего соплеменника Руслана Хасбулатова, Ингушская Республика была создана без территории, а ингушский народ обречен на вечное хождение по многочисленным комиссиям, судам и инстанциям государственной власти РФ, чтобы вновь и вновь требовать вернуть населенные пункты, территорию, отторгнутые в пользу Северной Осетии в результате незаконной депортации» (115, с. 110).

Расхожие в некоторых ингушских кругах обвинения Р. Хасбулатова в том, что он целенаправленно противодействовал ингушам в восстановлении автономии Ингушетии и возвращении отторгнутых территорий, в то время, как все руководство России, в том числе и Президент Б. Ельцин, были за положительное решение этого вопроса, абсолютно безосновательны и провокационны.

Если это было так, то почему ингушские территории не возвращены до сих пор, ведь Хасбулатова-то давно нет в руководстве страны? Депортировал ингушей и отнимал у них их землю и проводил этническую чистку в Пригородном районе тоже Хасбулатов?

Нельзя упрощать такую серьезную для всей страны проблему, полученную в наследство от сталинского режима, до уровня каких-то

предпочтений одного человека, хотя и наделенного в то время полномочиями руководителя Парламента России. Ведь проблема территориальной реабилитации затрагивает интересы многих народов, а не только ингушского народа.

«Мы не могли поверить своим глазам, – вспоминает М.-Р. Плиев, – когда увидели, что спикер Р.И. Хасбулатов черными чернилами вычеркнул из статьи проекта главное положение о том, что Ингушская Республика образуется в составе Малгобекского, Назрановского, Сунженского и Пригородного районов в их границах 1944 года. Был вычеркнут и пункт, где говорилось об определении статуса г. Владикавказа на предмет размещения там ингушской и осетинской столиц... Проект закона был выхолощен полностью!» (115, с. 109).

Как мог Хасбулатов не вычеркнуть из проекта закона положение о том, что «Ингушская Республика образуется в составе Малгобекского, Назрановского, Сунженского и Пригородного районов в их границах 1944 года», когда, во-первых, не был решен вопрос с Чеченской Республикой и такое решение было бы односторонним актом, во-вторых, когда, Сунженский район (без присоединенной к нему части ингушского Галашкинского района) на момент объединения Чечни и Ингушетии являлся составной частью Чеченской АО? Сама постановка вопроса в таком виде была самой настоящей провокацией. Если даже, гипотетически, допустить, да простит меня Руслан за такое допущение, что Хасбулатов согласился с этим, какие последствия это могло бы иметь?

Хасбулатов сделал то, что он должен был сделать. Он, как один из высших должностных лиц Российской Федерации, внес свои правки в проект представленного ему закона. Вычеркнул из проекта то, что не соответствовало российскому законодательству. Ведь все равно, законопроект в таком виде не был бы принят высшим законодательным органом, стоящим на страже интересов не только одного из своих субъектов, но и всей страны в целом. Все это обострило бы и так натянутые межнациональные отношения на Северном Кавказе. Он же был не членом Народного Совета Ингушетии, подготовившего этот провокационный документ или ведущим на митинге в Назрани, а Председателем Парламента одной из крупнейших стран мира, наделенный высокой ответственностью за ее судьбу.

«Восстанавливать статью, определяющую на территории каких районов образуется Ингушская Республика, С.А. Филатов не согласился. Он заявил: «Все восстанавливать, что вычеркнуто Председателем,

не этично, ведь я его заместитель». Кроме того, С.А. Филатов пояснил: введенная в проект закона ссылка на действующий Закон «О реабилитации репрессированных народов» как раз и предполагает территориальную реабилитацию и восстановление границ Ингушетии, действовавших до их насильственного изменения в результате депортации 1944 года» (115, с. 110).

Филатов сказал все правильно. Но ведь «территориальная реабилитация и восстановление границ Ингушетии, действовавших до их насильственного изменения в результате депортации 1944 года» абсолютно не предполагает восстановление Ингушетии именно «в составе Малгобекского, Назрановского, Сунженского и Пригородного районов». Как мог кандидат юридических наук Сейнароев удовлетвориться ничего не значащим «разъяснением» Филатова?

Особенно умиляет следующее утверждение автора: «Именно здесь уместно вспомнить, что не без инициативы ингушских депутатов Р.И. Хасбулатов был избран заместителем, а затем и Председателем Верховного Совета РФ» (115, с. 110).

Как говорят чеченцы – «Никказ я!!». Что могли изменить два голоса ингушских депутатов, когда вопрос быть или не быть ему главой высшего представительного и законодательного органа России решали свыше 1000 членов Верховного Совета РСФСР?

За избранием Р. Хасбулатова стояли сотни депутатов со всей многонациональной России, особенно из «Демократической России» и национальных республик. А инициировал все это достаточно авторитетный среди депутатского корпуса на этот период Президент Российской Федерации Б. Ельцин, предложивший его кандидатуру на этот высокий пост. Так что, если автор намекает на какой-то его моральный долг перед двумя ингушскими депутатами, то в такой же степени этот долг у него должен быть и перед остальными своими сторонниками. Не хочет же автор сказать, что это ингуши внушили Ельцину необходимость избрания их «соплеменника» Хасбулатова на должность Председателя Верховного Совета РФ?

По поводу того, что «в дни осетино-ингушской войны 6 ноября 1992 года представитель Президента Российской Федерации в Ингушской Республике И.М. Костоев в присутствии С. М. Бекова встретился со спикером Р.И. Хасбулатовым и сказал ему, что «сегодня льется кровь безвинного ингушского народа, и не без твоего участия» (115, с. 111).

Во-первых, вряд ли уважающий себя человек, основываясь на слухах и домыслах, услышанных от других людей, будет писать в своих книгах сомнительные вещи про конкретных людей, затрагивающих их честь и достоинство, если он сам не был тому свидетелем.

Во-вторых, если говорить о виноватых в этой трагедии, то виноватыми, в первую очередь, были ингушские лидеры. Они самым банальным образом подставили свой народ, поверив обещаниям некоторых руководителей России (в первую очередь Президента РФ Б. Ельцина), что проблема отторгнутых территорий будет решена, как только они разорвут свои отношения с Д. Дудаевым, провозгласившим независимое чеченское государство, и создадут собственную республику в составе России.

Уверовав в то, что руководство России поддерживает их справедливые требования, и дело остается совсем за малым – в демонстрации всей своей решительности в этом вопросе, ингуши попали в заранее подготовленную для них, а также для чеченцев западню. Ведь сам же Сейнароев признается, что «руководство Северной Осетии в той обстановке не решилось бы развязать войну, не будучи уверенным, что российское руководство поддержит такую акцию» (115, с. 195). Что же касается чеченцев, то они не попали в него благодаря предусмотрительности чеченского руководства. Вот что пишет по этому поводу Сейнароев: «Российскому руководству нужен был благовидный предлог для вооруженного вторжения в самопровозглашенную Чеченскую Республику, чтобы разгромить силы генерала Д. Дудаева и раз и навсегда решить вопрос о власти над Чечней. Здесь совпали интересы руководства Северной Осетии и Федерального центра. Их замысел был прост: организовать вооруженную провокацию против ингушей, надеясь, что Джохар Дудаев, как вайнах, бросится на помощь ингушам, что явилось бы оправданием перед мировым сообществом факта применения силы и дальнейшего военного вторжения в Чечню. Однако, первоначальный замысел рухнул, войну против ингушей развязали, а Дудаев в него не ввязался» (115, с. 196).

«Еще со времен покорения Кавказа, отчаянно защищавшие свою независимость, храбрые и свободолюбивые ингуши были частью ис-

треблены, а частично загнаны в бесплодные горы, на принадлежавших им прежде плодородных землях расселили терских казаков, основавших на врезавшемся в Ингушетию клине свои станицы» (115, с. 192).

О какой отчаянной борьбе за независимость вновь и вновь повторяют ингушские авторы, если, как пишут сами ингушские историки, они, в отличие от чеченцев, «добровольно вошли в состав России и ни разу не нарушали свою присягу на верность России?»

В связи со всем этим, вспоминается конфликт, произошедший между чантийцами и хачароевцами (хачарой и чантий – чеченские тайпы). Суть конфликта была в следующем. В одном из ресторанов Грозного произошла пьяная ссора между чантийцем и хачаройцем, в результате чего потерпевшей оказалась хачаройская сторона, представитель которой получил ножевое ранение. Конфликт долго не получал своего разрешения из-за несговорчивости хачаройцев, стремящихся во что бы не стало отомстить чантийцам. Кто только не обращался к хачаройцам с просьбами помириться с чантийцами, но последние были непреклонны. Обратился к ним и известный во всей Чечне религиозный деятель и старейшина чантийцев Сулайман Мутуш. Получив очередной отказ от хачаройцев на примирение, прощаясь с ними, Мутуш, говорят, сказал: «Уважаемые хачаройцы, мы же не оспариваем с вами ваши мечети и медресе, оставьте и вы нам – чантийцам наши кафе и рестораны!» (хачаройцы известны в Чечне своей набожностью, среди них много мулл и имамов мечетей. А чантийцы – известные гуляки и забияки). После этих метко сказанных старейшиной чантийцев слов, хачаройцы, говорят, простили чантийцев.

Подобным же образом хочется обратиться к своим собратьям: «Уважаемые ингуши, чеченцы же не оспаривают у вас первенство в добровольном вхождении в состав России, не оспаривайте и вы первенство у чеченцев в борьбе за свою свободу и независимость в Кавказской войне. Вряд ли вы кого-то убедите в этом. Ведь нельзя же заниматься и тем, и другим одновременно. Пусть каждый занимается более привычным для себя делом».

Декретом ВЦИК от 7 июля 1924 года ГАССР упразднена и расчленена по национальному признаку на две автономные области – Северную Осетию и Ингушетию. Автономными административными единицами стали Сунженский округ и г. Владикавказ» (115, с. 202).

С первого взгляда в этой цитате кажется все правильно. Но при внимательном рассмотрении – чего-то не хватает. У непосвященного в кавказские дела человека при прочтении данной цитаты должно создаться впечатление, что Горская республика изначально состояла

только из Осетии и Ингушетии и, вдруг, неожиданно-негаданно, декретом ВЦИК республику разделили не только на Северную Осетию и Ингушетию, но и на «автономные административные единицы» – Сунженский округ и г. Владикавказ, а затем один из этих субъектов, состоявшего в Горской АССР вместе с Ингушским округом, ни с того, ни с сего, присоединили к Чечне. Это совсем не так.

Упраздненная в 1924 году Горская республика, как всем известно, была лишь остаточной частью той республики, которая была учреждена в январе 1921 года на съезде народов Терской области. Кабардинский, Карачаевский, Чеченский и другие округа народов Терека, один за другим вышли из ГАССР, и к 1924 году в ней остались четыре этих субъекта.

Так что, Сунженский округ и г. Владикавказ «стали административными единицами» не в результате упразднения Горской республики в 1924 году, оба этих субъекта были учредителями Горской республики, наравне с Северной Осетией, Ингушетией и прочими национальными округами.

Такие нечистоплотные приемы довольно часто используются отдельными ингушскими авторами с целью дезинформации непосвященных читателей.

«Хотя сложившаяся де-факто граница не устраивает как некоторых ингушей, так и некоторых чеченцев, но это реальность, признанная и

подтвержденная Президентом Чечни Ахматом Кадыровым и Президентом Ингушетии Муратом Зязиковым. Попытки их пересмотра могут привести лишь к конфликтам, чего нам, ингушам и чеченцам, необходимо избегать как можно терпеливее, зная, что ни к чему хорошему это не приведет» (115, с. 255).

Хотелось бы знать, о каких таких «признанных и подтвержденных Президентом Чечни Ахматом Кадыровым и Президентом Ингушетии Муратом Зязиковым» реальностях, пересмотр которых «могут привести лишь к конфликтам» идет речь? Если это касается договоренности между А.-Х. Кадыровым и М. Зязиковым от 10 марта 2003 года, то это было так.

Как известно, 23 марта 2003 года в Чечне был проведен всенародный референдум по принятию Конституции Чеченской Республики и

законов о выборах Президента и Парламента ЧР. В проекте Основного Закона ЧР, опубликованном в СМИ накануне плебисцита, в перечне районов, входящих в республику, был назван и Сунженский район. С жалобой в Москву по этому поводу обратились депутаты Народного Собрания Республики Ингушетия. Обращение на имя Президента РФ В. Путина от 13 февраля 2003 года было подписано Председателем Народного Собрания РИ Р.С. Плиевым.

За две недели до проведения референдума, 10 марта 2003 года, Глава администрации ЧР А.-Х. Кадыров встретился с Президентом РИ М. Зязиковым. Ингушская сторона настойчиво добивалась исключения названия Сунженского района из перечня административных районов ЧР, указанных в пункте 5 статьи 59 проекта Конституции ЧР, вынесенного на общенародный референдум.

Ахмат-Хаджи Кадыров категорически не согласился с такой постановкой вопроса и упоминание Сунженского района в Конституции ЧР было сохранено. Между руководством двух братских республик была достигнута устная договоренность временно сохранить статус-кво существующих условных границ, до принятия Конституции и проведения выборов Президента и Парламента ЧР.

В соответствии с этой договоренностью, населенные пункты Сунженского района с большинством ингушского населения временно оставались за Республикой Ингушетия, а населенные пункты с большинством чеченского населения (с. Серноводское и ст. Ассиновская) – за Чеченской Республикой.

Кроме того, с просьбой отложить на время рассмотрение данного вопроса к руководству республики обратился и федеральный центр.

Таким образом, никакого официального соглашения между А.-Х. Кадыровым и М. Зязиковым, закрепляющего территорию Сунженского и части Малгобекского районов за Республикой Ингушетия, как бы это не хотелось представить некоторым ингушским чиновникам, не было, и быть не могло. Ахмат-Хаджи Кадыров не мог принять единоличное решение по такому основополагающему вопросу, тем более когда еще не была принята сама Конституция Чеченской Республики. Одно то, что А.-Х. Кадыров, несмотря на сильное давление не только с ингушской стороны, но и со стороны федерального центра, не

исключил из проекта Конституции ЧР название Сунженского района, говорит о многом.

А что касается того, что «сложившаяся де-факто граница не устраивает некоторых ингушей», то может быть, для удовлетворения их безмерно разыгравшегося аппетита, чеченцам следует войти в состав Ингушетии со всеми своими 18 районами?

Дальше Сейнароев пишет: «Если же руководство Чечни заявит несогласие с существующей границей, надо иметь в виду следующее:

Из общей территории Чечни 15 тыс. кв. км, 5 тыс. кв. км (одна треть Чечни) составляет территорию трех районов – Наурского, Карагалинского и Шелковского, полученных в качестве компенсации за территорию Ингушетии, переданную в свое время Северной Осетии. Указанная территория в шесть раз превышает по своим размерам территорию Пригородного района и в пять раз территорию Сунженского района.

Все годы советской власти, с 1957 до 1991 года (34 года), Сунженский, Малгобекский, Назрановский районы являлись ингушскими районами с ингушским населением.

Сунженский район никогда не был чеченским – там всегда располагались ингушские села, переименованные царскими войсками и получившие русские наименования. Там наши захоронения.

Сунженский казачий округ с 1928 года соединился с Чечней, что не означает перехода округа к Чечне, поскольку на территории как жили казаки и ингуши, так и остались там проживать.

В Законе «Об образовании Ингушской Республики в составе РФ» (ст. 2) предложено учесть интересы казачества и возможность расширения его самоуправления в составе Ингушской Республики.

Ингушский Пригородный район потерял Чечней и Ингушетией в тот момент, когда это был единый субъект, возглавляемый чеченцем М. Гайрбековым. По вайнахской традиции утраченное товарищами в совместной деятельности имущество, должно и восстанавливать совместно» (115, с. 256).

Что касается первого пункта, то названные автором затерченные районы были включены в состав Чечено-Ингушетии совсем не в качестве компенсации за Пригородный район. Об этом уже много написано. О какой компенсации может идти речь, если ингуши – жители Пригородного района, худо-бедно, но все-таки продолжали жить на территории своей малой родины? Да, в их отношении осетинскими административными органами чинились различные препятствия (не прописывали,

отказывали в приеме на работу и т. д.), но запретить им жить в районе никто не мог. Но разве такие же препятствия не чинились в Чечне или Дагестане, где чеченцы до сегодняшнего дня не могут вернуться к своим родным очагам? Ведь от того, что изменилась территориальность района (Пригородный район теперь входил в состав Северной Осетии), страна-то осталась одна и та же.

По второму пункту. К сведению автора, 1957–1991 годы – это не «все годы советской власти». С момента образования Терской области до 1929 года Сунженский казачий округ, на территории которого затем были образованы Сунженский и частично Малгобекский районы, был самостоятельной административной единицей и ингушским районом никогда не являлся. С 1929 года Сунженский район – это территория Чеченской АО. С 1934 по 1991 гг. (после объединения Чечни и Ингушетии) – это уже территория Чечено-Ингушетии. Но, несмотря на это, районы, входившие до объединения двух республик в Чеченскую АО, являлись чеченскими, а районы, входившие в Ингушскую АО – ингушскими. Непонятно только, когда же она успела стать ингушской? Если после объединения Чечни с Ингушетией эти два района должны считаться ингушскими, то чеченскими должны считаться все три ингушских района. Что за странная логика?

Даже если автор хочет обосновать принадлежность этих районов Ингушетии тем, что к началу 90-х годов прошлого столетия ингуши стали большинством населения в этих районах, все равно он не будет прав. Все эти изменения в составе населения данных районов ни в коем случае не отменяют территориальную принадлежность этих районов.

В третьем пункте автор пишет: «Сунженский район никогда не был чеченским – там всегда располагались ингушские села, переименованные царскими войсками и получившие русские наименования. Там наши захоронения».

Никогда никаких ингушских (гIалгIайских) сел на территории чисто Сунженского района (без объединенного с ним Галашкинского района) не было и быть не могло. Это исконная территория орстхойского тукхума, являющегося составной частью чеченского народа. Что же касается, находящихся там ингушских захоронений, то они впервые появились там вначале 60-х годов прошлого столетия, когда ингуши стали подселяться к местному населению. Никаких ингушских захоронений до этого там не было. Были орстхойско-чеченские захоронения, но они были уничтожены после заселения этих районов казаками в XIX веке.

Совершенно непонятным остался для меня, не юриста, четвертый пункт автора о том, что присоединение Сунженского казачьего округа к Чечне соответствующим постановлением ВЦИК РСФСР «не означает перехода округа к Чечне, поскольку на территории как жили казаки и ингуши, так и остались там проживать». Как это следует понимать? По Сейнарову получается, что чеченцы, для узаконения этого перехода должны были изгнать оттуда всех казаков (ингушей в то время там и не было)? Если такая «зачистка» территории узаконивает ее за новыми хозяевами, то Сунженский и часть Малгобекского районов действительно стала законной территорией Республики Ингушетия.

В пятом пункте говорится о необходимости «учесть интересы казачества и возможность расширения его самоуправления в составе Ингушской Республики». А осталось ли там казачество вообще? По переписи населения 2002 года от подавляющего большинства жителей Сунженского района – казаков, осталось всего 2% от общей численности населения района. И то не чисто казаков, а так называемого русскоязычного населения. В 2012 году, скорее всего, и того меньше.

Интересным является шестой пункт рекомендаций. Он буквально гласит следующее: «Ингушский Пригородный район потерян Чечней и Ингушетией в тот момент, когда это был единый субъект, возглавляемый чеченцем М. Гайрбековым. По вайнахской традиции утраченное товарищами в совместной деятельности имущество, должно и восстанавливать совместно».

По всей видимости, автор окончательно заблудился в понятиях. Ведь мы вроде бы живем в демократическом государстве, а не в родовом строе, чтобы апеллировать к адатам. Если даже обращаться к адату, то Чечено-Ингушетией, как в целом и всей страной, руководила коммунистическая партия Советского Союза. В 1957 году 1-й секретарем Чечено-Ингушского обкома партии был А.И. Яковлев. Главой республики – Председателем Президиума Верховного Совета ЧИАССР являлся ингуш И.А. Алмазов. А Гайрбеков был лишь третьим человеком в республике, который лишь исполнял принятые обкомом и Верховным Советом решения. Так что, Сейнаров ошибся адресом.

Что же касается «восстановления» имущества, «утраченного товарищами в совместной деятельности», то бишь Пригородного района, то автору следует обратиться выше, к Кремлю, так как чеченцы, как и ингуши, являются потерпевшей стороной. Хотя, необходимо подчеркнуть, чеченцы никогда не стояли и не будут стоять в стороне в деле решения вопроса мирного, по взаимной договоренности между осе-

тинской и ингушской сторонами, возвращения Пригородного района в состав Республики Ингушетия.

Обращает на себя внимание письмо Б. Богатырева на имя Главы Республики Ингушетия Ю.-Б. Евкурова (тогда еще Президента РИ), в котором он коснулся и вопроса территориального размежевания с Чеченской Республикой.

Так, Богатырев пишет: «То же самое относится к станицам Ассиновская и Серноводская, которые генерал Аушев подарил генералу Дудаеву. В то же время Москва считает эти земли ингушскими и не собирается изменять границы Сунженского района».

Генерал Аушев, являвшийся тогда Президентом Республики Ингушетия, ничего Дудаеву не дарил. Эти две станицы, так же, как и остальные населенные пункты Сунженского (без части Галашкинского района) и северо-восточной части Малгобекского районов, являются неотъемлемой территорией Чеченской Республики, и если возникнет необходимость их кому-то подарить, то это сделают только сами чеченцы. А что касается конкретно Ассиновской и Серноводской, то их отстаивали жители этих станиц, живым щитом вставшие перед танковыми колоннами федеральных войск, устремившихся, после бойни ингушей в Пригородном районе, к границе между Сунженским и Ачхой-Мартановским районами бывшей Чечено-Ингушетии.

«Осетин и ингушей на Кавказе примерно равное соотношение, ингушей даже чуть больше. У осетин 1 млн. 200 тыс. га земель, а у ингушей 280 тыс. га, т. е. в четыре раза меньше, у чеченцев 1 млн. 580 тыс. га, или в 5 раз больше, чем у ингушей, или на 685 тыс. га больше, чем было до выселения. Это за счет Наурского и Шелковского районов, урочище Маисты и Мелхисты. У ингушей меньше земель на 40 тыс. га, чем до выселения. У осетин сейчас на 190 тыс. га земель больше, чем в 1944 году. Что еще надо ингушскому парламенту, чтобы принять закон о разграничении ингушской территории от своих алчных и неблагодарных соседей, у которых нет ни совести, ни чести, ни стыда, не говоря уже о благородстве, о котором они вообще не имеют понятия», – бесцеремонно заявляет Богатырев (Ангушт. сом, 26 января 2011 года).

Во-первых, ингушей, по официальным результатам переписей населения, начиная с 1926 года, всегда было меньше, чем осетин (хотя темпы прироста ингушского населения за последнее время заметно выше). По последней переписи населения 2010 года ингушей в России было 445 тысяч человек, а осетин – 529 тысяч.

Во-вторых, все эти земли не собственно чеченские, осетинские или ингушские, а всех народов, проживающих на территории этих соседствующих друг с другом республик.

В-третьих, не буду отвечать за других, но у чеченцев в разы больше территории по той простой причине, что их в четыре раза больше ингушей и они ценой жизни лучших своих сыновей вернули себе и освоили эти территории. В то же самое время, ингуши на плоскости появились, если не считать предгорной Тарской долины, только в начале XIX века, и то – под покровительством русских войск.

Что же касается отсутствия у «алчных и неблагодарных соседей» совести, чести, стыда и благородства, «о котором они вообще не имеют понятия», то именно такие провокационные выступления и заявления богатыревых и привели ингушей к трагедии в Пригородном районе.

«Раз и навсегда надо дать понять, – продолжает автор, – что ингуши не собираются второй раз выходить замуж за чеченцев. Ингушская республика провозглашена не для того, чтобы позволить кому-то ни было ее упразднить или присоединить вновь к Чечне. В основе ее провозглашения лежит воля ингушского народа, выраженная в период общенационального референдума, проведенного по предложению Б.Ельцина. В соответствии с волей ингушского народа, в составе республики должны быть Малгобекский, Назрановский, Сунженский и Пригородный районы, а также правобережная часть города Владикавказа. Наш разговор с соседями и Центром должен происходить только из этой предпосылки» (Ангушт. com, 26 января 2011 года).

К сведению Богатырева, чеченцы не собираются кого-то брать замуж, такие сравнения, в данном контексте, не совсем уместны. Речь идет о перспективе взаимоотношений между братскими народами на будущее. Если мы объединяемся, то это одна перспектива, если мы выбираем путь самостоятельного развития – другая. В первом случае вопрос территориального разграничения между Чечней и Ингушетией не актуален, а во втором – насущная необходимость.

По поводу же того, какие районы должны войти в состав Ингушетии, то ясно одно – только свои. Территория бывшего Сунженского округа, вошедшая в состав Чеченской АО еще в 1929 году, к ингушской территории не относится.

«Осетины с лихвой реализовали свои возможности не только против ингушей, но и против чеченцев, весьма искусно используя их в своей антиингушской политической интриге. Разыгранный Сталиным в окружении осетинских аннексионистов политический фарс по объ-

единению чеченцев и ингушей в ЧИАССР имел свое зловещее продолжение и подготовку репрессий целых народов, на острие которых оказались коренные кавказские народы. Для чеченцев и ингушей таким днем стало 23 февраля 1944 года. Всего Сталиным было репрессировано 13 народов» (116., 2007).

О каком использовании чеченцев против ингушей пишет Костоев? Руководство Советского Союза, в лице высших партийных и государственных органов власти, делало все, что считало необходимым сделать. Никто ни у чеченцев, ни у ингушей, ни у других народов ничего не спрашивал. Что первые руководители страны считали целесообразным сделать, то и делали. Демонизация осетин, их негативного воздействия на судьбу ингушского народа, во многом преувеличены. Чего только стоит на фоне всего этого предложение об объединении Ингушетии с Северной Осетией–Алания, периодически высказываемое отдельными лидерами ингушского народа?

РАЗГУЛ ДИЛЕТАНТИЗМА. ИСТОРИЯ ПО-КОДЗОВСКИ

*Вочу тIаьхьено – дай хестор,
дан карах ца долучо – динарг дуьйцур.*
Вайнехан кица

На почве, скажем так, определения своей доли из общего нахчийского (вайнахского) исторического и духовного наследия (которое, по определению, не может делиться), у некоторых ингушских исследователей постоянно возникают различные разногласия и даже трения со своими чеченскими коллегами. И если последние подходят к решению этих вопросов более или менее спокойно, взвешенно и по-философски, то наши ингушские братья не могут этим похвастаться. Хотя, необходимо признать, что и среди чеченцев немало таких же горячих сердцем, но недостаточно подготовленных в профессиональном отношении любителей истории.

И что интересно, деятельность большинства ингушских деятелей от науки, клеветующих на своих братьев, так или иначе, связана с Ингушским научно-исследовательским институтом гуманитарных исследований имени Ч. Ахриева. А Н. Кодзоев даже являлся редактором недоброй памяти опуса Абадиева под названием «Происхождение чеченского народа» (вот, оказывается, почему тексты всех их «творений» практически идентичны!).

По всей видимости, главным направлением «научной» деятельности этого «института» является целенаправленная систематическая работа по фальсификации истории чеченского народа и ревизии традиционных взглядов на историю всего северокавказского региона. Так что, в пору назвать его своеобразным институтом по дискредитации чеченского народа.

Обращает на себя внимание время выхода античеченских изданий под грифом этого заведения. Это, в основном, годы так называемой 2-й чеченской военной кампании и действия КТО на территории Чечни, когда реально стоял вопрос – быть или не быть чеченскому народу. Вместо того, чтобы поддержать своих братьев, стоящим на грани физического уничтожения в ходе многолетнего военного конфликта, кодзоевы, абадиевы, саговы и иже с ними, пользуясь критическим положением чеченцев, по всей видимости, решили воспользоваться этой ситуацией и добить своих братьев.

Возможно, эта кампания была развернута и в связи с предстоящим территориальным размежеванием между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия. Как известно, чеченское руководство настаивает на правовом решении этого вопроса, согласно которому за основу необходимо взять границу между Чеченской и Ингушской Автономными Областями на момент их объединения в 1934 году. В соответствии с этой границей в пределах Республики Ингушетия все еще остается большая часть Сунженского района, без территории бывшего Галашкинского района Ингушетии, а также северо-восточная часть Малгобекского района. Село Бамут, территориально входившее раньше в Ингушскую АО остается в Чечне, а с. Чемульга, входившее до объединения в Чеченскую АО – в Ингушетию.

Честно сказать, если бы не упомянутое в начале нашей работы учебное пособие Н. Кодзоева «История ингушского народа», по которому обучают учащихся школ Ингушетии и выпуск в 2011 году обобщающего академического издания «История Ингушетии», ставящих с ног на голову всю историю не только чеченского народа, но и практически всех народов Кавказа, то все это вряд ли бы стало предметом нашего столь пристального внимания. Что только не пишут о чеченцах за последнее время, пользуясь попустительством властей, анархией и вседозволенностью в издательском деле. Но, в данном случае, молчание было бы преступным, ибо оно способствовало бы распространению и укреплению лживых и крайне опасных для нашего общества идей величия и превосходства одних народов над другими. Изучение ингушскими учащимися истории по-кодзоевски может иметь весьма печальные последствия в отношениях не только между ингушским и чеченским народами, но и другими народами Кавказа, что категорически недопустимо.

Если ингушский народ и дальше будет пассивно наблюдать за опасным словоблудием вышеназванных товарищей, оскорбляющих самое святое – честь и достоинство не только родственного чеченского народа, но и практически всех кавказских народов и не остановит своих зарвавшихся любителей народной этимологии (а мы, что-то, не слышали до сих пор, чтобы руководство республики, общественность или научное сообщество Республики Ингушетия отмежевывалось от провокационных изданий этих псевдоисториков), то он может потерять доверие и уважение народов Кавказа, в том числе и чеченского. А, как известно, чеченцы не менее эмоциональной и этноцентричной, чем ингуши, и не потерпят таких беспардонных выпадов против себя.

С первой же главы книги «История ингушского народа», которая называется, не много, не мало – «Протоингушские племена (с древ-

нейших времен до начала нашей эры)», ее автор сразу же берет с места в карьер. Даже выдавший виды мой компьютер, при наборе данного словосочетания, завис от удивления. Он, то подчеркивал это название, то лихорадочно показывал его зеленым, то ярко-красным, тем самым, как бы отказываясь принимать все это всерьез.

О каких «протоингушских племенах» в древнейшие времена может идти речь, если процесс формирования ингушского народа, начавшийся только в конце XVIII века, не завершен до сих пор и ингуши все еще находятся в поисках своей, отдельной от чеченцев, национальной идентичности (вот почему они стараются как можно меньше использовать этноним «чеченец», инстинктивно опасаясь, что это может как-то поставить под сомнение их самостоятельность)? Рассматриваемая нами книга только лишний раз подтверждает этот факт.

Попытки подмены известного и общепринятого в исторической науке термина «нахи» на мифический «протоингушские племена» преследует далеко идущие цели. И, в первую очередь, в отношении чеченского народа.

Как нам видится все это?

В связи с исследованиями известных во всем мире историков, археологов, антропологов, этнологов, лингвистов, абсолютно доказанным является факт наличия признаков общности между некоторыми северокавказскими народами, в том числе чеченцами и ингушами, с древнейшими народами Передней Азии и Закавказья. Но отдельные доморощенные «историки» из Ингушетии (так же, как и их некоторые чеченские братья по духу), объявили свою монополию на родство с этими древними цивилизациями.

Вот что пишет Н. Кодзоев по этому поводу в своем учебном пособии по истории ингушского народа: «На Кавказе складываются археологические культуры: майкопская, носителями которой были древнеингушские племена, и куро-аракская, носителями которой были предки современных дагестанских народов. Майкопцы начинают проникать в Закавказье и Переднюю Азию, где они становятся известными под названиями су, субир, субареи, хурриты, урарты» (112, с. 17). Как мы видим, автор предьявляет необоснованные претензии на общее историческое наследие не только всех нахов, но и всех народов Кавказа и Передней Азии.

Получается, что даже хурриты и урарты, не говоря уже об основном ядре нахов – чеченцах, а также родственных им бацбийцах, более поздние этнические образования, чем ингуши. Правда, это абадиево-кодзоевское «открытие» не принимается всерьез в научных кругах за

пределами Ингушетии, но зато на этих идеях воспитывается молодежь республики! Об этом свидетельствует откровенный беспредел абсолютно невоспитанных полуграмотных невежд, устроенный в интернете на различных ингушских сайтах по поводу установления границы между Чечней и Ингушетией.

Не хотелось бы огорчать наших братьев, но дело в том, что их чеченские коллеги на конкретных примерах все той же «народной этимологии», которая является основным методом «научных изысканий» отдельных ингушских «историков», давно уже «доказали», что язык, на котором говорили наши прародители Адам и Ева, был чеченским (говорят даже, что у них есть соответствующий документ ЮНЕСКО с подписями и с большой круглой печатью). Так что, несмотря на присутствие «протоингушских» племен еще в каменном веке, и даже если известный во всем мире фильм «Миллион лет до нашей эры» был именно о них, пальма первенства на звание пранарода, которая, по всей видимости, не дает покоя отдельным ингушским ура-патриотически настроенным псевдоисторикам, все-таки, остается за чеченцами.

Но, а если всерьез, то не коджоевым и абадиевым быть истиной в последней инстанции в определении вопроса – кто является носителем майкопской и куро-аракской археологических культур. Это давно до них определено крупнейшими российскими и зарубежными учеными. Вместе с тем, ясно одно – ингуши как были, так и остаются носителями той же культуры, что и чеченцы, так как до недавнего времени входили вместе с ними в единый этнический массив.

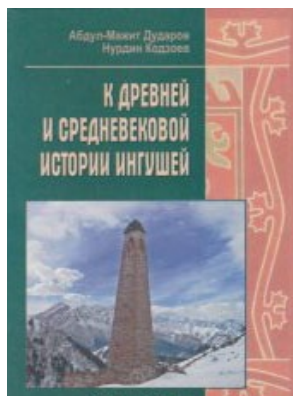
Дальше – больше. Продолжая свои потуги «доказать», что ингуши везде и во всем были первыми, авторы издания, абсолютно не считаясь с реалиями, начинают иногда беззастенчиво лгать. Так, они пишут, что не только горы, но и плоскость еще до XVI века контролировали ингуши. Но, как известно, плоскостью испокон веков могли владеть только многочисленные и сильные народы. Ни того, ни другого качества, к сожалению, у небольшой тогда по численности части западных вайнахов (ингушей) не было. Численность западных вайнахов (ингушского народа, как такового еще не было) даже в 1785 году, не говоря уже о XVI веке, составляла всего лишь 11 тысяч человек, вместе с женщинами, стариками и детьми (101, с. 145).

Действуя по известному методу: «чем наглее ложь, тем лучше в нее верят», ингушские авторы пишут: «... поход кабардинского князя Темрюка Идарова конца 1562 года был направлен против равнинного и предгорного населения правого и отчасти левого побережья Терека, которое было ингушеязычным». В учебном пособии Н. Кодзоева,

князь Темрюк, совместно с отрядами ногайских мурз и 1000 казаков под командованием Григория Плещеева, присланных ему на помощь русским царем Иваном Грозным, организует «поход в Ингушетию». «В результате этого объединенного кабардино-ногайско-казацкого похода на равнине было разгромлено, судя по русским летописям, 164 населенных пункта (Интересно было бы узнать названия этих сел и что это за летописи? Неужели И. Дахильгов начал «писать» и русские летописи? — Авт.). Ингуши вновь ушли в горы. На их бывшей территории расселились кабардинцы» (112, с. 17). И никаких ссылок на какие-то серьезные источники и исследования, если не считать таковыми фантазии абадиевых и кодзоевых!

А вот как все было на самом деле. Русский царь Иван IV (Грозный), как всем известно, был женат на дочери кабардинского князя Темрюка Идарова, который, естественно, проводил прорусскую политику на Северном Кавказе. Так вот, в 1562 году Иван Грозный, по просьбе Темрюка, в связи с угрозой его смещения протурецки настроенными западными кабардинскими князьями, посылает ему на помощь из Астрахани 500 стрельцов и 500 казаков во главе с Григорием Плещеевым. Воспользовавшись русской помощью, Темрюк организует совместный поход против князей западной Кабарды, во главе с Пшеопшоко Кайтукиным. В этом походе он нанес сокрушительное поражение объединенному кабардинскому и ногайскому войску Кайтукина и хана Малой Ногайской орды Казыя Уракова, являвшегося зятем Кайтукина. Как мы видим, никакого «завоевательного похода против ингушей, живущих на равнине» Темрюка Идарова не было, так как ингушей, вернее представителей западных нахчийских обществ, на равнине тогда не было, тем более, на западе Кабарды. Все это видения воспаленного воображения Кодзоева.

Кстати, в хронологии истории ингушей, приведенной в книге А. Мальсагова, почему-то, ни слова не сказано о таком судьбоносном для ингушского народа «походе» кабардинского князя Темрюка Идарова (133, с. с. 105–120). Хотя, в результате этого похода «было разгромлено 164 населенных пункта» ингушей на равнине (стольких населенных пунктов нет и в современной Ингушетии. — Авт.), мало кто из ингушских ученых, кроме Кодзоева и нескольких его последователей, знает об этом «походе», но те, кто «знает», не сидят сложа руки и целенаправленно распространяют эту фальшивку, ссылаясь друг на друга, где только возможно. Так, в работе «К древней и средневековой истории ингушей», написанной А.-М. Дударовым совместно с тем же Н. Кодзоевым, уже ссылаясь на учебное пособие «История ингушского народа», авторы пи-

шут: «Сильнейший» и «неожиданный» удар, нанесенный в 1562 г. по Ингушетии союзом кочевых племен «повлиял на сужение границ ингушского народа, как на севере и на западе Ингушетии, так и за Главным Кавказским хребтом, на юге» (87, с. 169).

И что нам ожидать после такого заявления – начала кампании за восстановление «исторических» границ Ингушетии во всех вышеназванных направлениях?

Откровенная ложь, фальсификация, недобросовестное цитирование, подлог, подтасовка фактов, дилетантство, банальная демагогия, плагиат – основные составляющие учебного пособия Н. Кодзоева и «произведений» ряда ингушских псевдоученых.

Так какую цель преследует эта компания «любителей себя в истории» из ингушского института гуманитарных исследований своими «оскорбительными по форме и бездоказательными по содержанию» нападками на чеченцев и чеченскую историю? Как верно замечает И. Сигаури, «создать эмоциональную атмосферу, препятствующую сближению двух республик в свете упорных слухов о готовящемся объединении Чечни и Ингушетии» (195, с. 404–405).

Но не только. Они пытаются сочинить собственную, отличную от чеченской, историю, а на этой площадке нет свободного места, она прочно связана с именем чеченского народа. Чтобы хоть как-то заявить о себе, необходимо низвести с этой площадки, опорочить чеченский народ. Что и пытаются предпринять разного рода кодзоевы, не понимая, что это абсолютно бесполезное занятие, и они рубят сук, на котором они сами сидят.

Более того, оказывается, носители северокавказской и кобанской культуры, зародившихся позже, тоже «говорили на древнеингушском языке и являлись далекими предками ингушей» (112, с. 25–28).

В доказательство всего этого автор приводит следующее «основание»: «Верховным богом кобанских племен считалось солнце – Малх. На территории их проживания сохранилось множество топонимов, происходящих от слова «малх»: река Малка (в Чечне), местности Малкана, Малхар, Малгобек (в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии), Малгобек (в Ингушетии), Малхиста. Этноним «махли–махал–махалон» переводится как «люди бога солнца» (112, с. 43).

Ни одно из вышеназванных мест не относится к территории исторического проживания западных вайнахов – ингушей. Чеченское общество Малхиста, почему-то, показано без какой-либо привязки к конкретной территории и последним в списке. И местность Малхиста, и чеченское общество, которое там проживает – маълхий (буквально «люди солнца») больше всех подходят к тому «крупному политическому объединению племен», названного Кодзоевым «Малх», чем ингуши – «макхалоны».

Но созвучие современных названий племен и народов с древними этнонимами вовсе не является доказательством их родства. Так, дагестанский ученый Б.М. Атаев пишет: «Хочется предостеречь некоторых современных исследователей от скоропалительных заключений по поводу отождествления по чисто внешним созвучиям названий народов, упоминавшихся в древних источниках с современными наименованиями некоторых этносов. К этому вопросу, тем более профессионалам, следует относиться крайне осторожно» (10, с. 149).

Это же подтверждает и П.И. Кушнер: «Обычным приемом многих историков, специализирующихся на вопросах этногенеза, является метод «примеривания» сообщенных античными авторами названий к этнонимам обитавших позже на тех же территориях народов. Этот метод весьма примитивен и спорен, поскольку сведения античных авторов неточны, нередко противоречат друг другу и допускают смешение этнонимов с географическими названиями» (124, с. 5–6).

Сама карта с ареалом распространения кобанской культуры, приведенная Кодзоевым в своем учебном пособии (112, с. 34), если, конечно, она точна, разносит в пух и прах его «теорию» о том, что кобанцы были «ингушеязычными». Так, по этой карте, памятников кобанской культуры, единственными представителями которой, по Кодзоеву, являются ингуши, на территории исторической ГаллГайче практически нет. В то же время, на территории Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и в наименее исследованной Чеченской Республике (вплоть до Андийского хребта) их множество, особенно в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.

Дальше Кодзоев, как бы между прочим, сообщает, что «при смешении мушского (индоевропейского), хурритского и урартского языков складывается протоармянский язык, в который вошло много слов из древнеингушских хурритского и урартского языков», а также, что «основой названия Картли является ингушское слово «корт» – «вершина» (112, с. 83–84).

Сказал, как будто отрезал! Никаких вам подтверждений и ссылок, даже каких-то логических связей, достаточно того, что об этом пишет сам Кодзоев.

«Таким образом, – продолжает автор, – на рубеже IV–III веков до н.э. пришлые прокартвельские племена начали смешиваться с автохтонными нахоязычными (древнеингушскими) племенами, в результате чего сложился древнегрузинский народ». (112, с. 85).

Кроме того, «древнеингушские племена», оказывается, жили и в Колхиде, откуда они переселились «на Северный Кавказ и в Закавказье (а разве Колхида находится не в Закавказье?.. – Авт.), на территорию вблизи Дарьяльского прохода, то есть на территорию, где жили родственные им племена – создатели кобанской культуры» (112, с. 91).

Получается, как в том советском анекдоте, когда старый профессор, только что прочитавший студентам лекцию по дарвинской теории происхождения человека и спешивший в столовую, чтобы перекусить до следующей пары часов, выведенный из себя настойчивостью одного казахского студента, требовавшего немедленно назвать ему породу обезьян, от которой произошли казахи (на лекции профессор имел неосторожность сделать предположение от каких пород обезьян произошли русские, грузины и армяне), сердито ответил: «Все обезьяны произошли от казахов, а от обезьян пошел род людской!».

А вот что пишет про носителей кобанской культуры известный ученый-кавказовед В.И. Козенкова в своей работе «Древние основы культурного наследия нахского этноса»: «Кобанская археологическая культура получила свое название по первым открытым памятникам у аула Кобань в Северной Осетии в 1869 г. Изучение ее на протяжении более 100 лет показало, что эта культура была древнейшим культурным субстратом в культуре многих народов Северного Кавказа, а не только вайнахов. Она составляет древнейший пласт в национальных культурах адыгов, балкарцев и осетин. На востоке кобанские племена появились в самом конце II или на рубеже II–I тысячелетий до н. э. Территориально эта группа занимала северо-восточную часть Кавказа: бассейн р. Сунжи и среднее течение р. Терек. На юге граница расселения проходила по верховьям рек Шаро-Аргун и Чанты-Аргун и по северным отрогам Пастбищного и Андийского хребтов. На севере она очерчивается, в основном, по правобережью Терека. Западная граница расплывчато фиксируется в междуречье Ассы и Терека, а восточная – по бассейну р. Аксай, захватывая частично ее правый берег» (110). По мнению Козенковой, археологические памятники восточного варианта знаменитой кобанской культуры охватывали «в гидрографическом плане Аргуно-Сунженский «куст», включавший высокогорье и предгорные части современной Чечни – коренного места проживания чеченцев».

Далее Кодзоев продолжает: «С начала нашей эры на древнеингушские кобанские племена начинает распространяться этноним аланы. Под этим названием они известны древним авторам» (112, с. 96).

Интересно было бы узнать, каким именно авторам они известны?

«Доказывая» ингушское происхождение этнонима «алан», автор пишет: «До настоящего времени в ингушской речи сохранилось выражение «алла-билла, аьлча а...» («даже если скажу алла-билла...»), употребляемое в просьбах. В настоящее время смысл этого выражения утерян, но в далеком прошлом это было заклятие именами древних ингушских богов Алла и Билла, считавшихся очень могущественными» (112, с. 97–98).

Опять, как говорится, «Остапа понесло». Никаких древних ингушских богов Алла и Билла, на самом деле, не было. Все очень просто. «Алла-билла» – это усеченная форма мусульманской клятвы именем Аллаха – «валлах1и-биллах1и». Автор, по своей привычке метить все, как ингушское, решил присвоить и известную клятву, возможно распространенную и среди мусульман-осетин. Полная форма этой клятвы – «валлах1и, биллах1и, таллах1и, 1азийм».

Аппетит, как говорят, приходит во время еды. Объявив ингушей создателями древнейших археологических культур и единственными прямыми потомками древнейших народов Передней Азии и Кавказа (всех сразу), Кодзоев, не моргнув даже глазом, вопреки известным историческим фактам, присваивает себе общих предков всех нахчий – дзурдзуков, целые нахчийские (чеченские) общества Аьккхий, Орстхой и Маьлхий (как-будто они сами, без него, не знают о своей национальной принадлежности), создают в разных географических районах мира какие-то государства, организуют никому неизвестные (виртуальные) походы ингушей в Западную Европу и Африку. Они (ингуши) то отражают нападения гуннов, сарматов и монголов, то сами являются завоевателями, стоят у истоков грузинского, аланского и этрусского этносов и вообще всего сущего и значимого на земле. Воистину, Бог не дал бодливому рога!

Чего только стоит приведенная в пособии героическая легенда о 40 «смелычаках», павших смертью героев, преградив путь по Ассинскому ущелью в горы многотысячному войску монголов. По этой легенде 40 «ингушей-алан» противостояли огромному войску монголов, стремившихся попасть в Ассинское ущелье. Все они погибли, но монголов в горы не пустили (112, с. 124).

Интересно не то, что сорок человек разгромили многотысячное войско нападавших, а то, что монголы там искали. Ведь, как сообщает

И. Бларамберг, «гунны, хазары, арабы и монголо-татары довольствовались необжитыми тогда районами на западном побережье Каспийского моря, чтобы там обосноваться, не проникая во внутренние районы Кавказа, где бедность жителей, объединенных своей отвагой, представляло им мало благ, но много опасностей» (26, с. 18).

Эта легенда, скорее всего, плод «творческого гения» самого автора пособия или ингушского фольклориста Ибрагима Дахкильгова (по всей видимости, являющегося одним из главных консультантов Н. Кодзоева). Она придумана по аналогии с известной древнегреческой легендой о 300-х спартанцах, преградивших путь многочисленной персидской армии. Как мы помним из этой легенды, персидский царь Дарий хотел пройти через узкий Фермопильский проход, охраняемый отрядом в 300 спартанцев во главе со своим царем Леонидом, чтобы прорваться в центральную часть богатой Эллады.

В связи с упоминанием монголов, можем привести очень интересную версию о происхождении этнонима «Галмакхой», рассказанную одним местным краеведом. Хотим подчеркнуть, что сами мы такой версии не придерживаемся. Хотя она не менее обоснована, чем версии о происхождении некоторых этнонимов, приводимых Кодзоевым, основанных на элементарном созвучии слов из разных языков, причем, из разных эпох, между которыми целые тысячелетия. Так вот, по этой версии «ГалГай» – ингуши и «Галмакхой» – калмыки родственного происхождения. В соответствии с методикой самого Кодзоева, это предположение абсолютно безупречно. Этноним «Галмакхой» состоит из двух частей «Гал» и «макхой». «Гал» в переводе с ингушского означает – «олень», а «макхой» – «макхалой» – «макхалон» – «маккхал» – «ястреб, коршун». И олень, и ястреб – это символы, как калмыцкого народа, потомков тех самых монголов, так и ингушей.

По всей видимости, часть монголов тогда не только не была уничтожена (если верить преданию о походе монголов в Ассинское ущелье), но и не ушла. Она смешалась с местным аборигенным населением, чем и объясняется, отчасти, некоторые различия в языке и обычаях ингушей с чеченскими. В доказательство информатор из Ингушетии даже привел ингушскую легенду, повествующую о том, что ингуши и калмыки произошли от двух братьев – «ГалГайа» и «Галмакхо».

Свою малочисленность национально озабоченные ингушские «историки» объясняют не тем, что они в те времена представляли лишь небольшую часть нахчийского (вайнахского) народа, что противоречило бы их откровенно расистской легенде о великом ингушском пранароде, придуманной ими (хотя мы, в принципе, не против вели-

кости наших братьев, если она не строится на уничтожении чеченцев и их истории, и хоть как-то соответствует действительности). Кодзоев связывает это с «жестокими карательными экспедициями» монголов против ингушей, а затем и Тимура «в горы в районе Галашки-Мужичи-Даттых и в ущелье реки Чанты –Аргун, в область Зумси, что привели почти к полному физическому уничтожению укрывавшихся в горах ингушей. В результате завоевательных походов монголов и полчищ Тимура Хромого намного сократилась территория расселения ингушей» (112, с. 132).

Во-первых, с монголами и воинством Тимура Хромого воевало и одинаково пострадало все сообщество северокавказских народов и, в первую очередь, нахчий (вайнахи), а отдельного ингушского народа тогда еще не было.

Во-вторых, такие «открытия» необходимо обосновывать достоверными данными и конкретными исследованиями, а не голословными «придумками» некоторых ингушских околону научных деятелей.

В-третьих, что делали ГалГай в горах Чечни? «В ущелье реки Чанты-Аргун, в область Зумси» не было и их следа, если только это не те «ингуши-аланы» из вышеприведенной им легенды, которые, спасаясь от монголов, нашли кров и защиту у своих братьев – нахчий.

И еще, как же это такие «дальновидные», предусмотрительные и государственно мыслящие в книге Б. Богатырева «Маздакиты на Северном Кавказе» лидеры ингушей не увидели силы монголов и Тимура, а также бесперспективность войны с ними и своевременно не принесли им присягу верности, как они сделали это позднее, и, тем самым, дали бессмысленно уничтожить свой народ?

Что же касается потерь, то в отличие от ингушей, чеченцы на протяжении веков вели перманентную героическую борьбу с иноземными захватчиками, посягающими на их свободу и независимость, в связи с чем, несли значительные материальные и людские потери. В результате этой кровопролитной борьбы численность чеченского населения сократилась в разы. Так, если в середине XVIII века ингуши составляли, примерно, десятую часть чеченцев, то к началу XXI века эта пропорция составляет один к четырем. Чего только стоят потери чеченцев, например, во время Кавказской войны или двух последних военных кампаний в Чечне, в которых ингуши, кроме единичных случаев, практически не принимали участия. Это реальные цифры, которые основываются на многочисленных конкретных документах, а не на баснях Кодзоева.

Пользуясь амбициями местной ингушской верхушки, предоставляя им различные чины и звания, земельные наделы на равнине, царским

генералам-колонизаторам удалось вбить клин и противопоставить западные нахчийские (ингушские) общества своим братьям-чеченцам. Интересно было бы узнать у вышеназванных ингушских «историков», единственных «прямых наследников» майкопской и кобанской культур, хурритского и урартийского государств и, заодно, алан – Абадиева, Кодзоева, Дударова, Сагова и иже с ними, каким образом аккинцы, орстхойцы, мялхинцы и галашевцы, на которые предъявляют претензии вышеназванные «отцы ингушской истории», оказались на одной стороне с чеченской частью нахчий, а не с ингушской? Что, если не единство с чеченцами двигало ими, когда они вместе с ними защищали честь и достоинство своего народа, воюя не только против царских войск, но и против родственных им назрановцев, нападавших на них с тыла в составе российских войск?

Ведь общеизвестно, что ингушские милицейские отряды участвовали в кровавых экспедициях и набегах русских регулярных войск, а также казаков против чеченцев, за что и получали те чины, звания и награды, которыми так гордится автор. Так, «за блистательное отражение скопищ Шамиля и за верность ингуши удостоились получить знамя и некоторые привилегии, которыми пользовались до 1858 года (главные привилегии, данные ингушам, заключались в том, что они были избавлены от несения подворной повинности и за ними было утверждено право владения землею на всей территории, занимаемой ими в 1840 году)» (188, с. 13).

Вот, к примеру, царские указы: «Высочайшими именными Указами, данными Капитулу Российских Императорских и Царских Орденов, всемилостивейше пожалованы кавалерами ордена св. Анны нижеследующие лица: Мая в 24-й день – в воздаяние за отличное мужество и храбрость, оказанные 7 сентября прошлого года, при покорении враждебного Аккинского аула Веурхо, – знаками ордена св. Анны третьей степени с бантом для мусульманина установленными: Назрановского общества, деревни Мартазановой, Прапорщик Дошлуко Гамурзиев и четвертой степени с надписью «За храбрость», Галгаевского общества, деревни Карт, Прапорщик Джанчора Беккузаруков» (102).

А вот как писал о взаимоотношениях ингушей с аккинцами и мереджинцами известный исследователь-кавказовед Н. Грабовский в 1868 году: «Описываемые мною горцы (имеются в виду ингуши. – Авт.), за исключением аккинцев и мереджинцев считаются издавна покорными русскому правительству. Ведя постоянную вражду с соседями своими, они служили всегда надежным оплотом военно-грузинской дороге от набегов непокорных (аккинцев и мереджинцев). До сих пор между

ними сохранилась кровная ненависть, и она так велика, что горцы без крайней необходимости не только не посещают друг друга, но и избегают проезжать через своих противников».

Начальник Ингушевского округа, в своем рапорте от 9 октября 1865 года за № 1385 на имя Начальника Терской области, пишет: «С переселением карабулаков в Турцию, как жители Акинского общества (родственные карабулакам. – Авт.), так и управление ими, поставлены в весьма невыгодные условия, которые могут быть устранены только присоединением этого общества к Аргунскому обществу. Акинцы, которым прямая дорога в участковое и Окружное их управления для заявлений о своих нуждах и для разбора дел, пролегает через Галгаевское общество, никогда по ней не ездили, вследствие старой, закоренелой вражды и множества кровных дел между ними и галгайцами. Никакие меры, никакие попытки, сделанные Начальством для примирения этих враждующих обществ, не привели к желаемым результатам». Вот такое вот единство галгайцев с акинцами и мереджинцами (карабулаками. – Авт.).

В 2004 году была «уточнена дата добровольного вхождения Ингушетии в состав России». Теперь это уже не 1810, а 1770 год, на целых 40 лет раньше. Вот что пишет Кодзоев о принятии присяги ингушами: «В марте 1770 года 24 представителя ингушей в местечке Барта-бос («Склон согласия»), вблизи Ангушта, подписали присягу о принятии ингушами российского подданства» (100, с. 152). Клятву ингушей принимал православный священник архимандрит Порфирий, который им «по обычаю христианскому истинный путь указал». Правда документ этот никто до сих пор не видел. Говорят, он хранится в архиве министерства иностранных дел России. Нет даже копии оригинала этого договора.

Касаясь подписанного ингушами акта о добровольном вхождении в Россию, Кодзоев, неожиданно, опровергает теорию неизменной верности ингушей этому акту, принятому в 1770 году – эту своего рода ингушскую «священную корову», которую они доили и продолжают доить до сих пор. «Некоторые исследователи, – пишет он, – считают подобные договоры актами присоединения того или иного народа к России, что, на наш взгляд, не совсем верно. Подобные договоры подписывались для извлечения сиюминутных выгод и вскоре, после достижения поставленных задач, о них забывали» (112, с. 153).

Вот оно как! Но И. Дахкильгов в своей статье «240 лет нерушимого единства Ингушетии с Россией», опубликованной в газете «Ингушетия» считает по-другому: «К чести России надо отметить, что она

выступала на стороне ингушей, когда случились враждебные акции к ней со стороны внешних сил. Россия способствовала возвращению ингушей на прадедовские равнинные земли и т. д. А к чести Ингушетии надо отнести то, что она с 1770 года никогда не нарушала союзнической клятвы и всегда была ей верна».

О том же говорил президент Республики Ингушетия Юнус-Бек Евкуров, открывая официальную часть собрания по случаю 240-летия принятия присяги о верности России: «17 марта – это исторический день, когда наши предки в 1770 году приняли единственно правильное решение о единении с Россией. Они были намного мудрее нынешнего поколения и в то сложное время дальнейшее процветание Ингушетии сочли возможным только вместе с Россией. Наши предки и мы, их потомки, на деле не раз доказали верность данной присяге, мы по сей день выполняем все условия подписанного два с половиной века назад договора в с. Ангушт». Так кому из них верить?

А вот еще один пример недобросовестности Кодзоева. На странице 153 своего пособия он называет Ших-мурзу Окоцкого чеченцем-акинцем, что на самом деле соответствует действительности, а вот его брата Султан-мурзу, старшину селения Ларс (акинцы-ваьппинцы тогда контролировали Дарьяльский проход), в хронологической таблице, приведенной на странице 249, причисляет к ингушам (иначе зачем он внесен в хронологическую таблицу истории ингушского народа?).

«Ингуши, жившие в селениях, расположенных к востоку от реки Фортанги, в результате искусственного отделения от основной части народа, с течением времени были ассимилированы чеченцами», – считает автор (112, с. 171).

Как это понимать? О каком «искусственном отделении от основной части народа» ингушей, «расположенных к востоку от реки Фортанги», идет речь? Кто и как их «отделил»? Мы что-то не припомним русскую крепостную линию по реке Фортанга. Терская была, Сунженская тоже, но Фортанговской линии точно не было. Если автор намекает на административную границу между отдельными округами Терской области, проходившей по реке Фортанга, то она нисколько не прерывала контактов друг с другом людей, живших по разные стороны этой во многом формальной линии смежных друг с другом округов. Более того, люди жившие и по одну, и по другую сторону небольшой речушки Фортанга, которую в любое время года можно было запросто перейти вброд, были не только представителями одного и того же народа, но и, зачастую, близкими родственниками.

Что касается ассимиляции, то почему, интересно, не были ассимилированы чеченцы – жители с. Пседах, находящиеся в полном окружении ингушских сел?

В то время, как Кодзоев пишет о «катастрофических» людских и территориальных потерях ингушей в результате нашествия Тимура Хромого, автор рекомендованной для издания ученым советом Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных исследований им. Ч. Ахриева (в который входит и Кодзоев) книги Мурад Базоркин пишет прямо противоположное: «... ингушей-горцев того периода это нашествие завоевателей – тимуровских «мурз» с их полчищами – не могло столь сильно разорить и подавить, как народности равнины Осетии и Черкесии... Потому можно констатировать, что в XIII и XVI вв. Ингушетия подверглась татарскому влиянию, однако, не настолько сильно по сравнению с соседними народностями... При анализе последствий татарского завоевания в Ингушетии выявляется, что при всей отрицательности этого завоевания, татарская волна в истории ингушей сыграла временно объективно-прогрессивное значение. Выразилось это в том, что ингуши на некоторый момент освободились от закабаления (или точнее от закрепощения) их грузинским феодализмом» (19, с. 98–99).

По мнению исследователя Э.В. Ртвеладзе, нашествие Тимура Хромого ингушей совсем не затронуло, а, наоборот, сложились с ними «добрые отношения» (179, с. 103–128).

Говоря о восстановлении автономии Ингушетии Кодзоев пишет: «Таким образом, благодаря самоотверженной и упорной борьбе ингушского национального движения, интеллигенции, общественности, органов власти в ингушских районах ЧИАССР, всего ингушского народа, продолжавшейся на всем протяжении второй половины 80-х – начала 90-х гг., в июне 1992 года стало возможным воплощение многолетней мечты ингушского народа – восстановление ингушской национальной государственности» (100, с. 455).

Восстановление ингушской государственности произошло, главным образом, благодаря политике генерала Д. Дудаева и его команды, объявивших о создании независимого чеченского государства. Чеченцы не чинили каких-то препятствий в воссоздании ингушской автономии, предоставив своим братьям полную свободу выбора. Кто бы что ни говорил, без доброй воли чеченской стороны у ингушей с воссозданием своей автономии вряд ли бы что вышло. Чеченцы не настояли даже на определении границы с вновь образованной республикой, го-

воря, что между братскими народами не должно быть разграничительных линий.

Что бы не писали ингушские авторы о своей великости и значимости, Россия этого не чувствовала, да, по всей видимости, не чувствует и до сих пор. Так, в административном устройстве Северного Кавказа у ингушей, единственно из всех горских народов, до начала XX века не было своей самостоятельной административной единицы. То они входили во Владикавказский (осетинский) округ, то в Сунженский (казачий) отдел Терской области. И только в 1909 году (с 1905 года – временно), после многолетней борьбы ингушей за свою самостоятельность, они были выделены в самостоятельный Назрановский округ, в который вошло 17 ингушских плоскостных селений и 4 горских общества: Джейраховское, Мецхальское, Хамхинское и Цоринское, что, на самом деле, и является собственно исконной ингушской территорией.

Об отсутствии у авторов элементарных познаний в географии говорит следующая цитата из их книги: «Сопоставительный анализ сведений письменных источников (античных, древнеармянских, древнегрузинских – интересно каких именно? – Авт.) показывает, что во второй половине I тысячелетия до нашей эры существовал союз нахских племен, который занимал территорию Центрального Предкавказья от Приэльбрусья (по течению реки Малка) на западе до Андийского хребта (по течению реки Аргун) на востоке» (87, с. 56–57). Где Андийский хребет, а где река Аргун?

Свои бредовые идеи, уже вместе с неким А.-М. Дударовым, Н. Кодзоев развивает в изданном в 2011 году сборнике статей, названном «К древней и средневековой истории ингушей». В этом, так называемом «научном издании», присутствует все, кроме самой науки. Ссылаясь на практически неизвестные широкой публике фольклорные материалы, зачастую придуманные по ходу работы над книгой, они делают весьма странные, а иногда и абсурдные обобщения по истории не только Чечни и Ингушетии, но и всего Кавказа.

Для большей наглядности, приведу вам ряд цитат из данного «научного издания»:

«Древнее грузинское государство было создано «нахским политическим объединением» махалов//махалонов – Махли//Малх (или Махелония, что значит Ингушетия), возводя на престол своего ставленника Фарнаваза и связав его династическим браком с «царем» дзурдзуков» (87, с. 67).

«В таком случае появляется основание считать Мухету каким-то важным центром древних ингушей, возможно даже, говоря другими словами, столицей древнеингушского государства Махли//Махелонии... То есть ингушский нартский эпос напоминает о том, что древней столицей «Страны ингушей» была Мухета, где была ставка царей (правителей) древней Ингушетии (Махли)» (с. 67)

«Мы считаем, что и нахи, и овсы, и сарматы – единая нахская этническая общность Кавказа, говорившая на древнеингушском языке» (с. 71).

«В дальнейшей своей истории Грузинское государство было также самым теснейшим образом связано с организующей ролью ингушского народа в его существовании... Более того, как нам кажется, первые грузинские цари Картли, ставленники дзурдзуков, как мы выше отмечали, сами были этническими ингушами» (с. 71).

«А если прибавить к сохранившимся древнеингушским топонимам еще и несохранившиеся, то получается довольно-таки ясная картина этнического проживания древнеингушских обществ на территории современной Грузии» (с. 79).

«Не исключено, что на Кавказе в один и тот же период могли быть даже несколько политических образований древних ингушей» (с. 83).

«Есть предположение, что и Сарматия была нахским государственным образованием. Интересно название этого государства – «Сарматия», которое этимологически связано с ингушским языком» (с. 83).

«Таким образом, получается, что центрами «кхелов» для ингушских обществ могли служить и ряд мест на территориях современных Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии» (с. 90).

«В.И. Эланидзе не только признавал их (тушин. – Авт.) вайнахскими, но даже употреблял по отношению к ним один из ингушских этнонимов – ǂIalǂIai» (с. 79).

«А затем он отправился к другому царю, осетинскому (читай: ингушскому), супруга которого приходилась ему тетей...» (с. 71).

«Это подтверждает древнее этническое родство предков карачаево-балкарцев с нахами, которые разговаривали на древнеингушском языке» (с. 107).

«Мы наглядно видим, что название Цанария – Санария – Кахетия это названия одного и того же государственного образования древних ингушей» (с. 127).

«Границы на запад у ингушских политических образований простирались до Кубани, т.е. территории расселения кьоаршой (карачаевцев), включая район Пятигорья. На восток же они простирались до территории нынешнего проживания аьккхий (акинцев)» (с. 140).

«Массовое заселение ингушами плоскостных земель после ухода Тимура с территории Кавказа способствовало очень скорому занятию ими всей предгорной равнины современной Ингушетии, Северной Осетии, большей части современной Кабарды и Чечни» (с. 148).

«Некогда сузившиеся границы ингушей во время двух прошедших нашествий (имеются в виду нашествия татаро-монгол и Тимура Хромого. – Авт.), опять расширились и, судя по тексту о Майра Медиге, доходили до реки Эдала (р. Дон), куда ингуши опять начали ходить в походы. Предкавказская равнина постепенно опять перешла под контроль ингушских обществ (с. 150).

Вот какую крутую «древнюю и средневековую» историю своего народа сочинили Н. Кодзоев и А.-М. Дударов. Правда, вряд ли кто из серьезных людей, дружащих с головой, согласится с абсолютным большинством бредовых утверждений авторов, в лучшем случае, основанных на вырванных из контекста отдельных фразах и предложениях других авторов или на сомнительных по происхождению фольклорных материалах и элементарных созвучиях слов.

«Присвоив» себе всю горную Чечню, вплоть до Чанты-Аргуна, а также прилегающую к этой части чеченских гор плоскость, авторы «Истории Ингушетии» продолжают дальнейшее «освоение» оставшейся части горной Чечни – общества Чебарлой и Шарой. Причем, для этого используются самые изощренные методы. Так, «доказав», что чеченцы-аккинцы на самом-то деле вовсе не чеченцы, а ингуши, авторы пишут: «Этнический термин «аьккхий» в этих географических широтах, по-видимому, включает в себя всех переселенцев с запада (с Ингушетии. – Авт.), получивших новый статус этнотерриториальности, в соответствии со структурой образования ингушских обществ... Так, среди общества Пхьарчой при расселении аккинцев на равнине в низовьях Терека выделилась группа под названием «Шарой». Другая группа аккинцев из того же общества расселилась на землях, граничащих с Акташским озером, она именовалась «Шебарлой» (100, с. 158).

В своей статье из книги «Без прошлого нет будущего» некий М.К. Белхароев пишет: «В бассейне Терека у ингушей установились добрососедские отношения с гребенскими казаками. Большой интерес представляет мнение Л.Н. Толстого, который долго жил среди последних. В своей повести «Казаки» он писал: «Очень давно предки их... бежали из России и поселились за Терекком. Казаки усвоили обычаи, образ жизни и нравы горцев, но удержали и там (...) русский язык и приняли частично и горскую одежду» (34, с. 163).

Что это – абсолютное невежество или беспредельная наглость? О каких «добрососедских отношениях с гребенскими казаками» пишет автор, если ингуши с ними никогда и не соприкасались, если только не на базаре в Моздоке? Гребенские казаки жили на северо-востоке Чечни, в районе впадения реки Сунжа в Терек. Они имели самые тесные отношения с чеченцами, о чем и писал великий русский писатель. Что касается самого Л.Н. Толстого, то «известно также, что он, живя на Кавказе и близко подружившись с чеченцами Садо Мисирбиевым и братьями Дурда и Балта Исаевыми, сам записывал чеченские народные песни и сказания... В период своей работы над повестью «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстой писал поэту А.А. Фету: «Читал я в это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это сборник сведений о Кавказских горцах, изданный в Тифлисе. Там предания и поэзия горцев – сокровища поэтически необычайные...» (175, с. 6).

Что там говорить о гребенцах, автор не знает даже, что ст. Ассиновская образована не на месте аула «Гаджарен Юрт», а на месте селения Эха-Борзе. На месте орстойского села Гаджарийн-Юрт была образована ст. Нестеровская.

«По поводу местонахождения Магаса в исторической науке существует несколько точек зрения. На наш взгляд наиболее убедительная версия расположения Магаса в районе Яндаре – Гази – Юрт – Экажево – Али-Юрт – Сурхахи (почти половина Ингушетии. – Авт.)... Магас контролировал очень важные участки Великого Шелкового пути», – пишут авторы «Истории Ингушетии» (100, с. 110).

Еще в конце 80-х годов прошлого века Верховным Советом ЧИАССР, куда входили и ингушские депутаты, было принято решение о переименовании поселка Калинина, входящего в г. Грозный, в поселок Маас. Это решение обосновывалось историческими сведениями о расположении столицы аланского государства в окрестностях города Грозного. Никто из ингушских депутатов тогда не был против этого переименования и все дружно проголосовали за него. Добавление при-

ставки «Алания» к названию Северной Осетии, а также закладка новой столицы Ингушетии – г. Магас, состоялось позднее.

В то время, как с чеченской стороны переименование было сделано чисто для популяризации исторического прошлого республики, со стороны осетин и ингушей все это было проделано с претензией на аланское наследие. Причем, в то время, когда в исторической науке прямыми потомками алан считались осетины, ингуши, не только не претендовали на аланское происхождение, но буквально терроризировали последних, называя их пришлым на Кавказ кочевым народом. Этот «довод» был одним из основных в территориальных баталиях ингушей и осетин.

Молчание чеченских ученых по поводу исторических и этнографических изысков некоторых ингушских авторов, по всей видимости, сослужили им плохую службу. Уверовав в то, что их «творчество» принимается всеми как истина в последней инстанции, отдельные ингушские авторы окончательно потеряли голову и начали нести такую околесицу, что порою бывает даже обидно за них.

О ЧИСТОТЕ КРОВИ

*Рубанешь со злобой, думая
чужое, а оно, корявое, раскосое,
вдруг закричит по-русски – мама!*

О. Сулейменов

Как и все другие народы, которые не были оторваны от окружающего мира какими-то непреодолимыми естественными преградами, чеченцы и ингуши контактировали с другими народами, перенимали их жизненный опыт, в определенной степени смешивались с ними. Это естественный процесс. Глупо было бы утверждать, что такой древний с тысячелетней историей народ, как чеченцы и ингуши, какой-то особый, «чистый», без примесей других этнических групп. Он «скрещивался со многими народами, в результате вобрал в себя многие этнические группы, но и терял какую-то часть своего этноса, охваченную объективным процессом ассимиляции с другими народами».

Как пишет А. Гольдштейн, «вайнахи – такой же смешанный по происхождению народ, как и другие народы; «чистой крови» нет ни у кого (и тем лучше для человечества, потому что расовые смешения способствуют его физическому здоровью)» (64, с. 209).

Тем более странно это слышать от ингушей, проживавших, как пишет об этом Г.К. Мартиросиан, в так называемом коридоре, «по которому с юга на север и с севера на юг проходили самые различные воинственные народы, сталкиваясь в жестоких боях друг с другом» (95, с. 315).

О том, что среди ингушей бытует множество старинных преданий о происхождении отдельных ингушских тайпов и фамилий от представителей других народов писали многие известные исследователи.

Как пишет И. Сигаури, «в целом, нельзя не отметить, что современные ингуши как нация представляют собой результат смешения населения ряда западных нахских обществ, к которым добавился значительный по своей численности пришлый этнический элемент. В роли, если можно так выразиться, фундамента ингушской нации выступили именно горные общества, что объясняется их сравнительной изолированностью от лежащего восточнее очага формирования чеченской нации... Поэтому, когда ингушские авторы пишут о том, что ингуши не смешивались с другими этносами и «блюли» первозданную чистоту –

это либо результат собственного невежества, либо преднамеренная ложь» (195, с. 391–392).

Дискредитировать чеченский народ злонамеренными сплетнями о «нечистокровности» чеченского народа у козловых и стоящих за ними сил, конечно же, не получится. То, что не удалось царским придворным борзописцам, сталинским опричникам и некоторым современным российским шовинистам, вряд ли удастся и им. Различными слухами и сплетнями уровня «одна бабка сказала», они не только ничего не доказывают, а лишь окончательно теряют свое лицо.

А насчет благотворного дагестанского влияния на чеченские (нахчий) общества, то этого никто не отрицает, так же, как и влияние последних на самих дагестанцев. Они же ближайшие соседи чеченцев. Это естественный двусторонний процесс. То же самое имело место и во взаимоотношениях западных нахчийских обществ (ингушей) с теми же осетинами и кабардинцами. Именно влиянием осетин и, по всей видимости, горских евреев (вспомним ингушское предание о персе Джерахмете, основателе Джейраха) и объясняются отдельные различия в языке, культуре и традициях ингушей от своей основы нахчийского народа. Например, предрасположенность некоторых из них к внешним эффектам и фрондерству. Широкое присутствие в ингушском языке фонемы «Ф», которая практически отсутствует в чеченском литературном языке и большинстве горных диалектов, говорит о заметном влиянии осетинского языка, в котором данный звук весьма распространен. Это признают и сами ингушские ученые.

К этногенезу чеченцев дагестанские народы имеют такое же отношение, какое имеет осетинский народ к этногенезу западных нахчийских обществ (гIалгIай), до конца XVIII века являвшихся составной частью нахчийского народа (ни нохчахкахоевцев, ни шатоевцев или тIерлоевцев, а именно нахчийского народа, объединявшего все эти и другие нахские общества Северного Кавказа в один народ). А претензии некоторых современных ингушских псевдопатриотов на избранность и чистоту крови не только не имеют под собой каких-то оснований, но и глубоко вредны и даже опасны по своей сути, и, прежде всего, для самого ингушского народа.

О какой чистоте крови может идти речь, если сами ингуши не только признают многочисленные вкрапления других этносов в свой народ, но и называют представителей других народов своими первопредками? Так, например, родоначальниками фамилий Мальсаговых, Евловых, Зауровых, Бекбузаровых называют выходцев из Грузии.

По преданию, записанному Чахом Ахриевым, основоположником Джейраховского общества является некий перс Джерахмет, прибывший со своей дружиной в сто человек из Персии. Это предание гласит, что «родоначальником Джейраховского общества считается некто Джерахмет, с незапамятных времен поселившийся в ущелье, по бокам речки Арм-хий, впадающей в Терек. Ущелье названо Джейраховским по имени родоначальника. Джерахмат, так же, как и Кист, был выходцем, но не из Сирии, а из Персии. Во время его переселения Джераховское ущелье было совершенно необитаемо; Джерахмат имел около себя 100 человек дружины, находящейся в его подчинении и исполнявшей все его приказания. Спустя некоторое время после этого переселения, в Джейраховское ущелье начали приходить посторонние жители и населяли свободные места – с дозволения Джерахмата» (95, с. 14).

Об этом же в своей работе «Нагорная Ингушия» пишет и Г.К. Мартиросиан: «В Фуртуоге, от С. Ахриева, я узнал о родоначальнике Джейраховского общества, а также об основателе селения. Прежде, еще до ингушей, – судя по местным названиям аулов, окрестностей, различных урочищ, – здесь жил какой-то другой народ, по-видимому, тюркского племени» (95, с. 314).

Версию об инородном происхождении ингушей, на наш взгляд, невероятную, подтверждает И. Пантюхов, который считает, что они происходят от татов и халдеев: «Первоначальные поселенцы, положившие название ингушской народности, были не из соседних местностей, а, действительно, как гласят и предания, пришли частью из Сирии, частью из Персии. На основании антропологических соображений, эти пришельцы не могли быть ни армяне, ни евреи, ни турки из Сирии, ни азербайджанцы из Персии и, судя только по волосатости тела и устройству головы, не говоря о других признаках, следует заключить, что из Сирии, под предводительством Киста, пришли халдеи или айсоры, а из Персии – представители коренной персидской народности – таты... О том, как природа и обстоятельства переделали ингушей из халдеев и татов чуть ли не в чистых чеченцев, – мы говорить не будем» (38).

Действительно, из истории мы знаем, что в Дарьяльском ущелье стояла крепость персов, контролировавшая этот проход. «В пятом уже веке нашей эры персы владели северным Кавказом, или, по крайней мере, имели в своих руках два главных ключа Закавказья – Дарьял и Дербент» (184, с. 50–51). Слово «Дарьял» произошло от персидского словосочетания «Дари алан», означающего буквально «Ворота алан».

Было бы интересно выявить происхождение этнонима «ГӀажарий», которым чеченцы и ингуши называют «персов». Состоящее из двух

слов «ГІа» и «жІарий» (Джеррахмет) название персов, по своему образованию очень близко к этнониму «ГІалГІай» («ГІала» и «ГІа»), что, почему-то, осталось вне поле зрения ингушских народных этимологов, любящих упражняться в разгадывании значений различных этнонимов. Так вот, Джейрахское ущелье названо по имени перса Джерахмета. По другому преданию, Джейрах основал чеченец из тайпа Дишни, у которого было трое сыновей: Льян, Охр и Бор (54, с. 56).

Родоначальниками эгикалой, хамхой и таргимхой (чисто галгайские общества. – Авт.), по ингушскому преданию, записанному тем же Дахкильговым, называются армяне Эги и Эбан (54, с. 33).

Род Баркинхоевых ведет свое происхождение от приближенного к Тимуру Хрому человека тюрского происхождения по имени Барким (68, с. 231–232).

По народному поверью, Эрзи основан в IX веке на месте гнезда орла выходцами из Аравии, якобы положившими начало некоторым ингушским фамилиям. В Эрзи найден великолепный бронзовый орел, изготовленный в Ираке в VIII веке (88, с. 24).

«Со слов Юсупа Евкурова, в 80-х годах XX века было записано, что первопоселенцем и основателем аула Эрзи был некий Янд, выходец из Маълхийста» (224, с. 127).

Мартирозиан, основываясь на работах Г.А. Вертепова, Е. Максимова и ряда других исследователей, полагает, что «ингуши – народ, принадлежащий к одной из ветвей чеченского племени» (38, с. 306).

Значительная часть ингушских фамилий имеет чеченское происхождение. Так, например, «известно, что такие довольно крупные ингушские фамилии, как Ахриевы, Льяновы и Боровы происходят из чеченского рода дышнинцев» (54, с. 56), «Дарцыговы, Бузуртановы (Насыр-Кортовские) и Хаутиевы – из терлойцев» (136, с. 23). А такие ингушские фамилии, как Ахильговы, Цицкиевы и Джамбулатовы являются выходцами из Беноя (218).

По утверждениям старожиллов предок понугхойцев (так называют себя жители Пялинга) – Чанин Хучбар переселился из древнего терлойского аула Никара (А.Сулейманов «Топонимия Чечено-Ингушетии», часть 2, с. 77).

Кроме того, «Терлоевское происхождение имеет и фамилия Мужухоевых. Что до Мальсаговых и Героевых, то существует предание об их маълхистинском происхождении. Героевых маълхистинцы до сих пор называют Гири-некъи» (195, с. 387).

Сигаури считает, что «одна из самых крупных современных ингушских фамилий – Мальсаговы, по некоторым данным, произошла

от выходцев из тукхума Маълхий, которые вынуждены были покинуть родные места из-за кровной мести. При этом, часть из них спешно перебралась в Хевсуретию и даже еще дальше – к пшавам, а другие перешли на территорию ГІалгІай» (195, с. 384).

Но есть версия и о грузинском происхождении фамилии Мальсаговых. Вот что пишет об этом А.И. Шавхелишвили: «Что же касается живущих в Ингушетии Мальсаговых, которые согласно ингушскому преданию являются основателями «Дзауг» (на месте современного г. Орджоникидзе), то они представляют собой ветвь грузинской фамилии Марсагишвили. То же самое можно сказать об Эвлеевых и Эвкуровых» (231, с. 34).

Но «в Ингушетии встречаются грузинские по происхождению не только отдельные фамилии, но и целые селения. Так, например, выходцами из Хевсуретии считаются жители сел. Шуана в Джераховском ущелье» (138, с. 34). И. Дахкильгов грузинскими по происхождению считает такие ингушские фамилии, как Евлеевы, Кортыевы, Мальсаговы и Куштыевы (71, с. 117).

Есть у ингушей фамилии с кабардинскими, дагестанскими, калмыцкими, ногайскими и даже русскими корнями.

Хайровы, Базалаевы, Анцадыевы, Агасиевы, Аваровы, Шундалиевы, Мурадыевы, Хакиевы, Рамазановы – дагестанского происхождения. «Некоторые из фельханцев и арзинцев до сих пор именуют себя Шаухаловыми и считают себя потомками шамхала, пришедшими из Дагестана» (67, с. 64).

Акбиевы, Лягиевы, Хашагульговы, Климатыевы, Ингушевы, Гетагажевы – выходцы из Кабарды, а «живущие в Ингушетии Экажевы, Бажагуровы, Видигыевы, Гумаковы, Кабардаковы и др. являются выходцами из Малой Кабарды» (133, с. 89).

Адыевы, Харсиевы, Товсултановы, Мусостыевы, Исраиловы, Исиевы, Джанботыевы, Мохлоевы, Акмурзиевы, Нагадыевы, часть Аушевых, Джениевы, не говоря уже о многочисленных мялхийских, орстхойских, аккинских фамилиях, приведенных в брошюре как ингушских, чеченского происхождения. Ибрагим Дахкильгов считает, что Гандалыевы происходят от Чеберлоевцев (71, с. 126).

Есть даже фамилии с абхазскими корнями – Маршани, Воделовы, Саудовской Аравии – Акиловы, турецкими – Мамедыевы, русскими – Йовгар-некье (от русского кузнеца Егора), татарскими – Бахтиевы, кумыкскими – Шадыевы, Шамхаловы, Гайрбековы. Инонациональной считается фамилия Муцольговы.

Если верить Шукри Дахкильгову, то, дополнительно к тем фамилиям, которые были перечислены выше, пришлыми являются Бамбовы, Долиевы, Медовы, Нашхоевы, Талхигovy (выходцы из Чечни), Вышегуровы, Гудантовы (из Грузии), Козыревы (из Осетии), Костоевы (есть версия, что их первопредок Доба был выходцем из Чечни) (74).

Наиболее сильное влияние на ингушей, кроме чеченцев, безусловно, имели осетины. Нет никаких сомнений в том, что взаимоотношения ингушей и осетин раньше были намного более близкими и дружественными, чем сейчас. Об этом говорит и наличие у них общих фамилий, происходящих от одного предка. Например, Плиевы, Калоевы, Гагиевы, Гайтовы, Гардановы, Цуровы, Хаматхановы, Хутиевы, Цолоевы, Дударовы, Яндиевы, Алмазовы и т. д. Представители этих фамилий «до последнего времени поддерживали друг с другом родственные связи, что выражалось во взаимных визитах по случаю свадеб, похорон и т. п., а также в оказании взаимопомощи друг другу. Неудивительно поэтому, что духовная культура осетин и ингушей знает немало примеров общности в обычаях, нравах, обрядах, фольклоре, а также в дохристианских и домусульманских верованиях. Существует даже мнение, что в этом отношении ингуши стоят намного ближе к осетинам, чем к родственным им чеченцам» (195, с. 390).

Мальсагов Х.С. -Г. в своей работе «Происхождение ингушских фамилий, тейповых общин и роль ингушского языка в языковой семье мира» пишет, что такие ингушские фамилии, как Бедоевы, Тхостовы, Илезовы, Измайловы, Дудурхановы, Гайтовы, Гушиевы являются выходцами из Осетии (135).

Общеизвестным фактом является совместное проживание в Джейрахском ущелье ингушей и осетин. «Так, не позднее 90-х годов XVIII века в Джейрахском ущелье поселились представители осетинской фамилии Слоновых (Дударовых). Осетины Гушаевы имели родственников в ингушском селении Фуртуог (между ингушским селением Фуртуог и осетинским селением Чми существовала устойчивая традиция заключения брачных союзов). По преданиям ингушские фамилии Хаматхановых и Цуровых ведут свое происхождение от осетин селения Тменикау Даргавского ущелья. В 1816 году в нижнем течении Армхи насчитывалось пять населенных пунктов, в которых было 37 дворов и 185 жителей, происходивших от осетин» (48, с. 145).

О близости ингушей и осетин сообщает и У.Б. Далгат: «На земле джераховцев жили и дружественные осетины. Они вместе брали плату за проезд через Дарьял и сохраняли дорогу в исправности. Эта

близость с осетинами и постоянные сношения с Грузией, несомненно, были причиной заимствования ингушами многих обычаев и культуры грузин и осетин» (68, с. 15). Об осетинском влиянии на язык ингушей, указывал еще А.Н. Генко (237, с. 171–172).

«Воздействие осетин на ингушей, в частности джераховцев, было настолько глубоким и всесторонним, что письменные источники первой половины XIX века иногда прямо причисляли последних к «осетинскому племени» (111, с. 22).

Как пишет А.У. Мальсагов, «ингуши и осетины веками живут по соседству. Десятки фамилий ингушей ассимилированы осетинами, а осетинские – ингушами. У нас много общего в традициях, обычаях, обрядах и т. д. Только в XIX веке, как нами установлено, было более 50 случаев взаимного родства ингушей и осетин. Приведем несколько примеров такого родства: Гаирбек Гайтиевич Мальсагов (1820–1867), бывший подполковник царской армии был женат на осетинке Мамле, сестре генерала Мусы Кундухова, на другой сестре Абхазе Кундуховой был женат Темир Хаматханов, а на дочери Айшет Кундуховой – ротмистр Малсаг Уцигович Долгиев. Женой Бекбота Долгиева была осетинка Гуцири – сестра Умара Шаниева. А его дочь была женой ингушского этнографа (ротмистра) Албаста Цехаровича Тутаява (1855–1941).

Полковник Хавда Ахушков, Чиспоп Цуров и А. Албагачиев были женаты на дочерях осетина Хамурзы Дударова. А женой самого Хамурзы Дударова была дочь ингуша-майора Хунко Мальсагова (1823–1869), Эльмурза Цуров был женат на осетинке Шоки – дочери Джанхота Дударова, генерал Бонуха Базоркин (1830–1906), Мальсагов, Долгиев были женаты на дочерях осетина Заурбека Кусова, подполковник Мочко Базоркин (1817–1887) – на дочери осетина Кочинова, Пари Льянов – на дочери Гудберда Хохи и т. д. Мною приведены факты взаимного родства лишь известных представителей двух народов. Но их значительно больше» (133, с. 48–49).

Абсолютно смешными выглядят заявления некоторых ингушских «исследователей» о якобы ингушском происхождении таких коренных чеченских тайпов, как бенной, дишний, ч1инхой. Все эти тайпы имеют в Чечне свои тайповые горы и прилегающие к ним тайповые общинные земли, они имеют свои одноименные населенные пункты (только одни беноевцы, например, имеют в Чечне около десяти населенных пунктов со своим тайповым названием) и свои тайповые тяптары. По своей численности бенойцы равны всем выходцам из исконных ингушских обществ Эгикал, Хамхи и Таргим вместе взятым. Они подробно знают историю своих родов не по вымышленным мифам каких-то абадиевых,

а по тайповым тяттарам, старинным преданиям, рассказам своих старейшин. Они тысячами всевозможных нитей неразрывно связаны со своей Родиной – Чечней. Более того, они не забыли и о своих бывших однотайповцах, в силу разных причин, вынужденных покинуть пределы своих родовых селений и обосновавшихся на западе нахчийских земель. В настоящее время они составляют ряд известных ингушских фамилий.

А что касается ингушского фольклора, в котором «сохранились сведения о происхождении некоторых чеченских родов от ингушских», то в чеченском фольклоре (да и в ингушском тоже) сохранилось столько сведений о происхождении ингушских родов, да и, в целом, самого ингушского народа (незначительную часть из них мы привели выше), что после ознакомления с ними у кодзоевых отпадет желание поднимать эту тему вообще. Чего только стоит упомянутое выше ингушское предание об армянском происхождении ингушей.

В связи с широким использованием ингушскими авторами, для доказательства древности своего происхождения, различных родословных и генеалогических древ, хочется предостеречь читателей от слепой веры в эти, зачастую, придуманные самими авторами, конструкции. Чеченцы и ингуши являются младописьменными народами и соответствующих письменных документов о происхождении своих родов у них не было. Поэтому подход к генеалогическим схемам, составленным на основе устного народного творчества, должен быть весьма критичным.

Хотя необходимо признать, что чеченцы, в отличие от ингушей, начавшие исповедовать ислам еще с XVI века (восточная часть Чечни), фиксировали сведения о своих предках в так называемых родовых и семейных «тяттарах» на арабском языке. Но, а что было до этого, никто точно пока сказать не может.

В связи со всем вышесказанным вспоминается рассказ Усманова Ибрагима, проректора Грозненского государственного нефтяного института, о том, как он в студенческие годы настойчиво добивался от своего отца, чтобы он назвал ему имена хотя бы 10 своих прямых предков. Нурид, отец Ибрагима, сразу же перечислил ему имена семерых из них, что является обязательным минимумом для настоящего чеченца, потом припомнил еще двоих, но дальше, хоть убей, никого вспомнить не мог. Порядком подустав от просьб Ибрагима назвать хотя бы еще одно имя, Нурид в шутку сказал: «Да возьми ты любое старое чеченское имя, кто об этом узнает!».

Кто может поручиться, что родословные ингушских авторов не были составлены по такой же схеме? Но уже не в шутку, а всерьез.

ОБ «ЭЗДЕЛ»

Дас хастийна дин

хьалха ца баьлла.

Нохчийн кица

С начала 2000-го года в некоторых ингушских изданиях (рецензентами и редакторами которых являются видные, остепененные научными званиями ингушские ученые), с настойчивостью, достойной лучшего применения, началась пропаганда крайне опасной темы «особости» и высокой степени благородства ингушей, в отличие от чеченцев и других народов Кавказа, якобы произошедших от ингушей, потерявших «эздел».

Если Б. Костоев, Б. Богатырев, Б. Сейнароев стараются дискредитировать чеченских лидеров, Н. Кодзоев с сотоварищи бьют по истории чеченцев, то А. Танкиев, М. Матиев и ряд его коллег по цеху атакуют культуру и духовное наследие чеченского народа, нагло хватая и называя своим все, что, по их мнению, плохо лежит у чеченцев. Все это абсолютно не соответствует действительному «эздел» ингушского народа.

Кто бы что ни говорил, история и культура у чеченцев и ингушей, в целом, одна и та же, с небольшими особенностями, связанными с влиянием языка и культуры соседствующих народов, а также с более ранним и глубоким проникновением ислама, категорически неприемлющего все языческое, в чеченскую культуру, чем в ингушскую. И хотя все эти нападки бумерангом вернутся обратно и будут бить по самим ингушам, стараются они изо всех сил.

«Ингушская народная этика «эздел» формировалась в течение многих веков в русле мировой этической мысли. Так или иначе, в той или иной мере в ней сохранились нравственные нормы и идеи, известные народам и мыслителям многих стран Востока и Европы. И в то же время, система нравственных ценностей этического учения «эздел» глубоко самобытна, оригинальна, имеет самостоятельное, узнаваемое лицо в мировой этической мысли. В этом видится ее уникальность и историческое значение не только для ингушского народа – выдающегося творца этой этики», – пишет А. Танкиев (202, с. 63).

Во-первых, такое чрезмерное восхваление своих собственных каких-то достоинств и качеств, не соотносится ни с чеченской, ни с ингушской этикой.

Во-вторых, о какой отдельной «самобытной» и «оригинальной» ингушской этике может идти речь, если она является всего лишь частью вайнахской, а затем и горской общекавказской этической системы. Что же касается ее «узнаваемости», то она, в большинстве из своих проявлений, знакома во всем мире не как ингушская и даже не чеченская, а как общекавказская этическая мысль. Хотя никто не отрицает каких-то своих, специфических, ее особенностей у разных народов Кавказа.

«Той исторической почвы, которая в древности породила эздел, давно уже не было в XIX веке, но ингушский народ сохранял и свято соблюдал и соблюдает до сих пор эти нормы, хотя многие из них, особенно представителям иных этносов (включая даже близкородственных чеченцев), представляются несуразными, отжившими свое, мелочно-условными и т. п.», – продолжает автор свою сагу о величии своего народа (202, с. 65).

Что зачушь? Каким образом ингуши могут сегодня «свято соблюдать» этические нормы жизни, сложившиеся у них, например, до XVIII века? Ведь тогда они были еще язычниками, поклонялись различным идолам, женились на женах своих умерших братьев (левират) и сестрах своих умерших жен (сорорат).

Вот как писал обо всем этом известный исследователь быта ингушей Н. Грабовский в своей работе «Ингуши»: «И по смерти мужа женщина не приобретала права на свободное распоряжение своею судьбою: она обязана была выйти за брата умершего мужа или за ближайшего его родственника, если заявлялось на то требование этих лиц; в противном же случае она снова поступала в полное распоряжение своих родных. И как вдова, не взятая в замужество кем-либо из родственников умершего мужа, она не имела права выйти замуж, по своему исключительному выбору. Этот варварский обычай, еще в начале 60-х годов, обратил на себя внимание начальства, и по инициативе последнего, в 1863 году, с согласия ингушей, первым и непременно условием брака постановлено было допустить свободную волю и непринужденное согласие не одного лишь мужчины, но и женщины, выходящей в замужество» (188, с. 45).

Рассуждения Танкиева – это сказки для непосвященных. Автор сам себе противоречит. То он пишет, что ингуши, в отличие от других народов, «свято соблюдают» свои многовековые нравственные традиции, то – что изменение нравственных норм – это общее для всех народов правило.

Ингуши, находившиеся в окружении враждебных к ним народов, как в консервной банке, были замкнуты до конца XVIII века в не-

большом пространстве горной части Центрального Кавказа и поэтому среди них относительно лучше сохранились некоторые патриархально-родовые традиции. Но это вовсе не значит, что ингуши являются авторами всех этих традиций. Автором является весь нахчийский народ, потомки древних нахов.

Чеченцы за несколько столетий до своих западных собратьев вернулись на равнину, приняли ислам, в связи с чем, у них коренным образом изменились условия жизни, наладилось взаимовыгодное сотрудничество с соседними народами, изменились общественные отношения.

Вот что на своих лекциях в ЧИГУ говорил нам И. Дахкильгов: «В XV веке пала Золотая Орда. В XVI веке вайнахи начали выселяться с гор на равнину. И в этих равнинных поселениях начал нарушаться тот жизненный устой, который был в горах. Общественно-социальные отношения влияют на законы и обычаи. Изменения первых вызывало изменения вторых. В Чечне род разложился. В Ингушетии родовые отношения более сохранились, чем в Чечне» (50).

«В настоящее время, при выселении чеченцев на плоскость, и образовании ими больших аулов, заселенных сотнями семейств различного происхождения, при невозможности, следовательно, совместной жизни родичей; при воздействии ислама, борющегося с многими институтами обычного права, а также при ломке прежнего строя жизни в новых условиях с начала русского управления – родовая организация в Чечне все больше стала рушиться и делиться на отдельные семьи; уже теперь на плоскости ее сменила сельская, соседская община, и такие институты, как родовой старейшина, наследование родом имущества родичей, разные платежи и т. п., почти не имеют фактической почвы, не существуют вовсе...», – утверждает известный кавказовед Б. Далгат (67, с. 143).

Вот почему некоторые общие для нахчий (вайнахов) обычаи и традиции лучше сохранились у ингушей! Но даже сегодня, среди чеченцев, в общем, больше приверженцев того самого нахчийского традиционализма, о чем так восторженно пишет Танкиев, чем среди ингушей.

Что же касается того, что эти нормы, «особенно представителям иных этносов (включая даже близкородственных чеченцев), представляются несуразными, отжившими свое, мелочно-условными и т. п.», то с претензиями необходимо обращаться к руководству Ингушского НИИ гуманитарных исследований, носящего имя Чаха Ахриева, который отмечал, что «при внимательном взгляде на общественную и в особенности семейную жизнь ингушей постороннего человека

удивляют в ней резкие контрасты общительности с изолированностью, простоты нравов с бесчисленными, неуловимыми, мелочными формальностями...».

Рассматривая книгу Д.Д. Межидова и И.Ю. Алироева «Чеченцы: обычаи, традиции нравы. Социально-философский аспект», Танкиев пишет: «Во многих случаях авторы ведут разговор о вайнахах, хотя работу свою они называли «Чеченцы: обычаи, традиции, нравы» (см. с. 32, 44–45 и др.), что нивелирует и ущемляет то самобытное, что относится как к чеченскому, так и к ингушскому. Тем самым, ингушское выдается как часть чеченского» (202, с. 66).

Многие ингушские авторы имеют привычку «путать» термины «вайнахи» и «нахи» с еще не до конца сформировавшимся этнонимом «ингуши». За примерами далеко ходить не надо. В самой книге Танкиева их более чем достаточно. Например, известные чеченские героико-эпические песни и рассказы (беззастенчиво переписанные с чеченских), в которых присутствуют реальные одноименные прототипы известных нахчийских героев Алдам Геза, Iумара Iела, Жерочун Iант, Маьхьти Идрис, Iахи Темаркъа, Къена Дада автор представляет как ингушские эпические песни и рассказы, а самих их героев, как ингушей. А таковыми они могут быть только в одном случае, если Танкиев признает факт, что ингуши являются составной частью единого нахчийского народа.

Дальше автор продолжает: «Многие ссылки на фольклор и мифологию типа «покровитель оленей Елта ослепил родоначальника чеченцев Нахчо за попытку убить красивого оленя» имеют сомнительные и неверные толкования. Авторы здесь ссылаются на Г.К. Вагнера, который не является специалистом по этому вопросу, – откуда ему знать, что Елта не «покровитель оленей», а бог охоты и злаков у ингушей, а не у чеченцев. Мотив, что Елта ослепил родоначальника чеченцев Нахчо за попытку убить красивого оленя», который приводит Г.К. Вагнер и на которого ссылаются авторы, не известен ни ингушскому, ни чеченскому фольклору и не может иметь мифологического происхождения. Это, скорее всего, выдумка самого Г.К. Вагнера» (202, с. 66).

А вот известный фольклорист Ибрагим Дахкильгов не ставит под сомнение, что это чеченская легенда. Вот что он пишет: «Цхъан легенда тIа вувцачохь, Начхо хиннав говза чарахь. Цкъа тIанийсвеннав из кIайча саьна. Цунна топ тоха ер кийчлушшехь а, бIарга са а дайна вус из. МоллагIа сай а боацаш, из хиннавар саьрчий Iулашка хъежаш хина Елта. Цу моттигах оал «Начхой бIаргаш дайна моттиг... Елтах дола ер

дувцар ийнад нохчий хьалхара да вувцаш хиннача ширача дувцарашца; метатеза а хина («ч», «х» яхача озаша шоай моттиг а хийца) «Начхо» яхачох хьадоагIа «нохчо» (71, с. 22).

Во-первых, некорректно называть известного исследователя, что он «не специалист» и обвинять его в том, что он все это выдумал сам (можно подумать, что исследователи, на которые ссылается Танкиев для подтверждения своих весьма сомнительных идей, большие профессионалы и специалисты, чем Вагнер).

Во-вторых, как понимать, «что Елта не «покровитель оленей», а бог охоты и злаков»? Разве охота не имеет отношения к оленям? Елта (по-чеченски «хлеб», «зерно») был когда-то богом охоты и злаков у чеченцев, так же, как и ингушей. Дело в том, как мы отмечали, что ингуши, в отличие от чеченцев, придерживались язычества еще несколько столетий после принятия последними ислама, и у ингушей все это сохранилось лучше, тогда как у чеченцев все традиции, связанные с язычеством, были под запретом и жестоко преследовались со стороны мусульманского духовенства.

К тому же, у принявших подданство России в 1810 году ингушей произведения устного народного творчества стали записывать намного раньше, чем у чеченцев. Как известно, в Ингушетии, кроме собственных исследователей, работали различные российские и зарубежные научные экспедиции и отдельные ученые, в то время, как сбором и изучением самих чеченских материалов, кроме Лаудаева, в силу известных нам причин (Кавказская война, отсутствие светской грамотности и т.д.), практически никто не занимался. А что касается того, что этот «мотив неизвестен ни ингушскому, ни чеченскому фольклору», то не надо отвечать за чеченский фольклор. За него, слава Богу, есть кому отвечать.

«Авторы (Межидов и Алироев. – Авт.) чеченские формулы этикета приветствий выдают за общевайнахские. Так, например, «Хьо вогIу, воккха стаг», «Хьо вогIу» – «Ты идешь?» является чисто чеченским. В ингушском этикете приветствий старшего и вообще проходящего таких формул нет и в помине, а есть другие. У ингушей такого рода приветствия вызывают недоумение и удивление... Авторы книги или не знают этого, или стараются искусственно подогнать, растворить ингушское самобытное в чеченском, где это только возможно с их точки зрения» (202, с. 67).

Опять какие-то конспирологические схемы и заговоры против суверенных прав танкиевых! «Хьо вогIу», «Хьо йогIу» – это всего лишь дополнительные (плюс к тому, что есть у ингушей) формы приветственного этикета практически одинакового у чеченцев и ингушей. Та-

кие усеченные формы, вместо полных, обычно используются, когда, в силу определенных условий, знакомые люди встречаются несколько раз в течение одного дня, например, на работе или с соседями по лестничной площадке (не будешь же через каждые полчаса приветствовать знакомых в развернутой форме). Другое дело, когда знакомого видишь раз в день или еще реже. В этом случае приветственный этикет предполагает неспешную и полную процедуру приветствования друг друга – «маршалла а, доьналла а хаттар». Какое недоумение или удивление это может вызывать? Если пока у ингушей нет этих форм, то со временем, с дальнейшим развитием языка, они, несомненно, появятся или будут заимствованы из чеченского языка.

«Младший по возрасту обращался к старшему, пользуясь словесными формулами «воти», «дади», но не по имени. В чеченском употребляется обращение «ваша», в том же значении («воти» и «дади» – авт.), что совершенно недопустимо и чуждо в обращениях к старшему в ингушском этикете. Оно воспринимается ингушами, как нечто беспардонное, вызывает у них удивление и недоумение. Отсюда видно, что данная норма есть еще одно красноречивое свидетельство бытования в прошлом и настоящем принципиального различия между ингушским и чеченским... Ингушское обращение младшего к старшему, особенно преклонного возраста «воти», «дади» и чеченского «ваша» есть одна из многочисленных черт национально-самобытного, которые создают узнаваемое национальное лицо народа, делают ингушское – ингушским, а чеченское – чеченским» (202, с. 460).

Во-первых, в чеченском языке слово «ваша» имеет целых четыре значения: «брат» (родной и по вере), «дядя» (брат отца или матери), «отец» (если жив дедушка по отцу) и «старший по возрасту», в зависимости от контекста. Это так называемая многозначность слова. Это сложнее, чем у ингушей, что указывает, как на большую развитость чеченского языка, так и более продвинутые семейные и общественные отношения чеченцев.

Во-вторых, если в семье есть дедушка, то «дада» называют его, а отца в таком случае называют «ваша». При живом дедушке в семье считается неприличным называть своего отца «дада». Если дедушку по отцу называют «дада», то дедушку по материнской линии обычно называют «воккха дада» (старший дада). Братьев отца и матери, а также ближайших родственников старшего поколения тоже называют уважительно «ваша» (дядя). Для различения, каждого из них называют по своему: «воккха ваша» (старший ваша), «жима ваша» (младший ваша),

«Галара ваша» (ваша из города), «Анзорера ваша» (ваша из семьи Анзора) и т. д.

Интересно, а чем Танкиеву не нравится слово «ваша»? Что в нем такого «беспардонного»? Беспардонным и абсолютно несоответствующим ни чеченскому «обздал», ни ингушскому «эздел» является само заявление автора.

А вот А.-М. Дударов с Н. Кодзоевым не совсем согласны с Танкиевым. Они пишут: «У ингушей издревле не только родные братья, но и разные представители одного рода называются братьями» (87, с. 166). Вот вам и вся разность!

Стоило ли Танкиеву нагнетать такие страсти, чтобы доказать абсолютно недоказуемое – «принципиальное различие между ингушским и чеченским», которого, на самом деле, в природе не существует, как бы этого не хотелось Танкиеву и некоторым его единомышленникам? В чем «недопустимость», «чуждость» и «беспардонность» употребления у чеченцев к старшему по возрасту слова «ваша», если ингушское слово «воти» производное от «воши», означает то же самое, что и чеченское «ваша» – «дядя» (по отцу или по матери, а зачастую и любой старший по возрасту)?

Представить только – одно из главных принципиальных отличий ингушей от чеченцев, по Танкиеву, оказывается в том, что ингуши называют старших по возрасту «воти», а чеченцы – «ваши»! У чеченцев к старшему по возрасту обращаются не только словом «ваша»/«ваши» (что равнозначно ингушскому «воти»/«воши»), но так же, как и у ингушей – «дада» или «воккха стаг» (если младший обращается к человеку преклонного возраста).

На самом деле, автор прекрасно понимает, что это всего лишь диалектные особенности. Нельзя основываясь на них делать такие основополагающие выводы. Это несерьезно! Таких особенностей, даже в пределах одной языковой группы ингушей, можно наблюдать более чем достаточно. Например, между назрановцами и джейраховцами. Но это же не значит, что назрановцы и джейраховцы говорят на различных языках и принципиально расходятся в ментальности?

У чеченцев, например, замужней женщине не принято называть при посторонних имени мужа, ближайших его родственников, в то время, как муж не называет только имени жены и своих детей (так называемый обряд «цлехабар»). А у ингушей муж при посторонних не произносит не только имени своей жены, но и имена своего тестя и тещи, а у чеченцев называть последних их именами в порядке вещей (202, с. 461). И что же, все это должно восприниматься чеченцами, «как нечто

беспардонное» и «вызывать у них удивление и недоумение», как «еще одно красноречивое свидетельство бытования в прошлом и настоящем принципиального различия между ингушским и чеченским»? Конечно же, нет. Это всего лишь небольшие местечковые различия в пределах культуры одного народа.

Или вот еще пример – всем известно, что у чеченцев и ингушей – муридов Кунта-Хаджи – нишу для покойника в могиле роют с северной стороны (в знак уважения к пророку), а у тех же чеченцев и ингушей – последователей Дени Арсанова – нишу делают с противоположной, южной стороны. Не следует же из этого, что это какой-то признак разной ментальности, который, соответственно, определяет разную национальную принадлежность представителей двух вирдов? Все это задается не национальной принадлежностью, а приверженностью к тому или иному вирду. Таких примеров можно привести десятки. Все эти отдельные исключения из общего лишь только доказывают единство чеченцев и ингушей.

В то же самое время, ярый защитник самобытности ингушского народа Танкиев, который считает оскорбительным и недопустимым называть старшего по возрасту чеченским «ваша», вполне допускает, что младший, так же, как и у русских, «обращается к старшему по имени и отчеству» (202, с. 461). Хотя, как известно, у чеченцев и ингушей не принято называть человека по отчеству. Хотелось бы спросить у автора, насколько это соответствует ингушскому «эздел» и почему он не считает такое обращение «совершенно недопустимым и чуждым» для ингушей, так же, как и в случае с чеченским «ваша»? Или самобытность ингушей он считает необходимым защищать только от близкородственных чеченцев?

В некоторых чеченских диалектах, наравне с формами приветствия, присущих собственно чеченскому литературному языку, присутствуют и формы приветствия, используемые в ингушской среде. Даже то же самое «воти». Так что, ничего «самобытного» ингушские формы приветствия из себя не представляют и о какой-то «искусственной подгонке» или «растворении» говорить не приходится.

«Авторы договорились до того, что объявили: «Ингуши эталоном воспитанности и культуры считали кабардинских князей», – возмущается Танкиев (202, с. 67).

А что возмущаться-то? Разве это не так? В фольклоре ингушей, на основе которой выстроена практически вся работа автора, более чем достаточно примеров, подтверждающих это: в различных обрядах, преданиях, пословицах и поговорках. Вот, например, выдержка

из ингушского заговора, которым «ласкают» (лечат. — Авт.) болезнь, приведенная в самой книге Танкиева, где черкесские князья и княгини предстают как эталон в мировосприятии ингушей: «... В чистое золото пусть положат тебя, в середину чистых шелков пусть положат тебя, у черкесских князей пусть будешь ты, у черкесских княгинь пусть будешь ты...» (202, с. 304). Как говорится, правая рука не знает, что делает левая.

Или вот еще отрывок из обрядовой песни, исполняемой при входе невесты в дом жениха: «Как для кумыцких князей медовый напиток, так сладко живи со своими деверьями, как для кабардинских князей овечий курдюк, так жирно живи со своими снохами» (67, с. 176). А вот слова из другой обрядовой песни ингушской девушки: «Ты что, сын вдовы, так возгордился, как будто кабардинское узденство ты получил, или как будто княжеское достоинство ты получил?» (67, с. 179).

Один из самых цитируемых ингушами исследователей А.Н. Генко в своей работе «Из культурного прошлого ингушей» про отношение ингушей к кабардинцам пишет так:

«Феодалная знать Кабарды очень импонировала бедным обитателям гор, какими были ингуши до своего выселения на плоскость. До сих пор у ингушей существуют выражения, подобные следующему: «я не видел молодца воспитаннее его, если бы только не (было) кабардинского князя». Кабардинец понимается в смысле «интеллигентного, образованного человека» (95, с. 497).

Как отмечает Башир Далгат, «кабардинцев ингуши называют «черси» (черкесы) — населяющих Малую Кабарду, и — «габыртой» — населяющих Большую дальнюю Кабарду; от них ингуши научились приличию, этикету, и для этой цели они часто посылали детей своих на воспитание в Кабарду» (67, с. 74).

Думаем, что привели достаточно примеров из достаточно авторитетных источников, опровергающих ложное утверждение Танкиева.

«Они (Межидов и Алироев. — Авт.) считают, что употребляется и другое выражение: «Гиллакх долуш ву (ю) иза! — «Он (она) воспитанный человек». Нужно отметить, что понятие «Гиллакх» исконно вайнахского происхождения». Большого невежества в данном вопросе и желания ущемить национальное достоинство ингушей трудно и предположить! Да будет известно авторам, что ингуши говорят не Гиллакх (это по-чеченски), а Гѳулакх, и употребляется это понятие в данном случае в значении «этикет»: ГѳалГѳай Гѳулакх — ингушский этикет» (202, с. 67).

А в чем, извините, выражается «ущемление национального достоинства» ингушей? В том, что авторы назвали понятие «Гиллакх» вай-

нахским? А что чеченцы, по Танкиеву, не являются вайнахами? Это, как раз, и есть верх невежества и наглости. Да будет известно Танкиеву, что понятие «этикет» по-чеченски называется «Гиллакх-Гуллакх», что включает в себя и ингушское «Гулакх». В ингушском языке три значения слова «Гулакх». Кроме значения «этикет», оно, так же, как и в чеченском языке, имеет еще два значения – «дело» и «событие, явление». Скорее всего, «Гуллакх» – это более архаичная форма когда-то единого нахчийского (чечено-ингушского) языка, которая сохранилась в современном ингушском языке, а также в некоторых диалектах современного чеченского литературного языка. «Гуллакх/Гулакх»–«Гиллакх-Гуллакх»–«Гиллакх» – это слова, обозначающие одно и то же понятие на разных этапах развития нахчийского языка.

«Наши авторы все напутали и плохо представляют себе, о чем ведут речь. И говорится обо всем этом, оказывается, для того, чтобы уверить читателя в таком еще более нелепом утверждении: «Близко к понятию «Гиллакх» и «обздангалла» и более общее «нохчалла» («чеченство»), которое вбирает в себя весь комплекс нравственных ценностей вайнахов». Как бы авторы не стремились выдавать желаемое ими за действительное, никакого «общего» понятия «нохчалла», «которое вбирает в себя весь комплекс нравственных ценностей вайнахов», не существует и существовать не может хотя бы по причине того, что были и есть два отдельных, близкородственных, но самостоятельных народа: ингушский и чеченский – со своими языками, самобытной культурой, национальным самосознанием. Придуманное авторами понятие «нохчалла» не может быть принято ингушами, ингушским национальным самосознанием: это значило бы перестать быть ингушами и стать чеченцами. Вряд ли это понятие приживется и среди самих чеченцев, так как не для всех чеченцев приемлемо то, что авторы называют «нохчалла» (202, с. 67–68).

Во-первых, к сведению Танкиева, понятие «нохчалла» придумал нахчийский народ, и ему, как специалисту по нахчийскому (вайнахскому) фольклору, должно быть об этом известно. Оно существует еще с древности и включает в себя примерно то, что включает понятие «кьоначалла» (благородство, рыцарство), практически «весь комплекс нравственных ценностей» чечено-ингушского народа. Это те самые положительные качества характера нахчий, которые, в первую очередь, отмечают у них представители других народов, беспристрастно оценивающие их со стороны. Каждый свой поступок чеченцу с самого детства приходилось соотносить с этим эталонным принципом поведения. Вопрос «нохчий вац хьо?», как тревожный сигнал, предупреждающий

об опасности, останавливал нас всякий раз от любых действий, не соотносящихся с этим принципом. А нелепостью являются сами утверждения автора, по всей видимости, явного чеченофоба.

Во-вторых, что имеет в виду автор, когда он пишет, что «вряд ли это понятие приживется и среди самих чеченцев, так как не для всех чеченцев приемлемо то, что авторы называют «нохчалла»? Для кого же это неприемлемо? Как может быть неприемлемо «нохчалла» для самих «нахчий», если это является

их главным идентификационным признаком? Или автор этим самым пытается спровоцировать какое-то недопонимание и трения внутри самого чеченского общества?

В связи с вышеобозначенным понятием «нохчалла», понятна озабоченность Танкиева, который боится за будущее галгайцев, как отдельного народа. Но понятие «нохчалла», в первую очередь, означает принадлежность к общим для чеченцев и ингушей предкам – нахам, и ничего зазорного в этом для ингушей нет. А что касается самобытности культуры и национального самосознания ингушей, хотелось бы знать – в чем эта самобытность выражается, если не считать за это небольшие отличия, связанные с влиянием на них соседних народов, например, тех же осетин? Не в том же, что практически идентичные этические нормы чеченцы называют «Гиллакх-Гуллакх», а ингуши – «Гулакх»?

Как считает И. Сигаури, «ингушская духовная культура и ингушское общество формировалось в несколько иных условиях и в ином соседстве, чем и обусловлены ее отличительные черты. В частности, необходимо отметить сильное осетинское влияние, которое отражается не только в материальной и духовной культуре, но даже и в языке ингушей» (195, с. 406).

«В отношении характера адатов (обычного права), – пишет М. Базоркин, – Вахушти отождествлял ингушей почти полностью с осетинами ... У Вахушти говорится: «... нравами, поступками, обычаями (ингушей – М.Б.) разумея такими, каковы овсы (осетины – М.Б.)...» (19, с. 152).

«Ингушский этикет гулакх во многом отличается от чеченского этикета гилакх (не гилакх, а гиллакх. – Авт.). Не следует навязывать ингушскому языку и ингушскому сознанию чеченские понятия «гилакх и оьздангалла», как это пытаются делать авторы. У него есть

собственные понятия, отражающие его понимание и толкование моральных ценностей. Какое здесь может быть «нохчалла»? Не следует использовать собирательный этноним «вайнах» для ущемления ингушского под видом «укрепления общности и братства» двух народов» (202, с. 68).

Чем же «во многом» отличается ингушский этикет от чеченского? Тем, что в нем, в отличие от чеченского, сохранилось больше языческих традиций (общих когда-то для всех нахчийских обществ)? Не сообразовал ли автор перечислить это «многое»? А что касается термина «вайнах», то чеченцы тут не причем. Он был введен в оборот З. Мальсаговым, вместо уже утвердившего в науке собирательного для всех нахских обществ термина «чеченцы».

«Описывая обычаи, обряды, традиции авторы стараются выявить общее, но избежать различное. О различиях говорится мимоходом, вскользь» (202, с. 68).

А в чем тут, как говорится, криминал? По-нашему, когда «авторы стараются выявить общее» для сближения, это лучше, чем писать только о различиях, к тому же и явно преувеличенных, а зачастую и надуманных, с целью разделения.

В ответ на утверждение Межидова и Алироева о том, что «у ингушей, например, считается большим позором, когда девушка без согласия родителей выходит замуж. Чеченцы же ничего зазорного в этом не усматривают», Танкиев пишет: «Выходить замуж девушке без согласия родителей у ингушей «большим позором» никогда не считалось и не считается. У ингушей осуждается насильственное похищение девушки против ее согласия. Но эту разницу авторы не знают или сознательно умалчивают о ней, пытаясь опять выставить ингушей в неприглядном виде» (202, с. 68). Но тут же, буквально на следующей странице, автор пишет абсолютно противоположное: «В ингушском обряде, в отличие от чеченского, согласие выйти замуж дается не самой девушкой, а родителями невесты. Не она по своей прихоти, а они окончательно решают это с участием других старших семьи и рода, предварительно изучив достоинства и недостатки претендента в женихи и его родственников» (202, с. 69). Кто на самом деле «выставляет ингушей в неприглядном свете» судить читателям!

Известный ингушский специалист по семье и семейным отношениям Фатима Кудусова-Долакова в своей книге «Семья и семейный быт ингушей (XIX – начало XX вв.)» пишет: «Выходить замуж без согласия родителей (едда маъре яхар – тайный выход замуж) у ингушского народа считалось (считается и поныне) позорным. В первое время члены

семьи этой девушки не показывались людям на глаза. Считалось, что их семья опозорена. Из всех бед, которые могли постигнуть семью, худшей считалась та, когда позор касался женщины. Поэтому родители, во избежание беды, как можно раньше старались выдать дочь замуж» (118, с. 85).

«После предварительного решения родители поручали младшей дочери или снохе переговорить с дочерью, чья судьба решалась, и склонить ее к согласию. «Я согласна с решением отца и готова выполнить его волю», – такой ответ дочери считался признаком хорошего тона. Правда несогласие дочери могло и не изменить решения родителей. В некоторых семьях родители и не спрашивали согласия дочери, если считали, что предложение выгодно для семьи и рода. Девушке оставалось только горько оплакивать свою долю» (119, с. 75).

Таким образом, как считает Ф.И. Кудусова, «в этих условиях особенно страдала женщина, лишенная имущественных прав, право выбора жениха и развода с мужем» (119, с. 82).

Все, о чем пишет Танкиев, как о чисто ингушских оригинальных обрядах – это старые, во многом языческие, общенахчийские традиции, с некоторыми заимствованиями у своих соседей (в основном – осетин). Лучшая сохранность древних языческих традиций говорит всего лишь об относительно обособленном и замкнутом развитии ингушей до конца XVIII века.

Это признают и некоторые ингушские авторы. Так, в «Истории Ингушетии» они пишут: «Характер ингушского общества к моменту начала перестройки изменился мало. Оно по-прежнему представляло собой более закрытую и консервативную по сравнению с другими этническими общностями Северного Кавказа социальную формацию. Тейповый характер общества, хотя и не носил столь ярко выраженного, основополагающего характера, как прежде, тем не менее оставался весьма заметным, а в некоторых областях и определяющим» (100, с. 445).

В то же самое время в Чечне, в отличие от Ингушетии, условия жизни людей во многом изменились. Как пишет Б. Далгат, «сплоченность членов тайп давно исчезла в плоскостной Чечне, чему немало способствовал и ислам, разрешающий браки между родственниками боковых линий..., а также внесший много перемен в семейное наследственное право и в самое понятие родства – деление родственников на дальних и близких, мало развитое в нетронутой, чистой родовой организации; такое же разрушающее на единство тайпы влияние должно было иметь и сравнительно раннее расселение чеченцев на плоскости и неизбежное с этим – раздробление тайпы и забвение друг другом

разбросанных по разным концам обширной равнины родственников» (67, с. 103–104).

Обвиняя авторов работы «Чеченцы: обычаи, традиции нравы. Социально-философский аспект» в плохом знании ингушских традиций, Танкиев демонстрирует абсолютное незнание им самим чеченских. Всю «глубину» своих познаний в традициях нахчий автор демонстрирует следующим пассажем: «Тайное заключение брака самой девушкой со своим избранником за спиной родителей и без их ведома, как у чеченцев, по ингушской традиции считается нелепым делом. У чеченцев же, с достижением этого тайного согласия между ними, девушка уже считается «зуда», то есть женой юноши, и он вправе забрать ее даже открыто, в присутствии родителей, как свою супругу, что у ингушей исключено. Одно это уже – универсальное, принципиальное различие, которое определяет многое в различиях семейной морали и этикета у обоих народов» (202, с. 70).

Читая Танкиева, создается впечатление, что о чеченских традициях пишет человек, весьма далекий от Кавказа, нахчий и ислама.

Во-первых, автор демонстрирует полное невежество в знании семейно-брачных обрядов чеченцев. О каком «тайном заключении брака самой девушкой со своим избранником за спиной родителей» идет речь? Понимает ли автор, вообще, что означает «заключить брак», не говоря уже о процедуре заключения брака у чеченцев, которое проходит в строжайших рамках мусульманских канонов и традиций чеченского народа, не противоречащих исламу? В соответствии с этой процедурой, брак («мах бар») заключается кадием или уполномоченным им муллой (а не девушкой или парнем), который спрашивает согласия на это у девушки и жениха, получив их согласие, мулла обязательно должен получить согласие и благословение на брак у отца девушки (если его нет, то ее старшего брата или вераса – дяди по отцу и т. д.). Причем эта процедура заключения брака начинается только после предварительного согласия девушки, а затем и будущего жениха, согласования с родственниками обеих сторон всех основных вопросов, связанных с соединением двух брачующихся. Исключения из этих правил бывают редкими и, поэтому, никаких неожиданных сюрпризов для сторон это не приносит.

Таким образом, абсолютное большинство браков у чеченцев совершается по взаимному согласию сторон и самым важным основополагающим пунктом этого договора, с чего и начинается вся процедура, является согласие на брак самой девушки и парня. Без согласия девушки (хотя бы формального) брак не заключается. А похищения и умыкания,

которые в настоящее время в Чечне категорически запрещены, за редким исключением, стали своего рода экзотической игрой молодежи в «национальные» традиции. Единственно, что делает чеченская девушка, и то, после всех согласований сторон о предстоящем породнении, это улаживается с парнем о конкретном дне (обычно, это среда и воскресенье), месте и времени (до сумерек) своего выхода к родственникам и друзьям своего жениха, которые должно приехать за ней, чтобы забрать ее в дом будущего мужа или ближайших родственников («нус йоссор»). Выходит к условленному месту она с сестрой, близкой родственницей или снохой, которая получив своеобразный «выкуп» передает ее стороне жениха. В большинстве случаев, родственники жениха, после соответствующих согласований и совершения обряда «мах бар», забирают девушку прямо из отчего дома.

Вот как на самом деле, вкратце, проходит обряд бракосочетания у чеченцев, который Танкиев, ничтоже сумняшеся, назвал «тайным заключением брака самой девушкой со своим избранником, за спиной у родителей и без их ведома». А что касается такой ереси, что «с достижением этого тайного согласия между ними (девушкой и ее женихом. – Авт.), девушка уже считается «зуда», то есть женой юноши, и он вправе забрать ее даже открыто, в присутствии родителей, как свою супругу», то я бы категорически не рекомендовал Танкиеву, в случае чего, этого делать, во избежание самых серьезных проблем, которые неизбежно возникнут у него в таком случае.

Так в чем же это «универсальное, принципиальное различие, которое определяет многое в различиях семейной морали и этикета обоих народов»? В том, что «в ингушском обряде, в отличие от чеченского, согласие выйти замуж дается не самой девушкой, а родителями невесты» или в самой процедуре обряда бракосочетания, когда у ингушей в ней сохранилось больше деталей язычества, а у чеченцев, наоборот, ислама, категорически не приемлющего языческие обряды?

«Развод часто считался большим несчастьем для женщины, в отличие даже от близкородственных чеченцев, у которых развод (инициативу в котором нередко проявляла жена) с оставлением детей у мужа и повторные выходы замуж считались и считаются обычным делом для женщины. При этом такие женщины – жерой, вели себя вольно и пользовались не меньшим, если не большим, успехом и вниманием окружающих мужчин» (202, с. 19–20).

Во-первых, Танкиев пишет об общенахчийской этике, а не оригинальной ингушской, которой, как таковой, в природе не существует. Все, что в какой-то степени у ингушей отличается от чеченцев – это

остатки языческой религии и заимствования от соседних народов, а остальное – все общее.

Во-вторых, да, чеченские женщины всегда имели право голоса при определении своей судьбы и иногда пользовались этим правом, предоставленным им шариатом. Семейно-брачные отношения у чеченцев уже несколько столетий регулировались исламом, а не первобытными языческими традициями.

А на счет того, как вели себя «женщины-жерой», то обсуждать поведение женщин (которое за редчайшим исключением не выходило за строгие рамки приличия и мусульманской этики), это не совсем мужское занятие.

Что же касается того, что у чеченских женщин «повторные выходы замуж считались и считаются обычным делом», то это тоже (если даже не говорить о правах женщины в исламе), имеет свои объективные причины. В отличие от «мудрых», как пишет Богатырев, ингушей, их собратьям – чеченцам, столетиями воюющим за свою свободу, для продолжения борьбы нужны были новые воины, вместо павших на полях сражений. Именно в силу этой необходимости и сложилась отчасти такая традиция.

Да, случаи ухода ингушской женщины из семьи были редкостью. Но чем это объяснялось? Абсолютным их бесправием в ингушских семьях. От ее воли в этом вопросе, практически, ничего не зависело. Или тем же самым обычаем левирата у ингушей, когда женщине, у которой умер муж, приходилось выходить замуж за одного из братьев умершего мужа или одного из его ближайших родственников. Много было случаев, когда ушедшая от мужа в отчий дом женщина годами не получала формального развода со стороны мужа, без чего она не имела права выйти замуж за другого человека. Как пишет Н. Грабовский, «молодая женщина, получившая развод, весьма часто обречена была вести безбрачную жизнь, или потому, что родственники ее не имели средств возратить какой-нибудь ничтожной доли калыма мужу ее, или чаще потому, что сам муж уклонялся от принятия калыма единственно с той целью, чтобы разведенная жена была «ни ему, ни другому» (188, с. 52).

Одной из главных причин того, что ингушка не выходила замуж второй раз было то, что родственники разводящейся со своим мужем женщины должны были возратить калым, полученный ими от своего бывшего зятя, а они, в большинстве случаев, не имели такой возможности (размеры калыма были очень большими).

То же самое можно было наблюдать у осетин, у которых ингуши, скорее всего, и переняли эту традицию. Вот что пишет об этом К.И. Го-

стиев: «Случалось, брак заключался без любви, без взаимности. Другое дело, что в этом случае, и даже в случае, когда жена ненавидела своего мужа, она не шла в силу ряда причин на разрыв. Развод непременно сопровождался возвратом калыма и считался позором, поэтому это был редчайший случай в условиях тогдашней Осетии. Скорее для осетин непонятен был развод, а не любовь. Не случайно до сих пор развод в горной части Осетии редчайший случай, тем более по инициативе женщины. (65, с. 160).

По поводу же этической стороны этого дела, на что и намекает автор, то рекомендуем Танкиеву ознакомиться с обрядовой перебранкой ингушских девушек со стороны невесты со своими сверстницами, представляющих жениха, записанную в свое время Б. Далгатом. (67, с. 232–233). Думаю, что он, тем самым, углубит свои этические познания.

По мнению Ф. Кудусовой, «институты левират и сорорат (переход вдовы покойного к одному из его братьев или близких родственников в жены, а также, когда вдовец женился на сестре покойной жены) известны в этнографии многих народов мира, в том числе у кавказских и среднеазиатских» (118, с. 52). По всей видимости, и эта, отсутствующая у чеченцев, традиция ингушами заимствована у осетин.

Вопреки заверениям Танкиева об исключительности похищения девушек среди ингушей, Б. Далгат считает, что «похищают девушек довольно часто (насчитывают 30–40 случаев ежегодно между всеми ингушами) и чаще с их согласия (...) и односельчане вовсе не осудят похитителя, если нет для этого другого повода» (67, с. 163–164).

Интересное толкование дает автор нахчийским словам приветствия «Хьо лаа лелий, хьо тара лелий» (202, с. 70), широко используемого в чеченской разговорной речи, а также в чеченских героико-эпических песнях «Илли».

Они преподносятся автором, как «формула приветствия в ингушском этикете». «Лаа» у нахчий значит «свободно», «по своей воле», в то время как понятие «лаамаза» означает – «несвободно», «против своей воли». «Хьо лаа лелий» означает не «ты находишься в состоянии ла», как пишет Танкиев, а «ты пришел по своей воле». В свою очередь, «тара» происходит от слова «тан», «тарвала» – «мириться», «уживаться». Таким образом, «Хьо тара лелий» переводится не как у Танкиева «ты находишься в состоянии «тара», а «с миром ли ты пришел». Так что, «состояние ла», также как и «состояние тара» – это выдумки автора, показывающие всю глубину его познаний в области родного языка.

«Яхь – соревнование в благородстве, чести и достоинстве – принцип ингушского морального сознания, определяющий стремление к

соблюдению этических норм поведения и образа жизни в наибольшей, идеальной степени. Это глубоко самобытный, уникальный принцип эздел, известный в определенной мере только близкородственным чеченцам, на которых ингушская этика оказала благотворное влияние, что стало возможным в том числе и из-за близости ингушского и чеченского языков» (а близость языков, интересно, возникла в силу каких причин? – Авт.) (202, с. 100).

Вот это новости! Оказывается, что понятие оьздалла/оьздангалла (по-ингушски – эздел), сформировавшееся в среде чеченского народа, представляющего собой ядро всех нахов (чеченцев, ингушей и бацбийцев), известно им (творцам) только «в определенной мере». Более того, как считает автор, «ингушская этика оказала благотворное влияние» на чеченцев, «что стало возможным в том числе из-за близости ингушского и чеченского языков».

А является ли сам Танкиев ингушом, если эта самая ингушская этика, положительно повлиявшая даже на чеченцев, не оказала того самого «благотворного влияния» на него самого, если он позволяет себе такие оценки?

Дело, по всей видимости в том, что автор, вслед за своими единомышленниками И. Абадиевым, Н. Кодзоевым, А.-М. Дударовым и прочими ингушскими «народными этимологами», вознамерился возвысить ингушское начало в истории и культуре нахчий (вайнахов), ущемив и, по возможности, дискредитировав в ней чеченское начало. Вышеназванные «ученые» насочиняли такое количество абсолютно невероятных небылиц, что у них у самих голова кругом пошла и они запутались в собственных противоречиях. Как, например, в случае со свадебным обрядом у чеченцев и ингушей.

Какое влияние могла оказать «ингушская этика» (этика общества, являвшегося всего лишь частью нахчийского народа) на свою основу – чеченский народ, который всегда был в авангарде наиболее значимых событий в истории народов Кавказа и являлся своего рода стовальным хребтом нахчий (вайнахов); народ, который на протяжении веков по существу являлся гарантом безопасности и сохранения западных нахчий (ингушей) от полной ассимиляции их осетинами и кабардинцами; народ, на удивление и восхищение всего мира, не на словах, а на деле, десятилетиями отстаивавший свою свободу и независимость, а также свое оригинальное национальное мировосприятие и этику в войнах с самой могущественной военной державой мира и, тем самым, сохранивший все это, в отличие от назрановских старшин, вопреки всем канонам «самой совершенной в мире этики» перешедших на сто-

рону завоевателя, во множестве принявших их веру и образ жизни и воевавших против своих соплеменников в рядах их противников; народ, давший миру Тинина Вису Цонторойского, Клахи Гюната Терлоевского, Алдам-Гази Нашхоевского, Берс-Шайха Курчалойского, Ади Сурхо Чеберлоевского, Шейха Мансура Алдынского, Бейбулата Таймиева, Ахмада Автуринского, Астемира Шатоевского, Байсангура Беноевского, Албек-Хаджи Зандакского, Дадии Айбику и Таймасху Гехинскую, Уму Дуева Зумсойского, Ташу-Хаджи Саясановского, Кунта-Хаджи Илсхан-Юртовского, Сугаип-муллу Атагинского, Зелимхана Харачоевского, Таштемира Эльдарханова, Абдурахмана Авторханова, Тапу Чермоева, Асламбека Шерипова, Ювду и Йелу Митаевых, Докку Шаптукаева, Элаха-муллу Энгеноевского, Дени и Багаудина Арсановых, Мовлади Висайтова, Ханпашу Нурадилова, Хасуху Магомадова, Ахмат-Хаджи Кадырова и многих, многих других выдающихся личностей, на века вперед прославивших не только чеченцев, но и ингушей; народ, благодаря миссионерской деятельности устазов которого

ингуши добровольно приняли мусульманство; народ, постоянно, ценой тысяч жизней лучших своих сыновей и дочерей, защищавший свою честь и достоинство, свое национальное лицо, «яхь» и «оьздалла», не склонявшего голову перед завоевателем, который, как известно, пришел в твой край с войной вовсе не для укрепления твоих национальных традиций и особенностей, а чтобы лишить тебя всего этого?

Как видно из истории, этот «глубоко самобытный, уникальный принцип эздел» (по чеченскому «оьздалла»), со всеми его значимыми составляющими, постоянно проявлялся в чеченцах во всей своей полноте.

Танкиев пишет о своеобразном (главным образом, отличном от чеченского) ингушском «эздел», а большинство примеров проявления этого «эздел» приводит из чеченских героико-эпических песен и сказаний. Ади Сурхо, Тайми Бийболт, Мадии Джаммирза, Алдам Геза, Иалхи Йела и т. д. – реальные чеченские национальные герои, без всякого зазрения совести, представляются им как ингушские. Разве откровенное воровство чужого («курхал дар») соотносится с ингушским «эздел»? Или танкиевы, дахкильговы и мальсаговы считают, что если они, пользуясь своим служебным положением, буквально украли «Илли» или другие произведения устного народного творчества у чеченцев и

успели его первыми опубликовать в печати или первыми написать про него научную статью, оно волшебным образом превратится в ингушское произведение? Если они действительно так считают, то они глубоко ошибаются.

Пока чеченцы в жесточайших войнах (еще со времен Кавказской войны), не на словах, а на деле, защищали эти самые национальные ценности, в том числе и «обздалла», отдельные представители наших западных братьев, вопреки той же самой «эздел», повсюду занимались «прихватизацией» нахчийского духовного и культурного наследия. Теперь настала пора вернуть все на свое место. И пусть кодзоевы и танкиевы не сомневаются, что это будет сделано в полной мере.

«С усилением захватнической войны царизма против горцев Северного Кавказа началась новая полоса бед и страданий ингушского народа. А с установлением господства России на Кавказе предки ингушей, как и другие горцы, подверглись дикому и бездумному произволу и беззаконию захватчиков» (202, с. 400).

Как говорится, «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!». О каких захватчиках идет речь? В отличие от своих собратьев-чеченцев, ингуши, вроде бы, добровольно вступили в подданство России. Как же все это соотносится?

«В среде чеченцев бытует анекдот: ингуши с момента встречи заняты только тем, что все стоят и уговаривают друг друга, куда кому садиться, и никак не могут решить эту «проблему». Этот сюжет возник не случайно. Он свидетельствует, что даже близкородственным чеченцам непонятно это проявление тонкого ингушского обхождения... Для него это не является ненужной или излишней формальностью, какой ее нередко считают даже те чеченцы, которые более других знакомы с ценностями ингушского этикета и находятся под его благотворным влиянием» (202, с. 452–453).

Остается только благодарить судьбу, что послала нам таких щедрых на «благотворительность» братьев, как танкиевы. Чтобы мы делали без вас, братья наши?

Никакого анекдота о странностях в поведении ингушей, которые «непонятны» даже самим чеченцам, не было и не могло быть, так как чеченцы сами, зачастую, грешат теми же «излишествами». Так что, за-

ниматься сочинительством «чеченских» анекдотов автору нет никакой необходимости, чеченцы сами являются известными мастерами различных шуток и анекдотов. Не зря их называли «французами Кавказа».

Этот сюжет, который приводит автор, свидетельствует не о том, «что даже близкородственным чеченцам непонятно это проявление тонкого ингушского обхождения», а всего лишь о поверхностном знании этикета ингушами. Если бы это было не так, то, без всякой суеты, каждый бы строго следовал тому, что ему положено делать по этикету (в случае о котором пишет автор – все заняли бы положенные им по «статусу» места).

А что касается вновь и вновь повторяемого автором тезиса о том, что чеченцы «более других знакомы с ценностями ингушского этикета и находятся под его благотворным влиянием», то это, отчасти, соответствует действительности, так как чеченцы являются основными творцами общенахчийского (вайнахского) этикета, куда составной частью входят и нормы поведения ингушей.

Вызывают невольную улыбку натяжки и попытки придания какой-то особой смысловой нагрузки, гиперболизации всего того, что так или иначе связано с жизнью и бытом ингушей. Так Танкиев пишет: «У ингушей существовал сложный ритуал и церемониал стола... Все это сложное действо происходило по заранее известным и тщательно соблюдаемым канонам, и ему придавалось такое же большое значение, какое и дипломатическому обеду на встрече глав государств различных стран... Каждый элемент ингушского стола, как и стола дипломатического, необходим и постоянен. Например, при употреблении мясных блюд перед каждым присутствующим, кроме других столовых принадлежностей, непременно ставится отдельная чашка с соусом – берхIа. Нарушение этого этикета, так сказать, «по ингушскому дипломатическому протоколу» недопустимо» (202, с. 469).

Что тут сказать? Не касаясь прибабасов, типа «сложный ритуал и церемониал стола» (которые здесь абсолютно не причем), хотелось бы спросить у автора, как можно обойтись при употреблении мясных блюд без «берхIа», если «берхIа» (соус) является составной частью этих мясных блюд и без этого самого «соуса – берхIа» эти блюда вообще не употребляются? Причем тут «ингушский дипломатический протокол?» Цхьа а доцхух хIума дан а ца гIерташ, дерг ма-дарра хIунда ца дуйцу аш, вежарий?

Мы не намеревались комментировать новые «исторические» блуждания И. Абадиева, так как были знакомы с его первым скандальным пасквилем на чеченский народ. Но тот факт, что рецензентами, положи-

тельно оценившими его последнюю, с позволения сказать, книгу «Эздел – формула земной и вечной жизни» (Назрань, 2005. Издание 2-е, дополненное) явились такие известные ингушские ученые и государственные деятели, как Чахкиев Б.А., доктор политических наук, кандидат исторических наук; Богатырев Б.Б., кандидат экономических наук, подвигнул нас сделать это.

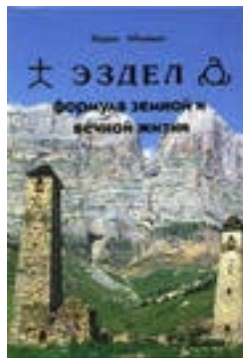
На «величественном» рисунке на внутренней стороне обложки книги, названном «Происхождение народов от Ноя», демонстрирующего абадиевское видение происхождения народов, только ингуши происходят от основы (Ноя) с корневой системой из «эздел», «территории» и «языка». Эта основа – пень с семью обломанными ветками, напоминающий еврейский семисвечник менору – символ иудаизма. От этого семисвечника идет единственный отросток с названием «ингуши», который, по всей видимости, олицетворяет собой происхождение ингушского народа.

На разном расстоянии от этого пня-основы растут небольшие деревца с названиями то отдельных народов (чеченцы, осетины, грузины, турки), то их целых групп (романцы, адыге, славяне, дагестанцы, семиты, германцы). Ближе всех к избранному абадиевым ингушскому народу находятся родственные им чеченцы и, почему-то, вечные оппоненты ингушей – осетины. Чуть дальше грузины, дагестанцы, и так далее.

Из трех основ, по мнению Абадиева, связывающих народы друг с другом (эздел, территория и язык), чеченский народ связан с ингушами только по двум – территории и языку, осетины и грузины только по территории, остальные народы и сообщества народов – ничем. А с понятием «эздел» (благородство) не связан ни один народ, даже чеченский. Этим качеством, по мнению автора, Бог наделил исключительно ингушский народ. Так что, как говорится в таких случаях, «суду все ясно!».

Обычно, через все выступления отдельных недовольных своим положением ингушских лидеров и общественных деятелей рефреном проходит одна мысль, что де ингуши, добровольно принявшие подданство России и верой и правдой служившие ей находятся в худшем положении, чем всю жизнь противостоявшие России чеченцы, которые получают всяческие льготы от нее. Они пишут, что это несправедливо и России необходимо все это поменять.

Озабочен данной несправедливостью и Абадиев, который заявляет: «Для того, чтобы Россия успешно вела внутреннюю и внешнюю по-

литику и не повторяла свои ошибки, и для сохранения целостности России, необходимо изменить отношение власти к ингушскому народу. Необходимо, в первую очередь, выполнить российский Закон «О реабилитации репрессированных народов». Ингушетия всегда являлась вершителем судеб Северного Кавказа. России на Кавказе нужно опираться на Ингушетию и тогда она избегнет многих ошибок и просчетов, подобных тому, которые привели к осетино-ингушскому конфликту 1992 года, к двум чеченским войнам, к появлению на Северном Кавказе ваххабитского движения и т. д.» (2, с. 205).

Так вот для чего, оказывается, автор, иногда доходя до неприличия, превозносит ингушей, попутно уничтожая другие соседние народы, особенно чеченцев. Это, по всей видимости, делается для того, чтобы в очередной раз, пользуясь определенной слабостью российского государства и неоднозначной ситуацией на Северном Кавказе, надавить на российское руководство, с целью проведения своих интересов в регионе.

Но ставку, как мы знаем, обычно делают на сильного, иначе не только ничего не приобретаешь, но можешь потерять и то, что есть. Ну а что касается постоянных заклинаний отдельных представителей ингушского народа в верности России, звучащих попеременно с обвинениями во всех смертных грехах, то они не только не убедительны, но и вызывают массу вопросов, в первую очередь, насчет их искренности.

Что значит «Ингушетия всегда являлась вершителем судеб Северного Кавказа»? Когда и в чем это выражалось? Если только не в том, что некоторые ингушские лидеры всегда остро чувствовали конъюнктуру и умело пользовались этим. Ведь всю жизнь ингуши, как они сами признаются в этом, были так называемым «страдающим» народом. То их заставляли платить дань кабардинцы и кумыки, то осетины захватывали у них земли, то грузины заставляли их принимать христианство, то карабулаки житья не давали, то чеченцы их ассимилировали. Влияние ингушей на события в регионе, на окружающие их народы, без родственных им чеченцев, самой крупной и способной на конкретные действия коренной нации в регионе, по большому счету, было небольшим.

Значимость того или иного народа напрямую зависит от его экономического, политического, научно-технического, интеллектуального, территориально-ресурсного, культурного и, наконец, человеческого потенциала, так сказать, его «весовой категории», а ничем необоснованного сомнения отдельных его представителей.

Из той же «оперы» следующие высказывания Абадиева: «В период Русско-Кавказской войны Ингушетия, являясь буфером между имамом Шамилем и Россией, принимала все удары на себя и выстояла. (...)

Ингушетия не дала распространиться пожару войны на другие регионы Кавказа» (2, с. 201). «Благодаря ингушскому народу, который никогда не нарушал взятые на себя обязательства в договорах, заключенных с Россией в 1770 и в 1810 гг., войска имама не прошли на территорию России» (2, с. 67).

Какой «буфер между имаматом Шамиля и Россией»? Какие такие «удары», которые принимала на себя Ингушетия, в то время, когда ингуши не могли обеспечить даже собственную безопасность? Как известно, гарантом безопасности ингушских сел на плоскости были русские войска.

Ингушетия в период Кавказской войны была передовой линией российской армии, а не буфером. А назрановцы принимали деятельное участие в войне царской России против горцев Кавказа и, в первую очередь, против своих братьев нахчий.

Под ударами, которые принимала на себя Ингушетия автор, наверное, имеет в виду несколько набегов отрядов Шамиля на крепости Владикавказ и Назрань, против которых вместе с русскими войсками воевало и ингушское ополчение. Как могла крошечная Ингушетия не дать распространиться войне на другие районы Кавказа, если эта война шла по всему Северному Кавказу и единственными противниками горцев в этой войне, кроме самих русских, были сами ингуши и их вечные оппоненты – осетины, которые своим переходом в стан завоевателя разорвали единый фронт воюющих за свою свободу и независимость горцев Кавказа на две части?

«Чеченцы признаются, что ингушом быть очень трудно. Часто чеченцы подтрунивают над ингушами, говоря: «Вы, ингуши, нигде не расслабляетесь, всегда подтянуты, как военные, находящиеся в строю». У них существует поговорка: «Хорошо быть чеченцем при жизни, а ингушом после смерти», – продолжает нести свой бред автор. (2, с. 38).

Действительно, чеченцы любят смеяться над собой и по-доброму подшучивать над своими братьями-ингушами: над их своеобразным обрывистым произношением, над их зачастую детской наивностью и простодушием, над их привычкой хвастаться и чрезмерно преувеличивать свои деяния, над приоритетом в их деятельности формальной стороны дела над сущностной.

Рассказы про отдельные чеченские тайпы, а также ингушей занимают довольно значимую часть современных чеченских шуток и анекдотов. У чеченцев был известный острослов и балагур Мази из Катыр-Юрта, который часто бывал в Ингушетии по торговым делам. Мази любил разыгрывать своих знакомых людей, в том числе и ингушей. Его

до сих пор хорошо помнят среди людей старшего поколения не только в Чечне, но и в Ингушетии. На шуточки у чеченцев и ингушей не принято обижаться. Не зря вайнахская пословица говорит: «Ша лай воцург забар йича оьгIаз гIур вац» – «Только раб обижается на шутку». Надо сказать, что ингуши вполне адекватно реагируют на все это и, в свою очередь, отвечают чеченцам тем же.

Но о том, что «чеченцы признаются, что ингушом быть очень трудно» (легко ли, трудно ли – зачем это чеченцу нужно быть ингушом?) и что у чеченцев существует поговорка «Хорошо быть чеченцем при жизни, а ингушом после смерти», я слышу впервые. Так что Абадиев, как автор, смело может запатентовать свои изобретения в Государственном патентном ведомстве Российской Федерации.

Что действительно бытует среди чеченцев, то это выражение, «что нелегко быть настоящим чеченцем». Что же касается приведенной автором «чеченской поговорки», то мы, к своему стыду, не смогли понять ее смысла.

Не гнушается автор и подлогом. Так на стр. 203 книги Абадиева размещена фотография под названием «Съезд авторитетных представителей ингушского народа», что, так же, как и в случае с башнями у Дударова с Кодзоевым, является подлогом. На самом деле это 1-й съезд представителей горских народов Кавказа, который состоялся 14 мая 1917 года во Владикавказе. Среди делегатов мы видим видных чеченских религиозных и общественных деятелей: Дени Арсанова, Сугаипа Гайсумова, Тапу Чермоева, генерала Ирисхана Алиева, Ахметхана Мутушева.

А вот как отозвался о своеобразном творчестве Абадиева И. Сигури: «Самое смешное то, что, обрушившись с нападками на чеченцев, И. Абадиев не смог ничего хорошего сказать и об ингушах. Заявив, что главное достоинство ингушей перед чеченцами – строгое следование «эзделу», он так и не объяснил, что же, собственно, представляет из себя ингушский «эздел» и чем он отличается от чеченского понятия «оьздангалла». Из описания, данного И. Абадиевым, можно заключить, что ингушский «эздел» состоит из двух обычаев: гостеприимства и избегания зятем родственников жены. Но умением принять гостя традиционно славятся все кавказцы, и в этом смысле заявление И. Абадиева просто бестактность. А что до обычая избегания, то он известен у многих народов и помимо кавказцев – у бурят, хакасов, монголов, алтайских народностей, ирокезов Северной Америки, бушменов Африки и аборигенов Австралии. Интересно, кого И. Абадиев хочет удивить, поведав, что этот обычай сохранился и у ингушей?» (195, с. 405).

«Откровения» из книги Абадиева говорят сами за себя и дальнейшее их комментирование считаем излишним. Приведем лишь некоторые примеры из его книги, где все ясно и без всяких комментариев:

– «Название «Нана-Нясаре» означает, что эта территория является главной прародиной всех других территорий, заселенных в древности людьми» (2, с. 89).

– «Назрань моя, Нясаре, Нана,
Человеческого рода колыбель,
Со дня сотворения мира
Ты матерью стала для всех» (с. 89).

– «Приводимые Абадиевым И. исследования говорят о том, что еще 40 тысяч лет назад долина Нясаре – Нана Нясаре – Мать – Нясаре была населена. (?) Её так называли потому, что она, по мнению автора, является матерью не только для ингушей, но и для всего человечества» (с. 4).

– «Автор выдвигает гипотезу о том, что то место, где высадился Нух (Ной), где он жил и был похоронен, откуда произошло возрождение человечества, есть Ингушетия» (с. 4).

– «На рубеже IV–III веков до н. э. пришлые протокартвельские племена начали смешиваться с древнеингушскими племенами, в результате чего и сложился древнегрузинский народ. Многие грузинские фамилии произошли от ингушей в разное время и под разными обстоятельствами переселившихся в Грузию» (с. 5).

– «По одной из версий, восточные иранцы появились здесь в 13–14 вв., в период монгольских походов. При смешивании с ингушскими племенами было положено начало ираноязычной осетинской нации. (...) В складывании осетинской нации большую роль сыграло местное ингушское население, ассимилированное пришлыми иранцами» (с. 5).

– «Чеченцы последними отошли от ингушей. Чеченцы – это те ингуши, которые смешались с другими народами, не соблюдавшими эздел» (с. 5).

– «В Гарвардском университете в США преподают 4 мировые демократии, одна из которых вайнахская (читай: ингушская). На самом деле в основе и остальных трех демократий лежит ингушская демократия, которая идет от пророка Ноя» (с. 34).

– «Дети, родившиеся от смешанного брака, обычно хорошо знают язык матери, но могут не знать язык отца. Но если ингушка выходит замуж за представителя иной национальности, то ее дети, обычно, ингушского языка не знают. Даже дети, родившиеся от отца ингуша и матери иной национальности и живущие среди ингушей, часто плохо знают родной язык и обычаи. Что также подтверждает мысль о том, что не быть ингушом легче!» (с. 38).

– «В том значении, которое принято в науке – обозначение двух родственных народов – ингушей и чеченцев, слово «вайнах» впервые начали применять Заурбек и Дошлуко Мальсаговы в 30-х гг. XX века, которые выдвинули и пытались реализовать идею о едином чечено-ингушском языке и народе. Чеченцам этот термин ранее не был известен, он применялся только среди ингушей. (...) Ингуши его употребляют наравне с термином «ГалгIай («ингуши»)). Ингушские старики всегда в разговоре разделяют понятие «вайнах», подразумевая под ним только ингушей, и «нохчи» («чеченцы») (с. 22).

– «Те чеченцы, которые имеют происхождение от арстхойцев, т. е. очечененные арстхойцы, не называют себя арстхоевцами. Они потеряли свои генеалогические корни, пишут фамилии по именам отца или деда и рождаются с представителями своего рода, т. е. они оторвались от корня. Те арстхоевцы, которые не оторвались от корня и проживают в Ингушетии, знают свою генеалогию, считаются братьями и сохранили в полном объеме эздел» (с. 80).

– «Эздел был ниспослан всему человечеству, но в совершенстве сохранился он только у ингушей. Эздел ингуши соблюдают со всеми людьми, какой бы нации, расе они не принадлежали, какой бы религии не придерживались» (с. 18).

Вот такой вот абадиевский, но вовсе не ингушский «эздел»!

О ЯЗЫКЕ

*Если тот огромный путь, который сделали
чеченские и ингушские наречия в своем развитии ...
был бы направлен к единству, то мы бы уже имели
сегодня основу для единого литературного языка.*

З. Мальсагов

Нахские языки входят в нахско-дагестанскую группу так называемой иберийско-кавказской языковой семьи. Эта группа языков включает в себя языки аборигенных народов центральной и восточной частей Северного Кавказа. Из нахских языков в него, кроме современных чеченского и ингушского, входит и бацбийский язык, не имеющий собственной письменности и находящийся на грани исчезновения.

Есть и другие классификации кавказских языков.

«По классификации Н.Я. Марра – чеченцы, ингуши и кисты (бацбийцы. – Авт.) по языку отнесены к чечено-дагестанской группе яфетидов.

По Ф. Брауну, чечено-ингушская и цово-тушинская группа языков отнесена к спирантной ветви яфетической семьи языков.

По Н. Трубецкому, все северокавказские языки делятся на две семьи: 1) чечено-лезгинские или восточно-кавказские и 2) абхазо-черкесские или западно-кавказские языки.

В пределах первой семьи различаются 8 групп и в числе их – чеченская группа с тремя ветвями: а) собственно чеченской; б) ингушской; в) тушинской или бацбийской.

По Эркерт и Финку – чеченский (с тушинским и ингушским) язык отнесен к северо-восточной группе северокавказских языков (вместе с лезгинскими языками)» (67, с. 46–47).

Посмотрим, как о языковой проблеме говорится в довольно-таки объемистой книге «История Ингушетии», вышедшей в 2011 году под эгидой Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева во главе с известным фольклористом, доктором филологических наук, профессором Ибрагимом Дахкильговым.

Книга издана тиражом в 1000 экземпляров. В редакционную коллегию издания, кроме самого Ибрагима Дахкильгова, входят: З.Р. Дзуматова, М.Б. Долгиева, М.М. Картоев – зам. отв. ред., М.А. Матиев, Р.С. Хау-

тив. Рецензентами являются доктор исторических наук, профессор М.А. Агларов и доктор исторических наук, профессор Т.С. Цолоев.

Для придания большей основательности и значимости своей работе, авторы «Истории Ингушетии» предварили ее вступительным словом Президента Республики Ингушетия Ю.-Б. Евкурова, который высоко оценил труд коллектива Ингушского НИИ (по всей видимости, он не был знаком с содержанием книги и, тем самым, банальным образом подставлен). Ю.-Б. Евкуров пожелал авторам «не останавливаться на достигнутом и продолжать совершенствоваться и дополнять данное исследование» (100, с. 5).

Приведем некоторые примеры из данного издания, наиболее ярко демонстрирующие откровенный дилетантизм и отсутствие научности в сомнительных изысканиях его авторов.

На 16 странице введения, авторы издания называют ингушскими практически все общества Чечни, кроме Нохчмахкахоевцев (их, скорее всего, оставили, так сказать, «на закуску», ведь они тоже являются выселенцами из горного Нашха) – Аьккхий, Орстхой, Маьлхий, МІайстой, Кей, Тперлой, Мулкьой, Шотой, ЧІаьнтий, Шарой, ЧІинхой, Чебарлой. «Все эти этнотерриториальные группы были изначально ингушеязычными и развивались в едином этнокультурном пространстве», – заявляют авторы, не постаравшись привести ни одного доказательства своему оригинальному заявлению. Насколько это соответствует действительности, думаю, нет никакой нужды доказывать, достаточно сказать, что все эти общества являются основой нахчийского народа, так же, как таковыми до конца XVIII века являлись и несколько западных вайнахских (нахчийских) обществ, на основе которых впоследствии сформировался ингушский народ.

Такие «глубокомысленные» выводы по поводу языковой принадлежности горных обществ Чечни (какой же может быть язык у коренных чеченцев, кроме своего родного?) авторы делают на основе некорректной интерпретации мнения исследователя А.Н. Генко. Так они пишут: «А.Н. Генко, приводит данные языка, подтверждающие, что ингушский язык был распространен в прошлом на всей нагорной полосе Чечни, вплоть до Андийского хребта» (100, с. 116).

Во-первых, Генко ничего не утверждал. Он писал об определенном сходстве диалектов нагорных чеченцев с ингушским наречием. Но это совсем не предполагает, что они должны быть ингушскими. На то они и диалекты, чтобы отличаться от литературного языка.

Во-вторых, Генко, на самом деле, считал чеченскими не только диалекты горной Чечни, но и само ингушское наречие.

В-третьих, не только Генко, но и десятки известных во всем мире исследователей считали ингушей «одним из колен чеченского племени», а ингушский язык – диалектом чеченского языка.

Все это, конечно, не может отрицать сложившуюся на сегодняшний день реальность – есть отдельный от чеченского ингушский народ со своей республикой и отдельным от чеченского ингушским языком.

А вот что, на самом деле, писал сам Генко: «Признак, по которому они (ингуши. – Авт.) выделяются в науке из массы своих соседей, – их ингушский язык – основной, с точки зрения этнической классификации, хотя и не единственный для нас, принцип деления. По этому признаку они входят, как часть, в состав чеченской группы наречий... Следует еще заметить, что произношение «с» (вместо обычного «ст» в начале некоторых слов в чеченском) характеризует всю нагорную часть Чечни, вплоть до чеченцев Андийского округа в Дагестане (отмечено для Итум-Кале, Чабирлоя и т. д.). Все перечисленные районы образуют, таким образом, в настоящее время особую разновидность чеченского языка, которую мы можем назвать условно ингушской» (95, с. 457–462).

Как мы видим, Генко пишет об ингушском наречии, всего лишь, как «особой разновидности чеченского языка». Авторы «Истории Ингушетии» не совсем добросовестно цитируют текст оригинала.

Никто не отрицает близости ингушского наречия к диалектам обществ горной полосы Чечни, так же, как и близости самого ингушского наречия, в целом, к чеченскому языку. Об этой близости и кровном родстве чеченского и ингушского народов написано множество научных трудов, в том числе и ингушскими учеными. Дело в том, что авторы рассматриваемого нами издания вместо того, чтобы на основе близости наших языков сделать вывод о единстве наших народов, почему-то, стараются обосновать этим нашу разность или, что смешно, первородство ингушей по отношению к чеченцам. А заодно, пытаются посеять семена недоверия и вражды среди обществ, составляющих сам чеченский народ.

Современный чеченский литературный язык (так же, как и ингушский) относительно молод. Он сформировался на основе плоскостного диалекта, на котором говорило большинство жителей Чечни (Нахчийчоь/Нахийчоь). В свою очередь, плоскостной диалект, как основа языка будущей единой нахчийской нации, складывался на протяжении нескольких столетий из диалектов всех горных нахчийских обществ, в том числе и наречий, ставших основой современного ингушского языка.

Наличие диалектов и говоров – это признак относительно обособленного развития различных общественных групп, и, вместе с тем, показатель многообразия и богатства языка основы. Так же, как реки, ручейки и родники подпитывают озера и моря, диалекты и говоры постоянно подпитывают письменный литературный язык. Если мы внимательно посмотрим на особенности чеченских диалектов и наречий и на их распространение по отдельным нахчийским территориям и обществам, то увидим интересную картину.

При движении с востока Чечни на запад эти диалекты плавно, без резких скачков, переходят один в другой. С «ийкающего» (например, «алийта») ножай-юртовского говора на довольно-таки своеобразный «айкающий» («алайта») веденский; в свою очередь, веденский говор незаметно переходит в шаройский (занимающий промежуточное положение между веденским и шатойским наречиями); шаройский в соседний шатойский и чантыйский; те постепенно переходят в терлоевский говор; терлоевский в нашхойский и галанчожские говоры; они, в свою очередь, в аккинский и орстойский диалекты и говоры; а последние – в наречия, на котором говорят ингуши.

То же самое можно наблюдать и в обратном направлении. Что интересно, нет никаких резких перепадов, одно наречие плавно переходит в другое. Соседние диалекты и говоры абсолютно понятны и тем, и другим и, практически, мало чем отличаются друг от друга. Тогда как разница между самым восточным – ножай-юртовским говором и крайне западным – назрановским диалектом единого нахчийского языка более существенная, но не до такой степени, чтобы респонденты, говорящие на них не понимали друг друга.

Весь спектр этих диалектов и говоров, как семь цветов радуги, представляет собой неразрывное единство нахчийского языка. Именно поэтому такие нахчийские кьонахи, как Заурбек и Дошлуко Мальсаговы, Халид Ошаев, Магомед Мамакаев и предлагали в 30-е годы прошлого столетия ввести для близкородственных чеченского и ингушского языков единую письменность, которую известный ингушский ученый З. Мальсагов условно называл «общечеченской письменностью». Он-то, наверное, понимал, что он предлагает. И, без всякого сомнения, был не меньшим патриотом своего народа, чем те же абадиевы и кодзоевы.

По поводу того, что «чеченский язык какой-то «ласкательный». Когда чеченец что-то говорит, кажется, что он просит о чем-то». В чеченском языке, к примеру, есть наклонения, используемые при общении с такими уважаемыми людьми, как Заурбек и Дошлуко Мальсаговы или Руслан Аушев («ларамца»), но есть и такие, которые используются при

общении с такими людьми, как абадиевы и кодзоевы («човхош»). А сама множественность этих наклонений, в отличие от ингушского языка, опять-таки, говорит о богатстве чеченского литературного языка.

В то время как у чеченцев, представляющих абсолютное большинство нахчийских обществ, в процессе образования единого народа сложилось общее междialeктное наречие, названное «нохчийн мотт», у ингушей до последнего времени не было даже самого понятия «гIалгIай мотт», что однозначно указывает на то, что они к тому времени еще не сложились как народ.

На этот факт, в свое время, обратил внимание известный исследователь Н. Яковлев. Он отмечал, что «ингуши сами себя называют «галгай», но язык свой именовали до сих пор просто «наш язык», так же, как чаще и себя зовут: «наш народ». У них есть особое национальное имя, но они обычно не употребляют его по отношению к своему языку. Говорить «галгай мотт» – галгайский язык – не принято... Ингуши, как и многие другие народы Кавказа вместе с их языками, по происхождению считаются очень древними, но в то же время они – младенчески юные, а отчасти еще совсем не родившиеся народности, «национальности», которые часто не успели еще выработать и особого названия для такого нового в их быту явления, как национальное единство» (95, с. 217–218).

Невольно признает это даже Танкиев, который пишет: «Это глубокое суждение и наблюдение профессора Н. Яковлева заслуживает самого серьезного внимания и с точки зрения гносеологии формирования ингушской морали и этикета, равно как и нравственного национально-самосознания в целом (так накручено, что сразу и не разберешься! – Авт.). Очевидно, что понятие «вейнах», «вей мотт» (наш народ, наш язык) возникли среди предков ингушей еще в глубокой древности и, конечно, исторически предшествуют синонимичным понятиям «гIалгIай къам», «гIалгIай мотт» (галгаевский народ, галгаевский язык), употребление которых в общенациональном значении не было окончательно закреплено еще в первой четверти XX века, что видно из наблюдения Н. Яковлева» (202, с. 477).

Что и требовалось доказать! Автор признался в том, что пытался отрицать на протяжении всей своей книги – понятия «ингушский народ», «ингушский язык» относительно молодые образования, «употребление которых», как он пишет «в общенациональном значении не было окончательно закреплено еще в первой четверти XX века».

Таким образом, по мнению Танкиева, формирование ингушского народа не было закончено даже в первой четверти XX века. Дей-

ствительно, понятия «ГалГай кьам», «ГалГай мотт» относительно молодые и они, до искусственного отделения небольшой части западных нахчий от подавляющего большинства своих собратьев в начале XIX века, как отдельный народ и отдельный язык, в природе не существовали. «ГалГай», наряду с «нохчмахкахой», «шарой», «шотой», «Чебарлой», «орстхой», «цхорой» и т. д., представляли собой всего лишь одно из племен единого нахчийского народа, говорившее на одном из его диалектов.

Так что такое диалект? Диалект – это «разновидность (вариант) данного языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных тесной территориальной или социальной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном контакте» (13, с. 131).

«Диалекту могут быть присущи и такие специфические особенности, которые не свойственны всем другим диалектам и говорам данного языка, что говорит о том, что эти особенности возникли в период относительно самостоятельного развития диалекта. Основной причиной возникновения диалектов, видимо, является территориально-хозяйственное обособление общества под влиянием определенных социально-экономических условий» (189, с. 112). Все отличия ингушского языка от чеченского именно этого плана!

На это же, рассказывая о первой чеченской азбуке, указывает и Б. Далгат: «Предлагаемая азбука составлена для языка народа, который сам себя назвал «нахчуй» или «нахчий» (в единственном числе – «нахчуо»), а у нас называемое чеченцами или кистинами (последнее название грузинское). Язык нахчуй дробится на множество наречий, которые возникли частью по уединенному положению некоторых обществ, частью под влиянием языков соседних народов, осетин, и в особенности, кумыков» (67, с. 46).

Как пишет Явус Ахмадов, «нахские (чеченские, ингушские и бацбийские) языки и их диалекты являлись разновидностью одного и того же языка-основы, который в ходе развития во времени и пространстве в той или иной мере видоизменялся. Вместе с тем, основная лексика, названия орудий труда, мер веса, длины и производственная терминология и другие показатели во всех нахских языках и диалектах оставались практически идентичными, что, конечно, говорит о распаде единого исходного языка (сформировавшегося, безусловно, на равнине) на диалекты и говоры в относительно недалеком прошлом» (11, с. 117).

Кроме того, нельзя не учитывать и влияние соседних народов и культуры. В одной из своих работ Ю. Дешериев пишет: «В процессе истори-

ческого развития народов Кавказа, в силу длительных культурно-языковых влияний, языки некоторых из них значительно видоизменились. Так, под влиянием осетинского языка на ингушский между ним и чеченским появились немалые отличия. По мнению лингвистов, в конце XVIII века ингушский язык содержал значительно больше общевайнахских черт, чем в первой четверти XX века» (78, с. 83).

Во всех исследовательских работах, вышедших до 30-х годов XX века, чечено-ингушская и даже нахская общность обычно называется «чеченской». До тех пор, пока не были введены термины «вайнахи» и «нахи». Даже Н. Яковлев, на которого часто ссылаются кодзоевы, в своей работе «Вопросы изучения чеченцев и ингушей» тоже относит ингушей к чеченцам. «Чеченцы, – пишет он, – насчитывают всего три родственных племени, это, во-первых, ингуши, называющие себя Ғалгҕай, во-вторых, чеченцы, или нохчий, и в-третьих, маленький народ тушины – бацой» (238, с. 10).

Как отмечает Явус Ахмадов, язык нахчий, по большому счету, состоял только из двух основных диалектов: горного (ломара) и плоскостного (арара). Горный диалект включал в себя различные наречия и говоры всех живших в горах нахчийских обществ, в том числе и наречий предков современных ингушей. А плоскостной (так называемый чеченский) диалект, был производной формой всех вышеназванных горных наречий и говоров. Этот диалект, ставший основой современного чеченского литературного языка, создавался на протяжении столетий совместной жизни представителей всех выселившихся на равнину горных обществ, как общая для всех них форма языка (уже не как отдельных обществ, а единого народа).

Совершенно прав Джамбулат Сулейманов, когда пишет: «В условиях общежития все вайнахские тукхумы и тайпы совместно создали междиалектную форму речи, известную как равнинный нахчинский говор, который превратился в общенародный песенно-эпический язык. Как нам известно, язык эпических песен выполняет функции литературного языка для бесписьменного народа. Выработался также единый для консолидированного общества менталитет, где общенациональные интересы превалировали над узкообщинными тукхумными и тайповыми. Ингуши, как исключение, поздно выйдя на равнину и поселившись

изолированно от остальных вайнахов, сохраняют только им хорошо понятный тайповый говор, тайповый менталитет и старую языческую веру» (200).

Тот же З.К. Мальсагов, работая над унификацией чеченского и ингушского алфавитов, для создания в последующем единого чечено-ингушского литературного языка, отмечал: «Выбор пути создания нахского литературного языка – поскольку эта работа входит в сферу сознательного расчёта – весьма облегчается тем обстоятельством, что в среде живых нахских наречий и говоров мы уже имеем определённую междиалектную форму, общую для всего народа. Это язык народной поэзии, которым пользуются, как орудием поэтического творчества, представители всех наречий, во всём Нахистане. Формально он почти полностью совпадает с чеченским наречием. Этот устный песенный язык может послужить естественной основой письменного языка, и в этом направлении и следует, мне кажется, вести работу» (130).

Это же подтверждает и И. Дахкильгов: «Вайнаьха тукхамашта юкъара мотт лехаш йола тенденции я иллешка гуш...» (71, с. 183).

Общеизвестно, что именно на плоскости из различных вольных чечено-ингушских обществ начал складываться единый нахчийский народ. В горах они представляли собой практически мало чем связанные, независимые друг от друга общества, а на равнине, через определенный промежуток времени, сплотились в один народ – нахчий («внутренние нахи»), с единым языком и религией. Решающими факторами формирования из подавляющей части разрозненных нахчийских обществ единого чеченского народа стала общая борьба за плоскостные земли и принятие ислама.

«Нахские племена, жившие до этого, в период монгольской оккупации равнины, размежевано, имели по этой причине столько же говоров, сколько и племён. Теперь, когда они вместе сообща осваивали высвободившиеся от врага равнинные земли, они нуждались в междиалектной форме общенахчинского языка, понятного всем. И они выработали его с течением времени естественным путём речевых контактов и устного творчества» (200).

А что касается нескольких западных горных вайнахских обществ, ставших затем основой будущего ингушского народа, то они, в связи с более поздним выселением на плоскость и стойким неприятием ислама, определенным образом обособились от своих соплеменников и остались в стороне от процесса образования единого нахчийского народа, протекающего на Чеченской равнине. Всем этим воспользовалось царское самодержавие, решившее в противовес воюющим против них чеченцам,

«слепить» из их западных собратьев отдельный народ. Нашлись и люди, поддержавшие эту политику царизма. Естественно, за определенные чины и звания для себя. И, как любил говорить Михаил Сергеевич Горбачев – первый и последний Президент СССР, «процесс пошел».

А раз есть народ, то должен быть и свой, отличный от чеченского, язык, своя культура. Вот и назвали наречие, относящееся к общему для всех нахчийских горцев ламароевскому диалекту – ингушским языком. Как говорится, «назвался груздем – залезай в кузов».

Дальнейшему разделению частей единого народа послужило и строительство царскими властями крепостной линии по реке Сунжа. Как считает И. Сигаури, «для сближения чеченского и ингушского языков необходимо было, чтобы носители этих двух языков постоянно контактировали друг с другом, чему, как раз, и препятствовали сунженские станицы. В частности, Д.Д. Мальсагов прямо указывает, что именно разъединение чеченцев и ингушей в известной мере предопределило самостоятельность развития их языков. При этом он подчеркивал, что разделение чеченцев и ингушей было возведено в ранг государственной политики» (195, с. 400).

В свою очередь, советская власть, с созданием отдельной Чеченской и Ингушской АО в 1922 и 1924 годах, юридически закрепила разделение нахчийского (вайнахского) народа на две части. С этих пор началась борьба искусственно разделенного этноса за «свою» часть, по существу, единого и неделимого исторического и духовного наследия нахчийского (вайнахского) народа.

Объединение двух братских республик в 1934 году на время приостановило дезинтеграционные процессы. На какой-то момент даже показалось, что объединение республик предпринято с целью восстановления единства разделенного народа. Так, 29 мая 1934 года вышло постановление бюро Чечено-Ингушского обкома партии о слиянии чеченского и ингушского научно-исследовательских институтов. Второй пункт этого постановления однозначно гласил: «В основу всей работы института на 1934 год должна быть поставлена задача разработки единого чечено-ингушского литературного языка» (161, с. 167).

Претворить в жизнь идею единого чечено-ингушского литературного языка, которая на первоначальном этапе была поддержана как с чеченской, так и ингушской стороны, взялись Заурбек и Дошлуко Мальсаговы. Вот какими были основные тезисы этого проекта:

«Политика царизма «разделения» и экономическая замкнутость различных районов Чечни и Ингушии создали к началу Октябрьской

революции такие условия развития чечено-ингушского языка, которые исключали возможность практической постановки вопроса о едином литературном языке с первых же годов Великой Пролетарской революции...

Вопрос о единой чечено-ингушской письменности с первых дней советизации находится в центре внимания советско-партийной общест-венности. VII Ингушская областная партийная конференция в 1932 году специально обсуждала вопрос о едином чечено-ингушском лите-ратурном языке. В том же году этот вопрос был поднят по инициативе чеченской и ингушской делегации на Краевой партийной конференции.

Неоднократно созывались чечено-ингушские конференции и сове-щания культурных работников по унификации алфавитов, грамматики, орфографии и терминологии. Эти же вопросы дискуссировались на страницах национальной печати, но, как указывалось выше, админи-стративная разобщенность Чечни и Ингушии не позволяла осуществ-лять единое руководство культурной работой, поэтому все эти кон-ференции и совещания не дали практических результатов. Отсутствие единого руководства и единого плана, вследствие административной разобщенности чеченской и ингушской областей, зачастую самочин-ные действия национальных издательств, особенно ингушского, слу-жили значительным препятствием к сближению чеченской и ингуш-ской письменностей...

Еще в 1924 году З.К. Мальсагов писал: «Несомненно, во всяком случае, что комбинация разнообразных диалектических особенностей отдельных наречий может быть одним из способов разрешения этой задачи (создания «общечеченской», т. е. чечено-ингушской письменности – Дошлуко Мальсагов), вообще говоря, не представляющей особо сложных затруднений» (129).

Как же он должен создаваться?

Выше указывалось, что в вопросе о путях создания литературного языка нет до сих пор четких установок, но в отдельных замечаниях в газетах «Сердало» и «Серло», в некоторых выступлениях при обсужде-нии этого вопроса, правда, недостаточно ясно, но намечались отдель-ные направления.

1. Выработать новый единый литературный язык, не считаясь с нормами ни чеченского, ни ингушского наречий. Новый литератур-

ный язык, в таком случае, по своей структуре будет отличным от существующего разговорного языка и, тем самым, будет непонятен не только трудящимся массам, но и решительно всем, за исключением, быть может, самого прожектера. Это был бы не живой разговорный язык, а нежизнеспособное, искусственное мероприятие, разрушающее работу по языковому строительству. Очевидно, к такому стремится и т. Тутаев, в № 87/938 газеты «Серло» предлагающий заменить личные формы местоимений «со», «хьо», «иза», «тхо», «шу», «изуш», «аса», «ахьа», «цо», «оху», «аша», «цара», – новыми выдуманными терминами: «сос», «хьос», «изос», «тхос», «шус», «изош». Стать на такой путь поистине значило бы «sos», т. е. сигнал бедствия на фронте языкового строительства Чечни и Ингушии и призыв к немедленной помощи. Все такие попытки внесения новшеств, не отвечающие нормам и структуре языка, а ломающие их, должны встречать решительный отпор...

2. Более приемлема (относительно) мысль некоторых товарищей, высказанная на заседании Ингушской Терминологической Комиссии. В основу литературного языка положить одно из существующих наречий и работать над развитием этого наречия в литературный язык. Принятое наречие сделать обязательным для всей письменной литературы. В случае, если бы пришлось стать на этот путь разрешения задачи создания чечено-ингушского литературного языка, то, ясное дело, пришлось бы выбирать для основы литературного языка или чеченское, или ингушское наречие. Первое из них пользуется тем неоспоримым преимуществом, что на нем говорит преобладающее большинство населения. Вместе с тем, нужно отметить, что диалектология Чечни не изучена, в пределах Чеченской автономной области имеется ряд диалектов, фонетические, лексические и морфологические особенности которых приближаются к ингушскому наречию. Если бы был положен в основу общего литературного языка один из диалектов плоскостной Чечни и всем предложено было бы писать на нем, то тем самым ингушское издательство обязано было бы прекратить свое существование, как ингушское, и все достижения, какие имеет Ингушия в области языкового строительства и частично в области культурного строительства, пошли бы насмарку. Вся ингушская литература (художественная, педагогическая, научная, популярная) должна была бы перестраиваться на чеченское наречие, верней, на один из диалектов его. А такая перестройка невозможна, ибо одно дело понимать речь, другое, несравненно сложнее, требующее знаний и навыков, как результат длительного изучения, – владение языком (наречием), чем

обладает очень небольшое количество ингушей. Такой переход был бы непонятен трудящимся и значительно замедлил бы темпы культурного строительства в Ингушии...

Если бы в основу литературного языка положено было бы ингушское наречие, то неудобство его было бы еще больше. С одной стороны потому, что чеченцы меньше понимают ингушское наречие, чем наоборот, а с другой стороны, как отмечалось выше, чеченцев все-таки намного больше, чем ингушей, пропорционально чему увеличились бы и неудобства от такого перехода...

Указанные неудобства заставляют отвергнуть предложение о таком переходе на единый литературный язык, хотя преимущество его заключающееся в радикальности, соблазняет некоторых товарищей...

3. Остается третья возможность – дальнейшая работа по развитию чеченского и ингушского наречий, но с тем, чтобы это развитие качественно отличалось от нынешнего. Оба наречия, развиваясь, должны идти к единству, а не расходиться еще больше между собой, как ныне...

Если тот огромный путь, который сделали чеченские и ингушские наречия в своем развитии после Октябрьской революции нами был бы направлен к единству, то мы бы уже имели сегодня основу для единого литературного языка...

После административного объединения чеченской и ингушской областей, вопрос о литературном языке практически встал в порядок дня. Решено было разработать единую письменность на основе плоскостного наречия. И только своевременное вмешательство Северокавказского Крайкома партии положило конец этому преждевременному мероприятию. В последние годы некоторые другие товарищи ударились в другую крайность. Они рассуждают приблизительно так: «Раз по Конституции Чечено-Ингушской республики сказано, что у нас три государственных языка: русский, чеченский и ингушский, – то нечего и говорить о развитии чеченского и ингушского языков к единству». Часто те товарищи, которые в своих работах доказывали необходимость немедленного создания единого литературного языка, на языковой конференции 1934 года отстаивали орфографию его, ныне против сближения письменностей...

Практика показывает, что после объединения областей, чеченская и ингушская письменности идут к сближению и придут к единству.

Еще в 1933 году, как цитировалось выше, автор этой работы писал: «Напрасный труд утверждать, что такой переход к единому литературному языку слишком длителен, а потому результат он даст очень нескоро. При нынешних темпах развития языка это сближение будет идти колоссально быстро, больше того, темпы эти будут все время нарастать. Нужно только твердо стать на путь сознательного сближения диалектов чечено-ингушского языка на базе чеченского плоскостного диалекта». Советская действительность подтвердила это положение.

Основные расхождения между плоскостным чеченским и другими диалектами, главным образом ингушским, выражающиеся в различиях перегласовки гласных и наличии усеченных форм в ингушском диалекте, смогут быть ликвидированы путем введения тщательно разработанной орфографии на основе морфологическо-фонетического принципа и распространения на ингушский диалект правил написания полных форм вместо усеченных.

Никаких существенных неудобств означенные новшества в орфографию не внесут, а чеченскую и ингушскую письменные речи они значительно сблизят.

Вследствие того, что начальные формы слов в чеченском и ингушском диалектах в большей мере совпадают, чем производные, принятие морфологическо-фонетического принципа при составлении орфографии, вместо фонетического принципа, существенно сблизит орфографию.

Совершенно очевидно, что вся новая терминология, все вводимые в тот или иной диалект новые формы, обороты речи и т. д. должны быть общими для обоих диалектов, точно так же и весь лексический фонд всех диалектов чечено-ингушского языка должен быть достоянием будущего литературного языка.

Нужно также установить, ориентируясь на плоскостной чеченский диалект, единые формы словообразования, а также и формы словоизменения для новой терминологии.

Таким образом создастся единый чечено-ингушский литературный (письменный) язык без болезненных ломок, без задержки кульстротельства в какой-либо части Чечено-Ингушии, а, наоборот, способствуя развитию его. На основе такого письменного языка будут посте-

пенно нивелироваться различные особенности разговорного языка и вырабатываться единое литературное произношение.

Такой путь образования литературного языка представляется нам единственно правильным.

Главные пункты, сближающие чеченскую и ингушскую орфографии после реформы 1938 года.

I. Ликвидация буквы носового «ң», обозначавшей в чеченской орфографии назализацию предшествующей ей гласной и ограничение фиксации в письме назализации: носовой оттенок гласного передается буквой «н» после гласного в конце слова только в словах, отвечающих на вопросы «кого? чей?» и в немногих односложных словах, в которых он слышится, – и обозначение назализации буквой «н». Этим пунктом ликвидировано написание «н» в конце прилагательных, порядковых числительных, инфинитива, недавно прошедшего времени, причастий. Обозначение назализации через «н», введенное в чеченскую орфографию в 1938 году, вполне приемлемо для ингушского диалекта, ибо оно соответствует его нормам. Между тем, ингушская орфография (1938 г.) не допускает обозначение назализации вообще.

II. Ликвидация обозначения в чеченском письме дифтонга «ие», а обозначение его через звук «э» и «е», как в ингушском. Допускается в отдельных случаях обозначение этого дифтонга через «из».

III. Написание дифтонгов ав//ов через «ов», как в ингушском.

IV. Передача сомнительных гласных «а, о, и, е» в неударных словах через «а», как в ингушском.

V. Установление написания суффикса «алла», а не «улла», в ингушском «ал».

В свою очередь, в ингушскую письменность орфографией 1938 г. внесены изменения, которые сближают ее с чеченской.

I. – написание окончания активного падежа единственного числа через «с», а не «з».

II. – написание окончаний дательного и вещественного падежа существительных, склоняющихся, как прилагательные, через «чунна» и «чунах».

III. – написание окончаний порядковых числительных через «гI», а не «х».

IV. – написание дифтонга «ей//ай» через «ай», как в чеченском.

Громадное большинство правил написания корней и морфем одинаковы для обоих диалектов, одинаковы правила слитного и раздельного написания слов и орфография советизмов и интернационализмов.

В целом орфография 1938 года является существенным шагом на пути к сближению чеченской и ингушской письменности.

Вместе с тем, в алфавите есть ряд пунктов, затрудняющих взаимопонимание и могущих быть без ущерба для орфографии изменены. К таким принадлежит в ингушской орфографии:

I. Написание окончания прошедшего совершенного через «ар», а не «ира».

II. Написание краткого «э» через «ы», а не «и».

III. Написание факультативных в живой речи окончаний родительного и дательного падежей *ă//ăн*, *ā//āнна* через *а*; *á*.

Следовало бы назализацию в ингушском письме обозначать точно так же и в тех же формах, как и в чеченском.

Вполне допускается в живой ингушской речи обозначение «уь» и «оь», точно так же, как и обозначение «оа» в тех словах чеченской письменности, в которых он ясно слышится.

Совершенно излишне обозначение в ингушском письме «дж», «дз».

Нельзя согласиться с написанием «ы» в некоторых коренных словах в ингушском письме. Пункт об этом допущении гласит: «Краткая носовая гласная «и» в конце односложных слов изображается в ингушском письме через букву «ы»». Зачем назализованный «и» изображать через «ы», а не через «и», как это делается в чеченской орфографии?

Изложенными не исчерпываются те пункты, которые могли бы быть введены в орфографии и которые послужили бы к еще большему сближению их.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из изложенного, считаем необходимым проведение следующих мероприятий, которые будут содействовать ознакомлению чеченцев и ингушей с литературными диалектами и выработке общих письменных норм:

1. Утвердить единый обязательный для всех чечено-ингушский алфавит.

2. Составить и издать на основе морфологическо-фонетического принципа свод орфографических правил по чеченскому плоско-стному и ингушскому диалектам, имея ввиду ликвидацию в существующих орфографиях всех расхождений, неоправданных диалектными различиями.

3. Издать чеченский и ингушский орфографические справочники.

4. Составить и издать чечено-ингушский словарь расхождений.

5. Всю новую терминологию (интернационализмы, советизмы, неологизмы) вводить в одинаковой форме для обоих диалектов.

6. Составить и издать популярную сравнительную грамматику плоско-стного чеченского и ингушского диалектов. Такая грамматика, правда, с некоторыми существенными дефектами существует, необходимо переработать ее.

7. Разработать и издать программы по родному языку для начальной и неполной средней школы, а также для педучилищ и педвуза.

8. Изучить диалекты чечено-ингушского языка и составить диалектологическую карту. Изучение проводить не только путем организации экспедиций, но и путем организации сети корреспондентов, прежде всего из националов-учителей, для облегчения работы которых по изучению диалектов составить словники, анкеты, программы.

9. Приступить к сбору материалов для чечено-ингушского диалектологического словаря.

10. В книге для чтения, ч. 2-я (во 2-м классе) ингушских школ ввести легкие для чтения и понимания чеченские тексты в объеме 5–10 процентов всей книги.

11. В 3-м и 4-м классах ингушских школ в хрестоматиях по литературе давать легкие для понимания чеченские тексты (проза и стихи). Объем этого материала не должен превышать 20–25 процентов всего учебника.

В ингушских учебниках по языку для 3-го и 4-го класса приводить чеченские грамматические параллели.

Целевая установка таких текстов – ознакомление детей с особенностями чеченского диалекта для понимания хрестоматийного текста.

В неполной средней школе ввести обучение грамматике литературных языков.

В школах плоскостной Чечни ввести чтение ингушских текстов и давать сведения о грамматических особенностях ингушского диалекта.

12. В педучилищах и педвузе ввести изучение чечено-ингушской диалектологии.

13. Хрестоматийный материал в ингушских 5, 6, 7 классах давать на 50% на чеченском диалекте. В чеченской школе ввести изучение и разбор на ингушском диалекте лучших произведений ингушских писателей.

14. Распространять в ингушских районах лучшие художественные произведения чеченских писателей и наоборот (132).

Как мы видим, подготовительная работа, на достаточно серьезном научном уровне, была проведена. Но вся деятельность по созданию единого чечено-ингушского (нахчийского, вайнахского) литературного языка, так же, как и работа по коренизации всей общественно-политической жизни республики, вдруг, была свернута. Сторонников этих проектов стали причислять к буржуазным националистам. Начались репрессии. Были расстреляны, посажены в тюрьмы и сосланы в различные лагеря многие руководители республики, религиозные деятели, писатели. Практически вся национальная интеллигенция, которая и так была малочисленна, была вырвана под корень.

Так были расстреляны писатели Саид Бадиев (основоположник чеченской советской литературы), Абди Дудаев, Ахмед Нажаев. Свыше десяти лет лагерей получили писатель и публицист Халид Ошаев, поэты Магомед Мамакаев, Арби Мамакаев и многие другие. Все они были сторонниками введения единого чечено-ингушского (нахчийского) литературного языка, который должен был стать своего рода основой последующего объединения двух частей единого народа.

Перегибы в коллективизации, закрытие мечетей и медресе, так называемая борьба с пережитками прошлого вызвали массовое недовольство и волнения среди чеченцев и ингушей, поверившим лживым обещаниям большевиков. Ежегодно в республике проводилось по нескольку военных операций с участием подразделений НКВД и частей Красной Армии по силовому подавлению всех очагов недовольства. В ходе этой так называемой «борьбы с бандитизмом и антисоветскими проявлениями» уничтожались и арестовывались, в основном, сотни ни в чем неповинных граждан, разрушались горные села, жителей которых переселяли на равнину.

Так продолжалось до предательского выселения всего чечено-ингушского народа в Среднюю Азию и Казахстан в 1944 году.

Общая беда во многом сплотила и объединила вайнахов. Началось более интенсивное сближение чеченского и ингушского разговорных языков. Стиранию диалектных особенностей также способствовал и тот факт, что и чеченцы, и ингуши являются последователями одних и тех же вирдовых братств и, к примеру, религиозные песнопения и теми, и другими, как правило, исполнялись на языке оригинала, то есть на чеченском языке. В то же самое время, чеченский и ингушский литературные языки, на страже которых стояли местечковые патриоты (различные чиновники от образования и науки, отдельные писатели и общественные деятели), продолжали развиваться в прямо противоположных направлениях и во время депортации, и после возвращения чеченцев и ингушей на свою историческую Родину.

Что там говорить о целенаправленном разведении чеченского и ингушского литературных языков? Если языковая политика ингушских властей не изменится, то в скором будущем различие между ингушскими разговорным и литературным языками достигнет таких масштабов, что ингушскому обывателю станет малопонятным свой же литературный язык. «Налицо определенный разрыв между ингушским разговорным и ингушским литературным языками. Причем этот разрыв создан и поддерживается искусственно из опасения перед «экспансией» чеченского языка... В результате литературный ингушский и разговорный ингушский языки, начиная с XX века, существуют как бы в двух разных плоскостях. (...) Если этот процесс не будет как-то прерван, то в недалеком будущем в Ингушетии будут существовать два языка: литературный ингушский (малопонятный для его носителей. – Авт.) и разговорный ингушский» (195, с. 401).

Проникновение чеченского фольклора в ингушскую среду и большую вилку между ингушским разговорным и литературным языками

ми отмечал и Д.Д. Мальсагов, который писал: «Чеченский фольклор проникает в Ингушетию и часто укрепляется там с большим количеством чеченских языковых особенностей. Совершенно другую картину имеем в отношении письменной речи. Весь ход развития чеченской и ингушской письменности ... не дает нам право утверждать о проникновении в ингушскую письменную речь чеченских особенностей» (132, с. 21).

О ФОЛЬКЛОРЕ

*Украсть чужой фольклор в принципе
невозможно – это всегда результат
собственной истории того или иного народа.*

И. Сигаури

В конце 70-х – начале 80-х годов прошлого столетия, один из авторов данной книги был студентом дневного отделения филологического факультета (отделение русско-вайнахской филологии, называемое в студенческих кругах «национальным») Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого. Преподавателями курса вайнахского фольклора были Ибрагим Дахкильгов, Ахмет Мальсагов, Исмаил Мунаев и совсем еще молодой, но перспективный Шарани Джамбеков. Всего на курсе было 3 чеченские и одна ингушская группы вайнахской филологии. Дахкильгов и Мальсагов являлись опытными фольклористами и были ведущими учеными-специалистами на кафедре (руководителем факультета также была ингушка Фирюза Оздоева), в то время, как И. Мунаев и Ш. Джамбеков только что вступили на эту стезю.

Все вопросы, связанные со сбором, систематизацией, составлением библиографии и публикацией материалов устного народного творчества чеченцев и ингушей, находились в ведении И. Дахкильгова и А. Мальсагова (71, с. 219). В конце каждой сессии, для успешной сдачи зачета или экзамена, студенты обязаны были предоставлять им оригинальные фольклорные материалы, собранные по месту своего жительства. Я лично передал Дахкильгову и Мальсагову несколько тетрадей чрезвычайно богатых и своеобразных фольклорных материалов, записанных у стариков в чеченских селах Урус-Мартановского, а также у выходцев из бывшего Галанчожского районов ЧИАССР.

Дело в том, что среди чеченцев, в силу жительства большого количества людей в местах своего исконного проживания (Ножай-Юртовский, Веденский, Шаройский, Итум-Калинский, Шатойский и ряд предгорных районов), материалы устного народного творчества сохранились лучше, чем среди ингушей, абсолютное большинство которых выселилось из родовых гор в плоскостные села, разрушив, тем самым, естественную сферу своего обитания.

Кроме того, ингуши, в связи с более тесными и близкими контактами с русским населением края на протяжении последних двух веков

(после принятия российского подданства), в большей степени были подвержены русификации.

Как пишет тот же Грабовский, «нельзя сделать ингушу большого удовольствия и одолжения, как согласиться взять к себе в дом (даже для прислуги) сына, брата или родственника его. От подобного рода просьб не отобьешься, и где только представляется возможность приткнуть между русскими людьми маленького ингуша, там этой возможности не упускают их родственники; поэтому-то всюду, начиная передней и кончая аудиторией университета, можно встретить ингуша» (100, с. 262).

Из горских народов Северного Кавказа, в деле просвещения ингуши, наряду с осетинами, были на первых позициях. В 1868 году в Назрани была учреждена двухклассная горская начальная школа, в которой ежегодно обучалось от 50 до 80 детей ингушей. Лучшие учащиеся этой школы направлялись по вакансии во Владикавказское реальное училище и другие учебные заведения края. Кроме того, около 20 ингушских детей обучалось в вышеназванном реальном училище г. Владикавказа, несколько человек в ставропольской гимназии и в ряде других школ. Все это, не считая детей, обучающихся в частных школах.

По данным переписи населения 1873 года, общая численность населения Ингушетии составляла 11023 человек мужского и 10587 человек женского пола (девочек, как правило, на учебу тогда не отдавали). Из этого количества людей у ингушей обучалось не менее 100 человек. Это представляет собой весьма высокий процент обучающихся, примерно, один учащийся на 110 человек, даже относительно других регионов России. Так, при количестве мужского населения в 30 тысяч человек (почти в три раза больше, чем в Ингушетии) в Кабарде была всего лишь одна нальчикская школа на 35 человек, а в Чечне «при мужском населении около 60 тысяч душ (почти в 6 раз больше, чем ингушей. – Авт.), существует для детей чеченцев 25 вакансий в грозненской начальной школе», а у кумыков, самых богатых людей Северного Кавказа, насчитывающих 37 тысяч человек мужского населения не было на этот период ни одной школы (188, с. 30–31).

Ингушская интеллигенция конца 70-х годов XX века практически не говорила на своем родном языке. Редко кто общался тогда на родном языке и в ингушской студенческой среде. Ежегодно, после весенней сессии, студенты выезжали на фольклорную практику в отдаленные горные районы республики. Чеченцы – в чеченские районы, а ингуши – в ингушские. Так как, чеченских групп было в три раза больше ингушских, то и материалов собранных ими было, как минимум, в

столько же раз больше. Студенты-ингуши постоянно жаловались, что у них в горах практически мало кто живет и знающих местный фольклор информаторов почти не осталось. Нередко бывало, что чеченские студенты выручали своих ингушских товарищей, подкидывая им кое-что из своих записей.

За время фольклорной практики чеченскими группами собиралось очень много полевых материалов. Все это, для соответствующего оформления и последующего хранения, как правило, сдавалось Дахкильгову и Мальсагову. После чего, все эти материалы, имеющие чеченскую основу, по всей видимости, записывались как ингушские.

После выхода в свет различных фольклорных сборников, составителями которых, в основном, были Дахкильгов и Мальсагов, обнаруживалось, что многие материалы, собранные студентами из чеченских групп от чеченских информаторов, оформлены, как записанные ингушскими студентами от ингушских источников. Естественно, они оказывались переработанными на ингушский лад.

На удивленные вопросы чеченских студентов по поводу истинной принадлежности тех или иных материалов, Дахкильгов и Мальсагов отвечали, что у чеченцев и ингушей единый фольклор, что одни и те же сюжетные линии могут иметь место в фольклоре разных народов, более того, могут быть и различные варианты. Хотя вся структура материала, стиль изложения говорили о явном подлоге.

Так вот, со всей ответственностью можно заявить, что многие полевые материалы, записанные от чеченских информаторов, были переделаны (причем, очень грубо) и напечатаны, как ингушские. Более того, некоторые ингушские специалисты по историческому фольклору, систематически занимаются сочинительством «фольклорных» материалов (легенд, преданий, героических сказаний, мифов и т. д.). Под любую абсолютно невероятную «идею», возвеличивающую, по их мнению, прошлое ингушей, они тотчас же придумывает своеобразное «подтверждение» в виде конкретного «фольклорного» материала. Таким образом, эти ингушские деятели от науки занимаются фальсификацией истории и пытаются навязать ее не только ингушам, но и соседним народам. Но с последними у них это вряд ли получится, так как у них есть собственное и вполне обоснованное видение истории региона.

В своем историческом очерке об ингушах и Ингушетии Р.З. Сагов пишет: «Ингушский фольклор, кроме нартского эпоса, представлен преданиями, легендами, эпосами «Илли» и «Назам» (43, с. 378).

Во-первых, нартский эпос, как известно, не ингушский, а общекавказский и наиболее широко он представлен на сегодняшний день у осетин и абхазо-адыгских народов. Как пишет У. Далгат, «изучение нартских сказаний адыгов, балкарцев, осетин, чеченцев, ингушей историко-сравнительным методом, в тесной связи с археологией, историей и этнографией, подтверждает высказанное В.Ф. Миллером положение о том, что богатырские сказания кавказских народов представляют собой «один эпический цикл, который можно назвать северокавказским» (68, с. 5; 151, с. 2).

Далее Далгат указывает на то, что «общие черты северокавказского богатырского эпоса надо искать в историческом, этнографическом, экономическом, географическом и этногенетическом единстве северокавказских племен» и что Нартиада, как мы отметили выше, у осетин и адыгов сохранилась значительно лучше (68, с. 16, 22).

Несмотря на высказывания весьма известных и авторитетных исследователей, авторы «Истории Ингушетии», пытаются «приватизировать» и нарт. Так они пишут: «Место жительства нартвов локализуется в двух древних ингушских центрах – в Галгаевском обществе, в местности Саниба в Даргавском ущелье, где до сих пор сохранились склепы-некрополи, в которых, по указанию местных жителей лежат кости ингушских нартвов» (100, с. 75).

О каких таких «ингушских» нартах идет речь, если нартский эпос, как мы писали выше, общекавказский? Ссылки на «местных жителей», указавших место, где «лежат кости ингушских нартвов» (если они даже и были), абсолютно недостаточны, тут нужны серьезные исследования ученых.

Интересно то, что авторы, постоянно заявляющие о принадлежности орстхойцев к ингушам, ни словом не обмолвились о нартах-орстхойцах. Ведь как чеченцы, так и ингуши называют нартвов «нарт-аьрстхой», т. е. «нарты-орстхойцы». Ясно, что если их называть, как это и есть на самом деле, «нартами-орстхойцами», то авторы «Истории Ингушетии» не смогут причислить их к ингушам (галгаям).

Во-вторых, у ингушей не было, как таковых, ни героико-эпических песен «Илли», ни религиозно-духовного эпоса «Назам», так как у них, в отличие от чеченцев, отсутствовали необходимые предпосылки для их возникновения. Об этом в свое время писали известные чеченские писатели, ученые и общественные деятели Х. Ошаев, М. Мамакаев, Х. Туркаев, М. Ошаев, Ш. Джамбеков, М. Бексултанов, М. Ахмадов, С. Бурчаев, Р. Туликов и др.

По различным свидетельствам, ингуши любили слушать чеченские «Илли», иногда сами исполняли их, но эти «Илли» не были ингушскими. Не зря Б. Далгат утверждал, что таких песнопевцев, как чеченцы, нигде не айти» (67, с. 75).

Да и сами ингуши, вплоть до 40-х годов прошлого столетия не претендовали на них, пока некоторые ингушские исследователи, пользуясь своим служебным положением и репрессиями в отношении чеченских сотрудников Чечено-Ингушского научно-исследовательского института языка, истории и литера-

туры, впервые не опубликовали несколько чеченских илли, собранные чеченскими исследователями в Чечне, как ингушские. Хотя илли эти по своему содержанию были об известных чеченских героях и событиях, имеющих чеченскую основу. Специалисты из Москвы сразу определили происхождение этих илли и назвали их публикацию, как ингушских, обыкновенным плагиатом.

О нечистоплотности игр некоторых ингушских авторов, связанных с попытками присвоения чеченских илли свидетельствует и тот факт, что они до сих пор по-разному называют этот жанр. Так, например, один из ведущих специалистов по ингушскому фольклору А.Х. Танкиев называет его «Или» (с одним «л». – Авт.). «Основным содержанием песенного эпоса «Или» является общественная жизнь ингушского народа, исторический период, который определен условно-хронологически XV–XIX веками. Ингушский песенный эпос «Или», наряду с очевидной самобытностью и своеобразием, имеет много общих черт с аналогичным чеченским эпосом «Илли» (слово илли – «песня» – в чеченском языке пишется и произносится, в отличие от ингушского, с удвоенным «л» – илли)» (201, с. 103).

Что за эпос «Или»? Почему-то абсолютное большинство даже ингушских ученых, в том числе и директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева И. Дахкильгов, произносят и пишут его так же, как и чеченцы, с двумя «л». Чем же объяснить своеобразное произношение этого слова Танкиевым? Речевыми недостатками, незрелостью артикуляционного аппарата самого автора или для демонстрации «своеобразия» ингушских героических песен?

Какая «самобытность» и «своеобразие» может быть у «ингушских или», самым банальным образом переведенных с оригинальных чечен-

ских? Если, конечно, не считать за это своеобразный стиль самого ингушского языка или написание термина «илли» у Танкиева через одно «л». А что касается того, что автор основным содержанием «ингушских» или считает «общественную жизнь ингушского народа, исторический период, который определен условно-хронологически XV–XIX веками», то одно из двух: или Танкиев не знает историю ингушского народа, или незнаком с содержанием так называемых «ингушских или».

«Жанхот Аккинский приходит на сельский сход и «обращается к кантам села с просьбой, не найдется ли среди них человек, который согласился бы стать названным братом одинокому, не имеющему брата... На это предложение откликаются известные мужи: Жамарза сын Мадии, Биболт сын Тайми, Шихмарза, сын Зайта (...) Друзьями «вайнахских кантов становятся «русские молодцы», канты кабардинские, дагестанские, грузинские...» (201, с. 118–119).

Как это так «вайнахские», ведь все перечисленные «канты» – это известные всем чеченские герои, а чеченцев, как известно, Танкиев не относит к «вайнахам»? Автор явно старается выдать национальных героев чеченского народа за ингушей? Это что – потеря памяти или потеря совести?

То же самое танкиевы делают, когда речь идет о героической национально-освободительной борьбе чеченского народа против царского самодержавия. Например, М. Базоркин в книге под названием «История происхождения ингушей» пишет: «Среди горских народов Кавказа главным образом вейнахские племена (по Танкиеву – ингуши) первыми сменили тактику и методы ведения национально-освободительной борьбы с самодержавием» (19, с. 116).

Имам Шамиль и все его наибы и муриды, как говорится, в гробу перевернутся от этого наглого заявления! О какой «национально-освободительной борьбе с самодержавием» «вейнахских племен» может писать автор, когда самые авторитетные среди ингушей-вейнахов люди, обученные русской грамоте, принявшие христианство и ставшие на службу царской армии, были на содержании у этого самого царского самодержавия.

Как понимать то, что Танкиев пишет об «ингушских или», а в примеры приводит такие чеченские или, как «Дадин кІантах долу или», «Жерочун кІантах долу или», «Аьккхийн Жанхотах долу или», «ГІебартойн Курсолтех долу или», «Іумаран Іелех долу или», «Адин Сурхох, эла Мусостех долу или», «Исмайлин Дудех долу или», «Зандакьойн Мусах долу или», «Эвтархойн Ахьмадах долу или», «Элла

МонцІех, Жерочун кІантах долу илли)? Говорить об «ингушских или» со ссылками на чеченские илли способны только танкиевы!

С целью присвоения чеченского «Илли о Баймарзе Гехинском» («Гиххойн Баймарзех долу илли»), автор преднамеренно переводит название этого илли на русский язык, представляя название чеченского села Гехи, как собственное имя – «Илли о Баймарзе сына Гихоя», (201, с. 278). Неужели Танкиев считает, что его шулерство останется незамеченным?

«Героико-эпические песни «Или», отражающие знаменательный период в истории ингушского народа, во многом созвучен калмыцкому «Жангару». В эпоху национальной консолидации и борьбы за национальную независимость, в условиях небывалого подъема национального самосознания и достоинства достигает своего расцвета эпос, выражающий и отстаивающий ценности, имеющие для народа решающее значение. Таковым является, на наш взгляд, ингушские героико-эпические песни «Или» (201, с. 130).

О какой «борьбе за национальную независимость», лежащей в основе ингушских «или» пишет автор, если, как известно из истории, такую борьбу галгаи не вели. Они же, в отличие от чеченцев, предпочитали договариваться. И, в общем-то, поступали вполне прагматически. Илли создавали чеченцы, для воодушевления своих соотечественников на героические подвиги во имя защиты своего народа и страны.

В общем, можно поблагодарить Танкиева за исследование жанра чеченских героико-эпических песен «Илли», но какое отношение к чеченским героическим песням илли имеют сами ингуши?

Если мы говорим о едином нахчийском народе (чеченцев и ингушей вместе), то речь может и должна идти о едином фольклоре. В таком случае, имеет смысл говорить и о чечено-ингушских (нахчийских) героико-эпических песнях «Илли». Но если мы говорим о чеченцах и ингушах, как отдельных народах, и, соответственно, об отдельных чеченском и ингушском фольклорах (а ингушские исследователи говорят именно об этом), никакой речи об ингушских «Илли» быть не может.

Все это можно сравнить с такой ситуацией, когда брат, отделившийся от своей семьи, начал бы претендовать на все его материальное и духовное наследие, нажитое совместным трудом всех ее членов в течение нескольких поколений. Когда на самом деле, он имеет право называть своим лишь только то, что принадлежит ему по праву наследства и то, что он заработал или приобрел после отделения от своих братьев и заведения собственной семьи.

О существовании у ингушей жанра героических песен «Илли» ни словом не обмолвился первый из чеченцев и ингушей фольклорист и этнограф, ингуш по происхождению, Чах Ахриев, который одну из своих работ даже назвал «Из чеченских сказаний». Обращает на себя внимание то, что авторы «Истории Ингушетии», перечисляя работы Ч. Ахриева, стыдливо, совсем как застенчивый «голубой воришка» Альхен из романа И.Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев», совершили подлог, изменив название вышеназванной работы ученого на более патристичное – «Из ингушских сказаний» (100, с. 256).

Известный исследователь Ингушетии, лингвист Н.Ф. Яковлев прямо говорит, что у ингушей нет жанра «Илли», и что такие песни ингушские гармонисты поют по-чеченски: «Петь песню можно только по-чеченски» – приходилось слышать мне от многих... Отдельные чеченцы, особенно в прежнее время, вынужденные кровничеством или преследованием властей к бегству из родных мест, всегда находили приют у ингушей, принося и песенную традицию» (240, с. 89).

«Укажу еще на один примечательный факт, – пишет Н. Яковлев, – в селении Гамурзиеве живет в пастухах около года один мальчик 15 лет по имени Мути Висткоев, родом из селения Сандукой с севера от хребта, отделяющего Пирикительское ущелье от чеченцев. Мута передавал песни для записи чистым ингушским языком только с некоторыми своеобразными формами, пел затем песню так, что ничего похожего на записанное не было – чистейшим чеченским, по определению слушателей языком. Сам он не осознавал этой разницы и на расспросы отвечал, что у них все говорят так, как он. Именовал он себя и своих единоплеменников или «sandvkoj» или «lomroj»» (240, с. 90–91).

Профессор Л.П. Семёнов, много лет изучавший этнографию горной Ингушетии, также не упоминает о существовании такого жанра устного творчества у ингушей. В своей работе «Туземцы Северо-Восточного Кавказа» он дает подробное описание исполнения чеченской героической песни:

«Явилась откуда-то трехструнная самодельная балалайка. Молодой человек сел на траву и взял несколько аккордов. Затем он начал настраивать инструмент, а когда кончил, то дал свободу пальцам. Раздалась живая, хотя монотонная, но приятная мелодия. Говор понемногу стал утихать. На лицах чеченцев улыбка сменилась серьезным выражением. Все ближе подвинулись к музыканту; образовался кружок. Беспрерывно и долго лились живые звуки, пока музыкант не вдохновился.

«Валай-лай иллалай лайла яллай!» – запел он медленно и грустно, сначала тихо, потом все громче и громче. «Валай-лай иллалай яллай!» – варьировал он все тот же куплет, резко переходя от одного тона к другому и протягивая окончание. Иногда он повторял то же самое в пятый, шестой и седьмой раз; в голосе его слышались скорбные звуки.

«Я поднялся на Черные горы и глядел с них на большую Чечню», – запел он в том же тоне недавно сложенную в Чечне песню о последнем абреке Варе, убитом в 1865 году.

«Я поднялся на голые горы и глядел с них на Гехинский народ» (чеченцы, имеющие большой аул Гехи). Кружок чеченцев сдвинулся к певцу. На всех лицах явилось торжественное выражение.

«Я искал себе товарища в жизни и брата по вере». Чеченец не пел, а только говорил в тон балалайке. Это было вроде нашего речитатива. Каждая строфа кончалась долгим и быстрым перебором струн. Но певец до того углубился в положение восплаемого героя, что казалось, будто он импровизирует. Что-то вдохновенное слышалось в его голосе, полном тоскливого, созерцания павшего абрека. Да, он действительно импровизировал, иначе ему не удалось бы так цельно пропеть всю эту песню.

«Я голод утоляю зелеными травами и вместо воды пью сок шиповника», – продолжал импровизатор.

«Когда я вспоминаю о боге, то восклицаю: Аллах! – когда вспоминаю о любовнице, обнимаю свое оружие!»

– Ойт! – гикнул кто-то из компании. – Ойт! – слышалось затем восторженное восклицание.

«Уже звери отправлялись на добычу, пели петухи, когда я, как раненый волк, вскочил с постели, сел и начал думать».

«Где бы мне найти друга, где я мог бы безопасно отдохнуть?».

– Ойт! Ваша вала цуни! (Чтобы тебе лишиться брата!).

Эта песня, эти беспрерывные звуки балалайки, этот звучный и приятный голос певца, вероятно, не одному из кружка напомнили его удачные набеги, его молодецкие драки и те критические, голодные и холодные часы, когда каждый на них находился в положении героя песни. Все слушатели были возбуждены; как-то никому не стоялось на месте; стали переминаться с ноги на ногу, склонять головы на плечи соседей, обхватывать друг друга за талии» (192).

Эту чеченскую героическую песню в исполнении илланчи-чеченца, приведенную Н. Семеновым, авторы «Истории Ингушетии» опять же, как это у них принято делать, попытались представить как ингушскую.

Для этого авторы выдернули из текста все упоминания о чеченцах, как будто их и не было совсем (100, с. 165). По всей видимости, они не имеют представления об ингушском этическом кодексе «Эздел».

Наконец, первые ингушские языковеды, основатели ингушской научной школы, Д. Мальсагов и О. Мальсагов также не упоминают о существовании этого жанра у ингушей. А Заурбеком Мальсаговым даже написана специальная работа «Чеченский народный стих» на материале чеченских героико-эпических песен. Но и он в своем исследовании ни слова не говорит о существовании жанра «Илли» у ингушей.

Дело в том, что героический эпос «Илли» сформировался на основе многовековой борьбы чеченского народа за свою независимость, а также борьбы чеченцев с калмыцкими, ногайскими, кабардинскими и кумыкскими владетелями и, отчасти, казаками за свои равнинные и притеречные земли. А ингуши, как известно, в подавляющем большинстве своем, во всех этих войнах участия не принимали. Из гор на равнину они выселились только через лет 200–300 после своих собратьев, когда плоскость у соседних князей уже была отвоевана и освоена родственными им чеченскими обществами.

Якуб Вагапов сказал по этому поводу так: «Наиболее пристально эпос илли интересуется судьбами плоскостной Чечни. Взаимоотношение жителей этой части Чечено-Ингушетии, как с соседями, так и между собой, стали его основной темой (35, с. 81).

Таким образом, за равнинные земли ингуши не воевали (здесь они, в основном, расселились под покровительством русской военной администрации), в Кавказской войне они, как известно, тоже не участвовали (во всяком случае, на стороне горцев). О чем могут быть у ингушей героические песни? Если только не о внутренних межродовых междоусобицах и стычках. Но такие деяния, как известно, в героических песнях не воспеваются.

«Ховш да турпала иллеш турпала къаман мара ца хуаллага, хІана аьлча, уж иллеш кхоллаш йолу зама бакъонца йола турпала зама ца хуле, уж кхолла венначунна хІама хургдац», – пишет составитель сборника «Ингушские героические илли» Матиев в своем предисловии к нему. Все сказано верно, но сказанное относится к чеченским «илли», которых у ингушей не было.

Об этом свидетельствуют и сами сюжеты илли. Каждое илли территориально привязано к конкретной чеченской местности. Главный герой – в большинстве случаев, реальный, известный в народе чеченский герой. В ряде илли, наряду с главным героем-чеченцем, присутствуют и герои соседних с чеченцами народов – грузины, кабардинцы,

черкесы, кумыки, ногойцы, казаки, русские, аварцы, но, почему-то, не ингуши (возможно, из-за того, что чеченцы не отделяли их от себя). Единственное илли с главным героем ингушом, зафиксированное у чеченцев – это «Илли о назрановском Малсаге» («Несархойн Малсагах долу илли»). Но, обратите внимание на название, илли не об ингуше Малсаге, а о назрановце Малсаге, так же, как и об автуринце Ахмаде, мартановце Бийсолте или беноевце Астемире. В период создания этого илли (а это, примерно, середина XIX века) для его автора – чеченца отдельного от чеченцев ингушского народа, как такового, не существовало. В то же время, в «Илли о кабардинце Курсолте» или «Илли о Черном Ногае» называется национальная принадлежность главного героя, а не место жительства или их принадлежность к каким-то общественным группам, входящих в тот или иной народ.

Все эти илли, в которых главными героями, наряду с чеченцами, являются представители соседних с чеченцами народов – собственно чеченские. Не считают же ингушские авторы, что если чеченские илли об «Алдама Гази», «Ади Сурхо», «Тайми Бийболте» или «Эвтархой Ахмаде», являющимися реальными героями чеченского народа, имена которых с колыбельных песен, с молоком матери впитываются в существо чеченцев и бережно сохраняются на генном уровне, переведены на ингушский язык, то они должны стать ингушскими? Пусть ингушские авторы приведут хоть одно оригинальное илли, не привязанное к Чечне и не имевшего конкретного исполнителя – «илланчу» из числа чеченцев, зафиксированное в Ингушетии.

Называть, например, таких знаменитых чеченских кьонахов и мужей: терлоевца КIахи ГIоната, чебарлоевца Ади Сурхо, бильтоевца Мади Жаммирзу или нашхоевца Алдама ГIезу ингушами, все равно, что называть чеченцами таких известных ингушских героев, как Коллой-Канта или Несархо Малсага.

Вместе с тем, если мы не два, а один единый народ, то и те, и другие являются общими героями нахчийского (вайнахского) народа. Если нет, то, как говорят русские, «дружба – дружбой, а табачок – врозь».

Представьте себе, если авторы издания творят такое с общеизвестными фактами, то, что они только не сделают с малоизвестными и недостаточно очевидными вещами из истории наших народов?

На родине «Илли» – в Чечне были десятки «илланчей» – исполнителей героических песен. Почти в каждом селе был свой илланча, а в таких крупных селах, как Урус-Мартан, Шали, Гехи, Атаги – даже по нескольку. В большинстве случаев, это искусство передавалось от отца к сыну и, таким образом складывались целые династии илланчей. Так,

например, в Урус-Мартане жил известный илланча Беталгири Абубакар. Говорят, что он ежедневно исполнял по одному илли в течение трех месяцев, причем, ни разу не повторяясь. В исполнении его сына Бетельгириева Сайд-Магомеда, обыкновенного тракториста-эксковаторщика, нам удалось услышать свыше десяти из них. Некоторые из них удалось записать. Сын Сайд-Магомеда – Магомед, тоже является исполнителем различных песен и илли, а известный чеченский бард Хусейн Бетельгириев является внуком Абубакара и племянником Сайд-Магомеда Бетельгириева.

«В илли бывают от ста до тысячи и более стихов. Широко известны имена таких певцов импровизаторов, как Абубакар Гехаев из Атагов, Цуга Саламов из Урус-Мартана, Ахмет из Автуров. Позже их сменили Илес из Бачи-Юрта, Магомет из Старо-Юрта и другие» (92, с. 7).

В настоящее время известными на всю Чечню исполнителями героических песен «Илли» являются Абдул-Вахид Дамкаев из Толстов-Юрта и Шарпудди Исмаилов из Итум-Кали.

Много проблем возникало с изданием чеченских героических песен. Вот что пишет по этому поводу известный чеченский искусствовед и литературный критик профессор Хасан Туркаев: «Подготовку к изданию чеченских исторических, героико-эпических песен «Илли» особенно болезненно воспринимали тог-

да некоторые представители ингушских научных кругов. (...) Особенно усердствовал в этом направлении Ибрагим Дахкильгов – доцент Чечено-Ингушского университета, в котором он преподавал вайнахский фольклор.

На неоднократных обсуждениях у секретаря обкома КПСС по идеологии М.Л. Бузуртанова (Бузуртанов был по национальности ингушом. – Авт.), И. Дахкильгов всякий раз пытался воспрепятствовать изданию этих песен. К тому же, непременным условием наших ингушских коллег было издание их как чечено-ингушских героических песен, хотя все прекрасно знали, что исторических, героико-эпических песен у ингушей никогда не было. Когда Х. Ошаев и я говорили, что чеченские песни («Илли». – Авт.) – это продукт национально-освободительной борьбы чеченцев против инонациональных князей, начиная с XVI века, и против экспансии царизма в XIX веке, что в ингушской

среде неизвестна ни одна историческая и героико-эпическая песня, неизвестен ни один певец, который исполнял бы такие песни, – нас в обкоме обвинили в национализме.

В качестве «доказательства» того, что такие песни у ингушей все же имеются, нам продемонстрировали книгу «Ингушский фольклор» 1940 года издания, в которой помещены 6 или 7 широко известных чеченских песен, переведенных на ингушский язык. В переводе их сюжетные линии подверглись существенной деформации. (...) И. Дахкильгов, его единомышленники и поддерживающий их идеологический отдел обкома партии заявили: раз эти песни опубликованы на ингушском языке, значит, они ингушские ...

Тогда, в 1974 году, под давлением обкома партии пришлось включить в издаваемую книгу, переведенную в 1940 году на ингушский язык, хорошо известную чеченскую песню «Илли об Альбике и Жамарзе» (212, с. 61).

Воровству чеченского фольклора, учиненному ингушскими фольклористами, должна быть дана самая серьезная оценка. Для проверки всех фактов плагиата необходимо создать специальную научную комиссию при Академии наук ЧР, куда должны войти все ведущие чеченские филологи и ученые-фольклористы. Языковед, хорошо знающий оба языка, без труда определит – где оригинальный текст, а где его копия. Можно привлечь и живых илланчей, которые, слава Богу, у нас еще есть.

Эта комиссия, с привлечением необходимых специалистов извне, должна скрупулезно проанализировать все сборники материалов устного народного творчества, изданных ингушскими фольклористами на предмет их плагиата и современных подделок на заданную тему (особенно преданий). Необходимо обратить внимание на подготовку молодых специалистов по устному народному творчеству, направления их на обучение, повышение квалификации и стажировку в профильные научные центры России и всего мира.

Как пишет в связи с этим И. Сигаури, «украсть чужой фольклор в принципе невозможно – это всегда результат собственной истории того или иного народа. Поэтому, никто из серьезных исследователей никогда не поверит в существование героических илли у ингушей, потому что они никогда не вели вооруженную борьбу с кабардинскими и кумыкскими князьями за плоскостные земли. Невозможно выдать Сурхо, сына Ады, за ингуша, основателя села Сурхохи, только переведя илли о нем на ингушский язык и объявив его произведением ингушского фольклора. Могила этого героя, по преданиям, находится на территории Чеберлая. А что касается самого селения Сурхохи, попутно

заметим, что значительную часть его населения составляют ингуши – выходцы из чеченского тейпа дишни» (195, с. 403). От себя добавим, что основателем этого села, как мы уже отмечали, являются не ингуш, а чеченец Кети Арсамаков.

Матиев М.А. в своей кандидатской диссертации на тему «Ингушский песенный эпос илли» (пока чеченцы воюют с Россией и между собой, ингушские исследователи вовсю осваивают жанр чеченских героических песен «илли») пишет: «Ингушский песенный эпос илли представляет собой свод нескольких десятков ингушских героико-эпических песен, большинство которых до сих пор не переведено на русский язык. Сам жанр до сих пор не только не изучен, но и малоизвестен даже специалистам. До последнего времени было довольно сложно найти опубликованные тексты этих песен, т.к. они давно не переиздавались» (146).

Интересно было бы просмотреть этот «свод нескольких десятков ингушских героико-эпических песен» на предмет того, сколько там действительно ингушских героических песен. Если среди них и найдутся таковые, то только те, что на самом деле не совсем относятся к данному жанру. Что же касается не изученности жанра, то, естественно, ингушские исследователи, прекрасно зная, что «илли» – это чисто чеченский фольклорный жанр, до последнего времени не обращали на него серьезного внимания, в то время, как жанры, присущие ингушскому устному народному творчеству изучались очень тщательно (мифы, предания, легенды, сказки, нарт-эпсхойский эпос).

«Впервые героико-эпическая песня ингушей на родном языке была записана в конце XIX века М. Джабагиевым с помощью разработанного им же самим алфавита. Им же эта песня («Сурхо Адиев») была переведена и на русский язык. Другая ингушская героико-эпическая песня, записанная им, «Гази Алдамов», была опубликована на ингушском и французском языках. В конце XIX и начале XX веков Ф. Горепекин записал ряд песен на ингушском языке, используя разработанный им алфавит на основе русской графики. Из записанных им песен мы располагаем только одним текстом («Вдовый сын Жовсарко и князь Тепсарко»). Все остальные известные нам записи текстов ингушских героико-эпических песен, произведенные в XIX веке, сделаны на русском языке! К сожалению, в дальнейшем запись и изучение ингушского песенного эпоса не удостоивались должного внимания», – пишет Матиев (53).

Автором вышеназванных трех илли (записанных и М. Джабагиевым, и Ф. Горепекиным) является чеченский народ по следующим основаниям.

Во-первых, главными героями этих илли являются конкретные чеченские исторические личности чеберлонец Ади Сурхо (Сурхо Адиев), нашхонец Алдам Гези (Гази Алдамов) и пешхонец Тепсаркъя, у каждого из которых в Чечне есть свой тайп и тукхум, именны родовые башни, а также многочисленное потомство, прекрасно помнящее своих предков. Вот что пишет про Алдама Гези и Ади Сурхо известный нам всем В.Б. Виноградов: «А вот замок Алдам-Гези – едва ли не самый эффектный в Чечне. Среди ее руин есть каменное строение, надпись у входа которое упоминает неких Аду и его сына Сурхо. И не герой ли это знаменитой чеченской исторической песни? Во всяком случае, этнограф, кандидат исторических наук И.М. Саидов считает именно так» (44, с. 66).

А вот другое свидетельство того, что Ади Сурхо был из Чеберлая: «Ко времени прибытия названных правителей в Чеберлое уже проживали тайпы (роды) Ади Сурхо, Тунахой, Халчи и Садой, из коих два последних также считались выходцами из Нашаха» (237, с. 165).

Во-вторых, все эти илли основаны на мусульманской, а не языческой или христианской этической системе, что было бы невозможно, если бы они были ингушскими, в большинстве своем принявшим ислам только во второй половине XIX века. Так, главные герои «ингушских» героических песен обращаются друг к другу с мусульманским приветствием «Ас салам Ӏалайкум», в трудные минуты обращаются к Богу «Я Рабби», исполняют намаз, даже детали захоронения, которые

описываются в так называемых ингушских илли («уппагIа», «лахъта», «надгробный камень» и т. д.) – мусульманские.

В-третьих, то, что впервые эти «илли» в печати опубликовал ингуш Джабагиев вовсе не означает, что они ингушские. Как известно, среди ингушей, вошедших в подданство России еще в 1770 году, было много обученных русской грамоте людей. Естественно, они первыми письменно и фиксировали эти «поэтически необычайные» произведения, так же, как это делали русские и зарубежные исследователи. Но, в отличие от ингушских исследователей, последние не пытались их присвоить себе.

Хотелось бы спросить, кто из ингушских фольклористов, честно, положив руку на сердце, может утверждать, что слышал эти илли в живую, в исполнении конкретного ингушского илланчи? Таковые в Ингушетии вряд ли найдутся. Так вот, нам, как и многим нашим другим сверстникам в Чечне, довелось слышать эти и другие илли в исполнении илланчей Сулейманова Бауди, Хасана и Саьлмирзи Бауди из Мартан-Чу, Беталгири Абубакара, Бетельгериева Сайд-Магомеда, Шабхан Зайнди, Элберд Мутуша из Урус-Мартана, Дамкаева Абдул-Вахида, Шарпудди Исраилова и многих других исполнителей. И что самое главное – аудиозаписи этих и десятков других илли в исполнении разных чеченских илланчей сохранились до сегодняшнего дня, что является несомненным доказательством их чеченского происхождения.

Как понимать, что «все остальные известные нам записи текстов ингушских героико-эпических песен, произведенные в 19-м веке, сделаны на русском языке? К сожалению, в дальнейшем запись и изучение ингушского песенного эпоса не удостоивались должного внимания».

Как могло быть, что в течение целого столетия (после М. Джабагиева) «запись и изучение ингушского песенного эпоса не удостоивались должного внимания», в то время, как по другим жанрам фольклора такая работа ингушскими учеными активно велась? Как объяснить такое невнимание ингушских исследователей к «вершинному жанру ингушского фольклора», как пишет о нем Матиев? Почему о героических песнях «илли», как об ингушских, не писали в «период наивысшего расцвета ингушской науки и культуры» – до объединения с Чечней, в период существования Ингушской АО? Если кто-либо из ингушских

ученых до того и писал о героических песнях, то, обычно, указывал (как это сделал Заурбек Мальсагов в своей работе «Чеченский народный стих»), что это чеченские героические песни.

Да потому, что этот жанр, общепризнанно, был чеченским, и оспаривать это никому даже в голову не приходило.

Одной из причин, что не записывался этот жанр Матиев называет то, что «он ушел в пассивный фонд». А почему, интересно, он не ушел в пассивный фонд у чеченцев, когда мощное присутствие этого жанра в Чечне можно было наблюдать еще в 60-х–70-х годах прошлого века? Тогда они, в большинстве своем, и были записаны.

Определенные усилия по сбору героических песен «приложили в 30-х годах молодые писатели и фольклористы Хамзат Осмиев и Хаджи-Бекир Муталиев. Под влиянием Заурбека Мальсагова они целенаправленно обратились к записи героико-эпических песен, и целый их свод опубликовали в сборнике «Ингушский фольклор» («ГалгIай фольклор») в 1940-м году», – продолжает автор.

Это, как раз, тот случай, о котором мы упоминали выше, когда молодые ингушские писатели, воспользовавшись тем, что были репрессированы Ахмед Нажаев и ряд сотрудников чечено-ингушского научно-исследовательского института, собравшие и подготовившие к изданию чеченские героические песни, воспользовавшись своим служебным положением, совершили подлог, опубликовав некоторые из них в 1940 году, как ингушские.

А что касается «влияния Заурбека Мальсагова», то вряд ли такое имело место, так как последний даже свою работу, посвященную героическим песням назвал «Чеченский народный стих», тем самым определив их принадлежность. К большому сожалению, Заурбека Мальсагова в 1940 году не было в живых, он умер в 1935 году. Если бы он в то время был жив, то, вне всякого сомнения, в сборник «ГалгIай фольклор» 1940 года не были бы включены чеченские или под видом ингушских.

В том же 1940 году в издательстве «Художественная литература» города Москвы на русском языке вышел сборник фольклорных материалов «Чечено-Ингушский фольклор». Материалы этого сборника были «собраны Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом языка и истории и союзом советских писателей Чечено-Ингушетии» («Чечено-Ингушский фольклор». Москва, 1940, с. 4). Так вот, те или, преподнесенные в сборнике «ГалгIай фольклор» как ингушские, в данном сборнике опубликованы как чеченские, с конкретными данными где, когда и от кого они записаны. Перевод с чеченского на русский язык этих героических песен был сделан А. Кочетковым, А. Минихом,

М. Талововым, С. Олендер, В. Бугаевским и рядом других авторов.

«По мнению Дошлуко Мальсагова, Халида Ошаева и других исследователей, – пишет автор, – фольклор ингушей и чеченцев при наличии каких-то местных особенностей предстает единым. Трудно не согласиться с тем, что устное народное творчество ингушей и чеченцев имеет много общего. В этом плане в одной жанровой орбите находятся ингушские и чеченские героико-эпические песни илли. В Чечне этот жанр изучен лучше. Ему посвятили свои исследования Якуб Вагапов, Исмаил Мунаев, Айса Халидов, Явус Ахмадов и другие. Значительно хуже обстоит дело с изучением ингушского песенного эпоса, хотя его записи были произведены раньше, причем – на ингушском языке».

Являясь сторонниками идеи единства фольклора, как, в целом, и единства чеченцев и ингушей, хочется отметить, что ингушские исследователи, обычно, вспоминают об этом факте только тогда, когда разговор заходит о чеченских героических песнях «Илли». А что касается лучшей изученности жанра «Илли» в Чечне и того, в силу каких причин несколько чеченских илли были опубликованы как ингушские, самым грубым образом переведя их на ингушский язык, мы уже писали.

«Изучению илли посвятили свои работы Д. Мальсагов, Х. Ошаев, Я. Вагапов, И. Дахкильгов, А. Танкиев, Б. Садулаев, И. Мунаев, Я. Ахмадов и другие исследователи, труды которых опубликованы в различных местных известиях, альманахах, сборниках. Одно из лучших исследований илли принадлежит З.К. Мальсагову. Написанная им еще в 30-х годах работа «Чеченский народный стих» является настольной книгой местных фольклористов», – пишет Матиев.

По всей видимости, эта работа, написанная основоположником ингушской научной школы, прямо указывающая на принадлежность жанра «Илли», несмотря на заверения Матиева, все же, не стала настольной книгой его самого.

Следующие цитаты из диссертации Матиева, в которых он пытается подвести основу под зарождение жанра героико-эпических песен «илли» у ингушей, наоборот, убедительно доказывают прямо противоположное – что оснований для зарождения этого жанра в ингушской среде не было.

Так, он пишет: «В илли на первый план выдвигаются общенародные идеалы, социальные отношения, этико-нравственные нормы. Внимание илли привлекает положение беднейших слоев общества (безродные, сироты, вдовы, обездоленные). Выдвижение на первый план социальных отношений было результатом массового выселения ингушей с гор и основания сел на плоскости. Родоплеменное и связанное с ним террито-

риальное деление, существовавшее в горах, на плоскости нарушалось с образованием сел из представителей разных родоплеменных групп.

На первый план выдвигаются уже не кровнородственные связи, а социально-экономические факторы, общие идеологические и политические задачи. Среди них: противостояние натиску иноземных князей, освоение предгорных земель и пастбищ, создание новых сел, создание внутриобщинной организации и организация обороны от внешних посягательств княжеских дружин и многочисленных разбойничьих шаек, а позднее – организация набегов для угона княжеских табунов и стад, борьба против царского самодержавия».

О каком «массовом выселении ингушей с гор» и какой «борьбе против царского самодержавия» пишет автор, если ингуши, вступив в подданство России в 1770 году, только с помощью этого самого царского самодержавия и сумели вырваться, а затем и закрепиться на плоскости? Кроме нескольких небольших предгорных сел и хуторов, регулярно платящих за аренду земли кабардинским и кумыкским князьям, на плоскости ингушских поселений не было. Кто бы пустил ингушей, составляющих к концу XVIII века всего чуть больше 10 тысяч человек, с гор на равнину, если бы за ними не стояли русские войска? Когда Матиев пишет о «массовом выселении ингушей с гор» у неискушенного читателя должно создаться мнение, что выселяющихся на плоскость ингушей было огромное количество. На самом деле, выселение всего лишь нескольких десятков семей, для относительно малочисленных ингушей было «массовым выселением».

Далее Матиев, без всякого стеснения, пишет следующее: «Перед Кавказской войной жанр «илли» не только предстает окончательно оформившимся, но и переживал продуктивный период. С началом борьбы народов Северного Кавказа против царской администрации появляются героико-эпические песни, нацеленные на борьбу с самодержавием. Со временем именно эти песни становятся наиболее популярными. Теперь в песнях происходит слияние мотивов антифеодального, набегового и антиколониального. В некоторых илли ведущим является один из них, в других эти мотивы контаминируются. В период Кавказской войны жанр илли получил дальнейшее развитие, заостряется его идейное звучание... Идея консолидации этноса, общества, общины или же беднейших, социально обездоленных слоев, разрабатывается в связи с антифеодальной и антиколониальной борьбой. Таким образом, призыв к общенародному единству и героической борьбе на благо народа становится одним из средств идеологической борьбы, выраженной в песенном искусстве».

Все верно. Мотивы «борьбы народов Северного Кавказа против царской администрации», консолидации этноса, «в связи с антифеодальной и антиколониальной борьбой» в героических песнях присутствуют. А ингуши-то тут причем? Они то, как раз, были на стороне колонизаторов. Если и получил жанр «илли» дальнейшее развитие в период Кавказской войны, то только не среди ингушей, воевавших вместе с царизмом против своих братьев, а в Чечне, положившей на алтарь этой войны свыше половины своего населения (146).

В 2002 году вышел сборник «ингушских» героических песен-илли «ГалгIай турпала иллеш», составителем которого является все тот же М.А. Матиев (научный редактор И. Дахкильгов).

Одним из достоинств данного издания составитель в своем комментарии отмечает то, что до сих пор книга с таким большим количеством ингушских героико-эпических илли еще не выходила, что следует считать не большим, но достижением (53, с. 5).

Еще бы, ведь практически все включенные в сборник илли (а в него, почему-то, вошли и произведения, относящиеся к другим жанрам устного народного творчества, вплоть до девичьих песен) являются чеченскими. Такого беспредела по отношению к чеченским илли, до Матиева с Дахкильговым, никто из ингушских исследователей не допускал.

Такие, например, илли, как «Алдам ГIезех долу илли», «Маьхти Идрисах, Ати Iумех долу илли», «Лечи Iалхех, Саги Темаркьех долу илли», «Жонсаркьех и эла Тепсаркьех долу илли», «Бос хаза Мусах, бос хаза Азех долу илли», «Жоьра-бабий воIах долу илли», «Iумара Iелех долу илли», «Мади Аьлбикех, Мади Жаммирзех долу илли», «Мади Аьлбикех долу илли», «Шотой Арсамакьах, Маьхти Идрисах долу илли», «Эла Мусостах долу илли», «Бабий кIантах долу илли», «Дин беллачу кIентан илли», «Эла Къахьармех, Тепсаркьех долу илли», опубликованные в данном сборнике, безусловно, являются чеченскими. Все они списаны или переписаны с чеченской основы.

Главные герои этих илли: Алдам ГIеза – известный чеченский предводитель, в свое время переселившийся из Нашха в Чеберлой и построивший там знаменитую крепость; Маьхти Идрис – ауховский наиб имама Шамиля; Ати Iума и Лечи Iалха – известные чеченские наездники; Мади Жаммирза и Мади Аьлбика – чеченские национальные герои, двоюродные брат и сестра известного чеченского предводителя Бийбулата Таймиева; Шотой Арсамакь – Арсамакь из Шатоя, само имя которого говорит само за себя – являются реальными и очень популярными в Чечне историческими личностями и героические песни о них

из сборника «ГалгIай турпала иллеш» являются всего лишь плохими копиями с оригинальных чеченских илли.

О плагиате говорит и разное название Матиевым известного персонажа чеченских героических песен, да и в целом всего чеченского фольклора – образа «жюьра-баба» (вдовой женщины), которого он неуклюже называет то «жер-баба», то «жер-нана».

«Отдельные ученые (националистически настроенные) считают жанр, о котором мы говорим и пишем, присущим только чеченцам. Правда, что элементы чеченского языка присутствуют в ингушских илли, а элементы ингушского языка присутствуют в чеченских илли. Например, ингушские слова отсутствующие в чеченском языке «дулх», «чIега», присутствуют в чеченских илли – «дилха дог», «дог майра ЧIега». Такие примеры есть и еще. Говорить, что эпос «Илли» чисто чеченский или чисто ингушский – неверно», – пишет Матиев (53, с. 277).

Что тут сказать? Одно из двух: или автор сборника со своим научным редактором, как говорится – «темнят», или они совершенно не знают чеченского языка. Иначе они не писали бы такие глупости.

К сведению Матиева, слова «дилх» и «чIега», а также производные от них десятки словоформ, имеющие общенахскую основу, наряду с другими их эквивалентами, самым широким образом представлены в чеченском языке (не меньше, чем в ингушском языке). И не только в «илли». Например, в чеченско-русском словаре А.Г. Мациева, выпущенном в начале 60-х годов прошлого века имеется по несколько словарных статей, образованных от слова «дилха» со значением «мясистая часть тела животных и человека» и «чIега» со значением «замок». Кроме того, однокоренными «чIега» являются слова «чIагIа» – «закрывать, закрывать», «чIагIам» – «договор», «чIагIо» – «оплот, укрепление» и другие (148, с. 147, 505–506). В русско-чеченско-ингушском словаре, выпущенном в 1966 году, слово «замок» и в чеченском, и в ингушском языках обозначает «чIега». Слово «мясное» в чеченском означает «дилха даар». Кроме того, в чеченском языке есть такое понятие, как «мясной скот», означающее на чеченском «дилхалахь даьхни» (181, с. 237, 333). В русско-чеченском словаре А.Т. Карасаева, А.Г. Мациева слово «мясистый» значит на чеченском «дилхалахь», а слово «крепить» – «чIагIдан» («укрепление» – «чIагIо»). В чеченско-русском словаре И.Ю. Алироева слова «дилха» – это мясная «мякоть», а «чIега» и «чIеганан», соответственно, – «замок» и «замочный» (кроме «чIагIо», «чIогIа» и других однокоренных статей). Думаю, что привел достаточно примеров, доказывающих несостоятельность утверждений Матиева.

Таким образом, в чеченском литературном языке, а также в его диалектах, есть и слово «дилх» в значении «мясо», и слово «Чёга» в значении «замок» и «гвоздь». Кстати, в Чечне довольно распространенной, среди старшего поколения, является имя Чёга и производная от него фамилия Чагаев. Кроме того, мясо употребляемое в пищу, чеченцы чаще всего называют еще и словом – «жигиг», которого нет в ингушском языке.

«Чеченские и ингушские илланчи, исполнявшие илли и сопровождавшие это исполнение игрой на пондаре, ездили друг к другу и не делали различий по национальному признаку. Ингушские илланчи исполняли в Чечне ингушские илли и, услышав там чеченские илли, учили их. Таким же образом чеченские илланчи исполняли в Ингушетии чеченские илли и, услышав ингушские илли, соответственно, учили их» (перевод. – Авт.) (53, с. 277).

Как говорят в таком случае чеченцы, «дика дайна гIан ду!»). Нет никакого сомнения в том, что они «не делали различий по национальному признаку» (тем более, что чеченцы и ингуши, по существу, один народ), но представить себе, что илланча-ингуш исполняет илли среди чеченцев – основателей и корифеев этого жанра, где это искусство достигло своего наивысшего мастерства, практически невозможно. Об этом смешно даже говорить. Все это – очередная выдумка автора с целью представить распространенность героических песен «илли» среди ингушей.

Непонятно и то, почему автор разделяет исполнение илли на «исполнение илли (вокальное. – Авт.) и сопровождение этого исполнения игрой на пондаре, когда на самом деле это неразделимое единство. Илланча, как бард – и исполнитель илли, и аккомпаниатор в одном лице.

«Одним из первых наиболее глубоких исследователей вайнахских илли был Заурбек Мальсагов. Одна из последних его работ называлась «Чеченский народный стих». То, что он не назвал свою работу «Чечено-ингушским стихом», объясняется тем, что он в 30-е годы не знал ингушских илли», – пишет автор (53, с. 279).

Вот тебе и раз! Являться, по собственному же признанию Матиева, одним «из первых, наиболее глубоких исследователей вайнахских илли» и не знать, что у его народа есть такой жанр?

Вышеназванную свою работу З. Мальсагов написал в 1934 году. Назвать свою работу таким образом он мог только в том случае, если, действительно, считал «илли» чисто чеченским жанром или, если относил самих ингушей к чеченскому народу.

Рассматривая «Илли об Алдам Гёзе», автор пишет, что «Алдам Гёза был ингушом» и что он якобы основал село, названное его именем (53, с. 308).

А вот какие сведения дает нам об Алдам ГПезе одно весьма авторитетное издание: «Сравнительно недавнее заселение района Чеберлоя выходцами из Нашаха подтверждает также житель сел. Макажа, восьмидесятисемилетний Шаип Шавхалов. По словам этого информатора, один из его предков – Альдам-Кязы и некто Гош (ГЮш) были присланы из Нашаха в качестве правителей Чеберлоя. Своей резиденцией они избрали сел. Кезеной, где выстроили сильно укрепленный замок, руины которого сохраняются там и поныне» (237, с. 165).

Ингушское происхождение Алдама ГПези автор, по всей видимости, старается обосновать наличием в современной Ингушетии небольшого села Гази-Юрт, которое было основано всего лишь в XIX веке, в то время как Алдам ГПези жил, как минимум лет 400–500 назад. А самую героическую песню Матиев называет ингушской лишь на том основании, что впервые эту песню, сто лет назад, записал и опубликовал М. Джабагиев. Запись и первая публикация фольклорного материала – это абсолютно недостаточный аргумент в пользу авторства этого илли, как ингушского. В соответствии с этой логикой, великий русский писатель Л.Н. Толстой, первым записавший чеченские песни, опубликованные затем в печати, вполне мог назвать их русскими.

От того, что в илли «О Мади Жаммирзе и Мади Аьлбике» Матиев представляет известных чеченских героев Мади Жаммирзу, Аьлбику и Тайми Бийболату (переименованного в Темарбий Болат), как ингушских героев, они таковыми не станут. Вот как об этом поется в танкиевском варианте этого илли:

Іа ювха, полковник, юх шера ва юбка,
Іа тилла, полковник, га дІаьха ва киси,
Дуне тІа сийдола из Нана-ГІалгІайче,
ГІалгІайче цІихеза из Мадий Жамарза,
Жамарзий хьамсара из Мадий Аьлбика
Хьай кулга тІемаца яьккхача ва санна,
Мел кура Іийра хьо хьа йист ца хулаш» (53, с. 311).

Или вот еще: «ГалгІай тхов кІала кхийна» кхо доттагІ ву вувцашвар: Маьхте Идрис, Берса Ахьмад, Сийдола Ювсап» (53, с. 318).

Не знаем точно про Берси Ахьмада и Сийдолу Юсупа (хотя имя последнего героя – Юсуп – редко встречается среди ингушей), но Маьхти Идрис – это ауховский наиб имама Шамиля. В. Виноградов в одной из своих книг пишет: «Наибы Шамиля Ахмад Автуринский, Геха и Маьхти Идрис «пользовались широкой известностью и славой в народе» (176, с. 24–25).

И Геха, и Ахьмад Автуринский, так же, как и Маьхти Идрис – это реальные исторические личности. «У чеченцев бытовал целый цикл песен и преданий об Ахмаде из селения Автуры и казаке – его друге. Современный исследователь фольклора И.А. Дахкильгов отмечает: «Сам Ахмад Автуринский был исторической личностью и пользовался большим уважением среди чеченцев» (176, с. 24).

Так что, такое трюкачество не делают чести ни самому Матиеву, ни другим ингушским исследователям, утверждающим о существовании жанра «илли» у ингушей.

В связи с выходом в свет вышеуказанного сборника «ГПалгIай турпала иллеш», в номере 66 (11418) газеты «Даймохк» от 20 августа 2004 года на чеченском языке была опубликована гневная статья известного чеченского фольклориста Шарани Джамбекова под названием «БIарлагIех йоьттина гIала, я ...плагиат» («Башня, выложенная из миражей или... плагиат?»). Вот некоторые выдержки из нее (смысловой перевод Х. Умхаева):

– «Дийнан делккьехь дина курхалла хетара массарна а «ГПалгIай Ч. Ахриева цIерагIа йола Илма-тохкама институту» кьобал а деш, М.А. Матиевс а, И.А. Дахкильговс а, кхечара а динарг. Цу тIе – нийсса нохчийн маттера шайн матте даьхнехь а хIун дара хьуна: ишколехь дешархоша изложении ма-язьярра, цхьа IалагIожа йина-кх...» – «То, что сделали М.А. Матиев и И.А. Дахкильгов с благословения Ингушского научно-исследовательского гуманитарного института им. Ч. Ахриева – все равно, что воровство средь бела дня. Было бы еще ничего, если хотя бы перевод с чеченского языка на ингушский сделали бы внятный, а то получилось что-то не совсем понятное, как школьное изложение учащихся».

– «XV-гIа бIешо чекхдолуш, XVI-гIа бIешо долалучу муьрехь, Россин империн экспансина кьоман дог-ойла дуьхьальяккха Iалашо йолуш, кхоьल्लीна нохчаша и эпос, чIагIдора нохчийн эпически иллеш монографически теллина волчу Вагапов Якьуба» – «Якуб Вагапов, монографически исследовавший чеченские героические песни – илли, утверждал, что чеченцы создали этот эпос с целью поднятия духа народа против экспансии Российской империи в конце XV – начале XVI вв.».

– «Алдам Гезин Макажехь лаьтташ йолу бIов, бухара а яьккхина, яьхьна Магасехь дIа-м ца хIоттийна, я Чечанара Мадин Жаммиризин тIаьхьенан из даьхьна М.Матиевссий, И.Дахкильговссий?» – «Может быть М.Матиев и И.Дахкильгов перенесли боевую башню Алдама Гази из Макажоя (населенный пункт у озера Кезеной-Ам в Веденском районе Чечни. – Авт.) и поставили его в Магасе или они считают, что

лишили памяти потомков Жаммарзи Мадиева из Чечен-Аула?» (имеются ввиду чеченские героические песни-илли об Алдама Пези и Мади Жаммирзе, включенные этими авторами в свои сборники фольклорных материалов, как ингушские. – Авт.).

– «Цу тIехъ дуйцIуш дара гIалгIай фольклориста Танкиев Абукара а, цунна тIаьхъа Кудузова Фатимас а Хьалха-МартантIера Эйдин йоIах лаьцна Сулейманов Баудис локхуш хилла йиш, «ГIалгIай лирически йиш» аьлла цIе а тиллина, зорбанехъ араьйккхина хиларх лаьцна» – «В ней рассказывалось, как ингушский фольклорист Танкиев Абукар, а вслед за ним и Фатима Кудусова издали в печати песню Бауди Сулейманова (знаменитого чеченского илланчи. – Авт.) о дочери Эди из Урус-Мартана, как «ингушскую лирическую песню».

– «Тхан декан хилла йолчу Оздоева Фирюза Гиреевнас тIедожадора суна, студенташа дIаязйина фольклор кафедрехъ охьайилла еза, олий. (...) Анекдот а хилла лелаш дара цу хенахъ Якъуба (Вагапов. – Авт.) олуш хилла цхьа хIума: «Вай хезачохъ хьенех-м вац? Цунна дIазахзахъ, «Цагена аьннад» аьлла, кхана «Сердало» газет тIехъ карор ма ю хIара забар», – олий» – «Бывшая декан нашего факультета (филфака Чечено-Ингушского госуниверситета. – Авт.) Оздоева Фирюза Гиреевна требовала, чтобы фольклорные материалы, записанные студентами, я оставлял на кафедре ... Своего рода анекдотом стало в то время следующее высказывание Якуба (Якуб Вагапов-преподаватель ЧИГУ. – Авт.): «Нас случайно не слышит Ахмед (фольклорист Ахмед Мальсагов. – Авт)? Если он это услышит, то эта шутка завтра же появится в газете «Сердало», в рубрике «Рассказы о Цагене» (Цаген – своего рода ингушский Мулла Насреддин. – Авт.).

– «Это чепуха, – сказал он, скривив губы. – На меня полпреспублики работало. Пусть скажут, если я кого заставлял это делать! (...) Это что за преступление? Ну, записали люди фольклор. Передали в мой архив. А вот ты, Джамбеков, возьми и докажи, что гусар Мальсагов, записанный чеченцами чеченский фольклор переделал под ингушский. Не пойман – не вор!» (фрагмент из разговора преподавателя кафедры русско-вайнахской филологии Шарани Джамбекова со своим коллегой, ингушским фольклористом Мальсаговым Ахмедом).

– «1967-чу шарахъ араьйллачу гIалгIайн фольклоран сборник тIех юха кхин цкъа а зорбатоьхна долу «Чечанарчу Мадин Жаммирзин илли» нохчийн илли дуйла ца хууш вацара Мальсагов Ахьмад, Дахкильгов ИбрахIим а, и ца хууш вац ИбрахIима тахна, куьг а лаьцна, ямартчу новкъа ваьккхина волу фольклорист М.А. Матиев а» – «Ахмед Мальсагов с Ибрагимом Дахкильговым не могли не знать, что вновь

опубликованное в вышедшем в 1967 году сборнике ингушского фольклора «Илли о чечен-аульском Жаммире Мадиеве» – это чеченское илли. Знает это и Матиев, которого Ибрагим (имеется ввиду И. Дах-кильгов. – Авт.) собственноручно вывел на путь вероломства».

– «Лакхахъ хъахийначу дешхъалхенан цIе М.А. Матиевс «Вай курача даъ иллеш» аьлла тиллина. (...) Со тешна ву, оцу гIалгIайн «курачу дайша», нехан бIаьрг тIера баьлча, курхалчаша санна, лачкъа а дина, шайн ду бохуш, дозаллаш а деш, нехан иллеш-м баьхна хир дац аьлла» – «Вышеупомянутое предисловие своего сборника М.А. Матиев назвал «Героические песни наших гордых предков». Я уверен в том, что эти «гордые предки» ингушей, выкрав чужие илли, воспользовавшись потерей бдительности хозяев, вряд ли стали бы гордиться ими как своими» (80).

О чеченских илли можно говорить бесконечно, но пока удовлетворимся вышеизложенным.

«Во второй половине XIX века значительная часть традиций и поэтических средств ингушского песенного эпоса илли стала обслуживать песни религиозного содержания назым. Эти песни, исполняемые обычно солистом в сопровождении хора, по форме исполнения, по своей роли и значимости для народа «заменили» героический эпос», – пишут авторы «Истории Ингушетии» о песнях религиозного содержания «назам» (100, с. 253).

Религиозно-духовный жанр фольклора «Назам» – это религиозные песни, прославляющие единого бога Аллаха, его пророка Мухаммада (с. а.с.), асхабов и других ближайших сподвижников пророка, известных авлия – основателей различных суфийских вирдов, а также философские размышления на тему бренности мирской жизни, основанные на исламском восприятии мира. У чеченцев этот своеобразный жанр устного народного творчества имеет историю в несколько сотен лет. Песнопения «назам» зародились в Чечне с принятием ислама и, скорее всего, были связаны с именем великого поэта мусульманского Востока Низами, с творчеством которого чеченские суфии не могли не быть знакомыми.

А у ингушей такого жанра фольклора не было по той простой причине, что они не могли воспевать и восхвалять то, чего они еще не знали и во что они в то время еще не верили. Они переняли их у чеченцев совсем недавно и собственных оригинальных «назамов», кроме чеченских, у них не было.

По большому счету, ислам утвердился в Ингушетии только в XX веке. До этого большинство ингушей было язычниками и христианами и воспевали своих богов в совершенно отличном от «назамов» стиле. Как вспоминают чеченские старейшины, ингушские старцы рассказы-

вали, что у некоторых из них до сих пор сохранилась вяленая свинина, заготовленная ими в период язычества.

Таким образом, для зарождения известных нам «назамаш», так же, как и для «Илли», у ингушей не было соответствующих базовых условий, которые были у чеченцев. Как поется в одной из чеченских лирических песен: «Стиглахь марха йоцуш – догла догIур дац, кийрахь бала боцуш – бIаьргех хи дер дац».

Авторы, наверное, спутали «назам» с более древним нахчийским «узам», которые среди ингушей, так же, как и среди чеченцев, действительно, имели достаточно широко распространение.

И вообще, на литературном ингушском языке почти невозможно классическое исполнение ни «илли», ни «назам» из-за особенностей самого ингушского наречия. Дело в том, что в отличие от чеченского, в ингушском языке много усеченных форм, когда большинство слов заканчивается на согласные (закрытые слоги), что не совсем благоприятствует его широкому использованию в вокальном искусстве. С усеченными формами слов голос не потянешь, а в «илли» и «назаме» без этого нельзя обойтись. А чеченский язык, как известно, является одним из самых плавных и певучих среди всех языков народов Кавказа (вот почему у чеченцев испокон веков, начиная с героико-эпических илли, так развито было песенное творчество). При исполнении «илли» или «назам», ингушские исполнители, как бы они не старались, просто бывают вынуждены использовать полные чеченские формы слов, вместо своих усеченных, и тогда обрывистый ингушский язык, к удивлению, становится мало чем отличимым от плавного и мелодичного чеченского языка.

В области музыкального и песенного искусства творится то же самое. Общеизвестно, что чеченцы имеют одну из самых богатых музыкальных культур среди народов Северного Кавказа. «Почти каждый аул или селение имеет свою лезгинку. Атагинская, Урус-Мартановская, Шалинская, Гудермесская, Чеченская (жителей с. Чечен-Аул) и многие другие лезгинки бытуют в народе... Многие мелодии народных танцев носят имена талантливых народных танцоров-виртуозов. Например, «Танец Салмана», «Танец Садыкова» и другие» (122, с. 254–255).

«Чеченский музыкальный фольклор своей яркостью и самобытностью уже давно привлекал внимание русских и советских композиторов. Первые записи чеченского музыкального фольклора сделаны в середине XIX века, русским ссыльным на Кавказ декабристом, который сделал нотные записи нескольких народных произведений... В 1925 году в работе научно-художественной экспедиции участвовал композитор А.А. Давиденко. Выезжая в чеченские аулы, он записывал народные ме-

лодии. Результатом этой поездки явился выпущенный в следующем в 1926 году Музыкальным сектором Государственного издательства в Москве сборник «30 обработок чеченских народных мелодий, записанных А.А. Давиденко». В этот сборник вошли исторические, обрядовые, любовные и танцевальные чеченские народные песни» (122, с. 251).

В Чечне были целые династии музыкантов, которые передавали свое искусство из поколения в поколение. Чеченские музыканты и исполнители илли и песен, мастера игры на кавказской гармонии, дечиг-пондаре пользовались заслуженной славой и огромным авторитетом далеко за пределами своей родины. На Кавказе и на всем постсоветском пространстве хорошо были известны имена чеченских композиторов Аднана Шахбулатова, Умара Бексултанова, великих мастеров игры на кавказской гармонике братьев Умара и Абдулхалима Димаевых, Хожы Мандиева, Рамзана Паскаева, Умара Сагаипова, дечиг-пондуриста Шиты Эдилсултанова, исполнителей песен Валида Дагаева, Марьям Айдамировой, Жансари Шамилевой, Султана Магомедова, о талантливой плеяде современных исполнителей мы и не будем говорить. Танцевальные мелодии чеченцев до сих пор широко используются на свадьбах и праздничных мероприятиях у всех кавказских народов, в том числе и в Грузии.

«Народная музыка вайнахов состоит из трех основных групп или жанров: песни, инструментальные произведения – так называемая «музыка для слушания», танцевальная и маршевая музыка» (122, с. 25).

Необходимо признать, что в сравнении с чеченским, музыкальное искусство у ингушей было развито слабо. До последнего времени оно было, в основном, представлено Идрисом Цицкиевым, Ахметом Хамхоевым, Раей Евлоевой. Из более молодых – Р. Наурбиевым, М. Бековым и Т. Яндиевой. Этот недостаток восполняли чеченские мастера искусства, которые пользовались в Ингушетии большой популярностью.

После разделения Чечено-Ингушетии на две ее составляющие части, началось невообразимое. Некоторые деятели искусства Ингушетии самым бесцеремонным образом пытаются присвоить себе не только старинные чеченские народные песни и мелодии, но и даже общеизвестные песни и мелодии чеченских композиторов советских времен. Например, урус-мартановскую лезгинку Умара Димаева или мелодию песни «Даймохк» на стихи Магомеда Дикаева, упорно называемые нашими братьями «ингушскими мелодиями». Тексты общеизвестных, в свое время очень популярных, чеченских песен переводятся на ингушский язык и исполняются, как оригинальные, например, песня «КӀайн дарин коч ма юхалахь».

БАШЕННАЯ КУЛЬТУРА

*Ламаний, реланий
юккье «бЮв»!*

Нохчийн алар

Что бы там ни писали кодзоевы, материальная культура чеченцев и ингушей, так же, как и духовная, едина. Прежде всего, это касается своеобразной башенной культуры вайнахов. «Постройки местной архитектуры – это не только реальные свидетели прошлого, но и своеобразные памятники давно прошедших лет. Они напоминают о далеких, порой легендарных страницах истории вайнахов» (105, с. 31). Оборонительные башни у чеченцев называются «бЮув» (у ингушей – «вЮв»), а жилые – «гIала». Термин «бЮув» происходит от слово «бЮ» – войско.

Чеченские башни отличаются большим разнообразием форм, отдельных деталей. Это является подтверждением того, что их строили в разные периоды времени. Наиболее ранние по времени постройки башни имеют сходные черты с башенными сооружениями Грузии (Хевсуретия, Сванетия), Карачая, Балкарии, Северной Осетии. С совершенствованием строительной техники и мастерства каменщиков, жилые и боевые башни получают классические, завершенные формы, начинают возводиться целые башенные комплексы-крепости.

«Чеченцы знают, что они выходцы из Ингушетии, они обращаются к нашим горам, к нашей культуре. В фильмах часто показывают, в книгах пишут, что все это принадлежит чеченскому народу, т. к. понимают, что без наших гор, нашей культуры, у них нет корня, чеченские авторы свои книги, в основном, иллюстрируют фотографиями и рисунками ингушских башен и храмов, склепов и мавзолеев», – заявляет один из околонуточных ингушских чеченофобов (И. Абдиев «Происхождение чеченского народа. Назрань, 2004, 34).

Зачем чеченцам обращаться к «ингушским» горам, башням, храмам и прочее, если всего этого добра, слава Богу, у них у самих более чем достаточно? В горах Чечни, в верховьях рек Марта, Гехи, Аргун, Шаро-Аргун, озер Кезеной-Ам и Галанчож, на территории в разы превышающую всю территорию горной Ингушетии, сохранилось около 150 башенных поселений, в которых находится свыше 300 жилых и более сотни боевых башен различной сохранности, несколько десятков

культовых сооружений, около 150 наземных склепов, а также два крупнейших в мире некрополя. Построены данные сооружения в промежуток времени начиная с первого тысячелетия до нашей эры до XVI века нашей эры. Они представляют большую ценность не только для истории и культуры Кавказа, но и для всей мировой истории и культуры в целом.

«Сейчас, к сожалению, башенные постройки сохранились лишь в отдаленных горных районах. Однако и у подножий гор, или, как принято говорить на Кавказе, на плоскости, также некогда возвышались башни. Известно, что в Ханкальском ущелье, то есть в районе города Грозного, еще во время Кавказской войны стояла башня. Башни имелись и у селения Старый-Юрт (ныне Толстов-Юрт) близ Терека, возле селения Бамут – реки Ассы и напротив селения Балан-Су (на правом берегу реки Яман-Су). Эта последняя называлась Навраз-гала (Наураз-гала). Время и люди не пощадили их» (105, с. 12). Башни располагались также у селений Харачой, Ца-Ведено, Дарго, Сержень-юрт, Курчалой и в ряде других предгорных и плоскостных населенных пунктов Чечни.

«Такие районы Чечни, как Галанчож, Малхиста, Кей и другие ничуть не уступают горной Ассинской котловине по обилию в них архитектурных памятников. А утверждение о восточной границе башенной культуры по Аргуну начисто опровергается великолепными зодческими комплексами у селений Кезеной, Хой, Хакмадой, Садой, Макажой и других, расположенных на границе с Дагестаном... Некоторых исследователей вводит в заблуждение тот факт, что в Ассиновском и Джейраховском ущельях много отлично сохранившихся башен. Особенно хорошо сохранились боевые классические башни наиболее развитых и совершенных типов. А в горной Чечне, наряду с такими же «классическими», стоят башни более древние» (16, с. 316).

Другое дело, что сохранились они не так хорошо, как несколько башенных комплексов позднего периода, находящихся на территории Ингушетии. Дело в том, что период расцвета строительства боевых ба-

шен в Чечне приходится на XV–XVII, а в Ингушетии – XVII–XIX века. Строительство башен, скорее всего, зародилось на территории Чечни, и оттуда уже перешло на территорию современной Ингушетии. Об этом, как раз, и свидетельствуют более древние типы боевых башен в горной Чечне, которые, затем, постепенно трансформировались в современные их формы. Все это лишний раз подтверждает тот факт, что ингуши являются выходцами из Горной Чечни.

Примеры с видами башен, находящимися на территории Ингушетии, а не собственно Чечни, объясняются труднодоступностью горной Чечни, где до сих пор нет даже проселочных дорог, а также хорошей сохранностью выстроенных позже, чем в Чечне ингушских башен. А тем, кто хочет увидеть чеченские башни, можем порекомендовать книгу Лечи Ильясова «Тени вечности», где опубликованы прекрасные фотографии боевых и жилых башен горной Чечни.

Чеченские и ингушские башни мало чем отличаются друг от друга и разговоры об особенной красоте ингушских башен не соответствуют действительности. Как отмечает В. Виноградов с соавторами, «многочисленные боевые башни большинства горных районов Чечни (Терлой, Никарой, Кей, Малхиста) почти ничем не отличаются от изящных ингушских башен. Они, как и башни Ингушетии, имеют те же площадь основания, уклон стен, приемы сооружения и детали конструкции» (40, с. 345).

Во времена, когда строились башни, не было отдельных чеченского и ингушского народов. Возведением башен занимались, практически, во всех нахчийских (вайнахских) горных обществах, начиная от восточных (Чебарлой, Шарой) и кончая западными (Галгай, Джейрах). К моменту их разделения на чеченцев и ингушей (в конце XVIII) эра башенного строительства, практически, завершилась. Так что башенная архитектура – это общее достояние всего вайнахского (нахчийского) народа.

В связи с массовым переселением чеченцев на равнину, начиная с XVI–XVII вв., строительство башен в горной Чечне, за редким исключением, практически прекращается. В то же время, в Ингушетии башни продолжают возводить еще на протяжении нескольких столетий. Естественно, техника строительства совершенствовалась, а само каче-

ство башен становилось лучше. В этом отношении можно частично согласиться с тем, что «башенное строительство получило наибольшее развитие в период средневековья именно на территории современной горной Ингушетии» (100, с. 122). Но общее количество построенных в Чечне до конца XVII века башен, превышает количество аналогичных построек в Ингушетии в несколько раз.

Как пишет Муса Багаев, «окончательное переселение вайнахов на плоскость началось ещё в XV в., и первыми переселенцами из вайнахов были чеченцы. А ингуши, жившие в Ассинском и Джейрахском ущельях, до конца XVII в. оставались жить в горах. И, вероятно, в связи с этим в восточной части нагорной Чечено-Ингушетии развитие башенной культуры приходит в упадок раньше, чем в западной... Можно с достаточной уверенностью утверждать, что в горной Ингушетии развитие «башенной культуры» продолжалось ещё лет 200, после того, как в горной Чечне оно уже стало подходить к закату. А о конкретном районе, где впервые она зародилась, без глубокого и тщательного исследования первоисточников говорить пока ещё рано» (16, с. 316–317).

Так что, выселившиеся с родных гор на плоскость чеченцы с любовью смотрят в сторону своих тайповых гор, родовых башен и склепов (правда в большинстве своем разрушенных временем и военными действиями), духовной связи с которыми они не потеряли до сих пор. Хотя и башни находящиеся на территории современной Ингушетии им не являются чужие.

Строительство каменных башен в качестве жилища, сторожевых и оборонительных сооружений было характерно для всей горной части Чечни, за исключением, разве что, самой ее восточной части, так называемой Ичкерии. Последнее объясняется тем, что здесь был острый недостаток основного строительного материала для возведения башен – камня, а также относительно поздней колонизацией этой территории чеченцами, мигрировавшими сюда из колыбели чеченского народа – Нашха. Но и здесь, до начала Кавказской войны, отмечались случаи постройки башен. И каменных, и деревянных.

Так, например, исследователь И. Попов пишет: «Один из археологических памятников древних обитателей в Ичкерии – это каменная башня, расположенная от аула Харачоя в 1/2 версте, вправо от дороги, при входе в Харачоевское ущелье. Построивший эту башню, как говорят сами харачоевцы, был некто Бики, харачоевец. Сколько лет тому назад она построена, между ними не сохранилось... Вышина башни

аршин 20. Верхний этаж её с наружной стороны от времени и сырости порос мхом. Башня поставлена на курган, составляющем протяжение горы Цен-берд (Красный обрыв). Крутые обрывы кургана этого с трёх сторон имеют вышину саженой по 15-ти» (186).

Харачойская башня упоминается и в связи с научной деятельностью Н.С. Семенова: «Н. Семенов, овладев уже чеченским языком, увлекся устным народным творчеством. Он записал образные вайнахские предания. Среди них: легенды об озере Кезеной-Ам, о боевой Харачоевской башне...» (176, с. 45).

Кстати, Харачойская башня восстановлена и привлекает своей первозданной красотой всех гостей и туристов, проезжающих к озеру Кезеной-Ам.

До сих пор сохранились полуразрушенные башенные комплексы в Шарое, Химое и почти во всех селениях Чеберлая: Хой, Макажой, Кезеной, Харкарой. Чего только стоит башенный комплекс известного чеченского предводителя Алдама Гези в районе озера Кезеной-Ам.

«Башенные комплексы в полуразрушенном виде сохранились на сегодняшний день в горной части Чечни – в окрестностях озер Галанчож, Кезеной-Ам, в верховьях Чанты-Аргуна, Фортанги, в высокогорной части Шароевского района. В лесистой части некогда известной Ичкерии были также боевые башни, еще в XIX веке стоявшие у сел Харачой и Ца-Ведено» (99, с. 341).

Чеченская материальная культура, в том числе и башенная, целенаправленно и методически уничтожалась еще с царских времен. Более всего она пострадала во время Кавказской войны и в годы депортации чеченцев, когда, под предлогом борьбы с бандитизмом, были уничтожены многие боевые и жилые башни, находящиеся в горной части Чечни.

«В XIX веке много каменных башен было разобрано на строительство русских крепостей – в том же Шатое, в том же Итум-Кале. Сами местные жители продавали родовые башни за большие деньги. Так, в Итум-Кале было скуплено 20 башен на постройку Евдокимовского укрепления в Шатое, башни в Чишках пошли на Воздвиженское укрепление» (94).

Как утверждает И. Джандаров, после депортации чеченского народа в Среднюю Азию и Казахстан, «все 74 населенных пункта Галанчожского района, оставшихся на территории Грозненской области, и все 66 населенных пунктов этого района на территории, переданной Грузинской ССР, были полностью разрушены» (82, с. 59). А это, как раз, тот район, который являлся центром башенного строительства в горной Чечне.

Десятки памятников средневековой архитектуры, в том числе и башни, были разрушены или получили сильные повреждения во время двух последних военных кампаний. Например, в результате артиллерийских и ракетных обстрелов подверглись полному или частичному разрушению боевые башни в Ушкалое, ДЕРЕ, Шатое, Сатто, Шарое, Хайбахе (последняя обстреляна с воздуха ракетами), знаменитый некрополь в Цой-пхеде, десятки наземных склепов и могильников. В результате массированных бомбардировок и размещения отдельных воинских подразделений рядом с древними памятниками истории и культуры, процесс разрушения каменных построек, простоявших в горных ущельях сотни лет, резко ускорился.

Большую плотность и лучшую сохранность башен в Ингушетии, а также в наиболее труднодоступной части горной Чечни исследователь Волкова Н.Г. связывает с тем, что «война почти не коснулась глубинных районов Чечни и Ингушетии, в частности, Майсты, Малхисты, Галгая» (48, с. 216).

Говоря о башенной архитектуре, авторы «Истории Ингушетии» пишут, что «родоначальниками башенного строительства в горной зоне, охватывающей территорию современной Чечни, Ингушетии, Осетии и горной части Восточной Грузии, являются предки ингушей. Это косвенно подтверждается этногенетическими преданиями народов» (100, с. 122). Интересно было бы узнать, каких это народов.

С такой постановкой вопроса, которая основывается на лучшей сохранности башен на территории современной Ингушетии нельзя согласиться. «Средневековая башенная архитектура в том виде, в каком она сохранилась до наших времен, первоначально зародилась именно в Чечне, а отсюда с различными вариациями распространилась на соседнюю Ингушетию. Это подтверждается более ранней датировкой чеченских башен, а также существованием большого чеченского тейпа (клана) бавлой, представители которого в старину специализировались на строительстве башен. Бавлой (башенники) строили башни не только в Чечне, но и в соседних регионах» (223, с. 136).

По свидетельствам терлойцев, проживающих в г. Урус-Мартан, башни в Ингушетии, в основном, строились именно бавлойцами. Не зря даже И. Дахкильгов отмечает: «Терлоша шоай хьалхара да лоархI КЮхе Понат; бацой мехкара Вабиha яхача юртара хьавенав из, эггара хьалха цунга хиннай топ, гIалаш яра говза а хиннав, дIакхайде цхьан кулгаца саг юкъах а лаьце, айву цо, гIаьрхой боккха бIу хIалакбу... Дувцарашка гуш да гIалаш яра говзал профессионални хинналга, хIаьта тIоговзанчий цIераш дукхагIьяраш йицъенна я. Ювцаш йолчарех я КЮхе Понат, Хоаной Хинг; гIалаш яра говзалца чIоагIа цIихеза хиннаб уж» (71, с. 115, 124).

А вот художник Щеблыкин И.П. считает ингушскую башенную культуру производной от грузинской. Он пишет: «Общий вывод наш следующий: оригиналами, описываемых в настоящей статье сооружений Ингушетии, частично, в некоторых деталях видоизмененных местными или пришлыми мастерами, послужили аналогичные же постройки Грузии» (233, с. 295).

Примерно о том же самое пишет и У. Лаудаев: «Весьма вероятно, что башни в горах – грузинской постройки; но я не настаиваю на этом мнении, и даже указываю на слышанное мною от одного лица мнение, по которому сооружение их приписывают фамилии Парсеной, живших некогда в Аргунском крае» (125, с. 94).

Если говорить о преданиях, то большинство из них (особенно ингушских), записанных российскими исследователями еще в XIX веке, строительство башен связывает с пришлыми народами: греками (джелтами), грузинами, армянами, какими-то мифическими племенами: «тиндами, «мидами», «вамполож».

«Давным-давно жил человек Соска Солса (т. е. Солса сын Соска). Люди жили тогда под землею в подвалах, выложенных камнем... В одно время с Соска Солса жили в горах джелты (греки); они были на-

род трудолюбивый, хотя не так, как теперь. Они были хорошие строители и построили много башен и замков...» (95, с. 157).

Чах Ахриев пишет: «Это предание имеет довольно значительную достоверность; пребывание в горах греков, например, подтверждается остатками развалин от их прежних построек, а также сохранившимися почти в целости церквями в некоторых горных ущельях» (95, с. 157).

«Продолжает развиваться башенная культура только в горной Ингушетии и в прилегающих горных районах Чечни. Необходимо также заметить, что ни у одного северокавказского народа, кроме ингушей, неизвестны имена строителей башен», – пишут Дударов с Кодзоевым (87, с. 37).

Во-первых, действительно, строительство башен в Ингушетии продолжалось еще два–три столетия, когда в Чечне, в связи с массовой миграцией населения на равнину, оно практически прекратилось. «С началом массового распространения пороха и огнестрельного оружия, а также в связи с переселением горцев на плоскость, строительство башен на основной части территории Горной Чечни прекратилось. В XVII веке если и строились башни, то исключительно жилого типа» (99, с. 148).

Во-вторых, откуда автор взял, «что ни у одного северокавказского народа, кроме ингушей, неизвестны имена строителей башен»? Есть ли какое-нибудь исследование данного вопроса?

Да, многие имена строителей башен в настоящее время забыты. Но не все. Известны как имена отдельных строителей башен, так и целые населенные пункты, основным занятием жителей которых было строительство башен. По рассказам стариков, о чем мы уже писали, все жители села Бавлой (чеченский тукхум Тёрлой) были известны, как лучшие строители башен. Это было их повседневной профессиональной деятельностью.

Чахкиев Б. пишет, что «строительные секреты передавались от отца к сыну. Предания сохранили имена некоторых зодчих. Это Деци Льянов, Дуго Ахриев, Хабзи Цуров, Беркинхоевы (мастера из аула Беркин), Бики из Харочоя, Таратой Тарханов из Никароя и другие» (105, с. 30). Бики и Таратой были чеченцами, а Льяновы и Ахриевы, по чеченским преданиям, являются выходцами из Чечни.

Кроме того, как пишет А. Россикова, «в народной памяти сохранилось имя знаменитого мастера строительного дела Дисхи (178, с. 287). А как свидетельствует сам И. Дахкильгов, известным строителем башен был и родоначальник чеченского тукхума Тёрлой – Кюхи Гюнат (71, с. 115).

В доступных для военных экспедиций районах Чечни практически все башни были целенаправленно разрушены. Как сообщает «Сборник сведений о кавказских горцах», «в акинском обществе все подобные башни, служившие убежищем абрекам и людям вообще преследуемым правительством, были взорваны русским отрядом в 1860 году. Теперь от них виднеются лишь одни развалины» (185).

БРАТСКАЯ МЕЖА

Шина вешийна

юккъехъ а хуьлу доза.

Нохчийн кица

В связи с образованием из единого нахчийского (вайнахского) этноса двух самостоятельных народов, возникает ряд вопросов, касающихся этногенеза, национальной идентичности, духовно-культурного наследия. Кроме того, в связи с тем, что чеченцы и ингуши в определенное время находились в одном административно-государственном образовании (Чечено-Ингушская АО, ЧИАССР и ЧИР), а затем разошлись, то, естественно, встают вопросы территориального размежевания. Решение всех этих вопросов требует предельной честности, объективности, терпимости и огромного человеческого такта, что всегда было присуще нашим народам.

Особенно обострился за последнее время вопрос, связанный с установлением административной границы между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия. Обычно ингушские авторы стараются представить эту проблему таким образом, что якобы чеченская сторона претендует на два ингушских района, что не соответствует действительности. Наоборот, на чеченские территории, имеют виды некоторые ингушские государственные и общественные деятели.

Объектами их претензий являются Сунженский район (без горной ее части, входившей раньше в Галашкинский район) и часть Малгобекского района (с центром в ст. Вознесенская), которые вот уже 83 года, с момента присоединения большей части Сунженского округа к Чеченской АО в 1929 году, представляют собой составную и неотъемлемую часть Чечни. Эти районы никогда не входили в Ингушскую АО или еще какое-то другое национально-государственное образование ингушей. С момента распада Чечено-Ингушетии, они, в связи с известными событиями в Чечне и на Северном Кавказе, временно, до официального установления административной границы между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия находятся в административном управлении Республики Ингушетия.

Ссылки на то, что до объединения Чечни и Ингушетии данная территория находилась в составе Чечни всего лишь пять лет (с намеком,

что с момента распада Чечни и Ингушетии эта территория находится под управлением ингушских властей вот уже 20 лет) абсолютно не состоятельны. Юридически такие рассуждения не имеют никакой силы. На момент присоединения Сунженский округа к Чеченской автономной области всего лишь пять лет было и автономии Ингушетии.

Таким образом, отдельные ингушские авторы пытаются свалить все с больной головы на здоровую. Чтобы понять своеобразную логику их рассуждений, прокомментируем, например, некоторые пункты статьи Аслана Кодзоева (однофамильца Н. Кодзоева) «Справедливость не бывает однобокой», опубликованной в газете «Северный Кавказ».

Статья начинается с нагнетания страстей «...появление названного материала в газете «СК» (имеется в виду материал «Услышит ли брат брата?», опубликованный в газете «Северный Кавказ». – Авт.) по времени совпало с двумя обнародованными документами. Это «Обращение к руководству ЧР» и «Обращение к ингушскому народу». Сей факт говорит о том, что данные действия есть хорошо продуманная, спланированная и подготовленная пропагандистская акция власти и «политической элиты» Чечни с целью оказания на ингушскую сторону всестороннего политического и психологического давления». Ни больше, ни меньше.

Оставляю без ответа неуместные и, как минимум, бестактные высказывания А. Кодзоева в адрес отдельных руководителей республики и закавычивание словосочетания политическая элита Чечни, чтобы не отвлекать внимание читателей от главного. А оно заключается в том, что, выдавив предварительно из Сунженского и Малгобекского районов русскоязычное и чеченское население и став преобладающей частью населения данных районов, ингушская сторона пытается узаконить их в своем административном подчинении.

Что только не используется для этого – умалчивание и подтасовка фактов, различные клеветнические измышления, что, якобы, чеченец М. Гайрбеков, бывший председатель Совета Министров ЧИАССР, дал письменное согласие на аннексию ингушского Пригородного района (кстати, Муслим Гайрбеков был аккинцем, а Джохар Дудаев – орстхойцем, которых вышеназванные ингушские авторы пытаются отнести к себе). Договорились даже до того, что против ингушей целенаправленно осуществляется заговор чуть ли не мирового масштаба. Полноте, друзья, к чему такие страсти? Ведь мы прекрасно понимаем, что все намного проще и обыденней.

«Сейчас настал момент, когда ингушскую сторону вынуждают сказать то, что должно было быть сказано ею уже давно», – таинственно и грозно пишет А. Кодзоев в своей статье.

Ну, думаем, начнет он сейчас говорить о первородстве ингушей относительно чеченцев, не зная, что эту лестную для ингушей весть уже сообщил нам «историк» Абадиев, который, по всей видимости, учился у некоторых новоявленных чеченских «ученых», уже давно приватизировавших основателей человеческого рода. Но нет, оказалось, что речь идет всего лишь о границе между братскими республиками.

«Чеченская сторона продолжает решительно настаивать на том, что административная межа между современными Чечней и Ингушетией должна лечь строго в границах, существовавших на момент слияния Чеченской и Ингушской автономных областей», – пишет автор статьи.

Это не совсем так. Чеченцы настаивают на том, что граница между автономиями на момент их объединения, утвержденная решением Президиума ВЦИК РСФСР (Постановление № 82 от 5 ноября 1928 года), должна стать основой предстоящих переговоров между двумя республиками по установлению административной границы между Чечней и Ингушетией при посредничестве федерального центра. Есть определенная конституционная процедура решения вопроса изменения границ между субъектами российского государства. Несоблюдение данной процедуры, внеправовое решение этой проблемы может иметь весьма негативные последствия в будущем.

Стараясь перетянуть на себя одеяло, не стоит лукавить и уходить, в поисках утверждения своей правоты, вглубь веков. Тем более, что мы не найдем там ни отдельных чеченского и ингушского народов, ни определенной границы между ними. Были только границы земель отдельных нахчийских (вайнахских) обществ и тайпов. Не было отдельных чеченских и ингушских государственных образований и, соответственно, не было юридически оформленной границы между ними.

Единственной, официально зафиксированной и подтвержденной соответствующими юридическими нормативно-правовыми актами границей между Чечней и Ингушетией, как государственных образований, является граница между Чеченской и Ингушской автономными областями на момент их объединения в 1934 году.

А «обросла» Чеченская АО территориями Грозненского и Сунженского казачьих округов по совершенно объективным причинам. Эти территории были, в случае с Грозненским округом и г. Грозным – составными внутренними районами Чечни, а в случае с Сунженским округом – приграничной с Ингушетией территорией Малой Чечни, входившей, в отличие от Ингушетии, в государственное образование горцев Северного Кавказа – Имамат Шамиля. Сунженский округ был

«освобожден» от чеченцев (в большинстве своем – орстхойцев) в результате их переселения в Турцию, после окончания Кавказской войны.

Кстати, многие ингуши в этой войне, как отмечалось выше, были не со своими братьями, а активно, вместе с царскими войсками, воевали против них. За что, как и казаки, получили большие территориальные приобретения и множество других преференций. Так что, «бонусы» от властей получали ингуши, в то время как чеченцы, вместо «бонусов» получали одни только репрессии.

Кавказская война, по большому счету, и разделила окончательно единый нахчийский этнос на чеченцев и ингушей, в том числе, и через создание цепи казачьих станиц на территории нынешнего Сунженского района.

Таким образом, Чечня и Ингушетия не имели общей границы на равнине. После учреждения Горской АССР в 1921 году, в ее составе, наряду с территориальными образованиями других северокавказских народов, были созданы Чеченский, Ингушский и Сунженский (казачий) округа. Развал Горской республики привел к образованию в 1922 году Чеченской автономной области и в 1924 году Ингушской АО. Была также создана отдельная административная единица – Сунженский казачий округ.

Кодзоев А., мягко говоря, вводит непосвященных людей в заблуждение, когда говорит, что Чечня первой вышла из состава Горской АССР, «тем самым, заложив основу для его последующего распада». Первыми из Горской республики вышли кабардинцы, затем карачаевцы, за ними последовали балкарцы и потом только вышли чеченцы. К моменту выхода чеченцев, Горская республика была фактически уже развалена. А осетины и ингуши, вместе с сунженскими казаками, оставшиеся последними в этой республике, подзадержались там из-за неразрешенности своих извечных территориальных вопросов.

Только после присоединения в 1929 году Сунженского казачьего округа к Чеченской АО, произошедшего в силу исторических причин и экономического тяготения округа к Чечне, на равнинной части появилась общая граница между двумя автономными областями.

Тем самым, официальная граница между Чечней и Ингушетией, входящими в РСФСР, была юридически оформлена и закреплена в 1929 году. После 1929 года граница между этими административно-государственными образованиями не изменялась и не отменялась. Никаких серьезных вопросов данная граница тогда ни у кого не вызывала. Комиссия ВЦИК РСФСР по территориальным спорам с выездом на ме-

сто в течение 1927–1928 годов решила все спорные вопросы по границам. Объединение Чечни и Ингушетии в 1934 году произошло в тех же границах. До 1991 года чеченцы и ингуши были вместе, и вопрос о границе между ними не стоял. С провозглашением «суверенитета» Чеченской Республики, а затем, с образованием в 1992 году Ингушской Республики, впервые после 1934 года, стал вопрос об официальном установлении границы между двумя вайнахскими республиками.

Широкое распространение среди обывателей имеет слух о том, что Д. Дудаев якобы подарил ингушам два чеченских района. Это неправда. Никаких районов Дудаев, на самом деле, ингушам не дарил. Нет ни одного документа подтверждающего это. Наоборот, воссозданием бывшего Галанчожского района, пограничного с Ингушетией и подписанием «Соглашения о пересмотре государственной границы между Чеченской Республикой Ичкерия и Республикой Ингушетия» с Президентом РИ Р. Аушевым, он начал решать, хотя и с некоторым опозданием, вопрос территориального разграничения с Ингушетией.

В соответствии с этим соглашением, подписанным Президентами ЧРИ Д. Дудаевым и РИ Р. Аушевым 29 марта 1994 года, Стороны договорились:

«Образовать государственные комиссии Сторон по пересмотру границы между Чеченской Республикой Ичкерия и Республикой Ингушетия, взяв за основу переговоров границу 1934 года, существовавшую на момент объединения Чеченской АО и Ингушской АО в единую Чечено–Ингушскую автономную область, с учетом реальной демографической ситуации, экономической целесообразности, политической необходимости...».

Государственными комиссиями Чечни и Ингушетии, образованными в соответствии с Соглашением, была проделана огромная работа по территориальному размежеванию двух республик. Был подготовлен проект соглашения по границе, который был передан для утверждения. Но из-за обострения ситуации вокруг Чеченской Республики и начавшейся затем так называемой первой чеченской войны, последняя точка в этом вопросе поставлена не была.

Президент Республики Ингушетия Руслан Аушев и члены государственной комиссии от Ингушетии: Прокурор Республики Ингушетия, первый заместитель главы администрации Сунженского района, председатель госкомитета по земельной реформе и землеустройству РИ, старейшины Ингушетии, наделенные огромной ответственностью за судьбу своего народа, были не меньшими патриотами, чем отвечающий только за себя А. Кодзоев. Они, вместе со своими коллегами из Че-

ченской Республики, сделали все от них зависящее для решения этого злободневного вопроса в интересах чеченского и ингушского народов.

«Пусть чеченские «братья» посмотрят по своим картам, что из себя представляла самоопределившаяся в 1922 году Чечня без Грозненского, Ачхой-Мартановского и иных равнинных районов.., и столицей в селе Урус-Мартан, а вовсе не в казачьем (русском) Грозном даже не в Гудермесе», – продолжает А.Кодзоев.

Ну, посмотрели. И что же? Ачхой-Мартановский район на месте (в смысле нахождения в пределах Чечни). Анклав г. Грозного с частью современного Грозненского района, искусственно оторванный от окружающих их чеченских земель, не мог дальше оставаться оторванным от своей плоти. А административным центром Чеченской АО был не Урус-Мартан (в чем, конечно, не было ничего зазорного, чем Урус-Мартан хуже Назрани?), а «казачий (русский) Грозный», так же, как и административным центром Ингушской АО был казачий (русский) Владикавказ, не входивший в состав Ингушской АО. Какие еще административные образования автор имел в виду под «иными равнинными районами», к сожалению, осталось для нас неизвестным.

А что представляла из себя образованная через два года Ингушская автономная область? Всего лишь три района – Ачалукский, Горный и Назрановский. И это притом, что ингуши, пользуясь особым отношением к себе со стороны руководства большевиков на Северном Кавказе (дружбой с Кировым, Орджоникидзе, Буачидзе), включили в состав своей автономии столько плоскостных земель (как своих, так и соседних народов), что территория Ингушетии увеличилась в два раза.

«Если территория Сунженского казачьего округа была чеченской, то почему она не вошла в состав Чеченской автономной области, ведь Чечня вышла из состава ГАССР и образовала автономию в своих исконных территориях?» – любят задавать «убийственный», с их точки зрения, вопрос некоторые ингушские авторы. И тут же делают резюме – значит, она не чеченская. Но в данном случае у чеченцев возникает естественный и резонный вопрос: почему эта территория, если она была ингушская, не вошла в состав Ингушской АО, которая была образована двумя годами позже – в 1924 году?

«Чеченцы и ингуши не поделили ничего из совместного имущества», – продолжает А. Кодзоев.

Давайте поделим. Общим для чеченцев и ингушей был всего лишь г. Грозный (и то только потому, что он являлся столицей республики), где сосредотачивался основной экономический, интеллектуальный и культурный потенциал республики. Но его разбомбили, разрушили до

основания. Нет ни прежнего Грозного, ни его промышленных и научных предприятий, ни культурных учреждений.

Единственное, можно было порекомендовать предъявить иск к министру обороны РФ П. Грачеву за свою часть разрушенного города, но его уже нет в живых. Но претензии можно предъявить к Главе Республики Ингушетия генералу Ю.-Б. Евкурову, активному участнику военных действий в Чечне, который, кстати, был замечен на похоронах Грачева.

По поводу «предметов музейной, материально-культурной, исторической ценности», с которыми руководство Чечни, якобы, не поделилось с ингушами еще в 1993 году. Заверяем вас, что наиболее ценная часть из этих предметов находится за пределами Чечни (в том числе и в ингушских музеях) в частных коллекциях, так как еще до этого частично была «тихой сапой» вывезена за пределы республики, а также уничтожена и разграблена во время военных действий.

Что касается «совместно нажитых территорий», то есть современных Наурского и Шелковского районов, переданных в состав ЧИАССР из бывшей Грозненской области, то они были включены в состав восстановленной республики вовсе не в обмен на Пригородный район, о чем пишет автор статьи (но категорически отрицают его некоторые идейные товарищи) и не для расселения возвращающихся из ссылки горцев. Это было сделано, главным образом, для интернационализации и укрепления так называемого фактора государствообразующей нации в республике.

Аналогичные «приращения», как мы уже отмечали выше, получили и другие северокавказские республики.

Очень оригинально выглядят угрозы А. Кодзоева о том, что, если чеченцы не образумятся и не откажутся от своей позиции по границе, то они, ингуши, потребуют от федерального центра вернуть Наурский и Шелковской районы в состав Ставропольского края.

Как говорится, «сайн лулахочун ший боккхург, сайн цхъаъ бен боцу б1аьрг боккхийтар бара аса»!»! Может быть кодзоевым, все-таки, следует потребовать от федерального центра не передачи Наурского и Шелковского районов Чечни в Ставропольский край, а возвращения своего Пригородного района из состава Северной Осетии–Алания?

Судьбой затерченных районов озабочен не только Аслан Кодзоев, но и Беслан Костоев, который пишет: «Как известно, в 1957 году в состав восстановленной Чечено-Ингушской АССР из Ставропольского края были переданы вместе с проживавшим там казачье-ногайским населением три района: Наурский, Шелковской и Карагалинский, в 1962 году вошедший в состав Шелковского, для размещения прибывающих че-

ченцев и ингушей... После распада Чечено-Ингушской Республики и образования Чеченской и Ингушской республик и предстоящего юридического раздела ЧИР эти три района могут быть вновь возвращены в состав Ставропольского края, особенно с учётом массового вынужденного исхода казачье-ногайского населения, гражданские права которых власти Чечни и России не смогли сохранить, фактически сломав судьбы сотен тысяч мирных жителей. Что касается ингушей, то они никогда не претендовали и не собираются претендовать на какие-либо чужие земли, ибо они претендуют только на свои земли, – ингушский Пригородный и части Моздокского районов» (115, с. 103–104).

Во-первых, вышеуказанные районы были включены в состав Чечено-Ингушской АССР не из Ставропольского края, а из Грозненской области.

Во-вторых, сделано это было не с целью «размещения прибывающих чеченцев и ингушей» и не вместо Пригородного района, отторгнутого в пользу Северной Осетии, а с целью решения совсем других задач, о которых мы писали выше.

В-третьих, «массовый исход» казачьего (ногайцев этот процесс коснулся лишь частично) населения этих районов, которых было не «сотни тысяч», а всего несколько десятков тысяч человек, главным образом, был связан с двумя полномасштабными военными кампаниями в Чеченской Республике, в результате которых за пределами республики оказались не только казаки, но и сотни тысяч чеченцев. А вот, интересно, чем Костоев объяснит практически поголовный исход казаков из Ингушетии, ведь там, вроде бы, никаких войн не было?

В-четвертых, для чего Наурский и Шелковской районы передавать в Ставропольский край, если, как пишет Костоев, власти России еще до этого «не смогли сохранить гражданские права казачье-ногайского населения» данных районов?

Хотим заявить козловым и костоевым, показавшим свое истинное отношение к чеченскому народу, как бы они не старались, затерченные районы никому переданы не будут. Во-первых, потому что границы субъектов на момент распада СССР – нерушимы. Во-вторых, в этом нет никакой необходимости. В Чеченскую Республику, который стал самым стабильным и динамично развивающимся регионом Северного Кавказа, начали возвращаться бежавшие от войны и разрухи люди, в том числе и казаки.

Вместе с тем, нет также никакого сомнения в том, что Сунженский и часть Малгобекского районов, входившие до объединения с Ингушетией в 1934 году в Чеченскую АО, могут войти в состав Республи-

ки Ингушетия только в том случае, если на то будет соответствующая воля чеченского народа. И никак иначе.

И чего стоит на фоне всего этого фарисейство Б. Костоева заявившего, что ингуши «никогда не претендовали и не собираются претендовать на какие-либо чужие земли, ибо они претендуют только на свои земли – ингушский Пригородный и части Моздокского районов»?

Помнится, на собрании депутатов Ингушетии всех уровней Б. Костоев, касаясь вопроса о границах, как-то уже говорил: «Мы отвечаем, что все будут жить там, где живут. Что еще надо?». Буквально то же самое повторил на этом собрании и Б. Богатырев: «Ингуши не собираются столбить границу с чеченцами. Что касается Сунженского района, то отвечаю, что она принадлежит ингушам, казакам, чеченцам, здесь проживающим. Неужели чеченцы и ингуши будут грызться за территорию? Пусть живут там, где живут» (157, с. 3).

И что же мы наблюдаем сегодня? Все эти народы, вместо того, чтобы «жить там, где жили», живут теперь там, где никогда до этого не прожили. Ингуши – в Сунженском районе, а десятки тысяч сунженских казаков и чеченцев – за его пределами.

«Другое направление чеченской экспансии на современную Ингушетию – это орстхойский фактор. Единое орстхойское племенное общество – это уже далекое прошлое из истории нахского сообщества, а потомки тех орстхойцев составляют добрую половину современного ингушского народа... Чеченские «орстхой» живут в составе Чечни на своих исконных землях – Ачхой-Мартановский, Урус-Мартановский и Грозненский районы, а ингушские «орстхой» живут разбросано по всей Ингушетии, кроме горных районов», – продолжает свой «анализ» А.Кодзоев.

К сведению автора, из 950 ингушских фамилий, перечисленных в книге Х.С. -Г. Мальсагова «Происхождение ингушских фамилий, тейповых общин и роль ингушского языка в языковой семье мира», орстхойских фамилий всего лишь 77. Это лишь 12-я часть всех перечисленных Мальсаговым ингушских фамилий (135). Вот вам и «добрая половина»!

Допустим, что «чеченские «орстхой» живут в составе Чечни на своих исконных землях», а на чьих землях, интересно, живут орстхойцы в Ингушетии? На своих исконных или галгайских? Ведь, как известно, часть Пригородного, большая часть Назрановского и практически весь Малгобекский район исторически являются орстхойскими территориями. Так что «ингушские «орстхой» живут не «разбросано по всей Ингушетии», а именно на собственной земле.

Как пишет Юсуп Нохчуа, «русскоязычные источники совершенно обоснованно включали Карабулак в состав Малой Чечни... таким образом, граница между Чечней и собственно Ингушетией определялась в тот период средним течением Ассы и верхним течением Сунжи. Таковы были исторические границы между двумя народами» (156, с. 14).

Юсуп Нохчуа имел в виду границы между нахчийскими обществами, сгруппировавшимися, со временем, вокруг чеченского и ингушского народов. На самом деле никаких границ, как таковых, между чеченским и ингушским народами не было и быть не могло. У чеченцев и ингушей не только не было собственных государственных образований, но даже не был завершен сам процесс формирования двух народов из единого вайнахского этномассива.

Относительно того, кто жил в Верхне-Сунженских (карабулакских) населенных пунктах, то в «Военно-статистическом обозрении Российской империи» сказано: «Всех Карабулакских аулов (в Верхне-Сунженском пристастве, включающего в себя села, находящиеся по реке Сунжа, выше с. Закан-юрт. – Авт.), в коих поселены и Чеченцы, восемь (450 дворов), в коих считается собственно Карабулаков: мужеского 927, женского 956, всего 1883; Чеченцев мужеского 494, женского 495, всего 989 душ» (44, с. 126). Как мы видим, к середине XIX века в Верхне-Сунженских карабулакско-чеченских селах ингушей не было.

Интересен следующий пассаж А. Кодзоева: «Все ингуши, независимо от корней происхождения, есть сегодня единый ингушский народ», а значит «Сунженский и Малгобекский районы целиком, в устоявшихся административных границах, должны быть признаны составной частью Республики Ингушетия».

Никто не сомневается, что «ингуши есть ингушский народ», но речь, по-моему, шла об орстхойцах – карабулаках, которые, как бы Кодзоеву этого не хотелось, ингушами (галгаями) не являются.

В завершении своего материала автор пишет: «В природе нет ни одного нормативно-правового акта или иного документа, указывающего на то, что современная Ингушетия образована в границах Ингушской АО на момент ее слияния с Чеченской автономной областью в 1934 году. А значит, и нет оснований заявлять, что за основу будущей административной границы Ингушетии с Чечней обязательно должна лечь именно та или иная дата».

А кто это утверждает? Абсолютно согласны с этим утверждением А. Кодзоева. Но нет также ни одного документа, устанавливающего административную границу образованной в 1992 году Республики Ингушетия в таком виде, какой представляет его А. Кодзоев, даже сам

Закон «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации». Но из этого, как раз, и следует, что граница должна быть восстановлена в том виде, какой она была на момент объединения двух автономных областей в 1934 году. Самим своим призывом к чеченцам: «Принять за основу сложившиеся на момент распада бывшей ЧИР реалии и узаконить их», автор статьи признает незаконность ингушских притязаний на оспариваемые ими районы. Дело не «в той или иной дате», а в восстановлении юридически оформленной границы между двумя республиками на момент их объединения. Ведь никто после этого не изменял и, тем более, не отменял решений принятых высшим государственным органом (ВЦИК РСФСР) по данному вопросу.

Более детальный разбор пристрастной статьи Кодзоева позволяет вскрыть и много других фактов юридической несостоятельности притязаний ингушской стороны на указанные территории Чеченской Республики. Но, учитывая достаточность приведенных доводов, ограничимся этим.

При этом, поясним, что чеченская сторона, до последнего времени вообще не поднимала вопрос определения границ с Ингушетией ни в публичных обсуждениях, ни в письмах и обращениях к федеральному центру. В то же время, руководство Республики Ингушетия, в том числе и Народное собрание РИ, общественные организации неоднократно обращались с подобными просьбами в Москву. Так, только Народное собрание РИ обратилось к Президенту РФ два раза 13 февраля 2003 года и 17 марта 2005 года. Но федеральное руководство, согласно Конституции РФ, не имело права устанавливать административные границы между своими субъектами в одностороннем порядке.

Вступление в действие федерального закона № 131 о местном самоуправлении требовало принятия мер по нейтрализации возможных пагубных последствий при консервации ситуации в нынешнем состоянии и выработки согласованного варианта административной границы между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия. И, если до определенного времени в Чеченской Республике не были созданы условия для принятия подобных решений, из-за отсутствия избранных народом и наделенных необходимыми полномочиями органов государственной власти, то теперь такие условия были.

Чеченская сторона в 2008 году выступила с инициативой о создании полномочных республиканских комиссий с обеих сторон, способных к объективной оценке ситуации и выработке конкретных предложений по данной проблеме за столом переговоров, без всякой митинговщины

и нагнетания напряженности между чеченцами и ингушами. Это позволило бы федеральному центру, объективно оценив эти предложения, выработать решение, позволяющее сбалансировать интересы обеих сторон и юридически обоснованно снять вопрос, ставший камнем преткновения во взаимоотношениях между нашими народами.

В постскриптуме своей статьи А. Кодзоев пишет: «Стало известно, что парламент ЧР принял собственный закон о муниципальных образованиях, в одностороннем порядке вписав в состав Чечни территории де-факто ингушских Сунженского и Малгобекского районов, без согласования с ингушской стороной, без проведения переговоров и без учета ее мнения и интересов».

У нас такой информации не было, во всяком случае, такой закон не был опубликован в печатных СМИ. А, как известно, закон вступает в силу только после публикации его в печати. Зато в Интернете, в то же самое время, висел проект аналогичного закона Народного Собрания Республики Ингушетия, выставленный для всеобщего обозрения. В нем территории Сунженского и Малгобекского районов, без согласования с чеченской стороной, без проведения переговоров и без учета ее мнения и интересов, были включены в состав Ингушетии. А затем в этих районах административными органами Республики Ингушетия, в явочном порядке, были проведены выборы в органы местного самоуправления.

В книге «К древней и средневековой истории ингушей» приведена ингушская пословица: «Тиркал дехье ца къайсачоа Тиркал сехье хиннаяц» (87, с. 191). Подстрочный его перевод такой: «Не оспоривший ту (противоположную, чужую) сторону Терека, потерял и эту (свою)». Именно в соответствии с этой пословицей и действуют некоторые ингушские деятели, предъявляя ни чем необоснованные претензии на чужое.

А вот что пишут авторы «Истории Ингушетии»: «И. Георги одним из первых описал Ингушетию. Земли «кистецкой» области, по Георги, «простираются по северному хребту Кавказа от Терека до Сунжи; граничат с востока с татарскими и лезгинскими округами; к югу с лезгинцами и грузинами, к западу с Малой Кабардой, а к северу имеют границей реку Терек» (100, с. 190).

Пытаясь ввести в заблуждение неосведомленного читателя, авторы «Истории Ингушетии» намеренно «потеряли» Чечню, прекрасно понимая, что А. Георги под «кистецкой» землей имеет в виду не Ингушетию, а всю территорию проживания чеченского племени, которое обозначалось под этнонимом «кисты».

Своеобразное решение проблемы границ, в стиле известного шовиниста Жириновского, предлагает член Совета Федерации от Ингушетии Иса Костоев. В одном из своих интервью он пишет: «По большому счету решить проблему границ может только упразднение республик. В этом случае снимутся все вопросы, связанные с территориальными и иными претензиями. Можно оставить национально-культурные автономии и гарантировать всем гражданам их права, в том числе проживать в любой части России» (По материалам gzt.ru. Posted on Август 4, 2008 by editor).

Этот ингушский сенатор был одним из тех, кто призывал правоохранителей из Ингушетии к вооруженному отпору чеченской милиции, проводящей спецоперации на территории Республики Ингушетия.

Вместе с тем, к проведению тех же спецопераций правоохранительными органами из других регионов России «патриотически» настроенный сенатор ничего против не имел.

Прямым следствием таких провокационных заявлений отдельных ингушских лидеров стал трагический инцидент у блокпоста на федеральной трассе «Кавказ» у станции Слепцовой, когда сотрудниками МВД по Республике Ингушетия, а также гражданскими лицами из засады была расстреляна группа сотрудников чеченского ОМОНа, возвращающаяся в Чечню после успешно проведенной спецоперации на территории Ингушетии. В результате этого вероломного акта было убито несколько сотрудников чеченского ОМОНа, в том числе и известный своим мужеством и успешными действиями против экстремистов заместитель командира этого подразделения Бувади Дахиев. Исполнители и заказчики этой преступной акции тогда отделались легким испугом.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И НАСЕЛЕНИЕ

Целенаправленная административно-территориальная «инженерия» и предопределила не «сходящееся», а «расходящееся» развитие двух вайнахских народов, хотя все предпосылки для объединения были налицо.

Артур Цуциев

Говоря об административном устройстве чеченцев и ингушей, необходимо отметить, что Кавказская линия была разбита «на четыре части: правый фланг, центр, левый фланг и Черноморская линия. В 1858 г. в состав левого фланга входило 4 округа: Кабардинский, Военно-осетинский, Чеченский (куда включалась и Ингушия) и Кумыкский» (143, с. 102).

После окончания Кавказской войны, в 1866 году, левый фланг был переименован в Терскую область. Кроме того, были образованы Кубанская и Дагестанская области. В составе Терской области в 1866 году находились Кабардинский, Осетинский, Ингушевский, Чеченский, Ичкеринский, Аргунский, Кумыкский и Нагорный округа. Большинство населения в Ингушевском округе составляли ингуши, а в Чеченском, Ичкеринском, Аргунском, Нагорном (кроме Салатавского наибства) население было полностью чеченским. Кроме того, часть чеченцев проживала в Ингушевском округе, а часть (мялхистинцы и майстинцы) – на территории Грузии.

В Кабардинском округе всего проживало 54 224 человек, в Осетинском округе – 46 802, в Кумыкском – 35 234, в Назрановском участке Ингушевского округа в 1866 году проживало 8 780 душ мужского и 8 559 душ женского пола. В Горском участке того же округа проживало 2915 душ мужского и 2 848 женского пола. Всего – 23 101 человек. За минусом аккинцев, мереджинцев, ошибочно включенных в Ингушевский округ, а также чеченцев-пседахцев, ингушей было и того меньше.

В Чеченском округе проживало 67 540 человек, в Ичкеринском округе – 11 899, в Аргунском округе – 23 096, в Нагорном – 17 860. Итого – 120 395 человек (228). Это без учета чеченцев, проживающих в Ингушевском и Кумыкском округах, а также в Грузии.

Таким образом, даже после кровопролитной Кавказской войны, в которой чеченцы, как минимум, потеряли половину своего населения,

3 округа Терской области из 8 являлись чисто чеченскими, а в еще двух округах (Кумыкском и Нагорном) чеченцы были представлены наравне с кумыками, ногайцами и аварцами. Это к тому, что касается веса и значения отдельных народов в кавказской политике России.

В 1871 году Терская область преобразовывается в 7 новых округов: Пятигорский – русские, казаки, немцы; Нальчикский (136,3 тыс. чел., вместе с Пятигорским округом), основное население – кабардинцы, казаки, балкарцы; Владикавказский (137,1 тыс. чел.), основное население – осетины, казаки, ингуши; Грозненский (120,6 тыс. чел.), основное население – чеченцы, казаки; Аргунский (22,7 тыс. человек), основное население – чеченцы; Веденский (22,0 тыс. чел.), основное население – чеченцы; Кизлярский (25,0 тыс. чел.), основное население – казаки, русские; Хасавюртовский (55,8 тыс. чел.), основное население – кумыки, чеченцы, аварцы. Округа теперь стали называть не по названию основной этнической группы, а по территориальному признаку.

В новой раскладке округов Терской области чеченскими остались те же 3 округа, а также Хасавюртовский округ со смешанным кумыко-чечено-аварским населением.

В 1881 году упраздняется институт Кавказского наместничества и «избирается курс на создание «однородной империи». «Существо данного перехода состоит в упрочении контроля над инородческой периферией, в наращивании самой проницаемости территорий для властных маневров имперского центра... Все более отчетливой становится политика русификации, направленная на жесткую привязку инородческого населения к значительно более ограниченному идентификационному канону имперских подданных... После упразднения наместничества намечаются соответствующие изменения в административно-территориальном делении региона, связанные с отказом от курса на слияние казачества и горцев с остальными подданными империи. В Терской области происходит разделение гражданских округов, существовавших в 1871–83-х годах, на казачьи отделы и горские округа. Вновь, как и в период военно-народного управления горскими территориями в 1865–71-х годов, происходит совмещение, хотя и с некоторыми исключениями, этнических и административных границ, отделяющих одну социально-этническую категорию Терской области от другой» (228, с. 29–30).

В 1883 году Терская область претерпевает очередное преобразование. Три чеченских округа объединяются в один Грозненский округ. Терская область теперь состоит из Нальчикского округа, куда входят кабардинцы и балкарцы, Владикавказского округа – осетины, Грозненского округа – чеченцы, Хасавюртовского округа – сулакские кумы-

ки, ауховские чеченцы и салатавские аварцы. Также в область вошли отдельные казачьи отделы: Пятигорский, Сунженский и Кизлярский. Ингуши были включены в Сунженский казачий отдел. И только в 1905 году (временно), а в 1909 – на постоянной основе, в связи с настоятельными просьбами ингушей, их выделили из Сунженского отдела в самостоятельный Назрановский округ. В том же году чрезмерно большой по территории Грозненский округ был разделен на Грозненский и Веденский округа.

Как отмечает Мартиросиан, «до 1905 года ингуши входили в состав казачьей административной единицы – в Сунженский отдел – с центром управления в станице Сунженской. Это полное подчинение ингушей казачьей власти вызывало неоднократные протесты со стороны ингушей, в частности, со стороны ингушской сельской буржуазии» (143, с. 103). Общая земельная площадь вновь образованного Назрановского округа «определена была в 170 937 десятин» (143, с. 154).

Не были против отделения от себя ингушей и сами казаки. Вот что сообщалось об этом в одном из рапортов на имя военного министра от 31 августа 1905 года: «На основании Высочайше утвержденных 21 марта 1888 года штатов (...) население ингушского племени, состоящее из 17 плоскостных селений и 4 горских обществ: Джераховского, Мецхальского, Хамхинского и Цоринского – имеет общее административно-полицейское управление с казачьим населением Сунженского отдела... Подчинение ингушей Атаману Сунженского отдела, обремененному своими многочисленными войсковыми обязанностями, не дает последнему возможности успешно заняться гражданским и экономическим бытом этого народа» (РГВИА, ф.330, оп.49, д.1478, л.12).

Терская область по состоянию на 1912 год, после очередной реорганизации, состояла из 6-ти округов: Нальчикский (150,1 тыс. чел.) – кабардинцы и балкарцы; Владикавказский (127,1 тыс. чел.) – осетины; Назрановский (56,5 тыс. чел.) – ингуши; Грозненский (118,9 тыс. чел.) – чеченцы; Веденский (113,5 тыс. чел.) – чеченцы; Хасавюртовский (81,5 тыс. чел.) – кумыки, чеченцы, аварцы и 4-х казачьих отделов: Сунженский (69,4 тыс. чел.) – казаки; Кизлярский (112,5 тыс. чел.) – казаки, ногойцы; Моздокский (87,8 тыс. чел.) – казаки; Пятигорский (109,7 тыс. чел.) – казаки.

В ноябре 1917 года, сразу же после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, провозглашается Горская республика, куда входят бывшие Терская и Дагестанская области, а также Абхазия. Председателем правительства был избран чеченский землевладелец и нефтепромышленник Абдул-Межид (Тапа) Чермоев.

Одновременно был заключён союз между Горским правительством Союза объединённых горцев и Войсковым правительством Терского казачьего войска и создано объединённое Терско-Дагестанское правительство, в которое вошла большая часть членов Горского правительства. Пост председателя правительства в нем был сохранен за чеченцем Тапой Чермоевым.

Признанная Турцией Горская республика оказалась нежизнеспособным организмом и после так называемого «владикавказского погрома» в марте 1918 года правительство этой республики бежало из Владикавказа. В мае 1918 года Горская республика преобразовывается в Республику горцев Северного Кавказа со штаб-квартирой в Темир-Хан-Шуре. В мае 1919 года она ликвидируется окончательно.

Совсем непродолжительной была и судьба, провозглашенной большевиками в марте 1918 года Терской советской республики. Она пала под натиском деникинцев в феврале 1919 года.

В ноябре 1920 года в городе Владикавказ состоялся Съезд народов Терека, на котором было принято решение о создании Горской автономной советской социалистической республики на базе бывшей Терской области, которое было утверждено соответствующим постановлением ВЦИК РСФСР от 20 января 1921 года. В Горскую АССР вошли следующие округа: Нальчикский, Владикавказский, Назрановский, Сунженский, Грозненский и вновь образованные Карачаевский, Балкарский и Дигорский. Во вновь образованную республику вошли также города

Владикавказ – столица ГАССР и Грозный, которые административно не входили ни в один из вышеназванных округов.

Однако, внутренние противоречия привели к скорому распаду республики. Первым из состава Горской республики выходит Нальчикский округ. На его базе образуется Кабардинская автономная область. Это ведет к постепенному распаду всей республики. От нее один за другим отходят Карачаевский, Балкарский, Чеченский округа и город Грозный. В июле 1924 года оставшаяся часть Горской АССР ликвидируется. Из нее образуется Северо-Осетинская и Ингушская автономные области, Сунженский (казачий) округ и отдельная административная единица – город Владикавказ.

Дигорский округ просуществовал относительно недолго. Объединительные тенденции в осетинской политической элите, в отличие от вайнахской, возобладали «и Дигория осталась частью Осетии, а дигорцы – осетинами».

Хасавюртовский округ, традиционно являвшийся составной частью всех административных образований на территории Терской области, волонтаристским образом был выведен из нее и включен в Дагестанскую АССР. Тем самым, значительная часть чеченцев, а также территории, на которой они исторически проживали, были оторваны от своей основы – Чечни.

В 1924 году проходит очередная реформа административно-территориального устройства на Северном Кавказе – образуется Северокавказский край. В него входят несколько русских (казачьих) округов: Донской, Сальский, Кубанский, Майкопский, Армавирский, Ставропольский, Терский, Сунженский, а также 6 национальных автономных округов: Чеченский, Ингушский, Осетинский, Кабардино-Балкарский, Карачаево-Черкесский, Адыгейский.

«В начале 1924 года Галанчожский участок был преобразован в район. В 1924 г. к Галанчожскому району из Грузинской ССР передана территория с чеченским населением: Мельхестинское общество с селением Мельхесты и хуторами: Теретаго, Басти, Миши, Сахано, Джараго и Кортхо» (84, с. 102).

В начале XX века в Терской области проживало более 1 миллиона человек. В том числе: терских казаков – 222,2 тыс. человек (22,1% от всего населения области), прочих русских поселенцев – 232,0 тыс. человек (23%), чеченцев – 226,9 тыс. человек (22,5%), осетин – 124,5 тыс. человек (12,4%), кабардинцев – 99,0 тыс. человек (9,8%), ногайцев – 36,2 тыс. человек (3,6%), кумыков – 31,4 тыс. человек (3,1%), прочие народности – 36,5 тыс. человек (3,6%) (207, с. 158).

Рассказывая об административно-территориальной реформе 1860 года, авторы издания «Истории Ингушетии» пишут: «Ингушетия была разделена на Назрановский и Аргунский округа. (В дальнейшем, в 1883 году, Аргунский округ был присоединен к Чечне и его жители ассимилированы чеченцами)».

Читая эту цитату, вспоминается чиновник таможенной службы из знаменитого стихотворения «трибуна революции» Владимира Маяковского «Стихи о советском паспорте», который, увидев польский паспорт, удивленно воскликнул: «Что это за географические новости?» (дело в том, что до Октябрьской революции 1917 года Польша входила в состав Российской империи). Такое неожиданное открытие авторы делают со ссылкой на Г. Вертепова, в которой говорится всего лишь о том, что «раньше к ингушам причисляли еще так называемых дальних кистин, живущих по ущельям реки Аргуна, но в настоящее время эту группу чеченского племени относят к собственно чеченцам...» (95, с. 155).

Никакого «присоединения Аргунского округа к Чечне и ассимиляции его жителей» не было и не могло быть по существу. Аргунский округ, который сам по себе территориально больше, чем Назрановский, никогда не входил в состав каких-либо административных образований ингушей, которые сами, в силу своей малочисленности, в большинстве случаев, находились в составе других соседних округов, то Владикавказского (вместе с осетинами), то Сунженского (вместе с сунженскими казаками). Это общеизвестный факт, который почему-то был «забыт», как, впрочем, и многое другое, остепененными учеными из Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных исследований им. Ч. Ахриева, являющегося коллективным автором этого издания. Аргунский округ всегда являлся составной, основополагающей частью Чечни, а его жители были коренными чеченцами. Так что, ни присоединять что-то, ни ассимилировать кого-то не было никакой необходимости, все и так было чеченским.

Дело в том, что при определении границ административно-территориальных округов в 1860 году, земли некоторых чеченских обществ (Аьккхий, Мержой) без учета их принадлежности к чеченцам, были включены в составе Ингушского (Назрановского) округа. Необходимо признать, что российская администрация на Кавказе при осуществлении своей административно-территориальной политики не только не отвергала, но и всячески использовала сложившиеся на местах этно-территориальные границы. В 1866 году, по настоятельной просьбе жителей этих обществ объединить их с соплеменниками, т. е. с чеченцами, эти общества были переданы в состав чеченского Аргунского

округа. По всей видимости, это и называют авторы «Истории Ингушетии» присоединением Аргунского округа к Чечне. Что это – некомпетентность или неудачная попытка извратить историю? Скорее всего – и то, и другое вместе.

Осенью 1920 года казаками станиц Ермоловской, Закан-юртовской, Самашкинской и Михайловской было поднято антисоветское восстание. В наказание за мятеж казаки из данных станиц были выселены. А еще до этого около 25 тысяч казаков из станиц Сунженской (в Тарской долине), Ахки-Юртовской, Тарской, Фельдмаршальской были выселены в Ессентукский, Минераловодский, Прохладненский и Моздокский районы Терского округа. Земли этих казачьих станиц были присоединены, соответственно, к Чечне и Ингушетии.

По мнению И.Б. Дидиговой, «административно-территориальное устройство осуществляется не спонтанно, а с соблюдением определенных принципов, в их взаимной связи, которые заключаются «в учете экономических и естественно-исторических условий, национального состава и бытовых особенностей местного населения, максимальном приближении местных органов власти и управления к населению, его экономического и культурного тяготения, наиболее полном удовлетворении социальных потребностей и культурно-бытовых запросов...» (84, с. 68).

Административно-территориальные границы ни в царской России, ни, тем более, в Советском Союзе никогда полностью не совпадали с этническими. Этнические границы исторически всегда были подвижны, но не были произвольными. Они, во многом, отражали реальную картину расселения тех или иных этнических групп.

Как совершенно верно отмечено, «имперская «национальная политика» никогда не строилась на игнорировании этничности. Напротив, можно лишь говорить о различных формах ее использования – от демонстративной «глухоты» к племенным различиям до жесткой избирательности, опирающейся на эти различия. Подобная этническая избирательность обеспечивает достижение различных локальных задач – от «разбавления» проблемных туземных территорий лояльным населением до поддержания определенного уровня доминирования и гомогенности в преимущественно русских районах» (228, с. 39).

При Президиуме ВЦИК в 1920 году была создана так называемая Административная комиссия, основными задачами которой являлись «рассмотрение вопросов территориального деления РСФСР, определение границ автономных республик, областей, губерний и уездов, представление ВЦИК заключений по вопросам территориального деления, рассмотрение всех территориальных вопросов, возникавших между

федеративными частями РСФСР и между отдельными губерниями» (84, с. 69).

Для разрешения всех спорных территориальных вопросов между отдельными государственными образованиями, оставшимися последними в Горской АССР, «была образована Комиссия под председательством специального уполномоченного ВЦИК, члена ВЦИК и ЦИК СССР Степана Николаевича Извекова. Комиссии вменялось установление границ автономных областей Северной Осетии и Ингушетии, Сунженского округа и г. Владикавказа, их конкретного административного решения, урегулирования всех споров, возникающих по причине распределения учреждений и предприятий бывшей ГАССР между образованными автономными областями Северной Осетией и Ингушетией, Сунженским округом и г. Владикавказом» (84, с. 70–71).

В состав комиссии вошли по два представителя с решающим голосом от Северной Осетии, Ингушетии, Сунженского казачьего округа и г. Владикавказ. «Комиссия обязана всемерно стремиться к такому разрешению всех спорных вопросов, чтобы не было в будущем никаких оснований к спорам и трениям между вновь образованными территориально-государственными единицами на национальной почве, почему, не ограничиваясь представленными объяснениями и материалами, она должна, посредством представленных сторонами вопросов, способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств» (84, с. 70).

Необходимо признать, что территориальные амбиции «Красной Ингушетии», за особые заслуги в установлении Советской власти на Тереке, удовлетворялись по первому требованию. Так, Дидигова пишет, что «проведение границы (Ингушской АО. – Авт.) полностью соответствует заявке Ингобласти». В результате, Ингушетия получала «из ведения Сунженского округа около 3000 десятин на участке северной границы у юрта ст. Карабулакской и около 400 десятин – из земель ст. Вознесенской» (84, с. 74).

Как признаются сами авторы «Истории Ингушетии»: «После того как Учредительный съезд ГССР 22 апреля 1921 года высказался за ликвидацию чересполосицы, Ингушетия расширилась с 184 438 десятин земельной площади до 293 193 десятин, что дало возможность большинству жителей нагорной части переселиться на плоскость.

Таким образом, территория Ингушского округа в составе Горской республики увеличилась за счет соседних округов на 108 755 десятин.

В 1920–1922 гг. наделы бывших казачьих станиц Сунженской (в Тарской долине. – Авт.), Воронцово-Дашковской, Тарской и Камбиле-

евских хуторов были распределены между 4 горными ингушскими обществами. Если в 1920 году нагорную часть Ингушетии населяло 9187 человек (или 7% от общего числа жителей последней), то в 1924 году – всего 1513 (2,1%), а к 1926 году в горах числилось 1210 человек. Из числа отошедших к Ингушетии земель 91 918,47 десятин принадлежали прежде Сунженскому отделу, 15 901,76 дес. – Владикавказскому и Нальчикскому округам. Общая площадь Ингушетии выросла на 58,4%» (100, с. 348–349).

Увеличение территории Ингушетии на 58,4% за счет Сунженского отдела, Владикавказского и Нальчикского округов – это огромное приращение. Как мы видим, 1922 год, от которого призывают исходить при определении административной границы между Чечней и Ингушетией отдельные ингушские авторы, был периодом наибольших территориальных приобретений ингушей.

Как мы видим, ингуши получили от Советской власти столько земли, сколько могли на этот период «переварить», и даже при этом она состояла всего лишь из четырех районов. Постановлением Президиума ВЦИК РСФСР от 8 марта 1926 года в Ингушской автономной области учреждены следующие районы (округа): Галашкинский, Назрановский, Пригородный, Пседахский (Систематическое собрание законов РСФСР, т. 1, с. 273). В составе территорий этих четырех районов Ингушетия и объединилась с Чеченской АО.

«Отход от национального принципа в административно-территориальной организации края начинается еще в 1928, когда Чеченская АО укрепляется за счет присоединения к ней Грозного с нефтепромыслами (а еще раньше – отчислений от их эксплуатации). Тогда же к Чечне отходит территория Сунженского округа (кроме станицы Терской). В 1931 году большая часть бывшего Баталпашинского района с поясом предгорных казачьих станиц между Карачаем и Черкесией разделяется между этими двумя автономиями, что также серьезно укрепляет их экономическую базу. В 1932 году в состав Кабардино-Балкарской АО включается часть Прохладненского района (возможно как альтернатива включению Пятигорска, который еще в 1922 рассматривался как возможный центр Кабардино-Балкарской автономии). Соперничество Северной Осетии и Ингушетии за Владикавказ (с 1931 – Орджоникидзе) завершается в 1933–34 годах включением города в Северо-Осетинскую АО и объединением Ингушетии в одну общевайнахскую автономию с Чечней. В 1936 к Адыгейской АО присоединены Гиагинский район, часть Майкопского района, а также сам Майкоп, куда переносится административный центр области. Расширение на-

циональных областей приводит к сокращению доли титульных групп в составе их населения» (228, с. 73).

В результате всех этих трансформаций доля адыгейцев в составе населения Адыгейской АО снизилась с 55,7% до 23,1%; карачаевцев в составе населения Карачаевской АО с 81,3 % до 60,7 %; черкесов в составе населения Черкесской АО с 70,3% до 38,2 %; кабардинцев и балкарцев в составе населения Кабардино-Балкарской АО с 76,3% до 64,1%; осетин в составе Северо-Осетинской АО (включение города Орджоникидзе) с 84,2% до 50,3%; чеченцев в составе Чеченской АО с 94,0% до 64,0%.

В этнополитических процессах, происходивших на Северном Кавказе, немаловажную роль играл и такой фактор, как формирование государством конкретных административных границ между отдельными национальными государственными субъектами региона. «Охватывая этнически близкие или «культурно идентичные» общества в один округ, они способствовали их кристаллизации в этническое целое как для самих горцев, так и властей... Там же, где административные границы «отдаляли» этнически единые общества, была заложена основа для расходящегося национально-государственного развития. (...) Именно тогда было законсервировано параллельное, а не «сходящееся» развитие адыгских народов – кабардинцев, черкесов и адыгейцев (современные этнонимы) и близких им абазинцев... Именно тогда карачаевцы окончательно получили гидроним как свое название и по сей день несут это имя как номинальный барьер, отделяющий их от балкарцев» (229).

Целенаправленная административно-территориальная «инженерия» (разделение чеченцев и ингушей друг от друга казачьей Сунженской линией, а затем и включение их в разные административно-территориальные образования) и предопределила не «сходящееся», а «расходящееся» развитие двух вайнахских народов, хотя все предпосылки для объединения были налицо.

«Советское национальное строительство внутренне противоречиво – некоторые из народностей, (несмотря на основополагающие различия. – Авт.) – объединяются, относительное различие других становится более жестким...». Так, например, андо-дидойские народности без серьезных на то оснований причисляются к аварцам, дигорцы к осетинам, а другие народы, наоборот, искусственно разделяются – вайнахи делятся на чеченцев и ингушей (до сих пор продолжают попытки их дальнейшего раздробления на орстхой, маълхий, аьккхий и т. д.), балкарцы делятся на собственно балкарцев и карачаевцев и т. д.

Таким образом, «наличие таких институциональных рамок как республика, область и даже национальный район, становится фактором культурной инженерии» (228, с. 67).

Искусственное создание ингушского народа, а затем и создание его государственности – это чисто политический проект, начатый царской Россией и продолженный Советским Союзом и демократической Россией!

Необходимо отметить, что объективность цифр по количеству населения в северокавказских национальных округах до окончания Кавказской войны в 1864 году, весьма условна. О каком, например, подсчете численности населения может идти речь в районах неконтролируемых царской властью, когда тот или иной исследователь не имел возможности побывать на исследуемой территории? «Все цифры, которые обозначали кавказское население, брались приблизительно и, можно сказать, на глаз, (...) так как, по понятиям горцев, считать людей было не только бесполезно, но даже грешно: почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться» (209, с. 69).

«Сведения о численности чеченцев противоречивы и недостоверны. Сами чеченцы не вели статистики народонаселения, а русская Кавказская администрация, нуждающаяся в разнообразных статистических материалах, для их приобретения и обновления предпринимала на протяжении XIX века частные меры, удовлетворявшие ее текущие потребности. Статистические описания проводились преимущественно офицерами Генерального штаба, работавшими по заранее составленным программам. Многие из собранных подобным путем статистических сведений, оказывались таковыми лишь по именованию, по заглавию, но не по достоверности» (105, с. 83).

«Более или менее определенные данные о численности всего населения собственно Чечни (горной и равнинной) мы можем получить где-то за 20–40-е годы XIX века, накануне Кавказской войны. Это примерно 210–220 тысяч чеченцев и 18–20 тысяч ингушей» (11, с. 50).

По сведениям Н. Грабовского, «ингуши в настоящее время обитают на севере от г. Владикавказа, по рр. Камбилеевка, Сунжа, Назрановка и Ачалуку. Всего ингушских селений на плоскости 14, известных под следующими названиями: Базоркинское, Сурхохи, Экажево, Насыр-Корт, Гамурзиево, Альты, Бурсуковское, Плиево, Яндирское, Кантышево, Далаково, Верхний Ачалук, Средний Ачалук и Нижний Ачалук... Все население ингушей сгруппировано на весьма небольшом пространстве, вблизи укрепления Назрановского. По статистическим

сведениям за 1873 год, население ингушей состоит из 11023 душ мужского и 10587 душ женского пола» (188, с. 33–34).

По первой всеобщей переписи населения России 1897 года в Грозненском округе чеченцев было 202 410 человек, в городе Грозный – 460, в соседнем Хасавюртовском округе – 18 128, в слободе Хасав-Юрте – 103 (168, с. 2–3). В соответствии с этой же переписью ингушей было – 46,2 тыс. человек (101, с. 145).

Значительное уменьшение количества чеченского населения напрямую было связано с многолетней Кавказской войной.

По переписи населения 1892 года всех ингушей, представлявших Джераховское, Мецхальское, Цоринское, Хамхинское горные общества, а также назрановцев, галашевцев и жителей небольших хуторов было 39 392 человек (95, с. 164).

Как считает Б.К. Далгат, «общее число ингушей по посемейным спискам 1889 года доходило до 39 392 душ обоего пола» (67, с. 101).

«В 1903 году чеченцев по Терскому календарю было 202558 человек, а в 1905, чеченцев – 208180, ингушей – 50971 человек. А по переписи 1917 года чеченцев – 271151, а ингушей – 59571» (67, с. 44).

Интересную деталь, наглядно показывающую прагматическое отношение ингушей к переписи населения отмечает Н. Яковлев. Он пишет: «Сколько же всего ингушей? Вот первый вопрос, который я жду от читателя и на который точно ответить пока трудно.

– Но, позвольте, ведь были же переписи, – скажет читатель.

– Переписи-то были, но и ингуш – старый воробей, которого на мякине не проведешь. Задумает администрация проверить списки жителей, чтобы вернее подати исчислить, еще только задумала – а уже Ингушия знает. И держится крепко «наш народ», как ингуши сами себя называют, все за одного и один за всех, и не только лишнего не скажут, но и постараются из двух одного сделать... Но вот прослышали ингуши в 1919 году, что местная Народная Управа земельный вопрос поднимает и с этой целью перепись предполагается, – и опять шум идет по всей Ингушии: «смотри, не просчитай». И не только не просчитают ингуши, но и всех мертвых и не родившихся прибавят, так что число ингушского населения, смотришь, уже перевалило за 100 000 человек» (95, с. 194–195).

О ЕДИНСТВЕ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

Ваша – вешин, пхъу – берзан.

Нохчийн кица

Общеизвестным и непреложным фактом является то, что современные чеченцы и ингуши – близкородственные народы, с единым языком, религией, традициями, культурой, общностью происхождения и национального самосознания. До конца XIX века в русской исторической литературе их называли одним этнонимом «чеченцы» или «чеченское племя», включавшем в себя все нахские общества Северного Кавказа.

Умалт Лаудаев – один из первых чеченских этнографов пишет: «Племя это, как увидим ниже, образовалось под снеговыми горами близ истоков р. Аргуна, откуда уже, нуждаясь в земле, стало расходиться по другим местам. Оно заняло горы бывшего Назрановского округа и Чабирлой, впоследствии водворилось в Ичкерии и Аухе; наконец, после ухода русских с плоскости Чечни за Терек, занимает плоскости и тем заканчивает свое расселение» (125).

Таким образом, как пишет Берже, «совершилось водворение племени Нахчууо на огромном пространстве, называемом ныне Чечнею» (25).

«Дореволюционный автор В.Пожидаев приводит предание «Богатырь Нохчэ и его двенадцать сыновей». Здесь Нохчэ дан, как первопредок не только чеченцев, но и ингушей. Сам он богатырь, и сыновья у него «крепкие и сильные, как и он сам». Он заставляет своих сыновей расселиться «не ближе, как на один день пути один от другого». Его двенадцать сыновей основали общества, которые стали носить их имена...» (149, с. 7).

Об этом же пишет и Ибрагим Дахкильгов: «Кхыча дувцарах Нохчочух хьабаьннаб нохчий а, гIалгIай а, кхыдола тукхамаш а; Нохчо чIоагIа саг ва, ший шийтта воI ваха Iохоаву цо, хIаранена дакъя хулийт: цхьан ден никъ била лаятта лу, цхьацца пайдане васкеташ а ду. Цун I2 воIах хьахиннаб: нохч-махкахой, аьккхий, чIаьбарлой, шубухой, шотой, дзумсой, кистой, цхьорой, галай, гIалгIай, жIайрахой, онгуштхой. Укх тайпарча ширача дувцараша кхайкадора: вайнах цхьан фух-тайпах а, цхьан овла тIара а нах ба, яхаш» (71, с. 113).

Кодзоев Н., Абадиев И. и ряд других ингушских «ученых» плохо знают не только историю своего народа, но даже и свой фольклор.

«Этнический состав чеченского народа видный дореволюционный кавказовед В. Потто определяет следующим образом: «Чеченцев обыкновенно делят на множество групп или обществ, давая им имя рек и гор, на которых они обитали, или от значительных аулов, обнаруживших влияние на другие. Таковы Алдынцы, Атагинцы, Назрановцы, Карабулаки, Джерахи, Галгаевцы, Мичиковцы, Качкалыковцы, Ичкеринцы, Ауховцы и прочие». По мнению К. Гана, ингуши и кисты – это два племени чеченцев. К чеченцам причислял ингушей и академик А.П. Берже. А. Вискаватов, говоря о жителях ингушского селения Гвилети, писал в 1865 г., что они «... суть выходцы из кистинского ущелья и принадлежат к чеченскому племени... О единстве чеченцев и живущих в Грузии бацбийцев писал в 1849 году представитель этого народа Иван Цискаров, говоря, что они «суть кистинского происхождения..., язык их кистинский или, что совершенно все равно, чеченский» (221, с. 11–12).

Как пишет Умалт Лаудаев, «шатоевцы и назрановцы неохотно зовут себя начхоями, что происходит от их прежних враждебных отношений к чеченцам. Но при излиянии сердечных чувств при встречах, в гостях, на пути и проч., они всегда изъявляют свою единоплеменность, выражаясь: мы общие братья (вайца вежерей децы), или: мы одинаковый нахчой (вай ца нахчой ду)» (125, с. 93).

«Несмотря, однако, на такую обособленность и даже рознь между отдельными обществами, чеченцы, включая сюда и ингушей, образуют единое, цельное по языку и происхождению племя.

Под именем чеченцев этнографически следует разуметь все чеченское племя, жившее в бывшей Терской области, ныне в Чеченской и Ингушской автономных областях, считая в том числе и ту часть чеченцев, которая живет в бывшем Сунженском отделе, позднее в Ингушском или Назрановском округе, а ныне в Ингушской Автономной Социалистической Советской Области под именем ингушей... Писателями XVIII и первой половины XIX веков известны были названия: ингушей и чеченцев, кистов, карабулаков, мисджегов и др., употребляемые ими для обозначения отдельных частей и иногда целого племени чеченцев.

Слово «чеченец» известно с начала XVIII столетия и, по всей вероятности, есть название известного аула Большой Чечень в плоскостной Чечне, на берегу Аргуна в бывшем Чеченском округе. Этим именем русские стали называть одно чеченское общество и все чеченское племя...», – пишет Б. Далгат (67, с. 40).

Как считает Джон Баддели, «название Чечня было дано русскими стране, ограниченной на востоке рекой Сулак, а на западе – верхней

Сунжей, а на севере – нижней Сунжей и Терекком. На юге же она граничила с горным районом, населенном аварами из Дагестана, тушенами и хевсурами» (18, с. 18).

Со своей стороны, Явус Ахмадов расширяет ареал распространения чеченцев, включая в него и западные вайнахские общества: «Следует отметить, что некоторые исследователи и наблюдатели конца XVIII – начала XIX веков расширяли этническую границу Чечни до левого берега Терека в верхнем течении, включая в нее и западнонахские общества – Джейрах, Мецхал, Чулхой, Цори, Галгай, Ангушт, Назрань (жители которых в конце XVIII – начале XIX в. слагаются в ингушскую народность на базе двух последних крупных плоскостных обществ)...» (11, с. 45).

Брокгауз и Ефрон тоже включают западные вайнахские общества в состав чеченцев. В своем энциклопедическом словаре они дают следующее определение для чеченцев: «Чеченцы – кавказская народность восточно-горской группы, занимавшая до войны территорию между реками Аксаем, Сунжей и Кавказским хребтом. Ныне они живут перемешено с русскими и кумыками в Терской области, к востоку от осетин, между Терекком и южной границей области; от Дарьяла до истока реки Акташа. (...) Кроме собственно чеченцев (в Грозненском округе), делящихся на несколько разноименных племен, к ним причисляются кисты (по ущельям Макалдона и Аргуна), ингуши, галгаи, карабулаки (по Ассе и Сунже; самое враждебное нам племя, целиком выселившееся в Турцию) и ичкеринцы (в Веденском округе)...» (28, с. 785–786).

По сведениям большинства исследователей (Буткова П.А., Клапрота Г.Ю., Потоцкого Я., Шегрена А., Фрейтага Р.К., Гюльденштедта И.А., Броневского С., Розена Ф., Зубова П., Берже А., Дубровина Н., Потто В., Вертепова Г., Семенова Н., Марковина В.И., Бларамберга И., Загурского Л.П., Головинского Н.И., Максимова А.Н., Леонтовича Ф.И., Ахриева Ч., Лаудаева У., Далгата Б.К., Генко А.Н., Волковой Н.Г., Ахмадова Я.З. и других, западные нахские общества, жившие в верховьях рек Асса и Терек, вплоть до конца XVIII века являлись составной частью нахского народа – нахчий, «входящего в восточно-горскую группу собственно кавказских народов», так же, как и аьккхий, маьлхий, нахчмахкахой, орстхой, тIерлой, шарой, шотой, чIаьнтий, чIебарлой.

Не вайнахского (этот термин был введен в оборот взамен общепризнанного собирательного этнонима «чеченцы» – «нахчий», вплоть до 30-х годов прошлого века обозначавшего всех людей чеченской и ингушской национальности, а также нескольких промежуточных между

ними нахчийских обществ), а, повторюсь, нахчийского народа, объединявшего своим названием – нахчий – все нахские общества северокавказского региона, названных русскими чеченским племенем.

«Говоря о происхождении ингушей, Паллас отмечает: «Рассудительный Гюльденштедт относил это племя к мичкизам (чеченцам. – Авт.) или кистам, которых считал остатками реальных алан» (100, с. 194).

Известный исследователь языка и культуры чеченцев и ингушей Н. Яковлев тоже считает чеченцев и ингушей одним народом. Он утверждает, что в прошлом нет решительно никаких предпосылок, которые оправдали бы обособление их культур и языков (68, с. 39).

«О единстве чеченского племени говорят и все писатели... Последнее авторитетнейшее слово по этому вопросу сказано ныне покойным знатоком Кавказа Загурским в этнологической классификации кавказских народов (104, с. 7). Он относит ингушей к чеченскому племени, входящему в восточно-горскую группу собственно кавказских народов. Но, несомненно, это слово могло быть сказано не ранее того, как знаменитый исследователь кавказских языков П.К. Услар установил научное отношение чеченского языка к другим кавказским языкам и, в частности, к ингушскому наречию... Прибавлю ко всему сказанному выше, что сами чеченцы и ингуши, хотя и враждовали между собой, называют друг друга братьями, считая себя одного происхождения, одним народом. «Как искры сыплются от булата, так мы все рассыпались от богатыря Нахчуо, – говорит чеченская народная песня. Было бы поэтому наиболее правильным, оставив название чеченцев и ингушей для отдельных частей этого племени, назвать всех их нахчуйцами» (67, с. 46–47).

Как отмечает В. Виноградов, «с древнейших времен, вплоть до XVIII века, чечено-ингушские племена четко осознавали свое этническое единство и действовали на исторической арене под общим названием нахче, нахчиматиане, дзурдзуки, сасаны, кисты, мисджеге... О языковом единстве говорит и тот факт, что в языке бацбийцев, отделившихся от остальных чечено-ингушских племен не позднее середины XVI века, сохранились некоторые общевайнахские черты, характерные для языка – основы до его разделения на чеченский и ингушский» (42).

«Этноним «ГІалГІа» – «ГІалхо», буквально означающий «житель ГІала-башни» образовано так же, как и «нохчмахкахо» – «житель нохчмахка», «гухо» – «житель гу – возвышенности», еще раз показывает, что это не название народа, а только одной из его частей. Жителями башен ингушей называли не потому, что в башнях жили только они. В башнях до переселения на плоскость жили все нахчийцы. Но дело в

том, что западные нахчийские общества, представляющие современных ингушей, продолжали жить в горах в своих родовых башнях еще несколько столетий. И выселившиеся на равнину нахчийцы стали называть своих братьев, в отличие от себя, живущих на равнине в обыкновенных домах – «ГалГаями» – жителями башен. Таким образом, этноним «ГалГя» вовсе не древнее образование» (226, с. 229).

С активизацией экспансионистской деятельности царской России на Кавказе, вечная, как и сам мир, политика «разделяй и властвуй» во всем своем блеске началась применяться и в отношении чеченского народа, раздробленного на отдельные общества и занимавшего к концу XVIII века относительно большое, по кавказским меркам, пространство от рек Сулак и Акташ – на востоке (современная территория Республики Дагестан) до реки Терек – на западе (современная территория Республики Северная Осетия–Алания).

В результате этой политики нахчийский народ, процесс формирования которого к тому времени еще не был завершен (не было своей государственности, единого централизованного управления и т. д.) был искусственно разделен на два этноса. Подавляющую часть нахчийских (вайнахских) обществ, вставших на защиту своей свободы и независимости, русские, а через них и другие народы Европы и всего мира, стали называть чеченцами (по названию населенного пункта Чечан), а сравнительно небольшую часть, состоящую из нескольких западных вайнахских обществ, принявшую подданство России, стали называть ингушами (по одноименному селению Ангушт, расположенному в Тарской долине).

По данным, которые приводит В. Кабузан в своей работе «Население Северного Кавказа в XIX–XX веках» в 1795 году чеченцев было 118 тысяч, а ингушей 11,1 тысяч. (101, с. 145). Это, как раз, накануне принятия частью ингушей присяги о российском подданстве в 1810 году. Хотя эти данные, скорее всего, не совсем корректны, так как Россия в это время еще практически не контролировала чеченскую территорию. Но они, примерно, отражают численное соотношение между двумя частями одного народа на тот период.

Царскую Россию, начавшую военную кампанию по покорению Чечни (Нахчийчоь /Нахийчоь), эта раздробленность вполне устраивала и она, естественно, делала все, что в ее силах, чтобы ее усилить. В том числе, преднамеренно называя части одного и того же народа разными этнонимами, религиозно и политически противопоставляя их друг другу. Широко использовались и такие методы экспансии, как устрашение и подкуп наиболее влиятельных лиц среди горцев.

Устраивала она и предводителей некоторых западных вайнахских обществ. Они пошли под покровительство сильного северного соседа, начавшего военную кампанию по присоединению к России этого благодатного края, под предлогом сохранения своих языческих верований и традиций (от которых чеченцы отказались несколько столетий назад), обретения определенных льгот и привилегий, безопасного выселения с гор на плоскость и закрепления за собой (с помощью царской администрации) земельных угодий, находящихся на равнине, принадлежавшей кабардинцам, кумыкам, а также чеченцам.

Скажем так, сепаратистски настроенным лидерам отдельных кланов западных нахчийских (вайнахских) обществ льстило, что их принимают как руководителей отдельного от чеченцев народа, с ними считаются и даже подписывают какие-то документы. Хотя для российской стороны подписание этих бумаг были пустой, ничем не обязывающей формальностью, которая всего лишь должна была помочь разделить и противопоставить друг другу единый нахчийский народ, тем самым, облегчив задачу по его скорейшему покорению.

Процесс обособления между частями одного народа усиливался отнесением районов проживания чеченцев и ингушей к разным административным округам. Район проживания ингушей (так же, как и у осетин) административно был привязан к Владикавказу, а чеченские районы, соответственно, к Грозному. Хотя и Владикавказ, и Грозный тогда являлись самостоятельными административными единицами, не входившими, ни в Ингушетию, ни в Осетию и ни в Чечню.

События, связанные с Октябрьским переворотом 1917 года и созданием в 1921 году Горской АССР (в которую, наряду с Чечней и рядом других кавказских национальных образований, вошла и Ингушетия, принявшая деятельное участие в установлении советской власти на Северном Кавказе), образование затем отдельной от чеченцев Ингушской автономной области в 1924 году окончательно закрепили этот процесс.

После десяти лет административно-автономного от Чечни существования, с 1924 по 1934 гг., Ингушетия была воссоединена с Чечней и до 1991 года была вместе с ней. Это был шанс для объединения разделенного народа, которым чеченцы и ингуши не воспользовались, вернее – не дали воспользоваться.

Никто не против самоутверждения ингушей, как отдельного народа и начатого еще 200 лет назад, их автономного существования. В добрый путь! Но, отдельные ингушские «историки» пытаются присвоить себе историческое наследие всего нахчийского народа, дискредитировав своих кровнородственных братьев. Разумеется, из этого ничего не

получится, но очередные клинья в единство наших народов они, несомненно, вбивают. Вот тут-то мы и приходим к главному вопросу – для чего искусственно создаются новые народы? Ответ ясен, как божий день – чтобы легче было управлять ими.

В чьих интересах противопоставление двух ветвей одного и того же народа, искусственно разделенного примерно 200 лет назад? Во всяком случае, не в интересах абсолютного большинства чеченцев и ингушей, представляющих единый нахчийский (вайнахский) народ. Как говорит лиса в одной из чеченских сказок – «чай, борзый вовшех лиета, дайттан гуьмалг аса юу».

По преданию, записанному Ч. Ахриевым, «галгаевцы переселились из Гаши Бераг (Гаши-ущелья). Предка их звали Га, а у него сын был Галгай... Галгай вышел из ущелья Гайши (Аргунского округа), поселился в теперешнем Галгаевском ущелье и основал галгаевское общество» (187, с. 30–31).

«Итак, предание, записанное Ч. Ахриевым, связывает происхождение галгаев с горной Чечней. Полевые материалы, полученные Н.Г. Волковой, свидетельствуют, что по представлениям чеченцев, галгай некогда отделился от чеченцев (47, с. 167). Вообще тенденция, связывающая галгаев с Чечней, обнаруживается довольно четко. В.П. Христианович, ссылаясь на ингушские предания, записанные в конце XIX века, также высказывал предположение, что заселение Ассинской котловины галгаеями произошло с востока (195, с. 382).

По мнению И. Сигаури, «миграции из Нашхи шли не только на восток, но и в других направлениях, в том числе и западном. Во всяком случае, наличие западного миграционного направления из Нашха не вызывает сомнения у историков. Подтверждается оно и преданием тейпа эглашбатой, согласно которому эпоним этого тейпа Эхиш (Эглаш) и его брат Галгай (Галгай) были сыновьями легендарного Маша, жившего в Нашхе. Возмужав, братья разделились: Эхиш поселился в междуречье Гумса и Хулхулау, а Галгай ушел в направлении рек Асса и Фортанга» (195, с. 383).

«При всей ненадежности устных преданий, – пишет Сигаури, – в данном случае следует отметить известное совпадение между ингушским преданием, записанным Ч. Ахриевым (о том, что Галгай вышел из ущелья Гайши. – Авт.), и преданием чеченцев-эглашбатойцев и маьлхий. Все они, независимо друг от друга, подтверждают миграцию в область галгаев из областей, исторически вошедших в состав Чечни» (195, с. 383).

В связи с вышесказанным, вызывает интерес рассказ краеведа Саламата Гаева, выходца из Нашха, проживающего в с. Рошни-чу, кото-

рый считает этноним «ГІалГІай» чеченского происхождения. С его слов, «ГІалГІай» – это представители одного из нашхойских гаров «ГІой», выселившиеся из Нашхи на территорию современной Ингушетии и жившие в жилых башнях – «ГІалара ГІой» – «ГІалГІой» – «ГІалГІай». В Чечне несколько селений с основой «ГІой»: ГІойГІа (в котором есть даже небольшой ингушский квартал), ГІой-йист, ГІойчу и река ГІой, на которой и стоят все вышеназванные села.

В своей работе «Заметки о Чечне», опубликованной в Санкт-Петербургском журнале «Пантеон» в 1855 году, К. Самойлов пишет: «На западе горной Чечни обитают племена цори, галгай, джерахи, происхождение которых неопределенно. Одни считают их обществами чеченскими, другие – ингушскими. Наконец, иные и самих ингушей полагают обществом чеченского племени».

«Обращаясь к преданиям той части чеченского племени, которая условиями природы и политическими судьбами была отрезана от остальных «братьев» и со второй половины XVIII столетия стала даже во враждебные к ним отношения, – я говорю о племени ингушей, – мы должны вспомнить, что по чеченским преданиям, часть ингушей произошла от Аккой (кисты, цоринцы, галаши и др.), а собственно ингуши или назрановцы – от галгай. В ингушских преданиях, записанных мною со слов стариков, видна одна и та же идея единства происхождения всех чеченцев, не исключая и ингушей» (67, с. 61).

Позволю себе привести несколько цитат исследователей о единстве чеченцев и ингушей:

«Местность, заключающая между Осетией и Кумыкскою плоскостью, населена многочисленным племенем кавказских горцев, говорящих одним языком, называющимся чеченским» (125, с. 75).

«Племена кистин или мычкизов (мицджегов) населяют местность к востоку от Осетии, от правобережья Терека до берегов Аксая, где она граничит с лезгино-аварскими племенами» (26, с. 21).

«Мычкизы – собирательное наименование чеченцев восточной группы, самоназвание «нахчо» (26, с. 393).

«Несмотря, однако, на такую обособленность и даже разнь между отдельными обществами, чеченцы, включая сюда и ингушей, образуют единое, цельное по языку и происхождению племя» (67, с. 46).

«В исторической, археологической, филологической науках издавна сложилось мнение, что вайнахи представляют единый по своему происхождению и языкам национальный массив» (68, с. 36).

«Чеченцы и ингуши, разговаривая каждый на своем материнском наречии, без всяких затруднений понимают друг друга. Такую близость

мы видим и в других проявлениях национальной культуры чеченцев и ингушей... Ученый отвечает совершенно определенно, утверждая, что ингуши и чеченцы, их культура и язык, несомненно, происходят «из одного и того же культурно-исторического источника» (239, с. 195–197).

«Расхождения между чеченским и ингушским языками не настолько значительны, чтобы чеченец и ингуш, пользуясь каждый своим, не могли бы свободно общаться. Расхождения между ними в основном фонетического характера. Бацбийский язык обособился значительно как от чеченского, так и от ингушского, с его носителями чеченцы и ингуши не могут так свободно общаться как между собой» (36, с. 157).

Как отмечает Аркадий Гольдштейн, «чеченцы и ингуши – родственные народности, две ветви одного племени, их языки и культура весьма сходны, и все они называют себя «вайнах», что значит «наш народ» (64, с. 203).

О единстве чеченцев и ингушей пишет и Г.А.Ткачев: «Чеченцы, ауховцы, ичкерийцы, назрановцы, карабулаки, кистинцы и мелхинцы в сущности составляют одно племя, один народ – нахче...» (207, с. 50).

«Таким образом, чеченцы и ингуши, по существу, являются единой нацией. Но как же разъединена она была на два потока, на два русла? Ответ на этот вопрос легко найти, обратившись к приведенным нами уже многим данным истории. Царская власть придерживалась принципа: «разделяй и властвуй», натравливала одни народы на другие, единые народы расщепляла на части, чтобы обессилить нации, угнетенные в их борьбе против царизма... Учитывая общность, существующую между чеченцами и ингушами, царизм всячески старался разъединить их, озлобив друг против друга, натравив друг на друга, и, тем самым, обессилить народ... Царская власть, имея в виду, что Чечня и Ингушия представляла собой весьма значительную и грозную силу, незамедлила разъединить горных ингушей от плоскостных, горных чеченцев от плоскостных, чеченцев от ингушей – путем образования клина из казачьих станиц на местах, выселенных колонизаторами чечено-ингушских аулов» (143, с. 313).

Думаем, что этим многое сказано.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Дала Галашвойла

нийсачу новкъа вoдьду стаг.

А. Айдамиров

– Идет массированная атака некоторых ингушских авторов и даже целого научного учреждения (Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных исследований им. Ч. Ахриева под руководством И. Дахкильгова) на чеченскую историю. Пытаются присвоить этнонимы «нах», «вайнах», «кисты», «дзурдзуки», общее историческое, культурное и духовное наследие. Предъявляются необоснованные претензии на чеченские территории.

– Чтобы как-то обосновать свою заведомо несостоятельную идею об избранности и национальной исключительности ингушского народа, представлявшем на момент отделения от единого «чеченского племени» в XVIII веке всего лишь несколько тысяч человек, некоторые ингушские околonaучные деятели занимаются сочинительством всевозможных мифов и небылиц об особом историческом пути и великих деяниях своих предков.

– Ладно, Н.Кодзоев, А.-М.Дударов, И. Абадиев и иже с ними занимаются т. н. «народной этимологией», а чем занимается в целом ингушское научное сообщество? Как относится к такой оригинальной трактовке исторических событий руководство, а также общественность Республики Ингушетия? Кто дал разрешение на использование провокационной книги Н. Кодзоева «История ингушского народа» в качестве учебного пособия для учащихся 7–9 классов ингушских школ? Это же самая настоящая бомба под будущее отношений ингушского народа не только с чеченским народом, но и, практически всех народов кавказского региона. Именно молодые люди, изучавшие историю по учебнику Н.Кодзоева, устроили самый настоящий беспредел в интернете по поводу предстоящего территориального разграничения Чечни и Ингушетии.

– О каком равноправном договоре между одной из самых мощных мировых держав – Российской империей и небольшой горсткой ингушей, постоянно занятой борьбой за свое выживание, можно говорить?

Никакого договора, как такового, Россия с ингушами не заключала. Она не подписывала договоров ни с одним из вошедших в ее подданство народов, даже с такими многочисленными, как татары или башкиры. Была всего лишь фикция, юридически ничего незначащая, когда все права были за российской стороной, а все обязательства – за народами, входящими в империю. Процедура «вступления в подданство» предусматривала принятие присяги в верности и выдачу аманатов (считай – заложников) стороной, присоединяющейся к России. Примерно то же самое было и в Америке, в период ее колонизации европейцами, только вместо испанцев были царские войска, а вместо индейцев – некоторые российские народы.

– Небольшие инородные вкрапления в состав чеченского народа, как и у других народов, были. Эти вкрапления – результат колонизации чеченцами равнинных земель, наследие политики Имама Шамиля, расселявших дагестанцев в чеченских селах, депортации в 1944 году, приглашения самими чеченцами различных мастеров, религиозных деятелей, а также института кровничества на Кавказе. Но полнокровными членами общества инородцы становились не сразу. Их интегрирование в чеченскую среду продолжалось достаточно долго – в течение нескольких поколений. А до этого они были частично поражены в своих правах (право голоса на общественном сходе, право на общинную землю и т. д.). Они знали свое место в обществе и если, вдруг, забывали о нем, то их тут же жестко ставили на свое место.

– Массарел сов дебаш а хилча, цхьанна а тIамехь дакъа лоцуш а ца хилча (советан Iедал доккхуш бина тIемаш ца буьйцу вай), ун даьржина хIаллакххилла а ца хилча, хIунда бу гIалгIай сел кIезга? Дера бу хьалхе дубйна а шайш вайнехан къомах кIезга долу дакъа хилла дела.

– Чеченцев больше не от того, что они прирастались от других народов, а от того, что они изначально представляли подавляющее большинство нахчийского (вайнахского) народа. Попытки некоторых ингушских авторов связать многочисленность чеченского народа, в течение нескольких столетий перманентно воевавшего за свою свободу и независимость и, соответственно, терявшего значительное количество своего населения, с многочисленными инородческими вкраплениями, абсолютно не состоятельны.

– Цхьана агIор бехк а бац кодзоевгIеран, къам ду аьлла нохчех схьакъаьстинчу церан, шайн, нохчийн къомачух къаьсташ (мел кIезга

а, башхалла йолуш), истори а, культура а, мотт а хила деза. И шадер-риг кхуллуш, шайн, нохчашца юкъяра болчу, бух тӀе ца кхийдича ца бовлу уыш. Бехке дерг кхин ду. Шаш книгаш тӀехь оццул деза-док-кха дуйцуш долчу гӀиллакхах а, оздангаллех а боыхна, неха хӀуманна тӀехийдар а, шайн ца нислучу хӀуман тӀехь шаш доцург шаверриг бехке хетар а.

– Кавказски тӀамехь гӀалгӀай коьртачу декъехь нохчашца бацара. Сийлахь а, озда а верг мила ву – тӀамца шен махка веъначу мостагӀчун накъост а хилла дӀахӀобттинарг я шен мохк а, шен къам а, шен сий а лардан мостагӀчунна дуйхӀала ваьлларг?

– «Воучу тӀаьхьено – дайн хестор, дан карах ца долучо – динарг дуйцуш», олуш ду нохчийн кица. Генарчу дайх ден дозаллаш а дитина (уыш-м, цхьаь хиллера вайн), гӀенах а ца гина хӀумнаш а ца дуйцуш, (туьйранех тера долу), нохчех дӀакъаьстинчул тӀаьхьа шаш гайтина хьуьнарш а, баьхна толамаш бийчича бакъахь дара кодзоевгӀар.

– Укрупнения и разукрупнения районов в пределах ЧИАССР необходимо было проводить с учетом условной границы между чеченской и ингушской частями республики (раз уж ингушская сторона, все равно, не намерена была оставаться в единой вайнахской республике). Объединение Сунженского района с Галашкинским районом, а до этого – передача части того же Сунженского района во вновь создаваемый Малгобекский район, образованный на базе бывшего Пседахского района, были ошибочными решениями. Именно эти решения, в определенной степени, спровоцировали, позднее, массовую миграцию в Сунженский район ингушского населения и необоснованные претензии ингушской стороны на Сунженский и часть Малгобекского районов.

– Никто ингушей из Чечено-Ингушетии не выталкивал. В условиях анархии и безвластия Чечню покинули не только русские и ингуши, но и несколько сотен тысяч чеченцев.

– Идея создания собственной республики у ингушей существовала задолго до объявления независимости Чечни (письмо ингушской интеллигенции в ЦК КПСС «О судьбе ингушского народа» от 1972 года, 2-й съезд ингушского народа 1989 года). Просто ингуши умело воспользовались этим обстоятельством.

– Йер-дахаран хьелаш хийцадаларца хийцало гӀиллакхаш а, амал а. Лам чохь дерг цхьа дахар ду, аренгахь дерг – кхин. Ламчуьра да-

хар сиха дац, хъелаш меллаша хийцало цигахь, гИллакхаш а хийцало иштта меллаша. Дайша лелийнарг вай ца леладо, вай лелийнарг вайн тIаьхьенаша лелор дац. Иштта хийцалуш дIадоду дахар, цуьнца нехан гИллакхаш а. ГалгIай а, жимма тIаьхьабисар бен, оцу хийцамашна юьстах ца бисна. Шайн ворхIа дайша лелийнарг леладо шашь, бохуш, цара ен кураллаш а, ден дозаллаш а, коьртачу декъехь, бух болуш дац.

– Туьйранаш дийцар бен, Илман кIорге яц кодзоевгIаьргахь, бакъ болчу Илманчашна юккьехь дош лелар дац церан.

– Кодзоевы и абадиевы – это своего рода жириновские в исторической науке.

– У ингушских авторов очень своеобразное цитирование: вырывание отдельных предложений из контекста, подправка самих цитат, жонглирование смыслами отдельных терминов (нахи, вайнахи и т. д.) передергивание отдельных фактов. Известный исследователь Гумба, например, в своих исследованиях пишет о всех вайнахах, а ингушские авторы цитируют его, как будто он пишет о собственно ингушах. Большинство цитат от Явуса Ахмадова о нахах или собственно о чеченцах приводятся ими, как сказанное именно об ингушах. Или, наоборот, Кодзоев с Дударовым пишут о собственно ингушах, а ссылаются на высказывания известных ученых о чеченцах, нахах и вайнахах. Или, например, Танкиев, пишет об ингушском этикете, «незнакомом даже чеченцам», а в качестве примера приводит поведение чеченцев из героико-эпических песен – илли. Хотелось бы спросить у Танкиева, как все это соотносится с его понятием ингушского «эздел»?

– Граница между Чечней и Ингушетией во время Кавказской войны была границей между Имаматом Шамиля и Российской империей, то есть государственной границей. Территория Сунженского округа, образованного на орстхойско-чеченских землях Малой Чечни, в отличие от земель назрановцев, входила в Имамат Шамиля.

– Ингуши в советское время требовали восстановления своей автономии в границах на момент объединения с чеченцами в 1934 году. А теперь говорят об «устоявшейся» на сегодняшний день границе, которая в результате безответственности чеченских властей продвинулась на восток. Интересно, что бы говорила ингушская сторона, если бы, вдруг, эта граница «устоялась» не в восточном, а в западном направлении? Они согласились бы с этим? И еще, когда руководство Ингушетии

говорит об «устоявшихся» границах на востоке, то оно должно помнить, что границы «устоялись» не только с восточной стороны, но и с западной. Осетины об этом, точно, не забудут.

– Неужели кто-то из ингушских лидеров думает, что чеченцы, просто так, отдадут кому-либо свои законные территории? А как бы, интересно, поступили они, если бы были на месте чеченцев?

– Именно фактор приобретения статуса отдельного народа ингушами порождает тайповый сепаратизм у других вайнахских обществ (орстхой, аьккхий, маьлхий). Если ингуши (гIалгIай) отдельный народ, то почему народами не быть и им, равнозначным гIалгIаям обществам, считают они. ГIалгIай не смогли «растворить» в себе вышеназванные общества только потому, что они, примерно, равные им общества. В то же время, Чеченская равнина явилась тем плавильным котлом, который смешивал и плавил всех представителей горных вайнахских обществ, в том числе и орстхой, аьккхий и маьлхий, в единый чеченский народ.

– Хотя лидеры гIалгIай и провозглашают, что все западные нахчийские общества – орстхой, цхорой, ваьппий, в том числе, и они сами объединяются этнонимом «вейнахи», почему-то, в Конституции и, соответственно, на гербе Республики Ингушетия, все же, упоминается только одно из этих обществ – гIалгIай. А этноним «гIалгIай», как известно, не включает в себя ни цхорой, ни ваьппий, ни, тем более, орстхой. Перевод названия «Республика Ингушетия» как «гIалгIай мохк» абсолютно не корректен.

– Что касается башен, то, действительно, в Чечне мало осталось неразрушенных башен. Они, в отличие от ингушских, до последнего времени выполняли не декоративную, а свою прямую функцию – защищали своих хозяев.

– «Что уничтожено войной – уничтожено, а что осталось – досталось Чечне, – пишет один из ингушских авторов Зангиев. – Вина за такие последствия целиком лежит на чеченской стороне, а значит – и ответственность тоже». Ничего не скажешь – по-братски!

– Дакъаза ма довла шу, гIалгIайн вежарий, цхъана хила вай, цхъана хилча, ницкъ а, таро а сов хир яра, вешан малхбалера а, малхбузера а латтанаш юхадерзо а аьтто хир бара, аьлча а ца мега шуна. Къаьсташ делахь, шен-шен хиллачу дозанашкахь къаста вай, аьлча а, реза дац шу. Аша баха хIун боху? Шуна лаа хIун лаьа? Тольла болу къонахий

шайна юккѣхъ лѣттина долу шу ма галдевлла. Вай цадезачийн луур ма даккха!

– Шайн къам нохчашца йоьхье доккхуш болх беш бу цѣаболу гІалгІайн «Іилманчаш». Изза болх Нохчийчоь бахъ, хІун дан бохку хІорш?

– ГІалгІайн къомах болу нах бийцарх, вай дуьйцург гІалгІайн къам дац. ГІалгІашна юккѣра дуккха а къонахий а, оьзда нах а бевлла: Ахриев Чах, МальсаговгІара – Зоврбек а, Дошлукъо а, Таймин Бийболатан накъост Щечой Джамбулат а, обарг Зелаххин тешаме доттагІ Говорожев Саламбек а, ГІалгІайн Республикин хьалхара Президент Аушев Руслан а, дуккха а кхин а. ГІалгІайн къам даима нохчийн къомаца хилла, къайлах а, къулах а. Цѣаболу баьччанаш хилла вай доькѣуш берш.

Видит Бог, что не мы начали эти публичные разборки по поводу взаимоотношений между нашими народами. Мы долго не отвечали на разнuzданную античеченскую клеветническую кампанию, развернутую не только отдельными ингушскими авторами, но и целым научно-исследовательским институтом из братской республики, надеясь, что, все-таки, благоразумие у наших собратьев возобладает над эмоциями. Но этого не случилось.

Наоборот, наше долготерпение, вызванное ответственностью за будущее чечено-ингушских отношений, приняли за слабость. Дело дошло до того, что известный ингушский общественный деятель Б. Богатырев в своем письме на имя Главы Республики Ингушетия Ю.-Б. Евкурова самым бесцеремонным образом обвинил чеченский народ, в числе других «алчных и неблагодарных соседей», в отсутствии совести, чести, стыда, «не говоря уже о благородстве» (Ангушт. com, 26 января 2011 года). Это уже явный перебор.

Дальнейшее молчание, действительно, граничило с потерей достоинства.

Не претендуя на истину в последней инстанции, мы постарались рассмотреть основные вопросы, которые затрагивались в различных публикациях ингушских авторов и высказать свою точку зрения по ним, стараясь максимально использовать доступные нам источники информации. Возможно, мы не избежали эмоциональных выражений и некоторые наши мысли носят субъективный характер, но высказаны они были от чистого сердца и с добрыми намерениями, с искренней тревогой и болью за будущее чечено-ингушского (вайнахского) народа. Но это только наше слово. Слово не профессиональных ученых,

а обыкновенных граждан своей республики. Думаем, что научное сообщество Чеченской Республики еще выскажет свое веское суждение по этому поводу.

Свою работу хотим закончить цитатой из статьи Т. Нахчиева «Горькое лекарство», опубликованной в газете «Вести республики», которая в точности передает идею нашего скромного труда: «Мы считаем, что чеченцы заплатили огромной кровью не только за ошибки наших и российских политиков, но и за гордыню и националистическую пропаганду 90-х гг. XX века, когда мы объявляли себя высшей расой. Прародитель Адам и все пророки вплоть до Ноя говорили исключительно на чеченском языке, а чеченцы были мусульманами еще до пророка Мухаммеда (с.а.с.). Чечня объявлялась древнейшим государством мира, неподвластным империям и времени. Все народы Кавказа были обречены войти в состав Чеченской Республики Ичкерия – государства от моря до моря. При этом, мания величия, как и положено в таких случаях, сочеталась с манией преследования.

В вас, так называемые члены ОПГ «Кодзоев и К», мы, молодые чеченские авторы, с тревогой за своих братьев, единственных в этом мире говорящих с нами на одном языке, видим свой вчерашний день, который Чечня, хвала Аллаху, уже пережила. Именно пропагандисты-безбожники и воинственные дилетанты, одержимые бесами, довели в свое время Чеченскую Республику и чеченский народ до большой крови. Поэтому своими публикациями мы пытаемся докричаться до вас. Считите настоящий текст весьма ГОРЬКИМ, но ЛЕКАРСТВОМ. Примите его!».

Дала бакъон тӀехь нисдойла вай!

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абаев В.И.* «Осетино-вайнахские лексические параллели». Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 1, вып. 2, 1959.
2. *Абадиев И.* «Эздел – формула земной и вечной жизни». Назрань, 2005.
3. *Автандилян Р.А.* «Чеченский вопрос по-новому». Чеченский архив. Грозный, 2008.
4. *Авторханов А.* «Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне». Ростов-на-Дону, 1931.
5. *Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З.* Известия арабоязычных документов XV–XVII веков об общественных отношениях у вайнахов. Грозный, 1982.
6. *Акаев В.Х.* «Шейх Кунта-Хаджи». Грозный, 1994.
7. *Алироев И.Ю., Маргошвили Л.Ю.* «Кистины». Москва, 2006.
8. *Алироев И.Ю.* «Чеченско-русский словарь». Москва, 2005.
9. *Арсаханов И.* «Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка». Грозный, 1959.
10. *Атаев Б.М.* «Аварцы. Язык, история, письменность». Махачкала, 2005.
11. *Ахмадов Я.З.* «Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVII веках». Москва, 2009.
12. *Ахмадов Ш.* «О политических и культурных связях чеченцев и ингушей с народами Северного Кавказа и Россией в XVIII веке». Журнал «Орга», № 3, 1979.
13. *Ахманова О.С.* «Словарь лингвистических терминов». Москва, 1966.
14. *Ахриев Ч.* Ингуши: их предания, верования и поверья // Поэма об Алгузе. Москва, 1993.
15. АКАК (Акты Кавказской археографической комиссии) об Ингушетии и ингушах. Назрань, 1995.

16. Багаев М.Х., Петренко В.А., Умаров С. Ц. «Внимательно относиться к изучению памятников прошлого!». Археолого-этнографический сборник. Том II. Критика и библиография. Грозный, 1968.

17. Багаев М.Х. «Происхождение вайнахского народа. // Проблемы происхождения нахских народов». Махачкала, 1996.

18. Баддели Д. «Завоевание Кавказа русскими» (1720–1860). Москва, 2010.

19. Базоркин М.М. «История происхождения ингушей». Нальчик, 2002.

20. Баксан Д. «След сатаны на тайных тропах истории». Грозный, 1999.

21. Баснакаев М. «О Муслиме Гайрбекове». Элиста, 2005.

22. Бексултанов М. «Нохчийн къоман латта а, фольклор а». Газета «Даймохк», № 1 (11353) от 6 января 2004.

23. Бердзенишвили Н.А. «Вопросы истории Грузии». Т. VI. Тбилиси, 1973.

24. Берже А.П. «Краткий обзор горских племен на Кавказе». Тифлис, 1858.

25. Берже А.П. «Чечня и чеченцы». Элиста, 1990.

26. Бларамберг И. «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа». Москва, 2005.

27. Богатырев Б.Б. «Маздакиты на Кавказе», г. Прохладный, 2004.

28. Брокгауз Ф., Ефрон И.А. «Энциклопедический словарь». Санкт-Петербург, 1903.

29. Броневский С. М. «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». Москва, 1823.

30. Броневский С. М. Кавказцы. 1750–1820. Москва, 1823.

31. Бугаев А.М. «На изломе эпох». Газета «Столица», № 69 (427) от 26 августа 2006.

32. Бутков П.А. «Материалы новой истории Кавказа с 1722 по 1803». Санкт-Петербург, 1869.

33. Бушуев С. К. Материалы по истории Чечни и Дагестана. Т. 3, ч. 1. Махачкала, 1940.

34. «Без прошлого нет будущего». Сборник статей. Нальчик, 2005.
35. Ваганов Я.С. «Изображение феодальной верхушки Чечни в эпических песнях». Известия ЧИНИИИЯЛ. Археолого-этнографический сборник. Т. II. Грозный, 1968.
36. Ваганов Я.С. «Проблема происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики. // Проблемы происхождения нахских народов». Материалы научной конференции 1992 года в Шатое. Махачкала, 1996.
37. «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР». Москва, 2011.
38. «Вестник Кавказского отделения И. Р. Г. О-ва». Т. XIII, 1900.
39. «Вехи единства». Сборник статей. Грозный, 1982.
40. Виноградов В.Б., Умаров С. Ц. «Очерки этнографии горной Ингушетии». Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. X. Грозный, 1976.
41. Виноградов В.Б. «Время, горы, люди». Грозный, 1980.
42. Виноградов В.Б. «Предания и факты». Газета «Комсомольское племя» от 7 апреля 1981.
43. «Вклад репрессированных народов в победу в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.». Т. 1. Элиста, 2010.
44. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI, ч. 1. Ставропольская губерния. Санкт-Петербург, 1851.
45. Волкова Н.Г. «Изменения в этническом составе сельского населения Северного Кавказа за годы советской власти». Журнал «Советская этнография», № 1, 1966.
46. Волкова Н.Г. «Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII–XX веках». Журнал «Советская этнография», № 2, 1971.
47. Волкова Н.Г. «Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа». Москва, 1973.
48. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. Москва, 1974.
49. Второй съезд ингушского народа. Грозный, 1989.
50. Выдержки из лекций Ибрагима Дахкильгова по теме «Исторический фольклор вайнахов», записанных студентом филологического фа-

культета (национальное отделение) ЧИГУ Умхаевым Хамзатом в 1981 году (записи лекций).

51. Газиков Б. «Сборник сведений об ингушах». Назрань, 2009.
52. Гакаев Ж.Ж. «К вопросу о национальной гордости вайнахов». Газета «Грозненский рабочий» от 21 мая 1988.
53. «ГІалгІай турпала иллеш». Магас, 2002.
54. «ГІалгІай фольклор». Грозный, 1991.
55. «ГІалгІайче» (газета), № 4, 2010.
56. Гантемурова Г.А. «К истории карабулаков». Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып. XI. Грозный, 1975.
57. Гапуров Ш.А. «Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801–1815 годы)». Нальчик, 2003.
58. Гапуров Ш.А., Израйилов А.М., Товсултанов Р.А. «Чечня на завершающем этапе Кавказской войны. Нальчик, 2007.
59. «Генерал-майор Н.П. Слепцов». Санкт-Петербург, 1875.
60. Генко А.Н. «Из культурного прошлого ингушей». Записки коллегии востоковедов. Ленинград, 1930.
61. «Говзаме йоазаш». ГІалгІай литературни юкъарала гулам. Издательство «Сердало». Буро (Владикавказ), 1931.
62. «Голос Чечено-Ингушетии» (газета), № 83 от 30.11.1990.
63. «Голос Чечено-Ингушетии» (газета) от 13.10.1990.
64. Гольдштейн А. «Башни в горах». Москва, 1977.
65. Гостиев К.И. «Народные традиции и обычаи осетин. Пути их совершенствования». Владикавказ, 2010.
66. Гольденштедт И.А. «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа...». Санкт-Петербург, 1809.
67. Далгат Б.К. «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей». Москва, 2008.
68. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Москва, 1972.

69. *Далгат Б.* «Первобытная религия чеченцев». Терский сборник. Вып. 3, кн. 2. Владикавказ, 1893.
70. *Дауев С.* «Чечня: коварные таинства истории». Москва, 1999.
71. *Дахкильгов И.А.* «Вайнаьха багахбувцам». Грозный, 1977.
72. *Дахкильгов И.А.* «240 лет нерушимого единства Ингушетии с Россией», Газета «ГалгГайче», № 43.
73. *Дахкильгов Ш.Э.* «Слово о родном крае». Грозный, 1989.
74. *Дахкильгов Ш.Э.* «Происхождение ингушских фамилий». Грозный, 1991.
75. «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е годы XIX века». Сборник документов. Махачкала, 1958.
76. *Дегоев В.* «Историку Северного Кавказа: не навреди во гневе и страсти!» (ИА «REGNUM » mgimo.ru).
77. «Депортация чеченского народа: последствия и пути его реабилитации». Грозный, 2006.
78. *Дешериев Ю.Д.* «Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов». Грозный, 1963.
79. *Джавахашивили И.А.* «Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока». Тбилиси, 1950.
80. *Джамбеков Ш.* «Бларгаҁх йобҁтина ҁала, я ...плагиат». Газета «Даймохк», № 66 (11418) от 20 августа 2004.
81. *Джамирзаев С. М.* «Древняя история чеченцев – нохчий». Грозный, 2009.
82. *Джандаров И.А.-Х.* «Становление государственности Чечни». Москва, 2005.
83. *Дзарахова З.М.-Т.* Газета «Сердало» от 18.03.2009.
84. *Дидигова И.Б.* «Чечня и Ингушетия: территории, границы, управление». Москва, 2003.

85. «Доклад А.М. Бугаева». Газета «Голос Чечено-Ингушетии», № 92 (20323) от 15 мая 1991.

86. *Дубровин Н.Ф.* «История войны и владычества русских на Кавказе». Т. 1. Санкт-Петербург, 1871.

87. *Дударов А.-М., Кодзоев Н.Д.* «К древней и средневековой истории ингушей». Нальчик, 2011.

88. *Дьяконов М.М.* Арабская надпись на бронзовом орле из собрания Государственного Эрмитажа. «Эпиграфика Востока». IV, 1951.

89. Журнал «Нийсо» (Справедливость), № 3–4, 1990.

90. Журнал «Нана», № 8–9, 2004.

91. *Иванов И.* Чечня//Москвитянин, № 19–20, 1851.

92. «Илли». Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979.

93. *Ильясов Л.* Исторические области Чечни. Москва, 2008.

94. *Ильясов Л.* «Наша средневековая архитектура абсолютно самобытна». Газета «Молодежная смена», № 84 (910) от 29 октября 2011.

95. «Ингуши». Сборник статей, и очерков по истории и культуре ингушского народа. Саратов, 1996.

96. *Исламов А.А.* «Обычаи «избегания» у чеченцев и ингушей». Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 1, вып. 1. Грозный, 1972.

97. «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века». Москва, 1988.

98. «Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани». Москва, 2008.

99. «История Чечни с древнейших времен до наших дней». Т. 1. Грозный, 2006.

100. «История Ингушетии». Магас, 2011.

101. *Кабузан В.* «Население Северного Кавказа в XIX–XX веках». Санкт-Петербург, 1996.

102. «Кавказ» (газета), № 27, Тифлис, 1864.
103. «Кавказский вестник», № 10, Тифлис, 1900.
104. «Кавказский календарь на 1888 год». Тифлис, 1887.
105. «Каменная летопись страны вайнахов». Москва, 1994.
106. *Карасаев А.Т., Мациев А.Г.* «Русско-чеченский словарь». Москва, 1978.
107. *Ключевский В.О.* «Курс русской истории». Т. 1. Москва, 1987.
108. *Клычников Ю.Ю., Клычникова М.В.* «Из истории религиозной политики России на Северном Кавказе». История и культура народов Северного Кавказа: сборник научных трудов. Пятигорск, 2005.
109. *Ковалевский П.И.* «Завоевание Кавказа Россией». Исторические очерки. Санкт-Петербург, 1911.
110. *Козенкова В.И.* «Древние основы культурного наследия нахского этноса (к истокам горского менталитета) // Культура Чечни: история и современные проблемы». Москва, 2002.
111. *Кобычев В.П.* «Историческая интерпретация этногенетических преданий ингушей». Орджоникидзе, 1985.
112. *Кодзоев Н.Д.* «История ингушского народа». Магас, 2002.
113. *Кодзоев И.* «Суламбек Сагопшинский». Назрань, 2011.
114. *Кодзоев А.* «Справедливость не бывает однобокой». Ингушетия. org, 08.01.2009.
115. *Костоев Б.* «Кавказский меридиан». Москва, 2003.
116. *Костоев Б.* «От Иосифа Сталина до Теймураза Мамсурова». Москва, 2007.
117. *Котилов С. Б.* «О присоединении Ингушетии к России». Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972.
118. *Кудусова Ф.И.* «Семья и семейный быт ингушей». Грозный, 1991.

119. *Кудусова Ф.И.* «К вопросу о браках и формах его заключения у ингушей в конце XIX – начале XX века». Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып. XI. Грозный, 1975.
120. *Крупнов Е.И.* «Средневековая Ингушетия». Магас, 2008.
121. «Культура Чечни». История и современные проблемы. Москва, 2002.
122. Культурное наследие народов России. «Чеченцы». Москва, 2008.
123. «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1957 гг.)». Москва, 1968.
124. *Кушнер П.И.* «К вопросу об этногенезе литовцев». Москва, 1957.
125. *Лаудаев У.* «Чеченское племя». Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV, отд. 1. Тифлис, 1872.
126. *Лобазанов М.* «Участие ингушей в народно-освободительном движении горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX века. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989.
127. *Максимов Е.* Чеченцы. // Терский сборник. Вып. III. Владикавказ, 1893.
128. *Максимов Е.* «Туземцы Северного Кавказа». В 2-х томах. Владикавказ, 1894.
129. *Мальсагов З.К.* «Общечеченская письменность». «Горский вестник», № 1. Владикавказ, 1924.
130. *Мальсагов З.К.* «Культурная работа в Чечне и Ингушии в связи с унификацией алфавитов». Владикавказ, 1928.
131. *Мальсагов З.К.* «Чеченский народный стих». Известия Ингушского НИИ. Т. IV, вып. 2. Орджоникидзе, 1935.
132. *Мальсагов Д.Д.* «Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка». Чечингосиздат. Грозный, 1941.
133. *Мальсагов А.У.* «Ингуши. Краткая история, и их участие в войнах России». Пятигорск, 2005.

134. *Мальсагов А.О.* «Нарт-орстхойский эпос вайнахов». Грозный, 1970.

135. *Мальсагов Х.С. -Г.* «Происхождение ингушских фамилий, тейповых общин и роль ингушского языка в языковой семье мира». Назрань, 2004.

136. *Мамакаев М.* «Чеченский тайп в период его разложения». Грозный, 1973.

137. *Мамилов М.С.* «Деятельность партийных организаций Чечено-Ингушетии по подбору, расстановке и воспитанию партийных кадров в 1920–1921 гг.». Грозный, 1976.

138. *Маргошвили Л.Ю.* «Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией». Тбилиси, 1990.

139. *Марковин В.И.* «В стране вайнахов». Москва, 1969.

140. *Марковин В.И.* «В ущельях Аргуна и Фортанги». Москва, 1965.

141. *Марр Н.Я.* «К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа». Известия АН, № 15, 1916.

142. *Марр Н.Я.* «Кавказские племенные названия и их местные параллели». Ленинград, 1938.

143. *Мартиросиан Г.К.* «История Ингушии». Орджоникидзе, 1933.

144. Материалы из архива Х. Умхаева.

145. Материалы республиканской научно-практической конференции «Депортация чеченского народа: последствия и пути его реабилитации». Грозный, 2006.

146. *Матиев М.А.* «Ингушский песенный эпос илли». Магас, 2004.

147. *Мациев А.Г.* «Чеберловский диалект чеченского языка». // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. VI, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1965.

148. *Мациев А.Г.* «Чеченско-русский словарь». Москва, 1961.

149. *Межидов Д.Д.* «Мудрость обычая». Грозный, 1989.

150. *Меликашвили Г.А.* «К вопросу о древнейшем населении Грузии». Тбилиси, 1959.

151. *Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса. Приложение № 1. Москва, 1892.
152. *Мусаев А.* «Шейх Мансур». Москва, 2007.
153. «Народы Кавказа». Издание АН СССР, т.1. Москва, 1960.
154. «Национальный состав и владение языками, гражданство». Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4, кн. 1. Москва, 2004.
155. *Немировский М.Я.* «К научной постановке исследования чеченской группы северо-кавказских языков». ИИНИИК, вып. II и III. Владикавказ, 1930.
156. Нохчуа Юсуп «Страницы истории чеченского народа». Грозный, 1993.
157. «Нохчийчоь» (газета). Спецвыпуск, посвященный чеченскому общенациональному съезду, ноябрь 1990.
158. *Овахдов М.Р.* «Основные лексические особенности орстхойского говора галанчожского диалекта чеченского языка». Грозный, 1983.
159. *Овахдов М.Р.* «Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия». Москва, 2000.
160. *Оздоев И.А.* «Русско-ингушский словарь». Москва, 1980.
161. «От вековой отсталости – к социализму». Сборник документов и материалов. Грозный, 1977.
162. «Отверженными оказались жители чеченского села Пседах в Ингушетии». Газета «Грозненский рабочий», № 19 (20618) от 31 мая 1996.
163. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР». Т. 2. Грозный, 1972.
164. *Ошаев Х.Д.* «В сердце Чечни». Грозный, 1928.
165. *Ошаев Х.Д.* Малхиста. «Революция и горец», № 8, 1930.
166. *Ошаев Х.Д.* «К истории возникновения чеченских героико-эпических песен». Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 2, вып. 1. Грозный, 1960.
167. *Ошаев М.* «В глубь веков». Газета «Комсомольское племя» от 17 июня 1990.

168. «Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 г.». Издание Центрального статистического комитета МВД. Под редакцией Н.А. Тройницкого. Вып. 68. Терская область, 1905.
169. Письмо Б. Богатырева Ю.-Б. Евкурову. Ангушт.сom, 26 января 2011.
170. Письмо ингушских лидеров в ЦК КПСС «О судьбе ингушского народа» (Архив Х. Умхаева).
171. Письмо Халида Ошаева писателю Х.-М. Мугуеву (Архив Х. Умхаева).
172. *Пожидаев В.П.* «Горцы Северного Кавказа (ингуши, чеченцы, хевсурь, осетины и кабардинцы). Москва, 1926.
173. *Потто В.А.* «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях». Т.2. Ермоловское время. Изд. 3, Санкт-Петербург, 1913.
174. *Потто В.А.* «Кавказская война». Т. II, вып. 1. Санкт-Петербург, 1886.
175. Поэзия Чечено-Ингушетии. Москва, 1959.
176. «Приязни добрые плоды». Сборник статей. Грозный, 1987.
177. «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации – 2005 год». Статистический сборник. Москва, 2006.
178. *Россикова А.* «Путешествие по центральной горной части Чечни». Записки КОИРГО. Т. 8, Тифлис, 1896.
179. *Ртвеладзе Э.В.* «О походе Тимура на Северный Кавказ». Археолого-этнографический сборник. Т. 4. Грозный, 1976.
180. «Русско-татарский словарь». Москва, 1984.
181. «Русско-чеченско-ингушский словарь». Грозный, 1966.
182. *Самойлов К.* «Заметки о Чечне». Пантеон. Санкт-Петербург, 1855.
183. Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Т. 22, отд. 1. 1897.
184. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис, 1868. (Москва МНТПО «АДИР», 1992 год).

185. Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск III. Тифлис, 1870. (Москва МНТПО «АДИР», 1992 год).
186. «Сборник сведений о кавказских горцах». Вып. IV. Тифлис, 1870.
187. «Сборник сведений о кавказских горцах». Вып. VIII. Тифлис, 1875.
188. «Сборник сведений о кавказских горцах», издание Кавказского Горского Управления. Вып. IX, «Ингуши». Тифлис, 1876.
189. Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. (Межвузовский сборник статей). Орджоникидзе, 1979.
190. *Сейнароев Б.М.* «На трудном пути создания Ингушской Республики». Москва, 2012.
191. *Семенов Л.П.* «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг.». Грозный, 1963.
192. *Семенов Н.* «Туземцы Северо-Восточного Кавказа». Санкт-Петербург, 1895.
193. *Серебренников Б.А.* «Об относительной самостоятельности развития системы языка». Москва, 1968.
194. *Сигаури И.М.* «Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен». Москва, 1997.
195. *Сигаури И.М.* «Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен». Т. 5. Москва, 2005.
196. «Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей». Грозный, 1986.
197. ССТО (Сборник сведений о терской области). Вып. 1. Владикавказ, 1887.
198. *Сулейманов А.* «Топонимия Чечни». Нальчик, 1997.
199. *Сулейменов О.* «Аз и Я». Алма-Ата, 1975.
200. *Сулейманов Джамбулат* «Мы – единый народ». Нахская библиотека «Жайна», <http://zhaina.com/2008/03/20/>.
201. *Танкиев А.Х.* «Духовные башни ингушского народа». Сборник статей и материалов о народной культуре. Саратов, 1997.

202. *Танкиев А.Х.* «Эздел – ингушская этика». Магас, 2007.
203. Терский календарь на 1898 г. Владикавказ, 1897.
204. Терский сборник. Приложение к терскому календарю на 1892 год. Кн. 2. Владикавказ, 1892.
205. *Тишков В.А.* «Очерки теории и политики этничности в России». Москва, 1997.
206. *Тишков В.А.* «Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)». Москва, 2001.
207. *Ткачев Г.А.* «Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области». Владикавказ, 1911.
208. *Тогошвили Г.Д.* «Грузино-осетинские взаимоотношения в XV–XVIII вв.», Тбилиси, 1969.
209. *Торнау Ф.Ф.* «Воспоминания кавказского офицера». Русский вестник. Т. 53, № 10, 1864.
210. *Тотоев Ф.В.* «Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII–40 годы XIX века)». Нальчик, 2009.
211. «Трагедия ингушского народа». Грозный, 1991.
212. *Туркаев Х.* «Жажда неутоленная». Журнал «Вайнах», № 7, 2004.
213. *Умхаев Л.С.* «В поисках пути. Чечня 1990–1996». Москва, 1996.
214. *Услар П.К.* «Этнография Кавказа». Языкознание, II. Чеченский язык. Тифлис, 1888.
215. *Федоров-Давыдов Г.А.* «Общественный строй Золотой орды». Москва, 1973.
216. *Хизриев Х.А.* «Кавказцы против Тимура». Грозный, 1992.
217. *Хожаев Д.* Великие сражения Чечни. Джохар, 1999.
218. *Хожаев Д.* «Расселение вайнахов в XVIII–XX веках». Журнал «Нийсо» (Справедливость), № 3–4, 1990.
219. *Христианович В.П.* «Горная Ингушия». К материалам по экономике альпийского ландшафта. Ростов-на-Дону, 1928.

220. Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого. Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1983.
221. «Чеченская Республика (население, экономика, история)». Грозный, 1995.
222. «Чеченцы: история и современность». Москва, 1996.
223. «Чеченцы». Краткие очерки истории, культуры, обычаев и традиций. Москва, 2009.
224. *Чиковани Г.Д.* «Из истории общественного быта вейнахов». Тбилиси, 1986.
225. *Чокаев К.З.* «Вайн мотт – вайн истории». Грозный, 1977.
226. *Чокаев Х.К.* «Случайность или историческая реальность? (популяционная генетика о происхождении народов Кавказа и их роли в мировой истории). Москва, 2010.
227. *Цаликов А.* «Кавказ и Поволжье». Москва, 1913.
228. *Цуциев А.А.* «Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004)». Москва, 2006.
229. *Цуциев А.А.* «Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предстория и факторы развития». Историко-социологический очерк. Москва, 1998.
230. *Шавхелишвили А.И.* «Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами». Грозный, 1963.
231. *Шавхелишвили А.И.* «Из истории горцев восточной Грузии». Тбилиси, 1983.
232. *Шавхелишвили А.И.* «Грузино-чечено-ингушские взаимоотношения». Тбилиси, 1992.
233. *Щеблыкин И.П.* «Архитектура древних ингушских святилищ». Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения, 1930.
234. *Энгельгард М.* «Путешествие в Крым и на Кавказ». Берлин, 1815.
235. Энциклопедия «Народы России». Москва, 1994.
236. Энциклопедия «Народы мира». Москва, 2007.

237. «Этническая история и фольклор». Москва, 1977.
238. *Яковлев Н.Ф.* «Вопросы изучения чеченцев и ингушей». Грозный, 1927.
239. *Яковлев Н.Ф.* «К вопросу об общем наименовании родственных народов». Ростов-на-Дону, 1929.
240. *Яковлев Н.Ф.* «Ингуши и переживания родового быта среди них». Назрань, 2010.
241. «ГІалГІай фольклор». Грозный, 1967.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАК ЧЕЧЕНЦЫ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ К РОССИИ

Еще до Шамиля во Владикавказ прибыл русский падчых со своими солдатами. Недалеко от станции Беслан падчых и его приближенные разбили на равнине шатры. Здесь они веселились, прогуливались по лесу и стреляли дичь. Русский падчых не знал чеченцев, но ему рассказывали, что они дикий народ, и поэтому он не считался с ними.

О прибытия падчаха узнали все кавказские народы.

Леча, сын Алха, из селения Гехи, пошел по селам и стал просить, чтобы каждое село выставило по снаряженному всаднику. Он обошел пятьдесят селений. Уважая его как гостя, эти села выставили по всаднику. И тогда сел Леча Алханов на белого коня, оделся во все белое, а за ним выстроилось пятьдесят всадников на гнедых конях, одетых в черное.

Леча договорился с ними, как надо себя вести. Десятерых он поставил рядом с собой, остальных по пяти выставил впереди и сзади себя. Они не приближались к падчаху, а строем ехали вдалеке, чтобы их было видно издали в подзорную трубу.

Падчых увидел в подзорную трубу одинаково одетых всадников. Ему они понравились, и он послал своего всадника узнать про них. Вместе с этим посланным Леча подъехал к падчаху и сказал:

– Мы чеченцы.

Удивленный красотой и статностью всадников, падчых спросил:

– Я не знаю вашего народа. Кто вы такие?

Тогда Леча Алханов сказал:

– Невезучий мы народ. Когда охотники устраивают засаду на зверей, одни их гонят с одной стороны, другие стреляют в них с другой. Один зверь из всех, когда охотники уже уверены, что убили его, вдруг выскакивает из окружения и скрывается. Соберутся вечером охотники и начинают превозносить свои доблести: такого-то зверя убили, такого-то зверя изломали. Но ни один из них не говорит об убежавшем звере, ибо он оказался смышленнее охотников. На него похож наш народ. У нас нет князей, и ни один не склоняет голову перед другим. Такой мы народ, и поэтому ты не знаешь о нас. Каждый из моих всадников одолеет любого твоего солдата.

Затем всадники и солдаты падчаха стали состязаться, и всадники во всем одолели солдат. Падчаху очень понравились всадники и их одеж-

да. Он попросил для своей свиты двенадцать всадников и присоединил чеченцев к России.

С тех пор, говорят, при дворе падчаха стали носить черкесскую форму.

(Записала Р. Сайдулаева в 1975 году, на чеченском языке, от М. Сайдулаева, с. Алхан-Юрт, ЧИАССР).

ОБАНХОЙЦЫ

Эги был княжеского происхождения и прибыл из Армении. В местечке Кякале жили ингуши. У Эги было много овец и коров. Местным жителям он сказал:

– Я отдам вам половину своих овец, если вы дадите мне на три года землю, чтобы пасти оставшуюся половину овец и коров.

Взяли с него ингуши плату и дали землю.

Прошло три года. Под разными предложениями и различными подачками Эги продлевал срок. За это время у Эги выросли сыновья. Одни из них осели в Эгикале, другие в Хамхи и Таргиме. Они строили башни и жили в них.

Наконец ингуши сказали Эги:

– Хватит, уходи отсюда.

– Я свое слово сдержу и уйду, но сыновья моя выросли здесь и осели. Я постарел и не в состоянии увести их отсюда. Они меня не слушают.

Все споры с его сыновьями ни к чему не приводили, так как силой они превосходили ингушей.

Эги взял с собой младшего сына Обана и спустился вниз по ущелью Ассы. Разбили они шалаш в том месте, где сейчас находятся аул Эрш. Решили здесь обзавестись хозяйством, но земля там была непригодная, травы для покосов мало.

«Из этого ничего не получится», – решили они и хотели устроиться в местечке Алкум. Но и там им не давали покоя Чечоевы.

Тогда отправился отец вместе с сыном Обаном в местечко, где находится Балта. Обан построил там землянку.

В те времена черкесы и осетины делали набеги и уводили овец, коров, происходили стычки. Надоело это Обану, и он отправился в Джайрах и установил там родство с Льяновыми. Построил там землянку и стал в ней жить.

Обан дал слово не строить башни до тех пор, пока не вырастут его сыновья. Старший его сын пас овец между Обаном и Говзатом. Посмотрел сын вниз и увидел гостей, входящих в их дом. Взял он лучшего барана из отары, спустился вниз, зарезал его, освежевал, поставил котел с мясом посреди двора, а сам отправился снова пасти овец.

Вышел Обан и увидел кипящий котел с мясом и сына, поднимавшегося в гору. Зашел Обан к гостям и говорит:

– Я дал слово начать строительство башни, когда вырастут мои сыновья. Теперь я убедился, что мой сын возмужал, ибо он умеет принять гостей. Начну строить башни.

Три гостя положили в угол башни три больших камня, а четвертый положил Обан.

Все три сына Обана возмужали. Старший был мастером по железу, он мог ковать железо, делать из него ружья. Второй доставлял ему все необходимое для этого. А третий сын был силач. Он занимался борьбой и устраивал поединки.

Однажды шайка грабителей увела в плен красивую девушку из рода Льяновых. Сказали Льяновы Обану:

– Если отобьешь ее, мы отдадим ее вам и наделим вас землей.

Обан с тремя сыновьями настиг похитителей. Сказали похитители Обану:

– Уйди от нас, Обан, со своими сыновьями. Не то худо тебе будет.

– Я отстану от вас, если вы одолеете моего сына. Выставляйте одного вашего человека, – сказал Обан.

Выставили похитители одного, здорового, как бугай, детину.

Дрались они, дрались, и сын Обана свалил его, а братья разогнали оставшихся. Девушку привезли домой.

– Отбитую девушку оставьте себе, а земли для вас у вас нет, – сказали Льяновы.

Хотя открытой вражды между ними не было, но они всегда упрекали друг друга в разных неблагоприятных поступках.

Башни, построенные Обаном и его сыновьями, и теперь стоят в ауле Обан.

(Записал И.А. Дахкильгов в 1966 г. на ингушском языке от К. Доскиева, г. Грозный).

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Отца своего – Халида, я запомнил очень спокойным, уравновешенным человеком. Поэтому мне особо памятливы те ситуации, когда его приходилось видеть раздраженным. Бывало это обычно после «бесед» с товарищами из так называемых «компетентных органов» или чиновников от идеологии.

Болезненно переживал отец те неравные схватки со столпами системы, их наплевательское отношение к культурным ценностям нашего народа. При всех душевных и физических страданиях ряда последних лет, перенесенных им в политической ссылке, он оставался горячим патриотом своего народа, не ведающим чувства равнодушия.

Мир его мыслей, размышлений не размывается со временем. Напротив – многие документы из архива отца, с которыми я изредка знакоблю читателей, открывают новые страницы его непростой и нелегкой жизни.

Письмо, которое я хочу предложить сегодня читателям, возможно, многим знакомо. Не в этом суть. Просто обидно, что проблемы, которыми отец жил в семидесятых непростых годах, не волнуют никого сегодня.

Недосказанность, фальшь в отношениях братских народов – чеченцев и ингушей – нетерпима. Она чревата многими осложнениями. Поэтому хотелось бы, чтобы равнодушные высказались. Это никогда не будет служить конфронтации, скорее, все это размочит наносное, амбициозное и оздоровит души наших людей.

Майрбек Ошаев

*Директору Чечено-Ингушского
научно-исследовательского института
истории, языка и литературы
тов. Сангариеву С.
от писателя Ошаева Х. Д.*

заявление

Тов. Туркаев Х. дал мне ознакомиться с окончательным вариантом предисловия к сборнику чеченских и ингушских песен «Илли». Я не

останавливаюсь на содержании варианта. Работа поименована «Чечено-ингушские героико-эпические песни «илли».

Тем самым утверждается, что чеченские и ингушские героико-эпические песни – одно и то же. Жанр чеченских героических илли зародился и вырос в ходе непрерывной борьбы чеченского народа за освоение равнинных земель, за изгнание кабардинских, кумыкских, тарковских феодалов, а позже в борьбе с царскими завоевателями. Началась эта борьба в XVII и продолжалась, если считать борьбу и с царскими завоевателями, до середины XIX века. Эту борьбу ингушам вести не пришлось, они выселяться на плоскость начали в основном с начала XIX века. Поэтому героико-эпических песен илли у ингушей не было.

Зато очень развит был у ингушей нартровский эпос. Чеченские нартвовские сказания несравненно бедны, чем ингушские. О существовании у ингушей жанра героических песен типа чеченских, ни словом не упоминает ингушский этнограф Чах Ахриев. Виднейший деятель культуры ингушей Заурбек Мальсагов также ни словом не обмолвился о существовании у ингушей жанра илли.

Заурбеком Мальсаговым написана специальная работа о стихосложении в чеченских песнях. Если бы жанр героических илли у ингушей существовал, он несомненно отметил бы разницу и особенности тех и других.

Известный лингвист Н.Ф. Яковлев в своей книге «Вопросы изучения чеченцев и ингушей» прямо говорит, что у ингушей этого жанра нет, и что такие песни ингушские гармонисты поют по-чеченски.

Профессор Л.П. Семенов, много лет уделявший внимание этнографическому изучению горной Ингушетии, также не упоминает о существовании такого жанра устного творчества.

Наконец, литературоведы Д. Мальсагов и О. Мальсагов также не упоминают о существовании этого жанра у ингушей.

Как и откуда «возник» этот жанр?

В 1937 году был арестован чеченский писатель Ахмад Нажаев. В это время в издательстве находилась его рукопись сборника чеченских илли, записанных им в селении Старые Атаги у известного гармониста Гады. Рукопись эта попала в руки некоторых ингушских литераторов. Они отобрали некоторые илли и как ингушские в 1940 году опубликовали.

В подготавливаемый институтом к опубликованию сборник были включены четыре чеченские илли, как записанные у ингушских скази-

телей. Среди них были илли об исторических лицах: Бейбулате Таймиеве, Джаммирзе Мадиеве и его сестре Альбике и другие.

Институт мировой литературы, куда попали переводы чеченских илли на русский язык, сразу определили, что это переводы на ингушский язык чеченских песен.

Сам по себе факт включения чеченских илли в сборник, как ингушских, очень некрасив.

Теперь я напому Вам некоторые факты.

В начале прошлого года я написал секретарю обкома Власову докладную записку об издании сборника чеченских илли, на стихотворные переводы которых было истрачено до десяти тысяч рублей. Тов. Власов сразу распорядился издать сборник, поняв великое значение издания песен такого жанра

Вы помните, как научных работников и литераторов собрал у себя в кабинете т. Бузуртанов? Я пришел на собрание несколько позднее. И вдруг заметил, что в плане издания, выработанном институтом, совсем нет и намек на издание чеченских песен. В плане было положено: издание ингушского нартковского эпоса (что само по себе было очень хорошо) и издание сборника чеченских сказок.

– А когда будут издавать чеченские героические песни? – спросил я.

Мне ответили, что будут издавать их через года три. Я выразил протест. Тогда с яростью стал выступать Ибрагим Дахкильгов, говоря, что в первую очередь надо издавать нартковский эпос и сказки, а потом, через несколько лет, можно приняться за издание песен. В поддержку Дахкильгова выступили и другие ингуши.

Если Вы помните, тогда я заявил, что докладная записка моя говорила об издании чеченских песен илли, и раз так, я снова напишу т. Власову и сообщу, что его указание не выполняется.

Тов. Бузуртанов сразу повернул дело на 180 градусов и предложил план институту переработать и в первую очередь включить издание песен. На том собрание и кончилось.

Вы можете думать, как хотите, но я ясно видел, что И. Дахкильгову и послушно шедшим за ним Ахмету и Абу Мальсаговым явно не хотелось публикации богатейшего чеченского героического эпоса. И когда публикацию эпоса отложить на несколько лет не удалось, И. Дахкильгов решил включить туда и ингушские илли и издать их так, чтобы они печатались попеременно с чеченскими.

В первоначальном варианте вводная статья называлась «Героический эпос чеченцев и ингушей». В окончательном варианте статья названа «Чечено-ингушские героико-эпические песни илли». Тем самым,

между богатейшими чеченскими илли и бедными по содержанию ингушскими ставится знак равенства.

Главный труд по написанию вводной статьи вложен Х. Туркаевым. И несмотря на это, статья, как я вижу теперь, подписана: И. Дахкильгов, Х. Ошаев, Х. Туркаев. На каком основании ярый враг отдельного издания чеченских илли И. Дахкильгов очутился впереди авторов статьи? Может, потому, что буква «Д» по алфавиту впереди, чем «Т» и «О». Для И. Дахкильгова ни положение Х. Туркаева, организующего издание сборника песен, ни этика работника науки – ничто.

Я не желаю, чтобы моя фамилия фигурировала рядом с фамилией такого человека. Ввиду этого, прошу вычеркнуть мою фамилию.

*Ошаев Х.Д. – писатель,
1977 г.*

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЛЕЧИ УМХАЕВА
на собрании депутатского корпуса Ингушетии
по проблеме восстановления ингушской автономии
в ст. Нестеровской Сунженского района 10 ноября 1990 года

«Приветствую представителей депутатского корпуса братской Ингушетии и гостей собрания на чеченской земле!

Мы приехали сюда, чтобы послушать вас и принять участие в сегодняшнем собрании ингушского депутатского корпуса, который собрался в Чечне. Мне кажется, что полезнее такое собрание было бы провести в Грозном. Мы должны быть откровенны друг перед другом. Здесь сегодня говорили, что Д. Завгаев и Верховный Совет ЧИАССР плохо работают для решения ингушского вопроса. А ведь многие, кто об этом говорит, сами народные депутаты...

Чеченцы всегда помогали ингушам и будут помогать. Но мне непонятно, почему возникают недовольства, когда заходит вопрос о восточных границах? Мне кажется, что чем дальше мы оттягиваем этот вопрос, тем больше загоняем проблему в тупик. Мы несколько раз предлагали встречу с ингушским оргкомитетом, но от них никто не появился...

И если у кого-то возникает желание говорить о каких-то других границах между Чечней и Ингушетией, кроме тех, которые существовали до нашего объединения в 1934 году, то возникнет масса других территориальных вопросов, которые вряд ли будут в пользу ингушской автономии...

Я во многом не согласен с действиями Верховного Совета ЧИАССР, с Д. Завгаевым. Но я говорю, что те, кто раньше соглашался во всем с Д. Завгаевым, а сегодня пытаются беспочвенно обвинить его и Верховный Совет ЧИАССР в том, что они мало делают для ингушской автономии, берут на себя большую ответственность. Чеченцы считают, что если ингуши хотят создать свою отдельную автономию, то им надо обязательно помочь, но у чеченцев есть не менее болезненные вопросы (восстановление прав ауховских чеченцев, суверенитет), которые не могут оттягиваться до решения проблемы восстановления ингушской государственности».

(Газета «Нохчийчоь». Спецвыпуск, посвященный чеченскому общенациональному съезду, ноябрь 1990 года)

АКТ ПРИСЯГИ ИНГУШЕЙ ОТ 1810 ГОДА

По взаимному и обоюдному е. и. в. всероссийского г. и. ген.-м. и кр. Владикавказской коменданта Дельпоцо и всего ингушевского народа соглашению, мы нижепоименованные 6-ти фамилий ингушевского вольного и никому неподвластного народа, лучшие и почетнейшие люди, с каждой фамилии по 10 человек, с доброй нашей воли и общего согласия между собою условились и согласились е. и. в. всероссийскому г. и. вступить вечно на верность подданства и обладание нами на условиях и обязанностях следующих:

1. Отныне впредь на вечные времена мы, ингушевский вольный и ни от кого независимый народ, считающийся в родах 6-ти фамилий: Торгимова, Цельмембохова, Агиева, Картугова, Юрьева и Хамхоева и потомство наше е. и. в. всероссийскому г.и. Александру Павловичу и его наследнику, кто назначен будет, вступает добровольно в совершенное верноподданническое состояние, а при том обязуемся:

2. Всех врагов российскому престолу е. и. в., почитая за таковых здешних окружающих нас мухаммеданского закона народов, мы должны считать равным образом и своими врагами и без ведома и позволения здешнего начальства российского мир заключать с оными отнюдь мы не должны; в противном же случае, ежели мы сами собою с оными мир заключим, тогда должны мы сами почитаться врагами России и за то подвергаем себя справедливому наказанию от российского начальства.

3. Во всякое время, когда российскому начальству воспотребуется надобность против здешних народов с российским войском действовать неприятельскую рукою, тогда обязаны мы давать оному от себя из общества нашего 1000 чел. хорошо вооруженного помощного войска, с тем условием, чтобы оное до окончания действия было довольствовано провиантом на основании российского солдата, взятая же от общего неприятеля нашего нами всякого рода добыча представлена бы была в нашу пользу неотъемлемо.

4. Все те народы здешнего края, которые с Россиею в дружбе, со-гласии и в подданстве оной находятся, мы должны признать за наших друзей и приятелей и отнюдь с оными не иметь никаких враждебных

поступков, исключая частные некоторые малозначущие ссоры, о коих удовольствия должны искать не сами собою, но чрез здешнего российского начальника; в противном же случае, кто будет управляться сам собою, тот должен быть наказан по российским законам.

5. Если чеченцы, карабулаки и прочие неприязненные России народы, где ни есть будут прокладываться воровскими партиями с намерением учинить на российские обозы и команды, проходящие по Грузинской дороге, нападение и сделать грабежи и разбои, и мы о том получили сведения, тогда должны мы тотчас давать знать находящемуся у нас российскому начальнику и ближайшему, а буде при нападении оными на русских услышим пушечные выстрелы, тогда, равным образом, дав знать находящемуся у нас начальнику, сами обязаны тотчас скакать к тому месту на встречу сих разбойников и стараться, не щадя своей крови и жизни, поражать оных, отнимать отбитую ими у русских добычу и доставлять оную к ближайшему от оного места российскому начальнику.

6. Ежели случится, что кто ни есть из наших, с теми разбойниками согласись для содействия злого их намерения вообще, пропустят умышленно через нашу землю и о том по следствию откроется правда, тогда виновников сего поступка должны мы выдать начальнику российскому в кр. Владикавказскую беспрекословно.

7. Ежели из нашего общества кто ни есть осмелиться убить российского солдата, купца и другого какого звания российского верного подданного, тогда обязаны мы виновников всемерно стараться отыскать, поймать и отдать в руки российского начальства в кр. Владикавказскую; ежели же оные в скором времени куда-либо уйдут, тогда отдать все их семейство и имущество.

8. Если кто ни есть из нашего общества всякого звания российских людей ограбит и ранит или не ограбит, а ранит, с оными поступить на том же основании, как и за убитого.

9. Если кто ни есть из нашего общества будет передерживать у себя чеченцев и прочих неприязненных России народов людей, умышляющих против России, и сам на то будет с ними согласен и от того сделает вред и о том будет открыто, тогда того передержателя и соучастника в злоумышлении отдать в руки российского начальства, а если он убежит, все его семейство и имущество.

10. Отныне впредь навсегда мы и потомство наше обязуется: кабардинцам и прочим здешним мухаммеданского закона народам податей отнюдь никаких не платить (как было до сего), а ежели против сего преступим и будем давать подати оным, тогда российское начальство имеет с нами поступить яко с врагами своими.

11. Со времени заключения нами сего обязательства и на вечные времена мы и потомство наше обязуемся к проповедованию и введению у нас мухаммеданского закона эфендиев, мулл и прочих особ духовных мухаммеданских отнюдь не принимать, не допускать и мечетей не строить, а ежели против сего преступим, тогда российское начальство имеет поступить с нами яко с врагами своими.

12. Всех родов здешних окружающих нас народов людей, приезжающих к нам с возмущением, чтобы мы от подданства и верности российскому государю отступили, сделались с ним союзниками, и при том России врагами, или с приглашением против русских на воровство и разбой, таковых мы обязаны тотчас же переловить и доставить в руки российского начальства. А ежели сего не исполнится и причинится вред России, тогда должны мы всемерно стараться отыскать соучастников наших в сем злоумышлении и выдать оных в руки российского начальства; ежели же и сего не исполним, тогда подвергаем себя все без изъятия наказанию яко изменники и нарушители общего спокойствия.

13. С теперешнего нашего жительства, находящегося при урочище, именуемом Назран, без позволения российского начальства мы отнюдь не должны никуда переходить и переселяться не только все, но даже и малым количеством семейства, а если против сего явим себя ослушниками и преступниками, то подвергаемся за то строжайшему наказанию.

14. Если бы случилось, что мы по легкомыслию все вообще нарушили сделанную нами в верноподданнической обязанности г. и. клятву и сделались через то изменниками и бунтовщиками, тогда начальство российское имеет справедливость поступить с нами точно так, как с своими неприятелями.

15. Для защищения нашего от врагов наших, по милости главного начальства здешнего, мы принимаем в селение свое часть российского войска, какая к нам будет поставлена, на которую провиант возить из кр. Владикавказской, дрова доставлять к их жилищу, больных солдат отвозить в кр. Владикавказскую мы обязуемся сами собой, на своих подводах, без платы.

16. Коль скоро будет поставлено к нам российское войско для защищения нашего от внешних неприятелей, с тем, что оно останется у нас навсегда, то вместе с тем тогда же должны мы сами для построения жилищ оному войску доставить потребный на оные строевой лес и прочие надобности на собственных наших подводах, без всякой заплаты.

17. Российскому войску, у нас находящемуся, отнюдь не должны из нас причинять никаких обид, притеснений и озлоблений, равно и оно нам таким же образом; в противном же случае как той, так и другой стороны виновники должны быть наказаны, смотря по вине, без понаровки.

18. Если бы случилось, против чаяния, что команде сего войска изъявляли мы какую неприязненность общую, похожую на заговор нашего возмущения, и причинится чрез то вред, тогда со всеми нами поступить, яко с неприятелями России.

19. Чтобы сохранить нам всю силу сего акта и соблюсти верность е. и. в. всемилостивейшему государю нашему, российскому императору, наследнику е. и. в., кто назначен будет, и интересам пользе е. и. в. принадлежащим, к общему спокойствию и благосостоянию нашему поставленным, мы, нижепоименованные лучшие и почетнейшие люди, с каждой фамилии по 10 чел., по обычаю нашему, по особому присяжному листу, перед всемогущим богом небесным и почитаемым нами за святость кумиром, находящимся в горах, именуемый Гольерд, утверждаемся клятвою и, наконец.

20. В залог твердейшей нашей верности к российскому престолу мы отдаем еще из оных наших 6-ти фамилий, по выбору российского начальства, в кр. Владикавказской находящегося, лучших почетнейших и сильнейших семейств 6 чел. аманатов на казенное содержание, которых и переменять чрез каждые 4 месяца, а при случае болезни оных и прежде.

Сей обязательный акт заключили мы с российским ген.-м. Дельпоцо и приложили перстные свои печати в кр. Владикавказской, августа 22-го дня 1810 года.

(Следуют имена тех же фамилий, которые обозначены под клятвенным обещанием).

Я, нижеподписавшийся, по силе, данной мне от главного над мною начальства власти и доверенности, по взаимному обоюдному согласию между мною и ингушевским народом, имеющим жительство в окружности кр. Владикавказской в деревне, находящейся при урочище, именуемом Назран, и прочих местах, составляющим цельный и никому независимый народ, состоящий из родов 6 фамилий: Торгимова, Цельмембохова, Агиева, Картугова, Ялулурьева и Хамхоева на основании данного ими мне сего 1810 года августа 22-го дня акта, е. и. в. всемилостивейшему государю моему, российскому императору Александру Павловичу и наследнику е. и. в., кто назначен будет, привел в совершенное на вечные времена подданство, с коего акта засвидетельствована и вручена мною им всегдашнего их уразумения при сем прилагаемая копия.

В воздание такового доброго всего ингушевского народа намерения, служащего залогом верности е. и. в. всероссийскому г. и. в. их ненарушимом спокойствии и доброй вере, в сохранении всех статей обязанности их в данном мне акте, я даю им с моей стороны сей акт в поручительство в том, что российское начальство по воле и милосердию всемилостивейшего государя моего всегда готово оказывать им в полной мере справедливость, защиту, выгоды и преимущества, как в следующих статьях означено.

1. Если ингушевский народ сохранит заключенные в обязательном их акте, данном мне, статьи свято и ненарушимо, российское начальство дает им для защищения от внешних их неприятелей российское войско, которое и должно находиться в деревне их Назран.

2. Закон веры идолопоклонения, ими содержимой, остается при них ненарушимым.

3. Землями и лесами пользоваться предоставляется им безвозбранно по правую сторону течения р. Терека.

4. Все продукты и изделия их собственного произведения продавать во Владикавказской крепости не возбраняется.

5. Во всех справедливых их просьбах и обидах, причиненных российскими подданными, доставлять правосудие и в полной мере удовлетворение.

6. Шесть человек аманатов их, содержащихся в кр. Владикавказской, содержать на казенном коште, полагая каждому в день по 25 к. медью.

7. Когда потребуется от них российским начальством против неприятелей здешних народов помощное из их общества войско 1000 чел. или по их собственному согласию более, таковому войску производить провиант на основании довольствия российского солдата; добыча, взятая ими у неприятеля, какого бы роду и звания ни была (не исключая и людей), представляется в пользу их неотъемлемо.

8. За всякого беглого солдата, которого они доставят в кр. Владикавказскую, платить им по 10 рублей сер.

9. Ежели будут приезжать к ним на куначеству чеченцы, карабулаки и прочие народы не для какого злого умысла для России, но для извещения о осторожности их от неприятелей, таковой прием сих приезжающих не доставлять им в вину.

Дан за подписанием и приложением герба моего печати в кр. Владикавказской августа 22-го дня 1810 г.

Подписал ген.-м. Дельпоцо.

Клятвенное обещание.

Во имя Бога Всемогущего!

Мы, нижепоименованные, ингушевского народа почетнейшие люди, приложившие перстные свои печати в том, что данный нами ген.-м. Дельпоцо обязательный акт в 20-ти статьях мы должны исполнять свято и ненарушимо, быть в вечном подданстве великого русского г. и. Александра Павловича и наследника его, который назначен будет: а буде нами или кем из общества нашего учинится тому противное, тогда обязуемся мы ответственность по силе того же акта, в заключение чего пред всемогущим богом и почитаемым нами за святость кумиром Гольерд, клянется под знаменами е.и.в.

Подписали:

Фамилия Торгимова: Добре, Цогал, Корцал, Мухаммед, Тамир, Али, Ахпот, Бузуржа, Мурзабек, Кафгири.

Фамилия Цельмембохова: Сакал, Тебо, Оздемир, Чочь, Добре, Мен, Эльмурза, Зоур, Кайвыр, Кото.

Фамилия Агиева: Чимурза, Хауце, Дол, Кайтуко, Жебар, Чора, Урцхан, Багец, Хуса, Ареби.

Фамилия Картугова: Аты, Шамат, Петрушка, Ноуруз, Кулбыш, Омар, Тачь, Хуса, Енец, Педи.

Фамилия Якурьева: Бота, Долотуко, Нагай, Дол, Туханке, Кой, Тембот, Абат, Ерале, Музур.

Фамилия Хамхоева: Умахай, Ахтол, Али, Мусал, Гора, Кайсан, Дулак, Моост, Бока, Орцхан.

(Акты Кавк. Археогр. Комиссии. Т. IV . Тифлис. 1870 г., док. 1382. стр. 899-901).

ЗА ОТЛИЧИЯ
в делах 30 июня 1858–1859 гг., при поражении главных сил Шамиля,
Знаком отличия Военного ордена
(Георгиевского креста – для мусульман)

НАГРАЖДЕННЫ:

Юнкеры:

Мальсагов Эльберд – 4-й ст. № 163
Абиев Мачи – 4-й ст. № 711
Дудаев Мудар – 4-й ст. № 1040
Гудиев Гуди – милиционер – 4-й ст. № 630
Дзагиев Дербич – 4-й ст. № 1055
Дзортон Мургуз – 2-й ст. № 107
Жабагиев Эльдани – 3-й ст. № 238
Джамиев Гони – 3-й ст. № 237

Старшины:

Альмурзиев Або – 4-й степени
Бузуртанов Каченк (Камек) – 4-й ст. и 3-й ст. № 144
Туриев Гурб – 3-й степени
Мальсагов Масак – 4-й ст. № 1056 (140-141)
(РГВИА, ф. 395, оп. 152, д. 706, л.1–3, 5–9).

За усмирение восстания в Ичкерии и Аргунского округа,
за уничтожение разбойных шаек:

Туриев Гурб – 4-й ст. № 141
Эсиев Парсель – 4-й ст. № 143
Балхоев Темирхан – 4-й ст. № 402
Боров Анзор – старшина Джерахского округа – 4-й ст. № 397

Юнкеры:

Наурузов Маги – 2-й ст. № 102, 1-й ст. № 67
Арсамаков Алихан – 4-й ст. № 712
Гатагажев Алихан – 4-й ст. № 713
Мальсагов Мовсар – 4-й ст. № 397

Милиционеры:

Куриев Муса – 4-й ст. № 139

Наурузов Эльмурза – 3-й ст. № 6

Дахкильгов Дуланх – 3-й ст. № 234

Ротмистр Мачиев – 2-й ст. № 103

(А.У. Мальсагов «Ингуши. Краткая история, и их участие в войнах России». Рекламно-информационной агентство на КМВ, 2005, с. 141); (РГИАП, ф. 1268, оп. 1, д. 311 б).

Высочайшие указы

Высочайшими Именными Указами, данными Капитулу Российских императорских и Царских Орденов, Всемилоостивейше пожалованы кавалерами ордена Св. Анны нижеследующие лица:

Мая 24 день – в воздаяние за отличное мужество и храбрость, оказанные 7 сентября прошлого года, при покорении враждебного Акинского аула Веурхо, знаками ордена Св. Анны третьей степени с бантом для мусульман установленными: Назрановского общества, деревни Мартазановой, Прапорщик Дошлуко Гамурзиев и четвертой степени с надписью «За храбрость!», Галгаевского общества, деревни Карт, Прапорщик Джанчора Беккузаруков» (*Газета «Кавказ». 1849, № 27).*

Высочайшими Именными Указами, данными Капитулу Российских императорских и Царских Орденов, Всемилоостивейше пожалованы кавалерами ордена Св. Анны нижеследующие лица:

В тот же день (7-го июля). В награду за отличное мужество и храбрость, оказанные в деле против Горцев, 13 октября 1848 года, в Малой Чечне, знаками ордена Св. Анны четвертой степени с надписью «За храбрость!», для мусульман установленным: прикомандированные к 1-му Сунженскому Линейному Казачьему полку поручики: Состоящие по кавалерии Таир-бек Исламов и Ростом Маршани» (*Газета «Кавказ». 1849, № 34).*

**Его Сиятельству Военному Министру
господину генералу от кавалерии генерал-адъютанту
Князю Александру Ивановичу Чернышеву.
Выбранных от Назрановского общества и
части Карабулаков поверенных в конце значущихся**

ПРОШЕНИЕ

В 1810-м году мы, Ингушевский народ вольный и ни от кого независимый, поселясь около урочища Назрана (от [которого] приняли название Назрановцев) по приглашению российского генерал-майора Дельпоцо, чрез посредство почетнейших Старшин наших решились добровольно и единодушно вступить в подданство Российского Императора.

Присягнув в том же году на верноподданство Его Величеству, как отцы наши, так и мы сами стараемся с тех пор сохранять обет нами данный пред Всемогущим Богом, зная с одной стороны сколь велика сила Русской Империи, и сколь неисчислимы милости Государя Императора нашего, с другой, какою участью мы пользуемся в сравнении с единоплеменниками нашими, которые в ослеплении своем еще не потягают выгод повиновения справедливой законной власти.

Живя более 30 лет на рубеже владений Российской Империи с непокорными горцами, мы, несмотря ни на какие смутные времена, ни на какие угрозы, нападения и опустошения, делаемые в земле Назрановской нашими общими неприятелями – непокорными горцами, остаемся верными присяге однажды нами произнесенной, проливали неоднократно кровь свою за верность Престолу, сражались не раз с своими родственниками и при помощи великого Бога, русского оружия и верность в справедливости принятой нами стороны оставались всегда победителями. Так, в 1812-м году возмутитель Кабардинский Князь Албахсит Мулдаров и Уздень его Албахсит Абаев в числе до 30 000 нападали на нашу землю три раза, имели намерение напасть на Владикавказ, то были прогнаты Назрановцами, которые при этом случае убили у неприятеля 80, взяли в плен 60 человек и 88 лошадей, в том числе убили самого Князя и его Узденя, а скопище преследовали до реки Оссы.

Неприяженные нам горцы – Чеченцы, Кабардинцы и другия племена, раздраженные нашею победою, а еще более, тем, что мы одни остались верны Престолу при общем восстании, чрез три месяца после

этого дела опять собрались более 30 000 и напали на Назрановцев; бой продолжался три дня с упорным ожесточением и однако же Назрановцы, несмотря на превосходство сил неприятеля, восторжествовали, потеряв 38 человек убитыми, 99 ранеными, а неприятель, разбитый, увез убитых и раненых на 300 арбах. Осенью того же года неприязненные народы нападали на Назрановцев, неоднократно имели с ними дела, мы потеряли еще 80 человек убитыми, а со стороны неприятеля потеря составила до 200 человек. Таким образом, начиная с 1812 года до сих пор Назрановцы или сами дрались, защищая свою собственность и пределы нового своего отечества, или под знаменами русскими в звании милиционеров участвовали при усмирении непокорных Горцев и находились в восемнадцати сильных сражениях под предводительством разных командиров отрядов; проливая кровь для пользы Правительства, нигде не заслужили порицания, а более удостоивались милостивого внимания начальства и щедрых наград Великого нашего Монарха за отличную храбрость, оказываемую народом нашим в делах против Горцев.

Наконец, в прошлом 1841 году когда Чеченцы, Карабулаки и другие соседи наши, обманутые лживыми обещаниями возмутителя Шамиля, отложились от подданства Русской державе, мы непоколебимо и ревностью продолжаем служить Государю Императору. 6, 7 и 8-го апреля сам возмутитель Шамиль с огромным скопищем окружил землю Назрановскую, тщетно старался он обольстить нас разными обещаниями, напрасно; видя нашу твердость, разорил наши жилища, уничтожил хлеб наш и, наконец, решась открыть сражение, направил на нас друзей и родных наших Карабулаков, и несмотря на это, Шамиль не мог восторжествовать, дружба, родство — все было нами забыто при мысли о долге присяги; 3 дня под Начальством любимого нами начальника Полковника Нестерова сражались мы брат против брата, не щадя жизни, и хотя со значительной потерей, однако одержали верх.

Но если Назрановцы, одушевленные преданностью Монарху, чувствуя пользу соединения с Россиею, и оказали некоторые мужества, то и милости щедрого Великого Государя превзошли все наши ожидания, общество наше удостоилось получить награду, которой завидуют все горские народы — знамя. С лишком 60 человек более других отличившихся удостоились получить чины, кресты, деньги и медали, мы чувствуем благодать Государя Императора, чувствуем, что награждены с лишком сверх заслуг наших, и вот почему обращаемся к Вашему Сиятельству с всепокорнейшею просьбою: доставить нам случай самим в лице избранных нами 8-ми почетных Старшин принести в С.-Петербург Великому Монарху изъявление нашей верноподдани-

ческой признательности за те милости, которые изливались на нас до сих пор от щедроты Его Величества, мы сохранили глубокозапечатленными в сердцах наших Священные слова, изреченные Государем Императором в проезде Его Величества чрез Владикавказ; что, если кто осмелится изменить своему долгу, тот лишится навсегда Великой Его милости. Прошедшие дела наши ручаются Вашему Сиятельству за то, что мы еще не лишили себя счастья пользоваться милостями Государя в будущем, хотя будущее известно одному Богу, надеемся, что те же чувства будут одушевлять нас и детей наших. И если мы удостоимся счастья предстать пред лицом любимого Монарха, то мы просим ходатайства Вашего Сиятельства в пользу нашу, что вы за все бедствия, за все потери, претерпленные нами в продолжении 30 лет от беспрерывных войн с хищниками-соседями нашими, Государь Император воззрел на нашу бедность, в которой Ваше Сиятельство лично сами изволите удостовериться, чтобы за кровь, пролитую нами в это долгое время, мы, Назрановцы, и Карабулаки, оставшиеся верными своей присяге, были на будущее время освобождены от платежа податей, в случае, если таковые будут налагать на нас или потомков наших. Чтоб занимаемую нами теперь землю Правительство утвердило за нами и родом нашим на вечные времена, чтобы избавили нас от ответственности за открытие следов хищников, проходившим мимо аулов, с которыми мы не знаем и которых мы всегда не можем укараулить, как они пробираются в ночное время в Русские пределы и к соседям нашим Осетинам, и наконец, чтобы родственники наши, высланные из отечества в Россию за маловажные проступки, были возвращены по рассмотрению справедливого нашего Начальства – в этом всем заключается прошение наше, которое представляет милостивому вниманию Вашего Сиятельства Назрановский и часть Карабулакской народы теперь всем обществом чрез почетных Старшин своих.

Назрановские Старшины

Прапорщики:

Гайты Мальсагов

Ганжибей Мальсагов

Чамик Марзабеков

Джанход Бриков

Арапхан Зауров

Батырмурза Чириков

Неимеющие чинов:

Дошлуко Гамурзов

Абат Абаев
Этги Марзабеков
Черно Амирханов
Орусхан Мальсагов
Аба Чеджев
Тор Ханиев
Бурсук Мальсагов
Дудур Добриев
Дотга Джантигов
Аксак Гуриев
Калимет Ведзишев
Бирляч Дидигов
Ахмет Добриев
Олмаз Газгиреев
Хусейн Нальгиев
Бузуртан Итиев
Дош Цукуев
Арсамак Дудыров
Гантимир Битиев
Гачит Шишботов\Кулбиш Дзамурзиев
Дзагик Хашельгов
Антимир Экажев

Карабулакские Старшины

Прапорщик

Седи Даурбеков

Неимеющие чинов:

Кумык Темиров
Умур Гагиев
Тузурук Надзыгов
Баташ Булгучев
Алажуко Цугов
Умур Бугучев
Плаз Чорильгоев
Эльмурза Наурузов

С подлинным верно,

Коллежский асессор Ю. Арсеньев

(РГИА. Ф. 1268., оп. 1., д. 6, лл.1–8)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о дате единения Ингушетии с Россией

В связи с обращением Республиканской научной конференции по вопросу «Обоснование исторической даты единения Ингушетии с Россией» и с особой значимостью для народа Ингушетии установления даты единения Ингушетии с Россией, а также на основании представленных материалов Народное Собрание Республики Ингушетия постановляет:

1. Признать 17 марта (4 марта по старому стилю) 1770 года датой единения Ингушетии с Россией.

2. Обратиться к Президенту Республики Ингушетия в соответствии с пунктом 18 статьи 70 Конституции Республики Ингушетия установить 17 марта праздничным днем и проводить торжества по случаю этой даты в годы, кратные пяти.

3. Рекомендовать Правительству Республики Ингушетия принять необходимые меры по увековечению даты единения Ингушетии с Россией.

4. Направить настоящее Постановление Президенту Республики Ингушетия, в Правительство Республики Ингушетия и в средства массовой информации Республики Ингушетия.

5. Настоящее Постановление вступает в силу со дня его принятия.

Председатель Народного Собрания
Республики Ингушетия

М.С. Сакалов

г. Магас

25 марта 2004 г.

№ 68

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Совмина СССР от 05.03.1982 № 183
об ограничении прописки граждан в Пригородном районе
Северо-Осетинской АССР

Текст документа по состоянию на июль 2011 года

Совет Министров СССР

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Установить в качестве временной меры, что в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР не подлежат прописке граждане, вновь прибывающие на постоянное жительство, за исключением лиц, указанных в пункте 1 Постановления Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. № 678 «О некоторых правилах прописки граждан».

Предоставить право исполнительному комитету Пригородного районного Совета народных депутатов Северо-Осетинской АССР, в виде исключения, при наличии уважительных причин разрешать в отдельных случаях прописку граждан, на которых распространяются указанные ограничения.

2. Не подлежат прописке в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР лица, подпадающие под ограничения, предусмотренные пунктом 5 Постановления Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. № 678.

3. Оформление договоров купли-продажи, мены и дарения жилых домов (части домов), принадлежащих гражданам на праве личной собственности в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР, производится в установленном законом порядке по согласованию с исполнительным комитетом Пригородного районного Совета народных депутатов.

Председатель
Совета Министров СССР

Н. ТИХОНОВ

Управляющий Делами
Совета Министров СССР

М. СМИРТЮКОВ

О ПРОШЛОМ НАЗРАНИ

Наш предок Кинда вышел из страны Шам-Сирии и поселился в Ингушетии. Шоа, сына Кинды, женили на дочери Сеска Солсы. Затем, по прошествии от Кинды шести поколений, родились три брата: Эга, Хамхи и Таргим. Они поселили на своих землях людей и заставляли их платить дань. Со временем трое братьев разделились. Один ушел жить в Таргим, другой – в Хамхи. Эга остался на месте. Затем размножилось их потомство и потомство поселенных ими людей. Жить им вместе стало тесно.

Трое знаменитых братьев сделали своим четвертым братом Евло. Прошло время, и потомки этих четырех братьев собрались вместе и стали решать, что делать, ибо жить им стало очень тесно. Договорились они и переселились жить в Ангушт. Там они прожили определенное время. И там им стало тесно. Вскоре люди решили поселиться на том месте, где теперь находится город Назрань, так как эта земля была тогда свободна, а жившие там когда-то черкесы еще ранее покинули ее и ушли далеко. «Как мы поселимся в Назрани? – стали думать люди и порешили. – Мы не сможем обосноваться, если не заручимся защитой Магомета-хаджи». Магомет-хаджи был имамом, пришел он с востока. За ним стояло много людей. Выселяющиеся на новые места люди выдвинули своим предводителем Карцхала Мальсагова, сына Орцхо, и сказали ему: «Трудись для нас».

Потрудился Карцхал и привел Магомета-хаджи с войском, который сказал людям: «Основывайте село на этом месте. Если кто нападет на вас, тому от меня будет больно». Пожелав благ, Магомет-хаджи и его воины ушли.

В честь этого события люди произвели обряд заклания белого быка с черной головой. Бывшие при этом заклании вернулись в Ангушт и сказали: «Мы теперь имеем право основать свое село». Люди не желали выселяться, так как боялись. Тогда провели совет страны и выбрали восемь родов, а от каждого рода по жребию отделили по десять дворов. Всего набралось восемьдесят дворов.

С ними был и мой отец. Они поселились по долине, идущей от башни Овлурга, и основали Назрань. Мирно прожили они там три года. Этим временем туда подселились дворы из именитых людей, и стало в селе более ста дворов. Как-то войско Магомета-хаджи – он сам не был с ним – шло в поход на Кабарду. Оно остановилось в Назрани. Воины

его убили одну лающую на них собаку. Потом войско ускакало в Кабарду. На обратном пути войско вновь вошло в село. Привязав своих коней, воины расположились обедать. Когда все они были заняты едой, Карцхал и молодежь села выбежали из своих домов и стали избивать их. Назрановцы разогнали все войско Магомета-хаджи.

Воины, уходя, захватили и ограбили село Батоко-Юрт. Двигаясь от туда, они погнали вперед себя всю скотину, что паслась близ Назрани. Тогда жители Назрани бросились за ними в погоню, вновь побили их воинов и отобрали все, что у них было. Остатки воинов назрановцы прогнали через те места, где сливаются реки Яндырка и Сунжа.

Вернувшись к себе, войско стало жаловаться Магомету-хаджи: «Ты сделал плохо для нас, посадив нам в засаду клыкастого кабана». Услышав это, Магомет-хаджи поклялся: «Создавшим меня Богом клянусь, что взрослых мужчин перебую, остальных уведу в плен, а Назрань развею в прах и пушу по ветру!».

Магомет-хаджи собрал воинов от всех народов, что живут вокруг, начиная от моря и до гор, и двинулся на Назрань, чтобы завоевать ее. Начиная от мавзолея Борга-каш и почти до Назрани тянулось его войско. За Магометом-хаджи было столько людей, что негде было упасть брошенной вверх шапке.

В те времена вокруг Назрани были большие леса. Сквозь них не мог продаться и олень. Леса простирались по всей Сунже. Лишь забрезжил рассвет, глянули люди и увидели большое войско от мавзолея Борга-каш и далее от него.

Сразу же собралось все село. Затем молодежь попросила Карцхала: «Когда войско войдет в село и начнут плакать и причитать наши женщины и дети, мы не сможем сразиться. Дай нам пойти навстречу врагам и с честью погибнуть». Заплакал тогда Карцхал: «Неужели Назрань, что мы основали, надеясь на хорошую жизнь, должна обagrиться нашей кровью и развеяться по ветру?». Он разрешил молодежи выступить против врага.

Защитники пошли по пойме Сунжи и притаились на склоне горы. В это время Магомет-хаджи и стоявший рядом с ним князь Шу обдумывали, как лучше направить войско на село. Среди вышедшей защитить свое село молодежи был старый охотник Чомак, сын Чожа. Он крикнул врагам: «Везде, где есть овраги или лощины, мы сожжем вас серным синим пламенем». Затем он выстрелил и уложил князя Шу, который стоял вблизи Магомета-хаджи. Со склона молодежь стала палить по вражескому войску. Все выстрелы молодежи достигали цели, выстрелы же врагов ее не достигали. Защитники сидели словно в башнях.

Поняв, что им не одолеть напавший отряд, войско врагов разделилось на три части и за час до захода солнца ринулось в село.

В селе на четырех сваях стояла башня-вышка Тоды. В ней засели Карцхал и другие люди – всего восемь человек. Они стали стрелять из нее. Ответными выстрелами враги убили из них четверых. Оставшиеся в живых телами убитых закрыли все проемы башни и высыпали весь порох на разостланную бурку. Двое заряжали ружья, Карцхал стрелял по врагам.

Из одной землянки тоже велся огонь по врагу. Это стрелял Ботка, сын Акбе, родом из Зауровых. Не видя возможности победить и находясь под двойным обстрелом, нападающие притаились у заборов, сараев и под сапетками. Они сумели поджечь вышку. Из нее выпрыгнули трое и остались невредимыми.

В этом селе в землянке жил слепой Тиймаж. «Наверное, и в ней затаился какой-нибудь кабан», – подумал один из врагов и сунул голову в землянку.

Тиймаж наугад ударил его топором по голове и убил.

Тем временем, стемнело. Тогда враги покинули Назрань. Из защитников погибло тринадцать человек, остальные стали готовить оружие и порох. «Завтра в бою все погибнем», – думали они.

Перед рассветом Карцхал послал людей в разведку в разные стороны, чтобы узнать, откуда враг начнет нападать. Посланные в одну сторону привели семерых пленных. Оказывается, враги воспользовались темнотой и удрали, сняв осаду, остались лишь те, кто заблудился в лесах.

Когда Магомет-хаджи собирался в поход, он говорил: «Я завоюю Назрань». Тогда сидевший рядом с ним муталим, говорят, сказал: «Я дам свою голову на отсечение, если услышу, что Назрань покорена».

После позорного ночного бегства вражеское войско проходило через село Фарта. В нем жила красавица Ака Тотам. Она спросила об их делах у Магомета-хаджи и его воинов. Не ответив на ее вопросы, они молча ушли своей дорогой. Стала она расспрашивать у воинов второго отряда. Но и они не дали ей ответа. В третий раз она спросила у одинокого всадника:

– Что получилось у вас? Почему воины ваших отрядов идут с опущенными головами?

Всадник ответил ей:

– Не одолели мы противника. Отовсюду, где были овраги или лощины, нас выжигали серным синим огнем. Клянусь тебе, из наших ста

восьмидесяти арб ни одна не возвращается, чтобы не лежал хотя бы один убитый или раненый.

Тогда Ака Тотам, говорят, сказала:

– Я готова выйти за любого назрановца, даже если он будет ростом с вершок!

Враги ушли. Вскоре наибы имама создали новый отряд и двинули его на Назрань. Теперь враги имели пушку, сделанную из дубового ствола, обитого железными обручами.

Со звуком «хар-р-р» вылетали ядра и, не долетая до Назрани, скатывались в низины. От их шума – а он становился все громче – люди проснулись и вышли из своих домов. Назрановцы собрались и вновь отбили врагов.

Время шло, Карцхала не стало. Отцом Назрани теперь стал Гейтий, сын Бятара. Он пошел и привел русское войско и заложил крепость с пушками. Назрань укрепилась. Русские стали прибывать и основали в стороне от Назрани город Владикавказ. Затем со своим отрядом на назрановцев напали черкесские князья Албаст и Элжарко. Назрановцы их убили. После этой победы царь наградил ингушей почетным знаменем.

(Рассказал Аушев Довт, 80-ти лет. Записал Магомед Керимович Аушев. Опубликовано: «Говзаме йоазош». Глалгай литературни юкъарала гулам. Издательство «Сердало». Буро (Владикавказ, 1931, с. 23–26).

ПРОКЛАМАЦИЯ КНЯЗЯ А.И. БАРЯТИНСКОГО

Александр Иванович БАРЯТИНСКИЙ, (14.05.1815 – 1879), князь, генерал-фельдмаршал.

Практически вся карьера Барятинского прошла на Кавказе, его воинские заслуги были отмечены орденами св. Георгия 4-й, 3-й и 2-й степени. Будучи назначенным главнокомандующим Кавказской армией и кавказским наместником, Барятинский покорил весь Восточный Кавказ (Чечню и Дагестан) и пленил ШАМИЛЯ. В отличие от предшественников, победы князю дались малой кровью, так как он не полагался слепо на военную силу, а учитывал обычаи горцев, умело играл на противоречиях в их среде, стремился дать им шанс в мирной жизни. Не случайно победитель и пленник относились с уважением друг к другу.

В своей Прокламации чеченскому народу (1860) Барятинский провозглашал: «Я желаю, чтобы вы воспользовались спокойною жизнью, отныне все силы ваши, которые столько лет тратили на разоряющую вас войну, обратите к мирным занятиям, как-то: к разработке полей, к ремеслам и торговле... Не имейте более никаких опасений и сомнений насчет вашей будущности. Вы отныне должны быть убеждены, что ваша вера, ваша собственность и ваши обычаи остаются неприкосновенными. Один только обычай кровомщения, как противный Богу и наносящий неисправимый вред лицам, должен быть уничтожен между вами. Каждый из вас, совершивший убийство вследствие канлы, будет судим по русским законам и подвергнут наказанию по определению суда».

Прокламация

При окончательном покорении Чечни и Дагестана я объявил уже вам изустно, что ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ в бесконечной милости своей, великодушно даровал прощение чеченскому народу за все враждебные его действия против нас в продолжение более 20 лет, за пролитую кровь Русских, за вред и убытки, причиненные нам во время войны.

Подтверждаю ныне письменно мои слова и объявляю снова, что все случившееся в продолжение этой бедственной для народа войны должно быть забыто навсегда. Отныне ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕ-

ЛИЧЕСТВО, распространя на вас Свою благодать и попечения, наравне с другими своими подданными, дарует вам следующие милости:

Каждый из вас может свободно отправлять свою веру и никто не будет вам препятствовать исполнять обряды ее.

От вас никогда не будут требовать рекрут и никогда не обратят вас в казаков.

Все земли и леса на плоскости, где жил чеченский народ до возмущения 1839 года, будут отданы вам в вечное владение, исключая тех, которые заняты под укрепления с принадлежащими к ним покосными местами; эти земли навсегда остаются собственностью казны. Те же земли и леса в горной полосе, которыми народ до возмущения не пользовался и откуда вышел при нынешней покорности, останутся в запасе в распоряжении Правительства; но на них не предлагается поселять ни казачьих станиц, ни чеченских аулов.

Вам отведутся земли на каждый аул соразмерно числу жителей и каждому аулу будет дан акт и план на вечное владение землей.

Земли, подаренные Правительством, и те из не занятых никем земель, которые впредь могут быть одарены частным лицам за заслуги, останутся навсегда неотъемлемой их собственностью.

Правители, поставленные над вами, будут управлять вами по адату и шариату, а суд и расправа будут отправляться в народных судах, составленных из лучших людей, которые будут избираемы вами и назначаемы в должности с согласия ваших начальников.

Снисходя к бедному положению народа, потерпевшего от разорения войной, Правительство освобождает вас от взноса податей на пять лет, с тем, чтобы вы в течение этого времени устроили свое хозяйство, отдохнули и вообще поправились в домашнем быту. По истечении же льготного срока (т. е. пять лет) вы обязываетесь уплачивать подать с каждого дыма по рублю.

На первое же время вам предстоит только назначать содержание вашим аульным старшинам и другим должностным лицам в аулах в таком размере, какой вы сами признаете справедливым по вашему общему совещанию, в вознаграждение за службу их вашему обществу.

Точно так же в течение пяти лет мы освобождаем вас от обязанности выставять милицию, вы будете только назначать людей для рассылки бумаг и приказаний и для караула при арестантах в аулах и в дороге. Когда же пройдут льготные лета, то вместо назначения людей, каждый раз по особому требованию, вы обязываетесь выставять в постоянное распоряжение ваших начальников не более как по одному конновооруженному человеку с каждых 100 сажень, на полном содер-

жании обществ, наймом или по очереди, как вы сами найдете для себя, по общему совещанию, лучшим. Эти люди будут постоянно находиться при ваших начальниках для рассылок, для караулов при арестантах и для поддержания порядка и спокойствия в крае.

Объявляя вам эти милости, я желаю, чтобы вы воспользовались спокойною жизнью, отныне все силы наши, которые столько лет тратили на разоряющую вас войну, обратите к мирным занятиям, как-то: к разработке полей, к ремеслам и торговле.

Каждому из вас, кто пожелает, можно будет заниматься ремеслами и торговлей на общих основаниях, предоставленных для всех подданных Русского Императора; вам теперь открыт путь во все места за Сунжу и Терек, где вы найдете для себя промысел, для произведений ваших сбыт.

В стране вашей войска разрабатывают дороги, по которым вам будет легко провозить все, что вы отправите для продажи. Вы скоро сами убедитесь в пользе для вас этих дорог; но чтобы они всегда были полезны, надобно поправлять их, чинить мосты и не давать зарастать лесам, вырубленным войсками; это будет лежать на вашей обязанности.

Повинуйтесь назначенным над вами начальникам; преследуйте, ловите и выдавайте преступников и беглых, не скрывая их ни под каким предлогом, и назначайте от себя по очереди людей для того, чтобы караулить их в аулах и отводить их в другие места, по назначению начальников. Это главное, что мы от вас требуем для вашего же собственного спокойствия. Никто лучше вас самих не может знать тех людей, живущих между вами, которые любят разбой и грабеж, и никто лучше вас не может узнать о прибытии в край таких людей из других мест; а потому мы возложим ответственность за убийство и грабежи на те аульные общества, на земле которых они будут случаться.

При прохождении войск через ваши земли мы будем иметь надобность в подводах от жителей. Число этих подвод будет назначаться главными начальниками, сколько возможно без обременения для вас, и за каждую подводу, сверх положенного для войск по закону числа оных, вам будет выдаваться от казны определенная плата. Справедливое распределение подвод между жителями по очереди будет возложено на сами общества, под наблюдением наивов, и правильность распределения будет поверяться народным судом.

Для сохранения лесов от истребления должно назначить в каждом ауле особые лесные участки и запретить порубку их без дозволения общества. В тех лесах, в которых рубка будет производиться свободно, должно установить денежный сбор по приговору народного суда, для того чтобы собранные деньги употреблять на содержание школ и

на пособие бедным, пострадавшим от пожара или других несчастных случаев. Деньги эти будут храниться в народном суде и за правильным их употреблением будет учрежден надзор.

Вот все, что вы обязаны будете исполнять; и ничего более того, о чем я вам теперь объявляю, от вас требовать не будем. Не имейте более никаких опасений и сомнений на счет вашей будущности. Вы отныне должны быть убеждены, что ваша вера, ваша собственность и ваши обычаи остаются неприкосновенными. Один только обычай кровомщения, как противный Богу и наносящий неисправимый вред лицам, должен быть уничтожен между вами. Каждый из вас, совершивший убийство вследствие канлы, будет судим по русским законам и подвергнут наказанию по определению суда.

Вы скоро сами поймете пользу уничтожения этого дикого обычая, и когда увидите, что Правительство твердо охраняет ваше спокойствие, станете просить сами об изменении некоторых и других обычаев ваших, не сообразных с настоящим положением вашим.

Сельские муллы и кадии обязываются прочесть это объявление при мечетях столько раз в дни джумы, чтобы оно сделалось известным всему народу, и верно объяснить содержание его на местном языке.

При этом предвещаю, что если бы за сим явились между вами злонамеренные люди, которые стали бы тревожить народ ложными и превратными толками, то они подвергнутся самому строгому наказанию, без малейшей пощады.

Главнокомандующий Кавказскою армией и
Наместник Кавказский,
Генерал-Фельдмаршал

А.И. Барятинский

ДЕКЛАРАЦИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ ЧЕЧЕНО-ИНГУШ- СКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики, выражая волю народа Чечено-Ингушетии, сознавая историческую ответственность за судьбу чеченского и ингушского народов и их национальной государственности, уважая права и интересы представителей всех национальностей, проживающих в Чечено-Ингушетии, в целях создания условий для полноценного политического, экономического, социального и культурного развития народа, торжественно провозглашает государственный суверенитет Чечено-Ингушской Республики на всей ее территории и заявляет о решимости создать демократическое правовое государство.

СТАТЬЯ 1. Чечено-Ингушская Республика есть суверенное государство, созданное в результате самоопределения чеченского и ингушского народов. Суверенитет Чечено-Ингушской Республики естественное и необходимое существование государственности Чечено-Ингушетии.

СТАТЬЯ 2. Государственный суверенитет Чечено-Ингушской Республики провозглашается во имя высших целей обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь и свободное развитие.

СТАТЬЯ 3. Носителем суверенитета и источником государственной власти в Чечено-Ингушской Республике является ее многонациональный народ, который осуществляет государственную власть непосредственно и через представительные органы на основе Конституции Чечено-Ингушской Республики.

СТАТЬЯ 4. Все граждане республики, независимо от их происхождения, социального и имущественного положения, религиозных убеждений, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, политических взглядов, рода и характера занятий, равны перед Законом Чечено-Ингушской Республики.

СТАТЬЯ 5. Гражданам Чечено-Ингушской Республики и лицам без гражданства, проживающим на территории Чечено-Ингушетии, гаран-

тируются права и свободы, предусмотренные Конституцией Чечено-Ингушской Республики и общепризнанными нормами международного права.

Представителям всех народов, проживающим в Чечено-Ингушской Республике за пределами своих национально-государственных образований, обеспечиваются их законные политические, экономические, этнические и культурные права. Чечено-Ингушская Республика проявляет заботу и принимает меры по охране и защите законных интересов граждан Чечено-Ингушской Республики, представителей чеченского и ингушского народов, находящихся за пределами республики.

СТАТЬЯ 6. Чечено-Ингушская Республика гарантирует всем гражданам, политическим партиям, общественным и религиозным организациям, массовым движениям, действующим в рамках Конституции Чечено-Ингушской Республики, равные права.

СТАТЬЯ 7. Ни одна политическая партия, общественная организация, а также группы или отдельные лица не могут выступать от имени народа Чечено-Ингушской Республики. Исключительное право выступать от имени народа Чечено-Ингушетии имеет только Верховный Совет высший орган власти Чечено-Ингушской Республики.

Верховный Совет может принять к своему рассмотрению любой вопрос государственной и общественной жизни республики.

СТАТЬЯ 8. Разделение законодательной, исполнительной и судебной властей является важнейшим принципом существования Чечено-Ингушской Республики как правового государства.

СТАТЬЯ 9. Чечено-Ингушская Республика заявляет о своей приверженности общепризнанными принципами международного права и готовности жить в мире и согласии со всеми народами, принимать меры к недопущению конфронтации в международных, межреспубликанских и межнациональных отношениях, отстаивая при этом интересы народа Чечено-Ингушетии.

СТАТЬЯ 10. Чечено-Ингушская Республика считает недопустимым проявление в какой бы то ни было форме дискриминации личности и актов геноцида по отношению к любому народу. Осуждая проявленный в прошлом акт геноцида в отношении чеченцев и ингушей и других народов СССР, Чечено-Ингушская Республика оставляет за собой право на возмещение морального и материального ущерба, причиненного республике и ее народу в 1944-1957 годах.

СТАТЬЯ 11. Земля, ее недра, воздушное пространство, водные и другие природные ресурсы на территории Чечено-Ингушской Республики являются исключительной собственностью народа Чечено-Ингушетии, который обладает неотъемлемым и безраздельным правом на владение, пользование и распоряжение ими. Весь экономический и научно-технический потенциал, созданный на территории республики, является национальным достоянием и составляет экономическую основу ее государственного суверенитета.

СТАТЬЯ 12. Чечено-Ингушская Республика решает вопросы охраны окружающей среды, использования природных ресурсов и обеспечения экономической безопасности и оставляет за собой право на возмещение ущерба, нанесенного республике добычей и переработкой нефти.

Предприятия, учреждения, организации, независимо от их ведомственной принадлежности, а также лица, независимо от их гражданства, за нарушения установленного порядка природопользования несут ответственность в соответствии с законом.

СТАТЬЯ 13. На территории Чечено-Ингушской Республики допускаются свободное предпринимательство, различные формы хозяйствования на земле, иная деятельность, не запрещенная законом, приносящие пользу народу Чечено-Ингушетии, удовлетворяющие его материальные и духовные потребности.

СТАТЬЯ 14. В целях строительства демократического общества, успешного функционирования народнохозяйственного комплекса, обеспечения безопасности, обороны, проявляя уважение к суверенным правам всех народов, придерживаясь принципов самоопределения наций, добровольности и равноправия. Чечено-Ингушская Республика, вступая в договорные отношения с другими республиками, государствами и союзом государств, сохраняет всю полноту власти на своей территории.

Вопросы, отнесенные к современному ведению субъектами договоров, решаются на основе равноправия.

Договоры о содружестве, сотрудничестве с суверенными республиками, государствами, союзом государств Чечено-Ингушская Республика будет заключать только на основе интересов народа Чечено-Ингушетии.

СТАТЬЯ 15. Для обеспечения политических, экономических и правовых гарантий суверенитета Чечено-Ингушской Республики уста-

навливается верховенство Конституции и законов Чечено-Ингушской Республики на всей ее территории.

СТАТЬЯ 16. Любые попытки неконституционным путем изменить государственный строй в Чечено-Ингушской Республике являются тягчайшим преступлением против ее народа.

СТАТЬЯ 17. Территория Чечено-Ингушской Республики не может быть изменена и использована без ее согласия.

Чечено-Ингушская Республика подтверждает справедливое требование ингушского народа о восстановлении национальной государственности и необходимость решения вопроса возврата территорий, принадлежащих ему и отторгнутых в результате сталинских репрессий Пригородного района и части территории Малгобекского района в пределах их бывших границ, а также правобережной части г. Орджоникидзе (Владикавказа). Союзный договор будет подписан Чечено-Ингушской Республикой после решения вопроса возврата отторгнутых территорий Ингушетии. Территориальные споры Чечено-Ингушской Республики с другими республиками решаются только путем переговоров. Чечено-Ингушская Республика самостоятельно определяет свое административно-территориальное и национально-территориальное деление.

СТАТЬЯ 18. Чечено-Ингушская Республика имеет атрибуты суверенного государства: гражданство, герб, флаг, гимн и столицу.

СТАТЬЯ 19. Настоящая Декларация является основой для разработки новой Конституции Чечено-Ингушской Республики и вступает в силу с момента ее принятия.

Декларация принята на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики 27 ноября 1990 года.

ЧЕЧЕНСКИЕ БАШНИ

В отличие от культовой архитектуры, башенная культура нахов в этот период очень бурно развивается, совершенствуется строительная техника, жилые и боевые башни получают классические, завершенные формы, возникают башенные комплексы. Расцвет башенного строительства в Чечне приходится на XV–XVII века, в Ингушетии – на XVII–XIX века. На этом фоне деградация архитектурных форм культовых сооружений кажется очень странной.

Бойницы для ружей – тоьпан Ёуьргаш – появляются в боевых башнях не ранее XVI века. Они довольно большие, по сравнению со смотровыми щелями, и имеют наклон вниз. Но при всем том ясно одно – бойницы не могут быть единственным основанием для датировки времени строительства башни, так как в некоторых башнях смотровые отверстия позднее были расширены для стрельбы из ружей. Но при этом сами башни не перестраивались.

Оборона поселений не сводилась только к войне в башнях, которые играли роль опорных и наблюдательных пунктов. Для ведения боя использовались и крыши жилых башен, и оборонительные стены, и рельеф местности. Если же в селении было несколько оборонительных башен, то они выстраивались так, что замыкали все пространство вокруг него, практически не оставляя мертвых, не простреливаемых зон.

Замки и цитадели

В процессе эволюции строения, состоящие из боевой и жилой башен, перерастают в замки, обнесенные каменной стеной. Их появление в горной Чечне связано с социально-классовой дифференциацией общества.

В работах многих авторов утверждается мысль о том, что различные фортификационные сооружения в горной Чечне были порождением родового строя, являясь собственностью рода или тейпа. Народные предания и исторические источники связывают строительство замков и крепостей с именами местных феодалов. Так, например, крепость в селении Кезеной, согласно фольклорным материалам, была построена правителем Чеберлоя Алдам-Гези, присланным сюда из Нашха Мехкхелом. Сооружения, расположенные на горной скале, обнесены высокой стеной протяженностью почти сто метров. Внутри крепости со-

хранился фундамент боевой башни. Крепость Алдам-Гези, вероятно, построена в XV–XVI веках, в эпоху массовой миграции чеченцев с западных перенаселенных районов на восток. По преданиям, эта миграция не была стихийной. Ее порядок определял Высший Совет Страны нахов – Мехк кхел.

Владельцу, а не тейпу, принадлежал и замок в селении Моцарой. Он построен на мысу, образованном при слиянии рек Терлой-ахк и Никарой-ахк. Замок состоит из примыкающих друг к другу трех жилых и одной боевой башен и защищен высокой каменной стеной. Похожий замок, состоящий из жилой и боевой башен, с обнесенным каменной стеной двором, существовал и в селении Барха, неподалеку от Моцароя. Он также, согласно фольклорным материалам, являлся собственностью одной семьи. Подобный замок с оборонительной стеной назывался по-чеченски «гIап» или «галан», цитадель же обозначалась термином «гIала». Такие сооружения были практически во всех селениях горной Чечни.

Строительство жилых и сторожевых башен, а также цитаделей начинается еще в аланскую эпоху, особенно в IX–XI веках, а возведение замков и башенных комплексов приходится на XV–XVI века, когда территорию Чечни покинули сначала монголо-татары, а затем и отряды Тимура. Это было время социально-экономического возрождения Чечни после губительных для нахских народов набегов кочевников.

Нашествие монголов в XIII веке привело к утрате могущества Алании – государства, основным этносом которого были нахи, предки современных чеченцев. Жители равнин и предгорий вынуждены были уйти в горы, хотя некоторая часть нахов продолжала оставаться в предгорных долинах. Походы Тимура не только уничтожили остатки их государственности, но и подорвали основы древней нахской цивилизации. Именно походы Тимура привели к значительной перекройке карты Северного Кавказа. Нахские племена, населявшие западные и центральные районы Кавказа, были вытеснены из районов тысячелетнего проживания или окончательно ассимилированы ираноязычными и тюркоязычными племенами. Следует заметить, что тюркизация западных нахов (алан) началась еще в X–XI веках, и при появлении монголо-татар на Северном Кавказе среди алан Северо-Западного Кавказа уже присутствовал определенный тюрский элемент.

Окончательная иранизация нахов Центрального Кавказа завершилась только в XV веке. Особую роль в этом процессе сыграли ираноязычные гарнизоны Тимура, разместившиеся у ключевых горных проходов Центрального Кавказа. Древний нахский субстрат Центрального

Кавказа сохранил и материальную культуру, и антропологический тип, но утратил свой язык. Подобные процессы не являются единичными и присущими только данному региону. Например, в римских провинциях, причем не только в ближайших к Италии, но и в таких отдаленных, как Дакия, местное население утрачивало свой язык под влиянием римских гарнизонов и начинало говорить на латинском. Но на заимствованный язык метрополии накладывались особенности местных наречий, что привело впоследствии к образованию новых, так называемых романских языков.

Поэтому можно говорить об определенном единстве материальной культуры нахов и осетин, которое существовала вплоть до XIV–XV веков, то есть до времени полной ассимиляции нахского субстрата ираноязычными элементами. И это единство получило конкретное проявление именно в древних архитектурных формах.

Так называемая вайнахская башенная культура окончательно формируется в XIV–XV веках, создавая свои специфические архитектурные формы, которые уже не встречаются в других регионах Кавказа.

После нашествия Тимура, оставшиеся в живых непокоренные нахи ушли в горы. Территория их расселения ограничивалась с востока Андийским хребтом, на западе – течением Терека, на юге – Главным Кавказским хребтом, на севере – полосой Черных гор. На этой территории формируется новая этнокультурная и языковая общность, которая уже в наше время получила название вайнахской, и на ее базе окончательно складывается единая материальная культура и, в частности, один из ее видов – башенная и склеповая архитектура.

Еще во времена нашествий монголо-татар и Тимура начинается миграция отдельных нахских племен уже внутри этой территории. Она направлена и на восток, в сторону Ичкерии и Чеберлоя, и на запад – в ущелье Армхи, и на юг – в Грузию.

Активный период этой миграции завершается к концу XV – началу XVI века. Именно тогда складываются новые территориальные общности в горах Чечни и Ингушетии и, по всей видимости, начинается экономический подъем, который приводит к резкому социальному расслоению чеченского общества. К тому же, согласно семейным хроникам, так называемым тептарам, некоторые аланские феодалы, спасаясь от отрядов Тимура, скрывались в горных ущельях со своими дружинами, захватив свои богатства. Здесь они сталкивались с родственным по происхождению и языку населением, проживавшим в этих ущельях издавна. Конечно же, эти столкновения заканчивались по-разному. Несомненно, в этот период в горной Чечне обновляется феодальное

общество, и мощные замковые комплексы и цитадели в горах – материальное тому подтверждение.

Система сторожевых поселений, замков и башен горной Чечни

Сторожевые поселения, замки и башни строились в горной Чечне таким образом, чтобы имела возможность контролировать все ключевые перевалы, дороги и горные тропы. Эти укрепления составляли единую систему сторожевых сооружений.

Дорога в горную Чечню с севера, вдоль реки Асса, которая поворачивает у селения Алкун в ущелье Фортанги, контролировалась башенным поселением Базанте, расположенным на самом гребне хребта. Вход в ущелье реки Фортанга преграждали башенные селения Бамут и Гандал-баса. Место соединения двух этих дорог было защищено мощным укрепленным поселением Цеча-Ахк. Перевальные пути между Ассой и Фортангой от Бамута до Цеча-Ахк охранялись башенными селениями Нижний и Верхний Даттых и крепостью Эгичож.

Дороги и перевальные пути в ущелье Акки-мохк контролировались башенными укреплениями Мизир-гала, Гажа-гала, Девнечу, Итир-Кале. Подступы к Акки с юга и запада были защищены селениями Воуги и Хаге.

К востоку от Акки находится область Нашх, через ущелья которой протекают две речки, Гехи и Рошня. В ущелье Рошни, на горе Мушидук, являющейся северной окраиной Нашха, были обнаружены руины оборонительного сооружения. Ущелья Нашха прикрываются со всех сторон мощными башенными укреплениями Моцарой, Хайбах, Чармах, Тийст.

Ущелье Кей-мохк, расположенное к юго-западу от Нашха и через которое проходит дорога от озера Галанчож через Акки в Мелхисту, укреплено оборонительными сооружениями селений Нижний Кей и Верхний Кей, Мештара, Геши. Далее эта дорога идет от самого западного селения Мелхисты – Меше к ее сердцу – Цой-Педе. Вдоль нее, по ущелью речки Мешхи, возвышаются замки и укрепления селений Мешхи, Икальчу, Сахана, Коротых.

У селения Цой-Педе, где сохранились две боевые башни, к одной из которых примыкает оборонительная стена, а другая составляет комплекс замкового типа, дорога раздваивается, уходя в противоположные стороны: в Хевсуретию, на северо-восток, в Аргунское ущелье, вдоль Чанти-Аргуна.

К северу от Мелхисты расположено общество Терлой-мохк, которое изрезано ущельями рек Баулой-Ахк, Терлой-Ахк и Никарой-Ахк. Через эти ущелья проходили дороги из Нашха, Акки-Мохка, Ялхароя в центральные и восточные районы горной Чечни. Эти дороги контролировались замковыми комплексами Моцароя, Никароя, Баулая. А выход из ущелья Терлой и дорога в Грузию, идущая вдоль левого берега Аргуна, прикрывались замком Кирд-Бавнаш, владельцем которого по преданию был князь Берг-Бич.

Аргунское ущелье, одно из самых крупных по протяженности на Северном Кавказе, было и самым укрепленным ущельем в этом регионе. Вдоль реки Аргун в Грузию и в горные районы Чечни проходила дорога, которая в отдельные периоды времени играла гораздо большее значение, чем путь через Дарьял.

Вход в ущелье преграждал башенный комплекс у селения Чишки, просуществовавший до середины XIX века. По описанию А.П. Берже, дорога от Воздвиженского укрепления в Шатой «сначала идет по равнине, имеющей легкий склон к берегу р. Аргун, а в 3-х верстах ее сопровождает очень мелкий, но густой кустарник до подъема к башне. Вышеупомянутая башня построена для обстреливания подъема, по миновании которого дорога вступает незаметным склоном в теснину. Потом она спускается ко второй башне, защищающей переправу чрез деревянный мост на р. Чанты-Аргун. После переправы чрез мост открывается аул Башин-Кале, расположенный на скате горы. От аула вверх до Чанты-Аргуна выстроено много башен; они попадают на каждой версте».

Боевые сторожевые и сигнальные башни стояли вплоть до самой границы с Грузией, у башенного селения Шатели, которое чеченцы называли «Шедала», а его жителей именовали «шедалой» и идентифицировали их больше с вайнахами, чем с грузинами.

Восточный приток Аргуна – Шаро-Аргун, рассекает систему хребтов с юга на север и образует Шаро-Аргунское ущелье, густо заселенное до 1944 года. Вход в ущелье с севера прикрывался башенными укреплениями у селения Дай. Ключевым в этом ущелье было укрепление в селении Шарой, состоявшее из трех боевых и нескольких жилых башен. Оно контролировало дороги из Аргунского ущелья в Шарой, Чеберлой, Кахетию и Дагестан.

Не менее укрепленной была и историческая область горной Чечни – Чеберлой, расположенная на юго-востоке.

Здесь также была выстроена целая система укреплений и башенных комплексов у селений Кезеной, Макажой, Харкарой, Хой, откуда контролировались дороги в Шарой, Ичкерия и Дагестан.

Наиболее мощным являлось укрепление Кезеной, представлявшее собой настоящую средневековую крепость, расположенную на высоком утесе. Согласно преданию, она принадлежала легендарному Алдам-Гези, присланному в Чеберлой правителем из Нашха.

Селение Хой располагалось на границе между Чечней и Дагестаном. До нашего времени сохранилась лишь боевая башня на его окраине, которая ранее являлась частью укрепления. Интересно, что само название села, «Хой», переводится как «стражники».

Была защищена со всех сторон башенными укреплениями и историческая область Майста, самая труднодоступная и неприступная с точки зрения фортификации. В XII–XIII веках, в разгар войны с кочевниками, Майста была столицей Чечни, где собирался Мехк кхел (Высший Совет страны) – высший представительный орган чеченского государства. С востока ущелья Майсты защищались башенным поселением Ца-Кале с мощным замковым комплексом и оборонительной стеной. Дорога в Грузию прикрывалась башенными укреплениями Пуога и Туга, нижнюю тропу вдоль берега Майстойн-Эрк контролировал мощный замковый комплекс Нижняя Туга. В центре Майсты, на высоком каменном утесе, стояла крепость Васеркел, разрушенная в результате войны с персами еще в Раннем Средневековье. На ее территории остались руины и основания более двадцати боевых и жилых башен. Крепость Васеркел контролировала все дороги, проходившие через Майсту, с востока на запад и с севера на юг. Кроме того, она была культовым центром горной Чечни.

Башни и башенные укрепления защищали и боковые ущелья, прорезанные небольшими речками, впадающими в Аргун слева и справа. Башенным можно назвать ущелье Тазбичи, в котором до нашего времени сохранилось более тридцати боевых и жилых башен и замков.

Защищены башнями были и дороги Ичкерии, самой восточной области Чечни. Наиболее известные башни располагались у селений Харачой, Ца-Ведено, Дарго, Сержень-юрт, Курчалой.

Таким образом, в период Позднего Средневековья вся горная Чечня контролировалась системой сторожевых поселений, замков и башен. Это опровергает сложившееся в исторической науке мнение о том, что Чечня в Позднем Средневековье представляла собой ряд разрозненных горных областей и обществ, так как подобная система могла быть создана только народом, имевшим свое государственное образование.

Великая сигнальная система

Самые древние сигнальные системы возникли, вероятно, еще в эпоху неолита, то есть в период, когда древние люди были вынуждены бороться за свое существование не только с природой, но и с себе подобными.

Долгое время для передачи военных сигналов не строились специальные сооружения, а для этого использовались возвышенные места, вершины гор, утесы, деревья. Для передачи сообщений существовали различные знаковые системы, но наиболее распространенной была передача сигналов с помощью огня и костров.

Позже, в эпоху ранних государств, для передачи сигналов стали строить специальные сооружения, деревянные вышки и башни.

На территории древнейших расселений нахских племен (от границ Дагестана до Кубани) практически не осталось следов существования древних сигнальных систем.

На территории современной Чечни сохранились не только отдельные элементы сигнальной системы, которая начала складываться, вероятнее всего, еще в аланскую эпоху (IX–XIII вв.), но и ее большие звенья. По всей видимости, она была перестроена в XII–XV веках, когда нахи – жители равнин, или аланы, были вынуждены уйти в горы под натиском многочисленных орд Чингис-хана и Тимура и создали здесь новое государственное образование, являвшееся ассоциацией территориальных общин или вольных обществ, а также небольших феодальных владений.

Хотя это государственное образование не имело всех атрибутов классического государства (постоянное войско, институты управления и подавления, содержащиеся на налоги населения), оно все же было государством.

Во-первых, существовал высший орган страны – Мехк кхел, в котором были представлены все субъекты этой ассоциации. Во-вторых, Мехк кхел собирался регулярно, не реже двух раз в год, а в случае необходимости чаще: решал вопросы войны и мира, регулировал адаты, собирал налоги для строительства дорог, крепостей и башен, а также для формирования войска.

Именно в этот период завершилось создание Великой сигнальной системы, объединившей в одно целое, разбросанные по горным ущельям территориальные общины и небольшие феодальные владения Чечни.

Великой ее можно назвать потому, что она охватывала всю Чечню, почти каждое ущелье, каждое селение, начиная с левобережья Терека и заканчивая сигнальной башней самого южного селения Джарие, на границе с Грузией.

Боевые сигнальные башни почти всегда имели плоскую кровлю, нередко с зубцами по углам. М.А. Иванов пишет даже о специальных сигнальных башнях, у которых была каменная площадка перед окном верхнего этажа, на которой разводили огонь.

Строить сигнальную башню, находившуюся неподалеку от селения, и следить за ее состоянием должны были его жители. Они также были обязаны регулярно выделять несколько человек для несения караульной службы на башне. В случае военной опасности сигнал передавали ночью с помощью огня, днем – с помощью дыма. В чеченском языке до нашего времени сохранилось выражение «кIур ба», которое буквально переводится как «дымить», а в настоящее время имеет смысл «уходить от опасности».

Великая сигнальная система сохранялась вплоть до начала XIX века. Во времена Кавказской войны многие башни, входящие в нее, были разрушены. Часть элементов этой системы существует до сих пор, часть упоминается в исторических документах и в публикациях авторов XIX века.

Есть достоверные сведения о существовании сторожевой и сигнальной башен на хребте в районе Ханкалы. Само название «Ханкала» (по-чеченски ХанГала) переводится как сторожевая башня. Южнее, на склоне у входа в Аргунское ущелье еще в середине XIX века стояла сигнальная башня, чуть ниже – другая. Эти башни были разобраны русскими войсками при строительстве крепости Воздвиженской во второй половине XIX века. Далее, согласно А. Берже, башни стояли на каждой версте. Многие из них оказались разрушены во времена Кавказской войны, некоторые разобраны при строительстве домов жителями окрестных селений.

До нашего времени сохранилась значительная часть сигнальной системы в верховьях Аргуна, начиная с Шатойской башни, которую реставрировали в конце 80-х годов прошлого столетия. Шатойская башня имеет визуальную связь с Нихалойской, а та с Башенкалинской башней, встроенной в скалы почти у самой вершины каменистого утеса, с нее видна и Гучанкалинская башня. Последняя была связана с Чиннахойской башней, та же с сигнальной башней у въезда в селение Итумкале, которая, в свою очередь, имела визуальную связь с Пакочским замковым комплексом и Бекхайлинской цитаделью. Пакочский

замок и Бекхайлинская цитадель были связаны с сигнальными системами боковых ущелий. Боевые башни селения Дере имели визуальную связь с Хаскалинской и Эткалинской башнями, а также боевой башней у селения Хелды, с Бекхайлинской цитаделью, замком Басхой и боевыми башнями Дишни-мохк. Последние – с Хачароевской боевой башней и сигнальными башнями боковых ущелий, в том числе, сигнальными башнями, находящимися выше по Аргунскому ущелью.

Во внутренних областях горной Чечни существовали свои сигнальные системы, имевшие связь с сигнальными башнями других ущелий. Например, были связаны между собой все башенные селения Майсты: Ца-Кале, Васеркел, Пуога, Туга. Сигнальная башня на вершине Майстинского хребта обеспечивала связь с замком Коротах на горе Корелам в Мелхисте, а через него и со всей сигнальной системой Аргунского ущелья.

Подобную же структуру имела и топография селений ущелий Терлой-мохк, которые через укрепление Кирд-бавнаш были также связаны с другими сигнальными башнями по берегам Аргуна. Чеченские и ингушские боевые башни однотипны и отличаются лишь временем постройки и габаритами. В зависимости от древности они различаются определенным уровнем строительной техники, обработки камня и изяществом форм.

По типу перекрытия чеченские (и ингушские) боевые башни делятся на три основные группы:

1. Башни с плоской кровлей.
2. Башни с плоской кровлей с зубцами по углам.
3. Башни с пирамидально-ступенчатой кровлей.

Башни с плоской кровлей являются наиболее древними, некоторые из них можно датировать XI–XIII веками. Они отличаются небрежной обработкой камня, являются не очень высокими, имеют небольшой угол сужения кверху. Чаще всего они имели не больше четырех этажей. Эти башни в большинстве случаев были сигнальными и сторожевыми, или элементами цитадели, как, например, бекхайлинские. Хотя, в некоторых случаях боевые башни с плоской кровлей могли быть и достаточно высокими, и стройными, отличались довольно высоким уровнем строительной техники, как, например, Хаскалинская.

Башни с плоской кровлей чаще всего строились в недоступных местах, на вершинах обрывистых утесов, речных мысах.

Башни второй группы отличаются большей высотой, стройностью, тщательностью обработки камня, большим углом сужения кверху. Они

могут быть отнесены уже к XIV–XVI векам. Боевые башни с плоской кровлей с зубцами по углам могли быть и сигнальными, и сторожевыми, и частью комплекса. Таких башен в горах Чечни сравнительно немного, как, например, боевая башня на левом берегу Меши-Хи в Мелхисте.

Башни с пирамидально-ступенчатой кровлей являются наиболее поздними из всех видов боевых башен в горах Чечни и Ингушетии. Многие из них в Чечне могут быть датированы XV–XVII веками, а в Ингушетии – XVII–XIX веками. Боевые башни с пирамидально-ступенчатой кровлей практически не использовались как сторожевые и сигнальные. В большинстве случаев они являются элементом замкового комплекса, получившего распространение в горах Чечни в Позднем Средневековье. Исследователи называют эти башни вайнахскими, так как они появились на местной почве и получили распространение в Чечне и Ингушетии. В Грузии они единичны и построены мастерами-вайнахами.

Так называемая классическая вайнахская боевая башня является наиболее совершенным в архитектурном и техническом отношении сооружением подобного рода на Кавказе.

Сигнальные системы Нашха, Пешха и других западных районов горной Чечни объединяла сигнальная башня на горе Варги-лам, возвышавшаяся над окрестными вершинами. С нее были видны боевые башни Кей, Акки, Ялхароя.

Селения Мелхисты связывались между собой через замок Коротах, расположенный на вершине Коре-лам, откуда как на ладони открывается вся долина реки Меши-их с селениями Сахана, Икалчу, Тертые и пограничным с Ингушетией селом Меши, где сохранился мощный комплекс из одной боевой и двух жилых башен. Кроме того, с горы Коре-Лам видны и башни разрушенного в средние века селения Цой-Педе, и сигнальная башня Джарие, расположенная на очень высоком утесе, а на правом берегу Аргуна, на вершине, видны руины башни селения Доза.

В единую систему были объединены селения Шароя и Чеберлоя, которые через промежуточные башни были связаны с сигнальными башнями Аргунского и прилегающих к нему боковых ущелий.

Таким образом, в XIV–XV веках сторожевая и сигнальная системы в горной Чечне получают классическое завершение. Конечно, такая четко спланированная оборонительная система, учитывающая особенности рельефа, тактическую и стратегическую значимость тех или иных горных перевалов и дорог, не могла быть создана разрозненными территориальными общинами и вольными обществами. Для этого должно было существовать государство. И о его существовании и возможностях в определенный период времени нам напоминают со-

хранившиеся и по сей день звенья этого средневекового чуда горной Чечни – Великой Сигнальной системы.

В песне, как и в других фольклорных материалах, отмечается роль мастера, руководящего процессом строительства. Мастер, по преданию, практически не принимал участия в работе, а только указывал своим помощникам, что и как делать, выполняя тем самым функцию архитектора. По преданию, ему доставалась еще и почетная, и очень опасная роль установки камня (цӀурку), завершающего пирамидально-ступенчатую кровлю. Для этого с наружной стороны к машикулю привязывали лестницу, и по ней мастер подбирался к венцу кровли. Это было смертельно опасным делом и иногда заканчивалось гибелью мастера. За установку последнего камня хозяин должен был подарить мастеру быка. Строительство башни обходилось семье (если это была семейная башня) в 50–60 коров. Многие исследователи пишут, ссылаясь при этом на Щеблыкина, что башня строилась без лесов. Но, вероятно, речь идет о наружных лесах.

Таким образом, если говорить о генезисе боевых башен на Кавказе, то можно это представить следующей схемой: боевая башня сигнальная – боевая башня как элемент цитадели – боевая башня как одиночная сторожевая – боевая башня как часть башенного комплекса. Последний тип оборонительной башни при жилом комплексе появляется только в Позднем Средневековье, вероятнее всего, в XV веке, и связан с возрастающей социальной дифференциацией населения Чечни того времени.

Оборонительная башня называлась «бӀоув». Несомненно, этот термин может быть связан и с междометием «бӀоув», обозначающим вызов к битве, угрозу, но более со словом «бӀо» – дозор, которое впоследствии приобрело более широкое значение, «войско». Оно же, в свою очередь, имеет отношение к еще более древнему чеченскому слову «бӀан» – смотреть, видеть, откуда «бӀаӀрг» – глаз. Этимология его связана с первичной, древнейшей функцией боевой башни – сторожевой, сигнальной.

Поэтому, если и можно говорить о том, что боевая башня более позднего происхождения по сравнению с жилой, то только имея в виду ее как фортификационный элемент комплекса. К тому времени, когда в горах Чечни и Ингушетии появляются башенные комплексы (сочетание боевой и жилой башен) и замки, боевая башня приобретает классические, завершенные формы. Большинство построек этого типа имеет пирамидально-ступенчатую кровлю, сложено на известковом растворе и отличается высоким уровнем строительной техники.

Еще более древними являются сигнальные и сторожевые башни. По всей видимости, первоначально для передачи сигналов с различной

информацией, и прежде всего о военной опасности, использовались возвышенные места или верхушки деревьев, затем начали строить деревянные вышки и башни, и конечным результатом этой эволюции стала каменная башня.

Разница между сигнальными и сторожевыми башнями в научной литературе не обозначена.

Но, вероятно, сторожевые башни включают в себя и сторожевые в узком смысле слова, и сигнальные. Сторожевые, в узком смысле, башни строились у мостов, возле дорог, в тесных проходах в ущельях в целях их охраны (в мирное время они выполняли функцию таможи), но при этом они не использовались для передачи сигналов. Сигнальные же башни строились специально для передачи сигналов о военной опасности и должны были всегда иметь визуальную связь между собой. Они всегда являлись частью системы, объединяющей большие территории. Однако сигнальные башни в большинстве случаев были боевыми, хотя иногда их функции могли выполнять и башни, встроены в скалы и пещеры (Башинкалинская, Нихалойская), которые ошибочно были определены исследователями как башни-убежища. Сторожевые башни почти всегда были боевыми и очень редко одиночными, а составляли комплекс из двух или более боевых башен.

Здесь можно задать вполне закономерный вопрос: зачем строить для передачи сигналов каменные башни, требующие огромных материальных затрат? Это, вероятнее всего, связано с тем, что после передачи сигнала дозорные, которые несли караульную службу в башне, чаще всего не могли, быстро покинув ее, примкнуть к основному войску. Поэтому они должны были иметь возможность обороняться. К тому же башни строились в стратегически важных в военном отношении местах, и их оборона отвлекала часть вражеских сил. Упоминания об осаде башен в ущельях Чечни есть в хрониках летописцев Тимура. Если же была возможность построить сигнальную башню, используя рельеф местности (Башинкалинская, Нихалойская башни), в выемках скал, на вершине или у подножия утеса, то специальную боевую башню не строили.

В Чеберлое жилые и боевые башни имели широкое распространение почти во всех районах. На границе с Дагестаном боевые башни и укрепления (Хой, Кезеной, Харкарой) были построены правителем, который был послан туда из Нашха. Множество башен, жилых и боевых, в Чеберлое было разрушено во время Кавказской войны. В течение сравнительно короткого периода времени здесь было несколько крупных восстаний и против Шамиля, и против российских войск. Все эти восстания были жестоко подавлены, а селения, жители которых принимали в них уча-

стие, разрушены. С особым рвением и воины имама, и российские солдаты уничтожали башни. Их руины до сих пор можно видеть во многих, уже опустевших селениях Чеберлая и соседних районов.

Башенными, то есть состоящими из одних боевых и жилых башен, были почти все селения в горной Чечне к западу от реки Шаро-Аргун: в Шарое, Майсте, Мелхисте, Терлой-Мохке, Нашхе, Акки, в ущелье Тазбичи, Аргунском ущелье, в ущелье реки Фортанга.

Боевые башни

Наивысшего расцвета архитектура чеченцев достигла в специальных оборонительных сооружениях – боевых башнях. До нашего времени в горной Чечне в различном виде сохранилось более 200 боевых башен, и это, несмотря на то, что чеченские башни подвергались регулярному уничтожению с самого начала Кавказской войны.

В научной литературе сложилось мнение о том, что боевые башни являются результатом эволюции жилых башен (В.И. Марковин, С. Умаров), а так называемые полубоевые башни – промежуточным звеном этой эволюции.

Но нет никаких оснований считать жилые башни более архаичными, чем боевые. И те, и другие восходят своими корнями к циклопическим постройкам, древнейшие из которых относятся к эпохе бронзы. К тому же нужно учитывать, что впервые боевые башни должны были появиться в качестве укреплений стен цитаделей, по крайней мере, еще во II тысячелетии до нашей эры. Такие крепости, правда, более позднего времени, состоящие из мощных стен в форме прямоугольника или треугольника, по углам которого располагаются боевые башни, сохранились во многих районах Чечни, в том числе, в верховьях Аргуна, на горе Бекхайла, в Мелхисте, в селении Коратах, в ущелье Терлой-Ахк и других местах. Это может быть подтверждением, что боевые башни на Кавказе, как и в других районах мира, появляются первоначально как элемент цитадели, то есть как вспомогательные сооружения.

Жилые башни были распространены в горных районах Чечни, Ингушетии и Северной Осетии. В меньшем количестве они встречаются в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Кроме того, жилые башни в качестве жилищ были характерны для северных районов Грузии, граничащих с Чечней: Хевсуретии, Тушетии и западнее для Мтиулети, Хеви и Сванетии.

В Чечне башня в качестве жилища была характерна почти для всей горной полосы, за исключением Ичкерии, ее самой восточной части,

граничащей с Дагестаном. Это, вероятно, объясняется дефицитом строительного материала – камня. Ичкерия и Чеберлой были районами, которые чеченцы заселили сравнительно поздно (по крайней мере, после ухода оттуда войск Тимура), при их миграции с запада на восток. До их появления в этих местах, согласно фольклорным источникам, жили орстойцы (этническая группа чеченцев), о строительных традициях которых в этом регионе ничего неизвестно. Хотя, по преданию, они тоже жили в башнях, и строительство легендарной башни Наврузгала приписывается им.

Классической формы жилого и боевого башни в Чечне достигли в XIV–XVI веках. К концу XVI – середине XVII века в связи с массовым переселением чеченцев на равнину строительство башен, за редким исключением, в горной Чечне практически прекратилось. В это же время перестали строить башни на равнине.

Древние архитектурные строения Чечни делятся на различные виды не только по времени строительства, но и согласно их функциональному назначению и форме:

- жилые башни;
- полубоевые башни;
- башни, встроенные в скальные ниши;
- боевые башни;
- замки и цитадели.

К этому и более позднему периоду (к XII–XIII вв.) относится бурное строительство жилых и боевых башен на Северном Кавказе.

Чеченские башни отличаются большим разнообразием форм, отдельных деталей. Это является подтверждением того, что их строили в разные периоды времени. Наиболее ранние по времени постройки башни имеют сходные черты с башенными сооружениями Карачая, Балкарии, Северной Осетии. Это говорит о том, что в определенный период времени эти районы относились к единому ареалу материальной культуры.

На самой вершине утеса стояла боевая башня, которая защищала вход в ущелье, а также с нее передавали сигналы о приближающейся опасности в другие районы гор. Кровлю ее завершал остроугольный камень – цурку.

«Однажды сокол, пролетая над утесом, сел на этот камень и очень довольный собой, стал оглядывать окрестные горы.

– Чем же ты так доволен? – спросил у него камень.

— Как же мне не быть довольным, если у меня так все хорошо, — ответил сокол. — Всевышний дает нам, соколам, три года жизни на этой земле. Я уже два года прожил, но чувствую себя, словно мне один год, и прилетел я сюда, поклевая живой печени. И подвластны мне крылья и небо.

— Я же стою на вершине этой башни уже девятьсот лет для того, чтобы она не разрушилась, — сказал камень. — За это время я увидел столько, что, начини я рассказывать об этом даже со времени твоего со- того предка, не хватило бы твоей жизни. Разница между мной и тобой в том, что ты создан для того, чтобы насыщать свой желудок и любоваться своей силой и удачью, я же здесь для того, чтобы не разрушилась эта башня и чтобы она оберегала мир, живущих вокруг».

Средневековая чеченская архитектура

Древняя архитектура горной Чечни (боевые и жилые башни, некрополи и культовые сооружения) представляет собой уникальное явление в мировой культуре.

Благодаря тому, что именно здесь проходили кратчайшие пути сообщения между земледельческими цивилизациями древности и кочевым миром Восточной Европы, Кавказ стал местом пересечения культурных влияний различных цивилизаций. В материальной культуре, мифологии, языческих культах чеченцев сохранились черты, указывающие на их связи с древнейшими цивилизациями Европы, Передней Азии и Средиземноморья.

Еще более четко эти связи прослеживаются при углубленном исследовании средневековых чеченских языческих культов и мифологии, где постоянно обнаруживаются параллели с именами языческих богов и мифологических героев великих цивилизаций древности. Большой интерес для ученых представляют петроглифы, магические знаки на каменных башнях и некрополях горной Чечни, которые часто имеют более древнее происхождение, чем сами башни. При строительстве башен часто использовались уже обработанные камни из более древних построек X–V веков до нашей эры. Петроглифы на таких камнях тщательно сохранялись и со временем почти без изменения переносились и на другие башни.

На Кавказе именно у нахов (чеченцев и ингушей) башенная архитектура достигла наивысшего развития. Особенно это проявилось в архитектонике боевых башен, которые являются вершиной средневекового зодчества. Боевые башни строились с соблюдением зеркальной

симметрии и пропорциональности всех частей постройки, в удивительной гармонии с окружающим ландшафтом.

Средневековая башенная архитектура в том виде, в каком она сохранилась до наших времен, зародилась первоначально именно на территории древнего расселения нахов, от Аргуна на востоке и до Кубани на западе. Своего высшего расцвета она достигла также в междуречье Терека и Аргуна, в районах их более позднего проживания.

Когда-то башни существовали не только в горной Чечне, но и в предгорьях (в Ханкальском ущелье) и даже на равнине – на северных и восточных границах Чечни. Но, начиная с XIV века, со времени монголо-татарского нашествия, чеченские башни подвергались систематическому уничтожению. Особенно пострадали они во время Кавказской войны, а также в 1944 году при депортации чеченцев. В это время были разрушены сотни башен.

Сильно пострадали памятники средневековой архитектуры и во время двух последних войн. Десятки башен были разрушены, подверглись обстрелу и получили сильные повреждения. В результате массированных бомбардировок процесс разрушения каменных построек, простоявших в горных ущельях тысячи лет, ускорился.

В горах Чечни, в верховьях рек Фортанга, Гехи, Аргун, Шаро-Аргун, у озер Кезеной и Галанчож на сегодняшний день сохранилось в различном виде около 150 башенных поселений, несколько сот жилых и более двухсот боевых башен, а также десятки культовых сооружений, более сотни наземных склепов. Эти памятники датируются в основном XI–XVII вв.

Остатки каменных построек различных эпох в горной Чечне дают возможность проследить эволюцию нахских башен в течение, по крайней мере, трех тысячелетий. Как это видно по постройкам в селении Цеча-Ахк, жилища и фортификационные сооружения нахов развивались от многокамерного дома с горизонтальной планировкой к однокамерной постройке с вертикальным планом. При этом эволюция чеченского жилища не была быстрой и единовременной, она протекала в течение многих веков. Об этом свидетельствуют промежуточные формы жилища, зафиксированные в поселении Цеча-Ахк – двух- и трехэтажные двухкамерные жилища. Каждая камера представляет собой уже почти самостоятельную башню, имеющую свой опорный столб и арочные (дверные и оконные) проемы.

На эволюцию древнего вайнахского жилища влияли различные факторы. Важнейшими из них были: необходимость улучшения фортификационных свойств жилищ в связи с усилением внешней опасно-

сти, условия малоземелья, возникшие из-за массовой миграции в горы жителей равнин или алан, которые не хотели покоряться монголо-татарским ханам и Тимуру, и, возможно, религиозные верования.

По времени строительства архитектурные сооружения на территории Чечни можно разделить на четыре периода:

– Кобанский период (XII–V вв. до нашей эры) – это время циклопических сооружений, построенных из гигантских необработанных камней, которые имеют горизонтальную планировку, то есть являются многокамерными, возводятся без использования раствора, характеризуются примитивной строительной техникой.

– Раннеаланский период (I–VII вв.) – архитектурные сооружения этого периода уже можно разделить на боевые и жилые. О характере боевых башен сложно судить, так как от них остались только нижние этажи.

Жилые башни имеют продолговатый план и являются двух- или трехэтажными. Стены сложены из необработанных каменных блоков с применением небольшого количества известкового раствора, техника строительства по-прежнему остается очень низкой. Но уже появляются элементы конструкций, свойственные средневековым чеченским башням. Это, прежде всего, наличие опорного столба, арочные проемы (дверные и оконные), расширение их с внутренней стороны.

– Позднеаланский период (XI–XIII вв.) – башенные постройки этого периода отличаются вертикальной планировкой и более высоким уровнем строительной техники. По своим формам они приближаются к классическим вайнахским сооружениям. Подобные сооружения встречаются на всей территории древнего расселения нахов, от Аргуна до Кубани.

– Вайнахский, или классический, период (XV–XVII вв.) – период расцвета чеченской башенной архитектуры, который характеризуется высокой культурой строительства. Боевые и жилые башни приобретают классические, завершенные формы. Подобные сооружения встречаются лишь на территории Чечни и Ингушетии.

Многие исследователи датируют памятники архитектуры средневековой Чечено-Ингушетии XV–XVII веками, хотя на самом деле является общеизвестным фактом то, что со второй половины XVI века начинается активное возвращение чеченцев на равнину. К этому времени можно отнести спад активного строительства башен в горной Чечне,

тогда как в соседних регионах строительство башен продолжалось вплоть до конца XIX века. И если в западных районах в некоторых случаях помнят даже имена мастеров, строивших те или иные башни, то в Аргунском ущелье в середине XIX века даже старики не знали, кому принадлежала та или иная башня, не говоря уже о том, кто ее строил.

При всей схожести памятников архитектуры горной Чечни и Ингушетии между ними есть и существенные различия. Только на чеченской территории в различных ущельях встречаются необычные скальные башни. Вертикальная щель в скале закрыта стеной с бойницами. Входной проем сделан высоко от основания стены. В башню залезали по приставной лестнице, которую затем убирали внутрь. В Ингушетии сохранились три христианских храма X–XIII вв. в Таргимской котловине – Таргимский храм, Тхаба-Ерды и Алби-Ерды. Мечетей в Ингушетии нет. В свою очередь, в Чечне нет христианских храмов, зато сохранились мечети рубежа XIX–XX вв. Вообще, чеченские боевые башни отличаются от ингушских. Ингушские башни имеют более стройный внешний вид, а чеченские башни ниже и имеют меньший наклон стен. Количество уступов у заостренного завершения ингушских башен, как правило, 11, у чеченских – больше. Но в Чечне явно превалируют башни с плоским покрытием.

В горах Чечни, по вине российских федеральных сил, продолжается уничтожение уникальных памятников архитектуры.

На вершине горы у развилки дорог на горные чеченские аулы Центорой, Белгатой, Тазен-Кала и Курчали стоит 10-метровый памятник. Это чурт (надгробный камень), поставленный центоройцами в честь своих земляков, погибших в сентябре 1819 года в ауле Дади-Юрт.

Раньше любой прохожий останавливался здесь и читал молитву. Сейчас же из-за артобстрелов памятник практически разрушен – разбита его верхушка, уничтожены надписи на чеченском и арабском языках.

С тех пор, как в 1999 году в Чечне возобновились боевые действия, российские войска постоянно обстреливают древние строения, разбирают их, применяя древний камень для строительства военных укреплений, используют как склады и блиндажи.

Реальный размер нанесенного ущерба оценить трудно. Автор данного материала, который посвятил много лет изучению чеченских башен – высоких древних строений, расположенных с соблюдением военной стратегии по всей территории региона, не смог добраться до всех интересующих его объектов, поскольку многие из них находятся в запретной зоне.

Признавая эту проблему, российские военные, тем не менее, говорят, что защита памятников не входит в их компетенцию. Однако и в Москве проблема уничтожения памятников чеченской культуры мало кого волнует.

Сегодня в чеченских горах сохранилось 150 башенных поселений, в которых находится более 300 жилых башен различной сохранности и более сотни боевых башен, 15 культовых сооружений, около 150 наземных склепов, а также два крупнейших в мире некрополя. Они были построены в разное время, с первого тысячелетия до нашей эры до XVI века нашей эры. Все эти сооружения представляют большую историческую и культурную ценность не только для истории Кавказа, но и для мировой культуры и истории в целом. Ведь чеченские башни и некрополи содержат уникальную информацию о более древних культурных пластах и могут помочь в разгадке многих тайн цивилизаций Передней Азии и Средиземноморья, пролить дополнительный свет на взаимоотношения и взаимовлияние народов, создавших их.

Большой интерес для ученых представляют петроглифы, магические знаки на каменных башнях и некрополях горной Чечни, которые часто имеют более древнее происхождение, чем сами башни. Дело в том, что при строительстве башен часто использовались уже обработанные камни из древних циклопических построек, некоторые из которых датируются X–V веком до нашей эры.

По мнению известного чеченского этнографа Саид-Магомеда Хасиева, «каменные башни для чеченцев не только памятники древней материальной культуры их предков, но и символ их единства, свидетельство былого величия их государственных образований, существовавших в течение пяти тысяч лет обозримой истории Чечни».

Сегодня эти богатства оказались под угрозой. Например, в уникальном башенном комплексе XII–XIV-го веков Пакоч, вокруг которого археологами был обнаружен культурный слой третьего тысячелетия до нашей эры, расположена комендатура Итум-Калинского района.

Аргунский историко-архитектурный и природный заповедник, на территории которого находится Пакоч, известен не только своей богатой и разнообразной природой, но и уникальной древней архитектурой. В верховьях рек Фортанга, Гехи, Аргун, Шаро-Аргун, у озера Кезеной и Галанчож сохранились древнейшие памятники чеченской архитектуры. В основном, это боевые и жилые башни, склепы, святилища.

В настоящее время зона заповедника подвергается систематическому обстрелу из артиллерийских орудий, ракетно-бомбовым ударам, здесь также применяются многотонные бомбы, последствия приме-

ния которых для ландшафта и древних памятников непредсказуемы. Только в декабре 2002 года сгорело более 10 тысяч гектаров леса, главным образом, ценных пород: бук, дуб, граб, ясень.

В результате артиллерийских обстрелов получили серьезные повреждения боевая башня XVI века в селении Дере, уникальная башня XII века у селения Ушкалой, недавно отреставрированная боевая башня XVI века у города Шатой, после бомбового удара разрушена до основания боевая башня XVI века в Шарое, повреждена боевая башня в Сатто.

Судьба большинства памятников древней архитектуры неизвестна, так как они находятся в пограничной зоне, и туда не допускаются специалисты.

По словам директора Аргунского историко-архитектурного и природного заповедника Саида Саратова, он много раз обращался и в комиссию Государственной Думы по Чеченской Республике, и в министерство обороны, и к депутату Госдумы от Чечни Асланбеку Аслаханову с просьбой как-то решить эту проблему, но безрезультатно. «Российские чиновники ссылаются на то, что в зоне заповедника идут боевые действия», – говорит Саратов.

Переговоры директора заповедника с заместителем военного коменданта Итум-Калинского района о судьбе памятников также ни к чему не привели. По словам Саратова, российский офицер отнесся с пониманием к проблемам сохранения древних памятников, но при этом заявил, что «к каждому солдату не приставишь офицера, чтобы следить за его отношением к окружающему миру». «И в этом смысле, – добавил он, – я не могу гарантировать безопасность не только памятникам, но и сотрудникам заповедника».

В одном случае, пьяными российскими военнослужащими была обстреляна боевая башня у селения Ушкалой. Вандалы были задержаны военной комендатурой на месте преступления, и по факту обстрела было возбуждено уголовное дело, которое, однако, впоследствии закрыли якобы за отсутствием состава преступления.

Народный писатель Чечено-Ингушетии Абузар Айдамиров считает, что «подобное отношение к памятникам истории чеченского народа со стороны российских военнослужащих неслучайно». Он видит в этом «попытку уничтожить историческую память чеченцев, разорвать их духовную и материальную связь с героическим прошлым, чтобы легче было покорить их».

За свою историю чеченские башни подвергались систематическому уничтожению в течение многих сотен лет. Еще летописцы Чингисхана

писали о войне с людьми, живущих в каменных башнях и о разрушении этих башен.

Но даже в начале XIX века каменных башен в Аргунском ущелье, которое называли ущельем башен, было в десятки раз больше, чем сейчас. Башни стояли так, чтобы с парапета одной можно было увидеть костер в окне ближайшей. Таким образом, предки чеченцев передавали сигнал о военной опасности, и за очень короткое время по всей Чечне узнавали о приближении врага.

Более всего памятники чеченской архитектуры пострадали во время Кавказской войны XIX века, когда были уничтожены сотни боевых и жилых башен в Горной Чечне. Систематическому уничтожению чеченские башни подвергались и во время выселения чеченцев в 1944 году, когда войсками НКВД у многих из них были взорваны кровли и сожжены перекрытия, а склеповые могильники разграблены.

Не пощадила древние памятники архитектуры и война 1994–1996 годов. Российскими военными было разрушено десять боевых и жилых башен XI–XII веков, пять наземных склепов XII–XV веков в некрополе Цой-пед, могильники I–IV веков.

Но продолжающаяся и ныне кампания в Чечне оказалась для Аргунского заповедника поистине роковой. И ничто не дает надежду на то, что вандализм в отношении памятников чеченского культурного наследия когда-либо прекратится.

ЕСЛИ ДРУГ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ ...

«Лаца ма лаца ден маж, лаьцча – да ма хеца».

Чеченская поговорка

Интервью Президента Республики Ингушетия Ю.-Б. Евкурова «Российской газете» получило широкий резонанс в Чеченской Республике. Некоторые беспочвенные и, скажем прямо, недопустимые для Президента братской республики высказывания в этом интервью вызывают чувство горечи и глубокого сожаления у тех, кто знаком с этим материалом. Тем более, что в Чеченской Республике с уважением относятся к новому Президенту Ингушетии, с болью восприняли покушение на него и всей республикой, во главе с Президентом Чеченской Республики Р. Кадыровым, молились за его скорейшее выздоровление.

Как известно, отношение к слову на Кавказе всегда было особенным. Здесь принято каждое слово, прежде чем его высказать, тщательно взвешивать, а высказав – отвечать. Не зря вайнахская поговорка гласит: «Рана, нанесенная кинжалом, – зажила, а нанесенная словом – нет». В тысячу раз более внимательно и ответственно необходимо относиться к высказываниям, так или иначе затрагивающим сферу межэтнических отношений.

Честно сказать, не хотелось обсуждать эту тему публично, но так как интервью Евкурова напечатано в одном из самых известных и уважаемых изданий России и выставлено в Интернете, вынужден выразить свое несогласие с некоторыми выдержками из него.

Вопросы дезинтеграции единой Чечено-Ингушской республики, которая произошла на фоне распада СССР, когда, по известным нам причинам, не до конца разрешенными остались многие вопросы административного, политического, экономического размежевания двух республик, до сих пор будоражат умы государственных и общественных деятелей как с одной, так и с другой стороны.

Обратился к этой теме в своем интервью и Президент Республики Ингушетия. «Когда народ в очередной раз принял решение остаться в составе России (таков был результат референдума) и отделился от Чечни и образовал отдельную республику в составе России, оказалось, что вся промышленная база осталась в Чечне», – заявляет Евкуров, намекая на мнимую дискриминацию ингушской стороны, когда вся промышленность в ЧИАССР строилась только в чеченской ее части.

Несведущий человек так это и воспримет. Но дело в том, что промышленность г. Грозного (а почти вся промышленность Чечни, о которой говорит Евкуров, находилась там), как и сам город, фактически была искусственно оторвана от Чечни и до 1929 года даже не входила в ее состав. Нефть была в Грозном и, естественно, промышленные предприятия, по вполне объективным экономическим причинам, а не с целью дискриминации ингушей, которые тогда еще жили в своей отдельной автономной области, строились в Грозном, а не в Назрани. В подавляющем большинстве это были предприятия союзного значения, в основном – по нефтедобыче и ее переработке, а также сопутствующая этой отрасли промышленная база. А на момент объединения Ингушетии с Чечней в 1934 году, промышленная база Грозного (Чечни), в основном, уже была заложена. Промышленность Ингушетии, если таковая была, осталась во Владикавказе. И претензии Евкурову необходимо предъявлять не к Чеченской Республике, а к Северной Осетии-Алания, в пользу которой волюнтаристски были отторгнуты и г. Владикавказ, и прилегающий к нему Пригородный район. Или он хочет предъявить такие требования к обеим республикам? Не получилось бы, как в поговорке с двумя зайцами.

Города Владикавказ и Грозный и, соответственно, их инфраструктура, были построены вовсе не в целях создания экономической базы для проживавших в Чечне и Ингушетии «туземных» народов. Они были построены как форпосты российской империи, а затем и Советского Союза на Северном Кавказе и при их строительстве, по большому счету, об интересах коренных народов никто и не думал. Не зря Владикавказ и Грозный имели статус городов союзного подчинения.

Никакой целенаправленной политики по притеснению ингушей в ЧИАССР не было. Во всяком случае, с чеченской стороны. Хотя бы потому, что первым руководителем республики никто из чеченцев, до самого распада Советского Союза, не был. Все важнейшие вопросы жизнедеятельности республики решались в Москве, практически без участия самих чеченцев и ингушей.

А если говорить о представленности ингушей в государственных органах власти, то оно было более чем внушительным. Пост Председателя Президиума Верховного Совета ЧИАССР (главы республики), 1-го заместителя Председателя Правительства республики, Председателя Госплана (вот к кому господину Евкурову следовало предъявлять свои претензии по размещению объектов промышленной базы в республике), посты многих самых так называемых «теплых» и «доходных» мест в различных министерствах и ведомствах занимали именно

ингуши. И это притом, что они составляли всего лишь 12% населения республики. Самой обделенной частью населения Чечено-Ингушетии, на самом деле, были, как раз, сами чеченцы, составлявшие большинство жителей республики, но бывшие в меньшинстве в органах власти ЧИАССР.

«Ингуши одними из первых вошли в состав России ... Мы не участвовали в русско-кавказской войне против России, еще в тот период – наоборот, за Россию всегда воевали ингушские полки. Мы становились рубежом и не пускали через себя никого», – заявляет Евкуров. А чем тут гордиться? Спасли себя от истребления, а России-то что от этого? Не вошли бы в Россию, вошли бы куда-то еще, например, в Чечню или в ту же Осетию. В чем достоинство того, что несколько ингушских старшин переметнулись в стан могущественного завоевателя и вместе с ним воевали против своих единокровных братьев? Да, они оказались более расчетливыми, чем их братья, но вряд ли это то качество, которым обычно гордятся люди. Никто еще рабской преданностью и подбострастием чести не заслуживал. А насчет «русско-кавказской войны против России», то горцы Кавказа не воевали против русских, они воевали, защищая свою свободу и независимость, против Российской империи. Это далеко не одно и то же.

Совершенно смешным выглядит такой пассаж: «Мы становились рубежом и не пускали через себя никого». Каким рубежом для защиты российской империи, при всем своем желании, могла стать только что начавшая формироваться ингушская народность, состоящая тогда из двух десятков тысяч человек? Главной задачей ингушей на этом историческом этапе своего развития была собственная идентификация (любым путем отмежеваться от чеченцев) и самосохранение. Как говорится, «не до жиру – быть бы живу».

Далее, рассказывая о беженцах из Чеченской Республики, Евкуров сделал неожиданное и обескураживающее заявление: «Потом начинается первая чеченская кампания, и в республику приходит более 400 тысяч беженцев ... Я честно отвечаю, пусть даже это будет кому-то неприятно: я бы не пустил беженцев. Я в тот период это говорил и сейчас говорю. Я считаю, стратегическая ошибка была допущена».

Во-первых, в первую чеченскую кампанию такой массовой миграции населения из республики не было. Тем более в Ингушетию. В основном перемещения были внутри самой Чечни и только часть населения мигрировала в приграничные районы Дагестана и Ингушетии. Массовый исход жителей Чеченской Республики в Ингушетию был во время второй чеченской кампании. Связано это было с тем, что прак-

тически вся граница по периметру республики для перехода беженцев из Чечни была закрыта. Единственным местом, куда могли пройти, бежавшие от войны люди, оставалась Ингушетия. Но до нее беженцы вынуждены были проходить через жесткую фильтрацию на печально знаменитом посту «Кавказ», где абсолютно бесправные и беззащитные люди должны были доказывать военным свою непричастность к боевикам. Многие ни в чем неповинные молодые люди, по различным выдуманным причинам (для этого, например, достаточно было малейшей помарки в паспорте, быть однофамильцем известных руководителей Ичкерии и ее военных структур или иметь малейшую рану на теле) так и не смогли пройти этот барьер и до сих пор числятся в списках без вести пропавших.

Во-вторых, всего в Ингушетии, в самый пик исхода беженцев, реально было около 200 тысяч человек из Чеченской Республики, а не 400 тысяч, как заявляет Евкуров. И находились они там в таком количестве не 17 лет, а самое большее 2-3 года. Причем подавляющее большинство из них находилось на чеченских территориях, временно находящихся в административном подчинении Ингушетии. С весны 2000 года люди уже стали возвращаться в Чечню. Осенью 2002 года в Ингушетии находилось 66 тысяч беженцев, из которых 30 тысяч являлись этническими ингушами, которые не желали возвращаться в Чеченскую Республику. На момент проведения референдума в марте 2003 года в соседней республике находилось порядка 50 тысяч человек беженцев из Чечни (вместе с так называемыми «чеченскими ингушами»).

В-третьих, решение об открытии Ингушетии для беженцев из Чечни принималось не на уровне республиканского руководства Ингушетии, а в Москве. Так же, как и решение о закрытии остальной границы. Так что, от Евкурова, будь он в то время главой Республики Ингушетия, это решение абсолютно не зависело.

Беженцы из Чеченской Республики, стыдливо названные властями «временно перемещенными людьми», в основном были размещены в бывших складских и производственных помещениях, коровниках и животноводческих фермах, гаражах и автостанциях и даже в трансформаторных подстанциях. В лучшем случае – в наспех организованных палаточных лагерях. Часть беженцев, имевших возможность платить, расположилась в частном секторе. Они, в большинстве своем, арендовали помещения за деньги. Вместе с тем, немало ингушских семей гостеприимно делило с беженцами свой кров и последний кусок хлеба.

Заявление Евкурова, что он не пустил бы беженцев из Чечни, перекликается с аналогичными заявлениями генерала Шаманова, всячески

препятствовавшему выходу беженцев на территорию Ингушетии. Всем памятни авианалеты и артиллерийские обстрелы колонн беженцев со стороны подопечных новоявленного Ермолова, в результате которых были многочисленные человеческие жертвы. И будь Президентом Ингушетии на тот период «герой чеченской войны» Евкуров, он без сомнения нашел бы взаимопонимание и поддержку в лице одной из самых одиозных личностей, скомпрометировавшей образ России и русского солдата зверскими методами ведения военных действий в глазах всего мира.

Комментируя якобы тяжелые для Республики Ингушетия последствия принятия у себя беженцев из Чеченской Республики, Евкуров заявляет: «Кроме всего прочего, беженцы сразу дали двойное-тройное повышение криминогенной обстановки. Появились такие виды криминальной деятельности, каких вообще не было в Ингушетии». И в качестве примера, тут же, приводит, извините за выражение, проституцию, наркоманию и бандитизм.(!) Это уже, как говорится, явный перебор. Недостойный вайнаха, не говоря уже о высшем должностном лице Республики Ингушетия, выпад в сторону братского народа.

К сведению Евкурова, чеченцы всегда были более архаичней, консервативней, традиционней и религиозней, чем их западные собратья. В то же самое время, ингуши, в силу большего по времени и, в целом, мирного совместного существования с Россией и, через нее, с остальным «просвещенным» миром, были более светскими, либеральными, продвинутыми, в смысле подверженности «сладким плодам» цивилизации, и менее подверженными так называемым «пережиткам прошлого», чем чеченцы. Так что, из трех перечисленных Евкуровым «видов криминальной деятельности» первые два в большей степени могли бы относиться к местной публике, чем к беженцам из соседней республики. Ну а что касается бандитизма и нелегального оборота оружия, то еще в советские времена на назрановском рынке легко можно было купить оружие любого вида, чем ингуши постоянно и гордились. А про так называемое в народе «акционерное общество «Ингушзолото», знает весь мир.

Выражая огромную благодарность за прием беженцев, необходимо отметить, что Ингушетия обеспечивала их всем необходимым не из своего республиканского бюджета, как это пытаются представить отдельные ингушские чиновники, а за счет огромных целевых финансовых выплат из федерального бюджета, а также масштабной гуманитарной помощи из-за рубежа. Десятки различных международных гуманитарных организаций, офисы которых располагались на территории Ингушетии, буквально днем и ночью помогали вынужденным переселенцам продовольствием, одеждой, строительными материалами. А занимавши-

еся посреднической деятельностью разные чиновники и дельцы из числа местного населения откровенно наживались на горе людей.

Целая сфера по обслуживанию так называемых временно перемещенных лиц обеспечивала рабочими местами тысячи жителей Ингушетии. Беженцы из Чечни создали в местах своего компактного размещения своеобразные биржи труда с самой дешевой рабочей силой в регионе. Тысячи беженцев за копейки вынуждены были подражаться на работу у местного населения. Такого строительного бума, по свидетельствам местных старожилов, в Ингушетии они не видели никогда.

То же самое наблюдалось и в сфере торговли и малого предпринимательства. Предприимчивые беженцы из Чеченской Республики подняли эти отрасли на невиданный до этого в Республике Ингушетия уровень.

Почти вся Ингушетия превратилась в своеобразный гостиничный двор. Тысячи семей беженцев вынуждены были платить по 100 и больше долларов в месяц за более или менее пригодную для проживания комнатушку. Платить приходилось предоплатой за несколько месяцев вперед. И это при том, что каждый хозяин, разместивший у себя вынужденных переселенцев, получал деньги за их проживание от государства. Как тут не вспомнить тот факт, что, например, в Дагестане не было ни одного случая, чтобы за жилье с беженцев брали хоть одну копейку.

Таким образом, не все у чиновников из ингушской администрации и бизнесменов было так уж и плохо в связи с пребыванием у них беженцев из соседней республики. Наоборот, республика за все это время буквально расцвела на глазах и, почему-то, долго и упорно не хотела отпускать своих «притеснителей» – беженцев к себе на родину!

Считаю, что Президенту Евкурову следует извиниться за свои некорректные высказывания перед чеченским и ингушским народами. Почему перед ингушским? Во-первых, потому, что чеченцы и ингуши – это, по сути, один народ, и то, что сказано про один из них (хорошего или плохого), относится и ко второму. Во-вторых, потому, что он является Президентом Республики Ингушетия, а ингушский народ, я в этом уверен, не уполномочивал его делать такие оскорбительные заявления, затрагивающие честь и достоинство народов.

По всей видимости, как в регионе, так и в некоторых федеральных силовых ведомствах, есть силы, которым не по нраву налаживание тесных дружеских взаимоотношений между чеченским и ингушским народами, координация и взаимодействие наших правоохранительных структур в борьбе с международным терроризмом и, в целом, нормализация обстановки на Северном Кавказе. Так не дадим им повода для торжества.

ШЛИ В ПОДДАНСТВО НЕ ИЗ ПРИНУЖДЕНИЯ

(О процессе единения Ингушетии с Россией)

«Ингуши в своей массе не принимали участие в кавказских войнах XIX в. Они не выступали с оружием в руках против России и не подвергались колонизации. Ингушетия географически, исторически и юридически всегда была в составе России, ее важным стратегическим форпостом на южных рубежах российского государства, реальным центром пересечения геополитических интересов Европы и Азии»

(Рой Медведев «Владимир Путин: четыре года в Кремле»)

История вопроса единения народов Северного Кавказа, в их числе и нас – ингушей, в послеоктябрьский (1917 года) период почти не рассматривалась, так как первоначально заданным огульно считалось, что все эти народы были просто-напросто завоеваны колониальным путем (кстати, отголоски подобных взглядов имеются у нас и сегодня). Затем, как известно, с конца 20-х годов XX века история ингушей пошла наперекосяк и до вышеназванного вопроса практически никому не было дела. В 1992 году акцентировать внимание на названной проблеме (а таковые потуги мною были предприняты в 1999 г.) считалось как-то неуместным в связи с военными событиями в крае, хотя Ингушетия и стала вновь самостоятельной на своей ограниченной территории. Теперь, думается, пора наконец-то нам обратиться к важнейшему событию нашей истории – к вопросу истории единения Ингушетии с Россией, о чем и пойдет речь.

Прежде всего, необходимо вкратце рассмотреть сам длительный процесс сближения. Во многих, уходящих вглубь веков архивных источниках и в научных публикациях за последние более чем четыре сотни лет имеется немало материала, так или иначе затрагивающего названную проблему.

При Иване III и Василии III на Кавказ уже отправлялись посольства. Россия искала выхода к южным морям и Кавказу. Иван Грозный, покорив Казанское и Астраханское ханства, открыл дорогу на Кавказ.

В связь с тогдашней русской администрацией (с Иваном Грозным) на Северном Кавказе вступил «владелец» аккинцев Ушаром-мурза. Это первая дата (435 лет назад) начала контактов части наших далеких предков с Россией.

Сын Ушарома-мурзы по имени Ших-мурза в 1587 году направил свое прошение непосредственно к царю Федору Ивановичу (фактическим правителем был его шурин Борис Годунов) о принятии аккинцев под свое подданство. Челобитная Ших-мурзы дошла до царя, и он посчитал необходимым самолично ответить Ших-мурзе специальной грамотой, в которой царь обещался «Держати тебя и твое владение под своею царскою рукою и в обороне тебя держати хотим от всяких недругов. И воеводам нашим Астраханским и Терским и о том приказ наш царский крепок» (Приязни добрые плоды. Грозный, 1887, с. 6.). Вместе с царской грамотой Ших-мурзе были переданы дорогие и почетные царские подарки. Следуя ученым некоторых других народов и мы могли бы признать исходной датой 1587, как год единения наших предков с Россией. Но вряд ли это будет правильно, поскольку никаких особых последствий этот документ, по всей видимости, не имел.

В самой глубокой теснине Дарьяла находится старинное ингушское селение Ларс. Важная его особенность заключалась в том, что, минуя его, никто не мог пройти по этому старинному и очень важному пути, перерезающему Кавказский хребет. После того, как Ших-мурзе были переданы царская охранная грамота и подарки, с «просьбой о принятии в подданство и под защиту обратился и Салтан-мурза – владелец небольшого селения Ларс в Дарьяльском ущелье» (Вехи единства. Грозный, 1982, с. 25). Положение этого «владельца» было весьма тяжелым. Находясь в самом важном в военном и торговом отношениях пункте, он был тесним численно намного превосходящими (чаще всего грабительскими) дружинами некоторых равнинных феодалов. Также в те времена ингуши (в их числе и родственные нам исторические двалы) были теснимы из ряда ущелий, находящихся на западе, за левым берегом Терека.

Иван Грозный в отношении Кавказа проводил активную политику. Так он породнился с одним из адыгских князей Темрюком Идаровым и приблизил к своему двору многочисленную родню князя. Но руки русских царей тянулись и к Закавказью. В 1587–1590 гг. были снаряжены и отправлены в Грузию ряд русских посольств. Они не могли проникнуть туда по Каспийскому и Черному морям (и берегам тех морей), так как там хозяйничали враждебные России, с одной стороны шахский Иран, а с другой – Османская Турция. Оставался тяжелый, но наиболее удобный и менее безопасный проход через кавказский хребет. Тут самое место поставить резонный вопрос: почему же по указанному маршруту посольства царей сопровождали и охраняли не адыгские князья? Эта ответственная и почетная обязанность ложилась именно на плечи на-

ших предков, имевших ярко выраженную прорусскую ориентацию. Посольства тех времен были громоздкими, обремененными прислугой, охраной, запасными конями, обозом и пр. Шли они не спеша, разведывая пути и общую обстановку, делая многодневные привалы. Кажется, никто из исследователей не обращал внимание на один весьма примечательный обычай нашего гостеприимства – провожать и охранять гостя до сопредельной территории, пока его не передадут в надежные руки. Посольства же искали наиболее надежные пути и надежных союзников. Именно таковыми оказались наши предки. И это, вряд в этом ли приходится сомневаться, знали и сами посольства. В силу всего этого они шли на Северном Кавказе не к кому другому, а к нашим представителям, будь то Ушарма, Ших, Батай, который, кстати, сам с делегацией ездил в Москву и был «обласкан», но ему не повезло, так как он попал туда в год гибели царя Бориса Годунова. Например, при Ших-мурзе и его последователях посольства с севера к югу нашими предками сопровождались в самую горловину Кавказских гор, к Ларсу, к его «владельцу» Салтан-мурзе, который Ших-мурзу назвал своим братом. В ряде исторических источников употребленное Салтан-мурзой слово «брат» трактуется как обозначение «социального», а не кровнородственного братства. Такое утверждение сомнительно. Совершенно не исключено, а наоборот, весьма вероятно, что эти двое наших замечательных представителей находились в каком-то братстве, иначе зачем было Салтан-мурзе акцентировать слово «брат», которое с его слов записали послы.

Послов, как сказано, согласно нашему обычаю, передавали по цепочке от наших братьев – уже ставших равнинниками – аккинцев в подвластное ингушам Дарьяльское ущелье, в конкретном случае к Ларсу и его «владельцу» – Салтан-мурзе. Который, как свидетельствуют письменные источники, со стороны провианта и медицинской obsługi приводил в нормальное состояние дальними путями измотанное посольство, а затем под охраной провожал его до другого ингушского общества, которое называлось Оахкаре. Несколько слов о нем. Название «Оахкаре» идет от ингушского слова «ахк» – обрыв, пропасть, суффикс «ре» обозначает местность. Это «Место обрывов» как раз и является исконной ингушской Дзурдзукетией, которая так и помечена на карте XVIII в. Вахушти Багратиони. Ныне эта местность входит в Казбековский район Грузии и была отторгнута от нас князем Казбеги. Продолжая свое повествование отметим, что ингуши общества Оахкаре, приняв под свое покровительство послов, в «целости и сохранности» передавали их уже своим соседям, пшав-хевсурам, которые являли собою передовую северный рубеж Кахетии.

В посольских записях ингушей называли «калканами» (галгаями), «ероханскими» (джераховскими) людьми. Отмечали послы и такую, исключительную на Кавказе, особенность одежды ингушских женщин, как ношение особого колпака «курхарс». Описание местных народов, видимо, тоже входило в задачу русских посольств. По крайней мере они видели в наших предках своих союзников, поскольку всецело доверяли им, находили у них приют, были ими оберегаемы и опекаемы на всем протяжении пути по Северному Кавказу. Не зря И. Гюльденштедт во второй половине XVIII в. отмечал, что ингушами, сравнительно с другими народами, больше снисхождение оказывается русскому народу.

Одно из посольств сообщило ларсинскому Салтан-мурзе о том, что Ших-мурза обрел покровительство русского царя, на что, по записи русского посла, Салтан-мурза ответил: «Слышал от узденей и брата своего Ших-мурзы окуцкого (аккинского. – И. Д.), что кабардинские все князи били челом в службу государю вашему, а яз ныне хочу государю же служить по свою смерть, как государю вашему брат мой Ших-мурза Окуцкий... А вы мою службу государю своему известите, чтоб государь пожаловал, велел дать мне свою государеву грамоту, какую прислал он к брату моему, к Ших-мурзе Окуцкому. А до того как меня государь пожалует, свою грамоту ко мне пришлет, дайте мне от себя грамоту, чтоб мне было в государстве на жалованье надежным быть и иных бы кабаков (поселений. – И. Д.) князья меня не обидели» (Вехи единства... с. 25.).

Итак, Ших-мурза (вернее, его приближенные) охранял и провожал русское посольство до горловины Дарьяльского ущелья и там по закону нашего гостеприимства передавал их «из рук в руки» брату своему – ингушскому «владельцу» Ларса Салтан-мурзе. Второе русское посольство во главе с Звенигородским и Антоновым в своих донесениях приводили слова этого «владельца»: «...и я государю служил, посланников его Родиона да Петра (речь идет о предыдущем посольстве – И. Д.) через свою землю провожал, и дорогу им куда лучше идти указывал, и людей своих до Грузинских земель провожать их посылал, а которые были у государевых посланников люди, лошади больны – тех людей и лошадей у себя кормил и лечил и с Родином и Петром отпустил здоровых» (Приязни добрые плоды. Грозный, 1987, с. 8.). Салтан-мурза по всей видимости находился в отчаянном положении: выразив желание, чтобы послы от его имени обратились к царю, он, для начала, упросил послов, чтобы они от своего имени выдали ему временную грамоту, что и было сделано. Однако, на обратном пути это посольство узнало, что Салтан-мурзы нет в живых. Возможно он, как и его брат Ших-мурза, поплатился за свою прорусскую ориентацию.

Нашей исторической науке еще предстоит проанализировать документы этих русских посольств, и надо надеяться, что тем самым мы перелистнем какие-то интересные и новые страницы истории нашего народа тех лет.

Ларс еще не являлся границей Кахетии, куда стремились разновременные русские посольства. И тут на исторической арене, по записям несколько более поздних посольств, выступает следующий наш замечательный предок – Хавса (ХьовцIа – по-инг.). По всем данным, он являлся старшиной («владельцем» – по терминологии тех лет) ингушского горного общества, уже названного Оахкаре. Именно Хавсу ингушский «владелец» Ларса также «из рук в руки» передавал русских послов. В том 1637 году Хавса выразил послам свое желание перейти в подданство России. Его просьба послами была доведена по назначению. Через год (в 1638 году) грузинский царь Теймураз отмечал верное служение Хавсы Грузии и России.

От Ушаром-мурзы до старшины Хавсы в течение шестидесяти лет мы наблюдаем стремление наших предводителей к единению с Россией, а с ее стороны мы видим благосклонное отношение. Однако окончательного, документального закрепления это обоюдное стремление не находило. Все дело было в том, что молодая российская империя встречала на Кавказе противодействие Ирана и, особенно, Турции с Крымом, о чем уже было сказано. С ними в разной степени сотрудничали некоторые верхи северокавказских народов. Именно они и именно за стремление к единению с Россией убили Ших-мурзу. Сведения о Салтан-мурзе и «владельце» Хавсе также резко сходят со страниц истории, что также позволяет предполагать неблагоприятный исход.

Благотворная задача взаимного единения не реализовалась еще и потому, что после кончины Ивана Грозного на Руси началось смутное время, последствия которого сказывались продолжительное время.

Социально-экономически, демографически и в военном отношении самым крупным на Северном Кавказе в тот период был кабардинский (шире – адыгский) этнос, в силу чего его феодальные представители всячески теснили другие менее численные местные народы. В фольклоре ингушей звучат мотивы притеснения и со стороны соседних феодалов, и мотивы героического противостояния им, но и мотивы дружбы соседних народов – типичная средневековая картина.

После относительной исторической паузы уже в правлении Петра I начинается и активизируется второй (так, на наш взгляд, его можно назвать) этап процесса единения нашего народа с Россией. Именно Петр I дал сенату специальное предписание «горских народов к нашей сто-

роне приклонить» (Попко И. «Терские казаки с стародавних времен». СПб, 1880, с. 144). Благодаря могучей деятельности Петра I была значительно ослаблена турецко-крымская агрессия, что способствовало скорейшему единению России и Кавказа. Неожиданная смерть императора вновь затормозила этот процесс, но уже при Екатерине II этому процессу был придан активный ход. Именно она в 1744 году повелела всячески способствовать единению с Россией двух северокавказских народов, ингушей и осетин, как наиболее лояльных к России и ищущих ее покровительства (Бутков П. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. I, СПб, 1869, с. 515). Тогда же Екатериной II были определены границы между Россией и Кабардой по реке Курп до ее впадения в Терек, что способствовало дальнейшему продвижению ингушей на равнину к Назрани и Ачалукам. Русским форпостом на Кавказе в то время являлся Кизляр, основанный в 1735 году (когда вынужденно переселили туда крепость Святой Крест, ранее основанную Петром I). Кизляр стал в то время военно-административным и торговым центром Северного Кавказа. В начале 60-х годов XVIII в. началась создаваться «кавказская линия», целью которой было возведение ряда крепостей (опорных пунктов) по важнейшим путям Северного Кавказа. Так, по велению Екатерины II в 1763 г. была заложена крепость Моздок. Позднее строятся и другие крепости (в их числе и Владикавказ). При начале строительства крепости Моздок в 1764 г. императрица послала «к осетинскому и ингушскому народам с предложением переселиться им на Моздокскую линию». Это предложение было встречено с большим энтузиазмом «а ингушцы просили, сверх того, бывшего с (полковником — И. Д.) Гаком проповедника архимандрита Пахомия, чтобы он взял на свои руки детей для обучения грамоте и закону». По этой просьбе в Моздоке была открыта духовная школа, в которой обучались и ингушские дети. Развернувшаяся активная политика России на Кавказе вступила в противоречие с политическими устремлениями «вольно» распоряжавшихся в крае феодальными дружинами. Но отношение к Ингушетии было иным. Уже в 60-е годы XVIII в. Россия относилась к ингушам как к российскому народу. Например, 15 июня 1756 г. порядка 800 представителей ингушского народа собрались на Тереке лагерем и к ним по заданию свыше обратился иеромонах (святоши выполняли тогда и светские функции) Григорий, который призвал ингушей быть «под кровом все милостивейшей государыни (Екатерины II — И. Д.), на что ингуши выразили свое величайшее согласие. Видимо такое массовое (800 общенародных избранников) представительство нашего народа явилось с намерением в очередной раз на договорных началах соединиться с Росси-

ей, однако политического оформления этого желания мы не знаем, да и было ли оно? Тем не менее, уже какие-то взаимные обязательства были приняты и ингушей уже считали «своим» народом. Только этим можно объяснить то, что уже через несколько лет «к плоскостным ингушам была определена воинская команда для защиты их от набегов соседних феодалов» (Вехи единства..., с. 103). Под ними прежде всего имели ввиду кабардинских феодалов. Взаимоотношения наших предков с ними характеризовались тем, что ингуши, осваивая вновь равнинные земли своих предков, сталкивались с притязаниями названных феодалов и в символической мере откупались от них.

Однако, ни о какой политической зависимости наших предков от этих посягательств не было и речи. Этот факт хорошо охарактеризовал Л. Штедер в 1781 г., который отмечал, что ингуши всегда отторгали этими феодалами предъявляемые претензии. Масса других исторических источников также свидетельствует, что ингуши никогда не были подданными каких-либо князей, хотя эти князья при случае, чтобы придать себе социальную значимость, заявляли русской администрации обратное. Источники свидетельствуют, что так называемая зависимость ингушей на самом деле заключалась в вынужденной, и то минимальной (со двора или железа на одну косу, или одного барана), арендной платы «за выход к хлебопашеству» на равнинные земли, которые эти феодалы считали своими.

О том, что еще до заключения договора Россия уже считала Ингушетию своей составной частью, свидетельствует следующий факт: «В 1761 г. к плоскостным ингушам для защиты от набегов соседних феодалов был определен на сезон весенних и уборочных работ ротмистр Киреев с воинской командой» (Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX вв. Грозный, 1981, с. 65.). На вопросе о какой-то зависимости от соседних феодалов не стоило бы акцентировать внимание, если бы не одно обстоятельство, которому Россия вынуждена была придавать значение: поскольку на тот период территория, занимаемая адыгскими феодалами, считалась частью крымского ханства, в свою очередь, зависевшего от Османской империи, то единение Ингушетии с Россией считалось бы вмешательством во внутренние дела Турции, и тем самым могло спровоцировать очередную войну. Признание факта отсутствия зависимости ингушей от этих феодалов имело принципиальное значение, так как позволяло России де-юре закрепить факт единения Ингушетии с Россией. А де-факто Ингушетия уже была в ее составе. Вновь об этом свидетельствует и такой очередной факт, что в 1768 году (еще до

официального единения Ингушетии с Россией), когда началась война с Турцией, ингушские отряды воевали на стороне России и в Закавказье, и на Кубани (Вехи единства..., с. 41.).

Еще много ранее в ответ на настойчивые ходатайства ингушей в 1747 году царское правительство «распорядилось принимать ингушей в подданство». (Там же, с. 38.). Однако сложная обстановка на Кавказе, менявшаяся из года в год, тормозила этот процесс, и все же ингуши были настойчивы. Небольшая Ингушетия, окруженная численно превосходящими народами, когда царствовало право сильного, вынужденная постоянно отражать набеги разнородных феодалов, несмотря на мужество ее сыновей, отмеченное многими исследователями (Штедер, Вертепов, Яковлев...), остро нуждалась в союзе на взаимовыгодных условиях. К тому времени союзнические отношения ингушей с Грузией почти распались. Союз с Крымом (Турцией) через Кабарду означал бы порабощение и грозил этническим геноцидом. Поэтому самым выгодным и желанным был союз с Россией. В свою очередь, она также нуждалась и в укреплении своих окраин и в возможности продвижения в Закавказье, куда путь пролегал напрямик через земли ингушей по Дарьяльскому ущелью. По заключенному с Турцией в 1739 году мирному Белградскому договору Северный Кавказ был объявлен нейтральной территорией между двумя державами, потому-то на тот период Россия не могла прямо откликнуться на союзнические предложения ингушей.

В ответ на призыв от 15 июня 1756 года к ингушам искать покровительство «всемилодивейшей государыни», о чем уже написано, начались более многочисленные хождения ингушских делегаций в Кизляр, стали проводиться массовые общенародные сходы. В 1756 г. ингушские старшины Цоук-мирза Колмамоков, Харитон Мисос, Пахомиев (на не должны смущать христианские имена) писали кизлярскому коменданту, что «киштинские (ингушские – И. Д.) старшины, со всем народом присягали 900 человек, чтобы были вечно в подданстве» (Вехи единства... с. 38). В следующем 1757 году ингуши вновь обращались с ходатайством к русской администрации в Кизляре. Это ходатайство, доведенное до Синода в том же 1757 году, было этой высочайшей инстанцией одобрено, и сам этот факт был доведен до соответствующих административных инстанций, – до Коллегии иностранных дел и до Астраханской губернской канцелярии. Но на местах, возможно в силу действия Белградского договора (или противодействия местных феодалов), надлежащая официальная присяга, с которой обращались ингуши, не была реализована. Получались какие-то административные «ножницы»: обычно низшая инстанция предлагает, а высшая утверждает или

отрицает. В данном же случае все произошло наизусть: высшая инстанция (Синод) одобрил ингушское ходатайство от вышеуказанных представителей народа в составе 800–900 человек, а низшая инстанция проявила малопонятное инертное отношение к данному вопросу.

Опираясь на решение Высочайшего Синода от 1757 г. можно было бы признать, что именно эта дата, 1757 г., и является датой единения Ингушетии с Россией. И все же в то время, или в силу бюрократических факторов или политических, как явствует данный вопрос хотя и был очерчен и в общем-то решен, но не был до конца четко и ясно определен юридически. Вряд ли мы когда-либо узнаем подлинные имена названных трех ингушских старшин, в 1756 г. обратившихся в Кизляр от имени всего ингушского народа. Но нам совершенно ясно, что эти «новокрещенцы» были людьми прорусской ориентации, приверженцами григорианской церкви и патриотами своего народа. Особо примечателен из них Авраам Пахомиев. Он и его племянник Бекмурза фигурируют в ряде документов тех лет. Из-за своей деятельности он был пленен, а затем русскими выкуплен, есть подозрения, что он впоследствии был убит. Несомненно, имя Авраама Пахомиева стоит в ряду ранее живших Ушурмы, Шиха, Батая, Салтана, Хавсы. Все они славные герои нашего народа (незаслуженно нами забытые) на протяжении ряда веков приложили немало сил, иногда и самую жизнь, на благо лучшей доли для нашего народа. Мы в долгу перед ними.

И после 1757 г., как отмечают исследователи, в 1758–1762 гг. несколько ингушских посольств побывало в Кизляре. Так, в 1758 г. туда явилось девять ингушских старшин и принесло очередную присягу о подданстве России (Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в., с. 65). Но и эта присяга осталась без последствий.

Совершенно очевидно, что стремление ингушей быть в составе России было неуклонным в течение ряда веков, что какие-то локальные юридические документы при этом оформлялись, но они были чисто формальны и необязательны, но свидетельствовали, что руки России и Ингушетии постоянно тянулись друг к другу, что при возникновении каких-то временных благоприятных условий вновь пробуждался вопрос о единении нашего народа с Россией. Исходными датами принятия ингушами российского подданства можно было бы принять дату 1757 год, когда архимандрит Григорий доносил самой Екатерине II, что при его свидетельстве ингуши принесли клятву верности России. Да и сама императрица благоволила к ингушам (считала их приверженными к России и приглашала на жительство в Моздок). Но принять исходной

эту дату невозможно уже хотя бы потому, что в 1760 г. другой священнослужитель Пахомий (не от него ли принял христианское имя ингушский старшина Пахомиев?) сообщал кизлярскому коменданту, что ингуши «присягою утвердились быть под протекциею ея императорского величества». Но как принять и эту дату, если на следующий год вновь старшины Сурхови, Марзабек, Жанмирза (Варфоломей), Бешкен, Богатыр уже в который раз обратились к правительству от имени всего ингушского народа «податься под покровительство России»? Да, при этом ингушам какое-то внимание было оказано (названная их символическая охрана на период сельхозработ в 1761 г. и пр), но договор, как таковой, заключен еще не был.

К концу 70-х годов XVIII в. международная и внутренняя обстановка благоприятствовала осуществлению многими годами пестовавшейся задаче с двух сторон. Здесь будет уместным привести весьма содержательную выдержку из книги ученого Шукри Дахкильгова «Слово о родном крае» (Грозный, 1989 г.).

«... 16 февраля 1770 года ингушские старшины Гарий Чопанов, Сурхови Мирзаев (Мирзаханов), Мисос Зруков, Жанай Завров, Таштаруко Гогиев, Богатыр Темурков, Мисос Ханшов, Бехо Минполадов, Или Гернов, Бимарза Мирзаханов, Таштаруко Махмутов, Астемир Измайлов, Чаги Усбиев, Таштаруко Гарсов, Берг Бузуртев, Карт Зауров, Муцал Ханшов, Хасполат Шедиков, Татур Филмов, Арутан Келов, Надир Кадцев, Марзабек Мирзаханов, Темур Итесов, Жанмирза Казибеков прибыли в Кизляр для окончательного решения вопроса о вхождении ингушского народа в состав Российского государства» (с. 36-37).

Заметим, что в 50–60-е годы XVIII в. в Кизляр приезжали то «ряд» старшин, то – «девять». Конечно же, с ними какие-то мирные договора заключали, но, надо полагать, что тогда перед нашим народом царской администрацией был поставлен вопрос в том плане, что по столь важному делу нужен договор (соглашение, присяга и др.). не с отдельными обществами или селами, а именно с представителями всех Больших и Малых ингушей (как тогда называли), которые, по сути, тогда и представляли цвет ингушского народа. Только такой постановкой вопроса можно объяснить то, что именно все представители ингушей той поры, как один пришли к согласию о необходимости коллективно (от имени всего народа) совершить столь важный акт. Потому-то и посчитали необходимым всем старшинам, представителям от 24 населенных пунктов, объединиться, прийти к взаимному согласию, и всем вместе дружно, единой ингушской «семьею», двинуться в Кизляр. Вместе с сопутствующими им людьми (родственники, охрана, обслуга и др.).

Это была довольно внушительная делегация. Наши старшины – общенародные представители тех лет – показали, что в особо важные исторические дни наш народ всегда мобилизуется и заедино принимает участие в решении общенародных задач. Большие и Малые ингуши той поры действительно насчитывали 24 (по числу старшин) важнейших населенных пункта (к началу XIX в., по записи Клапрота, их насчитывалось уже 25, т. е. добавился всего один населенный пункт), когда в 1769 году явилась столь представительная делегация, несомненно, царской администрации стало ясно, что они имеют дело с согласованным и общенародно выражаемым желанием единения с Россией. Теперь оставалось только юридически окончательно закрепить акт добровольного единения. Далее Ш. Дахкильгов пишет:

«Во время переговоров в Кизляре, куда старшины прибыли с «доношением», в котором отмечалось, что они направлены от «всего народа и имеют усердное желание поступить в вечное подданство», представители ингушских обществ просили прислать «чиновного, мочного человека», то есть представителя, получившего от высшей власти полномочия, и установить место и время проведения акта присяги.

Присягу представителей всех ингушских обществ в «вечном добровольном подданстве России» принимал уполномоченный гусарского полка капитан Дегостий, имевший на руках ордер – «открытый лист» на принятие присяги в присутствии главы Северокавказской духовной миссии архимандрита Порфирия.

Процедура принятия присяги ингушскими старшинами на верность России происходила 4, 5, 6 марта 1770 года вблизи крупного предгорного аула Ангушт на обширной поляне с символическим названием «Барта босе», что значит «склон согласия» (выделено нами. – И. Д.).

В те весенние дни, а это, между прочим, были воскресенье, понедельник, вторник, вместе с лицами, представлявшими Российское правительство, на всенародном «кхетаче» – своеобразном народном сходе ингушей, где собралось свыше 800 человек от разных обществ, присутствовал и академик И.А. Гюльденштедт.

В дневниковых записях ученый несколько раз фиксировал факт принятия ингушами присяги и дачи аманатов в знак нерушимости ее.

Приняв подданство России, ингушские старшины сообщили об этом событии кизлярскому коменданту Ивану Давыдовичу Неймичу...

Первое официальное донесение о принятии представителями Ингушетии присяги полковник И. Неймич послал в святейший синод «особым доношением» 3 апреля 1770 года» (с. 37–38). Царская коллегия иностранных дел 12 июля 1770 г. одобрила этот договор и он обрел

официальную силу. Перед нашим народом стоит вопрос не о дате, она несомненна – 1770 г., а о том, когда же нам проводить соответствующие торжества по поводу столь знаменательного события: в марте (15, 16 и 17 числа по новому стилю) или же в июле.

Представляется, что мартовская дата наиболее приемлема (скажем, третье воскресенье марта) – тем самым мы продолжим традицию предков, к тому же в июле у нас есть не менее примечательная историческая дата – создание ингушской государственности.

Таким образом, в XVII веке, ингуши первыми из Северокавказских народов официально соединились с Русью, причем добровольно. Так, при возникновении каких-либо случайных неурядиц, ингуши, как это было уже в 1772 году напоминали: «Шли-де мы в подданстве ея императорского величества не из принуждения, но самопроизвольно, в коем и ныне состоим непоколебимо...» (Вехи единства, Грозный, 1982, с. 46).

Этот и многие другие источники свидетельствуют, что никогда и никем ингуши не были присоединены, что они сами, в течение ряда веков, искали союза с Россией и на законодательной основе обрели его в 1770 году. На опубликованных картах России в начале 70-х годов XVIII в. из всех народов Кавказа в составе России находящихся, названы только ингуши.

Обращает на себя внимание, что этот важнейший для нас акт совершался дважды, один за другим, сначала в Кизляре и тут же, через небольшое время, в центре тогдашней Ингушетии, в Ангуште. Полномочная царская администрация видимо хотела знать и видеть не только волю самих 24-х старшин, а и волеизъявление самого народа. В чем она, в лице своих представителей, убедилась воочию в течение нескольких дней проводившихся массовых всенародных торжеств.

Как сказано, сам акт единения Ингушетии с Россией произошел в тогдашнем центре Ингушетии в Ангуште, но торжества, необходимые у ингушей в подобных случаях, происходили в течение названных трех дней за селом, на покато́м склоне. У ингушей все крупные торжества всегда проводились за селом, так как обязательным условием торжеств всегда являлись скачки (даже на поминках – по Ч. Ахриеву). Склон был безымянный. Но после этого общенародного торжества его назвали Бартабосом (Склоном согласия). Много позднее на этом месте возник одноименный хутор, позднее прекративший свое существование. Еще раз надо уяснить, что на Склоне согласия (Бартабосе) проходили лишь торжества, сам же акт (договор) был окончательно подписан, закреплён присягою в тогдашней столице Ангуште. И, конечно же, он заслуживает того, чтобы там был воздвигнут величественный монумент.

мент, символизирующий нерушимую дружбу русского и ингушского народов. В этом наш долг перед мужественными предками. Как представляется, самой подходящей датой для этого является 2005 год, когда исполнится 235-летняя годовщина этого важнейшего в истории ингушского народа события.

Сам же договор от 1770 года, подписанный всеми представительными старшинами от имени всего ингушского народа в настоящее время находится в Архиве внешней политики России Министерства иностранных дел.

О том, что Россия уже в том же 1770 году считала Ингушетию уже окончательно вошедшей в состав России мы находим одно из свидетельств в исследовании И. Омельченко (Терское казачество..., с. 254), который сообщает: «Так, в октябре 1770 года казаки Моздокского полка, стоявшие лагерем в Галгае отказались производить смену караулов по войсковому уставу регулярной армии – »по-гусарски«, и произвели развод «по древнему в том обыкновению». Попытка командира полка Савельева через посланных старшин и офицеров привести это приказание в исполнение не имела успеха».

Далее исследователь дополняет, что за это непослушание сотня казаков была наказана битьем батогами (палками), а затем оставлена слушать далее, тем самым давая молодым казакам возможность искупить свою вину. Видимо, сотня молодых казаков (возможно под влиянием местного населения) почувствовала себя автономной в Ингушетии и нарушила высочайшее предписание: предалась казачьей вольности, за что и была наказана. Для нас же в данном случае важен сам факт нахождения уже в 1770 году в Ингушетии казачьего воинского формирования, так как ингуши, заключая договора с Россией, всегда включали пункт об охране их со стороны внешней опасности и гарантии возможности дальнейшего продвижения на равнинные земли своих предков. Как видим, уже в том 1770 году Россия приступила к исполнению своих договорных обязательств.

В части введения в Ингушетию воинского контингента. Первым из исследователей, причем не раз в своем научном исследовании и дневнике, об этом важном историческом событии 1770 года писал академик (и как уже сказано, свидетель тех событий) И. Гюльденштедт (Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809, с. 78 и др). Причем, после Гюльденштедта эта дата стала хрестоматийной и неоспоримой в трудах исследователей позднейшей поры. Однако почему-то Г. Мартиросиан в своей «Истории Ингуши» пишет, что ингуши обратились к кизлярскому коменданту, и по собственному их же-

ланию приняты в 1769 году в российское подданство и дали аманатов (История Ингушии. Орджоникидзе, 1933). Возможно Г. Мартиросиан был введен в заблуждение П.П. Бутковым, который сообщал:

«Народ ингуши... по собственному их желанию приняты в 1769 году в российское подданство и дали аманатов» (Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803. СПб., 1869, с. 300). Действительно, в этот 1769 год Авраам Пахомиев и его племянник Бекмурза обращались непосредственно к кизлярскому коменданту, но это было лишь самое преддверие к предстоящему на следующий (1770-й) год общенародному акту.

Случается, что в современных некоторых публикациях годом единения Ингушетии с Россией называется 1810 год. Но надо разграничивать исторические понятия.

По свидетельству исторических источников в дефиле рек Сунжи и Назранки ингуши зафиксированы были уже в 1781 г., чему, несомненно, способствовал договор от 1770 г. От Камбелеевки до Назранки поселений не было. Получилось так, что назрановские ингуши, в начале XIX века значительно умножившиеся и продолжавшие давать аманатов во Владикавказ, были оторваны от других по Камбелеевке проживавших ингушей, да и от самой Владикавказской крепости находились в отдалении 32 верст.

В 1806–1812 гг. шла очередная русско-турецкая война. Она способствовала пробуждению на Северном Кавказе антирусских сил. Это было уже преддверие Кавказской войны. Турецкие агенты усиленно подстрекали «вольные» дружины набеговиков соседних с Назранью народов. Переписка русских генералов тех лет Дельпоцо, Ивелича, Тормасова, Булгакова свидетельствует, что «назрановцы»... в настоящее время со всех сторон окружены неприятелями и не могут иметь во всякое время против оных безопасности без защиты русского войска» (Акты Кавказской археографической комиссии об Ингушетии и ингушах. Назрань, 1995, с. 71). В тот осложнившийся период назрановцы мужественно и упорно отражали массовые враждебные воинские полчища, однако силы были явно не равны. Ситуация сложилась таким образом, что назрановцам или надо было вернуться к своим сородичам на Камбелеевку и Владикавказ, или с помощью русского оружия оставаться на обжитых местах.

Россия была крайне заинтересована, чтобы назрановцы оставались на своих местах (позднее об этом писал и Ермолов). Таким образом, по прошествии 40 лет (заметим, что никакие новые договоры за это время не заключались) был заключен договор назрановцев с Россией в 1810 г. Россия стала усиленно способствовать дальнейшему переселению ингушей к Назрани, стала оказывать военную помощь.

Вообще нередко случалось, и не только с ингушами, что при каких-то изменениях исторической обстановки прежние договора подкреплялись новыми документами. Свидетельство тому, например, 1991 год, когда ингуши общенародным референдумом подтвердили свое единство с Россией, поскольку историческая обстановка претерпела кардинальные изменения.

К чести России надо отметить, что она выступала на стороне ингушей, когда случались враждебные акции к ней со стороны внешних сил. Россия способствовала возвращению ингушей на прадедовские равнинные земли и т. д. А к чести Ингушетии надо отнести то, что она с 1770 г. никогда не нарушала союзнической клятвы и она всегда была ей верна:

- мы, с риском преодолевая препятствия, охраняли и проводили русских послов в Закавказье;

- мы охраняли, защищали на нашей земле воздвигнутую, первоначально еще маломощную Владикавказскую крепость, которая имела специальные Назрановские ворота;

- мы уничтожали враждебные России феодально-разгульные скопища наших общих врагов, разгуливавших по всему предкавказью;

- мы были повторно награждены Георгиевским штандартом за беспримерно героическое участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.;

- мы героически гибли в манджурских болотах в бесславную русско-японскую войну 1904–1905 гг.;

- мы были на самых передовых фронтах первой мировой войны, в том числе в славном Брусиловском прорыве, за что были отмечены особой монаршей признательностью;

- мы отказались «воевать» с мирным населением Петербурга, когда нашими руками хотели задушить этот город;

- мы в гражданскую войну были «зверинными» (по А. Серафимовичу) борцами против самодержавия, за что получили официальный титул «Красная Ингушетия»;

- мы проявили чудеса храбрости при защите Брестской крепости и на других фронтах Великой Отечественной войны...

Кто-то может сказать, что со стороны России были карательные экспедиции (а к кому они не были?), было земельное стеснение ин-

гушей, была общенародная депортация... А разве в самой России не были потопленные в крови народные выступления под руководством Разина, Булавина, Пугачева? Действия царских административных самодуров и сталинско-бериевских манкуртов, всех этих исторических геростратов, переносить на весь народ неумно и несправедливо. Ведь сказано, что в истории надо искать не пепел, а огонь.

Договор 1770 г. прошел проверку временем. В современный исторический период ярчайшими проявлениями этого стало то, что восстановилась историческая справедливость – восстановилась наша родная республика в составе Великой России.

Среди славных дат нашей истории ярчайшей является дата 1770 года, которую мы должны помнить и обязаны чтить.

В заключение приведем хронологию основных исторических событий, предшествовавших заключению договора 1770 года:

1567 – предводитель аккинцев Ушаром-мурза вступил в дружеские взаимоотношения с Россией (при Иване Грозном);

1587–1638 – через Ингушетию по Дарьяльскому ущелью и далее прошли русские посольства Биркина и Пивова, Звенигородского и Антонова, Татищева, Волконского;

1587 – Ших-мурза Аккинский получил от царя (Федора Ивановича) грамоту о принятии в российское подданство;

1588 – основан городок Терки, в котором одними из первых поселились аккинцы;

1588 – Салтан-мурза заявил русским послам: «Яз ныне хочу государю служить по свою смерть, как государю вашему служит брат мой Ших-мурза Окуцкий»;

1589 – Салтан-мурза ведет переговоры с послами Руси о даче ей присяги на верность, с выдачей аманатов;

1595 – убит Ших-мурза Аккинский за принятие им российского подданства;

1605 – делегация аккинцев во главе с Батай-мурзою (сыном Ших-мурзы) ездила к царю Борису Годунову (в год его смерти);

1637 – «владелец» общества Оахкаре Хавса помогал и охранял русское посольство до границ с Грузией;

1638 – Хавса верно служил русскому царю Михаилу Федоровичу и грузинскому царю Теймуразу;

1714 – Петром I было дано указание сенату горские народы «приклонять» к России;

1735 – основан Кизляр;

1744 – создана духовная комиссия во главе с Пахомием по обращению ингушей в христианство;

1747 – русское правительство в очередной раз распорядилось принимать народы Кавказа в российское подданство;

1756–800 ингушей в присутствии игумена Григория принесли присягу верности Екатерине II;

1757 – в Кизляр прибыли ингушские старшины, которые принесли присягу верности России;

1760 – донесение Пахомия кизлярскому коменданту о том, что ингуши «присягою утвердились быть под протекцию ея императорского величества»;

1761 – ингушские старшины Сурхови, Марзабек, Жанмирза (Варфоломей), Бешкен и Богатыр явились с челобитной к кизлярскому коменданту с желанием «податься под покровительство России»; ингушам была выделена команда для защиты их от набегов со стороны;

1768 – начало деятельности И. Гюльденштедта, участника знаменитых событий 1770 г., проходивших в Ангуште;

1768–1774 – русско-турецкая война, в которой ингуши приняли участие в Закавказье и на Кубани;

1769 – Авраам Пахомиев и его племянник Бекмурза были в Кизляре от имени ингушского народа по вопросу единения Ингушетии и России;

1770 – подписан договор о вечном единении Ингушетии с Россией, который летом того же года был утвержден коллегией иностранных дел.

(И. Дахкильгов, профессор ИнГУ, газета «Ингушетия», 14.02.2004 г., № 16 (1135))

К 75-ЛЕТИЮ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ И ИНГУШСКОЙ АВТОНОМНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Становление Сунженского и Малгобекского районов
бывшей ЧИАССР, их развитие в 90-х годах XX века
(историко-правовой аспект)

9 января 1957 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была восстановлена упраздненная ранее чечено-ингушская государственность. Нахский народ, пережив чашу 13-летнего горя, беззаконий и испытаний вернулся на свою историческую родину из мест их депортации. Однако, в процессе восстановления Чечено-Ингушской АССР, бывший Пригородный район Ингушетии, т. е. часть территории некогда единой Чечено-Ингушской Республики была неоправданно урезана и оставлена в пользу сопредельной Северо-Осетинской АССР.

Западная часть нахского этноса – ингуши, территориально оказавшись ущемленными, впоследствии несколько десятилетий безуспешно добиваются права проживания на родных исторических землях и возвращения незаконно (насильственно) отнятой своей территории. Однако в советский период, до самого распада СССР, их мытарствам не было конца и края. Принимаемые государственной властью меры проблеме ингушей не решали, а проводимые ими акции, бумерангом оборачивались против тех же ингушей как противоправные действия. Российское правительство по этому вопросу приняло ряд нормативно-правовых актов. Однако никаких результатов в решении ингушской территориальной проблемы они не дали. Ингушская земля продолжала оставаться в составе Республики Северной Осетии-Алания, где местами удавалось поселяться возвращавшимся с выселения ингушским семьям.

Окончательная трагедия для ингушей, проживавших в Осетии, произошла в 1992 году, во время антиконституционных событий в Северной Осетии–Алания. Ингуши, ранее проживавшие на своих исторических землях в Пригородном районе и в г. Владикавказ, были насильственно изгнаны. После чего они большими группами в качестве беженцев вынуждены были расселяться в соседней братской Чеченской Республике, в том числе и на территории Сунженского района (с 1929 года Сунженского Округа Чеченской Автономной Области, а с 1931 года Сунженского района Чеченской Автономной Области).

Переселение и временное обустройство ингушей в Чечне в 1992 году совпали с тяжелейшим для чеченского народа периодом, тем не менее,

потерявшие кров и обездоленные ингуши на новом месте были приняты чеченскими властями и народом по-братски. Продолжая свое пребывание в Чеченской Республике и проживая на этой территории, ингуши с течением времени стали выдвигать территориальные притязания на часть земель Сунженского и Малгобекского районов бывшей Чечено-Ингушской АССР. Это, в свою очередь, породило массу недовольств, упреков, следовательно, и негативных высказываний друг другу отдельными представителями из числа братских народов чеченцев и ингушей.

В конце 90-х годов XX столетия данный вопрос все настойчивее стал подниматься официальными лицами Республики Ингушетия в высших политических кругах республиканского и федерального уровня. При этом, проявляя стремление решить проблему границы в одностороннем порядке через федеральные властные структуры, игнорируя чеченскую сторону. В основе такой позиции лежит попытка в одностороннем порядке реализовать свои притязания на земли большей части Сунженского района и определенной части Малгобекского района бывшей ЧИАССР.

Данный вопрос останется не ясным, если не попытаться уяснить суть и понять этапы развития территориальных притязаний ингушей на земли названных районов. Для этого следует изучить и понять их историю.

Территория Сунженского района Чеченской Республики являлась частью Сунженского казачьего Округа, входившей в состав Горской Автономной Советской Социалистической Республики, образованной 20 января 1921 года в соответствии декретом ВЦИК РСФСР. В состав этой республики входили округа: Чеченский, Ингушский, Кабардинский, Балкарский, Карачаевский, Черкесский и Северо-Осетинский. Вскоре Горская АССР начала распадаться на вышеперечисленные составные части.

30 ноября 1922 года из Горской Автономной Советской Социалистической Республики вышел Чеченский Округ, преобразованный в Чеченскую Автономную Область. 4 января 1923 года Постановлением ВЦИК РСФСР были определены границы автономной области. В это время, Чеченская Автономная Область состояла из шести округов: Гудермесского, Шалинского, Веденского, Надтеречного, Урус-Мартановского, Сунженского (Новочеченского) и одного Петропавловского района.

13 февраля 1924 года Постановлением Президиума ВЦИК РСФСР был образован Северо-Кавказский край. В административном устройстве, все выходившие из Горской АССР автономные области и округа входили в состав вновь созданного Северо-Кавказского края.

7 июля 1924 года, после упразднения Горской АССР, из ее состава вышли Ингушская и Северо-Осетинская Автономные Области и Сунженский Округ. Первые два обрели новый статус и стали именоваться каждый в отдельности Автономными Областями. Сунженский Округ имел статус Автономного Округа. Все эти субъекты края, имея свои определенные границы, возглавлялись областными и окружными органами управления (соответственно областными исполкомами и окружным исполкомом).

Сунженский Автономный Округ в составе этого края, по самоуправлению приравненный к губернии, не имел ничего общего с ним ни по территории, ни по величине населения, ни по количеству населенных пунктов, ни по экономическим и культурным показателям. По существу это был маленький самоуправляемый район, территория которого равнялась 1185,5 кв. км, с населением 34.808 человек, где насчитывалось свыше 20 населенных пунктов (аулы, станицы и хутора), которые объединялись в 9 сельских совета.

По своим территориальным, природно-географическим и экономическим особенностям Сунженский Автономный Округ четко делился на две неравные части. Меньшая его часть – северная, прилегала к Терреку и находилась в Алхан-Чуртской долине. Ее составляли население и территории двух станиц Терской и Вознесенской, и пяти разных по величине поселков и хуторов: Нижнее-Бековичи, Майского, Октябрьского, Предмостного и Акки-Юрта. Экономически и территориально эта часть округа тяготела к близлежащему городку Моздок, так как находилась в отдалении от основной территории округа, отгороженной Сунженским хребтом.

Другая часть округа, большая по территории и количественному составу населения, являлась южной частью. Она находилась на основной чеченской равнине в бассейне среднего течения реки Сунжа. В южную часть округа входили станицы: Слепцовская (окружной административный центр), Троицкая, Карабулакская, Нестеровская, Ассиновская, хутора Маковкин, Давиденко, прилегающие к станицам поселки и железнодорожные станции и хутора.

В 1926 году население и управление Сунженского Автономного Округа пришло к убеждению, что сохранение округа, как отдельной и самостоятельной административной единицы в дальнейшем нецелесообразно по следующим основаниям:

- тяжелого экономического положения хозяйств округа и отсутствием перспективы выхода из кризиса собственными силами;
- незначительностью территории округа и небольшого количества населения, состоящего, в основном, из казаков и чеченцев;

– расходами на содержание административного аппарата автономного округа, которое «съедало» половину бюджета округа и не давало возможности выделять средства на самые насущные социальные и культурные потребности населения.

Кроме того, население округа испытывало экономическое, социальное и культурное тяготение к городам Грозный и Моздок. Все вместе взятое порождало различные объективные обращения в вышестоящие инстанции, а не решение возникающих проблем усиливало недовольство среди казачьего населения. Это требовало принятия кардинального решения по устройству данной категории населения края.

В этих условиях, Президиум Северо-Кавказского Крайисполкома, откликаясь на настойчивые обращения руководства и населения Сунженского Автономного Округа, поручило Краевой Специальной Административной Комиссии подготовить вопрос о реорганизации (расформировании) округа. На заседании данной комиссии 10 марта 1927 года были выработаны следующие предложения:

1. Северную часть округа – две станицы Терская и Вознесенская и 5 хуторов: Нижнее-Бековичи, Майского, Октябрьского, Предмостного и Акки-Юрт передать в состав Моздокского района Терского округа.

2. Южную часть округа реорганизовать в район и передать в состав Чеченской Автономной Области.

Специальная Административная Комиссия Северо-Кавказского края, изучавшая и рассмотревшая данный вопрос, рекомендовала населению Сунженского Округа «присоединиться к Чеченской Автономной Области».

В середине марта 1927 года начинается поэтапный процесс подготовки вхождения Сунженского Округа в состав Чеченской Автономной Области. Он проходил по желанию и требованию казачьего населения, настойчивым ходатайствам и обращениям Сунженского Округа и решений вышестоящих краевых властей. Предложения ингушских властей о присоединении этой части округа к Ингушетии и проявляющие в этом вопросе неофициальные притязания ингушских властей на земли этой части округа, руководством и населением округа отвергались. Такое же отношение к ним проявляли и краевые должностные лица.

В процессе решения данного вопроса, Комиссия Крайисполкома вскоре пересмотрела вариант включения всей территории северной части Сунженского округа в Терский округ. Предлагается изъять из передаваемой северной части округа станицу Вознесенскую и поселок Акки-Юрт и присоединить их к южной части округа в одном новом

районе передаваемой Чеченской Автономной Области. Видимо Крайисполком был озабочен судьбой Вознесенских нефтепромыслов, находившихся на территории станицы Вознесенской. В развитии и использовании Вознесенских промыслов участвовала «Грознефть», главные управленческие структуры которого находились в Грозном.

В окончательном варианте предложения Административной Комиссии Северо-Кавказского Крайисполкома были сформулированы следующим образом:

а) Северную часть округа в составе станицы Терской с хуторами Нижне-Бековичи, Предмостным, Майским и Октябрьским передать в состав Моздокского района Терского округа.

б) Южную часть округа в составе станиц Слепцовой, Троицкой, Карабулакской, Нестеровской, Вознесенской и Ассинской с хуторами Давиденко, Акки-Юрт и Чемульга объединить в один район, и передать в состав Чечни.

Президиум Северо-Кавказского Крайисполкома на своем заседании 27 сентября 1928 года на основании выработанных предложений принимает решение о расформировании Сунженского Автономного Округа и присоединении его южной части к Чеченской Автономной Области в формулировке Краевой Административной Комиссии. Одновременно предлагает ускорить подготовку документов необходимых для окончательного утверждения ВЦИК СССР принятых решений и рекомендует незамедлительно начать практическую работу по расформированию округа и включению его частей в состав Чеченской Автономной Области.

Руководство Чеченской Автономной области вынуждено было реагировать на решения вышестоящих краевых органов власти и 9 октября 1928 года на заседании Президиума Чеченского Облисполкома выносит постановление, в котором говорится:

а) По решению Президиума Северо-Кавказского Крайисполкома, принять в состав Чеченской Автономной Области Сунженский Автономный Округ.

б) Для практического проведения в жизнь решений Президиума Северо-Кавказского Крайисполкома образовать комиссию в составе:

- от Чечни – Ионисиани;
- от Сунженского Округа – Багучарова;
- от Северо-Кавказского Крайисполкома – представителя.

Комиссии предписывалось в двухдневный срок выехать в бывший Сунженский округ и установить на месте штаты управления и бюджет

округа с учетом полного поступления Единого Сельскохозяйственного Налога и таких же отчислений от Вознесенских нефтепромыслов. Кроме этого предлагалось, в виду сокращения окружных штатов, изучить вопрос о возможности использования освободившихся штатных работников в учреждениях Чеченской Автономной Области. Отделам и управлениям Чеченского Облисполкома рекомендовалось ознакомиться с состоянием работы в бывшем округе по их ведомственным направлениям и наметить дальнейшие планы работы.

В дальнейшем Президиум Чеченского Автономного Облисполкома действовал в рамках принятого решения Северо-Кавказского Крайисполкома. Выполняя указанные решения, руководство Чеченской АО наметило практические шаги по включению южной части Сунженского Округа в состав Чеченской Автономной Области. В это время, краевые органы власти уже обратились в Президиум ВЦИК СССР по вопросу об утверждении постановления «О передаче основной части Сунженского Округа в Чеченскую Автономную Область», одновременно предлагали на местах начать практическое объединение Сунженского Округа с Чечней. В Постановлении Президиума Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета, принятого на заседании 16 октября 1928 года говорится, «до окончательного решения данного вопроса ВЦИК СССР, считать возможным бюджет Сунженского округа на текущий 1928–1929 бюджетный год возможным составлять, как часть Чеченского общего областного бюджета. Расходование средств производить в соответствии с решением Президиума Крайисполкома от 27 сентября сего года». Эти меры Крайисполкома и Окружкома Сунженского Округа привели к тому, что практическое вхождение большей части Сунженского Округа в состав Чеченской Автономной Области состоялось еще в 1928 году.

Следует отметить, что при решении данного вопроса вызывали удивление ответственных работников Чеченской Автономной Области и даже аппарата ВЦИК СССР поток просьб, ходатайств и требований о немедленном включении Сунженского округа в Чеченскую Автономную Область. Если это как-то и инициировалось сверху, чтобы ускорить принятие выработанного решения, то размах и массовость, с которыми принимались решения на станичных сходах, никак не могли не отражать желание большинства станичников-казаков и хуторян-чеченцев стать жителями Чеченской Автономной Области.

В начале октября 1928 года, процесс реорганизации Сунженского Округа и включения территории его основной части в Чеченскую Ав-

тономную Область усиливается из-за политического движения снизу, станиц и хуторов округа. За вхождение данной части округа в Чечню высказывается IV окружной съезд Советов. Его решение поддержал 10 октября 1928 года VI Пленум Исполнительного Комитета Сунженского Округа. Принятое постановление гласит: «Южная часть округа со станицами: Вознесенской, Слепцовой, Троицкой, Карабулакской, Нестеровской и Ассинской, и хуторами Давиденко, Чемульга, Акки-Юрт, Маковкин, Благодарный, Горный, Большевский, Новая Жизнь и Новая Деревня входят в состав Чечни на правах округа с преобразованием в район, с центром в станице Слепцовой и наименованием «Сунженский». Поселок Майский из станицы Терской, как близко расположенный и вклинивающийся своим земельным наделом в земли станицы Вознесенской, также входит в состав Сунженского Округа». Пленум Сунженского Округа просил руководство Северо-Кавказского Края и Чеченской Автономной Области, после вхождения Сунженского Округа в состав Чечни, обеспечить его социально-культурное и хозяйственное развитие.

Окружком принял постановление вынести на рассмотрение Пленумов самих Сунженских станиц и хуторов вопрос о включении большей части Сунженского Округа в состав Чечни. Сунженские станичные советы южной части округа 12–14 октября 1928 года единодушно высказались за реорганизацию округа, и включение их станиц и хуторов в состав Чеченской Автономной Области. За вхождение в состав Чечни решительно выступили и жители населенных пунктов северной части округа, хотя они в краевых и окружных документах определялись, как вступающие в Моздокский район Терского Округа. 17 октября 1928 года Председатель Сунженского Окружкома Богучаров, направляя в Административную Комиссию Северо-Кавказского Крайисполкома решения пленумов Сунженских населенных пунктов сообщал: «Пленумы северных станичных советов и населенных пунктов, которые должны были отойти по Постановлению Пленума Сунженского Окружкома к Терскому Округу, выразили желание от округа не отделяться и войти вместе с основной его частью в состав Чеченской Автономной Области».

Краевая административная Комиссия и другие краевые органы отрицательно отнеслись к постановлениям Сунженских северных населенных пунктов о желании населения присоединиться не к Моздокскому району Терского округа, а войти в состав Чечни вместе с южной частью Сунженского Округа. От своих требований жители северных населенных пунктов Сунженского округа отступили лишь под давлением Краевых органов. Однако станичные власти Сунженских «севе-

рян», несмотря на требования краевых властей, повели самостоятельную борьбу за включение их в состав Чечни. Длилась эта борьба около трех месяцев. Убедившись в том, что ни краевые, ни окружные власти не собираются включать северную часть округа в состав создаваемого в Чечне Сунженского района, «северяне» решили добиваться этого непосредственно без помощи вышестоящих органов. С этой целью, на общих собраниях жители Сунженских северных станиц и прилегающих к ним хуторов выносят постановления и настоятельно просят Чеченский Облисполком и Обком ВКП (б) об их принятии в состав Чечни и присоединении территориально примыкающему Надтеречному району Чеченской Автономной Области. Даже в Грозный были направлены ходоки с наказами и письмами с вышеупомянутым содержанием, и деньги на проезд и командировочные расходы для делегации жители станицы собирали среди населения.

В заявлении общего собрания граждан «северных» населенных пунктов Сунженского Округа Чеченскому Облисполкому и Обкому ВКП (б) говорится: «Общее собрание граждан станицы Терской находит передачу станицы Терской с хуторами Терскому округу несправедливой и неправильной. Станица Терская еще в дореволюционное время не входила в состав Моздокского района, и экономически одинаково имеет тяготение к Грозному и Владикавказу. Со стороны политической, станица Терская должна остаться в Чеченской Автономной Области».

Далее указывается, что территориально станица Терская с хуторами соприкасается с чеченскими аулами Надтеречного района. Так, в своих заявлениях станичники приводят факты тесных взаимоотношений с чеченцами и пишут: *«Еще в 1923 г. станица Терская, населяя хутор Октябрьский, пригласила в состав ее жителей 9 дворов чеченцев из аула Али-Юрт, которые были землеустроены в Юрте станицы Терской. В школе станицы Терской обучались дети чеченцев из селений Ногай-Мирза-Юрт, Али-Юрт и Бено-Юрт. Граждане указанных чеченских сел состояли членами кооперации станицы Терской, которая их обслуживала, выдавая им кредиты, снабжала сельскохозяйственными машинами и другими товарами. Больница и ветеринарный пункт станицы Терской также обслуживали соседних граждан из Надтеречного района Чечни. Имея смежные наделы с чеченцами, станичники совместно с ними пользовались молотилками и другим сельскохозяйственным инвентарем. Административные рогатки во взаимоотношениях, которые временами ставились властями двух автономных субъектов, мудро обходили сами казаки станиц и чеченские сельчане. Так было, например, в предыдущем 1927 году, когда из станицы Терской был запрещен вывоз имевшегося у*

них в избытке корма для скота необходимый чеченцам, а из чеченских аулов – кукурузы, в которой нуждались жители станиц Терской». Станичники также указывали, что «при объединении легче будут решаться и мелкие недоразумения в виде потрав, «перепуска» скота, а также совместными усилиями легче будет вести борьбу с проявлениями скотокрадства и конокрадства.

Принимая во внимание давние связи станичников с чеченцами, общее собрание граждан станицы Терской убедительно просит Вашего ходатайства перед Высшими органами Советской власти о присоединении станицы Терской с хуторами в состав Чеченской Области, введя ее в состав Надтеречного района Чеченской Автономной Области».

Чеченское руководство после таких трогательных просьб каждый раз оказывалось в неловком положении. С одной стороны, оно знало о решительном нежелании вышестоящих краевых органов пересматривать свои решения о передаче станицы Терской с прилегающими хуторами в Моздокский район Терского округа. С другой стороны, не могло игнорировать столь трогательное и настойчивое, вместе с тем логически обоснованное стремление «северных» станичников присоединиться не к казачьему Моздокскому району Терского округа, а соседнему Надтеречному району Чеченской Автономной Области.

22 декабря 1928 года, представляя заявления и обращения граждан станицы Терской в Северо-Кавказский Крайисполком, Президиум Облисполкома Чеченского Автономной Области писал: «Имея ввиду настойчивое стремление населения станицы Терской и ее хуторов присоединиться к Чечне, Облисполком не возражает и поддерживает просьбу граждан о включении станицы Терской с хуторами в состав Чеченской Автономной Области». Однако позиция Крайисполкома относительно станицы Терской осталась прежней, и Крайисполком продолжил практическую деятельность по включению лишь основной южной части Сунженского Округа в состав Чечни.

В конце 1928 года в официальных документах сообщалось, что лишь южная часть Сунженского округа со станицами считается вошедшей в состав Чечни. К 19 декабря 1928 года уже был подготовлен проект изменений по внутреннему делению всей Чеченской Автономной Области. Примечательно, что одной из причин пересмотра административных частей (единиц) Чечни Заместитель Председателя Северо-Кавказского Крайисполкома назвал включение в ее состав основной части Сунженского округа. В частности, в документе внутреннего деления Чечни под пунктом 10 значится «Сунженский округ, с центром в станице Слепцовской».

В состав Сунженского округа входят сельсоветы: Ачхоевский, Асламбековский, Самашкинский, Слепцовский, Карабулакский, Вознесенский, Троицкий, Ассиновский, Нестеровский, Давыденковский и Чемульгинский с количеством населения – 46861 душ; территория – 6000 кв. км.; сельсоветов – 11.

Наконец, вопрос «Об упразднении Сунженского Округа» 4 февраля 1929 года рассмотрен на заседании Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета под председательством М.И. Калинина и утвержден в редакции Административной комиссии ВЦИК СССР, в котором указано следующее: «Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

1. Сунженский Округ Северо-Кавказского края упразднить, распределив территорию его в нижеследующем порядке:

2. Станицу Терскую с хуторами Октябрьским, Майским, Предмостным и Нижним-Бековичи включить в состав Моздокского района Терского округа.

3. Остальную территорию в составе станиц: Слепцовой, Троицкой, Карабулакской, Нестеровской, Вознесенской и Ассинской с хуторами Давыденко, Акки-Юрт и Чемульга включить в состав Чеченской Автономной Области, образовав на этой территории округ на правах района с центром в станице Слепцовой, с наименованием его Сунженский.

4. Ликвидацию округа произвести в порядке инструкции ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1923 года».

14 февраля 1929 года в печати было официально объявлено о включении Сунженского округа в состав Чеченской Автономной Области.

Таким образом, Сунженский Округ в начале 1929 года с центром в станице Слепцовой стал административно-территориальной единицей и составной частью Чеченской Автономной Области. В данном округе совместно проживало чеченское и русское (казачье) население. В статусе административно-территориальной единицы Чечни Сунженский округ оставался до 1931 года. В 1931 году все внутренние округа Чечни, в том числе и Сунженский, были переименованы в районы. Таковым он являлся при объединении Чеченской и Ингушской Автономных областей 15 января 1934 года.

В 1934 году население Сунженского района состояло, в основном, из русских (казаков) и чеченцев. На момент объединения двух автономных областей в 1934 году представителей ингушской национальности в районе не проживало. В 1936 году, при образовании ЧИАССР, Сунженский район, как и все остальные внутренние районы, стал общей

республиканской территорией. Здесь по-прежнему, вплоть до ликвидации чечено-ингушской государственности и депортации чеченцев и ингушей в Казахстан и Среднюю Азию, проживали только чеченцы и русские. По состоянию на 1 января 1944 года Сунженский район состоял из 9814 хозяйств, с населением 32843 человек.

В период пребывания чеченцев и ингушей в изгнании и в местах специального поселения, на территории Сунженского района Грозненской области проживали русские, (в основном казачье население), осетины и представители других национальностей, переселенные сюда из регионов бывшего РСФСР.

В 60-х годах прошлого столетия после восстановления ЧИАССР, над Сунженским районом начали производиться различные административные упражнения и комбинации. Район, как административно-территориальную единицу, власти Чечено-Ингушской АССР то создавали, то ликвидировали, то включали его куда-то, то присоединяли к нему какие-то другие территории. При этом производились ничем не объясняемые административно-территориальные изменения. Эти упражнения продолжались и в семидесятых годах прошлого столетия. Так, часть Галашкинского района ЧИАССР в 1975 году необоснованно была включена в состав Сунженского района, в котором он продолжал находиться до периода перестройки. Все эти годы с момента восстановления республики, Президиум Верховного Совета ЧИАССР – высший орган законодательной власти республики, в чью прерогативу входили вопросы административно-территориального деления и устройства, возглавляли товарищи Дзангиев, Алмазов, Оздоев и Боков.

В перестроечный период советского прошлого, в Чечено-Ингушской АССР совершенно справедливо и активно поднимался вопрос Пригородного района Северной Осетии, невозвращенного Чечено-Ингушской АССР, земли которого первоначально принадлежали Ингушской Автономной Области. Однако стали появляться и множество надуманных высказываний по внутреннему делению республики. В основном они сводились к якобы оставшимся нерешенным территориальным проблемам во время восстановления Чечено-Ингушской АССР.

В 90-х годах XX века Сунженский район Чечено-Ингушетии представлял собой большую территорию площадью в 2,4 тыс. кв. км. Он состоял фактически из двух районов: Сунженского района, входившего в Чеченскую Автономную Область, и Галашкинского района, входившего в Ингушскую Автономную Область. В 1992 году земли этих районов оказались стихийно разделенными. Территория бывшего Галашкинского района справедливо отошла к вновь созданному субъекту

РФ ингушской автономии, по принадлежности. Две части чеченской территории, Сунженский район и часть Малгобекского района, не имея никаких политических решений и юридических оснований, в условиях безвластия в Чечне, оказались под влиянием ингушских властей. В настоящее время Чеченской Республикой контролируются лишь несколько населенных пунктов. Это явилось следствием административных упражнений чиновников над Сунженским и Малгобекским районами, которые начались еще в период восстановления Чечено-Ингушской АССР после депортации.

26 апреля 1991 года Верховным Советом РСФСР принимается Закон «О реабилитации репрессированных народов». Данный закон создал качественно новую ситуацию и напрямую касался всех территориальных вопросов бывшего Советского Союза.

Исполнение закона было возложено на Совет Министров РСФСР и подлежал безусловной реализации правительством РСФСР и ЧИР путем принятия соответствующих нормативно-правовых (в том числе и финансовых исполнительно-распорядительных) актов. Ожидалось: возвращение по принадлежности бывших районов ЧИАССР; переименование как внутри, так и в сопредельных с ЧИАССР субъектах федерации административных районов; возрождение и социально-экономическое преобразование горного края республики и т. д. Однако, закон не стал рычагом по возвращению земель Пригородного района бывшей Чечено-Ингушетии, переданных в 1944 году Северной Осетии. Заклучалось это в полном отсутствии подзаконных актов РСФСР, которые бы служили для исполнения Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и восстановления справедливости. В Чеченской Республике этот закон никогда и никто не отменял и не приостанавливал, так как он не противоречил законодательству ЧИАССР, ЧИР и ЧР. Однако, из-за множества противоречий при его исполнении, он не дал желаемых результатов по территориальным вопросам, в том числе и внутренним. Главным препятствием стал Пригородный район, и это отрицательно повлияло на внутреннее устройство Чечни, а также создало условия различных запутанных толкований и не правовых маневров по ущемлению чеченской территории со стороны Ингушетии.

Справедливости ради следует отметить, что в 1991 году, предвидя назревающие события, Президиум Верховного Совета ЧИР принял решение о восстановлении Галашкинского района в границах 1934 года, до объединения Чеченской и Ингушской автономных областей. Это решение ингушской частью депутатов Верховного Совета ЧИР было встречено в штыки. Попытка решения проблемы Сунженского и части

Малгобекского районов (в том числе и бывшего Пседахского района) успехов не дали. Как известно, исполнение закона ограничивалось декабрем 1991 года. Однако нерасторопность Совета Министров ЧИР, возглавляемого в тот период С.М. Бековым, оставило решение, принятое законодательным органом, нереализованным.

В конце лета 1991 года развязывать узел противоречий по земельным спорам, как будто, взялась специально созданная правительственная комиссия РСФСР, задачей которой являлась реализация Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Комиссия приступила к работе под председательством заместителя Председателя Совета Министров РСФСР Гаврилова. В рамках этой комиссии была создана рабочая группа, которая в Москве уже провела три заседания. Чечено-Ингушская делегация за основу брала границу, существовавшую на момент ликвидации Чечено-Ингушской АССР в 1944 году. Однако, из-за позиции северо-осетинской делегации, добивавшегося референдума, власти ЧИР не стали в дальнейшем выносить этот вопрос на переговоры.

Осенью 1991 года в бывшей Чечено-Ингушской Республике сложилась острая конституционно-правовая ситуация. В период острейшего кризиса власти в республике, 2 сентября 1991 года, на третьем общенациональном конгрессе чеченского народа, проходившем в г. Грозном, Председатель Оргкомитета по созданию Ингушской Автономии Иса Кодзоев огласил решение схода депутатов всех уровней Ингушетии. В этом документе говорилось, что ингуши согласно резолюции 2-го съезда ингушского народа, проходившего 8–10 сентября 1989 года, твердо намерены восстановить бывшую до 1934 года ингушскую автономию в составе РСФСР со столицей в правобережной части г. Орджоникидзе. Данное решение конгрессом чеченского народа было поддержано. В связи с этим возникала угроза распада Чечено-Ингушской Республики. Верховному Совету РСФСР, с учетом решений ингушской стороны и Постановления IV внеочередной сессии Верховного Совета ЧИР от 27 ноября 1990 года, оставалось распустить Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики, что и было реализовано 15 сентября 1991 года под руководством Председателя Верховного Совета России Р.И. Хасбулатова.

Единая Чечено-Ингушская Республика перестала существовать, а Ингушская Республика еще не была создана. Практическая реализация закона к этому времени стала возможной только решением центральных органов власти. Однако комиссия Правительства РСФСР во главе с Гавриловым прекратила свое существование, не сделав ничего в реализации Закона «О реабилитации репрессированных народов».

27 октября 1991 года в Чечне прошли выборы Президента и Парламента Чеченской Республики. С этого времени взаимоотношения между Российской Федерацией и Чеченской Республикой стали развиваться в духе острых политических противоречий, хотя никаких неразрешимых вопросов между ними не было.

20 декабря 1991 года, в связи с образованием на территории бывшей Чечено-Ингушетии новой чеченской государственности и провозглашением ингушским народом Декларации «О создании Ингушской Автономии в составе РСФСР», Парламент ЧР принял постановление. В нем указывалось, что возникла необходимость определения исторически сложившихся границ между Чеченской Республикой и Ингушетией. Учитывая это, Парламент ЧР принял решение о создании комиссии по определению границ, в состав которого были включены 7 депутатов законодательного органа в том числе: председатель комиссии Мусаев Х. (ныне член Парламента ЧР), члены комиссии: Дендиев У., Гадаев Ш., Байсултанов А., Балоев С., Яндарбиев Х., Мальсагов А. и ряд других специалистов – политологи, историки, правоведы, а также представители Совета старейшин Чеченской Республики и Ингушетии.

В конце февраля 1992 года данной комиссией вся возложенная на нее работа была завершена. Несмотря на это, ни официальные властные круги России, действовавшие в то время в Ингушетии, ни Оргкомитет Ингушетии по восстановлению ингушской автономии не предприняли никаких шагов для согласования и окончательного решения этого вопроса. Однако, в феврале 1992 года ингушская сторона сочла нужным резко отреагировать на Постановление Парламента ЧР, называя его грубым посягательством на территорию Ингушетии.

В заявлении временной администрации Ингушетии по этому поводу говорилось, что принятие Парламентом Чеченской Республики постановления является посягательством на территорию Ингушетии, которое повлечет за собой нежелательные последствия. По сути дела, это было провокационное высказывание ингушской стороны, и готовность развязать на этой почве территориальный конфликт, призвав для этого вооруженные подразделения Северо-Кавказского военного округа. Эти меры лидерами ингушской стороны успешно были реализованы в декабре 1992 года путем незаконного выставления пограничных постов на территории Чечни.

8 января 1992 года Парламент Чеченской Республики заявил, что административная граница между Чеченской Республикой и Ингушетией будет установлена в соответствии с пограничной межой, существовавшей к 1934 году. Все проблемы, касающиеся восстановления

границ Чеченской Республики, подлежат разрешению путем двухсторонних переговоров (...).

В тот же день, Парламент Чеченской Республики своим Постановлением № 65 от 8 января 1992 года реорганизовал Сунженский район, определив ее границы в рамках линии, существовавшей в 1934 году на момент объединения Чеченской и Ингушской автономных областей. В принятом Парламентом ЧР постановлении указывалось: «В связи с образованием на территории бывшей ЧИАССР новой государственности, реорганизовать Сунженский район бывшей Чечено-Ингушской Республики, выделив из ее состава земли ранее существовавших чеченских районов и включить их в состав Сунженского района Чеченской Республики» (...).

Таким образом, в соответствии с границами, существовавшими к 1934 году, в состав Чеченской Республики были включены следующие сельские поселковые и станичные советы: Ассиновский (станция Ассиновская и село Чемульга); Нестеровский (станция Нестеровская); Орджоникидзевский (станция Орджоникидзевская); Серноводский (село Серноводское и Курорт Серноводский); Троицкая (станция Троицкая); Арштинский (село Аршты); Карабулакский (поселок Карабулак); Вознесенский (станция Вознесенская); село Пседах; село Вежарийн-Юрт; село Аки-Юрт; поселок Южный и село Красная Горка, с возвращением всей территории Чечни, отторгнутой и присоединенной к горсовету г. Малгобек, Малгобекского района.

Вся правобережная часть реки Фортанги в ее верхнем течении, входившая ранее в состав Чечни, была отнесена к Ачхой-Мартановскому району. Оперативному управлению народного хозяйства Чечни, выполнявшему в то время функции Правительства Чеченской Республики, поручалось произвести размежевание границ между Сунженским районом Чеченской Республики с сопредельной территорией Ингушетии. Кроме этого, в реорганизованном Сунженском районе вводилось прямое президентское правление до избрания местных органов самоуправления. Все спорные вопросы, которые могут возникнуть относительно принятого Парламентом Постановления, как с чеченской, так и с ингушской стороны должны были рассматриваться после определения статуса ингушской государственности и избрания законных органов власти. Принятое решение имело юридическую силу на всей территории реорганизованного Сунженского района.

По существу, чеченская сторона, с учетом правовой, исторической, географической, этнической и экономической составляющих, и с уче-

том границ, существовавших к 1934 году между Чечней и Ингушетией на момент их объединения, считая земли Сунженского района в составе Чеченской Республики, начали проводить соответствующую работу по социально-культурному и хозяйственному преобразованию. Однако в 1992 году, в период бурных политических событий и тяжелого экономического положения в ЧР, существовавшие в то время органы власти не имели возможность в полной мере осуществить в реорганизованном районе социально-экономические и хозяйственные меры по преобразованию и развитию региона. К тому же, казаческое и чеченское население провоцировалось временно перемещенными в Сунженский район лицами на противоправные действия.

Отдельные лидеры Ингушетии, начиная с первого дня радикальных перемен в бывшей Чечено-Ингушской Республике, начали искусственно осуществлять политику нового национально-демографического курса на исконных землях Чечни. Они забыли, что в борьбе за выживание в XIX веке плоскостные земли ингушам были предоставлены чеченцами в пользование, в том числе и земли современного Назрановского и Малгобекского районов.

Таким образом, в 1992 году временные органы власти Ингушетии, воспользовавшись сложившейся сложной общественно-политической ситуацией в Чеченской Республике, стали заселять Сунженский район Чечни представителями ингушской национальности, ранее проживавшими в Грозном, беженцами из Пригородного района и города Владикавказ Северной Осетии. Для лиц ингушской национальности, заселяемых в Сунженский район Чечни, действовавшая в тот период администрация Ингушетии всеми правдами и неправдами создавала условия размещения, постоянного закрепления и развития.

Представители чеченской национальности, работавшие в Сунженском районе на различных постах, под давлением митинговых страстей выдавливались из района. Они, во избежание острых конфликтов, бросали не только работу, но и меняли места жительства, так как уже имелись случаи вооруженных столкновений между чеченцами и ингушами. Должностные лица, направляемые на работу в Сунженский район, не имея возможности приступить к исполнению обязанностей, возвращались в Грозный. Такое положение на территории Сунженского района ЧР продолжалось до середины 1992 года, а временные органы власти Ингушетии активно действовали по нейтрализации власти Грозного в Сунженском районе.

4 июня 1992 года Верховный Совет Российской Федерации, рассмотрев предложение Президента РФ, принимает закон «Об образовании

Ингушской Республики в составе Российской Федерации» без определения границ. (Неполноценный нормативно-правовой акт). Вопрос о Чеченской Республике должен был решаться после урегулирования кризисной ситуации в республике. Законом поручалось правительству РФ, в целях реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года, создать Государственную комиссию правительства и осуществить подготовку правовых и организационных мер по государственно-территориальному разграничению. Решение всех спорных вопросов намечалось осуществить в соответствии с Конституцией и законодательством РФ. Закон также определял порядок и сроки проведения выборов. Статьей 4 данного закона устанавливался переходный период для решения вопросов, связанных с образованием Ингушской Республики до марта 1994 года.

Постановлением Верховного Совета РФ № 2928-1 от 4 июня 1992 года был установлен порядок введения закона в действие, в котором отмечено, что территория Ингушской Республики образуется Постановлением Верховного Совета Российской Федерации по представлению результатов работы государственной комиссии, созданной Правительством Российской Федерации. Этой же комиссии предписывалось, на основе согласования всех заинтересованных сторон до 31 декабря 1993 года внести предложения об определении границ Ингушской Республики и нормализации ее функционирования.

Надо отметить, что государственная комиссия Российской Федерации, несмотря на предписание Правительства, указания его не выполнила ни по одному направлению.

Во-первых, в установленные сроки (до 31 декабря 1993 года) работа комиссии не была завершена.

Во-вторых, заинтересованную сторону (Чеченская Республика) к согласованию данного вопроса не пригласили (не допустили) в соответствии с Конституцией РФ.

В-третьих, государственной комиссией Правительства РФ предложение об определении границ Ингушской Республики в законодательный орган России не вносилось, несмотря на то, что это было предусмотрено Постановлением Верховного Совета Российской Федерации. Правительство Российской Федерации, своевременно не приняв соответствующие меры по определению границ в процессе образования Ингушской Республики, еще больше запутало земельно-территориальные отношения двух братских республик.

В 1992 и 1993 гг. по решению этого вопроса работала двусторонняя комиссия Чеченской Республики и Ингушской Республики, по итогам

которой были подписаны документы, подтверждающие необходимость установления границ между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия по 1934 году, т. е. на момент объединения Чеченской и Ингушской автономных областей. Однако и эти документы остались не реализованными по вине ингушской стороны.

С образованием в 1992 году Ингушской Республики в составе РФ и выборами легитимных органов власти, вновь остро стала территориальная проблема западных земель Чечни. Однако, создаваемые Правительством Российской Федерации комиссии никогда не доводили до конца начатые переговоры по границам. Вопрос по определению границ Республики Ингушетия и утверждению границ Чеченской Республики по сей день остается открытым и неразрешенным.

Миф о том, что чеченские районы кем-то переданы соседней Ингушетии, не имеет под собой никакой основы. Нет ни одного документа подтверждающего факт передачи земель этих районов кому-либо. Наоборот, имеются масса различных указов и распоряжений, свидетельствующих, что Президент Чеченской Республики занимал жесткую позицию в этом вопросе и не собирался отдавать ни одной пяди чеченской земли. Об этом свидетельствуют такие факты как: реорганизация в январе 1992 года Сунженского района ЧР, восстановление в мае 1992 года Галанчожского района ЧР на границе с Ингушетией и другие меры. Достаточно свидетельств по данному вопросу содержат и правительственные документы того периода. Это различные протоколы намерений, протоколы рабочих групп, соглашения сторон, распоряжения о создании государственных комиссий ЧР, куда включались принципиальные по территориальным вопросам представители чеченской власти, и наконец, Договор между руководством Чеченской Республики и Республики Ингушетия по определению границ и разграничению территорий Чечни и Ингушетии.

В настоящее время вновь остро встает вопрос об утверждении границ между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия, переговоры, по которым на наш взгляд должны были пройти еще в 2003 году, с принятием Конституции ЧР.

Между тем, представители власти Республики Ингушетия в нарушение Конституции Российской Федерации периодически обращаются во все вышестоящие инстанции, пытаясь, минуя чеченскую сторону, в одностороннем порядке решить вопрос о закреплении территории Сунженского района за Республикой Ингушетия. В частности, Народное Собрание Республики Ингушетия, под благовидным предлогом исполнения Закона РФ «Об общих принципах организации местного

самоуправления» на территории Ингушетии, грубо нарушая действующее конституционное законодательство РФ, без согласования с чеченской стороной, приняло Постановление № 62 от 17 марта 2003 года, и рассмотрело проект Закона Республики Ингушетия «Об образовании муниципальных образований и определении их границ». В своем письме, на имя Президента Российской Федерации и руководителям обеих палат Совета Федерации, Народное Собрание Республики Ингушетия пишет, что «рассмотрению соответствующих законопроектов Народным Собранием Республики Ингушетия препятствует отсутствие установленных границ с сопредельными субъектами Российской Федерации». Здесь явно наблюдается непонимание сути вопроса и отсутствие желания вести переговоры.

Вместе с тем, следует отметить, что власти Ингушетии не нашли возможным даже упомянуть в своих письмах, что такая ситуация сложилась вследствие не исполнения Федеральным центром законов РСФСР: «О реабилитации репрессированных народов» статей 3, 4, и 6), Закона РФ «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» (статья 2), Закона РФ «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации» от 3.07.1992 года, Указа Президента РФ «О мерах по осуществлению территориальной реабилитации репрессированных народов» от 16 сентября 1995 года и т. д.

По сей день, из-за грубого попрания ингушскими властями конституционно-правовых норм федеративного устройства Российской Федерации, чеченская сторона не проводит соответствующие меры социально-экономического и культурно-хозяйственного характера на своей законной территории и не исполняет федеральные и ведомственные нормативно-правовые акты. К примеру, Парламент Чеченской Республики, в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 6 октября 2003 года и Закона № 186-ФЗ в редакции от 28.12.2004 года, должен был принять законы, устанавливающие внутренние границы территорий муниципальных образований еще до 1 марта 2005 года. Указанные нормы в Чеченской Республике реализованы не полностью. В силу этого установление границ муниципальных образований не проведено, и вся территория субъекта не разграничена между поселениями. Такое положение сложилось вследствие бездействия двух государственных комиссий Правительства Российской Федерации, которые должны были осуществить подготовку правовых и организационных мер по государственно-территориальному разграничению, проведение

территориальной реабилитации репрессированных народов и восстановление национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения. В свое время не выполнили федеральные органы власти требования федеральных законов: «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года, «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» от 4 июня 1992 года и «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации» от 3 июля 1992 года.

Большое значение имело по этому вопросу решение Конституционного Суда РФ, вынесенное еще 16 сентября 1993 года. В соответствии с данным судебным актом, «Верховному Совету Российской Федерации, Правительству Российской Федерации и Государственной комиссии по определению границ Ингушской Республики надлежало своевременно и неукоснительно выполнить все возложенные на них обязанности, в соответствии с Законом Российской Федерации от 4 июня 1992 года «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации», статьей 3 Закона Российской Федерации от 3 июля 1992 года «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации» и другими относящимися к данному вопросу нормативными актами. Однако данное судебное решение до настоящего времени также не исполнено.

Таким образом, реализация Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в том числе проведение выборов в органы местного самоуправления) не состоялась. Кроме того, должна предшествовать большая работа Государственной комиссии по определению границ Республики Ингушетия и утверждению границ Чеченской Республики в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

Учитывая, что местное самоуправление является неотъемлемым элементом правового демократического государства, и право граждан на его осуществление закреплено в Конституции Российской Федерации, с учетом установленного окончательного срока об определении муниципальных границ в Чечне и Ингушетии до 1 марта 2009 года, Правительству Российской Федерации следует безотлагательно образовать Государственную комиссию по определению границ Республики Ингушетия и утверждению границ Чеченской Республики в соответствии с нормами действующей Конституции РФ.

Одновременно, учитывая сложность вопроса, нам представляется необходимым обратиться к Президенту Российской Федерации об

образовании компетентной государственной комиссии Российской Федерации из числа: юристов, историков, этнографов, краеведов, алимов и политологов, которые совместно и неотступно выработали бы общие подходы в решении данной проблемы в рамках Конституции Российской Федерации и исполнения Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Это позволит определить административную границу восстановленной Ингушской Автономии – Республики Ингушетия, и утверждения административной границы Чеченской Республики в соответствии с законодательством РФ.

Варианты решения данного вопроса:

1. Восстановить границу между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия по 1934 году на участках: Галашкинского, Сунженского, Назрановского, Малгобекского и бывших Галанчожского и Пседахского районов ЧИАССР.

2. Воссоединение двух братских республик в единую Вайнахскую Республику.

Ваха Муртазалиев

ДИСКУССИЯ МЕЖДУ Т. НАХЧИЕВЫМ И АВТОРСКИМ КОЛЛЕКТИВОМ «ИСТОРИИ ИНГУШЕТИИ»

О провокационной деятельности
организованной пишущей группировки (ОПГ) «Кодзоев и К»

В распоряжении редакции оказались несколько неопубликованных рецензий и откликов профессиональных и непрофессиональных чеченских историков в связи с выходом в свет «Истории Ингушетии». Предлагаем вашему вниманию текст одной из них в сокращении.

«Дитя мое, ты, часом, умом не повредился?» (Александр Бушков. Пиранья против воров. – 2. М., 2002, с. 224.) – вопрос, сформулированный литературным героем небезызвестного писателя Александра Бушкова, как никогда оказался к месту при первом, самом поверхностном знакомстве с «Историей Ингушетии» (Магас – Нальчик, 2011). Мы адресуем его коллективу авторов указанного опуса, представляющих целый государственный Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им Ч. Ахриева...

Проблемы возникают у читающего буквально с первой страницы текста – вступительного слова руководителя Ингушетии Ю.-Б.Б. Евкурова. Несмотря на то, что корректура книги была сдана в типографию 19.04.2011 г., а должность руководителя Республики Ингушетии с 1.01.2011 г. именуется «Глава Республики Ингушетии», мы имеем на стр. 5 подпись – факсимиле Президента Республики Ингушетия.

Однако странности «Истории Ингушетии» на этом только начинаются. Так, на стр. 7 «Введения» встречаем четкое утверждение, что: «Республика Ингушетия расположена на северных склонах центральной части Большого Кавказского хребта». Но на указанной территории мы обнаруживаем Республику Северная Осетия-Алания и Кабардино-Балкарскую Республику. Республика Ингушетия, как оказывается, расположена в западной части Северо-Восточного Кавказа.

На той же стр. 7 недвусмысленно указывается также, что: «На востоке Ингушетия граничит с Чеченской Республикой, на севере и западе – с Кабардино-Балкарской Республикой и Северной Осетией, на юге в горной части Ингушетии проходит государственная граница России с Грузией». В реальности современная Республика Ингушетия (входящая, кстати, в состав Российской федерации, о чем авторы так и не удосужились сообщить своим читателям) граничит: на западе и севере

с Республикой Северная Осетия-Алания, на востоке – с Чеченской Республикой. А с Кабардой не граничит совсем. Но может быть речь идет о какой-то другой – альтернативной Ингушетии?

В книге приведена (с. 13), без указания источника, фотография «Вооружение средневекового ингушского воина». Однако мы видим здесь иллюстрацию из работы Я.З. Ахмадова, опубликованной еще в 2001 г.: «Чеченец в панцирном вооружении (середина XIX в.)» (История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001, с. 384). По свидетельству автора «Истории Чечни с древнейших времен до конца XVIII века», копия указанной фотографии середины XIX в. приобретена им у археолога Д.Ю. Чахкиева по письменному договору в 1992 г., который и обозначил ее как фото чеченца-кистина из Панкисского ущелья, снятое в Грузии. Как теперь это все понимать?

На стр. 183 приведена иллюстрация с картины художника У.М. Джапаридзе «Комендант Кизляра Фрауендорф награждает ингушских делегатов». Однако грузинский художник У.М. Джапаридзе (1906–1988 гг.) ничего подобного в своей жизни не писал. Кстати, весьма странно выглядит на картине генерал-майор и комендант Кизляра в 50-х гг. XVIII в. Карл (Иван Львович) Фрауендорф, облаченный в шинель образца начала XIX века, да еще с эполетами! (В русской армии эполеты на шинелях и гусарских мундирах никогда не использовались. Не говорим уже о том, что «ингушские делегаты» Фрауендорфом не награждались какими-либо медалями или крестами).

Список подобных несуразностей можно продолжить. Картина художника XIX в. А.Н. Грузинского «Оставление горцами аулов при приближении русских войск» на стр. 217 названа рассматриваемыми авторами как «Переселение горцев в Турцию».

Генерал-лейтенант М.М. Зязиков (звание присвоено в 2005 г.) – Президент Республики Ингушетия в 2002–2008 гг., чье фото приведено на стр. 470 книги, выпущенной в 2011 г., представлен почему-то генерал-майором. В то время, как многие ингуши – участники внешних и отечественных войн России – указаны полковниками, кавалерами ордена Святого Георгия, полными кавалерами Георгиевского креста и даже Героями Советского Союза, но без ссылок на конкретные документы и т. д. и т. д. . .

Кстати, «орел из Арзи», вынесенный на обложку книги, не орел, а бронзовая фигура ястреба (это мог бы объяснить маститым авторам любой ингушский мальчишка). И его изготовление относится не к 105 г. хиджры, как нас уверяют историки на стр. 93, а согласно мнению специалистов Эрмитажа (где хранится артефакт) – к 189 г. хиджры.

Далее данную «Историю Ингушетии» можно было бы и не читать. О чем говорить, если ее авторы не знают, где она Ингушетия имеет место находиться и с кем она граничит. Зато невооруженным взглядом видно, что данные авторы хорошо знают, как выказать свое неуважение, граничащее с презрением к ингушскому и неингушскому читателю...

Так, венцом развития археологических культур на Северном Кавказе авторы считают кобанскую (XII–IV вв. до н. э.) и утверждают, что именно с «племенами кобанской культуры принято увязывать этногенез протоингушских этнических групп». Кем принято, когда, где? Нет ответа! И далее: «Во второй половине I тыс. до н. э. ингуши представляли собой крупное объединение племен, находившееся на стадии образования государства и занимавшее довольно обширную территорию предгорно-плоскостной и горной зоны Центрального и Северо-Восточного Кавказа» (с. 13). Какие «ингуши» в I тыс. до н. э., когда общее самоназвание появилось не ранее XVIII в. н. э.? В контексте официальной «Истории Ингушетии» все это представляется псевдонаучным блефом...

Племена нахов, если это неизвестно авторам «Истории Ингушетии», занимали в античную эпоху скорее всего ту же территорию, что и в кобанское время: от бассейна р. Уруп на западе до р. Аксай и Андийского хребта на востоке и полосу гор, прилегающую к Главному Кавказскому хребту с юга, в пределах от Сванетии до Дагестана (Меликишвили Г.А. К древней истории Грузии. Тбилиси, 1959.; Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. Тбилиси, 1961; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. Л., 1979; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001; и др.). Естественно, они делились на более или менее крупные и мелкие племена и общества, независимые друг от друга, но не на «ингушей» и «чеченцев», объединения которых зарождаются только в новое время. И еще, нельзя не отметить, что серьезных сторонников имеет гипотеза не только о сугубо протонахском, но и о протоабхазо-адыгском субстрате носителей кобанской культуры...

Мы пропускаем без комментариев бессмысленные рассуждения авторов о нартском эпосе (им, оказывается, неизвестна ономастика имен главных героев нартиады и собственно название ее нахской версии – нарт-орстхой/эрстхой/архсартаггат) и переходим к одной из главных тем и «Введения», и «Истории...» в целом – этногенезу сарматов и аланов.

Аланское государство предстает перед читателями данной истории как результат «завершения этнополитической консолидации аборигенных нахских (древнеингушских) племен и ассимилировавшихся в результате многовековых инфильтраций в нахскую среду, в позднекобан-

скую и посткобанскую эпоху, ираноязычных (сарматских) и начиная с IV в. тюркских этнических групп...». Здесь мы видим наглядное использование приемов, заимствованных в карточно-шулерской практике, в псевдоисторическом труде. Нам здесь вбрасывают «ингушские», «древнеингушские» наименования не только вместо протонахских и чеченских этнонимов, но уже и вместо алан и других горских народов. Тем самым, альтернативная «История Ингушетии» превращается в альтернативную историю всего Северного Кавказа...

Между тем, авторы I тома «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней» (Грозный, 2006) в своих текстах вплоть до XV в. преимущественно использовали этнонимы «нахи» и «вайнахи», а не «чеченцы». Профессор Я.З. Ахмадов в своей работе «История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века» (М., 2001) вплоть до начала XVI в. вообще не употребляет этноним «чеченцы», ограничиваясь использованием исключительно этнонима «нахи»...

Лингвистико-жульнические курбеты проделывают наши авторы «Истории Ингушетии» и в оценках исторического периода XV–XVIII вв. Тут «поздние переселенцы» в Грузии – «фяппи-бацой» или «цова-тушины» из «Горной Ингушетии» переходят на грузинский язык, другая часть «ингушей» покидает территории Куртатинского, Кобанского, Санибанского ущелий Осетии и их заселяют неведомо откуда взявшиеся «ираноязычные ироны-осетины», и т. д. То вдруг этническая территория ингушей «приблизительно с XVI в. начинает смещаться, в целом, в сторону Северо-Восточного Кавказа», но здесь «ингушей» (коих, правда, еще в природе нет! – Т. Н.) вытесняют с «предгорий» ногайские и адыгские «родоплеменные группы» (которых тоже нет – Т. Н.).

Не может не привлечь внимания и точка зрения авторов «Истории...» на Кавказскую войну. Здесь они в очередной раз выстроили литературно-изобразительными средствами конструкцию, в которой, видите ли: «Существенное влияние на этнополитическую консолидацию собственно чеченских территориальных обществ и расширение зоны распространения ареала этнонима «чеченцы» как этнополитического термина оказал имамат Шамиля». И далее: «В период Кавказской войны, указанные восточные ингушеязычные общества, располагавшиеся в горной и предгорной зоне современной Чечни к западу от Аргуна, были частью независимыми, частью входившими в Имамат... Разрыв близкородственных ингушам ингушеязычных обществ («дальние кисты») с западными собственно ингушскими обществами и их постепенная ориентация на Чечню наметились с завершением строительства Сунженской линии и административно-территориальными реформами

на Северном Кавказе во второй половине XIX в». Читатель, это не похоже на бред? Это и есть бред!

Мы уже имели возможность говорить выше о шизофреническом восприятии нашими авторами истории Чечни. Но возникает вопрос, а почему бред все время только об этом? Ведь авторы «Истории Ингушетии» могли бы бредить и о чем-нибудь другом. В чем же заключена сверхзадача ингушских горе-историков?

В течение всего XVIII и первой половины XIX в. царское правительство не снимало с повестки дня вопрос о христианизации ингушей. Но в среде последних упорно росли промусульманские и прочеченские настроения. В конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в., старанием великого чеченского шейха Кунта-Хаджи Кишиева, ислам окончательно утвердился на всей территории плоскостной и горной Ингушетии. Однако эта важнейшая страница в истории ингушского народа практически не нашла своего отражения в рассматриваемой «Истории...». Авторы оказались полностью отвлечены на всякие «ингушеязычные» экзерсисы, являющиеся подлинным издевательством над историей ингушского народа и его соседей...

Оставляем досоветский пореформенный и советский период «Истории Ингушетии» без внимания. Собственно главы «Истории...» данного периода (гл. VI–XI) рассмотрены в обстоятельной рецензии Хамзата Умхаева (Умхаев Хамзат. Историческое мифотворчество // Вести Республики. 14.10.2011 г.). Одно понятно и четко выражено еще во «Введении», что совместное пребывание ингушей и чеченцев в Чечено-Ингушской АССР с 1934 по 1991 г. ничего хорошего для ингушей не принесло. Как говорится: «Вот тебе, коршун, и награда»!

Мы не можем не согласиться с авторским коллективом «Истории Ингушетии» в их признании, что «труд не свободен от различного рода недостатков». А вот в том, «что в историческом повествовании настоящей работы наличествуют ряд положений, которые, безусловно, могут быть признаны спорными», мы позволили себе не согласиться. Никак нельзя признать спорным тот основополагающий факт, что в искомой «Истории Ингушетии» начисто отсутствует исторический подход, подмененный псевдоэтнографическими и псевдофилологическими рассуждениями и умозаключениями. Это бесспорно...

В адрес своих соседей высказаны не только претензии, но и откровенно-циничные поползновения: характером навязчивого бреда окрашены выказываемые претензии на чеченские земли до Аргуна, а то и до Сулака в Дагестане. Мы уже не говорим, что и весь Центральный Кавказ «ингушский»... Притом, последние, безусловно, весьма

неадекватные заявления густо замешаны на крайнем национализме и резко отдают агрессивным нацистским душком...

Судя по всему, ОПГ «Кодзоев и К.» имеет полное содействие, одобрение и покровительство ныне существующих властей Ингушетии. Остается, конечно, вопрос, а каким мандатом обладает «Кодзоев и К.» от собственно ингушского народа, настроения каких широких групп и слоев отражают его действия? Есть уверенность в том, что никаких!

Сегодня указанным ОПГ «Кодзоев и К.» откровенно взят курс на непримиримую вражду с чеченским народом, завтра, наверное, начнется борьба с исламом.

То, что написано в этой, с позволения сказать, «Истории Ингушетии», совершенно недостойно славного, мусульманского ингушского народа с богатыми гуманистическими традициями, который тысячами духовных и родственных уз связан с чеченским народом. Конечно, все негативное, отмеченное в книге, не является постулатами национального самосознания ингушского народа. Подлинную культуру ингушского народа, его великолепные человеческие качества в историческом генезисе раскрывают, например, монографии А.Х. Танкиева, М.М. Зязикова и др. (Танкиев А.Х. Духовные башни ингушского народа. Саратов, 1997; Зязиков М.М. Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов-на-Дону, 2004; Его же: На рубеже столетий. Ингушетия в конце XIX – начале XX веков. Ростов-на-Дону, 2011).

Но на сегодня горячее желание законопослушных ингушей избегнуть внутренних конфликтов (почему и не подвергаются критике откровенные провокаторы из своей среды, включая тех, кто заведомо работает против интересов своей нации) достойно сожаления, но не оправдания. Можно поделиться опытом. В 1999 г. московское издательство «Русь» выпустило книгу некоего Саламу Дауева «Чечня: Коварные таинства истории», которая была подвергнута жесткой критике именно чеченскими авторами в ряде сайтов Интернета за разжигание межнациональной розни, в т. ч. и против ингушей. В единственной на то время чеченской газете «Гумс» (№ 12, 2000) была опубликовала статья чеченского профессора, который заклеил Дауева как врага чеченского народа. Дауевым были «задеты ментальные чувства дружбы и уважения к соседним народам, составляющим важный элемент традиционной культуры чеченцев». В заключение автором было сказано: «С. Дауев заслужил своим трудом пощечину... Он виновен в разжигании национальной розни, оскорблении чести и достоинства целых народов и должен быть публично осужден»...

В данном случае, подобной официальной «Историей Ингушетии» порожден явный неприкрытый казус белли (повод к войне) в отношении близких соседей. Отсюда возникает закономерный вопрос исключительно к ОПГ «Кодзоев и К.» и ее покровителям: а что дальше? Вот вы написали, заявили претензию на земли, язык, историю ряда горских народов, облили их грязью, влезли, как та свинья из поговорки, в историю. А дальше что? Как теперь, по-вашему, должны реагировать на ваш печатный вызов, заверенный лично Евкуровым, те же чеченцы, осетины, кабардинцы и соответствующие субъекты Российской Федерации? Какие вырисовываются варианты? Может быть, чеченцам, кабардинцам, осетинам и горцам Грузии, устыдившись унесенных бредом авторов «Истории Ингушетии», совершить массовое харакири и освободить т. н. «ингушеязычную» территорию? А если они возьмут и предпочтут варианты полегче?!

Однако одни варианты невозможны для Чечни и остальных горских народов, другие опасны для Ингушетии и ингушского народа. Значит, остается один надежный вариант, который прямо напрашивается для ОПГ «Кодзоев и К.»: «Заткнуться! Раз и навсегда! Неисправимых придурительно лечить!».

И, в заключение, еще один вопрос к авторам «Истории Ингушетии» и тем, кто стоит за ними: «Чего вы добиваетесь? Смены застарелого осетино-ингушского конфликта новым чечено-ингушским или хотите добавить к осетино-ингушскому еще и чечено-ингушский конфликт? Можете ответить сами или вам нужна подсказка?».

Т. Нахчиев

*(Общественно-политическая газета Чеченской Республики
«Вести республики» от 03.02.12 г.).*

Ответ на статью «О провокационной деятельности организованной пишущей группировки (ОПГ) «Кодзоев и К.»

В республиканской газете Чечни «Вести республики» от 03.02.12 г. появилась т. н. «рецензия» на вышедший в мае 2011 г. труд отдела истории Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева – «История Ингушетии». В самом названии статьи «рецензента» «Т. Нахчиева» – «О провокационной деятельности организованной пишущей группировки (ОПГ) «Кодзоев и К.», уже заложен механизм оскорбления авторского коллектива, который раскрывается на полную мощь уже с первых строк статьи.

В газете сообщается, что в распоряжении редакции оказались рецензии и отклики профессиональных и непрофессиональных истори-

ков Чечни на «Историю Ингушетии». В связи с этим напрашивается вопрос к редактору данной газеты, к какой части историков (профессиональной или непрофессиональной) относится автор данной статьи, который прикрывается псевдонимом «Т. Нахчиев»?

В отличие от наших «оппонентов», мы не собираемся прятаться за ширмой «любителей истории» и рядиться в образ таинственного «эксперта» вроде «Т. Нахчиева». Уж если дискутировать, то дискутировать открыто. Видит Бог, мы не хотели поднимать подобные темы на страницах печати, поэтому и не отреагировали на первую статью в газете «Вести республики», тем более, что автором ее является не профессионал, а ангажированный любитель, однако за ней последовала вторая, и, надо полагать, не последняя: судя по всему, маховик кампании, направленной на дискредитацию «Истории Ингушетии» и Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, продолжает набирать обороты. И отмалчиваться в данной ситуации было бы просто бессмысленно.

Употребляемая лексика, оскорбительный тон и грубая фальсификация многих фактов из «Истории Ингушетии», содержащиеся в упомянутой статье, вынуждают нас ответить, говоря словами анонима, на данный «опус», потому что слишком серьезные вопросы вынесены на всеобщее обсуждение – дружба и братство наших народов.

Столь резко отрицательное восприятие исторического нарратива, как и преувеличение социальной «опасности» данного издания, свидетельствует о том, что самозванные «критики» в лице «Т. Нахчиева» и иже с ним, сделавшие невольную рекламу нашему скромному научному труду, по достоинству оценили его сильные стороны, а потому и не смогли промолчать...

Надо отметить, что вся статья буквально пестрит такими выражениями, как: «псевдонаучный блеф», «псевдоисторический труд», «откровенные провокаторы», «лингвистико-жульнические курбеты», «бред авторов» и т. д. Спрашивается, где научная этика дискуссии (где традиционный эшел)?

«Критик» «Т. Нахчиев» до предела возмущен тем «преступлением», что под напутственным словом Ю.-Б.Б. Евкурова стоит подпись «Президент Республики Ингушетия», хотя с 1 января 2011 г. руководитель Республики Ингушетия официально именуется «Глава Республики Ингушетия». Ну, спрашивается, какой тут криминал? Между тем, на 470 странице «Истории Ингушетии», где помещена фотография Ю.-Б.Б. Евкурова, черным по белому указано, что с 2011 г. должность руководителя Республики Ингушетия именуется как «Глава Республики Ингушетия». Напутственное слово Ю.-Б.Б. Евкурова поступило в

институт из администрации президента на официальном бланке еще в конце 2010 г. Редакция, естественно, не стала вносить никаких корректив, тем более, что между этими надписями нет никакой существенной разницы: всем и так понятно, что Ю.-Б.Б. Евкуров – это руководитель Республики Ингушетия, независимо от того, как именуется его должность. Разве так важно, что именно в этот момент, когда вышла книга, он уже был «Главой», а не «Президентом»? К слову сказать, в народе его должность до сих пор именуют «Президентом» – к новым наименованиям не так быстро привыкают.

Начав «анализ» «Введения», Т. Нахчиев уже предстает в образе «знатока» географии и обращает особое внимание читателя на якобы полное незнание авторами географии Северного Кавказа и, в частности, на то, что они «не знают, где она Ингушетия имеет место находиться и с кем она граничит». Так вот, специально для «географа» поясняем, что в тексте речь идет о географическом понятии Ингушетия, а не о ее принятых на сегодняшний день условных административно-территориальных границах, которые, как известно, претерпевали разные изменения и еще окончательно не определены в силу не менее известных политических обстоятельств, и упрек в незнании географии, тем более, когда речь идет о западных границах Ингушетии, к которым «знаток географии» из Грозного не имеет никакого отношения, надо рассматривать как проявление тех самых «братской любви и привязанности», основанных на хорошем знании «болевых точек» ингушского народа. Поэтому не будем специально останавливаться на «доказательствах» очевидного, лишь приведем две цитаты «по поводу». Автор первой из них – известный археолог Е.И. Крупнов, который в своем фундаментальном труде «Средневековая Ингушетия» (М., 1971) отмечает: «...простирается Ингушетия с севера на юг в центральной части Северного Кавказа. На севере она граничит с Кабардино-Балкарской АССР, на юге Кавказский хребет отделяет ее от Грузинской ССР, на западе Ингушетия соприкасается по р. Терек с Северо-Осетинской АССР, наконец, с востока по р. Фортанге к ней примыкают районы, населенные чеченцами» (с. 11).

Это исторические границы Ингушетии, которые существовали до депортации ингушей и чеченцев в 1944 г. И современный узкий «Моздокский коридор» («наследие сталинских реформ») не является препятствием для тесных географических, социально-экономических и культурных связей Ингушетии с Кабардино-Балкарией, с народами которой ингуши на протяжении столетий соседствуют, дружат и роднятся. Однако мы можем привести и современную цитату, принадлежащую бывшему президенту Республики Ингушетия, доктору

философских наук, генерал-лейтенанту М.М. Зязикову, кстати, признанному указанным «Т. Нахчиевым» положительным автором, раскрывающим «подлинную культуру ингушского народа», в отличие от «провокаторов – авторов «Истории Ингушетии». Так вот, М.М. Зязиков пишет: «Ингушетия – удивительно красивый край, расположенный в центральной части северных склонов предгорья Большого Кавказского хребта. На севере и западе Республика Ингушетия соседствует с Республикой Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарской Республикой, на востоке – с Чеченской Республикой, на юге Главного Кавказского хребта граница проходит с Грузией». (Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов-на-Дону, 2004, с. 34). Трудно не согласиться с авторитетным и осведомленным автором.

«Т. Нахчиев» упрекает нас в отсутствии указания на то, что Ингушетия является составной частью РФ. Здесь опять же «критик» лукавит или же не понимает того, что читает и пишет. Во-первых, в тексте отмечено, что «на юге в горной части Ингушетии проходит государственная граница России с Грузией». Во-вторых, авторам нет никакой необходимости каждый раз при упоминании Ингушетии подчеркивать, что она находится в составе России уже 242 года. Когда упоминается Ингушетия, и так всем ясно, что она является частью Российской Федерации. Поэтому ни Е.И. Крупнов, ни М.М. Зязиков, ни другие авторы специально не акцентировали, что Ингушетия находится в составе РФ. Тут можно добавить и то, что во вступительном слове Главы РИ Ю.-Б.Б. Евкурова указано это: «Ингуши первыми из семьи малых кавказских народов официально вошли в состав России. И сегодня история Ингушетии тесно сплетена с многонациональным народом России». Похоже, наш «критик» не удосужился прочесть сам текст напутственного слова Главы Республики Ингушетия.

На странице 135 «Истории Ингушетии» приведена фотография средневекового ингушского воина. «Т. Нахчиев» пишет, что это иллюстрация из книги Я. Ахмадова, в которой она подписана как «Чеченец в панцирном вооружении». Последний, якобы, приобрел ее у ингушского археолога Д. Чахкиева. Нам предоставил эту фотографию краевед-архивист Б.Д. Газиков. Она хранится в Государственном музее Грузии в альбоме Ермакова. На фотографии была подпись «Кистин». Я. Ахмадов заменил подпись по своему усмотрению. Нами вместо слова «кистин» поставлено слово «ингуш», т. к. в грузинских и во многих российских источниках этот этноним традиционно соотносят с ингушами.

«Критик» нас также упрекает в том, что мы приписали художнику Джапаридзе У.М. картину под названием «Комендант Кизляра Фра-

уендорф награждает ингушских делегатов». Здесь уже «Т. Нахчиев» выступает как искусствовед и заявляет, что Джапаридзе «ничего подобного в своей жизни не писал». Фотография картины Джапаридзе У.М. именно под приведенным названием хранится в Государственном объединенном краеведческом музее г. Ставрополя им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Картина же писалась художником в 20-х гг. XX в. Предлагаем «критику» все свои вопросы, связанные с данной картиной, адресовать сотрудникам этого музея.

К списку подобных «несуразностей» авторов «Истории Ингушетии» «критик» добавил подпись под картиной художника XIX в. А.Н. Грузинского «Переселение горцев». Как считает наш «критик-искусствовед», она имеет другое название: «Оставление горцами аула при приближении русских войск». Как нам известно, эта картина имеет два названия: «Оставление горцами аула при приближении русских войск» и «Переселение горцев». Именно под вторым названием картина вывозилась на выставку в Вену. Писалась она в 1865–1872 гг., когда происходило переселение горцев в Турцию. Под этим названием – «Переселение горцев в Турцию» – и была помещена иллюстрация этой картины в «Истории Ингушетии». Также под этим названием эта иллюстрация была опубликована ранее в книге историка М.М. Базоркина «История происхождения ингушей» (Нальчик, 2002), в разделе, посвященном выселению горцев в Турцию.

Возмущение «Т. Нахчиева» вызвала подпись к изображению фигуры бронзового орла из башенного поселения Аьрзи (наименование которого в переводе на русский язык также означает «орел»), приведенному на с. 93 «Истории Ингушетии». Вздурораженный непонятно чем, «Т. Нахчиев» предстает уже в новом образе – «эксперта-орнитолога», и самым оскорбительным слогом начинает объяснять авторам, что «орел из Аьрзи», изображение которого вынесено на обложку книги, вовсе не орел, а бронзовая фигура ястреба, мол «это мог бы объяснить маститым авторам любой ингушский мальчишка». Более того, и его изготовление относится, оказывается, не к 105 г. хиджры, как указано авторами «Истории Ингушетии» на с. 93, а «согласно мнению специалистов Эрмитажа (где хранится артефакт) – к 189 г. хиджры».

Нетрудно догадаться, где наш «орнитолог», «разгадавший ястребиную сущность» ингушского орла, откопал данную дату (189 г. х.). Он ее, судя по всему, нашел в интернете http://www.hermitagemuseum.org/html_ru/03/hm3_5_5b.html. Кстати, на странице, приведенной в этой ссылке, бронзовая фигура названа «орлом», а не «ястребом». В колллекции «Культура и искусство народов Востока» Эрмитажа, в которой

представлена эта бронзовая фигура, она также именуется «орлом». Чах Ахриев, впервые сообщивший о ней в 1875 г., также называет указанную фигуру «орлом» (Ахриев Ч. Ингуши. Их предания, верования и поверья // ССКГ. Вып. VIII, отд. 1. Тифлис, 1875. С. 1). И во всех исследованиях она именуется именно так.

Приведенную же в «Истории Ингушетии» ссылку, по поводу датировки и названия бронзовой фигуры, «Т. Нахчиев» не удосужился посмотреть. Арабский текст на туловище орла, в котором приведена дата 105 г. х., переведен на русский язык одним из ведущих востоковедов Советского Союза М.М. Дьяконовым, который, кстати, эту фигуру также называет «орлом» (Дьяконов М.М. Арабская надпись на бронзовом орле из собрания Государственного Эрмитажа // Эпиграфика Востока. IV. М.-Л., 1951, с. 25). Со времени публикации статьи М.М. Дьяконова (в 1951 г.) никто не опроверг его, не предложил другой перевод надписи. Может быть, «Т. Нахчиев» возьмется за это дело? А заодно также докажет (не пустословием, а аргументами), что это действительно ястреб, а не орел? И, по сути, что изменится, если этого орла назвать «ястребом»? Почему именно это так заело нашего «критика»? Надо полагать, что тут какой-то особенный подтекст... Ну, что же, оставим это на совести «нахчиевых».

«Критик Т. Нахчиев» затрагивает в статье вопрос кобанской культуры, выхватывая отрывок из «Введения». Прочитал бы параграф 4 главы 1 о племенах кобанской культуры. Там же имеются и ссылки. И не было бы никаких вопросов.

Что же касается ингушского нартского эпоса, то где и в каком сказании «критик» обнаружил осетинский термин «ахсартагат» (означающий в переводе «храбрый»)?

В ингушском обществе в Санибанском ущелье находится древний ингушский храм Саниба-Ерда. Там же находятся древние склепы, которые современные уже осетинские насельники ущелья называют «нартскими» или «ингушскими». Не случайно Чах Ахриев, первый записавший ингушские нартские сказания, разделяет нартов, живших в «Галгайском ущелье» и в Санибе, и орстхойцев (орштхойцев), живших у «реки Фортон» (См. Ахриев Ч. Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // ССКГ. Вып. IV. Отд. II. Тифлис, 1870, с. 1-33; Его же: Ингуши. Их предания, верования и поверья // ССКГ. Вып. VIII. Отд. 1, с. 1-40). Чах Ахриев также отмечает, что местом действий, как орхустойцев, так и нартов, является Галгаевское ущелье и Санаби (Саниба). (См. Ахриев Ч. «Несколько слов о героях в ингушских сказаниях»).

Особую агрессивность вызывает у «Т. Нахчиева» термин «древнеингушские племена». «Между тем, — отмечает «критик», — авторы

I тома «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней» (Грозный, 2006) в своих текстах вплоть до XV в. преимущественно использовали этнонимы «нахи» и «вайнахи», а не «чеченцы» и т. д. В этом отрывке ключевое слово «преимущественно». Да, действительно, авторы «Истории Чечни» очень часто используют термины «нахи» и «вайнахи», но так ловко, чтобы всем было ясно, что речь идет именно о чеченцах. Приведем лишь один пример из «Истории Чечни». Авторы пишут (без всякой аргументации, не приводя ни одного доказательства, ни одной ссылки на документы или исследования), что «на всей территории древней Чечни формируется общность народа, состоящая из двух союзов племен. Первый союз известен (кому известен? – Авт.) под названием «ламчуьра нах» (горные нахи, горцы). Эти племена жили в верховьях Терека, Кистинки, Армхи, Ассы, Сунжи, Фортанги, Аргуна, Хулхулау, Аксая и других рек, то есть во всей предгорной и горной части Чечни» («История Чечни...» Т. 1. Грозный, 2008. С. 79). Оказывается, ни много, ни мало, что верховья рек Терека, Кистинки, Армхи, Ассы, Сунжи, Фортанги и т. д. – это все горная часть Чечни!

Далее авторы «Истории Чечни» продолжают: «Второй союз племен – «Арара нах» («равнинные нахи»), «охъара нах» (живущие на равнине). Эти племена жили в бассейнах среднего и нижнего течений вышеназванных рек. За ними и по сегодняшний день закрепился этноним «нохчий», а за горами – «ламарой». Люди этих союзов говорили на одном языке, получившем название «нахский язык».

Оказывается, люди, жившие «в бассейнах среднего и нижнего течений вышеназванных рек» (Терека, Кистинки, Армхи, Ассы, Сунжи, Фортанги и т. д.) называются сегодня «нохчий»! А все они говорили на языке, получившем название «нахский язык»! На самом же деле, не только ингушей, но даже нахов, по мнению «критиков», в помине не было и нет, есть только «нахчийцы» – западные и восточные. (См. Умхаев Х. Историческое мифотворчество // Вести республики. 14.10.2011).

В «Истории Ингушетии» нет ни одного выпада в сторону братского чеченского народа, что бы там ни писали «критики» «нахчиевы». А вот «нахчиевы» целый народ оскорбляют, называя его словом, которого нет ни в одном языке мира – «нахчийцы»! Никто и никогда этим несуразным словом не называл ни чеченцев, ни ингушей.

В целом, авторы «Истории Чечни» проводят ту же мысль, высказанную открыто Х. Умхаевым. К примеру, перечень «нахских обществ» дает, по мнению авторов «Истории Чечни», «представление о расселении чеченцев в горной части страны в XVI–XVII вв.». И в этом перечне

перечисляются, наравне с чеченскими, все ингушские общества. («История Чечни...» Т. 1, с. 139-140). Таких примеров очень много.

«Критик Нахчиев» вообще не хочет слышать ни о каких переселениях: «Тут «поздние переселенцы» в Грузии – «фяппи-бадой» или «цова-тушины» из «Горной Ингушетии» переходят на грузинский язык, другая часть «ингушей» покидает территории Куртатинского, Кобанского, Санибанского ущелий Осетии и их заселяют неведомо откуда взявшиеся «ираноязычные ироны-осетины» и т. д.».

То, что бацбийцы являются переселенцами из аула Аьрзи в Горной Ингушетии, знают и ингуши, и бацбийцы, и грузины и др. (См. например: Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 161). Но «не знают» этого «нахчиевы», которые объявляют их чеченцами.

О переселении ингушей из названных ущелий на восток имеется множество свидетельств, преданий, в том числе и осетинских. (См, например: Туганов М. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977, с. 54–55; Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963, с. 27).

Прочитывая из «Введения» следующие строки: «Аланское государство сложилось в результате завершения этнополитической консолидации аборигенных нахских (древнеингушских) племен и ассимилировавшихся в результате многовековых инфильтраций в нахскую среду, в позднекобанскую и посткобанскую эпоху, ираноязычных (сарматских) и, начиная с IV в., тюркских этнических групп», строки, касающиеся одного из важных аспектов истории Северного Кавказа периода раннего средневековья, «Т. Нахчиев», не возразив ничего по существу данного тезиса, (который, в общем-то, согласуется и с чеченской историографией, в которой нахскому (а в чеченской версии – это предки чеченцев) субстрату алан и аланского государства уделяется значительное внимание) возмутился главным образом тем, что в скобках нахские племена раскрыты как «древнеингушские». Не будем останавливаться на раскрытии «аланской проблемы», она до сих пор остается наиболее спорным вопросом в историографии Кавказа, а перейдем сразу к главной сути «нахчиевского» возмущения. И здесь необходимо пояснить, если Т. Нахчиеву необходимо наше прямое на это указание, что речь в «цитате» идет о раннесредневековой истории Ингушетии и о том периоде, когда в контексте нашей гипотезы интерпретации этногенеза ингушей и чеченцев представляется возможным говорить лишь о предках первых, как об этногенетическом субстрате, в свою очередь, для предков вторых. Эта гипотеза не является, между

тем, нашим изобретением, а восходит к работам лингвистов и кавказоведов Н.Ф. Яковлева и А.Н. Генко, которые, не будучи вовсе заинтересованными в формировании отдельной «ингушской» или «чеченской» идентичности, а наоборот, призванные в период унификации чеченского и ингушского литературных языков и создания ЧИАССР объяснить их этногенетическое родство, в ходе изучения данных языка, материальной и духовной культуры, пришли к заключению, что ингушский язык и культура в прошлом распространялись на всей территории сегодняшней горной Чечни. При этом Н.Ф. Яковлевым была предложена гипотеза этногенеза чеченцев, которая до настоящего времени не нашла аргументированного опровержения в научной литературе. Фактически ее просто игнорировали! Приведем цитату из работы Н.Ф. Яковлева, посвященной этому вопросу:

«Наиболее вероятным представляется нам происхождение чечено-ингушей, т. е. «вейнахов», как национальности, их языка и их культуры, характеризуемой военными башнями – «вау», надземными склепами – «малхары каш» и проч., в результате влияния культурно-религиозного центра, сложившегося уже в IX веке в Ассинском ущелье (нагорная Ингушия), под несомненным воздействием культуры Абхазо-Грузинского царства. Современный же ингушский язык в его нагорных наречиях, домусульманская религия ингушей, архитектурные памятники нагорной Ингушии – все это окончательно сложилось на развалинах указанного грузинского влияния, можно думать, уже в XIV–XV столетиях, вокруг того же культурного центра, который ингуши унаследовали от грузин. С этого времени и до настоящих дней область распространения ингушей и ингушской культуры простиралась по всему нагорью Ингушии и Чечни, исключая лишь крайний восток (Чаберлой). В указанный период эта культура, можно думать, еще не имела постоянных центров на плоскости. Поэтому, до сих пор нагорное население Чечни говорит на наречиях, более близких к ингушскому, чем к плоскостному чеченскому. Когда же сложились чеченцы, как национальность? Со второй половины XVI века начинается эмиграция ингушских племен из нагорной полосы на теперешнюю чеченскую плоскость. Эта эмиграция вытеснила гребенских казаков с места их первоначального поселения по реке Сунже – за Терек. Многочисленные нагорные племена из Нашаха, с верховьев Аргуна и из Чаберлоя вновь перемешались на плоскости, подпали под влияние соседних плоскостных культур (русской, кабардинской, ногайской, кумыкской и калмыцкой) и дали в результате новую культурную область с новыми центрами, в которых сформировались новая культура и новый язык – чеченский» (См. Яковлев Н.Ф.

«К вопросу об общем наименовании родственных народов. Чеченцы и ингуши» // Записки Северо-Кавказского Краевого Горского НИИ. Ростов-на-Дону, 1928. Т. 1, с. 197).

В целом, мы придерживаемся данной гипотезы, с некоторыми уточнениями, поскольку других «альтернатив», кроме чеченской историографии, у этой гипотезы нет. Таким образом, прежде чем говорить об «альтернативности» «Истории Ингушетии» и противопоставлении ее в целом «официальной истории», не мешало бы «Т. Нахчиеву» уточнить истоки нашей «альтернативности» и «предвзятости». А если бы он еще удосужился быть повнимательнее, то разобрался бы и со своими вопросами по Кавказской войне с ее огромным влиянием на весь ход последующей этнополитической истории чеченцев и ингушей, раскрываемыми нами последовательно, в рамках имеющей право на жизнь гипотезы, которая, впрочем, напрочь отвергается им и его единомышленниками, у которых на этот счет, похоже, имеется только лишь один аргумент – «это бред». Ну что же, это тоже точка зрения... Методологический уровень таких оценщиков, впрочем, не требует комментариев.

В статье «Т. Нахчиева» среди прочих резких и эмоциональных выражений есть и такие строки: «Может быть, чеченцам, кабардинцам, осетинам и горцам Грузии, устыдившись унесенных бредом авторов «Истории Ингушетии», совершить массовое харакири и освободить т. н. «ингушеязычную» территорию?» и т. д. в том же ключе. О чем они свидетельствуют? Автор статьи либо совершенно не разбирается в сложности механизма взаимодействия исторической науки, через производимый ею продукт, с массовым сознанием, либо преднамеренно пытается ввести в заблуждение неискушенного читателя. Мы не говорим уже об откровенной фальсификации им содержания «Истории Ингушетии» через использование заведомо ложных посылов, ориентированных на создание у читателя впечатления, что данный труд антикабардинский, античеченский, антиосетинский и т. д. Тем самым автор статьи пытается навязать читателю свою точку зрения, явно преувеличивая значимость научного исторического нарратива в социальной практике на Северном Кавказе. Если следовать его логике, то ингуши давно должны были поголовно «сделать харакири» или «объявить войну», ознакомившись с тем, что пишут о них в соседних республиках. Поэтому сие странное пожелание «Т. Нахчиев» может адресовать только исключительно лично себе, как удосужившемуся прочесть и изумиться, хотя, справедливости ради, надо отметить, что налицо поверхностное знакомство с текстом. А дискурс «мы» и «они», в особенности по отношению к целым народам, никак не уместен, поскольку

«критик», подчеркнем это еще раз, выражает здесь только свою точку зрения, совершенно далекую от профессиональной науки.

Кстати, здесь можно подчеркнуть и тот факт, что на «Историю Ингушетии» были получены положительные рецензии из Дагестанского научного центра РАН и Кабардино-Балкарского государственного университета.

Поверхностно ознакомившись с «Историей Ингушетии», «критик» пишет, что авторы не отразили в данном труде важнейшую страницу истории, касающуюся закрепления ислама на территории Ингушетии и роли в этом процессе шейха Кунта-Хаджи Кишиева. Подчеркивая особо, что авторитет шейха Кунта-Хаджи в Ингушетии очень высок и непререкаем, предлагаем «Т. Нахчиеву» прочитать кроме «Введения» еще и основное содержание «Истории Ингушетии», где в главах 5 и 6 говорится о Кунта-Хаджи. Более того, работы, касающиеся жизни и деятельности великого шейха Кунта-Хаджи Кишиева, подготовленные ингушскими авторами, вышли в свет отдельными изданиями. (См., например, «200 лет Святому Устазу Киши-Хаджи (1800–2000). Нальчик., 2001 // Сост. Аушев А.-Х.А., Бадраков Б.-Х.А., Эльджеркиев М.-Х.А., Мальсагов М.С. »).

Спекуляцию на имени, задевающим религиозные чувства чеченского и ингушского народов, считаем недопустимой и социально опасной.

Выхватывая отдельные цитаты из «Истории Ингушетии» и интерпретируя их вне общего контекста работы (или ее отдельных глав), «Т. Нахчиев» выстраивает свою «интерпретацию» книги, в результате чего делается заранее заданный вывод – все очень и очень плохо. Но плохо для кого? Вот это главный вопрос, через призму которого раскрывается вся сущность определенным образом ориентированной «критики». Отвечая на этот вопрос, такие «критики», как «Т. Нахчиев», сразу переводят научную проблематику в плоскость социальной практики, в область политики и межнациональных отношений, требуя от «нехороших авторов» ответа на риторические вопросы, которые суть от непонимания простых вещей: исторический нарратив, который создается в Чечне и Ингушетии сегодня, и современные отношения между братскими народами категорически нельзя противопоставлять друг другу.

И уже совсем кощунственна угроза «Т. Нахчиева»: «Чего вы добиваетесь? Смены застарелого осетино-ингушского конфликта новым чечено-ингушским или хотите добавить к осетино-ингушскому еще и чечено-ингушский конфликт?». У ингушей еще не зажили кровоточащие раны осетино-ингушского конфликта, а нам грозят новым, уже чечено-ингушским конфликтом. Неужели какие-то рассуждения об орле, о чинах, о

фотографиях, спорных далеких историях, все эти не стоящие внимания «проблемы» могут послужить основанием для братоубийственной войны? Как можно публиковать такие статьи в республиканской газете?

Если бы в Ингушетии поступали подобным образом, то со времени выхода «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней» в республиканских газетах появилась бы масса отзывов на это издание, в котором даже невооруженным взглядом просматривается гипертрофированный этноцентризм, а история ингушей, в особенности их уникальная материальная и духовная культура, используется в качестве лабораторного материала для иллюстрации истории чеченцев, как нечто само собою разумеющееся. Но в Ингушетии вы подобных «рецензий» не увидите, здесь как раз-таки свято чтят родственные узы и с пониманием относятся к особенностям развития чеченской историографии, не закатывая истерики в печати по поводу очередного «казуса» того или иного историка.

Интерпретируя текст «Истории Ингушетии» лишь в негативном ключе, у «критика» не нашлось ни одного позитивного момента, который он считал бы возможным отметить в данном труде. Отсюда напрашивается очевидный вывод: факт выхода в свет «Истории Ингушетии» уже сам по себе является неприемлемым для определенной категории людей в Чеченской Республике, к которой, несомненно, принадлежат наш «неизвестный критик» и редакция газеты «Вести республики». Для этой категории «критиков» любая интерпретация истории ингушей вне контекста официальной и даже не официальной чеченской историографии, которых объединяет общий взгляд на ингушский народ, как на «отколовшийся» чеченский тукхум, — это преступление против «науки», а главное, против чеченской идентичности, постоянно пестуемой якобы имеющей именно чеченскую (без каких-то ингушей) сплошную идентичность. Таким образом, само понятие «История Ингушетии» раздражает подобных «критиков», привыкших позиционировать свое субъективное мнение как глас чеченского народа.

Надерганные из «Истории Ингушетии» многие мелочи и спорные факты скорее напоминают «бурю в стакане воды».

«Критик» задается вопросом, имеют ли авторы мандат от народа на написание «Истории Ингушетии»? Видимо, чеченские авторы каждый раз, перед тем, как сажались писать «историю», проводили референдумы и получали мандаты? Сам «критик», наверное, тоже имеет мандат от народа на написанный им пасквиль?

Мы, авторы «Истории Ингушетии», вынужденные отреагировать на очередную порцию очевидной провокации, которой не

брезгает заниматься солидное по республиканским меркам издание, будучи убежденными сторонниками принципа, что научные проблемы следует обсуждать в научном кругу в рамках конференции, либо иной сугубо научной площадки, считаем для себя неприемлемым более вступать в какие-либо разглагольствования по этому поводу с газетными «анонимами» и на этом просим считать эти бесперспективные «бумажные сражения» закрытыми. Если у чеченских историков есть желание подискутировать на тему нашей общей истории (дискурса «История Ингушетии» – «История Чечни»), то мы готовы к открытому и цивилизованному диалогу в рамках традиционных научных площадок. Истерия и наука несовместимы! (Выделено мной. – Авт.).

В силу того, что процесс написания своей национальной истории у любого народа бесконечен, и наш Ингушский НИИ продолжает и, конечно, будет продолжать писать историю своего народа. К этому нас обязывает и пожелание Главы Республики Ингушетия: «Уверен, что со временем этот труд будет дополняться и совершенствоваться».

И, наконец, подводя итог вышесказанному, мы обращаемся к редакции газеты «Вести республики» с просьбой, имеющиеся у них «рецензии» и отклики на «Историю Ингушетии» других «профессиональных и непрофессиональных историков» пересылать к нам по адресу: Республика Ингушетия, г. Магас, ул. Зязикова, 4. Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. Все конструктивные замечания и пожелания будут нами восприняты с благодарностью.

Авторский коллектив «Истории Ингушетии»

И.А. Дахкильгов,

М.Б. Долгиева,

Н.Д. Кодзоев,

М.М. Кортоев и др.

(Сайт «Ингушетия Life», 14.03.2012 г.; Общенациональная газета Республики Ингушетия «Сердало» от 12.03.12 г.).

Горькое лекарство

3 февраля 2012 г., в чеченской республиканской газете «Вести Республики» была опубликована статья Т. Нахчиева «О провокационной деятельности организованной пишущей группировки (ОПГ) «Кодзоев и К». В общенациональной газете Республики Ингушетия «Сердало» 12.03.12 г. был напечатан внушительный по объему «ответ» сотрудни-

ков Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева во главе с его директором И.А. Дахкильговым. Редакция дала ему залихватский заголовок «Истерия и наука несовместимы».

Весьма польщенный таким вниманием к скромной публикации своего фельетона со стороны целого научно-исследовательского института, Т. Нахчиев решил продолжить полемику с людьми, которые взяли на себя смелость назваться ингушскими «учеными».

Прежде всего, к сведению авторов статьи и редакции газеты «Сердало», не могу не заметить, что «истерия» – это заболевание. Если кто-то и пишет «истерия и наука несовместимы», он с таким же успехом может начертать: «бронхит и наука несовместимы» или «геморрой и наука несовместимы». После чего автоматом получит тот же диагноз, что бравый солдат Швейк на врачебной комиссии.

Естественно, проявление болезни истерии – «истерику» (как симптом) мы усматриваем в новой выходке ОПГ «Кодзоев и К» – публикации в общенациональной газете «Сердало» безграмотного, неудобочитаемого опуса «Ответ на статью...». Фактически получен истерический «Ответ...», типологически близкий к воплю преступника, схваченного за руку на месте преступления. Тем не менее он был немедленно растиражирован в нескольких сайтах Интернета (см.: galga.ru/news/2012-03-12-1714;magas.su...otvet-statyuprovokatsionnoi...opg..., и др.).

Однако, пользуясь случаем передаю самый сердечный привет моим коллегам по перу из журналистского цеха Ингушетии, а также ученым из дахкильговского института. «Дала аьтто бойла вайн дикачу хIуман тIехь! Нохчийн, гIалгIайн кIаьмнийн барт бохош волу стаг Дала холчу хIоттавойла!».

А теперь, ниже, постараемся разобраться с содержанием «ответа» и заодно постараемся указать – где у наших оппонентов просто истерика, а где истерическая ложь! Предварительно приведем одно интересное определение: «Причиной истерики может стать противоречие между желанием чего-либо и невозможностью его удовлетворить. Особенно ярко это проявляется у маленьких детей. Ведь в раннем возрасте они еще не умеют управлять своими желаниями». Кажется определение это в точку.

В отличие от наших «благоразумных» коллег по журналистскому цеху, а также авторов «Ответа...», разрывающихся «между желанием чего-либо и невозможностью его удовлетворить», мы приводим текст Ингушского НИИ гуманитарных исследований полностью (выделено курсивом), перемежая его нашими комментариями.

В республиканской газете Чечни «Вести республики» от 03.02.12 г. появилась т. н. «рецензия» на вышедший в мае 2011 г. труд отдела истории Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева – «История Ингушетии». В самом названии статьи «рецензента» «Т. Нахчиева» – «О провокационной деятельности организованной пишущей группировки (ОПГ) «Кодзоев и К», уже заложен механизм оскорбления авторского коллектива, который раскрывается на полную мощь уже с первых строк статьи. В газете сообщается, что в распоряжении редакции оказались рецензии и отклики профессиональных и непрофессиональных историков Чечни на «Историю Ингушетии». В связи с этим напрашивается вопрос к редактору данной газеты, к какой части историков (профессиональной или непрофессиональной) относится автор данной статьи, который прикрывается псевдонимом «Т. Нахчиев»?

В отличие от наших «оппонентов», мы не собираемся прятаться за ширмой «любителей истории» и рядиться в образ таинственного «эксперта» вроде «Т. Нахчиева». Уже если дискутировать, то дискутировать открыто. Видит Бог, мы не хотели поднимать подобные темы на страницах печати, поэтому и не отреагировали на первую статью в газете «Вести республики», тем более, что автором ее является не профессионал, а ангажированный любитель, однако за ней последовала вторая, и, надо полагать, не последняя: судя по всему, маховик кампании, направленной на дискредитацию «Истории Ингушетии» и Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, продолжает набирать обороты. И отмалчиваться в данной ситуации было бы просто бессмысленно.

Какая «рецензия», и чем вас так перепугал «таинственный» Т. Нахчиев? В чем вообще дело-то? Вынуждены повторить наш вопрос, приведенный в прежней статье, но в другой вариации: «Дитя мое, ты, часом, умом уже повредился?». А если говорить серьезно, то историки, писатели, журналисты и общественные деятели Чечни уже давно (начиная с 2000-х годов) и приватно, и публично обращали внимание на странность с точки зрения науки, здравого смысла и менталитета горских народов публикации и выступления в узкой части ингушской, условно говоря, историографии и публицистики. Однако негативные процессы только усиливались и привели к вызывающей по содержанию публикации школьного (!?) учебника «Истории ингушского народа», и к известным публикациям (с переизданиями!), извините за выражение, Идриса Абадиева (где редактором выступает Н. Кодзоев), а затем и аль-

тернативно-скандальной, но официальной «Истории Ингушетии» ОПГ «Кодзоев и К».

Пусть их взгляды разделяет 10–20 крикунов на целую Ингушетию, это не страшно. Плохо, когда подобные вещи начинают творить государственные учреждения за наш с вами счет и в плановом порядке, да еще в общенациональном масштабе. Естественно, научные доводы на подобных людей, весьма далеких от науки, не действуют. Поэтому, господа хорошие, мы и написали всего-то фельетон, а научная рецензия уже была ранее и будет еще позже. Ждите!

Но, как мы видим, наш фельетон достиг своей цели быстрее и оказался сильнее, чем рецензия. Ведь в рецензии разбираются взгляды, а героями фельетона стали авторы с фамилиями. ОПГ «Кодзоев и К» впала в истерику именно потому, что задели лично их, а то, что раньше критиковали «Историю Ингушетии» им было до лампочки. А «мы» – Т. Нахчиев – это «группа» из двух читателей вашей своеобразной «Истории...», подарившей нам немало веселых и, одновременно, грустных минут. Да, мы не историки, но у нас еще есть шанс ими стать. А вот вы господа, в том числе и «и др.», поверьте нам, никогда уже историками не станете.

Вернемся к коллективному Т. Нахчиеву. Вам нужны фамилии? Пожалуйста – Т. Надуев и Х. Чихаев. Один историк, другой филолог и, честно сказать, опыта у нас еще маловато. Публикуемся то там, то здесь, чаще в интернете и под ником. То, что мы узнали о вас и вашей «Истории...» нам показалось любопытным для написания статьи непременно в жанре фельетона. Подключили ребят в Москве, чтобы иметь материалы из РГПБ, например труды того же Н.Ф. Яковлева или Н.А. Генко. Считаете нас «ангажированными любителями», мы не будем в претензии, но заодно расскажите читателям кем и чем мы ангажированы, в отличие от вас – профессиональных любителей лжеистории.

Еще раз русским языком вам объясняем, что все отклики, пришедшие в редакцию газеты «Вести Республики» по поводу вашей «Истории...», как от профессиональных, так и непрофессиональных историков мы посмотрели. Но их не опубликуешь в газете. Здесь нужна целая книга. Но не реагировать на столь явные прорехи «исторического нарратива(!?)» в «Истории Ингушетии» также было невозможно. И, видит Аллах, что мы, не являясь даже сотрудниками редакции, желая избежать кампанейщины, ограничились написанием несложного фельетона, памятуя о том, что смех могучее оружие против косности и невежества. Как говорится, по мощам и елей!

Употребляемая лексика, оскорбительный тон и грубая фальсификация многих фактов из «Истории Ингушетии», содержащиеся в упомянутой статье, вынуждают нас ответить, говоря словами анонима, на данный «опус», потому что слишком серьезные вопросы вынесены на всеобщее обсуждение – дружба и братство наших народов.

Столь резко отрицательное восприятие исторического нарратива, как и преувеличение социальной «опасности» данного издания, свидетельствует о том, что самозванные «критики» в лице «Т. Нахчиева» и иже с ним, сделавшие невольную рекламу нашему скромному научному труду, по достоинству оценили его сильные стороны, а потому и не смогли промолчать.

Надо отметить, что вся статья буквально пестрит такими выражениями, как: «псевдонаучный блеф», «псевдоисторический труд», «откровенные провокаторы», «лингвистико-жульнические курбеты», «бред авторов» и т. д. Спрашивается, где научная этика дискуссии (где традиционный эздел)?

Ах, какие наши оппоненты щирые патриоты. Невольно вспоминается Амброз Бирс с его нетленным афоризмом: «Патриотизм – первое прибежище негодяев». Как только наши герои фельетона получили по портрету, так сразу заголосили что-то о «дружбе и братстве». И как, если не «жульническим курбетом», можно назвать вашу пустую фразеологию, типа: «самозванные «критики» в лице «Т. Нахчиева» и иже с ним, сделавшие невольную рекламу нашему скромному научному труду, по достоинству оценили его сильные стороны, а потому и не смогли промолчать...»? Вы же, «и др.» так и не нашли сколь-нибудь весомого опровержения перечисленным нашим «выражениям», если не считать апелляции к «эздел». Эздел вашей ОПГ «Кодзоев и К», как полагаем, находится в книге «Эздел. Формула земной и вечной жизни» некоего Идриса Абадиева – сочинения психически больного человека для таких же психически больных. Кстати, не эта ли книга являлась первоисточником всей вашей «концепции» и «нарратива»? Что же вы не благодарили своего духовного наставника? Поскромничали?

«Критик» «Т. Нахчиев» до предела возмущен тем «преступлением», что под напутственным словом Ю.-Б.Б. Евкурова стоит подпись «Президент Республики Ингушетия», хотя с 1 января 2011 г. руководитель Республики Ингушетия официально именуется «Глава Республики Ингушетия». Ну, спрашивается, какой тут криминал? Между тем, на 470 странице «Истории Ингушетии», где помещена фотография

Ю.-Б.Б. Евкурова, черным по белому указано, что с 2011 г. должность руководителя Республики Ингушетия именуется как «Глава Республики Ингушетия». Непутственное слово Ю.-Б.Б. Евкурова поступило в институт из администрации президента на официальном бланке еще в конце 2010 г. Редакция, естественно, не стала вносить никаких корректив, тем более, что между этими надписями нет никакой существенной разницы: всем и так понятно, что Ю.-Б.Б. Евкуров – это руководитель Республики Ингушетия, независимо от того, как именуется его должность. Разве так важно, что именно в этот момент, когда вышла книга, он уже был «Главой», а не «Президентом»? К слову сказать, в народе его должность до сих пор именуют «Президентом» – к новым наименованиям не так быстро привыкают.

Между прочим, авторы из ОПГ «Кодзоев и К» – госслужащие, а задают странные вопросы, да еще оправдываются, ну, совсем, как дети. Так что делать нам, читателям, вначале первую страницу читать о Ю.-Б.Б. Евкурове, как президенте, а затем переходить на стр. 470, где он – «Глава Республики»? Может, вы запишете свое объяснение в качестве аудиозаписи и приложите DVD к «Истории...»? А может, все-таки, лучше было в Конституцию РИ пару раз заглянуть? Или это у вас «и др.» просто в крови – устроить человеку (в данном случае – Главе Республики) подлянку, просто так, походя?

Начав «анализ» «Введения», Т. Нахчиев уже предстает в образе «знатока» географии и обращает особое внимание читателя на якобы полное незнание авторами географии Северного Кавказа и, в частности, на то, что они «не знают, где оная Ингушетия имеет место находиться и с кем она граничит». Так вот, специально для «географа» поясняем, что в тексте речь идет о географическом понятии Ингушетия, а не о ее принятых на сегодняшний день условных административно-территориальных границах, которые, как известно, претерпевали разные изменения и еще окончательно не определены в силу не менее известных политических обстоятельств, и упрек в незнании географии, тем более, когда речь идет о западных границах Ингушетии, к которым «знаток географии» из Грозного не имеет никакого отношения, надо рассматривать как проявление тех самых «братской любви и привязанности», основанных на хорошем знании «болевых точек» ингушского народа.

Нет уж, давайте называть вещи своими именами, что вы там про себя в тряпочку имели в виду, нас не касается. Нам важно, что мы в

настоящий момент читаем несусветную глупость. Даже если западные и восточные, кстати, границы республики будут восстановлены в известном вам и нам формате 1934 г., то и в этом случае Ингушетия не попадает в Центральную часть Кавказа. И бить на жалость не надо, география есть география.

Теперь, что касается проявлений братской любви и привязанности. Она, слава Аллаху, есть, была и будет, пока будут существовать два наших народа. Но у вас-то организация по другой части, больше по разжиганию ненависти между двумя народами.

Поэтому, не будем специально останавливаться на «доказательствах» очевидного, лишь приведем две цитаты «по поводу». Автор первой из них – известный археолог Е.И. Крупнов, который в своем фундаментальном труде «Средневековая Ингушетия» (М., 1971) отмечает: «...простирается Ингушетия с севера на юг в центральной части Северного Кавказа. На севере она граничит с Кабардино-Балкарской АССР, на юге Кавказский хребет отделяет ее от Грузинской ССР, на западе Ингушетия соприкасается по р. Терек с Северо-Осетинской АССР, наконец, с востока по р. Фортанге к ней примыкают районы, населенные чеченцами» (с. 11). Это исторические границы Ингушетии, которые существовали до депортации ингушей и чеченцев в 1944 г. И современный узкий «Моздокский коридор» («наследие сталинских реформ») не является препятствием для тесных географических, социально-экономических и культурных связей Ингушетии с Кабардино-Балкарией, с народами которой ингуши на протяжении столетий соседствуют, дружат и рождаются. Однако мы можем привести и современную цитату, принадлежащую бывшему президенту Республики Ингушетия, доктору философских наук, генерал-лейтенанту М.М. Зязикову, кстати, признанному указанным «Т. Нахчиевым» положительным автором, раскрывающим «подлинную культуру ингушского народа», в отличие от «провокаторов – авторов «Истории Ингушетии». Так вот, М.М. Зязиков пишет: «Ингушетия – удивительно красивый край, расположенный в центральной части северных склонов предгорья Большого Кавказского хребта. На севере и западе Республика Ингушетия соседствует с Республикой Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарской Республикой, на востоке – с Чеченской Республикой, на юге Главного Кавказского хребта граница проходит с Грузией». (Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов-на-Дону, 2004. С. 34). Трудно не согласиться с авторитетным и осведомленным автором.

Ей-богу, не знаем – смеяться нам или плакать. И эти люди упрекают нас в том, что предыдущая наша *«вся статья буквально пестрит такими выражениями, как: «псевдонаучный блеф», «псевдоисторический труд», «откровенные провокаторы», «лингвистико-жульнические курбеты», «бред авторов» и т. д.»*. Вот вы привели нам две цитаты (Крупнов Е.И., Зязиков М.М), так поясните – они каким-то образом изменили существующее географическое положение современной Ингушетии? Оно что – меняется в соответствии с теми или иными цитатами? Может все-таки есть какие-то научные критерии? Что же касается исторических границ, чья бы корова мычала...

Вы, в укор нам, приводите «свидетельство» даже неугодного вам экс-президента М. Зязикова. Так ведь такие, как вы и «подставили» его, в конечном счете. А разве не из вашей компании происходят горе-историки, подставившие другого экс-президента, Р. Аушева, с названием аланской столицы «Магас»? А кто у нас перелицевал родовое знамя князей Мударовых (бывших владетелей сами знаете чего и кого) в государственный флаг Ингушетии? В этом конечно есть особый стесб.

Уже на слуху, что историки Ингушского НИИ гуманитарных наук предлагают отметить юбилейную дату – 200-летие основания Назрани чеченцами и кабардинцами во главе с Мухаммад-Хаджи на своих исторических землях и первоначальное принятие ислама плоскостными галгаями. Зачем нужны Ингушетии враги, когда есть ОПГ «Кодзоев и К»?

На странице 135 «Истории Ингушетии» приведена фотография средневекового ингушского воина. «Т. Нахчиев» пишет, что это иллюстрация из книги Я. Ахмадова, в которой она подписана как «Чеченец в панцирном вооружении». Последний, якобы, приобрел ее у ингушского археолога Д. Чакхиева. Нам предоставил эту фотографию краевед-архивист Б.Д. Газиков. Она хранится в Государственном музее Грузии в альбоме Ермакова. На фотографии была подпись «Кистин». Я. Ахмадов заменил подпись по своему усмотрению. Нами вместо слова «кистин» поставлено слово «ингуш», т. к. в грузинских и во многих российских источниках этот этноним традиционно соотносят с ингушами.

А с какого испуга родилось: «якобы приобрел»? Неужели с дуба кто-нибудь из вас упал? Оружиевед Д. Чакхиев правильно атрибутировал упомянутое фото по той еще причине, что Ермаков снимал его для одного из своих альбомов, посвященных типам жителей Грузии. А «кистинами» Грузии были жители Панкисского ущелья Кахетии и верховьев Аргуна (в частности, мялхинцы, входившие тогда в Тионетский уезд Тифлиской губернии), являвшиеся этническими чеченцами.

Если быть точным, это фото чеченца из Панкиси (они заселили ущелье минимум в XVIII – 40-х гг. XIX в.) еще и потому, что на нем панцирь грузинского, а не вайнахского типа, не говоря уже об оружии. Чеченцы и ингуши Терской области имели другой тип кольчуги и оружия. Но авторы статьи – самые умные и самые крутые, как они напишут, то и будет правдой!

«Критик» нас также упрекает в том, что мы приписали художнику Джапаридзе У.М. картину под названием «Комендант Кизляра Фрауендорф награждает ингушских делегатов». Здесь уже «Т. Нахчиев» выступает как искусствовед и заявляет, что Джапаридзе «ничего подобного в своей жизни не писал». Фотография картины Джапаридзе У.М. именно под приведенным названием хранится в Государственном объединенном краеведческом музее г. Ставрополя им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Картина же писалась художником в 20-х гг. XX в. Предлагаем «критику» все свои вопросы, связанные с данной картиной, адресовать сотрудникам этого музея.

Если бы в вашей так называемой «Истории...» репродукция была аннотирована подобным образом, с соответствующей ссылкой, мы так бы и поступили, т. е. адресовали бы претензии к музею. Но, извините, ваш очередной курбет опять закончился шумным падением в лужу. После выхода «Ответа...», пытаясь найти вам хоть какое-то оправдание, мы обратились в Ставропольский государственный историко-культурный музей имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве с соответствующей просьбой и получили разъяснение, что ничего подобного ни в экспозиции, ни в хранилище у них нет. И это понятно, ибо не надо быть искусствоведом, чтобы видеть, что эту картину не писала рука Учи Малакиевича, а уж, тем более, в годы его юношества. Художник родился в 1906 году. Поэтому, будьте добры, объяснитесь с читателем.

К списку подобных «несуразностей» авторов «Истории Ингушетии» «критик» добавил подпись под картиной художника XIX в. А.Н. Грузинского «Переселение горцев». Как считает наш «критик-искусствовед», она имеет другое название: «Оставление горцами аула при приближении русских войск». Как нам известно, эта картина имеет два названия: «Оставление горцами аула при приближении русских войск» и «Переселение горцев». Именно под вторым названием картина вывозилась на выставку в Вену. Писалась она в 1865–1872 гг., когда происходило переселение горцев в Турцию. Под этим названием – «Переселение горцев в Турцию» – и была помещена иллюстрация этой картины в «Истории Ингушетии». Также под этим названием эта

иллюстрация была опубликована ранее в книге историка М.М. Базоркина «История происхождения ингушей» (Нальчик, 2002), в разделе, посвященном выселению горцев в Турцию.

Уважаемые «искусствоведы-историки», если не уважаете себя, то уважайте хотя бы своих читателей!

А теперь о картине П.Н. Грузинского, имеющей единственное название «Оставление горцами аулов при приближении русских войск». Она была начата в 1865 г. и представлена автором, под этим самым названием, в Академию художеств в 1872 г., за что мастер получил звание академика. И, внимание! Именно под авторским названием художник отправил ее на выставку в Вену в 1873 г. И никогда П.Н. Грузинский не менял ее названия. А то, что кто-то, самочинно, изменил авторское название картины (в газетах ее порой называли «Переселение горцев Кавказа»), то это другая история, которая к нашему с вами вопросу не имеет никакого отношения.

Возмущение «Т. Нахчиева» вызвала подпись к изображению фигуры бронзового орла из башенного поселения Аьрзи (наименование которого в переводе на русский язык также означает «орел»), приведенному на с. 93 «Истории Ингушетии». Взбурдаженный непонятно чем, «Т. Нахчиев» предстает уже в новом образе – «эксперта-орнитолога», и самым оскорбительным слогом начинает объяснять авторам, что «орел из Аьрзи», изображение которого вынесено на обложку книги, вовсе не орел, а бронзовая фигура ястреба, мол, «это мог бы объяснить маститым авторам любой ингушский мальчишка». Более того, и его изготовление относится, оказывается, не к 105 г. хиджры, как указано авторами «Истории Ингушетии» на с. 93, а «согласно мнению специалистов Эрмитажа (где хранится артефакт) – к 189 г. хиджры».

Нетрудно догадаться, где наш «орнитолог», «разгадавший ястребиную сущность» ингушского орла, откопал данную дату (189 г. х.). Он ее, судя по всему, нашел в интернете http://www.hermitagemuseum.org/html_ru/03/hm3_5_5b.html. Кстати, на странице, приведенной в этой ссылке, бронзовая фигура названа «орлом», а не «ястребом». В коллекции «Культура и искусство народов Востока» Эрмитажа, в которой представлена эта бронзовая фигура, она также именуется «орлом». Чах Ахриев, впервые сообщивший о ней в 1875 г., также называет указанную фигуру «орлом» (Ахриев Ч. Ингуши. Их предания, верования и поверья // ССКГ. Вып. VIII, отд. 1. Тифлис, 1875. С. 1). И во всех исследованиях она именуется именно так.

Приведенную же в «Истории Ингушетии» ссылку, по поводу датировки и названия бронзовой фигуры, «Т. Нахчиев» не удосужился посмотреть. Арабский текст на туловище орла, на котором приведена дата 105 г. х., переведен на русский язык одним из ведущих востоковедов Советского Союза М.М. Дьяконовым, который, кстати, эту фигуру также называет «орлом». (Дьяконов М.М. Арабская надпись на бронзовом орле из собрания Государственного Эрмитажа // Эпиграфика Востока. IV. М.-Л., 1951. С. 25). Со времени публикации статьи М.М. Дьяконова (в 1951 г.) никто не опроверг его, не предложил другой перевод надписи. Может быть, «Т. Нахчиев» возьмется за это дело? А заодно также докажет (не пустословием, а аргументами), что это действительно ястреб, а не орел? И, по сути, что изменится, если этого орла назвать «ястребом»? Почему именно это так заело нашего «критика»? Надо полагать, что тут какой-то особенный подтекст... Ну, что же, оставим это на совести «нахчиевых».

Честно говоря, нам многое непонятно в приведенной выше эскападе. Что же такое важное мы затронули. С чего бы такая истерика, крик, слезы? Вот, смотрите, что мы написали в своем первом фельетоне: «Кстати, орел из Арзи», вынесенный на обложку книги, не орел, а бронзовая фигура ястреба (это мог бы объяснить маститым авторам любой ингушский мальчишка). И его изготовление относится не к 105 г. хиджры, как нас уверяют историки на стр.93, а согласно мнению специалистов Эрмитажа (где хранится артефакт), к 189 г. хиджры». Все.

На этого «орла» мы и внимания не обратили бы, если бы этот образец восточной пластики VIII в. из Ирака не был бы помещен на обложку «Истории Ингушетии». Своим замечанием мы хотели указать на широко известное обстоятельство, что если на заборе написано крупными буквами что-то, это не всегда соответствует истине. Мы понимаем, что нашим авторам разницы нет – орел или ястреб, лошадь или осел, 105 г. х. или 189 г. х.? Раз написано на заборе, так оно и есть. Никаких сомнений!

Спасибо вам за ценное методическое указание, господи профессионалы из отдела истории Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева! Век будем помнить вашу науку.

«Критик Т. Нахчиев» затрагивает в статье вопрос кобанской культуры, выхватывая отрывок из «Введения». Прочитал бы параграф 4 главы I о племенах кобанской культуры. Там же имеются и ссылки. И не было бы никаких вопросов.

Увы, прочитали мы и «Введение» и параграф 4 из главы 1. И этого наказания мы вам не простим. Количество вопросов только увеличилось. Но вам их зададут более подготовленные лица.

Что же касается ингушского нартского эпоса, то где и в каком сказании «критик» обнаружил осетинский термин «ахсартагат» (означающий в переводе «храбрый»)? В ингушском обществе в Санибанском ущелье находится древний ингушский храм Саниба-Ерда. Там же находятся древние склепы, которые современные уже осетинские насельники ущелья называют «нартскими» или «ингушскими». Не случайно Чох Ахриев, первый записавший ингушские нартские сказания, разделяет нартов, живших в «Галгайском ущелье» и в Санибе, и орстхойцев (ористхойцев), живших у «реки Фортон». (См. Ахриев Ч. Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // ССКГ. Вып. IV. Отд. II. Тифлис, 1870. С. 1–33; Его же: Ингуши. Их предания, верования и поверья // ССКГ. Вып. VIII. Отд. 1. С. 1–40). Чох Ахриев также отмечает, что местом действий, как орхустойцев, так и нартов, является Галгаевское ущелье и Санаби (Саниба). (См. Ахриев Ч. «Несколько слов о героях в ингушских сказаниях»).

Что-то наши оппоненты ушли от темы. С какой стати, некогда нахское общество в Санибанском ущелье стало вдруг ингушским? А когда сформировались ингуши как народ? Только без фантазий: с указанием, из каких обществ, аулов и кто конкретно? Если что-то подзабыли, можем и напомнить. А кто такие нарт-ахсартагат/эрхустой/орстхой? Почему у нахских героев такая странная ономастика? Сюда не надо примешивать реальных арштхойцев/орстхойцев – «чеченское племя карабулаков», сложившихся не ранее конца XVII (арштинцы, бальсунцы, карабулаки) и второй половины XVIII в. (плоскостные карабулаки) из конкретных галанчожских фамилий, как говорится с адресами и именами. Это вопросы, кстати, ко всем исследователям северокавказского нартского эпоса, а не только к дахкильговым и иже с ними, вдруг позабывшим, что нарт-орстхойский эпос иначе, как эпосом вайнахов, до последнего времени не называли.

Однако наши оппоненты угодили в странную компанию – вопроса-ми, как мы понимаем к Т. Нахчиеву, задается целый д. ф. н., профессор И.А. Дахкильгов. Тот самый, которого злые языки тщетно обвиняют в продолжающейся уже много лет краже фольклорных произведений чеченцев. Говорят даже, что в пылу увлечения, он переводил на народный ингушский «штиль» стихи конкретных авторов и объявлял их фольклорными. Например, тексты, написанные гекзаметром. А может

это тот И.А. Дахкильгов, о котором благороднейший Халид Ошаев в свое время был вынужден сказать, что для И. А. «этика работника науки – ничто».

Особую агрессивность вызывает у «Т. Нахчиева» термин «древнеингушские племена». «Между тем, – отмечает «критик», – авторы I тома «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней» (Грозный, 2006) в своих текстах вплоть до XV в. преимущественно использовали этнонимы «нахи» и «вайнахи», а не «чеченцы» и т. д. В этом отрывке ключевое слово «преимущественно». Да, действительно, авторы «Истории Чечни» очень часто используют термины «нахи» и «вайнахи», но так ловко, чтобы всем было ясно, что речь идет именно о чеченцах. Приведем лишь один пример из «Истории Чечни». Авторы пишут (без всякой аргументации, не приводя ни одного доказательства, ни одной ссылки на документы или исследования), что «на всей территории древней Чечни формируется общность народа, состоящая из двух союзов племен. Первый союз известен (кому известен?. – Авт.) под названием «ламчуря нах» (горные нахи, горцы). Эти племена жили в верховьях Терека, Кистинки, Армхи, Ассы, Сунжи, Фортанги, Аргуна, Хулхулау, Аксия и других рек, то есть во всей предгорной и горной части Чечни». («История Чечни...» Т. I. Грозный, 2008. С. 79). Оказывается, ни много, ни мало, что верховья рек Терека, Кистинки, Армхи, Ассы, Сунжи, Фортанги и т. д. – это все горная часть Чечни!

Далее авторы «Истории Чечни» продолжают: «Второй союз племен – «Арара нах» («равнинные нахи»), «охъара нах» (живущие на равнине). Эти племена жили в бассейнах среднего и нижнего течений вышеуказанных рек. За ними и по сегодняшний день закрепился этноним «нохчий», а за горцами – «ламарой». Люди этих союзов говорили на одном языке, получившем название «нахский язык»».

Оказывается, люди, жившие «в бассейнах среднего и нижнего течений вышеуказанных рек» (Терека, Кистинки, Армхи, Ассы, Сунжи, Фортанги и т.д.) называются сегодня «нохчий»! А все они говорили на языке, получившем название «нахский язык»! На самом же деле, не только ингушей, но даже нахов, по мнению «критиков», в помине не было и нет, есть только «нахчийцы» – западные и восточные. (См. Умхаев Х. Историческое мифотворчество // Вести республики. 14.10.2011).

В «Истории Ингушетии» нет ни одного выпада в сторону братского чеченского народа, что бы там ни писали «критики» «нахчиевы». А вот «нахчиевы» целый народ оскорбляют, называя его словом,

которого нет ни в одном языке мира – «нахчийцы»! Никто и никогда этим несуразным словом не называл ни чеченцев, ни ингушей.

Конечно, вы вправе высказать вопросы даже к отдельным положениям «Истории Чечни» (т. 1), а не только к отдельным предложениям, касающихся древности и раннего средневековья страны. Но претензии к первому тому, и куда более основательные, чем у вас, давно уже были высказаны... в чеченской печати! Фраза на стр. 79 неудачна, хотя даже в XIX в. жителей, указанных вами верховий рек Терека, Ассы, Сунжи, Армхи и Владикавказской равнины в русских документах, в т. ч. под авторством непререкаемых для вас авторитетов – офицеров Генштаба, называют и «чеченцами», и «чеченским племенем». И эти предложения и фразы отнюдь не основание для того, чтобы кто-то строил из себя «Ваську-мстителя».

Но истеричные припадки у вас вызывают собственно сами термины чеченцы, нохчий/нахчий, не говоря уже об умхаевском литературном новоязе «нахчийцы», а не вольное, на ваш взгляд, их использование в чеченской историографии. Но помилуйте и простите нас, когда даже видный ученый, чье имя носит ваш институт, и тот не остался в стороне от подобных «антиингушских» выпадов.

Что же касается «древнеингушских племен» не они вызывают у нас раздражение, а ваш нынешний непомерный территориальный аппетит: ингушей нет, а древнеингушские племена уже есть. Ура!

В целом, авторы «Истории Чечни» проводят ту же мысль, высказанную открыто Х. Умхаевым. К примеру, перечень «нахских обществ» дает, по мнению авторов «Истории Чечни», «представление о расселении чеченцев в горной части страны в XVI–XVII вв.». И в этом перечне перечисляются, наравне с чеченскими, все ингушские общества. («История Чечни...» Т. 1. С. 139–140).

Так в чем криминал-то? На указанных страницах автор «Истории Чечни» (т. 1) приводит данные Ахмеда Сулейманова по карте-схеме всех обществ и фамилий, **«как чеченских, так и ингушских»**. Далее пишется, что «из указанных нахских горных обществ Цори, Мецхал, Джейрах и собственно Галгай положили позже XVI века начало ингушам». А чего бы еще хотелось нашим оппонентам? Еще и обижаются, когда им указывают на их жульничества.

Таких примеров очень много. «Критик Нахчиев» вообще не хочет слышать ни о каких переселениях: «Тут «поздние переселенцы» в Гру-

зии – «фяппи-бацой» или «цова-тушины» из «Горной Ингушетии» переходят на грузинский язык, другая часть «ингушей» покидает территории Куртатинского, Кобанского, Санибанского ущелий Осетии и их заселяют неведомо откуда взявшиеся «ираноязычные ироны-осетины» и т. д.».

То, что бацбийцы являются переселенцами из аула Аьрзи в Горной Ингушетии, знают и ингуши, и бацбийцы, и грузины и др. (См. например: Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 161). Но «не знают» этого «нахчиевы», которые объявляют их чеченцами.

Вот этот «сильный» довод, часто используемый ОПГ, нам нравится чрезвычайно. Так сказать, новое слово в исторической науке. Куда там Умхаеву с его новоязом. Тут титаны мысли: «Да это все знают в нашем ауле, да все наши соседи так говорят». Вот только бацбийцы не читали наших орлят и ничего не знают; 200 последних лет думали, что они чеченского корня по языку и происхождению. И их просветители так писали. Потом темнота, темнота и «стал свет». Появилась ОПГ «Кодзоев и К».

А истина в том, что туш-бацой такие же древние, как и остальные нахи. И Ю. Дешериев написал еще при И. Сталине труд «Бацбийский язык», надеясь сохранить миру наш язык чеченцев и ингушей (вычеркнутых из всех энциклопедий и словарей) хотя бы в такой форме.

О переселении ингушей из названных ущелий на восток имеется множество свидетельств, преданий, в том числе и осетинских. (См., например: Туганов М. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977, С. 54–55; Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963. с. 27).

Прочитывая из «Введения» следующие строки: «Аланское государство сложилось в результате завершения этнополитической консолидации аборигенных нахских (древнеингушских) племен и ассимилировавшихся в результате многовековых инфильтраций в нахскую среду, в позднекобанскую и посткобанскую эпоху, ираноязычных (сарматских) и, начиная с IV в., тюркских этнических групп», строки, касающиеся одного из важных аспектов истории Северного Кавказа периода раннего средневековья, «Т. Нахчиев», не возразив ничего по существу данного тезиса, (который, в общем-то, согласуется и с чеченской историографией, в которой нахскому (а в чеченской версии – это предки чеченцев) субстрату алан и аланского государства уделяется значительное внимание) возмутился главным образом тем, что в

скобках нахские племена раскрыты как «древнеингушские». Не будем останавливаться на раскрытии «аланской проблемы», она до сих пор остается наиболее спорным вопросом в историографии Кавказа, а перейдем сразу к главной сути «нахчиевского» возмущения. И здесь необходимо пояснить, если Т. Нахчиеву необходимо наше прямое на это указание, что речь в «цитате» идет о раннесредневековой истории Ингушетии и о том периоде, когда в контексте нашей гипотезы интерпретации этногенеза ингушей и чеченцев представляется возможным говорить лишь о предках первых, как об этногенетическом субстрате, в свою очередь, для предков вторых» (выделено нами. – Т. Нахчиев).

Эта гипотеза не является, между тем, нашим изобретением, а восходит к работам лингвистов и кавказоведов Н.Ф. Яковлева и А.Н. Генко, которые, не будучи вовсе заинтересованными в формировании отдельной «ингушской» или «чеченской» идентичности, а наоборот, призванные в период унификации чеченского и ингушского литературных языков и создания ЧИАССР объяснить их этногенетическое родство, в ходе изучения данных языка, материальной и духовной культуры, пришли к заключению, что ингушский язык и культура в прошлом распространялись на всей территории сегодняшней горной Чечни. При этом Н.Ф. Яковлевым была предложена гипотеза этногенеза чеченцев, которая до настоящего времени не нашла аргументированного опровержения в научной литературе. Фактически ее просто игнорировали! Приведем цитату из работы Н.Ф. Яковлева, посвященной этому вопросу: «Наиболее вероятным представляется нам происхождение чечено-ингушей, т. е. «вейнахов», как национальности, их языка и их культуры, характеризуемой военными башнями – «вау», надземными склепами – «малхары каиш» и проч., в результате влияния культурно-религиозного центра, сложившегося уже в IX веке в Ассинском ущелье (нагорная Ингушия), под несомненным воздействием культуры Абхазо-Грузинского царства. Современный же ингушский язык в его нагорных наречиях, до-мусульманская религия ингушей, архитектурные памятники нагорной Ингушии – все это окончательно сложилось на развалинах указанного грузинского влияния, можно думать, уже в XIV–XV столетиях, вокруг того же культурного центра, который ингуши унаследовали от грузин. С этого времени и до настоящих дней область распространения ингушей и ингушской культуры простиралась по всему нагорью Ингушии и Чечни, исключая лишь крайний восток (Чаберлой). В указанный период эта культура, можно думать, еще не имела постоянных центров на плоскости. Поэтому, до

сих пор нагорное население Чечни говорит на наречиях, более близких к ингушскому, чем к плоскостному чеченскому. Когда же сложились чеченцы, как национальность? Со второй половины XVI века начинается эмиграция ингушских племен из нагорной полосы на теперешнюю чеченскую плоскость. Эта эмиграция вытеснила гребенских казаков с места их первоначального поселения по реке Сунже – за Терек. Многочисленные нагорные племена из Нашаха, с верховьев Аргуна и из Чабер-лоя вновь перемешались на плоскости, подпали под влияние соседних плоскостных культур (русской, кабардинской, ногойской, кумыкской и калмыцкой) и дали в результате новую культурную область с новыми центрами, в которых сформировались новая культура и новый язык – чеченский». (См. Яковлев Н. Ф. «К вопросу об общем наименовании родственных народов. Чеченцы и ингуши» // Записки Северо-Кавказского Краевого Горского НИИ. Ростов-на-Дону, 1928. Т. 1. С. 197).

Спасибо, отцы вы наши. Родили, наконец! Вот этой кристальной ясности мы от вас и добивались. А то все вокруг, да около: то ли «человек, разрывающий цепи», то ли «человек, сорвавшийся с цепи». Мы-то здесь все гадали, гадали и вот, наконец, свершилось – оказалось второе! Все-таки, работа историка очень нервная, и порой человек не выдерживает столкновения с массой информации.

Но мы-то думали, что вы сами до идеи отцовства дошли, а не нет, оказывается – подсказали. И не важно, что подсказавший сие профессор Н. Яковлев последние 10 или 20 лет своей жизни провел в больнице в состоянии тяжелого сумасшествия. В свое время это был талантливый ученый, проводивший экспедицию и в Ингушетии, где-то в начале 20-х годов. Он, подобно другому филологу А.Н. Генко, высказал ряд соображений (не гипотез!), в т. ч. и по ингушеязычию нагорной полосы Чечни и т. д. (как изложено у наших орлят ниже по тексту).

Но вы ОПГешники жульнически передергиваете: вся суть их открытия заключалась в том, что они вдруг, для себя открыли, что ингуши и чеченцы говорят на одном языке! Вот и вся сенсация. И правда в том, что эти ученые никогда больше в своей жизни не возвращались к высказанным ранее соображениям об ингушеязычности и даже нам, дилетантам, известно почему.

Дело в том, что после ингушского языка они, Генко и Яковлев, стали изучать чеченский, и те первые мысли-«открытия», появившиеся ранее, **были оставлены раз и навсегда**. Так, в своей работе «Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей» Яковлев называет ингушей в числе одного из трех чеченских племен: «Чеченцы насчитывают

всего три родственных племени: это, во-первых, ингуши, называющие себя «галгай», во-вторых, чеченцы или нохчий, и, в-третьих, маленький народ тушины – бацой. Правда, раньше существовало еще четвертое племя, но при завоевании Кавказа оно целиком, в количестве до 30 000 человек, выселилось в Турцию, – это карабулаки или арстхуой». А.Н. Генко не только позднее ушел от «ингушеязычия», но бацбийский язык стал считать диалектом чеченского.

Весь этот сырой филологический материал 20-начала 30-х гг. XX в., который нам сейчас подсовывают фальсификаторы, ученые-филологи действительно, просто «игнорировали», включая и самих ингушских языковедов. Посудите сами – **девять десятых нахских обществ, причем принадлежащих к разным диалектам, в XVI–XVIII вв. объединились в Чечню. Одна десятая нахских обществ (как по территории, так и по количеству населения) в XVIII–XIX вв. образовали Ингушетию.** Так сложилась история, которая, как нам известно, не имеет сослагательного наклонения. Так кто и на чьем языке говорит? Что является продолжением, западной окраиной Нагорной Чечни с его 40 древними обществами?

И тут, понимаете ли, в 2012 г., появляются отцы-основатели чеченского народа – ОПГ «Кодзоев и К» и обосновывают нам вот такую этнохронологическую лесенку: обезьяны – гоминоиды – неандертальцы-кроманьонцы – ингуши – чеченцы. Так прикажете вас понимать!? Они отвечают:

В целом, мы придерживаемся данной гипотезы, с некоторыми уточнениями, поскольку других «альтернатив», кроме чеченской историографии, у этой гипотезы нет.

Вам, как говорится, виднее. А вот, и чеченская историографии оказывается, в отличие от вашей, чем-то ущербна. Ну, если других альтернатив нет, так нет, что же делать-то. Бывает! Был когда-то в нашем с вами общем городе Грозном один сумасшедший, постоянно крутившийся в забегаловках и кафешках центра с небольшой компанией прихлебателей. На последней стадии своего пьяного возвышения он провозглашал громкий тост-лозунг: «Еще сто грамм и город будет наш!».

Таким образом, прежде чем говорить об «альтернативности» «Истории Ингушетии» и противопоставлении ее в целом «официальной истории», не мешало бы «Т. Нахчиеву» уточнить истоки нашей «альтернативности» и «предвзятости». А если бы он еще удосужился быть повнимательнее, то разобрался бы и со своими вопросами по

Кавказской войне с ее огромным влиянием на весь ход последующей этнополитической истории чеченцев и ингушей, раскрываемыми нами последовательно, в рамках имеющей право на жизнь гипотезы, которая, впрочем, напрочь отвергается им и его единомышленниками, у которых на этот счет, похоже, имеется только лишь один аргумент – «это бред». Ну что же, это тоже точка зрения... Методологический уровень таких оценщиков, впрочем, не требует комментариев.

Нет, тупая последовательность просто восхитительна, ну как тут не повторить, что это не похоже на бред. Потому что это и есть самый настоящий, стопроцентный бред! Как и все остальное. Когда нас призывают вернуться на уровень 20-х гг. XX в., к умозаключениям, от которых их авторы сами отказались еще в 30-х гг.

Ребята, включая «и др.», а вы не пытались закусывать? Попробуйте хотя бы лимончиком!

А для разнообразия рассмотрите альтернативные гипотезы о происхождении осетин, ингушей и даже чеченцев от утерянных «колен» израилевых, об этом кстати, написано куда больше и обоснованнее, чем в ваших печатных кошмарах. С точки зрения лженауки, разумеется.

В статье «Т. Нахчиева» среди прочих резких и эмоциональных выражений есть и такие строки: «Может быть, чеченцам, кабардинцам, осетинам и горцам Грузии, устыдившись унесенных бредом авторов «Истории Ингушетии», совершить массовое хакакири и освободить т. н. «ингушеязычную» территорию?» и т. д. в том же ключе.

Данной фразе предшествует еще одна, стыдливо опущенная нашими орлятами. Но мы ее приведем: «В адрес своих соседей высказаны не только претензии, но и откровенно-циничные поползновения: характером навязчивого бреда окрашены выдаваемые претензии на чеченские земли до Аргуна, а то и до Сулака в Дагестане. Мы уже не говорим, что и весь Центральный Кавказ «ингушский»... Притом последние, безусловно, весьма неадекватные заявления густо замешаны на крайнем национализме и резко отдают агрессивным нацистским духом...». Как говорят казаки: «Не шевель чужой щавель!».

О чем они свидетельствуют? Автор статьи либо совершенно не разбирается в сложности механизма взаимодействия исторической науки, через производимый ею продукт, с массовым сознанием, либо преднамеренно пытается ввести в заблуждение неискушенного читателя. Мы не говорим уже об откровенной фальсификации им содержания «Истории Ингушетии» через использование заведомо ложных

посылов, ориентированных на создание у читателя впечатления, что данный труд антикабардинский, античеченский, антиосетинский и т. д. Тем самым автор статьи пытается навязать читателю свою точку зрения, явно преувеличивая значимость научного исторического нарратива в социальной практике на Северном Кавказе.

Давайте приведем еще одну цитату из нашей первой публикации: «В данном случае подобной официальной «Историей Ингушетии» порожден явный неприкрытый казус белли (повод к войне) в отношении близких соседей. Отсюда возникает закономерный вопрос исключительно к ОПГ «Кодзоев и К.» и ее покровителям. А что дальше? Вот вы написали, заявили претензию на земли, язык, историю ряда горских народов, облили их грязью, и, таким образом, влипли в историю. А дальше что? Как теперь, по-вашему, должны реагировать на ваш печатный вызов, заверенный лично Евкуровым, те же чеченцы, осетины, кабардинцы и соответствующие субъекты Российской Федерации. Какие вырисовываются варианты?».

Если следовать его логике, то ингуши давно должны были поголовно «сделать харакири» или «объявить войну», ознакомившись с тем, что пишут о них в соседних республиках. Поэтому сие странное пожелание «Т. Нахчиев» может адресовать только исключительно лично себе, как удосужившемуся прочесть и изумиться, хотя, справедливости ради, надо отметить, что налицо поверхностное знакомство с текстом. А дискурс «мы» и «они», в особенности по отношению к целым народам, никак не уместен, поскольку «критик», подчеркнем это еще раз, выражает здесь только свою точку зрения, совершенно далекую от профессиональной науки.

Мы будем все это цитировать на ближайшем вечере. Как раз не хватало текстов для мастеров устного жанра. Вы уж простите нас, да мы писали резко, но ведь весело! Мы видим, что вы не держите удара и вас со страшной силой уносит снова – в амбиции и сплошной бред. Вы пишете и пишете, а ведь в статье совершенно нет стиля. Отчетливо видно, что вы пытаетесь оправдаться. Однако и это получается у вас скверно и скучно. Сожалеем и искренне сочувствуем.

Кстати, здесь можно подчеркнуть и тот факт, что на «Историю Ингушетии» были получены положительные рецензии из Дагестанского научного центра РАН и Кабардино-Балкарского государственного университета. Поверхностно ознакомившись с «Историей Ингу-

шетии», «критик» пишет, что авторы не отразили в данном труде важнейшую страницу истории, касающуюся закрепления ислама на территории Ингушетии и роли в этом процессе шейха Кунта-Хаджи Кишиева. Подчеркивая особо, что авторитет шейха Кунта-Хаджи в Ингушетии очень высок и непререкаем, предлагаем «Т. Нахчиеву» прочитать кроме «Введения» еще и основное содержание «Истории Ингушетии», где в главах 5 и 6 говорится о Кунта-Хаджи. Более того, работы, касающиеся жизни и деятельности великого шейха Кунта-Хаджи Кишиева, подготовленные ингушскими авторами, вышли в свет отдельными изданиями. (См., например, «200 лет Святому Устазу Киши-Хаджи (1800–2000). Нальчик., 2001 // Сост. Аушев А.-Х. А., Бадраков Б.-Х. А., Эльджеркиев М.-Х. А., Мальсагов М.С. »). Спекуляцию на имени, задевающим религиозные чувства чеченского и ингушского народов, считаем недопустимой и социально опасной.

Вместо того, чтобы болтать попусту, что вы там считаете «недопустимым и социально опасным» (кому это интересно?!) нельзя ли просто подсказать страницу и строку сверху или снизу. Это не стеб и не шутка, это просьба. А что касается положительных рецензий и их количества, мы это уже проходили...

Выхватывая отдельные цитаты из «Истории Ингушетии» и интерпретируя их вне общего контекста работы (или ее отдельных глав), «Т. Нахчиев» выстраивает свою «интерпретацию» книги, в результате чего делается заранее заданный вывод – все очень и очень плохо. Но плохо для кого? Вот это главный вопрос, через призму которого раскрывается вся сущность определенным образом ориентированной «критики». Отвечая на этот вопрос, такие «критики», как «Т. Нахчиев», сразу переводят научную проблематику в плоскость социальной практики, в область политики и межнациональных отношений, требуя от «нехороших авторов» ответа на риторические вопросы, которые суть от непонимания простых вещей: исторический нарратив, который создается в Чечне и Ингушетии сегодня, и современные отношения между братскими народами категорически нельзя противопоставлять друг другу.

Скажите честно, понимаете ли вы сами какую чушь вы пишете? Мы же договаривались, что вы будете закусывать. Но, все-таки, наш фельетон вас так треснул, что вы второй раз вспомнили о братстве наших народов (в своей «Истории...» унесенные бредом вы просто наверное забыли это сделать). Чудны дела...

И уже совсем кощунственна угроза «Т. Нахчиева»: «Чего вы добиваетесь? Смены застарелого осетино-ингушского конфликта новым чечено-ингушским или хотите добавить к осетино-ингушскому еще и чечено-ингушский конфликт?». У ингушей еще не зажили кровоточащие раны осетино-ингушского конфликта, а нам грозят новым, уже чечено-ингушским конфликтом. Неужели какие-то рассуждения об орле, о чинах, о фотографиях, спорных далеких историях, все эти не стоящие внимания «проблемы» могут послужить основанием для братоубийственной войны? Как можно публиковать такие статьи в республиканской газете?

Если бы в Ингушетии поступали подобным образом, то со времени выхода «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней» в республиканских газетах появилась бы масса отзывов на это издание, в котором даже невооруженным взглядом просматривается гипертрофированный этноцентризм, а история ингушей, в особенности их уникальная материальная и духовная культура, используется в качестве лабораторного материала для иллюстрации истории чеченцев, как нечто само собою разумеющееся. Но в Ингушетии вы подобных «рецензий» не увидите, здесь как раз-таки свято чтят родственные узы и с пониманием относятся к особенностям развития чеченской историографии, не закатывая истерики в печати по поводу очередного «казуса» того или иного историка.

Вот вы опять закатили истерику, да еще какую, а на вопрос так и не ответили. Ушли от вопроса. Почему? Неужели так трудно сказать: «Конечно нет! Мы не желаем никакой подмены конфликтов и конфликтов вообще. Мы не пытаемся вскружить голову ингушскому народу побасенками о великом прошлом и исторических границах ингушей от моря до моря. Мы не воспитываем в своих гражданах неприязнь к нашим кровным братьям. Мы критикуем всяких абадиевых, кодзоевых и анонимных писак из сайтов, которые покушаются не только морально изничтожить чеченцев и даже вменяют им в вину привнесение в ингушскую среду исламской религии». Вместо этого вы краснеете, бледнеете, изворачиваетесь, но на прямо поставленный вопрос так и не отвечаете. Стесняетесь или что-то скрываете?

Интерпретируя текст «Истории Ингушетии» лишь в негативном ключе, у «критика» не нашлось ни одного позитивного момента, который он счел бы возможным отметить в данном труде. Отсюда напрашивается очевидный вывод: факт выхода в свет «Истории Ингушетии» уже сам по себе является неприемлемым для определенной категории

людей в Чеченской Республике, к которой, несомненно, принадлежат наши «неизвестный критик» и редакция газеты «Вести республики». Для этой категории «критиков» любая интерпретация истории ингушей вне контекста официальной и даже не официальной чеченской историографии, которых объединяет общий взгляд на ингушский народ, как на «отколовшийся» чеченский тукхум, – это преступление против «науки», а главное, против чеченской идентичности, постоянно пестуемой якобы имеющей именно чеченскую (без каких-то ингушей) сплошную идентичность. Таким образом, само понятие «История Ингушетии» раздражает подобных «критиков», привыкших позиционировать свое субъективное мнение как глас чеченского народа.

Вы знаете лично мы с удовольствием объединили бы отдельную категорию ингушей в лице ОПГ «Кодзоев и К» плюс И. Абадиев и иже с ними с такой же категорией чеченцев, надоедливо многопищущих об ингушах и засунули бы в один мешок. Вы что думаете, что Ингушетии принадлежит монополия на идиотов? Ошибаетесь. У нас хватает и своих доморощенных, которых числом куда больше ваших. Только наших идиотов не допускают писать академические истории и переиздавать холопско-шизофренический «Эздел». А некоторые уж совсем отвязанные получают в Чечне и печатный, и физический отлуп.

Надерганные из «Истории Ингушетии» многие мелочи и спорные факты скорее напоминают «бурю в стакане воды».

«Критик» задается вопросом, имеют ли авторы мандат от народа на написание «Истории Ингушетии»? Видимо, чеченские авторы каждый раз, перед тем, как садиться писать «историю», проводили референдумы и получали мандаты? Сам «критик», наверное, тоже имеет мандат от народа на написанный им пасквиль?

Как говорится, «а от чего тогда ты такая нервная», если это мелочи? Это не мелочи – это ваш стиль! Это презрение к ингушскому и неингушскому читателю. Под лозунгом, что хотим, то вам и впарим!

И далее. Мы, кстати, от имени народа никогда не выступали. Вы ребята – да, но только в качестве откровенных, клеймёных пасквильянтов. Один даже ухитрился свой мандат на священную войну с чеченским народом получить еще в городе Томске. А какие вы у нас право смелые, каждый... ну вылитый Андарби-эла (за исключением уважаемой М.Б. Долгиевой, естественно). Вот и показывайте народу ваши мандаты, а заодно и место выдачи укажите. А эти ваши протухшие «ответы», положите куда-нибудь к себе поближе, а от людей подальше.

Мы, авторы «Истории Ингушетии», вынужденные отреагировать на очередную порцию очевидной провокации, которой не брезгует заниматься солидное по республиканским меркам издание, будучи убежденными сторонниками принципа, что научные проблемы следует обсуждать в научном кругу в рамках конференции, либо иной сугубо научной площадки, считаем для себя неприемлемым более вступать в какие-либо разглагольствования по этому поводу с газетными «анонимами» и на этом просим считать эти бесперспективные «бумажные сражения» закрытыми. Если у чеченских историков есть желание подискутировать на тему нашей общей истории (дискурса «История Ингушетии» – «История Чечни»), то мы готовы к открытому и цивилизованному диалогу в рамках традиционных научных площадок. История и наука несовместимы!

Ну, об этом, что «остеохондроз и история несовместимы», мы уже писали выше. А что касается «цивилизованного диалога в рамках традиционных научных площадок», то это предложение вам уже было сделано в статье Х. Умхаева осенью прошлого года. Видимо не слышали, вас же с таким свистом уносило...

Однако, шутки прочь, пора наконец и о серьезном. Наш новый фельетон объективно написанный в соавторстве с ОПГ «Кодзоев и К» закончен. Мы считаем, что чеченцы заплатили огромной кровью не только за ошибки наших и российских политиков, но и за гордыню и националистическую пропаганду 90-х гг. XX в., когда мы объявляли себя высшей расой. Прародитель Адам и все пророки вплоть до Ноя говорили исключительно на чеченском языке, а чеченцы были мусульманами еще до пророка Мухаммеда. Чечня объявлялась древнейшим государством мира, неподвластным империям и времени. Все народы Кавказа были обречены войти в состав Чеченской Республики Ичкерия – государства от моря до моря. При этом, мания величия, как и положено в таких случаях, сочеталась с манией преследования (см., Вахаев Лема. Политические фантазии в современной Чеченской Республике//Чечня и Россия: общества и государства. М.,1999. С. 324–334).

В вас, так называемые члены ОПГ «Кодзоев и К», мы молодые чеченские авторы, с тревогой за своих братьев, единственных в этом мире говорящих с нами на одном языке, видим свой вчерашний день, который Чечня, хвала Аллаху, уже пережила. Именно пропагандисты-безбожники, воинственные дилетанты по уровню развития, так и одержимые бесами по своему психологическому складу, довели в свое время

Чеченскую Республику и чеченский народ до большой крови. Поэтому, своими публикациями мы пытаемся докричаться до вас. Считите настоящий текст весьма ГОРЬКИМ, но ЛЕКАРСТВОМ. Примите его!

Вместо послесловия. Не можем не привести здесь одно высказывание из сайта «Голос Ингушетии». Честное слово, эти несколько строк человека с ником «Сийна Ёларг» и безусловно с честным сердцем стоят всех наших многостраничных препирательств. Вот они:

ГОЛОС ИНГУШЕТИИ региональное информационное агентство.

RE: RE: RE: Тайны Мадридского двора, то бишь, дуэль историков с археологами. Раунд первый. – Сийна Ёларг 13.03.2012 00:11.

«Что касается ингушской истории и историков, разных НИИ и прочей дребедени, то вам следовало беречь хотя бы то, что у нас есть... И вместо того, чтобы километрами писать разные непроверенные басни, лучше бы написали пару-тройку серьезных научных трудов. ...Вы пользуетесь низкой культурой нашего народа, и сами при этом беспонтовые и бездарные неудачники. Пишете здесь всякую муть, которую нигде больше не принимают. Ни в одном серьезном научном заведении вас не знают и близко не подпустят с той ерундой, которую вы здесь пишете... ИДИОТЫ!!!».

Горе нам! Но точно подмечено. Не добавить, не убавить.

Т. Нахчиев

*(Общественно-политическая газета Чеченской Республики
«Вести республики», № 65 (1748) от 10 апреля 2012 года)*

P.S.

Откликнувшись на предложение авторского коллектива «Истории Ингушетии», что «если у чеченских историков есть желание подискутировать на тему нашей общей истории (дискурса «История Ингушетии» – «История Чечни»), то мы готовы к открытому и цивилизованному диалогу в рамках традиционных научных площадок», Академией наук Чеченской Республики, в лице его президента Гапурова Ш.А., в адрес директора ГУ «Ингушский НИИ гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева» Дахкильгова И.А. было направлено следующее письмо:

Вот какой ответ был получен чеченскими учеными от своих ингушских коллег:

«16» мая 2012 г. № 04-14/46

**Директору ГУ «Ингушский
научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева»
доктору филологических наук,
профессору Дахкильгову И.А.**

Уважаемый Ибрагим Абдурахманович!

В 2011 г. авторским коллективом Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева издан обобщающий труд «История Ингушетии». Выход в свет данного исследования по истории ингушского народа воспринят в Чеченской Республике с большим удовлетворением.

Вместе с тем, в опубликованном труде имеется ряд спорных моментов и дискуссионных вопросов.

Академия наук Чеченской Республики 31 мая 2012 г. проводит научный семинар по обсуждению обобщающего труда «История Ингушетии».

Приглашаем Вас и авторский коллектив вышеуказанного исследования принять участие в работе научного семинара, который состоится 31 мая 2012 г. в 15 ч. 00 м. в конференц-зале Академии наук Чеченской Республики.

С уважением,

Президент АН ЧР

Ш.А. Гапуров

Республика Ингушетия

ГалГай Республика

Государственное бюджетное учреждение
«Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э.Ахриева»

386102 РИ г.Магас, проспект Идриса Зязикова, 4
Факс 55-13-56

тел. (8734) 55-12-73, 55-12-74

№ 46

«30» март 2022 г.

Президенту АН ЧР
доктору исторических наук,
профессору Гапурову Ш.А.

Уважаемый Шахрудин Айдиевич !

Получили Ваше приглашение на обсуждение нашего исторического исследования в Академии наук ЧР. Польщены Вашим вниманием к нашему скромному труду.

Вполне согласны с Вами, что в научных исследованиях почти всегда имеются дискуссионные и спорные вопросы. Возможно, не избежала их и «История Ингушетии».

Сожалеем, но в силу объективных причин присутствовать в работе вашего семинара мы не сможем. Хотелось бы, чтобы на семинаре прозвучало осуждение статьи, опубликованной в республиканской газете ЧР «Вести Республики», в которой содержится фактический призыв к вражде чеченцев и ингушей.

Все замечания и предложения, которые возникнут в ходе работы семинара, при получении будут нами рассмотрены, что будет способствовать нашему научному содружеству.

С уважением,

Директор

И.А. Дахкильгов

Как говорится, что и требовалось доказать.

Н. ЯКОВЛЕВ «ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ»

В 1920–21 и 1921–22 годах мне пришлось, товарищи, провести две научные экспедиции в Ингушскую автономную область и в 23 году – в Чеченскую автономную область. Во время этих экспедиций удалось собрать кое-какой материал по изучению указанных областей и прибавить к тем немногим данным, которые уже ранее имелись в распоряжении науки. К сожалению, результаты этих экспедиций мне до сих пор не удалось опубликовать, за исключением одной маленькой книжки популярного характера об ингушах. Тема сегодняшнего доклада озаглавлена, как «Проблема изучения чеченской культуры» – чеченской – в широком смысле этого слова, считая, как собственно чеченцев, так и ингушей, за две близко родственные народности.

Здесь следует отметить, что в последнее время, между прочим, и в интересах науки, особенно остро ощущается необходимость в названии, под которым можно было бы объединить три народа, близкородственных по культуре и языку: чеченцев, ингушей и бацой (тушин). З. Мальсагов предлагает для этой цели название народы «нахской» группы; я считаю этот термин приемлемым, с тем, может быть, изменением, которое яснее подчеркнуло бы происхождение этого названия от выражения «вей нах» – «наш народ», как эти народы сами себя называют, т. е. я предлагаю термин: народы «вейнахской» группы.

Я позволю себе немного задержаться на этом вопросе. Такая необходимость в общем названии назревает, особенно в связи с тем, что теперь среди чеченцев и ингушей все чаще и чаще возникает мысль об объединении, как политическом (слияние автономных областей), так и культурном этих двух близкородственных по языку и смежно расположенных народов. Конечно, то или иное объединение двух сравнительно немногочисленных народов в один национальный массив, в общем, явилось бы благоприятным фактором, повышающим, как материальные, так и культурные их ресурсы (средства). Мне задают специальный вопрос о возможности объединения ингушского и чеченского языков. Поскольку общность или различие языков, как и других явлений культуры, зависит, в конечном счете, от социально-экономических факторов, провести объединение языков только административными или культурными мероприятиями нельзя. Но можно и должно создать условия, облегчающие естественный социальный процесс сближения.

К таким давно назревшим мероприятиям относится вопрос объединения и согласования (унификации) национальной письменности, в первую очередь – алфавитов. Чеченский и ингушский языки настолько близки, что обеспечивают почти полное взаимное понимание говорящих на этих двух языках. При таких условиях, если бы разница в алфавитах была сведена к минимуму, для чеченцев и ингушей оказалось бы возможным, даже без перехода на один общий литературный язык, взаимно пользоваться издаваемой в обеих областях литературой. Это значительно увеличило бы культурные и просветительные возможности обоих народов.

Вопрос о согласовании алфавитов имеет уже свою давность. На 2-й конференции по просвещению горцев в Ростове-на-Дону (1925 г.) уже было принято постановление об унификации алфавитов по близкородственным группам языков. Для этой цели должны были быть созданы специальные конференции (черкесская состоялась в Кисловодске в июле 1925 г.). К сожалению, предполагавшаяся чечено-ингушская конференция по этому вопросу во Владикавказе до сих пор еще не собралась. Наконец, вопрос о согласовании горских алфавитов был поднят делегатом Чечни и на последнем пленуме Комитета нового тюркского алфавита. Будем надеяться, что вынесенное там пожелание сдвинет этот назревший вопрос с мертвой точки. Конечно, унификация алфавитов требует предварительной подробнейшей проработки соответствующего проекта. Унификация должна коснуться изображения звуков, общих или соответственных в обоих языках. Такие звуки в ингушском и в чеченском алфавитах должны изображаться одними и теми же буквами. Ко времени унификации алфавитов придется приурочить и исправление в них всех недостатков, выяснившихся из практики.

Темой моего доклада является всестороннее изучение, проблема комплексного изучения вейнахских народов, но, конечно, проблему такого изучения я понимаю узко. Я исключаю отсюда, как не специалист, изучение производительных сил, изучение естественных богатств и изучение экономическое, хотя, конечно, последним, как объяснительным материалом, придется воспользоваться и нам.

Таким образом, темой моего доклада будет служить исключительно изучение чечено-ингушского народа со стороны его национальной культуры.

Я беру эту проблему в трех главных разрезах: во-первых, в плоскости изучения прошлого чеченского народа, т. е. истории нации, и, во-вторых, изучения этнографического, т. е. изучения быта, как в документах и памятниках материальной культуры прошлого, так и в со-

временных явлениях духовной и материальной культуры, в частности, и, в-третьих, изучения языка и, в связи с этим, изучения той литературы, которая до сих пор обслуживала чеченцев, т. е. их устной народной поэзии.

Если мы подойдем к изучению прошлого чеченского народа, то мы, прежде всего, должны будем указать, что для чеченцев, вообще, более важно изучение своего прошлого, чем для других народов, потому что они еще очень молоды в отношении своей национальной культуры, потому что они только что вступили в период строительства этой культуры. В настоящем периоде такой нарождающейся национальности, как чеченцы, чрезвычайно важно собрать, консолидировать свои культурные силы, чтобы начать планомерно строить свое будущее.

Для чеченцев и ингушей чрезвычайно важно поэтому осознать, какими они были в своем прошлом. Что этот вопрос назрел, видно, хотя бы из того, что когда к вам приезжаешь, то первый вопрос, с каким обращаются, это: «Объясните нам, откуда мы приходим? Откуда идет наш язык? Откуда эти башни, могильники в наших горах?» и т. д. Словом, первый вопрос чеченцев к нам, ученым: «Скажите, да кто же мы, наконец?». И действительно, народ, который не знает, кто он такой и откуда он происходит, – такой народ не может строить свое будущее. Вот почему во многих областях и республиках мы видим, как сейчас энергично приступают к изучению собственной истории. Казалось бы, история – вещь очень теоретическая, и, в первую очередь, сейчас нам нужна практическая полезность – прикладные науки, но оказывается для строительства национальной культуры вопросы национальной истории чрезвычайно жизненны. Эти вопросы заставляют национальности прилагать особые усилия, чтобы осознать свое прошлое. Если мы подойдем с этой точки зрения к проблеме изучения истории, то прежде всего отметим, как я уже указал, что чеченский народ еще очень молод и только сейчас начинает складываться в особую национальность. Это в буквальном смысле слова нарождающаяся на наших глазах национальность. Чеченцы насчитывают всего три родственных племени: это, во-первых, ингуши, называющие себя «гал-гай», во-вторых, чеченцы или нохчий, и, в-третьих, маленький народ тушины-бацой. Правда, раньше существовало еще четвертое племя, но при завоевании Кавказа оно целиком, в количестве до 30 000 человек, выселилось в Турцию – это карабулаки или арстхуой.

Молодость национальной культуры чеченского народа доказывается хотя бы тем, что племенные названия их появились лишь в самое последнее время, т. е. народы эти в буквальном слове родились на наших

глазах. Еще недавно у вас существовали только названия отдельных разрозненных родов.

Это лучше всего видно на ингушах. «Ингуши» в русских документах (XVIII в. – «унгушевцы») – самое это слово происходит, по видимому от названия селения Онгушт, которое находилось при выходе из ингушских гор. Оно было большим аулом, и жители плоскости, первыми вступившие с ним в торговые отношения, название этого селения перенесли на весь находившийся в экономической связи с этим селением нагорный народ. Затем русские переняли целиком это название от жителей плоскости (кабардинцев, нагайцев). Сами ингуши называют себя «галгай», но первоначально это название лишь небольшой группы родственных родов, которые происходили, по преданию, от трех братьев Eagi, Hamxi, Tergim.

Упомянутое фамильное название произошло в связи с названием местности, в которой эти роды первоначально жили, – ущелье: Галгачие, и отсюда фамилия – Галгай. Затем развилось следующее явление: эти три главные ветви одного рода вместе с некоторыми другими родами захватили в свои руки ущелье реки Ассы. Так как они держали в своих руках это ущелье, по которому было сообщение с плоскостью и с Грузией, и так как они собирали дань со всех проходящих и патронами, и головами скота, то они быстро богатели, набирались сил и постепенно сделались родом, от которого стали зависеть другие более слабые роды. Получился феодализм, но феодализм родовой, когда одни роды феодально господствовали над другими. Имя таких господствующих родов – Галгай – распространилось мало-помалу на весь народ и превратилось в общенациональное название, но это название еще так молодо, что, например, применительно к названию собственного языка оно еще не употребляется. Ингуш никогда не скажет, что его язык «галгай-мотт» (няна мот) – «материнский язык» или – «вей-мотт» – «наш язык». Есть и другие примеры отсутствия сознания национального единства. Когда, например, какого-нибудь жителя горного аула спросить, кто он по национальности, то ответа от него добиться трудно – он вам непременно назовет только название селения или рода, из которого он происходит. Таким образом, мы видим, что ингуши и чеченцы находятся еще на переломе, их сознание находится на самом переходе от родового быта, обусловленного раздробленной родовой экономикой прошлого, к быту общенациональному, когда роды объединяются в более широкие национальные коллективы на основе новых экономических условий.

Теперь обратимся к вопросам чеченской истории. Чтобы построить историю чеченского, как и всякого другого, народа, приходится обра-

щаться к письменным и вещественным памятникам. Однако, тут я бы хотел предупредить всех тех, которые намерены писать историю своего народа. Такие, вероятно, имеются и среди вас. Я бы желал предостеречь их от одной ошибки. Обыкновенно думают, что писать историю Чечни, это значит написать историю только одного чеченского народа, не считаясь с историей его соседей. Такое мнение глубоко ошибочно. Никоим образом нельзя думать, что чеченский народ, как бы молод он ни был, развивался в своей истории отдельно, изолированно; нельзя считать, что национальная культура представляет собой нечто совершенно замкнутое, выхваченное из международных влияний. Наоборот, изучение культуры приводит нас к выводу, что ни одна национальная культура не создавалась изолированно. Все эти культуры представляют собой смесь инородных влияний; и каждый отдельный народ отличается только тем, что смесь эта дана в нем в особой своеобразной неповторимой пропорции. Только этой пропорцией смеси межнациональных элементов культуры и отличаются друг от друга народы Кавказа, а вовсе не какими-то изначальными расовыми особенностями, не изначальными национальными особенностями, якобы данными народу на его прародине промыслом божьим. Поэтому, чтобы писать историю Чечни, мы никоим образом не можем отрешиться, отвлечься от той общей кавказской обстановки, в которой Чечне пришлось развиваться, и в качестве решающего фактора развития надо непременно проследить не столько условия географические, сколько условия социально-экономические, т. е. мы должны исследовать, в окружении каких культурных коллективов развивалась Чечня и в каком положении она находилась в отношении путей торгового обмена. Подходя с этой предпосылкой к истории Чечни, мы должны, во-первых, отметить, что Чечня, как и Ингушия, по своему географическому положению занимала территорию, которой суждено было в более древние эпохи оказаться несколько в стороне от широких путей торгового обмена. Тут мы найдем причину того, что Чечня и Ингушия сохранили более древние пережитки родового быта значительно лучше и полнее, чем их соседи. Если мы рассмотрим географическое положение Чечни, то увидим, что она занимает горы и равнины на юг от реки Терек. Между тем, древние торговые пути, которые исстари сложились на Кавказе, – шли, во-первых, по Северному Предкавказью, от Каспийского моря к Черному и обратно. Это – старый торговый путь, который в XVI–XVII веках именовался русскими черкасской дорогой. Он был важен потому, что, с одной стороны, в Каспийском море мы имеем сплетение в один узел целого ряда важных путей, из Средней Азии и далее из Индии и Китая, из Персии и с Севера, из Поволжья; с

другой стороны, Черное море тоже дает узел путей, ведущих первоначально в Византию, затем в ее преемницу Турцию и дальше в Западную Европу и Средиземноморские страны (Северную Африку, Сирию, Аравию, Египет). Путь между этими двумя морями с самого раннего времени, конечно, был чрезвычайно оживленной дорогой торговых отношений. Но этот путь проходил вне самой Чечни, хотя и прилегал близко к ней, а именно: он шел по левому берегу Терека, по-видимому, не переходя на правый, тогда покрытый дремучими лесами. Это было в связи с тем, что степь по левому берегу была в руках кочевников, а кочевники были всегда хорошими посредниками в торговых сношениях, вследствие того, что они обладали техникой быстрого передвижения.

Другой путь, не менее важный, шел по Закавказью. Этот путь, еще более оживленный и потому более культурный, чем Черкесская дорога, проходил по древней Албании и Колхиде, т. е. по теперешним Азербайджану и Грузии. Чечня оставалась в горах, в промежутке между этими двумя путями.

Пути международного обмена проходили вдоль ее боковых границ, но целый ряд второстепенных торговых путей, связывающих обе главные магистрали в меридиональном направлении, действительно пересекали Чечню, потому что кроме двух путей международного значения, конечно, были еще пути и местного значения – пути, ведущие с севера на юг и обратно. Этот ряд второстепенных путей проходил по ущельям рек через перевалы главного хребта в Грузию и облегчал местный торговый обмен и снабжение населения нагорной полосы. Такими путями являлись: пути в Дагестан через Андийские ущелья и целый ряд перевальных путей в Грузию, один из которых несомненно шел по Ассинскому ущелью через Ингушетию.

Таким образом, находясь в стороне от больших торговых путей, Чечня в то же время имела возможность близко с ними соприкасаться, вследствие того, что нагорная полоса всегда находится в тесной зависимости от той культуры, которая развивается на соседней плоскости. Это – естественное явление, потому что в горах обычно недостает хлеба, недостает зерновых продуктов, и жителям гор приходится выменивать их на продукты скотоводства, лес и пр., которыми богаты горы. Таким образом, этот род чисто местного торгового обмена должен был развиваться в Чечне с самых ранних времен.

Если Чечня, до известной степени, в силу своего положения и была отсталой страной, то все же следует признать, что она была не абсолютно отсталой, потому что она понемногу втягивалась в развитие торговых отношений. И вот, если мы проследим в дальнейшем всю

историю Чечни, то увидим, что это и будет история нагорной довольно глухой страны, в отношении к тем культурам и тем государственным объединениям, которые развивались по южной и по северной большим торговым дорогам между двумя морями.

Древние известия, которые сохранились от античных писателей, очень мало говорят нам о северной дороге, следовательно, они мало говорят и о чеченцах. Это известия греческих и римских писателей, из которых главнейшие дают Стробон (ок. Р. Х.), Плиний (I в. до Р. Х.), Птоломей (II в. до Р. Х.) и др. Чрезвычайно трудно к тем названиям племени, которые они приводят, приурочить какой-нибудь из существующих теперь народов, потому что, если даже самые названия и сходны с современными, то народы, известные под этими именами, и их языки могли с тех пор, конечно, коренным образом измениться. Но некоторые указания относительно тех элементов, из которых могла складываться чеченская национальность, мы получаем и от классических писателей. Именно по известиям этих писателей мы находим, что по северным склонам Кавказа жил народ гаргареи, а рядом с ними жили язаматы и савроматы, у которых женщины воевали наравне с мужчинами. Для того, чтобы объяснить, почему у последних женщины воюют наравне с мужчинами, и создалась легенда об амазонках.

Я думаю, что у этих гаргареев, по-видимому, и были представлены элементы, имевшие некоторое отношение к чеченцам. Это видно из того, что у чеченцев сохранилось самое слово «гаргар нах», т. е. «близкие люди» – «родственники». Очевидно, какие-то элементы языка гаргареев сохраняются в современном чеченском. С другой стороны, упомянутые язаматы представляют собою, надо думать, позднейших ясов или осетин. То, что говорится о сарматах, а именно, что их женщины воевали наравне с мужчинами и были совершенно равноправны, можно также объяснить из явлений, сохранившихся в позднейшем быту, как у ингушей, так и у осетин. Эти явления указывают на первоначальную равноправность женщин и мужчин в родовой организации. Дело в том, что мы в самом чеченском и ингушском языках и сейчас находим выражение «йиши-воши» (jisa-wasa), т. е. «братья и сестры» – «сородичи в целом». Оба эти слова происходят от одного и того же корня; в некоторых местах в ингушских диалектах «йиши» (jiesa) произносятся и как «юши» (jusa), а в некоторых местностях (майстой) сохранилось произношение (joso) или (jaso) (тушский-бацой). Если сравнить эти два слова «брат» и «сестра» в чеченском, то увидим, что за исключением изменения гласной, корень в обоих словах остается один и тот же, именно, корень этих слов – «ша» (sa), причем

значение этого корня, очевидно, следующее. Всякий чеченец переведет вам по-русски: «йиши-воши» как «брат и сестра», т. е. «все взрослые мужчины и женщины, принадлежащие к данному роду» – «сородичи без различия пола», причем приставка чеч.: йа, ба (ja-, va-) инг.: «йо-, во-» (jo-, vo-) обозначает род, а корень сам по себе остается одним и тем же и для мужчин, и для женщин – ша (sa). Это указывает на то, что в основе данного чисто языкового явления, как его социальная база, должно лежать равноправие мужчин и женщин в родовой организации. Кроме того, мы имеем целый ряд явлений, которые указывают на особое значение именно женщины в родовом коллективе, именно родства по женской линии и наряду с этим в равной степени и родства по мужской линии, так что родственниками считаются не только отцовская линия, но и материнская ср. инг.: (попахуoj), а также линии бабок, как по отцу (dea neпахуoj), так и с материнской стороны (neапа поапахуoj). Специальный вид родства: «шучи» (sucі), чеч.: sicі и «мохчи» (moxci), чеч.: meaxci распространился у чеченцев и на мужскую, и на женскую линии, тогда как у ингушей он сохраняет свое значение специально только по женской линии и обозначает двоюродных и троюродных потомков от двух родных сестер. Кроме того, у ингушей родство по материнской линии считается до сих пор «чувствительнее» родства по отцу.

Затем у них же есть еще такой обряд: дядя по матери должен дарить лошадь с седлом своему возмужавшему племяннику, отсюда в последнее время и пошел обычай воровать эту лошадь у дяди с материнской стороны. Таким образом, мы имеем целый ряд доказательств того, что женщина занимала ранее иное положение, чем то, которое она занимает теперь, и именно потому дядя по матери как бы заступал на место отца. Подтверждение этому социальному явлению мы находим, отчасти, в древних легендах об амазонках и в известиях о равноправии мужчин и женщин у ясаматов.

Если мы перейдем ко времени более позднему, то, надо думать, что торговая дорога на севере особенно оживилась ко временам Хазарского царства, которое расцвело именно на этом пути и на том товарообмене, который по нему протекал. Затем, приблизительно в XII–XIII веках происходит большой культурный подъем Абхазо-Грузинского царства в западном Закавказье. В этих веках Чечня и Ингушия подвергаются сильному влиянию с юга, начавшемуся даже несколько ранее, чему мы имеем вещественные доказательства. Здесь на фотографиях есть снимки развалин полуязыческого храма, основная христианская постройка которого восходит к IX веку. Он построен в долине реки Ассы в нагорной Ингушии. Сам храм построен значительно позже, но

отдельные фрагменты (обломки) скульптуры и надписи на плитах восходят к дате постройки этого храма – 830 г. Р. Х. Это служит указанием на то, что ущелье Ассы было одним из древних культурных очагов в стране, занятой чеченским народом.

Культурное влияние Закавказья продолжается здесь приблизительно до разгрома Грузии монголами, т. е. до конца XIV в., а затем, с XV и XVI веков, появляются новые культурные факторы. Таким образом, Чечня, находясь в средней части Кавказского хребта, посреди двух культурных узлов – двух морей, Каспийского и Черного, и в промежутке между двумя торговыми путями, постоянно, хотя и с некоторым опозданием, воспринимает отголоски того, что делается и у одного моря, и у другого. Таким образом, культурные воздействия, так сказать, просачиваются сюда от этих двух побережий, постепенно ослабевая и затухая к центру Кавказского хребта. Потому-то в центре хребта мы и находим сейчас самые примитивные и самые интересные для нас по своей древности культурные явления, как в Чечне и Ингушии, так и в Осетии. В частности, такое именно направление, такой путь культурных влияний доказывается и распространением мусульманской религии, распространением ислама на Кавказе, который появился раньше всего безусловно в районе Дербента, вслед за покорением Персидского Сассанидского царства (VII век). Затем поток мусульманства, двигаясь из Персии, постепенно проникает в горы с востока на запад, причем памятники, которые мы находим в Аравии и в Западном Дагестане, доказывают, что еще в XV–XVI веках там было повсеместно распространено христианство. Таким образом, легенда о том, что уже в IX веке весь Дагестан сделался мусульманским, – неправильна; мусульманской сделалась лишь узенькая ленточка по Каспийскому побережью, в результате торговой и политической связи с Персией. Совершенно ясно, что мусульманство лишь с большим трудом продвигалось в горы по направлению к Чечне, преодолевая сопротивление многочисленных и разрозненных горских племен, параллельно процессу вовлечения их в сферу торговых отношений, слагавшихся на побережье.

Другой поток мусульманства, более позднего происхождения, из империи османов, шел от другого культурного центра – черноморского побережья. Он зависел не от Персии, а от Турции и ее вассала – Крыма, причем этот поток был более поздним (с XV в.) и в горы на восток и на юго-восток он проникал гораздо туже, постепенно приближаясь по этому направлению к Осетии и Чечне. При этом мы имеем сведения, что, например, в Кабарде мусульманство окончательно водворилось не раньше начала XVIII века, в Осетии мы уже застаем такую картину, что толь-

ко западная часть Осетии приняла мусульманство, а другая часть, как раз восточная, осталась вне ислама. Относительно Чечни, куда мусульманство подошло с Востока, мы имеем уже документальные данные о том, что в конце XVIII века, когда там воевали Екатерининские военачальники (ген. Медем, 1789 г.), некоторые чеченские роды еще приносили присягу не по мусульманской форме, а именами своих языческих богов. В Ингушию мусульманство проникло еще позднее – в XIX в., и только в самый момент завоевания Кавказа русскими принял мусульманство последний самый юго-западный ингушский аул – Гвилеты (в 1861 г.). Несомненно то, что могучим толчком к распространению мусульманства в это последнее время послужила сама война. Война с русскими создала благоприятную почву для мусульманской пропаганды. Мусульманство явилось наиболее сильным идеологическим средством, организовывавшим горцев на борьбу с русскими. Все предыдущее – это лишь маленькая иллюстрация того факта, что, как Чечня, так и Ингушия, в отношении культурной истории никогда не стояли изолированно...

Теперь, переходя к следующему, более позднему периоду культурной истории, начавшемуся с концом эпохи грузинского влияния, которое с нашествием в Закавказье монгол должно было ослабеть и окончательно было подорвано в XV–XVI вв. опустошительными войнами Турции и Персии в Грузии, мы подходим к тому времени, когда можно не ограничиваться только свидетельствами иностранных писателей об истории Ингушии и Чечни, но, когда, с одной стороны, мы можем получить уже документальные данные, а, с другой стороны, эти документальные данные сохраняются у самого народа в виде его надмогильных и других архитектурных памятников. Это, приблизительно, XIV, XV и XVI века. Это время, когда на севере появилась новая сила – Россия, когда русские завязывают отношения, прежде всего, с жителями плоскости – кабардинцами и нижними черкесами, и когда развивается эта своеобразная культура высоких 10–15-саженных родовых военных башен и наземных могильных склепов, которую мы видим сейчас на протяжении почти всей восточной части Северного Кавказа.

Что постройка этих башен действительно относится к тому времени, не раньше, чем, положим, к XIV веку, доказывается только косвенными фактами, ибо остатков письменности не сохранилось, хотя и есть следы, что тогда писали, пользуясь грузинскими буквами.

Так, недавно на штукатурке арки одного из древних могильников, который находится в одном из боковых ущелий Ассы в Ингушии, мною была обнаружена надпись грузинскими буквами. Эта надпись относится ко временам христианства, потому что рядом изображен крест

грузинского (георгиевского) типа. Эта надпись представляет собой, очевидно, имя, Энола, – имя, по-видимому, не грузинское, а местного происхождения. Значит, для того, чтобы писать на местном языке на Северном Кавказе применяли грузинский алфавит, но это не датирует нам времени появления могильников. Таким образом, приходится прибегнуть к другому способу расчета времени.

Вы все знаете, что у чеченцев и, особенно, у ингушей распространены родовые предания, именно предания, которые рассказывают, от какого предка произошел данный род, совершенно также, как в евангелии происхождение Иисуса от царя Давида доказывается перечислением всех его предков.

Считая в родовых преданиях ингушей числа поколений, которые в редких случаях доходят до 15, а в исключительных случаях до 20, можно приблизительно установить, к какому времени относится образование этих древних родов, а также и время построения башен, потому что каждый рассказчик знает, какой именно его предок построил ту или другую башню. Так, например, рассказывают, что такая-то башня построена Тергимом, другая Мадсэгом и т. д.

Таким образом, подсчитывая среднюю продолжительность жизни каждого поколения, можно приблизительно высчитать, к какому времени относится появление этой культуры башен и могильников. Это время простирается не больше, чем на 450–600 лет, а расцвет этой эпохи вероятнее всего падает на более поздний (не древнее первой даты) период.

Я не буду здесь останавливаться на той важности, какую имеют для истории архивные и документальные данные, имеющие отношение к Кавказской войне. Это – архивы Астрахани, Кизляра, Владикавказа, Ставрополя и архив бывшего министерства иностранных дел в Москве, куда попадали все важнейшие дела по дипломатическим отношениям с Кавказом и где находится ряд неопубликованных документов и по Чечне, и по Ингушии, и по Осетии, и по другим народам Кавказа.

Теперь перейдем к обозрению тех памятников материальной культуры, которые вы видите здесь на фотографиях, и того, что они нам дают в смысле изучения. Дело в том, что когда вы приезжаете в Чечню, то вам обычно говорят, что неизвестно, кто наши башни строил, что это был, очевидно, какой-то народ «джелты» или другие, которые умели строить башни из камня, потому что сами чеченцы сейчас из камня строить не умеют. При этом упускается из виду одно, что привычки народа зависят от его потребностей и, по мере того, как исчезает потребность строить башни, их перестают строить, и само умение строить мало-помалу забывается. Но это еще не доказывает, что раньше чечен-

цы не умели строить из камня. Если вы исследуете этот вопрос в Ингушии, по-видимому, искусство строить башни сохранялось позже, чем в Чечне, то вы здесь найдете совершенно ясные следы того, что такие башни, несомненно, строились самими ингушами, и даже, что строителями их являлись определенные отдельные роды, которые слыли искусными мастеровыми-каменщиками (*thona goudzas*). Ремесло там тоже было родовым занятием, и был определенный род «барханой», который и занимался постройками. Эти каменщики приглашались за плату всеми, кто хотел построить башню. Плата была определенной, выражалась в скоте, причем сам мастер должен был на все время работы поступить на полное иждивение хозяина. Постройка не должна была продолжаться дольше года. Если к концу года она не заканчивалась, то смотрели на это так, что, дескать, бог не захотел, чтобы она закончилась, значит, это не угодно богу, и башню оставляли незаконченной. Какова же была техника стройки?

Некоторые местные жители постоянно выражают сомнение, как могли люди поднимать такие громадные камни на большую высоту. Поэтому они предполагают, что строителями должно было быть какое-то особое племя великанов и богатырей, но оказывается, что тогда, как и теперь, силу заменяла техника, которая, конечно, существовала и в те времена. Если строили башню, то камни таскали не голыми руками — на то должны были быть примитивные машины, и такие машины действительно существовали. Они представляли собою нечто вроде ворот. Эту машину каменщик крутил за ручку и поднимал на канате все, что ему было нужно, точно так же, как ведро воды поднимают из колодца. Эта машина называлась по-ингушски «чегырьк» (*cheghirg*).

У ингушей существовал следующий рассказ. Когда мастер стоит сверху на башне и крутит этот самый «чегырьк», то выпустить его из рук нельзя, так как машина раскручивается в обратную сторону с большой силой. Один мастер выпустил чегырьк из рук и ручка машины толкнула его с башни. Находясь уже в воздухе, он громко закричал: «*Featta! featta*», что значит «Натошак, натошак!». Надо знать обычай, чтобы понять, для чего он так закричал. Он хотел этим сказать, что с утра хозяин его не накормил как следует, и он начал работать на голодный желудок. Поэтому с ним и произошло несчастье. Этим он хотел установить факт, что хозяин его плохо накормил и поэтому хозяин должен ответить за несчастье по кровной мести, как за убийство. Хозяин с земли закричал ему в ответ: «Как же «натошак», когда я накормил тебя утром бараниной?». Благодаря этому народный суд присудил получить с него в пользу семьи убитого только полкрови. Это доказывает, что у

чеченцев и ингушей существовали не только свои ремесленники, но даже и охрана труда, по-тогдашнему времени довольно недурная.

Таким образом, мы должны прийти к убеждению, что все эти башни, все эти могильники и храмы, которые находятся в чеченских горах, сооружались самими мастерами из ингушей и чеченцев. Начало этой культуры, очевидно, положено было, может быть еще со времен IX века, или даже раньше грузинскими мастерами, а затем это искусство было перенято местными жителями и продолжало ими сохраняться, причем боевые башни несомненно строились вплоть до конца XVIII – начала XIX веков, так как мы имеем у ингушей легенду, которая говорит, что первый, кто выселился на плоскость, некий Кэрцхал, построил каменную башню возле Назрани. Эта башня сохранилась до сих пор в развалинах.

Таким образом, документальные данные говорят, что эти башни еще строились до и в начале XIX века. Здесь следует отметить следующее обстоятельство: в области Чечни и Ингушии одним из наиболее высоких в культурном отношении был район Хамхинского общества, где находился храм Ткабеа-ерды, центр теперешней нагорной Ингушии. Это доказывается следующими фактами: ингушские мастера приглашались для построек и другими соседними народами. У осетин есть предания о том, что целый ряд осетинских фамилий приглашал к себе ингушских мастеров строить могильные склепы. С другой стороны, во время своей поездки в область Майстой я остановился в маленьком ауле Це-Калу. Местные жители мне сообщили, что эта башня построена при таком-то предке, а мастера для постройки приглашены из Ингушии. Если вы сравните эту башню с ингушскими башнями, то она построена совершенно в том же стиле, купол у нее округлый. В то время как башни, построенные очевидно самими чеченцами (напр. в Чаберлое), отличаются более грубой и простой формой купола – пирамидальной.

Эти башни являются настоящими «военными» башнями, куда прятался весь род со всем своим скарбом, женами, детьми и даже скотом во время нападений на него другого рода и отсиживался там потому, что по условиям родового быта война и кровная месть это одно и то же. Роды имели право войны и мира между собой совершенно так же, как современные самостоятельные государства. Они точно так же могли заключать друг с другом договоры, налагать контрибуции и т. д. Поэтому война и «кровное нападение» в чеченском языке обозначаются одним и тем же словом «thum».

Другим родом памятников, на котором я остановлюсь, являются наземные могильные склепы особого типа, которые строились на поверхности земли, и куда трупы клались на каменные полки во внутреннее помещение, как в склеп. Благодаря сухости климата в таком склепе

трупы высыхали и отлично сохранялись, сохранялись также ткани и утварь. Сейчас в горах Осетии, Ингушии и Чечни мы находим целые города таких могильников, один из которых (Khierda byavnis). Эти могильники носят названия «малхары кэшмыж» или «прах кэшмыж», то есть солнечных стоячих могил. Надо сказать, что такого типа могильники встречаются не только в Ингушии, мы находим их на огромном протяжении всего северного нагорья Кавказа.

Начиная приблизительно с верховьев Кубани, где есть два таких могильника, возле селения «Картджюрт» (Карачай) они тянутся через всю Балкарию, затем по всей Осетии, Ингушии и, наконец, мы находим следы их в западном Дагестане (Аварии и Андии), но там они представлены несколько иным типом. В Аварии труп кладется в землю, а сверху, над могилой, уже в виде только надмогильного памятника ставится сооружение, которое напоминает своей формой те могильники, которые строились в Осетии и Ингушии. Следовательно, этот обычай был широко распространен по всему Северному Кавказу и, вместе с тем, было распространено и само слово: чеч., кэш (kas); каб., чешане (ctsane), карач., балк., (kesene), приблизительно также называется могила у монгол, следы этого слова есть и у персов.

Здесь мы видим, насколько всякая культура в отдельных ее проявлениях является международной, насколько она распространена сплошь по большим культурным кругам и никогда не бывает узконациональной. Чтобы показать еще один пример, я приведу вам слово, которое имеет отношение к явлениям торгового капитализма на Кавказе. Все вы знаете, что еще перед самым завоеванием Кавказа там процветала торговля рабами, и два больших торговых пути и северный, и южный в значительной степени развивались как раз на торговле рабами. В рабство захватывались преимущественно горские народы, а потом эти рабы экспортировались в Турцию и Персию, и самое название «раб», как на чеченском языке, так и на других кавказских, дает нам очень любопытные данные. По-чеченски раб – лай (laj), с другой стороны, мы то же самое название находим у аварцев – лаг (lagh), и далее на восток, у лезгин – лык (likh), с другой стороны, у абазинцев на крайнем западе – лык (lig). Таким образом, почти по всему Кавказу мы имеем один и тот же термин, но у осетин слово «лаг» (lag) обозначает просто – человек. Это приводит к интересному выводу, что социальный термин может получиться из термина языкового, т. е. этнического. Можно ясно себе представить, что, если народ складывается из разных слоев, из классов завоевателей и завоеванных, из классов победителей и побежденных, то в данном случае мы можем иметь их различное этническое (национальное) происхождение. Этот

факт как будто доказывает, что главным поставщиком, главным местом добывания рабов в известный период была Осетия.

Теперь разрешите перейти к некоторым другим видам памятников материальной культуры. Две рассмотренные категории памятников: военные башни и могильные склепы – это памятники исключительно родового характера. В Ингушии они не могут быть ни проданы, ни отчуждены. Они принадлежат всем потомкам того лица, которое их построило, т. е. всему роду или его отдельным ответвлениям. Кроме того, считалось, что только тот является равноправным членом ингушского народа, кто имеет свою долю, т. е. право пользования, право участия, как в военной башне, так и в могильном склепе, принадлежащем его роду, т. е. кто мог в случае нападения скрываться в этой башне и кто после смерти мог быть похоронен в таком могильном склепе.

Кроме этих общеродовых сооружений есть еще ряд сооружений частновладельческих, уже представляющих собственность отдельной семьи. Это башни для жилья, мы называем их: «жилые башни»; они уже другого типа, шире и ниже, имеют самое большое 3 этажа.

В таких башнях в глухих нагорных районах Ингушии и Чечни живут еще и до сих пор. Башни этого типа называются «гала» (ghaala); можно думать, что название это стоит в связи с турецким словом «gale» – «крепость». Возле башни обычно расположен двор, который окружен каменной стеной. Вход в башню ведет сразу во второй этаж. Прямо над входом расположен балкончик «чартык» (saartaq), закрытый сверху и открытый вниз, чтобы можно было, оставаясь невидимым и защищенным, пускать оттуда камни на врагов, если они попытаются проникнуть в дверь. Внутри башни имеются всякие приспособления практического характера. Такие «гала» уже не представляли собой коллективной родовой собственности, они могли продаваться, отчуждаться и пр. главою, владеющей башней семьи.

Третий род памятников – это домусульманские храмы. В связи с ними стоят также вопросы религии. В горах Ингушии вы найдете, кроме храмов более древнего культурного периода, еще целый ряд маленьких храмов позднейшей постройки. Храм, здание храма по-ингушски называется «элгац» (elgac). Древнейшие храмы строились еще тогда, когда в Чечне господствовало культурное влияние Грузии, когда там впервые укрепилось настоящее христианство; более поздние – когда это христианство с падением закавказского влияния мало-помалу выродилось в полужычество или даже в чистое язычество, которое и сделалось родовой религией чеченцев и ингушей. У каждого рода имелся здесь свой храм и свой годовой праздник. В это время развился полужы-

ческий культ, выразившийся, главным образом, в торжественных коллективных пиршествах, в которых участвовали все члены данного рода. При храме находился родовой смотритель или хранитель, в пользу которого шла часть приносимых для пиршеств продуктов (его не следует смешивать со жрецом, обычно старейшим из присутствующих, который произносил молитвы). В храме находились также изображения богов. Нами, например, была найдена в Ингушии любопытная металлическая маска с деревянного идола богини Тышуол (Tisuol). Дело в том, что, как я сказал, мусульманство появилось здесь только в XVIII–XIX веках, но и после его принятия у ингушей все еще сохранялись некоторые старые языческие обычаи, и многие старики еще до сих пор помнят языческие молитвы и имена языческих богов. Один такой старик (Эльмураз-Хаджи) до последнего времени жил в селении Шон близ Владикавказа (нагорная Ингушия). Он был раньше жрецом при храме; а с принятием мусульманства он побывал в Мекке и сделался «хаджи». От него и от других мне удалось записать целые языческие молитвы и выяснить названия языческих богов. Эти боги следующие: Ерды (Jerda) – бог атмосферы; Тышуол (Tusuol) – богиня, которой молятся женщины – богиня плодородия, весны; затем бог Сиелы (Siela), собственно – бог грома; кроме них был еще бог охоты Елт (Jelth) и верховный бог Деале (Dtala); каждому из этих богов были посвящены особые молитвы.

После того, как эта культура каменных построек, каменных башен сделалась ненужной, а ненужной она стала тогда, когда с выселением на плоскость исчезла необходимость держать в своих руках транзитные ущелья, чтобы собирать дань со всех проходящих, а с другой стороны, уже не стало нужды и в общеродовых столкновениях при кровной мести. Дело в том, что кровная месть с течением времени становилась все более и более чисто семейной мезтью.

Непосредственно мстит врагам теперь семья убитого, а его род только бойкотирует вражеский род и этим принимает в мести как бы только косвенное участие. Убитыми могут быть только родственники строго ограниченного круга. Отсюда и исчезает необходимость в общеродовых оборонительных сооружениях. С переходом к новым условиям жизни, таким образом, исчезает необходимость строить военные башни и естественно, что во многих местностях даже забыли, что сами когда-то их строили и сами в них оборонялись. Теперь перестали строить также и жилые башни. Однако, кое-где в нагорной Ингушии и в глухих углах Чечни (верховья Чанти-Аргуня, Майстой и пр.) еще доживают свой век семьи старшего поколения. С другой стороны, мы часто можем видеть здесь любопытные примеры, как старая культу-

ра, старая постройка приспособляется к новым потребностям. Есть случаи, когда в Чечне старые жилые башни приспособляются прямо под дома с двухскатной черепичной крышей, как это мы видим, напр., в Ушкалое, с другой стороны, здесь появились дома другого типа – это в нагорье мазанные дома с плоскою крышей, тип, проникший сюда из Грузии. Таким образом, в Чечне в типах жилых построек сталкиваются два культурных влияния, представленных, с одной стороны, домами под черепичной крышей (русское из северного Предкавказья), а с другой, в более глухих нагорных местах (начиная к северу от Итум-Кале) – мазанными саклями с плоскими крышами (грузинское закавказское влияние). Один тип пришел сюда с севера, другой – с юга.

Отсюда вы видите, насколько важно и какой богатый материал дает изучение материальной культуры, как для научного познания явлений быта, так и для уяснения культурной истории народа.

Когда я был в Ингушии, меня больше всего интересовали явления кровной мести в их теперешнем состоянии, в связи с пережитком и размножением родового быта. Результаты этого изучения в популярной форме изложены в моей книжке «Ингуши», причем сейчас, в общем, мы приходим к такому выводу, что родового строя уже нет, он сохранился только в некоторых переживаниях, как, например, в наиболее торжественных случаях жизни (рождение, свадьба, похороны и пр.), при которых обычно вырабатывается особенное сохранение старых обычаев. Тогда-то и проявляются еще некоторые признаки родового единства, например, в коллективной помощи при обряде похорон, в ограничениях брака и т. д. Что касается кровной мести, то ее, как родового явления, уже почти нет. Весь род в кровной мести непосредственно не участвует; участвуют в ней только более близкие родственники семьи убитого, только им принадлежит право убить кровника. Еще более ограничен пределами одной семьи круг лиц, которые могут быть убитыми в оплату за убийство. Изменилась и еще одна сторона кровной мести – это сторона экономическая, для нас наиболее важная. Кровная месть в горах до последнего времени имела большое экономическое значение, так как она служила орудием порабощения одного рода другим, потому, что в конце концов сводилось в значительной степени дело к тому, чтобы получить с повинного рода ряд выкупов, а выкупы эти тогда раскладывались на десять поколений виновной фамилии включительно: такое экономическое использование кровной мести ограничивало и возможность фактических убийств со стороны мстителей: так, родной брат, но живущий отдельным двором (хозяйством) и уплативший выкуп (vosal), ни в коем случае не мог быть убитым.

При этом признаком отдельного хозяйства считался разделенный скот. Родной брат должен был заплатить выкуп (вошыл) в размере десяти коров, двоюродный брат в размере девяти коров, троюродный – восьми и т. д. до десятого поколения. Кроме того, периодический выкуп мог уплачиваться даже самым кровником (убийцей). Он мог получить за специальный выкуп и ежегодно выплачиваемую дань право безопасно ходить по своему двору или работать на своем участке. Словом, система выплат была такой, что позволяла одному роду экономически поработать, сделать своим данником другой на неопределенно долгое время. Таким образом, в этой форме кровная месть была орудием нарождающегося феодализма. Когда же ингуши вышли на плоскость, нормальное развитие феодализма сразу нарушилось, ингуши вступили здесь в отношения с русскими и другими народами; началось развитие торгового капитала и торговых отношений.

Однако недавно в современной Ингушии мы неожиданно наблюдали обострение кровной мести. Такое положение длилось, по крайней мере, до самого последнего времени, когда специальной ингушской комиссией по примирению кровников были выработаны и приняты решительные меры по искоренению этого явления. Но до принятия этих мер получилось значительное обострение кровной мести, получилось такое положение, что виновнику фактически нельзя было даже откупиться; значит, кровная месть потеряла свое экономическое значение, перестала играть экономическую роль и превратилась в одно из проявлений ожесточенной жизненной борьбы в условиях нарождающегося капитализма. Этот процесс изменения родовой мести шел рука об руку с процессом распада рода и накоплением торгового капитала, так что получилась любопытная картина, когда старые родовые пережитки сохраняются в новых условиях, но с изменившимся содержанием.

Я задержал ваше внимание на кровной мести только потому, что она имеет для ингушей и чеченцев большое экономическое значение, и меры, которые придется проводить для ее ликвидации, не могут быть применены без детального изучения этого явления.

Теперь, чтобы не задерживаться больше на явлениях духовной культуры, я перехожу к вопросам изучения языка. Дело в том, что проблема изучения языка имеет большое практическое значение потому, что сейчас, как вы знаете, впервые создается национальная письменность, создаются новые алфавиты и шрифты, в последнее время на латинской основе. Все эти вопросы не могут быть правильно разрешены без изучения языка и без установления тех методов, какими выгоднее всего к этим вопросам можно подойти.

Здесь нужно откровенно сказать, что проблема алфавита и, в особенности орфографии для чеченского языка, далеко еще не разрешена, потому что тот способ письма, который сейчас применяется, еще очень приблизителен и не передает всех необходимых звуковых различий языка, так что первый ряд слов, имеющих например долгие «а, о, и, і» и короткие «а, о, и, і», – пишутся совершенно одинаково. Благодаря этому целый ряд слов, написанных совершенно одинаково, должен произноситься различно. Это может создать целый ряд недоразумений на практике, когда письменность пойдет более широко в массы населения. Все эти неудобства непременно дадут себя почувствовать, и тогда придется реформировать алфавит. К этой реформе необходимо подготовиться заранее.

Рассматривая место языков «вейнахской» группы, в ряду других, мы еще раз возвращаемся к вопросу о происхождении этих языков и чеченского, и ингушского народов. Среди самих чеченцев и ингушей теперь распространено предание, по которому народы эти (чеченцы, ингуши и арстхой) происходят от трех братьев, отец которых вышел, якобы, из Аравии, из рода корейшитов, или местности Шам (Seamī – Сирия). Несомненно, что предание о «семейном» происхождении «вейнахских» народов от одного родоначальника есть естественное объяснение родства культур и языков в духе идеологии родового строя. При родовом строе всякое сходство народов могло быть объяснено лишь в перспективе кровного родства, происхождением от одного физического предка. Фактически всегда смешанное происхождение языков и народов и не могло быть иначе объяснено при родовом строе. Выведение предка «вейнахов» из Аравии или из Сирии, конечно, представляет собою прямое следствие позднейшей эпохи, когда эти народы испытали мусульманское культурно-религиозное влияние. С принятием ислама у «вейнахов» естественно возникает стремление связать со священными для мусульман местами и с родом самого пророка свое происхождение. Поэтому предок и выводится прямо из Аравии, из рода корейшитов. Предание о происхождении из Шама целиком заимствовано из Дагестана и представляет собой почти дословный пересказ фамильного предания о происхождении Шама-халои Тарковских, которые свой титул объясняли как Шам-Хан, т. е. хан из страны Шам. В аулах крупнейшего из дагестанских царьков это предание о «благородном» его происхождении звучало как естественный отголосок феодальных воззрений, когда немногие господствующие роды стремятся обосновать свое право на господство и эксплуатацию происхождением от мнимого «избранного» предка. Вместе с сильным одно время влиянием даге-

станской культуры на Чечню это предание проникает и сюда, но при отсутствии здесь феодализма приобретает совершенно своеобразный характер. В условиях родового «демократизма», когда все свободные чеченцы и ингуши номинально обладают совершенно одинаковыми правами, это предание об избранном аристократическом происхождении применяется здесь ко всей массе народа и, так сказать, демократизируется. В Чечне получается характерное противоречие между содержанием и применением этого предания, которое держится здесь в конечном счете на религиозных тенденциях.

Изучение языков вейнахской группы ведется в Москве и Кавказской секции Института народов Востока. Сейчас уже начато составление их грамматики, причем одним из моментов этого изучения является установление родственной связи между чеченским и ингушским языками. Дело в том, что хотя каждый и знает, что ингуши родственны чеченцам и могут понимать друг друга, не прибегая к посредничеству третьего языка, но в чем заключается разница и в чем сходство этих языков, никто себе не представляет. Задача заключается в том, чтобы выявить разницу и сходство языков каждой группы. При этом удастся установить целый ряд звуковых законов, т. е. установить, как один звук в чеченском языке соответствует другому звуку в ингушском, и третьему – в тушском (бацой).

Для того, чтобы вам лучше понять это, я приведу следующие примеры из таблицы соответствий.

В том же духе идет теперь разработка других разделов грамматики, например, морфологии. Остановимся для примера на вопросах склонения. Учителя обычно боятся большого количества падежей: в чеченском, например, их было указано 16.

Трудно будет выучить такую грамматику с 16 падежами, говорят педагоги. Но, конечно, здесь все будет зависеть от правильной классификации, от того, что мы будем понимать под «падежом». Под «падежом» не следует понимать отдельно создаваемых частиц, когда они присоединяются к слову. Это уже не будут падежи, такие формы будут соответствовать русским формам с предлогами, с той только разницей, что предлог в русском языке стоит в начале слова, а в чеченском – в конце его, почему здесь его правильнее назвать «послелогом». Вот в чем вся разница.

Разберем следующие примеры:

1. Следы особого «падежа» «недостаточности» (*Caritivus*): суффикс чеч. – *zin*, инг. – *dz*, туш. – *chi* «без» присоединяется, по-видимому, к форме родительного падежа *саат* «вкус» *сеами-zin* «безвкусный»; *беаг* «дитя», *беаг-zin* «бездетный» и т. д. Этот суффикс можно вывести пря-

мо из отдельного чеч. слова: *zien*, инг. *dzien* «вред, убыток», арабск. *Zijan*, превратившегося в послеслог.

2. Послелог – *си* (ср. *си-х*, *си-ги*) восходит к корню слов *сио* «ну-тро, чрево», *cuilin* «беременный», букв.: «брюхатый».

3. Вторая часть сложного послеслога: – *х-ulu* стоит в прямой связи с: *ulav* «мимо, подле» и имеет параллели – в осетинском: – диг. *baI*, ир. *eI* «вдоль по, через», в черкесск.: *Ые* «мимо», м. б. также: абх.: – *bze* «между»; с другой стороны, первая часть послеслога: –*х-* представлена в чистом виде в т. н. «проницающем», т. е. обозначающем движение, пребывание в веществе, падеже, напр. *china-x* «в дом, в помещение дома», – и представлена в черк. префиксе: *хе х* (читай, как русск. *хе хы*) «в веществе»; и в том, и в другом языке это стоит в связи с самостоятельным корнем: чеч. *xi*, инг. *xij*, туш. *xi* «вода, река», черк.: *хе* (читай *хы*) «море». Отсюда все вместе: – *си-х-ulu* букв, значит «ну-тра – в – мимо», т. е. «сквозь внутренность».

Таким образом, некоторые окончания «падежей» мы не только должны признать особыми отдельными частицами – послеслогами, но и установить их происхождение от самостоятельных слов, частью, безусловно, усвоенных из других языков. Точно так же, в таких формах, как: *Iaaman-ga-xa-ga* «горе-к-в сторону-от», т. е. «от со стороны горы» – должна быть нами разложена на собственно падежную форму: *Iaaman* (древний родительный или дательный?) и послеслоги: *ga-* (переходящий обычно в: *ie*) –*ха-га*, выделяющиеся каждый в отдельный слог и имеющие отдельное значение. С другой стороны, такая типичная форма, как родительный падеж, связанная в чеченском: 1) с изменением гласной корня, 2) при несовпадении деления на слоги с делением на корень и окончание, должна быть признана типичным неразложимым падежом: ср. *тааг* – «мужчина» *mta-g-in* и т. д. Проанализировав с этой точки зрения все 16 падежей Услара, мы придем к выводу, что собственно падежей очень немного, остальные же формы образуются от этих падежей путем присоединения частиц – послеслогов.

Теперь я хочу сказать несколько слов о чеченской народной поэзии. Следует отметить, что в то время, когда народ еще не имеет печатной литературы, все же нельзя сказать, что он не удовлетворяет своей потребности в художественной и политической литературе. В этом периоде такая потребность удовлетворяется только устными произведениями так наз. «народной поэзии». Песни и сказки играют здесь такую же роль, какую у нас играют книги и газеты. На определенное политическое событие сейчас же складывается песня, в которой отражается настроение определенной группы населения. Причем на одно и то же

событие может быть создано несколько песен и каждая из них отразит настроение одной из социальных групп. Одна передаст настроение одного класса, а другая – другого, ему враждебного. С другой стороны, художественная форма, в которую облачена песня, играет такую же роль, какую играет у нас художественная литература, т. е. удовлетворяет эстетическим запросам данного народа, непосредственно влияет на эмоциональную сторону, на чувство. Чеченцы, не имея письменной литературы, имели издавна довольно развитую народную поэзию, причем эта поэзия у них обладала известными особенностями. Надо сказать, что, если сравнить чеченцев с их соседями, мы придем к выводу, что, например, черкесы, которые держали в своих руках большую северную торговую дорогу и которые являлись на ней главными торговцами рабами и другими товарами, дожили до нас, конечно, уже не в родовом строе, а в строе феодальном, строе, который похож на социальный строй Киевской Руси, державшейся на торговле, главным образом, рабами с Византией. Наряду с чеченцами и эти черкесы тоже имели свою народную поэзию, свои песни. Если мы теперь будем сравнивать народную поэзию черкесов с народной поэзией чеченцев, то принуждены будем отметить, что народная поэзия первых представляет собой героическую поэзию лирического характера, – поэзию, которая дает простор выражению личных чувств, восхваляет личные качества отдельных героев. Наоборот, чеченская поэзия спокойно описывает шаг за шагом, без особого восхищения, самое событие во всех его подробностях. Это является типичным признаком так называемой эпической поэзии. Таким образом, получается известное соответствие народной поэзии каждой национальности и ее социального строя. Эпос оказывается связанным с родовым бытом, а лирика, которая пропитана индивидуалистическими мотивами, оказывается связанной со строем феодальным.

Поэзия чеченского народа известна пока мало и начала записываться очень поздно, лишь в самое недавнее время. Впрочем, есть одна запись, которая до сих пор оставалась неизвестной. Это самая старая запись произведений чеченской поэзии. Она была сделана Львом Толстым во время его пребывания на Тереке в 50-х годах XIX столетия, когда он имел друзей чеченцев, от которых и записал в своем дневнике две чеченские песни русскими буквами. Эти два чеченца были Балта и Садо из Старого Юрта. Записи песен, сохранившиеся в дневнике Толстого, до сих пор оставались неразобранными и неопубликованными потому, что, если русскими буквами записать чеченский текст, то потом разобрать его будет чрезвычайно трудно. Разобрать можно только знающему чеченский язык. Эти песни предполагалось издать в полном собрании сочинений Толстого к столетнему юбилею со дня его рожде-

ния. Мне их предложили разобрать и установить их чеченский текст с точным переводом. Эту задачу я и выполнил. В 2–3 местах, правда, попадаются еще некоторые трудности, но в общем эти старейшие, насчитывающие почти столетнюю давность записи чеченских песен теперь вполне подготовлены к печати.

Они являются древнейшими известными нам памятниками чеченской литературы, будучи записаны в 1852 г. Одну из этих песен я вам и прочту в своем литературно-обработанном переводе (перевод Толстого не точен). Это маленькая песня, записанная 1 февраля 1852 г. в станице Старогладковской от чеченца Садо; песня имеет ясно выраженный свадебный характер:

Сама бы я себя убила, если бы люди (потом) не
говорили: «Распутнице могилу рыть давайте».
Прочь убежала бы я в поле, если бы люди (потом)
не сказали: «Мы по следам распутницу искать ходили».
Я в небо поднялась бы, если б поднявшись дождем
излиться вниз я не боялась.
Я не излиться вниз боюсь, – боюсь с дождем его пшеница
уродится.
Я в землю ушла бы, если бы травой выйти вверх не
побоялась.
Этого молодца волы съедят меня, боюсь, – от молодца
уйти мне (видно) места нет.

Теперь я приведу еще несколько образных чеченских песен в переводе на русский язык. Дело в том, что некоторые из произведений чеченской поэзии поражают своей художественностью, замечательными образными выражениями, так что представляют интерес не только для чеченцев, но, если бы их издать в русском переводе, они были бы интересны и для русских, и, вообще, для мировой литературы. К таким произведениям относятся, например, некоторые запевы чеченских эпических песен. Дело в том, что когда чеченец поет длинную эпическую песню, то в начале ее он поет вступление к песне, которое не имеет прямого отношения к ее содержанию, но должно привлечь внимание, определенным образом настроить слушателей. Эти вступления – «запевы» – бывают иногда замечательны по своей художественной форме. Есть такой, например, запев, который художественно рисует нам образ дикого оленя. Я его приведу вам в точном переводе:

К быющему из гор ледяному ключу
Он не опускает сухощавой головы, чтобы утолить свою жажду,

Он сходит на дно ущелий, из лужи тепловатую воду
пьет;
Поднявшейся по краям оврага, свежей синей травой
Он досыта не наполняет воздержанного бронха, —
Чутко настораживаясь, он сходит с гор на равнинные
пастбища,
Остерегаясь, чтобы не достала его пуля охотника;
Тонким языком он гладит свое длинное тело,
О кремнистый уступ точит развесистые рога,
Пятнистой ногой о чинаровый корень бьет.
Поводит ушами, рога назад закидывает,
На холм поднимается и ланям ревет.
Сколько оленей так ходит с ланями в разлуке!
Кроме нас, разве нет молодцев, к которым это не относилось бы?

Вслед за таким запевом должна начинаться песня. Есть, между прочим, запевы очень интересные с бытовой стороны, запевы сатирического характера. Между прочим, один из них сочинен чеченцем, сосланным в Сибирь и потом вернувшимся из ссылки в Ингушию. Вот он:

У наших друзей да будет в ауле любимая
У недругов да будет в соседстве враг,
Для нас да прозвучит тихая песня,
Холодный вопль да раздастся в той синей Сибири!
Внимайте рассказу о, молодые юноши,
Кто рассказа не слушает, тому в бою удачи не будет.
Если в бою удачи не будет, трусом сделается молодец,
Если юноша станет трусом, он сядет за ученье,
Если он сядет за книгу, он сделается муллой,
Если он станет муллой, он возьмет красивую жену,
Если он женится на красавице, — не будет гулять она
с людьми,
Если с людьми будет гулять, смерть тебе грозит
неминуемая...
Чем умирать, не легче ли вам мою песню послушать!

Кроме того, есть песни на политические темы, которые служили чем-то вроде живой газетной статьи, откликом на определенное политическое событие. Например, был во время царизма момент, когда по Ингушии распространились слухи о том, что русским правительством издан приказ отобрать у ингушей все оружие и взять их всех на воен-

ную службу. Сами ингуши теперь по-ингушки песен не сочиняют, а поют только по-чеченски. По этому поводу певец, бежавший из Сибири, и сочинил специальную, политического характера песню:

Тонкий стан, стянутый ремнем
Повязать кушаком велит царское войско;
Тело, одетое в черкеску синего сукна,
Нарядить в долгополое платье велит царское войско;
Голову, покрытую круглой папайой,
Накрыть картузом велит царское войско;
Богатырское оружие, завещанное нашими дедами,
Без бою на тоненький прутик сменить велит
царское войско!..
О, ты, под ногами, черная земля!
Сделавшись пушечным порохом, – взорви царское
войско!
Там, над головою, синее небо!
Превратившись в пушечный снаряд, разнеси царское
войско!

А вот еще одна песня по поводу восстания Ума Хаджи в 1877 году. Собственно, эта песня не рассказывает о самом восстании, но она рисует настроение, которое, очевидно, создалось непосредственно после восстания, – настроение подавленное и грустное:

Сказывать песню поры-времени у меня не было:
Со зрячего глаза хмурым стал я,
С резвой ноги слабым стал я;
Пришло мне время перемигиваться со вдовами,
Прошло мое время переглядываться с девушками.
Рассказать ли мне вам о войнах – боях?
Я не удалец, бившийся на войне.
Сказать ли вам женский – детский рассказ?
Я не трус, сидящий с бабами.
Я скажу вам тихую песню,
Я буду говорить вам бедного человека слова.
Как мать-овца и безовремени родившийся убитый
ягненок,
Друг с другом и с богом вы не разлучайтесь:
Потеряв доверие народа, лучше по земле не ходить;
Спереди пусть не накаплиется к вам зависть.

Сзади пусть не одолеет вас нападение,
Да получите вы пользу-удачу, как Уми, сын Ду
Как тот Уми, сын Ду, в Чиннахойском ущелье!

Из этих образцов вы видите, что, если серьезно подойти к делу собирания произведений чеченской народной поэзии, то здесь могут встретиться материалы, которые интересны не только для чеченцев, но имеют интерес общелитературный, общечеловеческий. Среди них есть произведения, удивительно интересные по своим образам и по тому художественному впечатлению, которое они оставляют. Интересны они и с другой точки зрения, с точки зрения отражения создавших их политических отношений, отношений к русской власти, с одной стороны, и к феодальному строю, с другой. Выражением последних отношений служит хотя бы следующая присказка:

Из норы волченка да не выйдет,
Из колыбели княжич да не встанет...

Надо сказать, что мне пришлось познакомиться, когда я был в Чечне в 1923 г., с одним любопытным явлением, а именно: Чеченский наробраз, учитывая отсутствие детской литературы на чеченском языке, решил тогда переводить русские сказки на чеченский язык; это дало повод даже создать особый термин «чеченизация русских сказок». Напоминая об этом, мне хочется подчеркнуть, что гораздо целесообразнее было бы для этой цели заняться собиранием своих собственных поэтических произведений потому, что они представляют и большой художественный интерес и доступнее, и актуальнее для чеченского читателя, т. е. сильнее воздействуют на его чувства и воображение.

Русские сказки, переведенные на чеченский язык, вряд ли смогут заинтересовать чеченского ребенка; они далеки от него по всем своим бытовым подробностям, он их едва ли поймет. Гораздо важнее собрать свои сказки и пользоваться ими как материалом для чтения в школе и, что самое главное, использовать их как материал для создания в будущем близкой и понятной для масс чеченской художественной литературы.

Это было бы наиболее плодотворным подходом к задаче создания национальной художественной литературы. Тем же путем, путем использования сокровищ народного творчества, шли в эпоху своего младенчества и все мировые литературы, как русская и др.

В заключение я должен сказать, что по мере сил мы постараемся продолжать начатую нами исследовательскую работу в области чеченского языка и культуры, но в то же время, мы, ученые, должны обра-

таться и к самим представителям Чечни и Ингушии, чтобы они помогли нам в этом деле. Практически нужная нам помощь – это заострение общественного внимания на исследовательской работе и выделение новых национальных сил для нее, в особенности из среды молодежи. Сделать это сейчас нетрудно потому, что в Москве, как вы знаете, организован специальный институт по изучению восточных народов СССР. При этом в институте ведется подготовка научных работников из самых восточных национальностей, из кандидатов, имеющих уже общее образование. В институт нормально следовало бы поступать только по окончании ВУЗа. Однако для отдельных представителей восточных национальностей, так или иначе уже зарекомендовавших себя в области краеведческой работы, открыт и сейчас доступ в институт.

Кроме того, при 1 Московском Университете имеется вновь открытое этнографическое отделение на этнографическом факультете, при котором учрежден специальный кавказский цикл, где ведутся занятия по северно-кавказским языкам и культурам. Было бы чрезвычайно желательно, чтобы Чеченская и Ингушская автономные области выделили несколько молодых людей на этот цикл. Туда, к сожалению, идут неохотно, все стремятся попасть в техникумы и на экономические отделения. Конечно, экономика вещь необходимая, но дело в том, что экономики без культуры, без просвещения тоже не построишь. Работники просвещения для учебных заведений в Чечне пока черпают из старых запасов, но этих запасов почти не было, а в Ингушии при образовании автономной Горской Республики было всего 3 лица с педагогическим образованием. Отсюда ясный вывод, что необходимо готовить националов-педагогов и ученых.

Я просил бы провести агитацию среди молодежи в этом направлении, чтобы в дальнейшем молодые люди попадали и в 1-й МГУ на кавказский цикл и в научно-исследовательский Институт Народов Востока. На это необходимо обратить самое серьезное внимание. В Институте имени Нариманова в Москве, попадающие туда кавказцы часто учат турецкий или персидский языки; не лучше ли было бы, чтобы они изучали свои родные языки в Институте Народов Востока и в Университете. Я надеюсь, что в ближайшем же будущем мне удастся посетить Ингушию и Чечню, чтобы продолжить ту работу, которую я и все терпеливо занимающиеся со мною мои чеченские и ингушские сотоварищи по работе, начали уже в 1920 году.

(Яковлев Н.Ф. Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей. Москва, 1924 год)

Б.В. СКИТСКИЙ. «НАЗРАНОВСКОЕ ВОЗМУЩЕНИЕ 1858 г.»

(Страница из истории ингушского народа)

Назрановское «возмущение», имевшее место 23–25 мая 1858 г., является очень характерным моментом в жизни ингушского народа эпохи покорения его русскими.

Хотя это «революционное», как его называло русское военное командование, выступление назрановцев и связано было с борьбой Шамиля с русскими, но связь эта была чисто внешняя. Правда, с одной стороны, ингушский народ в лице Шамиля хотел это революционное движение использовать в своих общих политических планах. Тем не менее, это движение имело свои самостоятельные экономические корни, питалось своими внутренними социальными трениями, шло под разными политическими ориентировками, прикрывалось традиционной религиозной враждой.

В рассматриваемую пору часть ингушского народа была уже в полном подчинении русской власти и входила в приставства «Назрановских и карабулакских народов», другая же часть еще находилась в «сомнительной», как выражались русские власти, зависимости.

Войдя в соприкосновение с русскими, ингуши стали втягиваться в круг тех капиталистических отношений, которые несло с собой русское владычество. Рушились основы натурального хозяйства, росли товарные отношения. Предметом торговли были, главным образом, русские фабрикаты: красный товар (ситец, нанка, парча) и железо, из которого горцы выделявали орудия и оружие. Торговля велась по преимуществу в русских крепостях или в покоренных аулах, причем, в последнем случае, торговля велась даже с опасностью для жизни, так как приходилось скрываться в домах родственников, пока эти совершали порученные операции.

Наиболее оживленно шла торговля на русской линии, в глубине же гор (в Чечне, в Дагестане) она была незначительна. Там торговали мелкие корабейники с небольшим торговым оборотом (от 30 до 150 руб. в год), лишь немногие имели оборот до 1000 рублей. Как ни незначительна была эта торговля, все же она свидетельствовала об экономической связи и зависимости горцев от русского капитала.

С ростом торговли росло значение денег, пробуждался дух капиталистической наживы, пробуждалась жажда к удобной земле, к земледелию и хозяйственности, к мирному укладу жизни. А это, в свою оче-

редь, влекло за собой общественное расслоение, появление бедняков, «черного люда» – по терминологии русской власти, с одной стороны, и более зажиточных и влиятельных, с другой. Одни из обитателей аулов обладали достаточным имуществом и лошадьми, а другие не имели ни лошади, ни арбы. По этому имущественному принципу русские власти распределяли общественные повинности жителей аулов.

Из группы более зажиточных выходили старшины, которые возвышались до высокой политики, той или иной политической ориентировки. С ними считались политические враги и друзья. Они от имени всего народа вели переговоры, руководили народным движением, выдавали аманатов. Русская власть манила их предложением земли, а главное, служебным положением; от нее они получали и деньги, звание прапорщиков и юнкеров; их усердие поощряли медалями и другими знаками отличия.

Между верхами и низами ингушского общества уже не было контакта. «Чернь» – далека от политики, держит себя вообще пассивно; политику ведут верхи. Эти классовые отличия к середине XIX века еще не отлились в сословные. «В назрановском обществе, свидетельствуют пристав этого общества, нет классов, которые бы отличались правами и преимуществами». В правовом отношении все еще были одинаковы.

Общий уклад жизни был еще очень примитивен. Не было достаточных навыков к мирному общежитию. «Война всех против всех» еще царила в этом обществе первобытного хозяйства с его несвязанностью и раздробленностью.

Русская власть тяжелой рукой старалась внедрить в эту общественность начала, свойственные капиталистическому обществу.

Необходимой мерой в целях укрощения всех анархических элементов признавалось принудительное выселение из мелких разбросанных аулов в большие, числом не менее 300 дворов.

Для известной части ингушского народа это было неприемлемо, так как лишало прежней вольности, создавало явную зависимость от чужой твердой, а зачастую и произвольной власти, которая заходила дальше материального стеснения и простирала руку на совесть, веру отцов. Все назрановцы старшего поколения ясно помнили те насильственные меры обращения их в православие, какие принимало русское духовенство при поддержке светской власти.

Это обуславливало популярность в ингушском обществе Шамиля, который гарантировал традиционный уклад жизни и верований. Та несложная государственная организация, которой располагал Шамиль, была гарантией более легких требований со стороны населения

и меньшего притеснения со стороны властей. Шамиль при помощи своих агентов поддерживал связь со всеми оппозиционными русскому владычеству элементами, колебал верность покоренных и поддерживал дух независимости у «сознательных» обществ. Он обещал избавление от «врагов», от притеснения и несправедливости «неверных».

Народ, точнее сказать, верхи, старшинский элемент, двоились в своих ориентациях.

Страх перед русской властью, надежды на материальные блага (землю, службу) за лояльность по отношению к ней склонили их в пользу русских, но жестокость власти, несправедливость и злоупотребления ее толкали их к Шамилю. Магометанская вера становилась знаменем в этой борьбе с экономическим и политическим гнетом русских.

Всякая попытка русской власти насильственно нарушить традиционный уклад жизни, согнать с насиженных мест и построить быт на новых началах возбуждала подозрительное и враждебное отношение со стороны руководящих групп общества. Эта, на первых порах кажущаяся совсем безнадежной борьба малого народа с русской силой, борьба, граничащая с безумным отчаянием, находит себе объяснение в наивной вере горцев в поддержку султана, вере, разжигаемой даже подложными прокламациями, якобы идущими от его имени.

Так, напр., в 1842 г. распространена была подложная грамота, якобы присланная от султана через Ибрагим-пашу, следующего содержания: «Почетные улемы, князья, уздени и весь народ Дагестанский, Черкесский и Татарский, да будет мир Господень с вами и благодать его над вами. За два года пред сим я посылал в ваши пределы моего приближенного Хаджи-Юсуфа Гарин-бека с поручением узнать о делах и действиях ваших. Этот Хаджи исполнил возложенное поручение и был очевидцем ваших дел и того, что вы с поднятием вашего оружия соединили соревнование свое ко введению чистоты в православную в нашу веру и что Шейх Шамиль-Эффенди из среды вас есть первый поборник благого этого дела, доставил ко мне о таком вашем быте описание. Я же, получив это описание, подвергнул оное к стопам могущественного моего Государя, властителя двух морей и двух материков Султана Абдул-Маджид-Хана, который изволил быть этим доволен, в доказательство чего немедленно повелел всем сухопутным и морским силам турецким и египетским быть готовыми к выступлению в поход под главным моим начальством. Итак, апрель 1843 г. будет началом военных моих действий.

Победоносные войска, начальству моему вверенные во славу Бога, достигнут в то время крепости Анапы и полуострова Крыма, атакуют

русских в русских пределах и с надеждою на Бога и молитвами святого нашего пророка начнут с ними священную брань. Сообщая вам об этих приготовлениях на радость вашу и печаль неверных, я взываю к вам, православные мусульмане, удалитесь от неверных, избегайте всяких сношений с ними, да не прельстят вас богатства этого света и не со vrátят вас с пути истинного происки дьявола. Сблизьтесь с Богом, изучая все его премудрости, подвжитесь оружием и млад, и стар от 7 до 70 лет, участвуйте в священном деле. До прибытия моего повинуйтесь Шейху Шамилю-Эффенди и исполняйте все его приказания так, как теперь исполняете. Шамиль, к тебе я обращаюсь теперь. Будь правдив в суде, храбр на войне и попечителем о народном благосостоянии. Когда же близко будет то время, о котором я выше сказал, то со всеми войсками явись в крепость Анапу. Там мы с тобой увидимся, и я проверю твое поведение.

От посланника Ибрагима-паши, Хаджи-Юсуфа Гарин-Бека, Назрановским, Карабулакским и Галашевским обществам посылается поклон.

Уведомляю вас, что я с воззванием этим прибыл от Ибрагима-паши будучи у самого Шамиля в присутствии всего собрания старшин мусульманских от слова до слова торжественно читал оное. По желанию тех же старшин делаю воззвание это гласным в других частях здешнего края, дабы никто не мог отговориться незнанием его. Всякий может и должен читать его буквально и всякий волен выбрать одно из двух: повинование или непослушание».

«Но с этого года, как значится в отношении Чернышева к командующему войсками Кавказской линии, духовное начальство, ревнуя о распространении слова божия среди горцев, обратило взоры на ингушей, исповедующих магометанство или коснеющих в язычестве, и приступило к обращению их в православную веру. Однако, первые миссионеры не имели большого успеха, так как в каждой духовной особе горцы видели притеснителя».

Этому способствовало то, что «проповедь велась или на ломаном туземном наречии, или на русском языке, непонятном для сего народа». Священники же требовали строгого исполнения проповедуемой религии. Причиной принятия христианства со стороны ингушей были подарки, деньги, пособия хлебом. Принимали христианство «люди по большей части самые бедные и низкого сословия. Некоторые же крестились по нескольку раз». Военный министр, со своей стороны, полагал, что от такого рода обращения в христианство в дальнейшем надо воздержаться, так как это даст повод к возмущению, и предложил, чтоб духовенство не действовало мерами полицейскими, а примером соб-

ственной благочестивой жизни. Просьбу о разрешении обращенным в христианство возвратиться снова в мусульманство министр отклонил (дело № 2649, л. 5).

По докладу Чернышева по этому вопросу император в 1844 г. приказал «не преследовать новообращенных назрановцев в христианскую веру, если между ними заметно будет не точное соблюдение обрядов оной, и в дальнейшем приостановить действия наших – миссионеров к обращению назрановского народа в христианскую веру до особого на то разрешения, а также назрановцев, исповедовавших христианскую веру, водворять их сколько можно ближе к русским поселениям с тем, чтобы исподволь с оными слились, назрановцев-мусульман – несколько отдаленнее позади (дело № 2649).

Это делает понятным тот акт отчаяния, который, в сущности, представляет собой Назрановское возмущение 23–25 мая 1858 г. Толчком к восстанию послужила попытка пристава Назрановского и Карабулакского народов получить сведения о количестве жителей в Назрановском обществе, сведений, необходимых для решения вопроса об отводе земли и переселении их в большие аулы. Это было вызвано тем, что многие благоразумные люди, «как докладывал Евдокимов главнокомандующему Кавказской армией, «живущие своим трудом и дорожающие своей оседлостью, явились к начальству с просьбой указать место для новых поселений. Но далеко не все были так соглашательски настроены».

Депутаты от народа требовали от пристава, чтобы он давал разрешения выразившим желание переселиться в большие аулы. «Требования старшин, – пишет пристав, – становились час от часу все более дерзкими». «С наступлением вечера (23 мая), – продолжает пристав, – конные большими шайками начали разъезжать по окрестным аулам и при ружейных выстрелах вызывать народ с оружием на высоту против (назрановского) фронта. Стрельба по аулам и торжественные крики вполне выразили необузданность народа, готового на послушание, а может быть, даже на бунт. Брань не преданных правительству людей с высот, на которые они собрались, в продолжение 2-х часов слышна (была) на форштадте». Дабы не допустить «глупый народ к явному восстанию и вовремя подавить это волнение», пристав просил выслать в Назрань подкрепление.

На следующий день из Владикавказа прибыл с войсками полковник Зотов. Появление войск, свидетельствует Зотов, внесло успокоение. Старшины изъявили покорность, но «ночью фанатики и возмутители объехали все аулы, взяли с народа клятву явиться в воскресенье на

сборный народный курган, а старшинам воспретили ко мне явиться». И действительно, в воскресенье к Зотову являлись только лица офицерского звания, которых Зотов хотел было послать к народу, «чтоб иметь в толпе людей влиятельных и долженствующих говорить в нашу пользу», но толпа этих офицеров не приняла и даже угрожала убить. К полудню явилась к Зотову депутация из 6 человек, в числе которых было 4 главных руководителей движения.

Депутаты заявили, что народ не желает селиться большими аулами, что зачинщиков они не знают и не выдадут. Зотов поручил депутации предложить народу разойтись и, в качестве заложников, оставил у себя 4-х руководителей движения. «Едва депутаты, – докладывал Зотов, – присоединились к толпе, как народ начал медленно спускаться с горы, показывая вид, что расходится, и приблизившись к форштадту, вся эта масса в числе 4–5 тысяч (кроме назрановцев в сборе участвовало большое число кабардинцев, Галашевцев и жителей Терской долины) с гиком и выстрелами бросились бежать на форштадт. Войска открыли огонь по нападающим. Видя неудачу и находясь под страшным огнем стрелков и артиллерии, масса начала быстро редеть и разбегаться во все стороны».

На суде, учрежденном над главными виновниками движения выяснилась и достаточная подготовка, и организованность движения, и его высокая революционная напряженность. Инициаторами этого движения были – юнкер Чалдыр Арчаков, знаменосец Магомет Музуроев или мулла Бехоев. «Они, как гласит обвинительный акт, первые составили план общего возмущения и принимали особенно живое участие в составлении письма Шамилю от имени всего Назрановского общества с предложением принести ему присягу верности и отложиться от русского владычества». Из этого видно, что данное восстание не было случайным актом стихийного движения, а было результатом определенного политического протеста против угнетающего политического строя. Это политическое движение очень искусно было связано с религиозной борьбой и в глазах массы получило религиозную санкцию. К заговору привлечены были муллы Б. Ашиев и У. Мугаев, которые принимали участие в первых совещаниях и были авторами письменных предложений Шамилю. Ряд «первых» лиц общины: юнкера и старшины с охотой приложили свои печати к письму Шамилю и выразили готовность выдать ему аманатов. Шла очень живая агитация среди назрановских аулов в пользу всех этих мероприятий. Письмо к Шамилю возили по аулам, собирали печати, и лишь после этого оно было отправлено по назначению. Один старшина, Паша Ганижев, разъезжал несколько ночей по

аулам, возбуждал народ к восстанию, плакал о несчастье, в какое народ впадет с учреждением новых поселений, их вверяя, что «это клонится к обращению их в казаки и в православную веру».

В атмосфере большого народного возбуждения некий И. Ханакиев призывал к немедленному восстанию, «разъезжая по аулам с горящей головней». «Присоединившихся к шайке возмутителей, – констатирует обвинительный акт, – приводили к присяге на Коране» (Эдыльев и Арчаков). Ряд других участников, разъезжая по аулам, «развивал в народе идеи возмутителей» и побуждал народ к восстанию, предварительно установив контакт с близким к Шамилю наибом Сабдулой».

Важно подчеркнуть, что это революционное движение было делом верхушки назрановского общества. Впрочем, этот политический актив, ориентирующийся на Шамиля, был не особенно значителен. Пристав Федосеев констатирует, что главных виновников «тайного заговора» партии революционеров – немного, остальные же, как он характерно формулирует, «принадлежат к простому рабочему классу; это люди, которые по своим наклонностям не могут принадлежать к партиям».

Таким образом, муллы, старшины, зажиточный элемент сочетали фанатизм с патриотизмом. «Ничтожные» же люди, по терминологии пристава, оставались вне политических расчетов своих старшин и безразлично относились к смене владык. Наоборот, даже, в силу естественного антагонизма к своей знати, в силу жажды покоя, а также в силу надежд на материальные выгоды, «простой рабочий класс» тянулся к российскому владычеству. К этой среде принадлежали те, о которых говорил ген. Евдокимов, что, как только объявлено было о переселении в большие аулы, немедленно «многие благоразумные люди, живущие своим трудом, явились к начальству с просьбой указать место для новых поселений». С достаточным основанием ингушские бедняки могли оставаться равнодушными к идее патриотизма и «свободы» и к замене традиционных своих властей новой русской властью. Для руководящего элемента это было неприемлемо, и он хватался за помощь Шамиля, как за последний оплот своего положения.

В данном случае в миниатюре повторилось то, что было на Украине в XVII–XVIII вв., где старшина боролся с Московской властью, а демократия тянула к этой же самой Москве.

В силу всего этого, движение в Назрановском обществе не могло окончиться поражением 25 мая. Хотя назрановцы и выдали аманатов и часть общества, о которой шла выше речь, стала даже переселяться в большие аулы, но было ясно, что положение оставалось непрочным и напряженным.

Мало того, движение назрановцев несло возбуждение и в среду соседних «сомнительных», непокорных обществ.

Через три дня после подавления восстания пристав «нагорных народов» доносил начальству, что 28 мая «Галгаевское общество» делало общественный сбор, приглашало Кистинское и Джераховское общества, но сии последние не пошли на совещание галгаевцев. Суть сбора состояла в том, чтобы подать помощь назрановцам; (сверх того) огромная партия непокорных стоит недалеко от аула Цоринского».

В среде этих обществ наблюдалась та же картина социальной и политической раздвоенности, что и в Назрановском. Активную революционную роль играли общественные верхи, а «черный народ» держался пассивно и аполитично.

Так, «из Галашковских аулов, по свидетельству полк. Кауфмана, вышли в лес с имуществом и скотом только родственники старшин, а «черный народ» не выходил».

Актив движения, старшины и в Назрановском, и в других обществах, не сдавая позиции, усиленно искал поддержки Шамиля, который решил использовать это движение в своих общих политических планах борьбы с русским наступлением на Дагестан. Еще до своей гибели (29 мая) Сабдула послал в Галашковское и Назрановское общества семь человек «знатных людей» с объявлением о скором прибытии Шамиля и предложил выдать аманатов. И действительно, посланные возвратились 1-го июня с 2 представителями от этих обществ, которые и были отправлены к Шамилю.

Шамиль отпустил их обратно, пообещав поддержку и снабдив воззванием, призывавшим ингушский народ к всеобщему восстанию.

Воззвание Шамиля к назрановскому обществу и его старшинам (перевод с арабского):

— Я вышел с победоносным божиим войском, войском счастливым, чтоб подать вам помощь великую, когда услышал, что вы восстали против наших врагов, сынов идола. Я остановился с войском на Гиже в субботу, когда прислали вы ко мне с известием, что желаете отложиться от неверных и я ожидал вас в этот день. Мы надеемся, что высочайший бог поможет нам встретиться с радостью великой и он удалит от вас притеснения и несправедливости, которые вы перенесли от неверных. (Если богу угодно будет), то мы не возвратимся пока не проложим путь к Султану великому, а войско султана уже двинулось; следовательно и вам ничего не осталось, как только завернуть полы и приготовиться к бою. Обрадуйтесь же помощью великого султана и объявите всем, что уже все мы желаем подать вам помощь. Что же касается до вас, то не

обольщайтесь прикрасами врагов наших, не променяйте на них выгоды, какие вы будете иметь здесь, в противном случае вы горько будете раскисаться. Обо всем же остальном известят вас люди, несущие эти листки. 8 число Зуну Коади (8 июня 1858 г.). (Дело № 105, л. 136).

И действительно, Шамиль решил подать руку помощи назрановцам. Решено было произвести всеобщую мобилизацию и, пользуясь движением Назрановского и Галашкинского обществ, вторгнуться в М. Чечню.

С отрядом (около 8 тысяч) тавлинцев, к которым присоединились частично и осетины (9 тысяч), и кабардинцы, Шамиль из Дагестана двинулся на помощь назрановцам, «имея намерение против новых переселенцев».

Появление Шамиля в Ингушетии встречено было оппозиционной верхушкой с радостью. Галашевцы признали его власть, выдали аманатов и просили помощи против русских.

«Из старшин карабулакских и галашкинских, — меланхолично замечает русский доноситель, — за русскими остались только Цокиев, Велькиев и Керим, остальные с приходом неприятеля все у него».

Зажиточный элемент уходил в горы, только «черный народ» пассивно оставался на месте. Так же было и в Назрановском обществе. Низы остались верны русской власти и даже согласились, по предложению пристава, переселиться под укрепление и здесь искать себе защиты, боясь, очевидно, чтоб не оправдалась поговорка «когда паны дерутся, у холопов чубы летят».

Верхи же общества склонились на сторону Шамиля, выдали ему аманатов и отправили 15 депутатов: Шамиль обласкал депутатов, обещал поддержку и пожаловал предавшихся ему медалями.

В этом разделении назрановского общества и, как следствие этого, в слабой поддержке Шамиля и была причина его неудачи. У Шамиля не хватило припасов. «Назрановцы, — свидетельствует осведомитель русского командования, — ничего не дали», и Шамиль должен был отступить.

Правда, к тому же еще один его отряд под командой сына его Кази-Магомета потерпел поражение в незначительной стычке около аула Ачхоя (9 июня), оставив убитыми 50 человек. Незначительность поражения, а также спокойный отход Шамиля объясняется неудачными действиями русского командного состава.

Сам победитель Шамиля, полковник Алтухов, «чуть было, как свидетельствует его начальник, не проспал Шамиля», так как вообще «он (Алтухов) тяжел на подъем и стоял в беспечности». Вообще же, от-

кровенно признавались командующему, «мы все здесь действуем как подкупленные».

При отступлении Шамиля, часть назрановцев, главным образом, фамилия Темирхановых, даже преследовала и громила его арьергард, делая это «в порыве негодования и возмущения за позор, нанесенный появлением среди них партии» (Шамиля), как объясняет полковник Зотов.

С уходом Шамиля русские власти приняли энергичные меры к пресечению на будущее время подобных движений. Во-первых, сразу потребовали аманатов. Назрановцы немедленно их выдали. Более сурово отнеслись русские к «сомнительным» галашковцам. От них потребовали выдачи аманатов в течение 24 часов по одному от 10 дворов, пригрозив, «чтоб сопротивляющихся наказать, беспощадно истребив все их имущество и самое жилье до основания». Во-вторых, было принято решение о немедленном переселении в большие аулы, чтоб положить конец «беспорядкам и облегчить ближайшему начальству полицейский надзор за образом мысли и поведением (назрановцев)». В-третьих, велено было схватить главных «бунтовщиков» и предать военно-полевому суду. Постановление суда было подтверждено (20 июня) ком. войсками Бярятинским в таком виде: пять человек, признанных главными виновниками мятежа, были приговорены к повешению на том самом холме, на котором они собирали народный сбор, 33 человека было приговорено к наказанию шпицрутенами через 100 человек по 10 раз, с лишением их всех прав, состояния и к ссылке в Сибирь на каторжные работы; в рудники без срока 5 человек и на работу на заводах на 8 лет 28 человек.

Поручик Чириков, из уважения к прежним заслугам, был приговорен к каторжным работам в крепости на 12 лет, а прапорщик Шамба-тов, в виду 70-летнего возраста, в Сибирь на поселение.

Характерно отметить, что в то время, как над пойманными подсудимыми приговор был немедленно приведен в исполнение, часть скрывавшихся и явившихся после суда, была главнокомандующим совершенно прощена «в доказательство великодушия и особенной исключительной милости высшего начальства».

Одновременно с наказанием мятежников, русское начальство представляло к наградам 14 человек – милиционеров из конвоя назрановского пристава «за преданность правительству и отличие во время возмущения». Все это были лица, по характеристике пристава, «отцов, пользовавшихся званием старшин». Среди старшинской группы, следовательно, была раздвоенность, шла конкуренция в лояльности, в погоне за дарами сильных мира сего. Нельзя сказать, чтобы награ-

ды русской власти уравнивали измену свободе своего же класса. Лишь один получил чин прапорщика, несколько – звание юнкеров, а остальные – только серебряные и золотые медали.

Казалось, что в результате всех этих мероприятий, движение окончательно ликвидировано. Русское командование было уверено, что «назрановские умы успокоились». Но как раз та мера, которой думали навсегда искоренить возможность восстания, а именно: приказ о немедленном переселении в большие аулы – послужила стимулом к новому движению, к отпадению назрановцев от русских и новому приглашению Шамиля защищать их от мероприятия русской власти по упорядочиванию их быта.

26 июля Шамиль снова выступил, «убежденный, – как гласит русское донесение, – назрановцами, что если он покажется со своими войсками на плоскости, весь народ присоединится к нему».

И действительно, назрановцы немедленно выдали Шамилю 18 заложников. Галашковцы, карабулаковцы и галгаевцы последовали их примеру. Число войск Шамиля вместе с восставшими доходило до 13 тысяч. Но 30 июля главный отряд под личным командованием Шамиля был разбит у Аки-Юртовского ущелья (15 верст выше ук. Назрань) русскими войсками.

Шамиль потерпел значительное поражение и отступил в беспорядке. Причиной поражения, между прочим, была недостаточная помощь со стороны назрановцев, что вызвало гнев Шамиля, который прогнал с проклятиями назрановцев, явившихся к нему на следующий день.

Эта неудача Шамиля решила участь назрановцев. Их оппозиция была сломлена. Они выдали русским аманатов и согласились на все требования победителей.

Евдокимов в следующем году в своем обращении к назрановцам объявил те принципы, на которых должна быть построена их жизнь. Он писал: «Народ назрановский! До сих пор вы произвольно жили хуторами, разбросано, в малом числе дворов отдельно один от другого. Пользуясь этим разбросанным положением небольших аулов, малочисленностью жителей и безначалием в них (ибо каждый хотел быть старшим), некоторые неблагонамеренные люди давали у себя приют хищникам, производившим разные злодеяния ко вреду общему и вашему собственному, скрывали преступников, не слушались старшин, не повиновались началству и, наконец, от имени всего народа дважды призывали Шамиля с войсками, обещав ему помощь для войны против русских.

Внимая нелепым обещаниям тех же неблагонамеренных людей, многие из вас поколеблены в верности русскому правительству и на-

влекли позор на целое общество. Люди из вас благоразумные сами должны видеть, что прежний порядок вещей был вредный для вас самих и народного благосостояния.

Желая оградить вас на будущее время от тех гибельных последствий, которым вы могли бы подвергнуться, как доказывает пример прошлого лета, начальство признало необходимым все ваше общество соединить во многолюдные аулы, удалить от лесов, откуда без всякого опасения приходили в аулы неприятельские партии и где постоянно укрывались абреки и другие злонамеренные люди. Каждый аул наделить достаточным количеством хлебопахотных земель и других угодий, необходимых для хозяйства, по числу семейств в аулах. Избрать в каждом ауле по одному старшине из людей благонадежных, заслуживающих уважения и доверия в обществе. Все аулы обнести оградой единственно для безопасности от внезапного нападения хищников, для лучшего спокойствия жен, детей, имущества людей спокойных, трудолюбивых; личную повинность распределить таким образом, чтоб люди, имеющие коней, производили разъезды, содержали пикеты, выезжали в милицию, пешие — занимали караулы на границе и внутри аулов, а имеющие арбы, в случае их надобности, выезжали с подводами. Таким образом, со стороны начальства сделано все, чтоб водворить между вами порядок и упрочить ваше спокойствие. Остается только вам самим стараться поведением своим оправдать эти заботы и заслужить прежнее внимание к вам государя спокойной, трудолюбивой жизнью и повиновением поставленным от него властям. При этом объявляю, во-первых, земли, указанные обществу, будут составлять его собственность навсегда, если оно будет жить смирно, повиноваться начальству, иначе земли будут отняты; во-вторых, за злодеяние будет отвечать все общество; в-третьих, в каждом ауле должен быть избран старшина, если будет избран неблагонадежный, то он не будет утвержден; в-четвертых, взаимные распри будут разбираться в народном суде по народным обычаям, кроме обычая кровомщения... Русское начальство требует от вас мирной и спокойной жизни в трудах честных, безвредных и вам, и вашим соседям; частная и общественная собственность составляет необходимое имущество каждого.

Итак, перестаньте верить нелепостям изменников и знайте, что правительство, взыскав однажды с виновников, нарушавших порядок, не питает мести, не ищет увеличения числа преступников, но, забывая случайные преступления народа, желает вашего раскаяния и исправления. Займитесь устройством ваших аулов, обработкой ваших полей,

прекратите воровство и смертоубийство и все вы сами увидите свою безопасность и благосостояние».

Таким образом, русская власть получила полную возможность твердой рукой перевести ингушский народ на рельсы нового уклада жизни, свойственного капиталистическому обществу, и внедрять в него новые начала буржуазной морали: уважение к собственности, трудолюбию («к труду честному и безвредному»), заботу о материальном благосостоянии, спокойствии, повиновение начальству и пиетет к социальному иерархизму, вообще «благонамеренность и благоразумие», выражаясь языком тогдашней полицейской государственности.

ПИСЬМО ХАЛИДА ОШАЕВА ПИСАТЕЛЮ Х.-М. МУГУЕВУ

Уважаемый Хаджи-Мурат!

Вы пишете, что Вас не удивило моё письмо. В противоположность этому, Ваше письмо меня очень удивило. О Вас очень хорошо отзывался всегда Н.Ф. Гикало. Он же меня с Вами познакомил в здании Городского областного ВКП(б) в г. Владикавказе.

Было это, кажется, в 1921 году. После этого мы встречались ещё два раза. Вы, конечно, не помните меня. Но дело не в том; я знал Вас по Вашим книгам, в особенности по Вашей книге о рейде казачьего отряда в г. Багдад, проведенном по тылам турецкой армии в 1916 году, и по книге, описывающей возвращение Красной армии из Астрахани на Кавказ в 1920 году.

Видно, моё письмо сильно задело Вас. Это видно и по объему Вашего письма, оно раза в два больше моего. Вы говорите, что письмо сумбурное. Может быть. Оно написано мной за один присест, после прочтения Вашего романа «Буйный Терек». Может быть, у меня есть неточности при ссылке на исторические факты, потому что к написанию Вам своего письма специально не готовился, в архивы и в книги не лазил, более того, Вы искажаете мысли моего письма, приписывая мне то, что и во сне не приходило в голову. Я сожалею, что не оставил копию письма, чтобы доказать Вам, где Вы искажаете мои мысли. Все же я думал, что как писатель писателю, я могу написать Вам, я могу написать Вам откровенно то, что о Вашей книге думаю. Я никак не предполагал, что оно Вас в какой-то степени обидит. В Вашем письме чувствуется плохо скрытое раздражение. Для защиты положений своей книги, Вы с первых же строк прибегаете к легко бросаемому клейкому ярлыку-обвинению в национализме. Вы пишете: «Я знал, что вопросы о Шамиле, мюридизме, завоевании Кавказа и личности генерала Ермолова еще не полностью освещены в нашей исторической литературе, но знал так же и то, что живучи кое в ком ещё националистические взгляды. И вот Ваше письмо, сумбурное, со ссылками на историю, на прошлое Кавказа, на недавнее выселение чеченцев и ингушей. Зачем оно написано? Оказывается, Вы считаете, что моя книга оправдывает выселение?» (Так пишете Вы). Да, Ваша книга, чрезмерная апология Ермолова, оправдывает это выселение. В конце Вашего письма Вы это доказываете непрерывно.

Остановимся на истории памятника Ермолова. Ещё с ермоловских времен здесь сохраняется землянка, в которой генерал жил. 25 августа 1909 года в ознаменование 50-летия пленения Шамиля в Грозном были устроены шумные юбилейные торжества.

Хорошо помню этот день, так как 1 августа был принят в первый класс Грозненского реального училища.

В этот день за упомянутой землянкой генералу открыли памятник-бюст. Установили его на высоком пьедестале песчаника. Вход в землянку украшала чугунная плита с надписью о том, что здесь жил и работал генерал Ермолов. Никаких других чугунных плит не было. В 1918 году, во время Стодневных боев, щеки бюста были пробиты случайно 3–4 пулями пулеметной очереди. В 1922 году, когда Грозный совсем не входил в состав Чеченской Автономной области, по решению Грозненского горсовета, в соответствии с декретом В.И. Ленина о сношении памятников царям и их слугам, если они не имеют самостоятельного художественного значения, памятник был снесен (пьедестал ещё стоял). Имейте в виду, сделано это без всякого участия чеченцев. А рядовые чеченцы знали о самом памятнике не более, чем о планете Марс.

Дальше, в 1924–1930 годах я работал заведующим Областным отделом народного образования. Город Грозный тогда (до 1928 г.) еще не входил в состав Чеченской Автономной области. В 1926 году я узнал, что голова памятника генералу Ермолову валяется в сарае коммунального хозяйства. Я послал директора музея в коммунальный двор выпросить голову, чтобы его хранить там, где ей надлежит храниться. Голова Ермолова была выставлена в музее, как мне известно, еще в 1949 году. В этом году в отношении спецпереселенцев – горцев Берия туго завинтил гайки. От каждого переселенца-мужчины и женщины, начиная с 16-летнего возраста, взята подписка о невыезде из района комендантского участка, где спецпереселенец проживал. То есть, мы закреплялись собственно в резервациях, подобно индейским или южноафриканским. В подписке было указано, что в случае самовольной перемены места жительства переселенцу грозит заключение сроком до 25 лет. Вот в этом-то 1949 году в Грозном восстановили памятник. Изготовили бюст по готовому шаблону, хранившейся в бывшем чеченском музее голове. На парапете, ограждающем дворик, где стоит памятник, в специальных нишах были укреплены три чугунные плиты с рельефными записями о Ермолове. Одно изречение принадлежит самому Ермолову: «Никогда неразлучно со мной чувство, что я россиянин». Вторая надпись-высказывание А.С. Грибоедова о государственной мудрости А.П. Ермолова.

Третья плита, насколько мне известно, вскоре после кончины Сталина была убрана, но ниша остается и сейчас. Надпись на этой плите гласила: «Народа сего под солнцем нет подлее и коварней. Ермолов о чеченцах».

Теперь я задам Вам вопрос, как писатель местному писателю. Не кажется ли Вам, что Ваша апологетика генерала Ермолова и восстановление снесенного в соответствии с декретом В.И. Ленина памятника играют одну и ту же роль оправдания выселения горцев?

Дальше Вы пишете: «Да, я писал с твердой убежденностью, что Россия должна была двигаться в своем государственном развитии на Кавказ так же, как и к морям: Черному, Балтийскому и Тихому океану. Не может стоять человек на одной ноге, тем более огромное государство – Россия, она должна была выйти в своем категорическом, военном и национальном развитии к морским путям».

Вы совершенно правы, что Россия должна была «двигаться вперед, в своем государственном развитии на Кавказ и к морям».

Но извините, товарищ Хаджи-Мурат, в момент, когда началась Кавказская война, Россия не стояла на одной ноге, её границы простирались от Польши до Тихого океана и от Белого моря до Крыма, и даже до границы Персии и Турции.

Если Вы считаете политику геноцида в отношении малых народов, агрессивные захваты законными и морально оправданными, то прошу меня извинить, от этой политики густо пахнет гитлеровской идеологией, ведь немецкие фашисты тоже говорили, что они воюют за жизненное пространство. Для кого? «Для нашей немецко-арийской расы». При этом великий русский народ с его величайшей культурой гитлеровцы ставили не выше, чем дорогой Вашему сердцу и столь уважаемый Вами Ермолов ставил горцев. Значит с равным основанием можно оправдать и считать в морально-правовом отношении законными и английские колониальные захваты земель в Индии, в Африке, оправдать почти полное уничтожение англичанами многочисленных племен в Северной Америке? Англичане тоже могут сказать, что они «стояли на одной ноге» на своем острове.

Продолжим цитату дальше: «Это сделал Петр Великий. Об этом писали Пушкин, Лермонтов и лучшие умы России. И так, Россия закономерно двигалась на Кавказ, закономерно было и сопротивление горцев этому движению. Вы закричите: «Это агрессия!». Но поймите, ни Петр Великий, ни Суворов, ни Кутузов, ни Ермолов не были коммунистами и жили очень далеко во времени от наших дней».

Что за странная концепция. Причем тут то, что ни Петр Великий, ни Суворов, ни Кутузов, ни Ермолов не были коммунистами?!

Ни Чингисхан, ни Тамерлан – тоже не были коммунистами. Значит, если следовать Вашей концепции, им тоже можно было захватить Русь.

Но тут Вы делаете горцам реверанс, сказав, что сопротивление горцев было закономерным. Собственно не реверанс, а клиренс.

Может Вы путаете закономерности захвата с закономерностями продвижения России на Кавказ?

Чечено-Ингушская народность была самой крупной из всех народностей Северо-Восточного Кавказа, не исключая винегрет племен Дагестана. И, конечно, ни одно из всех племен и народностей Северного Кавказа не имело никаких перспектив для самостоятельного государственного существования. Рано или поздно чеченцы и другие горцы, даже если не было бы никакой Кавказской войны, должны были бы войти в Россию. Я не такой дурак, чтобы не понять этого. Вы же, товарищ Хаджи-Мурат, такую контрабандную концепцию стараетесь мне пришить, хотя ни в одной строчке своего письма я даже намеком не проводил мысли о не прогрессивности включения Чечни и Дагестана и др. горцев в состав России. Включение Чечни и Дагестана и др. народов в состав России было неизбежным. Не важно, делалось это руками Ермолова или другого генерала. Но Ермолов делал это варварски. И прямым следствием его политики являлось то, что Кавказская война продлилась после его отстранения от командования Кавказским корпусом еще на 33 года.

Завоевание Кавказа велось в интересах военно-крепостнического государства. Оно так же было в интересах российского капитализма.

Однако, вхождение в состав России было в большей степени необходимостью для самих горцев: они не могли уже жить без железа, без промышленных товаров. Дальше Вы пишете: «Я глубоко убежден в том, что это было и есть (несмотря на обильную кровь, пролитую сто лет назад обеими сторонами) дело прогрессивное, оправданное дальнейшим ходом истории. Вы воздеваете к небу руки, но я повторяю – глубоко прогрессивным».

А разве в своем письме я говорю иное? Если Вы считаете, что я возвожу руки к небу, почему же Вы не приводите выдержки из письма в доказательство этого?

Безосновательное приписывание мне таких мыслей по меньшей мере недобросовестно и недостойно советского писателя и коммуниста. Говоря о притязании Турции и Персии на Кавказскую территорию, Вы продолжаете: «Вам ни разу не пришла в голову мысль, что было бы

с Закавказьем и горами, если б Россия не пришла туда в конце XVIII-го и начале XIX веков?

Какая «культура», какая «свободная жизнь», какое «процветание» было б в Грузии, Чечне, Армении, Осетии, Азербайджане? Я могу Вам сказать, что случись это, Вы бы не были советским интеллигентом, чеченским просвещенным деятелем...».

Интересно знать, для чего Вы это пишете? Для чего ломитесь в открытую дверь? Или Вы хотите совершенно безосновательно набросить на меня туркофильство? Но это же недостойно советского писателя и коммуниста! Вы, может быть, скажете: «Нет, Вам я не приписываю туркофильство».

В таком случае как понять вашу фразу: «Никакой политической и национальной свободы мы не имели бы, находясь под пятой Ирана или Турции».

Из истории известно, что шахский Иран и султанская Турция попеременно хозяйничали в Грузии, Армении и Азербайджане. Но сюда, на Северный Кавказ, руки персов и турок не доходили, если не считать время от времени посылаемых эмиссаров. Предположим на минутку, что Шамилю путем политических переговоров удалось бы отстоять самостоятельность своего имамата. Что получилось бы вскоре от подобного государственного образования?

Имамат превратился бы в деспотию типа Омана или Маската. Неужели Вы думаете, что я так глуп, чтобы не понимать этого?

Пойдем дальше: «Вы обрушились на генерала Ермолова, который является одной из центральных фигур в моем романе. Вы не находите слов, чтобы облить презрением и оскорблением этого достойного уважения генерала. Удивительная вещь, как Вы ненавидите генерала Ермолова, подчеркивая его кровожадность, уничтожение аулов и тех, кто их защищал. Но Вы забываете, что генерал был Проконсулом Кавказа, главнокомандующим Кавказским корпусом, генералом, которому были поручены, как безопасность границ, так и охрана губерний, вошедших в состав России. Вы не хотите понять, что Ермолов был сподвижником Суворова и Кутузова, близким другом декабристов, Пушкина, спас Грибоедова, помог сосланным на Кавказ офицерам и солдатам Черниговского и Морского полков».

В.И. Ленин в своем замечательном труде «О национальной гордости великороссов» говорит, что великороссам не чуждо чувство национальной гордости. Не чуждо оно и самому Ленину. Таким образом, чувство национальной гордости с партийной точки зрения вполне законное. Беда только в том, что это законное чувство у малой национальности равняют

с национализмом. Национальная гордость, понимая в ленинском смысле, нисколько не противоречит интернационализму.

Я тоже люблю свой народ. Люблю за то, что в течение 43 лет, если считать начало Кавказской войны с 1816 года (с года приезда Ермолова) защищал независимость вместе с братскими народами Дагестана. Мой прадед Алхаст погиб в XVIII веке при первой защите аула Чахкари.

Внук его, Оша, по имени которого я ношу фамилию Ошаев, погиб при защите того же аула Чахкари в 1840 году. Село было сожжено дотла. Это известная экспедиция генерала Галафеева с участием Лермонтова.

Дед мой, Истамул, семилетним мальчиком, вместе с девятилетней сестрой, был увезен в плен в Петербург, а вернулся через девятнадцать лет в звании прапорщика русской армии. В Кавказской войне чеченцы (если судить по высказываниям историка А.П. Берже) потеряли половину жителей, считая убитых, умерших с голоду, но рабски шею не согнули. Могу ли я не гордиться своим свободолюбивым народом?

Великий русский демократ Чернышевский, услышав о пленении Шамиля, об окончании долгой Кавказской войны воскликнул: (цитирую по памяти) «Слава Богу, что закончилась эта Кавказская язва и России не нужно посылать ежегодно на Кавказ 25 000 русских солдат».

Что-то Вы совсем не упомянули о полмиллионе легших за эти годы в горах Чечни и Дагестана. Во имя чего?

Во имя кровопролитного, насильственного присоединения горцев, вот во имя чего гибли тысячи людей в этой войне с той и другой стороны. Гибли во имя Молоха – царизма и военно-крепостнического государства. Гибли, когда со всех сторон окруженные русскими владениями территории горцев можно было завоевать простым способом: ситцем, подковами, косами, плугами, гвоздями, рублем, просвещением. У этого Молоха был жрец – генерал Ермолов. Разве мог он считаться с «дикарями», «хищниками», «разбойниками», иначе говоря, чеченцами и дагестанцами. Вы, конечно, знаете, кто был академик Покровский. Это единственный большевик в составе всей Академии Наук в царские времена, одно из его изданий русской истории вышло с предисловием В.И. Ленина. Во время культа личности историк М.Н. Покровский в своем труде «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» в главе о завоевании Кавказа непосредственно связал вопрос длительной войны горцев Кавказа с Россией с именем Ермолова. Он считал, что эта война – прямой результат жестокой, карательной политики Ермолова за период 1816–1826 гг., когда он командовал Кавказским корпусом.

М.Н. Покровский считал, что взрыв религиозного мюридизма, сплотившего разноплеменных горцев, был так же следствием жестокой по-

литики Ермолова. Виновником того, что война приняла столь затяжной характер (бесчеловечный характер) М.Н. Покровский считал Ермолова. Вы несколько раз подчеркиваете особые дружеские отношения, якобы существовавшие между поэтом и генералом (Пушкин и Ермолов).

Я о таких, выходящих за круг обычного знакомства между дворянами, отношениях между Пушкиным и Ермоловым не знаю. Знаю только не очень лестную характеристику о двуличии Ермолова, данную Пушкиным на первой странице своего произведения «Путешествие в Эрзрум».

Ваши частые ссылки на дружбу Пушкина, Грибоедова, Лермонтова с Ермоловым я расцениваю как попытку подпереть репутацию Вашего героя авторитетами этих писателей. Такой ли великий авторитет был для Пушкина Ермолов, когда он писал: «... черкесы вас ненавидят, вы вытесняли их из привольных пастбищ, аулы разорены, целые племена уничтожены»?

Вы, Хаджи-Мурат, несравненно лучше меня знаете великих патриотов России. Знаете и обстоятельных друзей Пушкина Раевских. Генерал Николай Иванович Раевский-младший долгое время служил на Кавказе при наместнике графе Паскевиче – Эриванском. Вот его отзыв о характере Кавказской войны: «Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами». Говоря так, Раевский-младший имеет в виду испанских завоевателей Писсаро и Кортеса, в пух разграбивших народы инков и ацтеков.

Чем лучше для горцев генерал Ермолов в сравнении с этими завоевателями? Ничем! Та же ненужная жестокость, тот же грабеж домов, скота, сжигание посевов, убийство, пленение захваченных врасплох людей, что и у Писсаро и Кортеса. Здесь только не было золота, как у инков и ацтеков. А на счет «спасения» Ермоловым Грибоедова лучше помолчали бы. Вы не говорите, что когда бенкендорфовские молодчики приехали в крепость Грозную, чтобы забрать Грибоедова, последний жил в доме Ермолова... А то, что Ермолов помогал сосланным на Кавказ офицерам и солдатам полков, участвовавших в движении декабристов, мягко говоря, не соответствует действительности. Как мог генерал помочь солдатам и офицерам, имевшим отношение к событиям 14 декабря 1825 года, когда очень скоро, а именно в 1826 году Ермолов был уволен с поста «Проконсула Кавказа и командующего кавказским корпусом»?

Слава Ермолова, как друга декабристов и либерала идет с тех пор, как он сказал царю Александру I фразу, ставшую в последствии крылатой. Известно, что еще с екатерининских времен и раньше при дворе сильную позицию занимала так называемая «немецкая партия».

Ермолов был известен как представитель русской партии. Как-то Александр I (было это, кажется, в 1815 году в Париже) спросил Ермолова какую он хочет получить награду за какое-то дело, Ермолов будто-бы ответил: «Ваше Величество, произведите меня в немцы». Эта фраза обошла все круги дворянского общества и создала ему славу бесстрашного человека. На деле это было простое фрондерство генерала, недовольного своим положением.

Теперь приведу Вам ряд высказываний генерала. Они, вероятно, Вам хорошо известны. Это письма графу Закревскому, опубликованные в Махачкале в 1926 году в «Сборнике материалов для описаний местностей Кавказа и племен».

Моздок 05.03.1820 г. «Чеченцы, мои любезные, в претяжелом положении. Большая часть живет в лесах с семействами. В зимнее время болезнь, вселяясь подобно желтой лихорадке, производит опустошения. От недостатка корма по отнятии полей, скот падает в большом количестве. Теперь наряжается отряд для прорубления дорог по земле чеченской, которые мало по малу доводят нас до последних убежищ злодеев...».

Моздок 03.10.1820 г. «Приказал я сделать экспедицию за Сунжу против чеченцев. Я не отступлю от принятой мной системы стеснять злодеев всеми способами. Главнейший – есть голод и поэтому добиваюсь иметь путь к долинам, где они могут обрабатывать землю и спасать стада свои. До сель дерусь для того, чтобы иметь пути к ним, потом будут являться войска...».

05.12.1820 г. «Кабардинцы несносными шалостями вызывают на бой и я должен терпеть, ибо занят гораздо опаснейшими злодеями – чеченцами. Когда пьют кровь змеи, тогда жало комара не так чувствительно. Так я разумею кабардинцев. Поэтому смотрю с большим равнодушием на их разбой».

Конечно, дело не в том, как Ермолов честит противников на войне. Дело в том, как велось покорение народа, отчаянно защищавшего свою независимость и свою свободу.

Надо сказать, что еще в 1828 году старейшины 105-ти чеченских аулов во главе с Бейбулатом Таймиевым добровольно признали российское подданство. Методы покорения, предпринятые Ермоловым, типа Сесиля Родса и др. в отношении африканских негров.

Политика отнятия земель под казачьи станицы и крепости, реальная угроза попасть в холопское сословие заставило чеченцев, вовсе не знавших ни феодальных порядков, ни развитого рабовладельческого строя, взяться за оружие и защищать свою независимость.

И то, что покорение Дагестана и Чечни продолжилось ещё 33 года,

было прямым следствием жестокой политики «Проконсула». Вместо того, чтобы привлечь население Чечни и Дагестана обширными хозяйственными мерами и связями, он стал покорять огнём, штыком, пулей, веревкой, голодом.

Если Вы считаете, что политику геноцида, примененную Ермоловым в своей военной и политической практике, правильной и основанной на здравом смысле, как Вы говорите, тут дальше ехать некуда.

Недаром Ленин говорил, что самый отвратительный тип великодержавного шовиниста – это шовинист из нерусских.

Вы говорите, что я готов свалить памятник Ермолову, стоявший в городе Грозном! История – есть история. Никакими ухищрениями, никакими усилиями нельзя уничтожить или умолчать историческую правду о том, что Ермолов в годы с 1816 по 1826 был «Проконсулом Кавказа». Что он основал крепость Грозную. Но я писал Вам и пишу, что, по моему глубочайшему убеждению, памятнику этому здесь не место. У одних он вызывает отрыжку националистических чувств, у других – великодержавно-шовинистические настроения. Если это так, то почему же не восстановить в Средней Азии памятники и названия городов: генералу Скобелеву и Петровскому? И вовсе я это говорю не из-за того, что Ермолов уничтожил Дады-Юрт, как Вы уверяете. Он уничтожил десятки таких Дады-Юртов. При всем желании теперь их через 140 лет не восстановить. Выше я писал, что голову-бюст первоначально, стоявшего с царских времен памятника, по моему приказу директор музея перенес из коммунхоза и выставил в экспозиции.

Зачем мне это делать, если я имел какие-то счёты с Ермоловым? Может скажете, что это дело с «бородой». Тогда Вам расскажу о другом: в 1956 году, в бытность мою заместителем директора Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, под моей редакцией в историческом сборнике были опубликованы статьи Шабаньянца о чеченском художнике П. Захарове.

В этом сборнике помещен прекрасный портрет Ермолова, писанный пленником Ермолова, чеченцем-художником, академиком Захаровым.

Зачем бы мне опубликовать статью и помещать портрет Ермолова, если я готов свалить памятник. И при том, памятники сваливают не отдельные люди, а время. Да, Вы правы, я близорук. К тому же, я не вижу дальше своего носа. Добрый кусок моего горского носа остался по милости Берия и Ежова на Колыме.

И хоть я близорукий и дальше своего носа не вижу, всё-таки думается мне другое: я вижу дальше Вас. Почему-то Вы в своем письме ни разу не упомянули основоположников марксизма. А ведь они были

современниками кавказской войны, живо интересовались тем, что делалось в царской России и на Кавказе. Маркс говорил о безусловно прогрессивной и цивилизующей роли на Востоке и на Кавказе.

Основоположники были за вхождение народов в состав России. Но в это же время Маркс и Энгельс осуждали захватническую войну, которую вела царская Россия в Дагестане и Чечне. Осуждали и жестокие методы её ведения. Они сочувствовали горцам не только как малым народностям, изнывающим в борьбе с противником, а главным образом за то, что борьба горцев расшатывала устои николаевского военно-феодалного государства.

Вот этого – главного в борьбе горцев, Вы не заметили или не желаете замечать. Может быть, Вы считаете, что это расшатывание николаевского военно-феодалного государства было «бурей в стакане воды»? Тогда я Вам приведу свидетельства, конечно, небезызвестного Вам писателя Ростислава Фадеева, непосредственного участника боев в Чечне, сына виднейшего царского сановника и деятеля Андрея Фадеева, прослужившего в управлении наместничества в Тифлисе 20 лет, родственника (дяди) С. Ю. Витте. Трудно заподозрить крепостника – помещика Р.А. Фадеева в особой симпатии к чеченцам и дагестанцам, в войне с которыми он участвовал. В его труде «50-лет Кавказской войне» для чеченцев нет других эпитетов кроме как «хищники», «разбойники», «хищная порода».

Вот что он говорит в своей книге: «Истекшая война (Крымская – Х. О.) привела в явственность положение русской силы на Кавказе, как и многие другие вещи в империи. После подобного примера нельзя уже считать кавказскую борьбу делом местным, влияние которого распространяется на один угол русских владений. На деле оказалось, что борьба эта отнимала у государства половину действующей силы, которой оно могло располагать для внешней войны.

Из 270 тысяч войск, неподвижно прикованных к Кавказу с 1856 года, оборона Кавказа от внешних врагов (считаю тут и все гарнизоны пограничных крепостей) занимала едва ли 70 тысяч человек, остальные двести тысяч представляли бесплодную жертву, приносимую государством мюридизму (т. е. Чечне и Дагестану). При высокой стоимости войск на Кавказе, эти двести тысяч равнялись для материальных средств государства, по крайней мере, 300 тысячам в России, т. е. почти всей массе наших действующих гвардейского, резервного, кавалерийского 6-ти армейских корпусов. При этом 200 тысяч кавказских солдат и казаков были ополчением или запасными батальонами, в случае нуж-

ды можно было набрать сколько угодно тех, которые могут служить только для внутренней обороны края, это тот элемент, которого не доставало нам в крымской войне, в которой у союзников состоял в 220-ти тысячах алжирских солдат, решивших все дело. Вот в чем главное в борьбе горцев Чечни и Дагестана. Она расшатывала, как и сама Крымская война, устои феодально-крепостнического государства России».

Это значение борьбы горцев Вы не замечаете и сознательно скидываете со счетов. Соединение горцев с Россией было неизбежно. Но Вам совсем неважно, что в результате ермоловской политики погибла почти половина населения Чечни.

Дальше Вы продолжаете: «Для меня Ермолов – герой, прогрессивный генерал начала XIX века, умница и государственный человек, друг Суворова и Кутузова, ненавидимый Николаем генерал (что Вы не допускаете). Вы задаете мне не то наивный, не то лукавый вопрос: «А почему же Ермолов, подобно Пестелю, не поднял восстание против Николая I?». «Во-первых, Пестель не поднимал восстания. Во-вторых, Ермолов, как это указано в моем романе, не мог идти на Петербург с 50-тысячным Кавказским корпусом, хотя бы потому, что декабристское восстание было уже подавлено, а русский генерал и патриот не оголил бы границ с Персией и Турцией».

Был ли Ермолов близким другом Суворова и Кутузова – ещё вопрос. По крайней мере, после Бородинского сражения этой дружбы не было видно. Ермолов выступил с предложением продолжать Бородинский бой.

В отношении того, насколько «умный и государственный человек» был Ермолов, лучше показал академик Покровский в своем труде «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии». С жесткой карательной политикой Ермолова он связывает взрыв мюридизма горцев на Кавказе.

М.Н. Покровский считал Ермолова первым виновником мюридического сплочения разноязычных племен Кавказа. Своими «умными» методами ведения войны Ермолов поднял весь Дагестан и Чечню и война продолжалась после него ещё 33 года, и велась с таким ожесточением, что Ермолову и не снилось.

Почему же Николай I ненавидел Ермолова? По очень простой причине, о которой Вы молчите. Декабристы, в случае победы, метили Ермолова на должность военного министра, генерал заигрывал с декабристами. Но палец о палец не ударил, чтобы они победили. Вопрос: почему Ермолов, если он был столь близким к декабристам, не повел войска против Николая I, у меня не праздный, не наивный, не лукавый.

Но, прежде, два слова о Пестеле. Пестель был душою Южного общества декабристов, и совсем не важно, если Черниговский полк на Петербург повел не он лично.

Теперь о «50-ти тысячном Кавказском корпусе». Вы немножко допускаете фальшь. Кавказский корпус при Ермолове состоял не из 50-ти тысяч солдат и офицеров, а из 140 тысяч. Из них 50 тысяч стояло на границах Персии и Турции, остальные стояли на Северном Кавказе, на правом и левом флангах Кавказской линии.

Кавказский хребет со всех сторон окружали границы России. Ни дагестанцы, ни чеченцы, ни черкесы никуда бы не сбежали, почему же он, полновластный генерал, не мог возглавить 70–80 тысячное войско и повести на Петербург?

Я не военный человек, но Ваш аргумент о том, что увод этих войск с границ Чечни и Дагестана грозил бы безопасности границ с Персией и Турцией, мне кажется пустым и необоснованным. Ведь от Чечни и Дагестана до этих границ 500–600 верст. А довод о том, что на Петербург идти «невозможно, хотя бы потому, что декабристское восстание было подавлено», мне напоминает анекдотический случай: до войны в Берлине (Бранденбурге) в воскресенье должна была состояться массовая рабочая манифестация, но она не состоялась, так как приехавшие поездом рабочие-манифестанты не смогли сдать свои использованные железнодорожные билеты, так как билетера, отбиравшего их, у ворот не оказалось.

Если бы Ермолов во главе вверенного ему 70–80 тысячного войска пошел на Петербург, был бы совсем другой коленкор. Но Ермолов сделал другое: как только приехал к нему флигель-адъютант с предложением присягнуть Николаю I, он это сделал немедленно.

Дальше Вы пишете: «Теперь о его действиях на Кавказе. Да, он был беспощаден и жесток к горцам... но разве Вы не понимаете, что Ермолов не мог быть иным, оберегая границы своего государства. Возьмите в руки документы истории и Вы убедитесь, что еще задолго до прихода Ермолова на Кавказ, шейх Мансур будоражил Кавказ, а кто он, что он, Вы сами знаете: огнём и кровью прошел он по селам и аулам. Где же вина Ермолова? Горцы до него жили мирно с русскими, — пишете Вы, — а Мансур, а Бейбулат?».

Но почему Ермолову не быть иным, если он «умный» человек, как Вы говорите? Ведь Александр I в своем рескрипте, направляя Ермолова, дал ему наказ: вести войну как можно более бескровными средствами. К сожалению, я не могу привести выдержки из актов кавказской археологической комиссии.

Но документ 1814 года, написанный генералом Ртищевым, генерал-майором Дельпоццо начальнику кавказской линии, свидетельствует о взглядах Александра на необходимые методы ведения войны.

Написан этот документ за два года до назначения Ермолова на Кавказ. «Высочайшая воля есть, чтобы ни под какими предлогами не раздражать их. К себе ласковым с ними обхождением и удовлетворением по возможности нужд, требований привлекать, но надеюсь, что командованием Вами войсками на линии не будет подано никаких причин для их неудовлетворения!».

А вот выписка из рапортов Ермолова Александра I: «Я сделал марш в горы Дагестана, пользуясь общим ужасом и бегством, местами почти не проходимыми... истребил несколько деревень, весь урожай на полях и ни одного на пути не встретил человека».

Вот что писал Ермолов хану Первинскому в 1819 году: «...с другой стороны Дагестана пошел генерал-майор Пестель со своим храбрым отрядом в город Башли, откуда изгнал всех изменников и совершенно истребил гнездо разбойничье. Конница взяла несколько пленных, отбила обозы и множество скота... Приказано было истребить селения и, между прочим, разорен прекраснейший городок до 800 домов Уллу-Айя называемый. Отсюда с такой поспешностью бежали жители, что оставили несколько грудных ребят. Разорение нужно было как памятник наказания гордого и никому доселе не покорствовавшего народа».

А вот рапорт Ермолова Александру I, написанный 30 мая 1818 года: «В нынешнем году, если чеченцы, час от часу наглеющие, не воспрепятствуют устроить одно укрепление на Сунже (имеется ввиду крепость Грозная) в месте для нас опаснейшем, если возможно будет успеть учредить два укрепления, то в будущем 1819 году приведу их к Вашему подданству, тогда живущим между Терекон и Сунжой злодеям предложу я правила для жизни и некоторые повинности, кои дотолкуют им, что они подданные Вашего Императорского величества. Если по настоящему будут повиноваться, назначу по числу их нужное количество земли, разделив остальную часть между казаками кароногайцами, если нет – предложу им удалиться и присоединиться к прочим разбойникам, от которых сами не отличаются, и в том случае все земли останутся в распоряжении нашем».

Не кажется ли вам, что «умный государственный человек» подходит к государственному делу как разбойник? Ермолов был больше царист, чем сам царь. Почему иными могли быть, например: Паскевич, Барятинский?

Имя «Паскоч» чеченцы дают мальчикам даже в наше время, совсем забыв, что это фамилия наместника Кавказа графа Паскевича.

Генерал Слепцов был грозным противником чеченцев в бою, но он обращался с пленными чеченцами, как с достойными солдатами противника. Убили его, кажется, в 1852 году в Гехинском лесу в рукопашном бою с чеченцами. Шашка генерала была в крови. При любви и даже жадности к оружию, чеченцы уложили шашку рядом с убитым Слепцовым и поверх трупа положили большую кучу веток, чтобы звери не осквернили тело человека.

Имя «Сипсо» из уважения к этому человеку-храбрецу чеченцы и ингуши дают даже в наше время. Давали так же имя «Баккалу» в честь храбрейшего генерала Бакланова. А имена «Ермол», «Аргут» (Аргутинский-Долгорукий) давали не людям.

Перейдем теперь к концу Вашего письма: «А кто он и что он Вы сами знаете», – говорите Вы мне о шейхе Мансуре. Да, я знаю кто он и что он. А вот Вы о нем судите, видно, по реакционным историческим трудам генералов Попко, Потто, Дубровина и пр. Вы предлагаете мне взять в руки документы о шейхе Мансуре. Но лучше Вы возьмите данные о нем из книги коммуниста, академика Покровского. Возьмите еще протоколы допроса Мансура в Петербурге, который вел следователь отделения Шешковский. И Вы увидите, что это вовсе не шейх и не духовное лицо, а простой пастух из чеченского села Алды, родом из Элистанжи.

Знал он только две молитвы, требующиеся для обычного совершения намаза (вроде «верую» и «отче наш»).

Мансур – прозвище, данное ему после начала движения. Настоящее его имя – Ушурма. Вы увидите, что это единственный из кавказских горцев, сидевший в «царской тюрьме» в Шлиссельбурге и кончивший там свою жизнь. Вы к этой личности относитесь с высокомерным презрением, как относился бы к нему царский генерал-крепостник. Последнее пятнадцатилетие перед началом движения Мансура в Чечне характеризовалось тем, что чеченцы турнули со своей территории кумыцких, кабардинских, дагестанских князей, беков, ханов, занявших плоскостную территорию Чечни в период господства в Предкавказье монголо-татар, пытавшихся закабалить чеченцев и превратить их в холопы сословие.

К числу наиболее видных князей относились: Бековичи-Черкасские, Хасбулатовы, Турловы, Айдамировы, Чураевы, Таймазовы, Эльдаровы и др. Произошло изгнание и национальных феодалов еще в 1757–1769 гг. Но феодалы не прекратили своих поползновений на господство над «ничьими» чеченцами. С воцарением Екатерины в 1765 году князья возвратились в свои прежние аулы, деятельно помогли национальным князьям в этом русские генералы Демедом и Кизлярский

комендант Фрауендорф. Платить дань и вообще признавать феодальные права князей чеченцы отказались. К Вашему сведению, всем этим князьям, смотря по должности «птицы», шло ежегодное жалование в червонцах из российской казны. На почве попыток насильственного взыскания у крестьян-чеченцев этими князьями податей возникали конфликты и возмущения. Такова была обстановка в плоскостной Чечне к началу движения Мансура в 1785 году.

Летом этого года в селе Алды, где с братьями жил Ушурма-Мансур, была предпринята военная экспедиция. Большой отряд царских войск под командованием полковника Де-Пиери перешел Сунжу в районе нынешнего города Грозного и напал на Алды. Цель нападения – экзекуция населения. Аул в своей северной части был заполнен, жители под руководством Ушурмы и его братьев ушли в ближайший лес и открыли огонь. В результате дружного действия жителей Де-Пиери был наголову разбит и только небольшие остатки арьергарда, находившиеся у берегов Сунжи, сумели перейти реку обратно. Убит был и командир отряда Де-Пиери.

Вы говорите, что Мансур будоражил Кавказ, а началось его движение после нападения Де-Пиери.

«Огнем и кровью по станицам и аулам» он не прошелся. По простой причине – на правой стороне реки Терека станиц не было, а на левой были станицы Червленая, Курдюковская, Старогладовская, Щедринская, на которые он не нападал вовсе. Видно Вы это говорите для нагнетания версий о «кровожадном» пастухе Ушурме-Мансуре. Вся его дальнейшая деятельность сводилась к борьбе против попыток возвращения национал-феодалов.

Сжег Мансур только укрепление Григориопольское, основанное Екатериной.

Русскую крепость эту называли в честь любимца царицы – Григория Потемкина.

В самый расцвет своего движения Мансур сделал попытку напасть на кизлярское укрепление, где находился фактический губернатор кавказских владений – кизлярский комендант. На третьем году своей деятельности Мансур удалился к закубанским черкесам.

Теперь приведу Вам другое сведение, за правдивость которого ручаюсь, так как это стало известно со слов Ушурмы из тейпа элистанжи. В отряде Де-Пиери был младший офицер Багратион, которого Вы уважаете как Ермолова. Рассказчики именовали его «грузинский князь» Баград из Кизляра. Уже со всем отрядом Де-Пиери было покончено. Только одна группа солдат продолжала биться. Руководил ею

грузинский князь Баград из Кизляра. Легла вся группа. Несколько подраненный Багратион продолжал биться один, наконец, обессиленный от потери крови, упал и он. Ушурма видел, как храбро бился грузин. Он приказал перевязать ему раны, положить его на носилки, перенести через Сунжу и отдать русским.

«Князя Баграда» понесли, впереди шел чеченец с белым флагом. Перешли брод у Амерханова аула, находившегося в районе нынешнего Заводского района, перенесли раненого и положили у ног русских офицеров. Раненого сразу узнали. Офицеры хотели вознаградить носильщиков за их труд, но алдинцы сказали: «Мы храбрых людей не продаем и не покупаем». Повторяю, может эта история сочинена намного позднее. Но она характеризует Мансура: он не был ни заскорузлым муллой, ни шейхом, какого из него сделали реакционные военные историки и Вы вместе с ними.

«А Бейбулат?» – зададите Вы вопрос. Вы, Хаджи-Мурат, на него плюете. Вы знаете, что этот человек был мусульманином только по названию? Что он не молился и любил бражничать? Правнуки Бейбулата Таймиева и сейчас живут в Иласхан-Юрте Гудермесского района.

Это простые колхозники. Дочь Бейбулата вышла замуж за сына зикриста Кунта-Хаджи. Его укоряюще спросили, зачем он женил сына на дочери такого плохого мусульманина, как Бейбулат. Кунта-Хаджи кликнул сноху, та спросила: «Что, дада?». Кунта-Хаджи, будто бы, сказал: «Ну и что из этого, что Бейбулат плохой мусульманин? А смотрите, какая у него дочь красавица!».

Вы, видно, знаете Бейбулата только по встрече с Пушкиным в Эрзруме. А известно ли Вам, что еще за 8 лет до появления Ермолова на Кавказе в 1809 году Бейбулат Таймиев приводил к присяге на подданство России старейшин из 105 аулов Чечни?

Да, до Ермолова чеченцы с русскими жили мирно. Приехал Ермолов, состоялась встреча с Бейбулатом. Встретил он его как холопа и совсем не считался с принятыми постановлениями о принятии чеченцев в состав России. И, в конце концов, попытался вероломно арестовать Бейбулата и казнить. Бейбулат бежал и возглавил людей, которые шли за ним. Бейбулат был убит кровником, кумыкским князем, в 1830 году. Очень жаль. Останься он в живых, может быть, присоединение Чечни к России сложилось бы более бескровно. Вы говорите, что Ермолов «умница», «государственный человек», а почему же граф Паскевич не «умница» и не «государственный человек» на второй день своего наместничества сумел пригласить Бейбулата в Тифлис во главе сотни чеченцев и Бейбулат дал ему присягу на верность России? Почему же

Паскевич смог пригласить Бейбулата в 1829 году с несколькими нукерами в Эрзрум, к черту на кулички?

Почему подобного не смог сделать «государственный человек» Ермолов? Потому что он чувствовал себя в Дагестане и в Чечне, как в своей помещичьей конюшне, где он мог вволю пороть своих крепостных.

Вы приводите ответ Ермолова Николаю I на предложение назначить генерала во время крымской войны командующим всероссийским ополчением.

Ермолов писал: «Ваше Величество! В годы, когда я был крепок и нужен, Вы уволили меня из армии, теперь, когда я стар, Вы призываете меня обратно. Я болен и не могу принять командование над ополчением».

И Вы меня спрашиваете: «Многие ли могли ответить так царю?». Я думаю, что 76-летнему генералу это ничем не грозило. Царь ничего не сделал бы за такой дерзкий ответ. А Вы восторгаетесь этим как храбростью генерала. Я смотрю на это совсем по-другому: с патриотической точки зрения. Какой же он патриот, если показал свою 28-летней давности обиду на царя и отказался от патриотического почетного дела: начальствование над Всероссийским ополчением? Ведь Вы все время говорите о патриотизме Ермолова, о том, что он не мог идти на Петербург, «бросить границы с Персией и Турцией на произвол». Как же тут он не захотел защищать наш Крым и границы России от тех же турок, англичан, французов? Я думаю так, плевать было Ермолову на патриотизм, если это не удовлетворяло его карьеристическим и честолюбивым желаниям.

Дальше Вы пишете: «Тяжелая, очень горькая история с выселением чеченцев и ингушей в 1944 году. Я, можете этому поверить или нет (это Ваше дело), глубоко переживал эту меру: но, как и тогда, и сейчас считаю – народ не может отвечать за группы отдельных идиотов и мерзавцев, но задам Вам законный вопрос: где были Вы (не Вы лично, а партийная советская общественность, интеллигенция), почему Вы допустили разброд в Вашем народе тогда, почему? Вы не найдете ответа, вернее, не захотите сказать правду...». Нет захочу и скажу Вам чистую правду: Вы понимаете, что Ваше высказывание – есть прямая ревизия решений XX съезда партии о нашем чечено-ингушском народе? Значит, Вы утверждаете, что когда «весь советский народ, вся Россия встала на защиту нашей Родины» чечено-ингушский народ стоял в стороне? Вы знаете, что это порожденная культом личности, вернее Берия, версия решительно отвергнута решениями XX съезда КПСС? Может быть Вы

еще верите дикой басне о том, что «чеченцы подарили Гитлеру великолепного арабского скакуна с золотым седлом и уздечкой?». А теперь я приведу Вам некоторые цифры по военкоматским данным. За годы войны в армию ушло 18 500 человек чеченцев и ингушей. На день фашистского нападения в армии было их 7000 человек. Всего, следовательно, чеченцев и ингушей в Великой Отечественной войне участвовало 25 500 человек. Или по отношению ко всему народу 5,6% .

Это совсем не низкий процент служивших в годы войны. По приказам Берии призыв чеченцев и ингушей в Красную Армию прекращен, к Вашему сведению, в марте 1942 года. Все, кто пошел в армию после марта 1942 года, были добровольцами. Известно ли Вам об этом?

Набирали добровольцев трехкратно производимой кампанией. И люди шли в армию, шли столько, сколько требовалось. Чего стоят после этого Ваши слова о «разброде в нашем народе тогда, когда весь советский народ и вся Россия встала на защиту Родины»? Эти Ваши слова я расцениваю, как простую обывательскую болтовню и клевету на наш народ, пушенную вслед за выселением в Среднюю Азию.

Конечно, мерзавцы и в чечено-ингушском народе были. Были и такие, что использовали момент, и с оружием в руках выступали против советской власти, немцы забрасывали в горы Чечни диверсантов. Но ни один из них не ушел, их ловили наши горцы и сдавали куда надо. Да, мерзавцы были. Но не думаете ли Вы, Хаджи-Мурат, что миллионная власовская армия состояла из чеченцев и ингушей? Не думаете ли Вы, что десять тысяч бендеровцев тоже состояли из чеченцев и ингушей?

Теперь скажу Вам о подлинной подоплеке выселения чеченцев и ингушей, карачаевцев, балкарцев. Вы не обратили внимание на то обстоятельство, что ни кабардинцев, ни черкесов никуда не выселяли.

Выселяли тех горцев, которые жили по соседству непосредственно с грузинами и имели альпийские луга и пастбища. Вот где собака зарыта! Берии нужно было расширить границы Грузии, предоставить для грузинского горного животноводства богатые летние пастбища Чечни, Ингушетии, Балкарии, Карачая. Так и поступили.

А насчет Ваших заключений, что «Чечено-ингушская интеллигенция погрязла в прошлом, в счетах с историей...и прочем», я считаю их простой болтовней. К приходу советской власти чеченцы и ингуши пришли с грамотностью 0,8 и 2%. Ряды интеллигенции были жидки, а по уровню совсем низкие. А в 1937–1938 гг. так потряхнуло, что от нее остались только огрызки. В частности из 12 членов союза писателей Чечено-Ингушетии было арестовано 9 человек, осуждено 7 человек, расстреляно 4. Сам я, член Союза писателей с 1934 года, просидел в

заклучении 13 лет, 2 года сидел в одиночном заключении. Ваш кивок в адрес чечено-ингушской интеллигенции я отмечаю.

Я написал Вам письмо как коммунист, как писатель писателю. И сейчас каюсь. Я не учел, кто Вы. Не учел того, что происходите Вы из маленькой станицы Новоосетинской, единственной станицы оказаченных осетин.

Я забыл, что в Вашей станице самой популярной профессией в царское время являлась офицерская служба. Забыл, что руководители Терской контрреволюцией генерал Лазарь Бичерахов, родной брат его Георгий Бичерахов, напавшие в августе 1918 года на Владикавказ и Грозный, полковник Беликов, полковник Голиев, есаул Кибиров – активнейший руководитель боями контрреволюции во Владикавказе, убийца Зелимхана, полковник Галаев – убитый Зелимханом, – словом весь цвет контрреволюционного офицерства из этой станицы.

Я Вам пишу огромное письмо. Для чего Вы бываете у моего лучшего друга в жизни, писателя, которого я уважаю и дружу с ним более 40 лет? Вы дали ему прочитать письмо, адресованное мне. Но Вы не дали ему мое письмо, как я вижу из письма Костерина. Это не совсем чисто плотно. Во-первых, копию письма Вы послали секретарю Чечено-Ингушского обкома КПСС тов. Трофимову. Это еще ничего.

Секретарю обкома надо знать о настроениях своих членов партии. Он может, направлять их шаги по правильному пути, если нужно, наказывать их за проступки, недостойные коммуниста. Но, кроме того, Вы послали копию своего письма в Комитет Государственной Безопасности Чечено-Ингушетии. Значит Вы, советский писатель, настолько бдительны, что ничего не имеете против того, что Вашего коллегу посадят в КГБ и заведут на него дело?!

Как это иначе понять? Вы, кажется, кавалерист старой армии? На желание посадить меня я отвечаю Вам припевом песенки царских времен: «А теперь уж не то, не стоит у него...эскадронный конь в деревушке той».

Да, уважаемый Хаджи-Мурат, прошла мода 1937–38 гг., когда по простому наговору судили людей, держали в тюрьмах, ссылали и казнили даже. И видно, как я чувствую, не мало Вы в те годы пересажали своих коллег писателей и друзей. Иначе как понять? Послал я Вам письмо, единственное за свою жизнь, в котором говорил о том, что мне не нравится в Вашей книге «Буйный Терек». Вы за это меня сразу в ЧЕКА? Может быть, я ошибался. За что же Вы меня сразу в тюрьму?

В 1921 году я был членом коллегии Грозненской Чрезвычайной комиссии. Приходилось подписывать и смертные приговоры. Но никог-

да, ни одного приговора я не подписал, пока не убеждался твердо, что приговорённый есть действительно враг и преступник.

Но Вам, конечно, интересно узнать о результатах Ваших стараний. Скажу: у секретаря обкома тов. Трофимова я был около часу. Я говорил о Вашей книге, о моем письме к Вам. Он отпустил меня, сказав, что А.П. Ермолов – основатель Грозного и неуважительно о нем не следует говорить, в КГБ со мной беседовали два часа. Думаю, что я Вас разделал «под орех». Я дал им слово, ничего о своих взглядах, о Ермолоне не говорить. И это свято соблюдаю. Пишу Вам это длинное письмо вовсе не потому, что хочу в чем-то убедить Вас. Из Вашего письма я понял, кто Вы такой – убеждать Вас в чем-то, только воду в ступе толочь. Вы дали Алексею Костерину прочесть свое письмо адресованное мне. А Костерин на основе Вашего письма ругает меня на чем свет стоит. Так это письмо я пишу не столько Вам, сколько ему. Мы все трое коммунисты. Все трое писатели. Мы двое горцы. Он русский. При первой возможности я приеду в Москву и давайте скрестим шпаги чести. Пусть он, русский человек, рассудит: кто из нас прав, а кто виноват. Всего Вам хорошего.

Х. Ошаев

15 сентября 1961 г.

ИСТОРИКУ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: «НЕ НАВРЕДИ ВО ГНЕВЕ И ПРИСТРАСТИИ!»

Уж сколько раз твердили миру о смысле и назначении Истории. Эта тема породила огромную литературу, которой мы зачитываемся, блистательные афоризмы, которые мы повторяем, ожесточенную борьбу мнений, в которой порой не знаешь, на чьей ты стороне. С вопроса «для чего нужна память о прошлом?» начинаются школьные учебники. То и дело слышишь, **чему учит История** и как с ее помощью обойти те самые «грабли».

И что же? Человечество стало умнее, милосерднее? Прекратились войны, революции или более изощренные способы истребления людей? Государства перестали мошенничать между собой, а правители дурачить своих подданных? Восторжествовали идеалы свободы, равенства, справедливости? Исчезли нищета, ненависть, пороки? Тогда к чему вся эта историческая учеба? Не пустое ли это занятие? Может и пустое. Вот только нет никакой другой материи, кроме Истории, пригодной для раскройки, примерки и пошива того, без чего нельзя жить, созидать, быть человеком, наконец. Кто-то сказал о своем поколении: «Мы – карлики, взобравшиеся на плечи наших предков-великанов, и лишь поэтому способны видеть дальше своего носа».

Конечно, предки-великаны небезгрешны. Они творили великие дела и великие ошибки – одно без другого не бывает. Они строили мировые цивилизации, одновременно ввергая их в страшные трагедии. Они поднимались в космические высоты всечеловеческой жертвенности и срывались в бездну нелюдства. Являли миру непостижимые озарения ума и неподражаемые шедевры глупости. Доводили чуть ли не до совершенства научно-рациональные методы познания мира и в то же время впадали в массовое помрачение рассудка. К счастью и к сожалению, это и есть исторический опыт, вдохновляющий и жуткий, в любом случае – бесценный, с дидактической точки зрения.

Ныне живущим поколениям россиян тоже не стоило бы забывать, на чьих плечах они стоят. Под нами величайшая история – история двух империй, Российской и Советской. Это не тема для державно-шовинистического экстаза. Это тема для урока, длиною в бесконечность, и без всякой гарантии, что он пойдет впровод. Но, повторимся, иного не дано, кроме как превратиться в старателя, просеивающего песок истории. В

том, что днище промывального сита заискрится ярким металлом, сомнений нет. О другом печаль – станем ли мы от этого счастливее?

Впрочем, невзгоды, обрушившиеся на россиян в последнюю четверть века, просто обрекают их на, так сказать, стихийный интерес к Истории. Было ли нечто похожее до нас? Сколько длятся смуты и с какими издержками? Чем заканчиваются? Искать ответы на эти вопросы – означает так или иначе упираться в изучение магистральных процессов, начавшихся в прошлом, набравших громадный социально-энергетический и культурно-цивилизационный потенциал, и продолжающих воздействовать на нынешнее состояние нашего общества, во многом определять пути его развития.

Один из таких фундаментальных процессов – строительство Российской империи с ее уникальными формами исторического бытования, позволившими ей надолго пережить аналогичные геополитические организмы Европы и Азии. Уж не подозрением ли, что далеко не всем гигантским державам судьба выносит смертный приговор, объясняется страстная увлеченность выдающихся современных интеллектуалов исследованием внутренней (включая метафизической аспект) природы империи и ее разновидностей? Они ставят совсем не праздные вопросы – а к какой, собственно, категории отнести сегодняшние США, Китай, Евросоюз, ну и, понятно, Россию? Только ли огромные размеры типологически объединяют их между собой и обособляют от других? (Канада по территории уступает лишь России, а Австралия занимает высокое шестое место среди крупнейших государств планеты, но никому не приходит в голову сравнивать их с империями.). А во что они вырастут и эволюционируют завтра?

Для кого-то это сугубо академические вопросы, а для кого-то практические, экзистенциальные, как для подавляющего большинства россиян, которые останутся жить в России, в любой... Но от которых в большой мере будет зависеть – в какой именно. Им, как минимум, не помешает знать хотя бы в общих чертах, на что в своем историческом наследии можно и должно опереться, чтобы не просто выжить, а выжить достойно. Важнейшую часть этого наследия, объективная востребованность которого растет с каждым днем, составляют имперостроительные и имперосохранительные механизмы, зарождавшиеся почти одновременно с формированием Русского централизованного государства, где великорусское этнокультурное цивилизационное ядро постепенно прирастало, усиливалось и обогащалось разноплеменной периферией.

С какого-то момента, под влиянием сложного сочетания императивов, возникла ситуация, когда дальнейшее развитие Российской им-

перии оказалось немыслимым без черноморско-каспийского пространства и его срединного звена – Кавказа. Ему суждено было стать одной из несущих опор имперской конструкции. Скромные физические размеры этой части российского пограничья были несоизмеримы с той колоссальной геополитической нагрузкой, которую ей приходилось выдерживать. Об этом говорит вся история борьбы великих держав за обладание кавказским переешейком. Не менее убедительно это подтверждается реалиями уже нашего, постсоветского времени. В 1991 г. Россия рассталась с Закавказьем и тут же получила на юге целый ворох взрывоопасных проблем и долгосрочных угроз своим национальным интересам. С последствиями этого не очень «бархатного» развода Москва не в состоянии справиться и поныне.

Сейчас, после некоторого перерыва, вновь набирают силу голоса, вопрошающие – «что делать на Северном Кавказе и с Северным Кавказом?». Есть и ответы – мгновенные, однозначные, топорные, как и положено быть доведенным до логического предела благоглупостям – либо закрутить гайки до хруста костей, либо отпустить эту «ненашинскую» братию на все четыре стороны. А вот о том, кому, когда и какие придется пожинать плоды – не слышно ничего. Мы вовсе не собираемся из присущего уходящему советскому поколению чувства ностальгии по прошлому (где гарантировалась высокая степень безопасности бытия и наличествовала вера в завтра) делать вид, будто в России нет межэтнических, межкультурных и межконфессиональных проблем. Они есть, и в этом виновны все. Но их происхождение, а значит и методы лечения, не в последнюю очередь связаны с тем, на что сегодня почти не обращают внимания. Мы имеем в виду, мягко говоря, недопросвещенность российского общества в вопросах истории Северного Кавказа – мозаичного, многоликого края, населенного народами, которые не мыслят себя без России и которые не понимают, почему Россия может мыслить себя без них. Хотя бы поэтому они не заслуживают тех оскорбительных и несправедливых обобщений, что вошли в повседневный словарный обиход современного российского обывателя. Но самое опасное – в его сознание.

У страны, социально-культурное, нравственно-воспитательное, а теперь еще и научно-образовательное пространство которой методично расчерчивается межевыми линиями между «нами» и «ими», нет будущего. На этой стерне не пожнешь ничего, кроме лютой взаимной ненависти, выжигающей все вокруг, самоиндуцирующей во все более иррациональных формах, не имеющих никакой связи с первоначальными источниками этого чувства. А когда ненависть становится

способом существования, смыслом и образом жизни, символом веры, справиться с ней невозможно вообще. К тем «пастырям», которые, прекрасно зная, какой пожар они поднимают в душах людей, заведомо идут на это, вопросов нет никаких: с ними нужно разбираться по всей строгости (впрочем, где ее взять?) закона.

Вопросы есть к той, вроде бы добропорядочной, научной интеллигенции Северного Кавказа, которая то ли делает вид, то ли и впрямь искренне полагает, что искусственно облагораживая и монументализируя историю своего народа, она вносит вклад в великое дело воспитания национального достоинства. Такого рода воспитательная работа построена в одних случаях на откровенно мифотворческих приемах, в других — на трудно распознаваемой и поэтому самой опасной разновидности лжи — той, что эффектно, а иногда и талантливо приправлена правдой.

В примитивном, полуграмотном баснописательстве нет особого вреда. В какой-то степени оно даже полезно: в нем заложен большой потенциал самодискредитации, ибо данный жанр устроен таким образом, что в своей эволюционной логике он непроизвольно стремится к конечному абсурду. Нет нужды бросать все силы на разъяснительную просветительскую работу в тех случаях, когда под пером любительствующего краеведа рождается «открытие», превращающее какое-нибудь крохотное горное урочище на Северном Кавказе в колыбель мировой цивилизации. Перед столь грубым способом идеологической и психологической обработки массовое сознание, при всей его уязвимости, вполне может устоять самостоятельно, без помощи историков-профессионалов.

Куда страшнее, когда за промывание мозгов берутся эти самые историки-профессионалы, именуя свою деятельность, разумеется, «научной». Порой возникают сомнения в том, осознают ли они ту меру ответственности перед своим и перед другими народами России, которую возлагает на них полученное ими профессиональное образование, обретенные ими навыки обращения с таким грозным оружием, как знание о прошлом, и как слово, несущее и окрашивающее это знание в разные тона? Когда читаешь сочинения иных северокавказских авторов, не сразу и сообразишь — какой ответ более утешителен. Если не осознают (что маловероятно), то по крайней мере остается теоретическая надежда на возможность их позитивного отклика на призыв к компромиссному примирению в себе национального чувства, гражданской ответственности россиянина и профессионального долга ученого — во имя будущего своей страны. Если же осознают, то и тут нет худа без добра: уж лучше иметь перед собой честного в своей глубокой неприязни к твоей точке зрения оппонента, чем «единомышленника на час».

Вот уже почти четверть столетия как вместе с советской идеологией рухнула историографическая сверхдоктрина «дружбы народов». На ее тотальное замещение безапелляционно претендует контр-идея о том, что в многовековой истории русско-сеveroкавказских отношений определяющим, имманентным понятием является «война», со всем его производными – «завоевание», «покорение», «истребление», «подавление», «колонияльное угнетение» и т. д. Эти и только эти термины употребляются применительно к тому, что делала на Кавказе Россия. Поведение северокавказских народов рассматривается исключительно как ответная, защитная реакция на появление непрошенных гостей – реакция, со временем оформившаяся в классическое национально-освободительное движение с четкой военно-организационной структурой, гениальными лидерами и великой идеологией, мобилизующей массы и отражающей глубину цивилизационного разлома между «агрессорами» и «свободолюбивыми горцами».

В качестве хрестоматийной иллюстрации, естественно, предлагается Кавказская война. Именно она становится средоточием историографических «инноваций». В прежних трактовках этой проблемы (которую в течение полутора веков изучали, кстати заметить, мастеровитые историки разных национальностей) «инноваторов» не устраивает многое, но в последнее время среди этого многого доминируют два принципиальных аспекта – хронологические рамки войны и ее географические масштабы. Теперь летоисчисление войны ведут с XVI века (Ивана Грозного) и заканчивают... Нет, не 1864-м годом, а концом XX века, причем с прозрачным намеком, что все еще впереди. Что касается физического пространства войны, то им объявлена вся территория Северного Кавказа, от моря до моря, как единая линия фронта справедливой борьбы против наступления чужого и чуждого культурного мира. Безжалостность этого наступления демонстрируется с помощью еще одного «методологического» изобретения – сравнения содержания и последствий Кавказской войны с «геноцидом», что есть ничто иное, как сугубо спекулятивная проекция современной политической терминологии на исторические времена, к которым она не применима по определению, если, конечно, мы не хотим отождествить с геноцидом всю всемирную историю.

Попробуйте-ка обвинить в этом англичан, испанцев, португальцев, французов, американцев, да мало ли кого еще. Даже не заикайтесь: подобная постановка вопроса для них просто абсурдна. Зато вы много чего услышите о «бремени белого человека», о вкладе Кортеса и Писсаро в строительство новой латиноамериканской цивилизации, или На-

полеона – в созидание общеевропейского дома. Не удивляйтесь, если вам поведают о трогательных эпизодах братания между американскими колонистами и индейцами. И далеко не все из этого будет неправдой. Но о гигантской цене, заплаченной за цивилизационный синтез и за рождение крупных современных держав, скорее всего, скажут (если скажут) мимоходом.

О современных империях – разговор особый. Они вообще не снисходят до объяснений с теми, кто осмеливается прививать им чувство вины за их деяния. Кто-нибудь припомнит, чтобы США хотя бы в индизказательной форме каялись за «побочные издержки» своей политики защиты национальных интересов по всему миру? Кто-нибудь припомнит, чтобы Вашингтон оставил без возмездия попытки выставить ему счет за миллионные жертвы, которыми оплачено американское видение нового мирового порядка? Кто-нибудь припомнит, чтобы Белый дом принимал в свой адрес даже робкую критику со стороны своих закадычных союзников?

Так же ведет себя Китай. Створки на глазах и ушах пекинского руководства непроницаемо смыкаются, когда извне раздаются недовольные голоса, предъявляющие Поднебесной какие-либо претензии. Но от других, включая, между прочим, США, Пекин требует полного внимания к своим требованиям по «жизненно важным» для себя вопросам. Израиль – не США и не Китай. У него другие проблемы. Ему нужно выжить любой ценой, здесь и сейчас. Это – государственно-физиологический инстинкт. Все остальное – частные случаи его проявления, обсуждать которые израильтяне не хотят даже с Вашингтоном.

У России, к несчастью, этот инстинкт утрачивается с пугающей быстротой. Слабеющая власть уходит в глухую политическую и идеологическую оборону перед лицом тех сил, которые нутром почувствовали, где именно опасно истончаются края имперской материи и где можно попытаться порвать их в клочья.

Одной из мишеней для этих разрушительных сил стала история Северного Кавказа. Здесь не место предметно и основательно дискутировать с историками, вольно или невольно сеющими в умах нетвердых семена розни, увлекающими молодое поколение на путь, который приведет в никуда, если повезет, а если нет – в бездну войны по гоббсовскому сценарию. Однако о некоторых очевидных вещах коллегам по историческому цеху все же стоит помнить, хотя бы ради уважения к элементарным заповедям своего ремесла.

Фундаментальные явления «большой исторической длительности» и большой исторической сложности, к каковым, безусловно, относит-

ся процесс движения России на Северный Кавказе (и, кстати, встречного устремления северокавказских элит и просто народа), в принципе не укладываются в прокрустовы схемы и не поддаются однозначным определениям. История русско-северокавказских отношений отнюдь не исчерпывается ни войной вообще, ни Кавказской войной, в частности. Да и сама Кавказская война представляет собой глубоко неоднозначный, многослойный феномен со сложнейшей внутренней диалектикой (о чем мне приходилось писать не раз). Это ли не вызов для настоящего профессионала – вызов, на который еще никто не ответил с подобающей интеллектуальной силой, питаемой волей к знанию, к постижению сути, а не видимости? Это ли не поприще для проверки научной состоятельности идей, концепций, гипотез? На нем в идеале не должно остаться места для невежества, фанатизма, проповедничества.

До такого идеала еще бесконечно далеко, но альтернативы движению в этом направлении нет, если, конечно, мы говорим о научных перспективах изучения кавказской периферии Российской и Советской империй. Вовсе не обязательно идти по этой дороге, дружно взявшись за руки. Пусть каждый выбирает свой путь и торит его в меру собственного таланта и собственного понимания природы исторической реальности. При всей специфичности, субъективности, приблизительности наших знаний о прошлом, они в принципе не могут состоять из одних только мифов – этот младенческий этап в технологии хранения коллективного опыта для передачи его следующим поколениям пройден уже давно. Тем печальнее наблюдать признаки наступления нового средневековья в российском кавказоведении. Как иначе назвать все шире внедряемый в школьную и образовательную практику в ряде северокавказских республик метод подмены учебных исторических материалов и научных текстов (пусть и разного качества) сказительством и героико-эпическими литаниями. В эпицентре этого фольклорно-воспитательного «творчества», как правило, одна тема – вековая титаническая борьба с ненавистными врагами (ближними и дальними), в которой выковывается гордое величие и слава народа, возносящие его над всеми остальными.

Любопытно, что сказал бы обо всем этом русский историк М.Т. Каченовский, объявивший «баснословным периодом» несколько веков (IX–XII) истории России, призывавший своих коллег умерить патриотический пыл в подходе к проблеме выяснения достоверности летописных повествований о славном прошлом и свести это возвеличенное прошлое к его «естественным размерам». Напомним на всякий случай, что под скептическим взором М.Т. Каченовского находилась не

бесписьменная история крохотного горского племени, а четыре столетия жизни крупного феодального государства и богатейшей цивилизации Киевской Руси!

Помимо проблемы сведения истории народов Северного Кавказа к ее «естественным размерам» есть и другие профессиональные вопросы, требующие внимания. Одним из них стоит задаться: почему, к примеру, кавказоведы не проявляют особого интереса к весьма стремительной динамике демографического роста многонационального населения Северного Кавказа и к культурно-экономическому подъему данного региона в XIX–XX вв.? Не потому ли, что это надо чем-то объяснить? А у нас ведь нынче как – если причины какого-то явления не коренятся в «преступлениях» царского или коммунистического режима, то они скучны для исследователя. Это очень похоже на ситуацию в современных СМИ: хорошая новость – не новость.

О Шамиле и противостоянии небольших патриархальных сообществ крупным державам написаны тома. В них реальные исторические факты все гуще перемешиваются с многочисленными, наспех слепленными мифами и откровенными выдумками. Но почему-то о политическом заведении уже умудренного годами и опытом Шамиля («в войне нет счастья») вспоминают редко и неохотно, приписывая его старческой усталости от жизни, а то и просто – вырожденчеству и отступничеству.

Разговор на эту тему можно вести долго. И его, безусловно, нужно вести. Ответ на вопрос «с кем?» очевиден – со школьниками, студентами, преподавателями, политиками, домохозяйками, со всем обществом. И именно ввиду многолюдности, пестроты и чувствительности этой аудитории к подобному рода проблемам возникает другой, более трудный вопрос – «как?».

У советских историков хватало «грехов» – и идеологических, и методологических. Но по меньшей мере в одном им не откажешь: в соответствии с партийно-классовыми установками они, придерживаясь принципа «не навреди», искали и находили в русско-кавказской истории то, что объединяло, а не разъединяло народы. Эта откровенно «ненаучная» задача – в чем и парадокс – успешно решалась вполне научными средствами, ибо недостатка в документах, иллюстрирующих миротворческую цивилизационную работу имперского плавильного котла на Кавказе, никогда не было.

Исторические труды о Северном Кавказе, как любая историографическая продукция, всегда были в той или иной степени идеологизированы и мифологизированы. Полностью избавить профессиональное историописание от этого первородного греха невозможно в принципе.

Но свести его злокачественный эффект к минимуму и тем самым автоматически повысить удельный вес благотворящего знания можно. Все это потребует долгой, системной, вдумчивой работы с привлечением гуманитариев самых разных профилей и самого высокого класса. Браться за нее нужно всем миром, не теряя времени на раздумья о том, когда и как она окупится, ибо времени у нас уже нет. На поле битвы идей, страстей, людей, в которую, к сожалению, превращена История, российскому обществу нужна победа, одна на всех – победа здравого смысла, мудрости, согласия.

Хотя бы внести свой вклад в это общее, в самом высоком смысле «наше» дело (если уж нет желания возглавить его), обязано Государство, отрядив для этого соответствующие организационные ресурсы. А ежели Ему сейчас в предвыборной сутолоке не до подобных «мелочей», то пусть по крайней мере не мешает заниматься ими людям, которые смеют питать интерес к чему-то еще помимо «проблемы 2012».

*Владимир Дегоев – профессор МГИМО МИД России
(<http://www.mgimo.ru/news/experts/document190447.phtml>)*

ОТ ИОСИФА СТАЛИНА ДО ТАЙМУРАЗА МАМСУРОВА

К вопросу об ингушской государственности

Становление государственности ингушей в составе Российской империи стало важным этапом в истории русско-ингушских отношений. Занимая центральное место на Северном Кавказе, ингуши, в целях сохранения и дальнейшего развития своей национальной идентичности и физического выживания, стремились к союзу с более сильными соседями с дальнейшим вхождением в этот союз. Вне всякого сомнения, подобным союзом могло стать добровольное вхождение ингушей в состав России. Таким историческим актом и стала процедура принятия ингушскими старейшинами присяги на верность России. Эти исторические события происходили 17, 18, 19 марта вблизи крупного предгорного селения Ангушт на обширной поляне с названием «Барта босе» («Склон согласия» – инг.). Здесь же присутствовал известный кавказовед академик Иоган Гюльденштедт. Коллегия иностранных дел Российской империи 12 июля 1770 года одобрила этот Договор, который обрел силу официального документа.

Процесс добровольного вхождения ингушских обществ в состав России шел по нарастающей. Вот некоторые этапы русско-ингушского сближения.

1588 год. Ингушский владетель Султан (Салтан)-мурза положил начало вхождению ингушей в состав России, присягнув на верность Русскому государству. Султан-мурза был предводителем ингушского общества Ларс в Дарьяльском ущелье.

1756 год. 800 ингушей в присутствии Игумена Григория принесли присягу верности Екатерине II.

1758 год. Делегация ингушей из 9 человек явилась к коменданту Кизляра Фрауендорфу и присягнула на верность России.

1760 год. Ингуши присягою утвердились быть под протекцией ее императорского величества.

1762 год. Часть ингушей добровольно входят в состав России. Издается указ Екатерины II о праве переселения ингушей и осетин с гор на плоскость.

1769 год. Авраам Пахомиев и его племянник Бекмурза посетили кизлярского коменданта и от имени ингушского народа вели переговоры по вопросу единения Ингушетии и России.

К сожалению, Россия неоднократно нарушала условия, оговоренные Договором от 12 июля 1770 года о добровольном вхождении ингушей в состав России. Имели место случаи противодействия этому Договору со стороны отдельных ингушей, не желавших войти в состав России, руководствовавшихся соображениями неполитического характера. Все эти недочеты были устранены в Акте присяги ингушей от 22 августа 1810 года, подписанного в крепости Владикавказской. Акт присяги имел силу Договора о вхождении ингушей в состав России на добровольной основе и состоял из 20 статей. С российской стороны свою подпись поставил генерал-майор Дельпоцо, с ингушской стороны Договор подписали представители шести ингушских фамилий: Торгимов, Цельмембохов, Агиев, Картугов, Яулурьев и Хамхоев.

При некоторых недостатках, особенно в формулировках, Договор имел важное значение для торгово-экономического развития и политического будущего Ингушетии. Конечно, колонизация Россией Кавказа, даже с учетом добровольных вхождений народов Кавказа в состав Российской империи, имела свои недостатки, свойственные всем колонизаторским режимам той эпохи.

Россия до сих пор не развязалась со своим колониальным наследием. Даже большевики со своей антиколониальной идеологией не смогли освободиться от имперской политики, особенно на Кавказе. Будем надеяться, что постсоветская Россия все-таки изберет путь демократического развития, тем более, что страна такими возможностями располагает в рамках Основного Закона.

Большевизация Осетино-Ингушских отношений

Трагический этап в истории ингушей к концу XIX века не был завершен. Он продолжился и в XX веке. На арену выходят обостряющиеся осетино-ингушские отношения. Осетины, из всех народов, проживающих на Кавказе, обладают наибольшей социальной адаптацией к меняющейся политической ситуации, что блестяще было использовано ими уже в самом начале XX века в отношениях с русской администрацией в борьбе против своих соседей – ингушей. Характерно, что уже в 1909 году и позже, администрация Терской области отдельно ставила вопрос перед царской администрацией о выселении ингушей в Сибирь с целью изъятия у них земель в пользу осетин, попутно, в

политических целях, пристегивая и казаков. Инициатором этой недостойной кампании стал городской голова Владикавказа, почитаемый осетинами соотечественник Гаппо Баев.

Русская администрация оставила лукавую просьбу осетин без внимания, видимо, разгадав осетинский замысел. Интересна в этом отношении характеристика, данная осетинам войсковым штабом Терского Казачьего войска на запрос мобилизационного Отдела Главного Управления генерального Штаба: «Осетины – самое передовое и наиболее сплоченное горское племя на Северном Кавказе. Для достижения намеченной цели не брезгают средствами, умеют удивительно искусно проникать во все классы русского общества, в особенности пристраиваться к влиятельным людям... В общем, они склонны к интригам, мстительны и недоброжелательны ко всем стоящим ниже их по общественному положению, а также отличаются непостоянством, двуличностью. К русской власти и народности относятся почти враждебно, и всегда умеют спланировать для борьбы с русскими. Опасный народ, который нельзя соединить и спланировать».

Об отношении осетин к казакам мы расскажем подробнее далее.

Осетинская аннексия казачьих земель

Прежде чем перейти к рассмотрению начального периода исследуемого вопроса, сделаем некоторые пояснения.

Осетины (не аланы) подразделяются на: ирон – иронцы, дигорон – дигорцы, туалат – двалы и хусайраг – хусары (группа осетин в Южной Осетии, которых в русской транскрипции называют еще кударцами).

В селах ингушского Пригородного района живут кударцы в качестве добровольцев, поселившихся на ингушских землях после сталинской депортации ингушей 23 февраля 1944 года.

Обе Осетии в своей аннексионистской политической демагогии не раз разыгрывали кударскую карту при захвате чужих земель любым путем, в том числе и казачьих, о дружбе с которыми Осетия трубит в наши дни на всех перекрестках. Особенно эта лживая кампания в Северной Осетии получила распространение с середины 80-х годов прошлого века, обставляя ее как меры осетинских властей по социальной защите русскоязычного населения, в частности, казаков. Некоторым казачьим атаманам, блуждающим по коридорам истории полутораветковой Русско-Кавказской и Гражданской войн, потерявшим политические ориентиры, не лишне будет напомнить о содержании весьма любопытного документа под названием «Докладная записка Уполно-

моченному ВЦИК товарищу Невскому от Исполкома Владикавказского (Осетинского) округа», датированного 8 марта 1921 года.

В докладной записке осетинская сторона тщательно «посчитала» русские земли, особенно казачьи. Пригласив из Южной Осетии своих сородичей – кударцев и назвав их беженцами, Северная Осетия приводит явно завышенную цифру – 50 тыс. человек (фактически почти все население Южной Осетии в тот период!), которым необходимо выделить землю в количестве 120 тыс. десятин. «Откуда же взять это количество земли?» – задаются вопросом осетинские «благодетели» казаков и далее пишут: «Отвечая на этот вопрос, прежде всего надо остановиться на землях казачьих». В округе тесно, трудовая масса задыхается в тесноте, кому-то надо встать и уйти из предела округа, чтобы дать остальным вздохнуть свободно. Не может быть двух мнений о том, что уйти из округа должны казаки. Не говоря о причинах исторического характера, подходя к вопросу переселения с практической стороны, ясно, что переселиться легче обеспеченным живым и мертвым инвентарем, то есть казачьим хозяйством.

Если органы, решавшие земельный вопрос, слышат стоны умирающих от нечеловеческих условий жизни беженцев-южан, если они слышат умоляющий голос горцев-осетин – «дайте земли», то надо найти конец кормлению голодного «завтраками», дать землю, и теперь же.

На основании вышеизложенного, а также принимая во внимание, что горцы юга Осетии не могут возвращаться на юг даже и в том случае, если представится эта возможность, ибо на юге у них нет земли и неоткуда взять, и что разрешение земельного вопроса не терпит отлагательств в Осетии ни в коей мере, Исполком Владикавказского округа настоятельно и убедительно просит ВЦИК:

1. Переселить казачьи станицы – Архонскую, Ардонскую, Николаевскую, Змейскую и хутор Ардонский, и освободившиеся в количестве 53 тыс. десятин предоставить горцам из горной полосы Осетии.

2. Осуществление этого переселения, читаем далее в этом документе, признать как революционную необходимость срочным, и переселение закончить к 1 мая 1921 года.

3. Чтобы прийти в ближайшее время на помощь революционным беженцам Южной Осетии, вымирающим без крова, без средств и без земли, ускорить переселение станиц: Змейской, Архонской в течение ближайшего месяца и в первую очередь поселить туда юго-осетинских беженцев.

Предоставляя на решение ВЦИК настоящую просьбу жизни и смерти горской бедноты, Исполком Владикавказского округа заявляет, что оттяжка решения может вызвать столкновение горской бедноты с казаками при захвате революционным путем указанных земель.

Широкомасштабное использование приемов геббельсовской осетинской пропаганды в Северной Осетии носит системный характер. В эту грязную политическую игру осетины втягивают контролируемое ими местное казачество для решения своих аннексионистских задач. Как это делается, хорошо видно из нижеприведенной А. Галазовым цитаты Героя Советского Союза, казачьего атамана Василия Коняхина из Владикавказа: «Мы не забыли и того факта, когда с 1918 по 1922 годы казаки подвергались жесточайшему геноциду, были уничтожены одним махом, по распоряжению красного чрезвычайного комиссара Орджоникидзе, 70 тысяч казаков, 37 тысяч из них зарубили ингуши по дороге до Беслана. Они отняли у казаков их земли, коров, скот и сегодня горвят: «Это наше».

Уж коль ныне покойный казачий атаман (хотя и с осетинской подачи) так несправедливо высказался в адрес ингушей, пожалуй, необходимо поправить заблуждающегося в истории Северного Кавказа.

В 1859–1861 годах в четырех населенных пунктах Ингушетии, при поддержке царских властей, были поселены казаки, насильственно выгнав оттуда ингушей и преобразовав их в станицы. По состоянию на 1928 год в Пригородном районе Ингушской автономной области по административному делению РСФСР находилось 39 населенных пунктов.

Ингуши и сегодня выступают за возвращение казаков в те станицы, где они жили еще до Октябрьской революции. Почему же осетины, если они так пекутся о казаках, не вселили их в станицы в 1944 году, после депортации ингушей, а сами захватили все населенные пункты?

Учитывая, что в 1918–1922 годах в Пригородном районе проживало менее 12 тысяч казаков, каким же образом уничтожили «70 тысяч казаков, 37 тысяч из них зарубили ингуши по дороге до Беслана»?

И вот эта десятилетиями повторяемая ложь обрушивается на головы читателей и даже кремлевских чиновников. Пожалуй, казакам уже пора взяться за ум, а не бегать на осетинском поводе.

Можно прочесть в данной работе, что сделали с казаками осетины в указываемый период.

К сказанному добавим, в современной РСО-А наблюдается, по сообщениям осетинских СМИ, исход русских из республики, число которых уже в наши дни превзошло более 10 тысяч человек! В то же время в Республике Ингушетия успешно начала работать одобренная

Президентом РФ В.В. Путиным программа возвращения в республику русскоязычного (казачьего) населения!

Северная Осетия дополнительно потребовала передать беженцам-кударцам из Кабарды 9 сел с 26 тысячами га пашни.

Именно в марте 1921 года большевики вкупе с южными осетинами начали насильственную советизацию Грузии, что крайне осложнило ситуацию в Грузии. Осетинский сепаратизм, поддержанный Сталиным, получил зеленый свет для создания Юго-Осетинской автономной области с центром в Цхинвали. Именно с этого времени начинается официальная поддержка Сталиным осетинского сепаратизма по созданию объединенной Осетии.

Сложившееся в стране положение после поражения России в Первой мировой войне создало механизм, способный взорвать ситуацию в стране. Таким механизмом стала Февральская революция 1917 года, за которой последовала Октябрьская революция, перешедшая в Гражданскую войну, принесящая, в конечном счете, победу большевикам.

На Северном Кавказе наиболее активное участие за установление советской власти приняли ингуши, поверив большевистским обещаниям решить вопрос справедливого распределения земли. Особенно актуальным это было для ингушей, терпевших притеснения царских властей, вытеснявших их со своих земель и из города Владикавказа, построенного на ингушских землях. Именно поэтому и приняли ингуши поголовное участие в революции на стороне большевиков.

Справедливости ради следует отметить, что в первые годы советской власти большевики сдержали свое обещание вернуть ингушам их земли и населенные пункты, изъятые у них еще царской Россией, создававшей свою Кавказскую кордонную линию с размещением по всей линии казачьего войска.

При жизни Ленина народы Северного Кавказа получили свою государственность. Обрела свою государственность и Ингушетия.

20 января 1921 года Президиум ВЦИК РСФСР издал декрет, законодательно оформивший провозглашенную 17–18 ноября 1920 года на съезде народов Терской области Автономную Горскую Советскую Социалистическую Республику. В декрете указывалось:

«Образовать Автономную Горскую Социалистическую Республику как часть РСФСР, в состав коей включить территорию, занимаемую ныне чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарцами и карачаевцами, живущими между ними казаками и иногородними...».

Высшим органом исполнительной власти в округе был Окружной исполком. В самостоятельные административные единицы были вы-

делены города Владикавказ и Грозный. В то же время Владикавказ являлся столицей Горской АССР.

7 июля 1924 года постановлением ВЦИК РСФСР Горская АССР была упразднена с образованием двух новых автономных областей: Ингушской и Северо-Осетинской. Столицей обеих автономных областей стал г. Владикавказ, располагавшийся на ингушской территории.

С этого момента под покровительством Сталина Осетия начала блестяще организованную и далеко просчитанную атаку на ингушские земли под внешне благовидными, большевистскими лозунгами, широко распространяемыми по всей стране, как начало торжества ленинизма под лозунгами: «Сталин – это Ленин сегодня», и любое несогласие со сталинскими концепциями квалифицировалось как выступление против Советской власти, хотя грубейшие ошибки в национальной политике допускались именно Сталиным. Ингуши первыми почувствовали это на себе.

Сталин выступил не только против грузинского меньшевистского правительства силовыми методами, навязав Грузии на своей же территории Юго-Осетинскую автономную область в регионе Шида Картли, но и против ингушей, поголовно поддерживавших большевиков.

Подобное отношение к ингушам отчасти можно объяснить и тем фактом, что осетины относят Сталина к выдающемуся осетину в своей истории.

Сразу же после образования Ингушской и Северо-Осетинской автономных областей осетинское руководство интенсивно продолжило приращение ингушских земель, одновременно продолжая оказывать давление на гонимых советской властью казаков с целью захвата казачьих земель, что и подтвердилось позже.

Границы между Северо-Осетинской и Ингушской автономными областями были установлены при разделе бывшей Горской Республики постановлением Комиссии под председательством Элиавы от 25 декабря 1924 года (протокол № 4, п. 2) с согласия обеих сторон, включая и границы в районе так называемых Южных садов. Административная Комиссия ВЦИК РСФСР представила при этом проект постановления Президиума ВЦИК об установлении указанных границ. Северо-Кавказский крайисполком, по поручению Президиума ВЦИК, выполнил эту работу специально высланной на место краевой комиссией под председательством Дмитриева.

Несмотря на то, что в селах, расположенных на Военно-Грузинской дороге – Балта, Чми, Ларс, в течение столетий проживало ингушское население, представители Северо-Осетинской автономной области на-

стойчиво добивались включения Редантско-Балтинского района в состав Осетии. Однако комиссия Дмитриева вполне резонно заключила: «Такие требования тем более не понятны и абсурдны», учитывая, «что этот район совершенно оторван от Осетии».

Тем не менее, осетинская сторона настойчиво добивалась включения в состав Северной Осетии указанных земель, выдвигая нелепый довод: «Военно-Грузинская дорога соединяет Осетинскую автономную область с Южной Осетией, с которой первая должна, якобы, соединиться». То, что Военно-Грузинская дорога, начиная с Заурово (Владикавказа), пролегалa по ингушской территории, осетин мало беспокоило, а борьба за расширение жизненного пространства стала политической стратегией.

Отвергая осетинские притязания на Редантско-Балтинский район, Комиссия вполне справедливо отметила: «Что касается того, что Военно-Грузинская дорога крайне необходима для соединения с Южной Осетией (таким же манером, якобы для беженцев южан с Северной Осетии), как мы отмечали выше, отобрала у казаков их станицы, добившись их расказачивания, еще менее заслуживает внимания, ибо для осуществления желаний округлить и расширить Осетию ни в коем случае не могут быть забыты или отодвинуты весьма важные насущные интересы ингушской народности, несколько лет отражавшей удары контрреволюции, так же, как и интересы закрепления в последней Советской власти. Тем более в этом нет необходимости, поскольку Военно-Грузинская дорога является наиболее удобной связью Северной и Южной Осетий. А интересы Ингушской автономной области, и политические, и хозяйственные, не в пример Осетинской, очень тесно связаны со всем Балтинско-Редантским районом и Военно-Грузинской дорогой».

Специальная краевая Комиссия под председательством Дмитриева сделала еще один весьма важный вывод: Военно-Грузинская дорога, пролегающая через этот район, имеет для Ингушетии громадное значение, хотя бы по одному тому, что эта дорога является главным и единственным путем, связывающим Джейрахское и Мецхальское общества и горные пастбища общего пользования всего ингушского народа плоскостной Ингушетии».

Расширение своих территорий за счет ингушей и других соседних народов, при мощной поддержке Сталина, осетинской стороной велась по всем направлениям и на всех уровнях.

Что же касается фальшиво-подобострастных высказываний нынешних осетинских политиков в адрес казаков, то это всего лишь политическая игра с целью использовать их против ингушей и заодно

оттянуть неизбежное возвращение сопредельным народам аннексированных земель с использованием сталинских методов.

Осетинская атака на Владикавказ

Успешно развивавшаяся на начальном этапе молодая Ингушская Автономная область получила новый неожиданный удар от осетин, сумевших в своей антиингушской борьбе заполучить мощную поддержку в лице Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), на котором 13 октября 1928 года с докладом выступил секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Андрей Андреев. В принятом по докладу постановлении было записано: «Учитывая тот факт, что за период с момента образования национальных областей мы имеем значительные успехи советского строительства и укрепления органов Советской власти во всех национальных областях, и, с другой стороны, стоя перед задачей их дальнейшего культурно-политического и хозяйственного развития, считать необходимым присоединение города Владикавказа к Северо-Осетинской национальной области. Для разработки практических мер, вытекающих из этого постановления, образовать комиссию под председательством товарища В. Иванова, которой поручено исходить из необходимости быстрее проведения реорганизации, дабы обеспечить бесперебойную работу местных органов».

Как видим, аргументацией в пользу данного постановления руководители краевой парторганизации себя не утруждали. Нет ни малейшего упоминания о том, что город Владикавказ основан на ингушских землях, что город находится в окружении десятков ингушских сел, образующих Пригородный район, нет даже упоминания, что город Владикавказ – столица Ингушской автономной области, никто не спросил даже мнения ингушского народа, за счет чьих интересов крайком ВКП(б) намерен удовлетворить аппетиты осетин.

Для ингушей власти придумали оригинальную формулировку: «Учитывая также интересы Ингушской автономной области, считать необходимым для внимательного рассмотрения вопросов, связанных с обеспечением этих интересов, образовать комиссию, которой поручить разработать в двухнедельный срок в этом направлении ряд мероприятий».

Со всех сторон этого пресловутого постановления торчат хорошо знакомые «осетинские уши». Что касается А. Андреева, то он лишь добросовестно, а точнее, бессовестно исполнял указания И. Сталина, абсолютно не считаясь с интересами ингушского народа.

Наибольшая ответственность в решении этого тяжелейшего вопроса лежала на секретаре Ингушского обкома, члене ЦИК СССР Идрисе

Зязикове, благодаря которому ингуши на этот раз сумели отстоять город: ЦИК ВКП(б) и ЦИК СССР отменили решение крайкома партии «во избежание недовольства и трений между осетинскими и ингушскими народами». Это была победа, которая, к великому сожалению, обернулась для семьи И. Зязикова трагедией. Сталин не простил ему противостояния бредовой идее селективного покровительства осетинам за счет ингушей. Позже И. Зязиков был репрессирован, после нечеловеческих пыток убит в Грозненской тюрьме и похоронен на окраине Грозного в Тыртовой роще. Жена его Жанетта также была репрессирована, а председатель Ингушского облисполкома Али Горчханов закончил свой жизненный путь в сталинских лагерях.

Проиграв первое сражение по захвату Владикавказа, осетинские руководители начали готовиться к новому наступлению с неожиданной стороны: Осетия приступила к реализации ранее разработанного плана объединения Чечни и Ингушетии в одну автономию, что намного облегчало задачу вытеснения ингушей из Владикавказа. Ингуши тогда даже не предполагали, что за Владикавказом позже последует и вся Ингушетия, включая и Пригородный район.

И этот ход осетин И. Зязиков разгадал и сделал все возможное, чтобы не допустить упразднения Ингушской автономии, и добился отсрочки рассмотрения вопроса об объединении Чечни и Ингушетии.

Еще до постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) от 13 октября 1928 года, И. Зязиков и Булату сделали сообщение на бюро крайкома об объединении Чечни и Ингушетии.

Было принято постановление: «а) принять к сведению сообщение И. Зязикова и Булату; б) считать вопрос об объединении Чечни и Ингушетии на ближайший период преждевременным; в) поручить в месячный срок обследовать работу Национального Совета в области развития национальной культуры в общем, в частности проведение объединенной работы в Чеченской и Ингушской автономных областях; г) признать необходимым по окончании проработки созвать заседание работников из национальных областей для обсуждения этого вопроса и рассмотрение его в национальной комиссии».

И осетины, и сталинский порученец А. Андреев по осетинским делам прекрасно понимали трудность решения вопроса с объединением Чечни и Ингушетии, открывавшим путь к вытеснению ингушей из Владикавказа, пока Ингушетией руководит И. Зязиков, противник такого объединения. Он не был нужен, ибо мешал осуществлению коварных планов против ингушей. И его освобождают с поста первого секретаря Ингушского обкома ВКП(б) и направляют на курсы марксиз-

ма-ленинизма при ЦИК ВКП(б), а затем арестовывают с последующим физическим устранением. Путь к захвату Владикавказа был свободен, чем не преминули воспользоваться соседи ингушей – осетины.

В сентябре 1931 года город Владикавказ был переименован в город Орджоникидзе, а 20 июня 1933 года постановлением Президиума ВЦИК СССР город Орджоникидзе был включен в состав Северо-Осетинской автономной области. Первая атака осетин на город Владикавказ завершилась для них успешно.

Следующим этапом антиингушского плана должно было стать объединение Чечни и Ингушетии. Укрепившемуся у власти Сталину не составляло большого труда завершить и эту антиингушскую акцию.

Объединение Чечни и Ингушетии

Брошенный в застенки ЧК И. Зязиков, отстоявший город Владикавказ, уже не мог помочь своему народу. Зато активизировались антиингушские силы, которым через Центр удалось повернуть политическую авантюру по фактической ликвидации ингушской государственности.

19 декабря 1933 года методом опроса членов Президиума ВЦИК СССР было принято постановление «О порядке созыва Чрезвычайных Съездов Советов Чеченской и Ингушской автономных областей Северо-Кавказского края» с циничной антиконституционной формулировкой:

«Вследствие невозможности созыва районных Съездов Советов Чеченской и Ингушской автономных областей в короткий срок».

Подписали этот уникальный документ Председатель ВЦИК М. Калинин и Секретарь ВЦИК А. Киселев.

15 января 1934 года эти же конституционные «чудотворцы» подписывают Постановление Президиума ВЦИК «Об образовании Объединенной Чечено-Ингушской автономной области» с центром в городе Грозном.

Характерно, что уже в 1935 году решением Президиума ЦИК СССР И. Зязикова, арестованного в 1932 году, освобождают от дальнейшего отбывания наказания, который перебирается в Тулу и устраивается на работу нормировщиком на завод «Красный Октябрь».

5 декабря 1936 года в связи с принятием новой Конституции СССР Чечено-Ингушская Автономная область преобразована в Чечено-Ингушскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (ЧИАССР). Однако праздновать чеченцам и ингушам эту дату не довелось. Впереди маячил 1937 год, который показал всем чеченцам и ингушам сталинскую национальную политику со своей человеконенавистнической идеологией «реакционных народов».

В октябре 1937 года в сопровождении чекистского штаба в Чечено-Ингушетию прибыл кандидат в члены Политбюро, Председатель партколлегии КПК при ЦК ВКП(б) и Заместитель Ежова Шкирятов. Они усиленно занимаются распутыванием «буржуазно-националистического клубка». Шкирятов отдал приказ об аресте всех чеченцев и ингушей, являющихся членами Чечено-Ингушского обкома партии. Приказ Шкирятова распространяется на всех работников чеченцев и ингушей — от Председателя республиканского Правительства до Председателя сельсовета. Только в грозненской тюрьме и гараже НКВД находилось более 10 тысяч арестованных чеченцев и ингушей.

В Туле уже второй раз арестовывают И. Зязикова и под усиленной охраной доставляют в грозненскую тюрьму, и как отмечалось выше, он был казнен.

В декабре 1939 года власть оправдала его «за недоказанностью вины». Из Бутырской тюрьмы была освобождена жена И. Зязикова Жанетта.

Осетины с лихвой реализовали свои возможности не только против ингушей, но и против чеченцев, весьма искусно используя их в своей антиингушской политической интриге.

Разыгранный Сталиным в окружении осетинских аннексионистов политический фарс по объединению чеченцев и ингушей в ЧИАССР имел свое зловещее продолжение и подготовку репрессий целых народов, на острие которых оказались коренные кавказские народы. Для чеченцев и ингушей таким днем стало 23 февраля 1944 года. Всего Сталиным было репрессировано 13 народов.

Смерть Сталина в марте 1953 года дала толчок развитию процессов частичной реабилитации репрессированных народов. Потепление политического климата в стране началось после XX Съезда КПСС, на котором Н.С. Хрущев выступил со своим знаменитым докладом: «О культе личности и его последствиях». Никто тогда и не предполагал, что пройдет не многим более полувека, а страна не только развалится, но не сможет даже до конца освободиться от сталинских пут насилия над собственными гражданами с господствующей национальной политикой, не укладывающейся до сих пор в рамки цивилизованного общества.

Говоря о массовых выселениях народов, докладчик отметил: «В сознании каждого здравомыслящего человека не укладывается такое положение — как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям?».

Официально сталинский этап в разгроме ингушской государственности закончился 9 января 1957 года с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР» за № 149/14, который в тот период не публиковался.

В этот же день был издан и Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области».

Наиболее ожесточенное сопротивление выполнению решений партии и правительства оказывали власти СОАССР, получая при этом поддержку партийных организаций Северной Осетии, и допуская силовые акции с использованием милицейского континента против ингушей, вернувшихся в свой Пригородный район.

Вскоре на VI пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС, состоявшегося 12 августа 1957 с повесткой дня: «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 24 ноября 1956 года», «О восстановлении национальной автономии чеченского и ингушского народов» при участии секретаря ЦК КПСС Петра Пospelова, поднимался вопрос о необходимости возвращения Пригородного района в состав ЧИАССР.

На этом же пленуме выступил и противник возвращения ингушей к своим родным очагам Председатель Совета Министров СОАССР Б. Зангиев, который даже сказал в своем выступлении: «Говоря о Пригородном районе, мне хотелось заявить, что Северо-Осетинская партийная организация сделает все необходимое для того, чтобы в этом районе, как и во всей республике, и в нашей стране, в целом, развивалась и крепла дружная и единая семья тружеников русских, ингушей, осетин и других национальностей. Наша партийная организация ведет и будет вести решительную борьбу со всякого рода националистическими проявлениями, в какой бы форме они ни выражались и от кого бы они ни исходили.

Мы уверены, что в единой братской семье трудящихся нашей республики и впредь успешно будут решаться поставленные перед нами партией хозяйственно-политические задачи».

К этому следует добавить обращение первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС А. Агкацева к руководству страны с просьбой оставить в составе СОАССР ингушский Пригородный район, подкрепив свою просьбу словами: «Мы превратим Пригородный район в плацдарм для демонстрации дружбы народов СССР». Сегодня этот самый «плацдарм для демонстрации дружбы народов СССР», благодаря осетинским стараниям, превратился в плацдарм для откровенно

циничных издевательств над ингушским населением Пригородного района, незаконно удерживаемого РСО-А при открытой поддержке федерального центра.

Январские события 1973 года и Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года

Январским событиям предшествовала активизация передовой части ингушской интеллигенции, которая и подготовила на имя руководства страны знаменитое письмо «О судьбе ингушского народа». В письме ингуши в декабре 1972 года самым серьезным образом поставили перед ЦК КПСС и Советским правительством вопрос о необходимости восстановления территориальной целостности Ингушетии, как неотъемлемой части восстановленной ЧИАССР в любой приемлемой форме государственного образования.

Впервые в письме указывались все 39 населенных пунктов, изъятых у ингушей ради осетинских аннексионистских устремлений и сегодня находящихся в составе РСО-А, за исключением древнего села Гвилети, еще в 1928 году входившего в состав РСФСР.

16 января 1973 года ингуши заполнили площадь имени Ленина перед зданием Чечено-Ингушского обкома КПСС в городе Грозном.

Митинг, начавшийся в 10 часов утра, беспрерывно продолжался до 4 часов утра 19 января. В повестке дня был один вопрос – возвращение ингушам отнятой у них Сталиным родины. Нужно особо отметить, что это был не только исключительно мирный и демократический митинг, но и митинг высокоорганизованный и дисциплинированный. Не было ни одного случая хулиганства, нарушения общественного порядка или националистических высказываний. И, несмотря на это, руководство республики совершенно необоснованно приписало участникам этого митинга целый букет грехов, которых они не совершали. 19 января на рассвете ингушей оцепили наряды солдат и милиции с пожарными машинами, дубинками и саперными лопатками, разумеется, пуская их в ход. Все это на языке партийных бонз и правоохранительных органов называлось применением административных мер. Участники митинга проявили традиционную для ингушей высокую политическую зрелость, выдержку и хладнокровие.

Клеветническая кампания против ингушей, начатая местным руководством, после этого митинга приняла широкий размах, в результате чего в республике сложилась исключительно напряженная, нервная обстановка.

Чечено-Ингушский обком КПСС, по заданию Кремля, вместо осетин выполнил всю грязную работу, направленную против ингушей. Точку здесь поставил 21 января 1973 года прибывший в Чечено-Ингушетию Председатель Советам Министров РСФСР М.С. Соломенцев, заявив ингушам (и чеченцам тоже): «Вы не реабилитированы, а помилованы».

Осетины восприняли это кощунственное заявление кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС М.С. Соломенцева, как руководство к антиингушским действиям.

Начавшаяся в советском обществе перестройка вселила в ингушей надежду на изменения в лучшую сторону в своей судьбе.

В июле 1988 года начался новый этап в национальном ингушском движении по возврату аннексированных ингушских земель и справедливого решения ингушского вопроса.

С подготовленным обращением ингушского народа к руководителям ЦК КПСС и Советского Правительства в октябре 1988 года негласно в Москву выехала ингушская делегация из пяти человек в составе: Шукри Дахкильгова, Башира Тимурзиева, Джабраила Куштова, Магомеда Илиева и Беслана Костоева. В Москве делегацию принял и разместил у себя бессменный редактор писем и обращений ингушей в центральные органы, преподаватель Литературного института им. М. Горького, литературный критик Алихан Костоев. 18 октября документ был вручен адресатам, состоялись встречи членов делегации в ЦК КПСС, Прокуратуре СССР. 26 октября 1988 года делегация вернулась домой.

Летом 1989 года началась подготовка к проведению II съезда ингушского народа. Съезд состоялся в городе Грозном в ДК им. Ленина 9–10 сентября 1989 года и прошел как всеобщий праздник ингушского народа. Съездом была принята резолюция об образовании Ингушской АССР.

Второй съезд ингушского народа стал значительным и памятным событием в истории Ингушетии за 70 лет после Первого съезда в 1919 году. Ингуши впервые собрались на всеобщий, всенародный форум, чтобы высказаться о наболевшем.

Как метко заметил делегат и редактор материалов Второго съезда А. Костоев: «Съезд проявил мудрость и мужество, выдержку и благородство, страсть и спокойствие, и главное – готовность каждого бороться за национальную честь, правовую устойчивость своего народа, за древнюю Отчизну свою, за землю родную, за вековые очаги и святы-

ни. Вся работа съезда была подчинена высокой цели – восстановлению автономии ингушского народа».

Добавим к этому, что Второй съезд ингушского народа был первым, поистине народным съездом на территории СССР в тот период!

1 сентября 1989 года, за восемь дней до открытия Второго съезда ингушского народа, на имя руководителей КПСС и Правительства СССР было отправлено обращение группы лиц из Северной Осетии во главе с народным депутатом СССР Валентиной Бязыровой, где была сделана попытка поставить осетино-ингушские отношения с ног на голову, заодно умышленно искажая историю этих отношений и, фактически, оправдывая сталинские депортации для окончательного закрепления преступной политики аннексий ингушских земель.

Характерно, что именно этот документ лег в основу лживой политики осетинского противостояния справедливому решению ингушского вопроса. Все последующие события показали неподготовленность ингушей в интенсивном противостоянии осетинской идеологической системе, на чем мы остановимся специально.

После Второго съезда ингуши с определенными надеждами на улучшение осетино-ингушских отношений восприняли встречу с первым секретарем Северо-Осетинского обкома КПСС Александром Дзасоховым. Встреча эта состоялась 16 сентября 1989 года в городе Орджоникидзе и прошла в дружественной атмосфере.

Завершая беседу, А. Дзасохов сделал заявление, актуальное и сегодня: «Мы у ингушей их Родину – Пригородный район и часть Малгобекского района не отбирали. Нам их передала Россия, и если Россия примет закон о реабилитации ингушского народа, осетины достойно пройдут свою часть пути, и мы вернем ваши земли. Их надо было вернуть еще в 1957 году. Тогда нам всем было бы сегодня легче».

Стремительно менявшаяся в СССР ситуация, уверенно шедшего к своему неминуемому развалу, и нерешенные проблемы репрессированных народов поставили перед ними задачу законодательным путем добиться своей реабилитации.

По инициативе народных депутатов Верховного Совета РСФСР от репрессированных народов был поставлен вопрос о принятии такого закона.

Северная Осетия, идя по хорошо накатанной дорожке, пыталась, и безуспешно, создавать ситуации, могущие осложнить отношения между осетинами и ингушами, организуя провокации против ингушей Пригородного района, чтобы сорвать принятие закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов».

Уже 20 апреля 1990 года Верховный Совет СОАССР своим постановлением вводит в Пригородном районе и городе Владикавказе, в местах компактного проживания ингушей, чрезвычайное положение.

24 апреля 1991 года народные депутаты РСФСР и СССР от репрессированных народов при участии ингушского Оргкомитета по восстановлению ингушской государственности встретились с Председателем ВС РСФСР Б.Н. Ельциным. На встрече шел разговор о предстоящем 26 апреля рассмотрении на заседании ВС проекта закона «О реабилитации репрессированных народов». Б. Ельцин поддержал просьбу делегаций, под председательством которого 26 апреля проект и был принят.

В этот же день ВС РСФСР принял постановление «о порядке введения в действие закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов».

Уже в мае того же года Совет Министров РСФСР за подписью зам. председателя О. Лобова издает распоряжение № 468–Р, в котором говорится: «В целях реализации закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» Минюсту РСФСР, КГБ РСФСР, Прокуратуре РСФСР, Комитету по делам архивов при Совете Министров РСФСР до 1 августа 1991 года подготовить предложение об отмене всех актов Правительства РСФСР, министерств и ведомств РСФСР, послуживших основой для противоправного насильственного переселения из мест постоянного проживания, ограничения прав граждан репрессированных народов, а также незаконной ликвидации национальных государственных образований».

3 июня за подписью Б. Ельцина издается распоряжение Председателя Верховного Совета РСФСР «О мерах по укреплению правопорядка в районах Северной Осетии и Чечено-Ингушетии в целях предотвращения эскалации межнациональных конфликтов, обеспечении безопасности и спокойствия граждан, проживающих на Северном Кавказе».

Однако это не останавливает осетинские провокации против ингушей Пригородного района и г. Владикавказа. Активизируются осетинские провокации против ингушей Северной Осетии. Взрывным устройством разрушен дом ветерана Великой Отечественной Войны ингуша М.С. Осканова, проживающего в г. Владикавказе. В этом же месяце дважды был взорван дом ингуша, тоже ветерана ВОВ А.Х. Добриева.

В селе Октябрьском в разное время также были взорваны дома ингушей Д. Бузуртанова, Ю. Даскиева и других. Антиингушский террор начал расширяться, перейдя в дальнейшем в антиингушскую войну с этнической чисткой.

Постановление Совета Министров СССР «Об отмене 56 актов высших органов государственной власти СССР, послуживших основанием для совершения репрессий против народов» не остановило террор. Не помогло и избрание Б. Ельцина 12 июня первым Президентом России. Уже 13 июня секретариат ЦК КПСС выносит решение «О некоторых проблемах, связанных с реабилитацией репрессированных народов», подписанное секретарем ЦК КПСС по идеологии, бывшим первым секретарем Северо-Осетинского обкома КПСС А. Дзасоховым, который распорядился разослать во все партийные организации СССР указания, направленные против реабилитации репрессированных народов. И только события в Москве 18–21 августа, связанные с ГКЧП, с последующим распадом СССР, помешали в тот период СОАССР на начальном этапе окончательно похоронить закон «О реабилитации репрессированных народов», хотя борьба против этого закона не прекращается до настоящего времени.

Одностороннее провозглашение Д. Дудаевым независимости Чечни вынудило ингушей ускорить процесс провозглашения своей государственности, что и произошло 4 июня 1992 года, по итогам референдума ингушского народа от 30 ноября 1991 года.

Осетино-Ингушская война

Еще до проведения референдума ингушского народа об образовании Ингушской Республики, тайне от общественности, лидер Северной Осетии А. Галазов со своим ближайшим окружением разрабатывал чудовищный план этнической чистки ингушей – граждан Северной Осетии, прежде чем молодой субъект станет на ноги.

Осетинские байки об ингушской агрессии против Северной Осетии в период семидневной российско-осетино-ингушской войны – для непосвященных. Когда, как и кто готовил и развязал эту преступную войну – хорошо известно. Известны и цели этой войны. Об этом много и открыто говорилось и писалось.

Что касается политической оценки Сергея Шахрая, то ее нельзя рассматривать всерьез, в силу запутанного понимания автором проблемы из-за некомпетентности и нежелания разобраться объективно в природе самого осетино-ингушского конфликта.

Ошибочно представлявшийся некоторыми СМИ как один из разработчиков закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», он сам признался в своей непричастности к этому документу. «Тайну» С. Шахрая раскрыл сам А. Галазов, тоже так считавший. В

своей работе, изданной в 2002 году, он приводит свой разговор с ним: «Сергей Михайлович, кроме того прошу учесть, что Вас... считают автором закона «О реабилитации репрессированных народов», статьи 3 и 6 которого для ингушей стали правовой основой совершения агрессии против нашей республики.

– К этим статьям я никакого отношения не имею. Их готовили втайне от меня. Здесь я совершенно чист».

В своей работе профессор Валерий Тишков, руководивший в этот период национальной политикой РФ, сделал весьма любопытные сообщения о механизме возникновения осетино-ингушского конфликта, говорящем непосвященному читателю о многом. Некоторые его выводы и сообщения представляют несомненный интерес как попытка честного осмысления происшедшего.

«Имеются данные, – сообщает профессор В. Тишков, – что в конце лета 1992 года в среде республиканского руководства сложился план осуществления этнической чистки, т. е. изгнания ингушей с территории Северной Осетии. Открыто подобных высказываний не делалось, но корреспондент радио «Свобода» Марк Дейч в сообщении из зоны конфликта 30 октября передал показания капитана милиции Владимира Валиева – работника Черменского поселкового отделения милиции: «За последние три месяца, регулярно, по понедельникам, после подведения общего итога, обычно в кабинете начальника районного отделения внутренних дел Дзыкаева, проводились закрытые совещания о ходе подготовки к вооруженной акции. На таких совещаниях обычно присутствовали министр Кантемиров или один из его заместителей. В начале августа на совещании сотрудников Пригородного района РОВД, на котором присутствовал сам министр Кантемиров, была следующая повестка дня: «О начале усиленной подготовки вооруженной акции и задачах, вытекающих из этого». С информацией выступил сам министр. В ней он вскользь подчеркнул, что идея эта исходит из Москвы, а точнее, от министра Ерина. Также он сообщил, что для этого нашему министру Москва обещала в случае успешного осуществления акции повышенные оклады, а также всяческую поддержку техникой и вооружением. Уже на следующем совещании появились первые результаты: в частности, штат ОМОНа повысили от 200 до 1000 человек. Об этом тогда доложил зам. министра, депутат России Батагов.

На совещании напрямую не говорилось, но не трудно было догадаться: от нас требовали только найти малейший повод, чтобы разжечь конфликт дальше, с последующим вовлечением российских войск. Ориентировочные сроки военных провокаций были высказаны на закрытом

совещании, которое состоялось в последний понедельник августа. На нем выступил зам. министра Сикоев. Он предложил, и это было единодушно принято, что в конце октября, когда в основном будут закончены полевые работы, надо спровоцировать столкновение. На последующих совещаниях начальник отдела Дживаев докладывал о тех дополнениях, которые принимались в МВД и ВС. В частности, в первой половине октября заместитель начальника РОВД Кокаев сообщил, что выделены дополнительные средства для ополчения, в частности, выделили БТРы для Тарского и Чермена. Также выделили автоматическое оружие, и было принято решение на время спрятать БТРы в селе Ольгинское... Руководителем всей этой акции был Галазов, а заместителем Кантемиров».

Еще осенью 1991 года Управлением сельского хозяйства Пригородного района была приобретена 21 армейская машина с приборами ночного видения и радиостанциями. Летом 1992 года в Северной Осетии участились случаи захватов и кражи вооружения из арсеналов российской армии, вдобавок к тому, что Осетия получила из оборонных предприятий ВПК, расположенных в городе Владикавказе.

Эта чудовищная и по замыслу, и по исполнению бойня ингушей, которых принесли в жертву антигосударственным групповым интересам, позволили уважаемому профессору, как отмечалось в ряде публикаций, сказать: «Я все более склоняюсь к мнению, что финальная трагическая стадия конфликта оказалась возможной в условиях, когда высшее руководство России разменяло индульгенцию на этническую чистку в обмен на возможность использовать ситуацию для решения проблемы восстановления власти над Чечней...».

Против 70 тысяч мирных жителей ингушской национальности, более половины из которых – старики, женщины, дети, была брошена военная группировка из более 68 тысяч бойцов, на вооружении которых находились танки, БТРы, БМП, ракетные установки «Град» и «Алазань», САУ, самолеты, вертолеты, автоматическое стрелковое оружие, снайперские винтовки, гранатометы и так далее, полученные от федерального Центра, по личному указанию гаранта Конституции и «большого» демократа, первого Президента РФ Б. Ельцина, однозначно выступившего на стороне осетин против гражданского ингушского населения, проживавшего на единой территории субъекта РФ.

Прибывшие в разгар боевых действий 31 октября члены правительственной делегации РФ однозначно и полностью приняли осетинскую версию о том, что ингушская сторона совершила заранее спланированную агрессию с целью отторжения Пригородного района, хотя сам А. Галазов, еще в феврале 1992 года, уже на повестке дня ВС СО АССР

делал пометки о планировавшейся им антиингушской провокации с применением военной силы.

Метко заметил В. Тишков: «С этого момента Центр однозначно солидаризировался с одной из конфликтующих сторон и фактически дал санкцию и обеспечил материальные условия для вооруженных действий и массового насилия в отношении гражданского населения ингушской национальности. Именно в этот критический момент проявился фатальный подход посткоммунистической молодой политики и унаследованного ею советского менталитета, суть которых в пренебрежении властями своей главной миссии – обеспечение безопасности и гарантии жизни управляемых ими граждан».

Объединенная военная группировка обеих Осетий, проявляя небывалую жестокость, в буквальном смысле слова стерла с лица земли 16 крупных ингушских сел, в которых проживало более 70 тысяч ингушей, половина из которых, по вине осетинских властей, даже не были прописаны со дня их возвращения из мест депортации.

Кремль даже не представлял себе, что «в этой не простой ситуации высокопоставленные чиновники Чечни и обеих Осетий зачастили друг к другу с дружескими визитами. Только за октябрь 1992 года осетинская делегация дважды посетила Грозный, а генерал Дудаев дважды побывал в г. Владикавказе. Он заверил осетинское руководство, что Чечня не будет вмешиваться в осетино-ингушский конфликт». Это обстоятельство было весьма искусно использовано руководством СО АССР во главе с А. Галазовым при прямой поддержке России. Реализация преступного сценария Северной Осетии в антиингушской агрессии была осуществлена по ранее разработанному плану.

В свете сказанного выше, война между осетинами и ингушами в октябре–ноябре 1992 года не является осетино-ингушским вооруженным конфликтом и не отражает цели этой войны в полной мере, ибо это был российско-осетино-ингушский вооруженный конфликт, в котором Россия и Осетия в единой связке выступали против ингушей, конфликт, ставший прологом к широкомасштабной коммерческой войне, спровоцированной и Грозным, и Москвой, не говоря уже о Владикавказе.

Такова природа и научное название этих двух войн на территории России против граждан РФ, изменившие кардинально представления миллионов людей об идеологии и государственном устройстве России на постсоветском пространстве.

Северная Осетия поставила рекорд политического цинизма и неуважения к ингушскому народу и к законам РФ, подписав более 200 двусторонних и трехсторонних соглашений по урегулированию осе-

тино-ингушских отношений, невыполненных до настоящего времени. После российско-осетино-ингушской войны 30 октября – 6 ноября 1992 года, пренебрегая с 10 июня 2002 года по настоящее время всеми указаниями Главы РФ, РСО-А дошла до бесстыдства, обвиняя руководство РИ, принявшего к себе более 18 тысяч граждан Северной Осетии ингушской национальности – жертв этнической чистки, хотя Ингушетия совершила нравственный подвиг, фактически выполняя задачу обустройства граждан РСО-А на своей территории.

Касаясь чрезвычайно важного вопроса возврата ингушских территорий, аннексированных при прямой поддержке Сталина и незаконно удерживаемых Северной Осетией, следует сказать вот о чем.

Выселение ингушей 23 февраля 1944 года признано законодательно антиконституционным. Официально в репрессиях ингушей СОАССР участия не принимала, хотя осетинское закулисное и сыграло здесь зловещую роль. Этим занималось руководство СССР и РСФСР во главе с КПСС.

Поскольку Россия объявила себя перед мировым сообществом правопреемницей СССР, то ей и карты в руки, тем более, что закон «О реабилитации репрессированных народов» принят российским парламентом еще в апреле 1991 года, когда действовали Конституции СССР и РСФСР.

Что касается РСО-А, то ей в исправлении исторических и политико-правовых ошибок сталинского тоталитарного режима может быть отведена, в лучшем случае, роль по механической передаче ингушских земель истинным хозяевам, пресекая непрерывные политические инсинуации осетинского руководства.

Ингушетия вошла в состав Российского государства для того, чтобы развивать свою государственность в фарватере российской политики, именно Кремль должен пресечь противодействие восстановлению исторической правды в отношении репрессированных народов.

Любые действия, направленные на аннексию территорий одного народа в пользу другого, одного субъекта РФ в пользу другого, должны быть немедленно остановлены навсегда. Нельзя строить гражданское общество в России, нарушая и собственную конституцию, и международное право.

Положить конец этому этническому насилию обязана прежде всего Россия, и слово здесь за Гарантом Конституции РФ, Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным.

Ингуши твердо убеждены, что Президент РФ полностью и окончательно восстановит гражданские и конституционные права ингушского народа, преступным путем лишенного своей Родины.

Последняя атака осетин

Происходящее сегодня на территории ингушского Пригородного района, оккупированного РСО-А, неминуемо приведет к усилению напряженности в осетино-ингушских отношениях. Более того, готовится широкомасштабная антиингушская атака осетин, поддерживаемая ЮФО.

Может случиться так, что эта атака захлебнется в чрезвычайной самоуверенности, политическом цинизме, оголтелой ксенофобии осетин по отношению к ингушам.

На вершине реакционного политического курса осетинской аннексии земель сопредельных народов Северного Кавказа, особенно ингушских, сегодня оказался новый глава РСО-А Таймураз Дзамбекович Мамсуров, претендующий даже на роль российского политика.

Ниже подробнее остановимся на фигуре нового лидера Северной Осетии, твердо занимающего агрессивную позицию по отношению к своему ближайшему соседу – ингушскому народу, сталинская репрессия которого, при активнейшем участии осетинской стороны, продолжается и поныне.

Т.Д. Мамсуров родился 13 апреля 1954 года в городе Беслане Правобережного района СО АССР.

В 1976 году окончил Северо-Кавказский горно-металлургический институт (факультет промышленного и гражданского строительства).

С 1978 года находился на комсомольской работе.

В 1982 году был переведен в Москву, где работал инструктором отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ.

В 1983 году вернулся в республику и был избран первым секретарем Северо-Осетинского обкома ВЛКСМ.

С 1985 года постоянно избирался депутатом высшего законодательного и представительного органа республики.

В 1986 году поступил в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, а в 1989 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

По возвращению в республику работал инспектором Северо-Осетинского обкома КПСС, а с 1990 года – председателем исполнительного комитета Правобережного Совета народных депутатов г. Беслана.

В 1994 году был избран первым заместителем Председателя Верховного Совета РСО-А.

С 1995 года возглавлял администрацию местного самоуправления Правобережного района РСО-А.

С февраля 1998 года по октябрь 2000 г. работал Председателем Правительства РСО-А.

19 октября 2000 года Т. Мамсуров избирается Председателем Парламента Республики Северной Осетии-Алании второго, а в 2003 г. – третьего созыва.

В марте 2002 года избран секретарем Политсовета регионального отделения партии «Единая Россия».

7 июня 2005 года утвержден парламентом республики на посту Главы РСО-А.

В мае 2002 года Т. Мамсуров защитил в РАН диссертацию «Этно-политические и региональные проблемы развития российского федерализма» на соискание ученой степени доктора политических наук.

Президиум ВАК своим решением от 18 октября 2002 года присудил Т. Мамсурову ученую степень доктора наук. Ученик и соратник палача ингушского народа Ахсарбека Галазова, организатора и руководителя этнической чистки ингушей – граждан РСО-А в октябре–ноябре 1992 года.

Как и следовало ожидать, докторант сознательно запутал и исказил суть национальной политики вообще и осетино-ингушских отношений в частности, работая по идеологии осетинской аннексии, хотя внешние признаки попыток научного анализа и присутствуют, но отсутствуют объективные оценки политической ситуации на Кавказском направлении, и особенно в осетино-ингушских отношениях.

Диссертант цитирует выдержку из доклада экспертов Совета миротворческой миссии на Северном Кавказе в августе 1999 г., где говорится: «Если и есть где реальная угроза национальной безопасности Российской Федерации, ее целостности и суверенитету, так это на Северном Кавказе. Именно здесь проявился феномен массового выхода части населения из правового пространства и возник район вооруженного сепаратизма, не контролируемый российскими властями. Именно тут радикальный этнический национализм и религиозный экстремизм обрели откровенно насильственные и варварские формы, бросив вызов не только государству, но и общественным устоям, традициям и ценностям местного населения. Именно в этом регионе современная российская политика породила наиболее трагические ошибки и вызвала массовые жертвы и разрушения».

Докторант, разумеется, преднамеренно умалчивает, что именно РСО-А является катализатором этих процессов на Северном Кавказе в последние 100 лет.

Приводя в целом правильную цитату, Т. Мамсуров «постеснялся» сказать, что именно осетинские аннекционисты при прямой поддержке

российских властей провели чудовищную этническую чистку в отношении граждан ингушской национальности Пригородного района и г. Владикавказа, впервые на территории постсоветской России, вопреки Конституции РФ и международному праву, продолжая и закрепляя сталинские традиции.

В диссертации на с. 6 отмечается: «В 1770 году старшины Восточной Осетии обратились к кизлярскому коменданту И. Немичу с просьбой «поступить в вечное Ее императорского величества подданство». Просьба их была немедленно удовлетворена. Одновременно в состав России добровольно вошла Ингушетия».

Данная цитата требует уточнений.

Во-первых, Осетия в 1770 году в состав России не входила, а вошла она в 1774 году, что подтвердил и А. Галазов своим указом от 12 мая 1994 года, отмечая на государственном уровне 220-летие добровольного вхождения Осетии в состав России.

Что касается Ингушетии, то процесс добровольного вхождения ингушей в состав России носил длительный, постепенный характер. И, начавшись в 1567 году, завершился в 1770 году подписанием Договора о вечном единении Ингушетии с Россией, который летом того же года был утвержден Коллегией иностранных дел Российской империи.

Республика Ингушетия сегодня готовится в торжественной обстановке отметить 240-летие этой знаменательной даты. Уже образован специальный юбилейный Комитет–240.

На с. 156–157 докторант делает ряд несоответствующих действительности заявлений, направленных против репрессированных народов и закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», пропагандируя, прежде всего среди осетин, культ чужих территорий. Что касается нелепых заявлений осетинских ученых и политиков о том, что «значительная их часть (соседних народов – Б. К.) была насильственно переселена на их земли и в дома депортированного населения», то это хорошо срежиссированная ложь в виде позорно провалившегося еще в 1991 году проекта закона «О насильственно переселенных народах и гражданах», ввиду полного отсутствия самого этого факта.

Несомненно, утверждение докторанта и опытного политика нельзя расценивать иначе, как политический пиар ради оправдания сталинщины и оккупации осетинами чужих земель.

В этом отношении весьма характерен протокол № 1 Совещания Республиканской переселенческой комиссии при Совнарком Северо-Осетинской АССР от 5 марта 1944 года с повесткой дня: «Информация председателя Республиканской переселенческой комиссии тов. Бобки-

на о мероприятиях по проведению переселения из старых в новые (ингушские – Б. К.) районы республики».

Заявления по переселению в ингушские дома принимались на конкурсной основе. Все это прекрасно известно Т. Мамсурову, ибо архивы принадлежат Северной Осетии, где он работал главой правительства и парламента.

Целый ряд принципиальных ошибок и отсутствие научной добросовестности и объективности в исследуемом вопросе не позволили диссертанту занять позицию честного ученого, и, тем не менее, РСО-А получила нового доктора политических наук, ставшего в наши дни главой РСО-А, при молчаливом одобрении Ученого Совета РАН и ВАК, проигнорировавших обилие ошибок и ложных заявлений по национальной политике РФ, и без них успешно хромающей.

Новый глава РСО-А Т. Мамсуров начал свою деятельность с защиты Виталия Калоева, осужденного швейцарским судом на 8 лет за умышленное убийство авиационного диспетчера Петера Нильсона, что вообще-то, по-человечески, хотя и с трудом, можно понять, как потерявшего всю семью в авиакатастрофе.

Но можно ли понять массированное, иезуитское давление осетинских властей, оказываемое на ингушей Пригородного района, тоже граждан РСО-А, на всей территории Северной Осетии?

Даже попытки ингушских властей поддержать ингушей из Северной Осетии, притесняемых осетинской стороной на своей исконной территории Пригородного района, Т. Мамсуров рассматривает как вмешательство в дела РСО-А. Чтобы защитить одного осетина, глава РСО-А летит в Швейцарию, одновременно издеваясь над десятками тысяч ингушей, не давая им жить на своей земле.

Гигантская ложь и непрекращающееся силовое противодействие возвращению ингушей к своим родным очагам стали нормой поведения осетинских властей, да и народа в целом, одурманенного официальной антиингушской пропагандой. Слишком привлекательны оказались для осетин чужие земли, чужие дома, чужое имущество. Самое трагичное здесь – открытое потворство федеральных властей осетинскому насилию по этническому признаку.

Занимающий твердую антиингушскую позицию в вопросах полной и окончательной реабилитации ингушских депортантов полпред Президента в ЮФО Дмитрий Козак на этом поприще превзошел самого себя и своих предшественников. В этом отношении характерно его интервью телеканалу ТВ-Центр 9 октября 2006 года, прозвучавшее в телефильме «Ингушетия, Северная Осетия: По закону гор», который я и привожу ниже с сохранением оригинальной орфографии и стиля изложения.

Д. Козак: «Считаю, что закон о вынужденных переселенцах чрезвычайно либерален. Считаю, что мы, ну, создали такой, своего рода Совбез, в который рискует превратиться, так сказать, Федеральная миграционная служба.

Мы с чем столкнулись на сегодняшний день, так сказать. Да, люди, числятся там вынужденными переселенцами, на все призывы Федеральной миграционной службы о том, чтобы прийти там оформить документы, получить помощь, обустроиться, так сказать, да, не являются.... Сами, свои права, так сказать, там, не заявляют, не требуют там, не подтверждают, не опровергают там, да? Так сказать.

Где-то кто-то выходит, там, пользуются, все время на митинги, кричат, что у нас много вынужденных переселенцев.

Нам необходимо ужесточить законодательство. Государство не должно, люди сами должны о себе заботиться.

Государство не должно бегать как вот сегодня сложилось: Федеральная миграционная служба, значит, создает мобильную группу, ездит по всей Ингушетии, ищет вынужденных переселенцев, просит их так сказать, да, прийти получить деньги, там, так сказать, да, сказать, где они хотят жить, там и так далее... это тоже недопустимо...

Кричать по поводу того, что верните мне немедленно, откройте все населенные пункты, ну, они как бы формально, они не закрыты. Они открыты в головах у людей. Мы по приказу их не переломим. Если есть опасность, что, так сказать, там найдутся, я не знаю, молодые там, или старые люди, так сказать, враждебно настроенные по отношению к людям ингушской национальности, так, сожгут дом, так сказать, да, не дай Бог произойдет кровопролитие. За каждым лицом, так сказать, там, ингушской национальности мы не приставим там милиционера, чтобы он день и ночь его охранял. Нет такой возможности. Это тоже нужно честно сказать...

Сказать, что возможность повторения этих событий сегодня полностью устранена, причины условий устранены, мы не можем. И, поэтому, конечно, так сказать, надо сделать все, для того чтобы:

а) это не повторилось;

б) устранить всякие, так сказать, причины, да. Они, скорее, носят не только ментальный характер, так сказать, это немножко сложнее, да, сделать, а еще и кроется политическая область, в памяти ныне живущих людей, так сказать, да, очень глубоко сидит проблема депортации различных народов, перераспределение границ...

Не надо создавать такие правила, такие условия, когда становиться беженцами или вынужденными переселенцами выгодно. Все мы стол-

кнулись сегодня, так сказать, в той же Северной Осетии: люди проживали там в момент конфликта в общежитии, имели койко-место в общежитии.

Сегодня выдвигаются требования: квартиру, полноценную, там, так сказать, по норме 18 м² на человека, с учетом членов семьи. Так не бывает, так не бывает, да, понятно, что люди попали в беду, мы им сочувствуем, там, и так далее. Но никто не должен в результате получения статуса вынужденного переселенца стать в более выгодном положении, чем он был до этого...

Если вы говорите о вреде дотаций, вроде иждивенчества, то это абсолютно правильно.

Необходимо создать систему стимула для органов государственной власти субъектов Федерации, для органов местного самоуправления, стимула к тому, чтобы они развивали экономику. Создавали рабочие места, а не пытались жить за счет дотаций».

ГРУ может гордиться своим бывшим спецназовцем, которого похвалил и бывший министр обороны РФ Сергей Иванов за успехи на политическом поприще. Уж лучше бы наш министр – филолог, теперь уже первый заместитель председателя правительства РФ, обучил Дмитрия Николаевича русскому языку; самое удивительное здесь – как может такой «специалист» управлять одним из сложнейших регионов России?

Телеинтервью Д. Козака – будущая основа новой вражды между народами Кавказа, циничное пренебрежение по отношению к репрессированному ингушскому народу, не только не пресекая насилие осетинских властей над гражданами Российской Федерации ингушской национальности, но и поощряя даже это насилие, позоря Россию перед мировым демократическим сообществом, и, фактически, оправдывая чудовищное насилие Сталина над народами и Кавказа, и СССР.

То, что сегодня происходит в РСО-А – это не просто насилие над ингушским народом, сопровождаемое хорошо налаженной системной ложью, а особый феномен фашизма, который смело можно классифицировать как этнический фашизм осетинского разлива. Фюрером осетинского этнического фашизма сегодня стал новый лидер РСО-А Т. Мамсуров, которого безоговорочно поддерживает Д. Козак, работающий по осетинскому сценарию, при одобрении федерального Центра, что может стать причиной беспрецедентного нарушения Конституции РФ с осложнением общей ситуации на Кавказе. Неуважение к народам не приведет к добру.

Диктатура закона в одной из тонких областей государственной политики – национальных отношений – так и не стала реальностью. Пока

не будут привлечены к ответственности виновники межнационального бедлама, не видать Кавказу порядка.

Политика антиингушского противостояния осетин во главе с талантливым учеником А. Галазова и преемником А. Дзасохова Т. Мамсуровым вынудили меня обратиться к российскому омбудсмену, участвовавшему в заседании «круглого стола», прошедшего 8 февраля 2007 года, со своим авторским примечанием, которое я и привожу целиком.

*Уполномоченному по правам человека
в Российской Федерации
В.П. Лукину*

В канун 62-й годовщины Великой Победы народов СССР и России обращаюсь к Вам по чрезвычайно важному вопросу.

Все народы Советского Союза в тяжелейшей борьбе остановили немецко-фашистских захватчиков, вероломно вторгшихся в нашу страну. Последствия этой войны не до конца еще ликвидированы, что отрицательно сказывается на межнациональных отношениях, особенно на Северном Кавказе, и даже в зоне Большого Кавказа. К сожалению, российская национальная политика оказалась ущербной, прежде всего из-за грубого нарушения паритета между народами Кавказа. В основу национальной политики была положена пресловутая сталинская концепция жестоких репрессий с всеобщей депортации целых народов с последующим раздариванием их территорий селективно выбранным народам, тем самым, усиливая традиции ксенофобии в среде обласканных народов.

Сегодня наиболее ярко такая политика прослеживается по отношению к ингушскому народу, более 40 процентов территорий которого подарены осетинам. Нынешняя российская власть открыто поддерживает и поощряет антиингушский курс Северной Осетии, пренебрегая собственными законами «О реабилитации репрессированных народов» и «Реабилитации жертв политических репрессий», не говоря уже о пренебрежении России к Основному Закону и нормам международного права.

В канун 62-й годовщины Победы над фашизмом нарушение гражданских прав ингушей, пытающихся всего лишь жить в своих родных очагах на своей Родине – Пригородном и части Малгобекского районов, при поддержке России удерживаемых Северной Осетией, не только не спадает, но даже приобретает все более изощренные формы. Прессинг руководства РСО-А по отношению к ингушам носит настолько оголтелый и циничный характер, что можно смело утверждать об осетинском этническом фашизме, направленном против ингушского населения.

Предки ингушей еще в 1770 году добровольно вошли в состав Российского государства не для того, чтобы нынешняя Россия нарушала их конституционные права ради аннексионистских интересов Осетии, а для самосохранения и равного с другими народами развития.

Ярчайшим примером проявления осетинского этнического фашизма сегодня стала судьба советского солдата – ингуша, вынужденного переселенца, человека легендарной биографии – Саадуллы Баадуловича Арсамакова.

С. Б. Арсамаков, которому 7 января этого года исполнилось 89 лет, является уроженцем села Базоркино Пригородного района Ингушетии, в то время входившей в состав Терской области.

В 1940 г. курсант Орджоникидзевского пехотного училища С. Арсамаков в связи с обострением международной обстановки направляется в г. Ленинакан в составе 35-го отдельного минометного батальона, который позже вошел в состав 20-й горно-стрелковой дивизии Закавказского фронта, переброшенной 14 августа 1941 года в Тегеран, где в то время был размещен военный плацдарм фашистских оккупантов для захвата нефтепромыслов Азербайджана. Дивизия успешно выполнила поставленную задачу.

Дальнейший путь солдата, горного стрелка С. Арсамакова, отмечен мужеством и героизмом в боях с фашистской нечистью. За это время он был дважды посмертно представлен к высшей воинской награде – Героя Советского Союза.

Первый раз отец солдата получил известие, что С. Арсамаков пал смертью храбрых в горах Кавказа и посмертно представлен к высшей награде в 1942 году. Однако оставшийся в живых после тяжелого ранения солдат награды удостоен не был.

Второй раз С. Арсамаков «погиб» в 1943 году. По заданию командования 17 смертников–добровольцев, в их числе и С. Арсамаков, отправились для выполнения особого задания – прикрывать выход из окружения своих боевых товарищей. Уже падая с пульей в голове и теряя сознание, он заметил, как его однополчане – русские парни: Сазонов, Винокуров и его земляк – ингуш Ибрагим Газдиев бросились на вражеские амбразуры и ценой своих жизней обеспечили выход из окружения.

Родители уже второй раз получили похоронку: «Ваш сын пал смертью храбрых под Новороссийском и представлен к высшей награде».

В феврале 1943 года С. Арсамакову делают очередную операцию в г. Орджоникидзе с удалением пули из головы, а 23 февраля 1944 года этого удивительного человека, дважды «погибшего» и так и не ставшего героем, депортируют вместе со всем народом.

Более 61 года С. Арсамаков так и не может добраться до отчего дома, хотя он в 1960 году вместе со своим народом вернулся на родину. В свой дом в Базоркино (ныне Чермене) его не пустили осетины, незаконно вселившиеся туда. Солдату пришлось покупать земельный участок и строить новый дом. И этот дом осенью 1992 года во время этнической чистки ингушей под руководством палача ингушского народа Ахсарбека Галазова был, как и все дома, принадлежащие ингушам (всего более 5 тыс.), разрушен.

Даже публичная поддержка Совета Европы, куда обращался ветеран Великой Отечественной войны с просьбой о защите прав своих соплеменников от насилия местного этнического фашизма, перед которым пасует и Россия, не принесла результатов – С. Б. Арсамаков, как жил 14 лет в металлическом вагончике, всего лишь в двух километрах от своего подворья, так и продолжает в нем существовать – тяжело больной и немощный.

Тактика националистов Северной Осетии до гениальности проста – использовать любые средства и методы борьбы против ингушей, пытающихся вернуться на свою Родину. Они предпринимают небезуспешные попытки дисперсно рассеять ингушей по миру, чтобы вырастающее поколение манкуртов не ставило вопрос о территориях. А это уже не тактика, а стратегия этнического фашизма Осетии. Горько сознавать, но в России осетинский этнический фашизм находит поддержку.

Глубокоуважаемый Владимир Петрович! В свете изложенного настоятельно прошу Вас обратиться к Президенту Российской Федерации В.В. Путину, как к Гаранту Конституции, с рекомендацией рассмотреть следующие предложения, с которыми я счел возможным обратиться к Вам:

1. Восстановить статус боевых наград СССР для погибших и ныне здравствующих участников Великой Отечественной войны с учетом того фактора, что Российская Федерация перед мировым сообществом в соответствии с международным правом объявила себя правопреемницей СССР.

2. По согласованию со странами СНГ от имени Российской Федерации проводить награждение погибших и ныне здравствующих участников Великой Отечественной войны.

3. Указом Президента РФ ко дню Победы над фашистской Германией присвоить звание Героя Советского Союза Арсамакову Саадулле Баадуловичу, горному стрелку 35-го минометного батальона, 174-го полка, 20-й горно-стрелковой дивизии Закавказского фронта, ранее дважды

посмертно представленного к высшей награде, призванного на военную службу из села Базоркино Пригородного района Ингушетии, незаконно репрессированного, вынужденного переселенца, ныне проживающего в РСО-А. Вместе с С. Арсамаковым представить к званию Героя Советского Союза его боевых товарищей: Сазонова, Винокурова и Газдиева, героически погибших на его глазах, закрыв собой вражеские амбразуры и обеспечив своим товарищам выход из вражеского окружения.

4. В жесткой форме пресечь на Северном Кавказе этнический фашизм, пионером которого является Осетия.

5. Окончательно восстановить систематически нарушаемые конституционные права ингушей – граждан РСО-А, поддерживаемой реакционной частью российского чиновничьего аппарата.

6. Учитывая, что за последние 50 лет осетины продемонстрировали и неспособность, и нежелание цивилизованным путем разрешить систематически создаваемые ими конфликтные ситуации в отношениях с ингушами, оптимальным решением сложившейся по вине Осетии ситуации является передача под юрисдикцию Республики Ингушетия Пригородного и части Малгобекского районов, до 23 февраля 1944 года входивших в состав ЧИАССР, обеспечив на данной территории равные права всем гражданам, и тем самым окончательно закрыть эту проблему.

7. При желании обеих республик заслуживает внимания объединение РСО-А и Республики Ингушетия, что автоматически разрешит проблему вынужденных переселенцев и похоронит идеологию осетинского аннексионизма.

8. В целях безусловной, полной и окончательной ликвидации последствий преступных акций насилия сталинского режима над народами СССР на основе строгого соблюдения норм международного права и Основного Закона, восстановить все гражданские права репрессированных народов.

9. Специальным указом Президента РФ на всей территории Российского государства, на основе действующих российских законов, запретить все формы проявления фашизма, в том числе и этнического фашизма на Кавказском направлении, как идеологии, несовместимой с общенациональной идеей создания гражданского общества.

10. В целях стабилизации обстановки на Кавказе и России в целом, дать политико-правовую и морально-этическую оценку вооруженным

конфликтам с объективной оценкой этих действий как в регионах, так и федеральным Центром.

11. Одним из важных моментов в реализации новой национальной политики Российской Федерации считать юридический раздел Чечено-Ингушской Республики под патронажем РФ с демаркацией новых административных границ с последующей корректировкой границы РФ с Грузией.

12. Для реализации высказанных выше предложений указом Президента РФ образовать специальную полномочную государственную комиссию с непосредственным подчинением Главе Российского государства.

13. В случае отказа РСО-Алания выполнить в полном объеме Конституцию Российской Федерации, а также законы «О реабилитации репрессированных народов» и «О реабилитации жертв политических репрессий», ввести на территории Пригородного, части Моздокского районов (бывшей части Малгобекского района) и города Владикавказа федеральное правление с привлечением, при необходимости, осетинской и ингушской сторон на паритетных началах.

*С уважением,
доктор исторических наук, профессор,
академик РАН*

Беслан Костоев

Москва–Магас
08.02.2007 г.

Данное обращение было передано мной лично В.П. Лукину в Президиум «круглого стола», обсуждавшего тему «Проблемы гармонизации межнациональных отношений в Пригородном районе Республики Северная Осетия–Алания» и прошедшего 8 февраля 2007 года в Москве, в Центральном доме журналистов. Российский омбудсмен твердо обещал донести, при личной встрече, до Президента Российской Федерации содержание обращения, на что автор надеется, хотя реакция господина Лукина не последовала.

Устроители «круглого стола» не справились с поставленными в повестке дня вопросами. Ингушская сторона не получила возможности высказаться по фактам прокурорского реагирования о нарушениях прав граждан ингушской национальности в РСО-А из-за запрета члена президиума, председателя Комитета «Гражданское содействие» С. А. Ганнушкиной.

До сих пор ни правозащитные организации, ни аппарат Полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе, ни федеральный Центр, так и не разобрались в основополагающих принципах неразрывного единства двух важнейших условий в создании гражданского общества в России: это неукоснительное соблюдение прав человека и прав народов, при демонстрируемом незнании организаторами «круглого стола» Основного Закона, законов «О реабилитации репрессированных народов» и «О реабилитации жертв политических репрессий», без чего бессмысленно говорить о решении проблемы по стабилизации ситуации на Кавказском направлении.

В связи с хакерской атакой на сайт-портал Ингушетия.ру необходимо сделать некоторые уточнения. 8 февраля 2007 года на заседании «круглого стола» министр по делам национальностей РСО-А Т. Касаев внес от имени осетинской делегации предложение ужесточить контроль за СМИ, особенно в РИ, и закрыть сайт Ингушетия.ру «за разжигание межнациональной розни», что было положительно воспринято госпожой Ганнушкиной. Вслед за заявлением руководителя осетинской делегации прокуратура Северной Осетии выступила с аналогичным требованием, за которым последовал дважды взлом сайта.

Об осетинской идеологической системе

Осетины в тесном контакте со сталинистами создали стройную систему идеологического противостояния ингушам, используя для этой цели политическую мифологию об осетинах-аланах, не гнушаясь и мифов об осетинах-арийцах (см. Б.У. Костоев. «Кавказский меридиан» Москва, 2003 г.).

Характерно, что сами осетины подчас выступают против этих ложных посылов. Вся эта система создана по принципу, провозглашенному министром пропаганды Третьего Рейха И. Геббельсом: «Тысячекратно повторенная ложь становится правдой».

В годы перестройки этот фашистский тезис стал реализовываться коллективными обращениями к руководителям РСФСР и СССР. Первое такое обращение за подписью 9 авторов во главе с народным депутатом СССР В.Т. Базыровой было направлен, как отмечалось выше, адресату 1 сентября 1989 года.

Идеологическая канва, которой пользуются в Северной Осетии в своей антиингушской пропаганде, после появления вышеназванного обращения, состоит в основном из исторической справки на 33 страницах с преднамеренным искажением фактов, касающихся истории

ингушей, размноженной и распространенной во многих инстанциях на месте и в Москве.

Еще в более переработанном и расширенном виде по старой, отработанной еще с сусловских времен, пропагандистской схеме, эта справка появляется за подписью ученых Северной Осетии во главе с профессором М.М. Блиевым, в трех номерах газеты «Социалистическая Осетия» за 7–9 июня 1990 года под заголовком: «Северная Осетия на перекрестке эпох». Авторы справки выплеснули на страницах газеты свое десятилетиями выверенное вранье для достижения своих реакционных целей – окончательного закрепления идей этнического фашизма – аннексий территорий сопредельных народов, и, прежде всего, ингушей.

С этого времени осетинская пропагандистская машина ученых, общественных, политических и государственных деятелей Северной и Южной Осетий в своей идеологии руководствуется положениями этой справки. К этой справке подключился и Кремль, называя осетин, с их подачи, «христианским оплотом России на Кавказе», как бы призывая народы Северного Кавказа к межконфессиональным столкновениям. Впрочем, этнический фашизм ждет неминуемое фиаско, как это случилось и с гитлеризмом.

Идеологию этнического фашизма взял на вооружение не только один из архитекторов новой идеологической системы, не только единомышленник, но и наставник президентского полпреда в ЮФО Д. Козака в реализации этой идеологии – Т. Мамсуров. Его политическая бравада и откровенная ненависть этого политика направлены на ингушский народ, полностью ограбленный осетинскими властями вместе с осетинским обманутым народом; он продолжает заниматься этим гнусным делом и сегодня, что самым серьезным образом в перспективе может осложнить осетино-ингушские отношения.

В мае 2002 года докторант Т. Мамсуров перед ученым советом делает лживое заявление: «В последние годы Правительством Северной Осетии во взаимодействии с федеральными органами государственной власти проводится огромная работа по ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта. Сегодня можно констатировать, что процесс возвращения вынужденных переселенцев нормализован, большинство желающих вернулось в места прежнего проживания» (с. 262).

Пять лет спустя, при том же Т. Мамсурове, успешно идет процесс выдавливания ингушей со своей Родины ради аннексионистских интересов обеих Осетий.

Именно из-за осетинского насилия сегодня реальной стала угроза распада ингушской государственности. Дважды осетинам этого уда-

лось добиться: в 1934 году, когда была упразднена Ингушская автономная область, и в 1944 году после упразднения объединенной Чечено-Ингушетии.

Что касается военного присутствия в РСО-А 58-й армии Северо-Кавказского Военного Округа, то участие российских войск в этнической чистке ингушей в 1992 году на стороне осетинских аннексионистов лишний раз доказало, что назрела необходимость передислокации российских войск в любой другой регион РФ, либо полная смена командного состава 58-й армии СКВО, сросшегося с осетинскими аннексионистами, обслуживая их интересы. Чем быстрее это произойдет, тем лучше для России и ее геополитических интересов на Кавказском направлении.

Комментировать антиингушскую ложь господина Т. Мамсурова бессмысленно, пока политический курс РСО-А не будет приведен в соответствие с Конституцией РФ, федеральными законами «О реабилитации репрессированных народов» и «О реабилитации жертв политических репрессий», не пытаясь решать проблемы осетин за счет репрессированных народов. О научной несостоятельности и политической безграмотности докторанта говорить не приходится, к тому же постоянно путающегося во временных оценках исследуемых событий и фактов, как бы бравирующего своей безграмотностью.

Ингуши уже начали это осознать, и осознать себя нацией, вошедшей в состав Российского государства раньше осетин, добровольно. Забывая об этом, Россия предает собственную историю. Именно сегодня во власти Президента РФ В.В. Путина поправить таких незадачливых российских политиков, мешающих стабилизации российского общества и, фактически, оскорбляющих репрессированные народы.

О некоторых проблемах реабилитации ингушей

Противники закона «О реабилитации репрессированных народов», и, прежде всего, нынешняя команда Т. Мамсурова из РСО-А, в своих несправедливых устремлениях удерживать аннексированные чужие территории придумывают различные, самые нелепые теории. Одна из них основана на внешне справедливом, а по сути своей ложном, глубоко реакционном принципе – «земля принадлежит тем, кто на ней проживает», автором которой является инициатор этнической чистки ингушей А. Галазов. В соответствии с этой теорией колонизаторов, рассматривая это как борьбу за жизненное пространство, можно захватить чужую территорию, выселить оттуда коренных жителей, заселить ее колонизаторами и объявить своей, уже по теории «внутригосударственной» ко-

лонизации с репрессиями хозяев этой территории. Эта теория является кровавым изобретением Сталина. Собственно большевики во главе со Сталиным лишь более усовершенствовали эту теорию, по которой и происходили аннексии ингушских территорий царской Россией, чем пользуются в наши дни осетинские аннексионисты, принявшие на вооружение идеологию этнического фашизма.

К этой теории тесно примыкает и другая, применяемая противниками территориальной реабилитации ингушей. Это – нерушимость границ и территориальной целостности РФ. Здесь идет спекуляция Конституцией РФ с подменой Основного Закона понятиями безвременной оценки нарушений конституций СССР, РСФСР, РФ и ее субъектов не только политиками, юристами, учеными РСО-А, но и чиновниками в коридорах власти РФ, окружая ингушский вопрос беспардонной ложью, на глазах мирового сообщества.

Умышленно искаженное толкование термина «нарушение территориальной целостности Российской Федерации» преследует цель – не допустить возврата репрессированным народам незаконно отнятой у них Родины. И происходит все это внутри России, нарушающей паритетные отношения между субъектами сопредельных народов.

Весьма странную «логику» демонстрируют авторы этой, не менее странной, концепции. Если та или иная территория, отторгнутая у депортированных народов, сегодня должна быть возвращена, и если она будет возвращена, то это и есть нарушение территориальной целостности Российской Федерации? Если эта территория будет, скажем, под юрисдикцией Республики Ингушетия, то Россия начнет разваливаться? Если же она будет под юрисдикцией Северной Осетии–Алания, то она разваливаться не будет? Пожалуй, это чистейшей воды политический бред, не имеющий права на существование, даже как теории.

Если же говорить серьезно, то территориальная целостность Российской Федерации может быть нарушена тогда, когда будут претензии на территорию России извне. Когда внутри Российской Федерации происходят какие-то реабилитационные процессы и восстанавливается истина, ликвидируются последствия сталинизма, то здесь вообще отсутствует в какой-либо форме угроза территориальной целостности РФ, даже гипотетически. Отметим элементарную истину: перекраивание границ внутри самой Федерации не есть нарушение целостности Российского государства и не имеет никакого отношения к нарушению территориальной целостности России.

Что же касается неудачных попыток опровергнуть Конституцию РФ в вопросах территориальной реабилитации с помощью словесной

эквilibристики, то здесь явно превалирует подмена конституционных принципов понятиями тоталитарной эпохи, когда Конституция играла роль политической служанки при отсутствии правового поля.

Уход же государства от понятийных подходов – веление времени, если оно действительно хочет двигаться по пути демократического развития.

Серьезную озабоченность вызывают у репрессированных народов юридические противоречия, взаимоисключающие друг друга в целом ряде законодательных актов, так или иначе затрагивающих судьбу репрессированных народов, проблемы их реабилитации.

Так, закон РСФСР «О реабилитации...» противоречит последующему «Федеративному договору», «Федеративный договор» противоречит принятому позже закону «Об образовании Ингушской Республики в составе РСФСР». А подписанный 28 апреля 1995 года в Кремле «Договор об общественном согласии» напрочь перечеркнул все эти законы. По сути своей это издевательство над репрессированными народами, издевательство над их нелегкой судьбой от имени демократической России. Этот нонсенс до сих пор не исправлен, и стабилизация, особенно на Северном Кавказе, проблематична и по этой причине.

Целиком и полностью на юридических противоречиях построены «доводы» противников территориальной реабилитации ингушей. Застрельщиками здесь выступают лидеры РСО-А, как бывшие, так и ныне действующие.

Ингуши четко осознали, что с генералом Р. Аушевым, ставшим адептом антироссийского режима Д. Дудаева – З. Яндарбиева – А. Масхадова, свои проблемы территориальной реабилитации они не смогут решить, как и проблемы вынужденных переселенцев – ингушей из РСО-А. Встал вопрос об уходе с поста президента РИ Р. Аушева.

Именно поэтому народ Ингушетии в 2002 году поддержал на выборах президента кандидатуру генерала ФСБ Мурата Зязикова, выступившего с новой программой по строительству Республики.

Одним из важнейших моментов в своей программе М. Зязиков поставил тогда задачу общественно-политическими и правовыми методами добиваться выполнения российского законодательства: закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и закона РФ «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации», первоочередного решения проблемы возвращения вынужденных переселенцев из РСО-А и поэтапного возвращения временно перемещенных лиц из Чеченской Республики.

Эта часть программы кандидата, а теперь уже Президента РИ, М. Зязикова буксует не по его вине, особенно на осетинском направлении.

Это хорошо продемонстрировали последние террористические акты, направленные против ингушской государственности. Нам еще предстоит серьезнейшим образом докопаться до истоков политического и террористического насилия.

Попытки враждебных сил, дислоцирующихся в сопредельных субъектах и мечтающих превратить Ингушетию в полигон для реализации своих преступных антиингушских замыслов, должны быть пресечены навсегда при активном и объективном участии РФ, ибо многострадальный ингушский народ заслужил это.

К сожалению, руководство РСО-А не справилось с важным поручением Президента РФ от 10 июня 2002 года о безусловном возвращении к декабрю 2002 года ингушей – вынужденных переселенцев из РСО-А, к местам своего прежнего проживания из-за откровенного нежелания выполнять поручение В.В. Путина. Новый срок, установленный Президентом РФ по окончательному возвращению ингушей – вынужденных переселенцев в РСО-А, в декабре 2006 года, также успешно провален благодаря осетинской стороне. 2007 год не внес изменений в этот процесс.

Нельзя не отметить один чрезвычайно важный момент в вопросе возврата аннексированных ингушских земель, незаконно удерживаемых Северной Осетией.

В связи с чрезвычайной ситуацией, складывающейся в осетино-ингушских отношениях из-за перманентного нарушения гражданских прав и Конституции РФ реабилитированного ингушского населения РСО-А осетинскими властями, еще раз подробнее остановимся на положениях, высказанных выше.

Выселение ингушей 23 февраля 1944 года признано законодательно антиконституционным. Официально в репрессиях ингушей Осетия прямого участия не принимала, хотя осетинское закулисье и сыграло свою зловещую роль. Этим занималось руководство СССР и РСФСР под руководством ВКП(б).

Поскольку Россия объявила себя перед мировым сообществом правопреемницей СССР, то ей и карты в руки, тем более, что закон «О реабилитации...» принят российским парламентом.

Что касается РСО-А, то ей, в исправлении историко-политической ошибки тоталитарного режима, может быть отведена, в лучшем случае, роль по механической передаче ингушских земель истинным хозяевам. Примечательно, что такое решение автоматически решает проблему ингушей – вынужденных переселенцев из РСО-А, над которой уже 15 лет бесплодно бьется и Центр, и РСО-А лишь потому, что нет желания действовать в реальном режиме. Получается, как в ингушской по-

словице: «Корова без охоты принесла теленка без хвоста». Осетинская корова за последние 50 лет вообще не принесла теленка, что, видимо, устраивает Центр, не желающий нормализовать осетино-ингушские отношения на цивилизованной основе.

Вот таковы некоторые моменты, связанные с законом века «О реабилитации репрессированных народов», в необходимости выполнения которого не может быть двух мнений.

Приход к власти в 2000 году в стране нового Президента РФ Владимира Владимировича Путина, объявившего о диктатуре закона, у репрессированных народов, привыкших к пренебрежению российского руководства к выполнению федеральных законов, поселил определенную надежду на то, что, наконец, один из важнейших для их судеб закон «О реабилитации...» начнут выполнять, не ссылаясь на глупый довод: нет механизма для его выполнения, механизма, который сама исполнительная власть и должна выработать.

Высказывание В.В. Путина, что он за диктатуру закона, репрессированные народы, как и подавляющее большинство российского общества, уставшего от правового беспредела, восприняли с одобрением.

Наиболее концентрированное выражение получили проблемы, связанные с законом «О реабилитации...» в Северокавказском регионе, где создалась своя особая «кавказская проблема».

Решение «кавказской проблемы» возможно только после ликвидации последствий сталинских репрессий, постсоветских войн на территории России и возвращения всех территорий субъектам РФ, которым они ранее принадлежали, тем более, что это абсолютно не затрагивает принципа территориальной целостности России и неизменности ее внешних границ. Не грозит это совершенно и развалом Российского государства, как постоянно и весьма необоснованно пугают нас сторонники аннексий чужих земель.

Это нужно решить и в целях ликвидации последствий Второй мировой войны на территории Российской Федерации, особенно на Северном Кавказе.

Сложилась парадоксальная ситуация.

Мы давно уже заключили мирные соглашения, как победители, со странами фашистского блока, а внутри страны, на территориях своих субъектов, до сих пор не можем разобраться, допуская к тому же у себя дома опасные для своей страны очаги локальных войн с огромными разрушениями и человеческими жертвами, что, вне всякого сомнения, затормозило выполнение закона «О реабилитации репрессированных народов».

Для справедливого определения новых административных границ между северокавказскими республиками РФ целесообразно провести многосторонние переговоры между заинтересованными сторонами с участием России и Грузии, как субъектов международного права, и поставить, наконец, точку в российско-кавказских отношениях, дать понять мировому сообществу, что Кавказ останется и впредь российским и в международной помощи в этом направлении не нуждается.

Вне всякого сомнения, решение всех этих сложных проблем будет успешным при выработке новых принципов национальной политики с учетом реалий развития мирового сообщества, выработке Доктрины кавказской безопасности России. Конечно, Кремлю необходимо навсегда отказаться от губительного подхода, внедряемого в сознание российского общества отрицательного стереотипа – «лица кавказской национальности», забывая при этом, что именно Россия завоевала Кавказ, а не наоборот. Только вводя в жесткие рамки разгулявшуюся национал-фашистскую идеологию, теснейшим образом связанную с этническим фашизмом, можно добиться успеха в борьбе за создание гражданского общества. Пора нам всем твердо усвоить одну простую истину, что «лица кавказской национальности» оказались на территории России как результат колонизации Северного и Северо-Западного Кавказа Российской империей и стали полноправными гражданами Российского государства в наши дни. Пресловутый национал-шовинистический принцип: «мы и они» должен быть навсегда похоронен. Конечно, всех кавказцев можно вернуть на Кавказ, а русских – в Россию с весьма печальным итогом – развалом Российского государства. Кому это выгодно? Нетрудно догадаться.

63 года депортации, 16 лет со дня принятия закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», 16 лет знаменитому референдуму ингушского народа о вхождении совместно с казачами в состав России в тяжелейший момент становления новой России – вот исторические вехи, которые вопиют сегодня, призывая Президента РФ сполна использовать величайший исторический шанс, выпавший на его долю для полного и окончательного восстановления поправленных прав репрессированных народов и успешного движения новой России по демократическому пути своего развития.

В этом отношении весьма примечателен прошедший в Москве 25 марта учредительный съезд народов Кавказа, на котором образовано общероссийское общественное движение «Российский конгресс народов Кавказа» (РКНК) под девизом: «Единая Россия – единый Кавказ». При серьезной работе это движение может внести большой вклад в

дело стабилизации Кавказа и России в целом, что будет играть весьма заметную роль в становлении гражданского общества в стране.

Новые веяния

Говоря об осетино-ингушских отношениях, особо следует остановиться на фигуре Павла Тедеева – одного из организаторов и вдохновителей антиингушского осетинского бунта 1981 года, в ходе усмирения которого было госпитализировано более 200 солдат и офицеров войск МВД и армии. Объективная оценка этим событиям так и не дана до сих пор.

Уверовав в свою абсолютную безнаказанность, в октябре 1981 года националистические круги Северной Осетии подняли антиингушский мятеж, требуя выселения из Орджоникидзе (Владикавказа) и ингушского Пригородного района всех ингушей.

Юго-осетин, кударец П. Тедеев, в дни осетино-ингушского вооруженного конфликта 1992 г. в ранге главы администрации Пригородного района был правой рукой палача ингушского народа, Председателя Верховного Совета Северной Осетии А. Галазова, по проведению этнической чистки ингушей в РСО. П. Тедеев до конца жизни занимал антиингушскую позицию.

Представляет несомненный интерес заявления руководителя молодежной организации РСО-А «Сыны Осетии» Чермена Тедеева, выступающего против насилия над ингушами.

Ниже публикуются два документа Ч. Тедеева в новостях сайта-портала Ингушетия.ru от 5.10.2006 и 19.12.2006.

Ч. Тедеев: «Я не ингушский шпион, я хочу мира и добрососедства с ингушским народом».

Как уже сообщалось, 1 октября во Владикавказе была сорвана акция осетинской молодежной организации «Сыны Осетии». Нашему корреспонденту стало известно, что осетинская молодежь хотела на митинге потребовать от республиканских властей возвращения Ингушетии Пригородного и части Малгобекского районов, а также инициировать референдум о возвращении этих территорий. Руководитель организации «Сыны Осетии» Чермен Тедеев был задержан милицией. Его освободили через два часа. Со слов Тедеева, милиционеры его оскорбляли, называли «ингушским шпионом» и грозились привлечь его к уголовной ответственности, подбросив наркотики или оружие.

Нашему корреспонденту удалось поговорить с Тедеевым по телефону. Чермен рассказал: «Мы хотели на митинге зачитать обращение к

осетинскому народу. Меня задержали, текст обращения и мой ноутбук отобрали и пока не возвратили. Я не ингушский шпион, я хочу мира и добрососедства с ингушским народом. Приближается 14-я годовщина событий 1992 года. К сожалению, мой народ живет мифами о «вероломной агрессии» ингушей. На самом деле, ингушей тогда спровоцировали. Надо разоблачить миф, что ингуши заранее готовились к нападению, что жители ингушской национальности покинули Пригородный район и Владикавказ перед началом событий. Если это так, то почему у нас оказались несколько тысяч ингушских заложников? Почему мой народ живет слухами и сплетнями о зверствах ингушей, когда таковых не было? Я и мои сторонники тщательно изучили эти события и считаем, что осетинский народ страшно обманули Галазов и наше правительство. И продолжают обманывать до сих пор. В той бойне ингуши пострадали больше, отдельные отщепенцы из числа осетин убивали ингушских детей, женщин, истязали людей, сжигали, и ни один из них не понес наказания. Также должны быть наказаны и ингуши, убивавшие осетин. А проблему между нашими народами можно решить кардинально – возвратить Ингушетию Пригородный район и часть Малгобекского района (село Хурикау, Курп и т. д.). Я считаю, что в этом случае наступит мир и не будет условий для терроризма. Нам нужно жить в мире. Наша цель – заставить думать по-новому наши власти и обманутый народ Осетии. Перелом должен произойти. Перед смертью мой дядя Павел Тедеев, долго возглавлявший Пригородный район, сказал мне, что глубоко сожалеет в связи с событиями 1992 года, попросил сделать все, чтобы покаяться перед ингушами. Он завещал мне сделать все возможное, чтобы народ Осетии пришел к выводу о необходимости возвращения Ингушетии Пригородного района. Я и мои сторонники будем добиваться этого».

Ч. Тедеев: «Я беру на себя смелость извиниться перед ингушским народом за геноцид 1992 года». (Письмо руководителя осетинской молодежной организации «Сыны Осетии» Чермена Тедеева.)

«Я, осетин, родом из Южной Осетии, Чермен Тедеев, вместе со своими единомышленниками тщательно изучил все документальные данные по событиям осени 1992 года в Пригородном районе. Я разговаривал с очевидцами с обеих сторон. Я узнал многое и думаю, сделал из этого объективные выводы. Я беру на себя смелость от имени осетинского народа извиниться за геноцид в отношении ингушского населения в Пригородном районе. В порыве гнева, обманутые нашими властями о якобы имевших место «зверствах ингушей», мои соплемен-

ники и войска совершили страшные преступления против ингушей. Меня ознакомили с материалами уголовного дела об осетино-ингушском конфликте 1992 года. Я не смог нормально читать эти материалы. Мне стыдно за действия некоторых моих соотечественников. Мне тогда было всего 10 лет, и я не знал, что реально произошло, как и все осетины, думал, что была какая-то ингушская агрессия. Среди погибших осетин нет ни одного погибшего ребенка, ни одной изнасилованной женщины. Проверив все слухи и свидетельства, я не смог найти ни одного такого факта, свидетельствующего о жестоких преступлениях ингушей. Но то, что они (ингуши) вошли вооруженные в Северную Осетию и хотели насильно отторгнуть свои бывшие земли, я думаю, они сами не отрицают. Надеюсь на благоразумие ингушского народа, на наши общие горские обычаи и традиции.

Извините нас, ингуши, уверяю вас, что если меня не убьют, то к моему голосу постепенно будут прислушиваться всё больше осетин, и народ Осетии придет к выводу о необходимости возвращения ингушам их территорий, не по вине осетин оказавшихся в составе Северной Осетии–Алания. Мы снова станем братскими народами и будем жить в мире и добрососедстве.

Призываю руководство Республики Северная Осетия–Алания поменять политику, пойти на уступки и найти в себе силы признаться, что мы не правы. Первым делом нужно вернуть всех ингушских беженцев в свои села. Это был бы первый шаг к примирению наших народов и наступлению грядущего мира. Ведь мы родственные, братские народы, нам нечего делить. У нас много родственных связей с ингушами и никуда от этого не деться. Надеюсь, мои извинения от имени осетин хоть как-то загладят вину моего народа. Я знаю, что в Осетии найдутся те, кто сегодня же меня объявят врагом и начнут преследовать. Надеюсь и на их благоразумие.

Прошу опубликовать данное обращение на вашем сайте, так как его больше всего читают в Ингушетии и Северной Осетии.

Еще раз, извините нас, ингуши.

С уважением ко всему ингушскому народу,

Руководитель организации «Сыны Осетии»

Чермен Тедеев

От редакции:

Мы не хотели публиковать данное письмо, опасаясь за безопасность Чермена Тедеева. Тем более, что его публикация на ингушском ресурсе будет воспринята неоднозначно. Но Чермен настоятельно про-

сил его опубликовать, что мы и сделали. Если в Северной Осетии появились такие мужественные и справедливые люди, тем более в среде осетинской молодежи, то надежда на окончательное урегулирование осетино-ингушских отношений остается. Если Чермена начнут преследовать, редакция сайта Ингушетия.ru готова предоставить ему для проживания жилой дом в г. Малгобеке.

Безусловно, это новое, прогрессивное веяние в осетинском обществе. Важно теперь, чтобы осетинское руководство осознало пагубность своего политического курса и меру своей ответственности перед своим народом и перед историей за созданную ими же ситуацию. Еще в декабре 1995 года в газете «Владикавказ» – печатном органе Владикавказской городской думы, выступил другой автор с обширной статьей о проблеме двух Осетий под названием «Золотой телец у коновязи Уастырджи». Тоже кударец, известный осетинский писатель Георгий Тедеев, при жизни так и не осознавший свою вину и вину осетинского народа, беззастенчиво оседлавшего ингушские земли и присвоившего с благословения Сталина все национальное достояние, о чем мы выше подробно говорили.

Вот что пишет кударец Г. Тедеев, претендующий на роль всенародного осетинского оракула: «Очевидно, первыми среди возможных напастей являются беды, что связаны с агрессией извне или со смутой внутри нашей нации. И, безусловно, острейшей из них является предъявленная нам территориальная претензия. Она не только не теряет своей остроты, но, наоборот, приобретает еще большую бескомпромиссность. И отказ от нее, даже заверенный самой главной подписью со стороны предъявителя претензии, подписью, в искренности которой не приходится сомневаться, еще ничего не означает, потому что те, кто покушался на территориальную целостность Осетии, уже, забыв о противоправности совершенного злодеяния, еще не скоро забудут о погибших, которые в массовом сознании трансформировались в героев и мучеников, и настоятельно призывают к живым о мести. Кроме того, у нашего этнического оппонента территориальная претензия превратилась в национальную идею, с которой так просто, даже с подписанием самых торжественных документов, никто не расстанется».

Вот такую философскую оценку дает кударец-оракул подвергшимся этнической чистке ингушам РСО-А под руководством палача ингушского народа А. Галазова. Автор фактически приветствует фашистский тезис осетинских властей, направленный против ингушей. Как известно, ни одно решение властных структур федерального Центра по ликвидации последствий осетино-ингушского вооруженного конфликта по вине северо-осетинского руководства не проведено в жизнь.

Верховный Совет РСО еще в 1993 г. дважды (в марте и мае) принимал беспрецедентные в мировой парламентской практике постановления «О невозможности совместного проживания осетин и ингушей», которое действует реально и сегодня, несмотря на признание его Конституционным судом РФ (в сентябре 1993 г.) антиконституционным и подлежащим отмене с момента его принятия.

Притягивая за уши процессы автономизации к попыткам осетин в создании объединенной Осетии, автор наивно советует: «Мы должны иметь крепкий дух и демонстрировать достаточные национальные усилия, чтобы не допустить оголения Южной Осетии, чтобы нация устояла против ползучей агрессии Грузии».

И тут же автор предостерегает своих соотечественников, заявляя: «Надо, по-видимому, со всей серьезностью отнестись к тому, что мы окружены народами с иной религией и иными умонастроениями под влиянием очевидных успехов нового политического феномена – исламского фундаментализма. Идеиный вакуум, образовавшийся после распада Советского Союза, заполнил, с одной стороны, ислам, а с другой – американско-европейская демократическая концепция с шаткой в наших условиях основой из прав человека и сильной государственной власти». Иными словами, права человека и сильная государственность не нужны, и зря, выходит, глава государства старается создать сильное государство. Одновременно автор ратует за союз с Россией против гражданских прав сопредельного с РСО-А субъекта – РИ. Кстати, когда писались эти строки, ингушская сторона уже третий год разыскивала 175 бесследно исчезнувших ингушей, которые до сих пор не найдены, местонахождение которых известно кударцам. Стоит ли после этого удивляться, почему кавказские народы не любят осетин, что в конечном счете приведет к неизбежному краху осетинскую идеологию экспансии территорий сопредельных народов.

Признавая, что Южная Осетия уже потеряна, автор провозглашает новый курс для северных осетин: «Цель в конечном счете состоит в том, чтобы нам избежать участи Южной Осетии в отношениях между Россией и Грузией: Северная Осетия не должна стать предметом политического торга между Россией и Северным Кавказом, которая обнаруживает, пусть не очень выраженную, но тенденцию, тем не менее, к объединению под зеленым знаменем в некое подобие Северо-Кавказской Федерации, что в принципе вполне возможно. Как бы там ни было, опасность такого положения – стать политической разменной монетой для Северной Осетии существует, и с этим следует считаться...». Этот этап для обеих Осетий закончится полным исходом из оккупированных со сталинских времен ингушских земель кударцев,

которым придется приспособиться к новым условиям цивилизованной жизни среди кавказских народов. Вот о чем следует крепко задуматься осетинам и сторонникам ушедшего в мир иной кударца Георгия Тедеева, а не пропагандировать его после кончины, как это сделала газета «Владикавказ» в № 42 от 15 июня 2007 года, перепечатав его очерк «Золотой телец у коновязи Уастырджи».

Будучи убежденным сторонником диктатуры закона и восстановления нарушенных сталинским режимом конституционных прав репрессированных народов в полном объеме и выступая против аннексий территорий репрессированных народов, поощряемых российской властью, хотел бы внести ряд предложений для стабилизации на Кавказском направлении:

1. Незамедлительно разработать механизм реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года с указанием точного срока подготовки и реализации документа.

2. Одновременно осуществить юридический раздел бывшей Чечено-Ингушской Республики под патронажем РФ, куда ЧИР входила до ее насильственного развала по инициативе чеченской стороны во главе с генералом Джохаром Дудаевым.

3. Для согласованного определения новых административных границ между северокавказскими субъектами РФ провести многосторонние переговоры между заинтересованными сторонами с участием России и Грузии, как субъектов международного права, дав понять мировому сообществу, что Кавказ и впредь остается российским.

4. В целях безусловного выполнения Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в соответствии с разработанным механизмом по реализации данного закона, передать под юрисдикцию Республики Ингушетия территорию Пригородного района в границах по состоянию на 23 февраля 1944 года.

5. После передачи Пригородного района под юрисдикцию РИ провести переговоры России с Грузией по установлению внешних границ с включением в состав российской делегации представителей Ингушетии.

6. До полной передачи Пригородного района, во избежание терактов и противодействия процессу реализации механизма по выполнению Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и

окончательного решения вопроса на всей территории района, ввести федеральное управление без участия осетинской и ингушской сторон, предварительно осуществив контроль над федеральными коммуникациями, воздушными, водными, железнодорожными и наземными транспортными артериями.

7. Гражданам всех национальностей РФ, проживающим на территории Пригородного района, после возвращения его в состав Ингушетии, в соответствии с Конституцией РФ, обеспечивается гарантированное равноправие, в том числе и имущественные права. Это же условие соблюдается и в отношении граждан ингушской национальности, проживавших ранее в Северной Осетии, включая и г. Орджоникидзе (Владикавказ).

8. Объединение Южной и Северной Осетий в составе РФ является грубым нарушением территориальной целостности Грузинского государства как субъекта международного права, и провоцирует вмешательства других государств, в том числе и США, по просьбе Грузии.

9. Позиция Президента РФ В.В. Путина, подчеркивающего, что отношения между Грузией и Южной Осетией – внутреннее дело Грузии и Россия не будет вмешиваться – наиболее предпочтительна.

10. Главным стабилизирующим фактором, отражающим интересы в зоне Большого и Северного Кавказа, является заключение широко-масштабного российско-грузинского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

11. Учитывая, что за последние 50 лет Северная Осетия продемонстрировала свое нежелание обеспечить гражданские права возвращающихся на свою историческую Родину ингушей, считать целесообразным объединить РСО-А и РИ в один субъект – Осетино-Ингушскую Республику в установленном законном порядке, закрыв навсегда проблему вынужденных переселенцев – ингушей.

12. В случае отказа одной из сторон проголосовать за объединение двух республик, незамедлительно передать территорию Пригородного района под юрисдикцию РИ в соответствии с приведенным выше п. 4.

13. Для комплексного решения всех вопросов, связанных с полной и окончательной реабилитацией репрессированных народов в соответствии с представленными предложениями, образовать Государственную полномочную комиссию федерального уровня по Кавказскому региону.

14. Как одну из важнейших следует рассматривать задачу откры-

тия архивов Российской Федерации, включая и ФСБ, для объективной оценки сталинских преступлений против репрессированных народов, последствия которых не ликвидированы еще и сегодня.

15. Неукоснительное соблюдение этого принципа имеет особое значение в Северной Осетии, где на государственном уровне уничтожена часть архивов, касающихся ингушской проблемы для сокрытия следов антиингушских преступлений.

Непрекращающиеся обман, насилие, открыто демонстрируемое неуважение к конституциям СССР, РСФСР и РФ, не говоря уже о конституции РИ и РСО-А, демонстрируемое осетинскими аннексионистами по отношению к ингушскому народу, от Иосифа Сталина до Таймураза Мамсурова, должны быть пресечены.

Агрессивное начало правления Т. Мамсурова может закончиться плачевно и для него, и для самих осетин, которых упрямо тащит в болото аннексионизма господин Мамсуров, следуя дурному примеру своих предшественников. Да и России пора уже взяться за ум, занять объективную позицию в своей кавказской политике, а не ходить на осетинском поводке, умело создающем перед всей страной фальшивый образ двух Осетий как «христианского оплота России на Кавказе». Как ни грустно об этом говорить, но реакционная часть кремлевского чиновничьего аппарата сознательно воспринимает этот бред, как истину в последней инстанции российской геополитики на Кавказском направлении, даже не задумываясь над глубоко реакционным, конфронтационным характере этого лживого тезиса.

Дошло уже до смешного. Даже осетинские ученые, не говоря о политиках, ничтоже сумняшеся, в своем обращении к руководителю страны, принятом на общем собрании Владикавказского научного центра Российской академии наук и правительства Республики Северная Осетия–Алания 7 апреля 2005 года, заявляют: «В Ингушетии требуют реализовать положения закона РФ № 1107–1 от 26 апреля 1991 года «О реабилитации репрессированных народов».

Любое несогласие с осетинской теорией аннексии осетинами ингушских земель подается Осетией как угроза развала России. Не избежали этого и осетинские ученые в своем «научном» обращении.

Несчастливая наша Россия-матушка! Выстояла и победила в нашествии гуннов и половцев, монголов и поляков, одолела наполеоновскую Францию и поставила на колени немецкий фашизм, чуму XX столетия, пережила перестройку и стала одной из ведущих держав мира.

Но стоит лишь этой великой державе без согласия осетин вернуть ингушей на свою родину после 63-х лет изгнания – и Россия развалится. И влиятельные политики даже в Кремле верят в эту чепуху.

Этногенез осетин Грузии и Северного Кавказа

После депортации народов Северного Кавказа в обеих Осетиях начали завершать создание «теоретической» базы об этногенезе осетин с единственной целью – обосновать право осетин на территории сопредельных народов, заполняя вакуум в исторической науке, образовавшийся после жестоких репрессий соседей.

В идеологии того периода осетинские ученые получили все возможности лгать против безответных народов в их же истории. Действуя в режиме наибольшего благоприятствования, осетинские ученые приступили к оформлению своей антинаучной теории о происхождении осетин от аланов.

Сегодня, к счастью, в Грузии хранится огромный рукописный (хроники, летописи) и археологический материал, связанный как с осетинами (иронами), так и их предками – аланами с момента их массового появления на Северном Кавказе и последующего проникновения на южный склон Большого Кавказского хребта в пределы Грузии.

Во избежание кривотолков в данной главе воспользуемся материалами только русских (дореволюционных и советских), осетинских и зарубежных историков.

Нет ни малейшего основания считать пришлые ироноязычные племена, от скифов и до аланов включительно, аборигенами Кавказа и Закавказья. И только осетины (ироны), как результат смешения пришлых аланов с коренным северокавказским населением и образования совершенно новой народности, являются аборигенами определенного региона Северного Кавказа, который называется Осетией.

Вопрос о происхождении осетин (самоназвание «ирон») с давних пор привлекает внимание ученых: здесь и мнение, что осетины являются остатками древних половцев (академик И. Гюльденштедт, 1745–1781), и теория немецкого происхождения осетин (А. Гекстгаузен), и мнение о смешении ироноязычных предков осетин с сарматами (В. Пфаф). Появление теории иранского происхождения осетин (иранов) относится к началу XIX века и связывается с именем известного немецкого лингвиста – ориенталиста Г.Ю. Клапрота (1738–1835). Однако, как справедливо отмечает осетинский историк Ю.С. Гаглойты, приоритет принадлежит польскому ученому – путешественнику Потоцкому, совершившему в конце XVIII века путешествие на Северный Кавказ.

Позднее эту теорию всесторонне обосновал и развил выдающийся исследователь Вс.Ф. Миллер, широко использовавший данные не только языка, но и этнографии и фольклора. «В его трудах, – пишет осетинский историк Б.А. Калоев, – получил блестящее подтверждение тезис о преемственной связи осетин со средневековыми аланами. Но Вс.Ф. Миллер видел в осетинах потомков только одних иранских племен аланов, появившихся на Кавказе к IV веку н. э., не учитывая кавказского субстрата (коренного кавказского населения)».

Этот пробел был восполнен трудами советских ученых и прежде всего В.И. Абаева, Е.И. Кру

пного, В.П. Алексеева и др., внесших крупный вклад в разработку вопроса происхождения осетинского народа. Достоинством их исследований является широкое привлечение исторического, археологического и антропологического материалов с целью прослеживания взаимовлияния местной древнекавказской и пришлой древнеиранской этнических сред на формирование осетинского народа.

Говоря об этногенезе осетин, правомерен вопрос: «Можно ли отождествлять аланов (асов) с осетинами (иронами) и, исходя из этого, писать, как это делают ряд ученых из РСО-А, что аланы-осетины на огромных просторах между Доном и Волгой?». Однозначный отрицательный ответ содержится в трудах Е.И. Крупнова, В.И. Абаева и других.

Авторы подчеркивают, что изучение осетинского этногенеза необходимо проводить только во взаимосвязи с кавказской этнической средой, когда аланские племена, продвинувшись в сторону Центрального Кавказа, смешались с местным коренным автохтонным населением. Результатом этого смешения и было образование осетинской (иронской) народности. Более того, осетинская (иронская) народность не просто аланы, а результат смешения аланов с местным коренным населением с образованием новой исторической популяции – кавказского субстрата, к которому относится и воюющий с ингушами доктор политических наук, глава РСО-А Т. Мамсуров.

Добавим к сказанному, что само название субъекта РСО-А, в свете изложенных материалов, носит искусственный характер. С таким же успехом можно сказать: РИ-А, ЧР-А и т. д. относятся к числу кавказских народов, принявших участие в исторических процессах образования самой молодой народности на Северном Кавказе. Словом, Т. Мамсуров воюет против предков осетин-ингушей, хотя сам этого еще не осознал до конца.

Такая нация, как аланы, остались в прошлом, а осетины – это аланы плюс кавказский субстрат, обреченный жить в братстве с другими на-

родами. Да и сам глава Северной Осетии в своих публичных высказываниях утверждает: «Мы обречены жить вместе», имея в виду ингушей.

Завершая свои записки, хочу дать Т. Мамсурову, как старший по возрасту, добрый совет: «Не плюйте в колодец своих предков, история не простит Вам этого».

P.S.

Саадулла Арсамаков, за мужество и героизм, проявленные в боях с фашизмом, дважды посмертно представленный к званию Героя Советского Союза и чудом оставшийся в живых, дважды репрессированный осетинскими властями, так и не дошел до своего родного очага в с. Базоркино (Чермен) Пригородного района Ингушетии. Накануне 62-ой годовщины Великой Победы советского народа над фашизмом, старый солдат после тяжелой болезни скончался в больнице г. Ростов-на-Дону.

Вот такой у нас, российских народов, союз вековой.

(Костоев Б.У. *«От Иосифа Сталина до Таймураза Мамсурова»*. Москва, 2007 год).

УСЛЫШИТ ЛИ БРАТ БРАТА?

Правозащитники, общественные и политические деятели Чеченской Республики обсудили вопрос определения границ с Республикой Ингушетия.

В офисе Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике состоялось расширенное совещание сотрудников аппарата Уполномоченного, Общественной палаты ЧР, правозащитных и общественных организаций республики.

Совещание было посвящено теме предстоящего определения административных границ между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия в связи с вступлением в действие Федерального закона № 131 «Об общих принципах местного самоуправления в РФ» и предстоящими выборами органов местного самоуправления Чечни в 2009 году.

Открывая совещание, Уполномоченный по правам человека Нурди Нухажиев поделился с присутствующими своим мнением по поводу ситуации с определением административных границ между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия. В частности, он отметил, что определение административных границ с соседней республикой является необходимостью в связи с предстоящими в будущем году муниципальными выборами в республике.

– В октябре 2009 года в Чеченской Республике назначены выборы органов местного самоуправления. И к этому времени вопрос определения административных границ с Республикой Ингушетия должен быть решен, – отметил Нурди Нухажиев.

Он также подчеркнул, что в существовании проблемы неопределенности границы между двумя республиками большая доля вины федерального центра. И поэтому в разрешении этого вопроса в настоящее время деятельное участие должны принять федеральные власти.

– Мы хорошо понимаем, что затрагиваемая тема весьма деликатная, но, тем не менее, гражданское общество нашей республики уже не просит, а требует от властей не откладывая приступить к справедливому разрешению этого вопроса, – сказал омбудсмен.

В своих выступлениях представители общественных организаций и руководители региональных политических партий («Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР) поддержали мнение чеченского омбудсмана о необходимости безотлагательного разрешения вопроса определения административных границ между двумя республиками.

– За основу будущей административной границы необходимо брать границу, существовавшую между Чеченской и Ингушской автономными областями на момент их объединения в 1934 году. Любые другие подходы к решению этого вопроса могут привести только к ее дальнейшему осложнению. И это должны понимать наши ингушские братья, – сказал руководитель регионального отделения партии «Справедливая Россия» Иса Хаджимурадов.

Обсуждая механизмы разрешения вопроса определения границ между двумя республиками, Нурди Нухажиев сказал, что необходимо начать диалог с гражданским обществом (grozny-inform 23 декабрь 2008 год).

СПРАВЕДЛИВОСТЬ НЕ БЫВАЕТ ОДНОБОКОЙ

В № 51–52 за декабрь 2008 г. в газете «Северный Кавказ» опубликован информационный материал агентства «grozny-inform», являющегося официальным информационным органом Чеченской Республики. Материал называется «Услышит ли брат брата?» и касается темы «определения» административной границы между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия.

Следует отметить, что появление названного материала в газете «СК» по времени совпало с двумя обнародованными документами по той же тематике от службы Уполномоченного по правам человека в ЧР, разосланными всему миру через СМИ и Интернет. Это «Обращение к руководству ЧР» и «Обращение к ингушскому народу».

Сей факт говорит о том, что данные действия есть хорошо продуманная, спланированная и подготовленная пропагандистская акция власти и «политической элиты» Чечни с целью оказания на ингушскую сторону всестороннего политического и психологического давления. Нет сомнений в том, что данная акция не только согласована с политической властью республики, но даже управляется ею. Подтверждением тому служит то, что внешними заправилami в ней выступают чеченский омбудсмен Н. Нухажиев и всё тот же неугомонный «собиратель «чеченских» земель», спикер парламента ЧР Д. Абдурахманов вместе с руководителями парламентских фракций. Поэтому такими стараниями «братской» чеченской стороны сейчас настал момент, когда ингушскую сторону вынуждают сказать то, что должно было быть сказано ею уже давно.

А это означает следующее.

Первое. Чеченская сторона продолжает решительно настаивать на том, что административная межа между современными Чечней и Ингушетией должна лечь строго в границах, существовавших на момент слияния Чеченской и Ингушской автономных областей в единую ЧИАО в 1934 году, т. е. претендуя на части нынешних Сунженского и Малгобекского районов, заявляя, что они являются исконно «чеченскими» землями.

Начну с того, что «справедливый подход», на чём настаивает чеченская сторона, должен быть справедливым во всём.

Если «за основу будущей административной границы необходимо брать границу, существовавшую между Чеченской и Ингушской авто-

номными областями на момент их объединения в 1934 году», а никак иначе, то это должно быть обязательно соотнесено каждой из сторон в равной мере. Это значит, что административные границы Чеченской Республики по всему периметру также должны быть возвращены к состоянию 1934 года, а не только одной Республики Ингушетия.

Пусть чеченские политики разложат свои «исторические карты», коими они грозятся, и посмотрят, каков был этот периметр в 1934 году. Устраивает ли это их? Если да, то давайте решать таким образом.

Второе. Объективности ради следует отметить, что историческая и исконная Чечня с её «этнической» территорией, есть территория Чеченской автономной области, первая, в 1922 году, определившаяся своей «национальной» территорией и вышедшая из состава Горской АССР, тем самым заложив основу для последующего распада этого, бывшего тогда единым, государственного образования горских народов Центрального Кавказа, в составе которого остался тот же «братский ингушский народ», «брошенный» тогда чеченцами.

Все те территории, которыми в последующем «обросла» Чечня, а именно – Грозненский автономный казачий округ и Сунженский автономный казачий округ (фактически ингушский, присоединённый в 1929 году к ЧАО не в качестве чеченских земель, а в качестве отдельного автономного образования), есть не более чем «бонусы» от центральной власти, приданные ей с определённой политической целью – окончательно слить потом с Ингушетией, и могут считаться «исконно чеченскими» только постольку поскольку.

Поэтому, отвечая согласием на требование чеченской стороны об «исторической справедливости» и «объективности», ингушская сторона вполне справедливо может потребовать от федерального центра вернуть Чечню в её «исторические границы», как того требуют сами чеченцы в отношении Ингушетии.

Пусть чеченские «братья» посмотрят по своим картам, что из себя представляла самоопределившаяся в 1922 году Чечня без Грозненского, Ачхой-Мартановского и иных равнинных районов, лежащих к северу от её гор, и столицей в селе Урус-Мартан, а вовсе не в казачьем (русском) Грозном и даже не в Гудермесе.

Третье. При «разводе» – не только семейном, но и государственном – обязательно требуется произвести раздел совместно нажитого имущества. Ингуши с чеченцами в одной республике – ЧИАССР – существовали более полувека, а значит, наживали и имущество. Распад той единой республики состоялся в 1991 году по вине чеченской стороны. Чеченцы с ингушами не поделили ничего из совместного имуще-

ства. В результате, что уничтожено войной – уничтожено, а что осталось – досталось Чечне. Руководство Чечни категорически отказалось в 1993 году и в последующем отдавать ингушам то, что им полагалось по праву: хотя бы предметы музейной, материально-культурной, исторической ценности, а также архивы, не говоря об ином.

Совместно нажитое имущество – это не только перечисленные выше предметы и реликвии и не только хозяйственный комплекс, но и территория. В данном случае это т. н. затеречные территории, оставленные центральной властью страны за восстановленной в 1957 году ЧИАССР для расселения на них возвращающихся из ссылки горных чеченцев (чтобы не пускать их снова в горы) и ингушей из оставленного (с письменного согласия председателя оргкомитета по восстановлению ЧИАССР, чеченца Гайрбекова) за СОАССР ингушского Пригородного района. Если чеченские «братья» о них забыли, то напоминаю: это Наурский и Шелковской районы нынешней ЧР, в «сумме» превышающие всю территорию Ингушетии. Из ингушей, как известно, никто там не поселился, потому что у традиционно консервативных ингушей слишком сильны генетическая память и тяга к этнической родине, к «могилам предков».

«Братья»-чеченцы очень не любят, когда им напоминают о Наурском и Шелковском районах, сразу же говорят: «и ма дувца» (не говори об этом).

Справедливость требует и справедливого раздела совместно нажитых территорий тоже, т. е. т. н. затеречных территорий бывшей ЧИАССР, а это предполагает необходимость раздела их пропорционально между разделившимися чеченской и ингушской сторонами, т. е. субъектообразующими этносами той республики. Чеченские «братья» не должны забывать, что ингушская сторона имеет все права и основания требовать такого раздела или же, на «худой» конец, потребовать от федерального центра вернуть их обратно в состав Ставропольского края, как бывшие в прошлом казачьи районы, если чеченская сторона настаивает установить межу с Ингушетией по 1934 году.

Четвёртое. Территориальное размежевание между Чечнёй и Ингушетией фактически уже состоялось, хотя и не совсем законно. Оно состоялось по факту «компактности» проживания чеченского и ингушского населения и согласно Соглашению, подписанному в 2003 году руководителями ЧР и РИ А. Кадыровым и М. Зязиковым в Магасе. Согласно этому Соглашению, в составе ЧР образован свой, чеченский, Сунженский район из трёх «отколовшихся» от ингушского Сунженского района селений (Серноводск, Ассиновская, Давыденко) с центром в

селении Серноводск. Фактически в этом споре поставлена точка, хотя и довольна сомнительная в плане признания её легитимности ингушской стороной, если исходить из ст. 2 Закона РФ «Об образовании Ингушской Республики в составе РФ» от 04.06.1992 г.

Если чеченские политики не знают, то сообщая им, что «легитимность» тому факту с чеченской стороны придала Конституция ЧР, принятая в Чечне «всенародным голосованием» в 2003 году, в которой законодательно закреплены все населённые пункты и районы современной Чеченской Республики.

Но удивляет другое: как можно государственным мужам и действующим политикам не уважать «исторический и осознанный выбор собственного народа»?

Пятое. Тут следует вспомнить и другое направление чеченской «экспансии» на современную Ингушетию. Это попытки использовать т. н. орстхойский фактор как один из формальных способов шантажа и давления на ингушскую сторону. Но даже этот фактор – орстхойский – тоже сомнителен и бесперспективен по сути. Потому что единое орстхойское племенное общество – это уже далёкое прошлое из истории нахского сообщества, а потомки тех орстхойцев составляют добрую половину современного ингушского народа.

«Чеченские орстхой» живут в составе Чечни на своих исконных землях – Ачхой-Мартановский, Урус-Мартановский и Грозненский районы, а «ингушские орстхой» живут разбросанно по всей Ингушетии, кроме её горной части.

Следовательно, Сунженский и Малгобекский районы целиком, в устоявшихся административных границах должны быть признаны составной частью Республики Ингушетия, так как все ингуши, независимо от корней происхождения, есть сегодня единый ингушский народ, образовавший Республику Ингушетия.

Резюме по факту. В природе нет ни одного нормативно-правового акта или иного документа, указывающего на то, что современная Республика Ингушетия образована в границах Ингушской автономной области на момент её слияния с ЧАО в 1934 году. А значит, и нет оснований заявлять, что за основу будущей административной границы Ингушетии с Чечнёй обязательно должна лечь именно та или иная дата.

Республика Ингушетия, если об этом не знают чеченские «братья», образована в рамках реабилитации ингушского народа на основании Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и в соответствии с его волеизъявлением, выраженным на всеингушском референдуме 30 ноября 1991 года.

Поэтому самым логичным, мудрым, достойным и выгодным для сторон в данном споре представляется следующее: не накаляя ненужных страстей и не обостряя напрасно и глупо свои добрососедские отношения, принять за основу сложившиеся на момент распада бывшей ЧИР реалии и узаконить их во имя того самого братского единства, о котором с таким упорством заявляет чеченская сторона.

А это значит – признать и узаконить административную границу между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия, между фактически братскими народами, по периметру административных границ Сунженского и Малгобекского районов по состоянию на август-сентябрь 1991 года, отошедших тогда под юрисдикцию ингушских властей, включая пока ещё только формально отколовшиеся от Сунженского района РИ три населённых пункта: Ассиновская (жители которого в 1995 году письменно требовали считать себя в составе РИ), Серноводск и Давыденко.

Р.С.: После подготовки данного материала стало известно, что парламент ЧР принял собственный закон о муниципальных образованиях, в одностороннем порядке вписав в состав Чечни территории де-факто ингушских Сунженского и Малгобекского районов, без согласования с ингушской стороной, без проведения переговоров и без учёта её мнений и интересов. Это говорит о том, что указанные выше заявления и обращения «чеченской общественности» были не более, чем пропагандистским и идеологическим прикрытием этого шага, чреватого непредсказуемыми последствиями и дальнейшим осложнением ситуации в целом.

*А.Ю. Кодзоев
(Газета «Северный Кавказ» от 13 января 2009 года)*

МАЛАШ-Б УЖ – НОХЧИЙ?

Нохчий-м Дуненна хІанз а бейзабац.
Уж-м хІанзчул тІехъа бовзийта беа.
Цар сурт-сибат ма-дарра гойта а дац.
Могаргдий-те ма-хиллара уж бовза?

Даъла пурмийца дин доаржо бахкийта:
Кунта, Іовда, Докка, Даъда – Нохчий.

Паччахьо эздел дохадича беттара тур увзадаъ
инарал Александр а – нохчий овлангара вар.

Дадий-юрт якккхачара кІаьнк волаш дІавига,
академен-суртхо Пётр а – нохчо ма хиннавар.

Нохчо вар – ког-кулг-бІарг а доацаш тІом баъ,
Шамална а къар ца венна къонах – БейсагІар.

Нохчо вар – цун цІи якккхача хьакимий чІенгаш
гарре ийга, Россена а кхерам тийсса – Заъламха.

Нохчо ма вар – куц-сибата эздий кІант а волаш,
Лоаманхой Республиканна Да хержа – ТІапа.

Нохчо вар – Паччахьалкха Кхеле Кавказа викал,
халкъ сердалга доалош къахьийга – Таъштамар.

Нохчо вецарий – Дунен доалахой цунгара Іемаш,
хьаькъал-да а, деша-говзанча а – Іабдарохьман.

Нохчо веций – Европе фашизм йохош, Эльба-хичу
ший говр лувчаяъ, денале бІен-баьчча – Мовлат.
Нохчо вар-кха – цхьанне а ца даър даъ тІемахо,
ийс-бІаь-ткъо моастагІа ше вийна – Ханпаша.

Нохчо вар – къам Мехках даьлча а, тІехьагІа а,
гІелалца даима къийса, цхьалха борз – Хасуха.
Нохчо вар – дин-Іилма а мехка-доал а кара хинна,

Том соцабаь, майдане «дІаэтта» – Ахьмад-хъажа.

Нохчо – халкъа сакхетам лаккхарча лагІе баьккха,
хьехамча, йоазонхой хьамсар тхьамада – Абузар.

Нохчо ва – Дунен ялхлагІа Дакъа дохача дийнахьа,
цун кертера хьакимашта хьалха чувена – Руслан а.

(Яздархой-м, наггахьара «извесни чеченски»
дІаваьлча, масе кьоаламхо а – визза нохчо).

Аз ца хьоахабаь дукха ба, бовза хьакъ долаш.
Ци ца йовза турпалаш а болаш ба нохчий-м.
СибрегІа а ЦІагІа а – бехк-гунахьа ва доацаш,
вийна-венна а де доацаш вейнар а – нохчо вар.

Нохчашта-м шоашта тоам хетац, шойх дувца,
Цудухь боакх аз, гІалгІачо, укх тайпара ловца:
Дала даькьал доаходда шо, бакъдола-нохчий!
Со а вахалва шун во ца гуш, нохчий-вежарий!

Хамхоев Ваха

ПРОТОКОЛ

совместного заседания Государственных комиссий
по выработке проекта Соглашения о государствен-
ной границе между Чеченской Республикой-Ичкерия
и Республикой Ингушетия

28 марта 1994 года

г.Грозный

Рассмотрев предложенные варианты решения вопроса определения
границ между Чеченской Республикой-Ичкерия и Республикой Ингушетия
Стороны

РЕШИЛИ:

1. Предложить Президентам Чеченской Республики-Ичкерия и
Республики Ингушетия подписать "Соглашение о пересмотре государственной
границы между Чеченской Республикой-Ичкерия и Республикой Ингушетия"
(текст проекта Соглашения прилагается).

2. С учетом необходимости и важности скорейшего решения
политических, экономических, социальных и иных задач, продиктованных
образованием двух государств и в целях создания условий для начала работы
Государственных комиссий по пересмотру границы рекомендовать подписать
Соглашение до 15 апреля 1994 года.

3. По предложению Ингушской стороны местом подписания Соглашения
рекомендовать город Назрань.

От Чеченской
Республики-Ичкерия

А.АЛИЕВ
Министр юстиции

М.ГУШАКАЕВ
Депутат Парламент
ЧРИ

И.ДЖАНДАРОВ
Начальник Департамента
земельных ресурсов и
землеустройства

Д.ХОЖАЕВ
Начальник Департамента
по делам архивов ЧРИ

От Республики
Ингушетия

А.ДУБАЕВ
Прокурор Республики

С.ОПИЕВ
Представитель духовенства

А.ПАРОВ
заместитель главы
администрации
Сунженского
района

А.АУШЕВ
Председатель госкомитета
по земельной реформе и
землеустройству

СОГЛАШЕНИЕ
о пересмотре государственной границы между
Чеченской Республикой-Ичкерия и Республикой
Ингушетия

В соответствии с Договором "О принципах определения границ их территорий между Чеченской Республикой-Ичкерия и Республикой Ингушетия" от 23 июля 1993 года:

придерживаясь принципа доброй воли и исключительно мирных путей и средств решения спорных вопросов между Сторонами;

опираясь на исконные нормы и методы народной вайнахской дипломатии и шариат;

осознавая условный характер любой границы между чеченским и ингушским народами;

исходя исключительно из необходимости обеспечения нормального механизма государственного управления на территориях совместного проживания чеченцев и ингушей, каковыми являются Сунженский и Малгобекский районы.

Высокие стороны договорились о нижеследующем:

1. Образовать государственные комиссии Сторон, по пересмотру границы между Чеченской Республикой-Ичкерия и Республикой Ингушетия, взяв за основу переговоров границу 1934 года, существовавшую на момент объединения Чеченской автономной области и Ингушской автономной области в единую Чечено-Ингушскую автономную область, с учетом реальной демографической ситуации, экономической целесообразности, политической необходимости, продиктованной образованием двух государств.

2. Переговоры Сторон на уровне государственных комиссий по пересмотру границы между Чеченской Республикой-Ичкерия и Республикой Ингушетия начать в десятидневный срок со дня подписания настоящего Соглашения.

ПРЕЗИДЕНТ
ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ-ИЧКЕРИЯ

А. АУДАЕВ

ПРЕЗИДЕНТ
РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ

Р. АУШЕВ

29.3.94.

А. Аудаев

Р. Аушев

3. Обско-иртышскую область организовать в составе районов: Тавдинского, Нижнетавдинского, Тюменского, Тобольского, Ярковского, Вагаевского, Уватского и двух национальных округов — Остяко-вогульского и Ямальского.

36 Об образовании Чечено-ингушской автономной области.

Пост. ВЦИК 15 января 1934 г.

В согласии с выраженной волей трудящегося населения Чеченской и Ингушской автономных областей, Президиум ВЦИК постановляет:

автономную область Ингушетии объединить с Чеченской автономной областью, образовав Чечено-ингушскую автономную область, с центром в городе Грозном, входящую в состав Северокавказского края.

НКФ СССР на основании положений и правил о государственной регистрации (СЗ 1931 г. № 8, ст. 93 Бюлл. фин. и хоз. зак. 1931 г. № 12) за егистрирован в реестре юридических лиц за № 1812 (одна тысяча восемьсот двенадцатым)

Государственный всесоюзный трест точной индустрии

„В О Т И“

находящийся в ведении Наркомтяжпрома Союза ССР.

Со дня регистрации треста „ВОТИ“ к нему переходят актив и пассив прекратившего свою деятельность Государственного всесоюзного объединения по производству и сбыту точных приборов „ВОТИ“, а устав последнего, утвержденный НКТП 13 марта 1932 г. за № 186, признается утратившим свою силу, о чем того же 2 декабря 1933 г. внесена запись в Государственный реестр юридических лиц.

[115]

Цена 15 коп.

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство Советское законодательство.	Отв. редакт. В. Н. Леб деа Т хредактор В. У.ков
Сдаво в производство 26/1; подписано к печ. 7/11; формат бумаги 62X34; 1/4 печ. л. в 1 печ. листе 8025; знаков: С—О2п, № 33. Вып. В. Теляковский.	
Уполном. Главлита В-77941	Зак. № 145. Тираж 20000
15 тип. треста „Полиграфквиз“, М. Дмитровка, 18.	

170. Об упразднении Сунженского округа, Северо-Кавказского края.

Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета постановляет:

Сунженский округ Северо-Кавказского края, упразднить, распределив территорию его в нижеследующем порядке:

1. Станицу Терскую с хуторами Октябрьским, Майским, Предместным и Нижне-Бекевичи включить в состав Моздокского района, Терского округа.

2. Остальную территорию в составе станиц Слепцовской, Троицкой, Карабулакской, Нестеровской, Вознесенской и Ассинской с хуторами Давиденко, Аппо-Юрт и Чемульга включить в состав Чеченской автономной области, образуя из этой территории округ (на правах района) с центром в станице Слепцовской, с наименованием его Сунженским.

Ликвидацию округа произвести в порядке инструкции Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Р. С. Ф. С. Р. от 8 октября 1923 года (Собр. узак. 1923 г. № 80, ст. 774).

Подписали: Председатель Всероссийского центрального
исполнительного комитета **М. Калинин.**
Секретарь Всероссийского центрального
исполнительного комитета **А. Киселев.**

4 февраля 1929 года.

171. Об утверждении списка рабочих поселков Дальне-Восточного края.

Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета постановляет:

Отнести к категории рабочих поселков следующие населенные пункты Дальне-Восточного края: а) по Амурскому округу—Биру, Кивдинские Коты, Чимановское, Бурею и Облучье; б) по Читинскому округу—Хилок, Оловяннуго, Черновское Коты, Шилку и Дровяную; в) по Владивостокскому округу—Сучанский Рудник.

Подписали: Председатель Всероссийского центрального
исполнительного комитета **М. Калинин.**
Секретарь Всероссийского центрального
исполнительного комитета **А. Киселев.**

4 февраля 1929 года.

172. О включении в черту рабочего поселка Кольчугино, Владимирской губернии, некоторых прилегающих к нему селений.

Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета постановляет:

Включить в черту рабочего поселка Кольчугино, Владимирской губернии следующие селения Кольчугинской волости, Александровского уезда: Васильевское, деревню Давыдовку и выселок деревни Литвиновой.

Подписали: Председатель Всероссийского центрального
исполнительного комитета **М. Калинин.**
Секретарь Всероссийского центрального
исполнительного комитета **А. Киселев.**

4 февраля 1929 года.

Издатель: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР. Ответствен. ред.: Я. Бранденбургский.
Москва. Главлит А 28900. «Мосполиграф», 16-я тип., Трехур. 9. 17000 экз.

льготами по акцизу на соль и внести эту инструкцию на утверждение Совета Народных Комиссаров.

П р и м е ч а н и е. Впредь до опубликования означенной инструкции освободить государственную промышленность и рыбопромышленные предприятия Всероссийского Центрального Союза Потребительских Обществ от уплаты акциза на отпускаемую соль, в размерах установленных настоящим постановлением скидок.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета **М. Калинин.**

Заместитель Председателя
Совета Народных Комиссаров **Л. Каменев.**

Секретарь Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета **А. Енукидзе.**

30 ноября 1922 года.

Распубликован в № 275 Известий Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета Советов от 5 декабря 1922 года.

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

1009 Об образовании автономной области Чечни.

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
п о с т а н о в л я е т:

Выделить Чечню из состава Горской Республики в автономную область с резиденцией в городе Грозном.

Утвердить революционный комитет автономной области Чечни в числе 13 человек, под председательством тов. Эльдерханова.

Границы Чеченской автономной области определить административной комиссии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета **М. Калинин.**

Секретарь Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета **А. Енукидзе.**

30 ноября 1922 года.

Распубликован в № 275 Известий Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета Советов от 5 декабря 1922 года.

Декреты Совета Народных Комиссаров.

1010 Об изменении ст. 19 инструкции по производству таможенными продажи товаров с торгов.

Совет Народных Комиссаров п о с т а н о в л я е т:

Принять п. «д» ст. 19 утверждённой Советом Народных Комиссаров 8 сентября 1922 года инструкции по производству таможенными продажи товаров с торгов (Собр. Узак. 1922 года № 62, ст. 787) в следующей изменённой редакции:

I. Естественно-исторические условия, населения и хозяйство Чечни.

КРАТКИЙ ОЧЕРК.

Место расположение области. Чеченская Автономная Область в общей системе административных образований Северо-Кавказского Края занимает одно из первых мест среди национальных Образований Края, но по территории и населению больше целого ряда русских округов.

Чеченская Автономная Область расположена в самом Юго-Восточном углу Края и находится от Пулкова между параллелями $42^{\circ}(31')$ — $43^{\circ}(9')$ северной широты и $14^{\circ}(30')$ — $16^{\circ}(9')$ восточной долготы. На севере границы проходят по реке Тереку с Терским Округом и Дагестанской А. С. С. Р., на востоке опять граничит с землями Дагестанской А. С. С. Р., на юге—граница проходит по главному Кавказскому хребту (Грузинская С. С. Р.), а на западе область приходит в соприкосновение с родственной национальностью—Ингушетией.

Территория. Общая площадь территории области включая и город Грозный составляет 11105 квадр. клм. или 1117.7 тыс. гектаров всей земли. Из общего количества удобных земель (1055.7 тыс. га) пашни—338.2 тыс. га, под усадьбами 16,1 тыс. га, выгонов 228.0 т. га, кустарников—15.0 тыс. га, сенокоса 89.7 тыс. га, сенокоса с кустарником 34.2 тыс. га, леса и кустарника 333,5 тыс. га, отчуждено под жел.дор. полотном 1.0 тыс. га и всего неудобных земель 62 тыс. га.

Поверхность области в общем должна быть разделена на: 1) плоскость, 2) предгорье, 3) горный район и 4) высокогорный район.

В северной части области тянутся два параллельных хребта—Сунженский и Мало-Кабардинский и образуют Алхан-Чуртскую долину. В Гудермесском округе с севера-востока на юго-восток тянется Качкалыкский хребет. Между Сунженским хребтом и предгорьем Главного Кавказского хребта лежит, так называемая, Чеченская равнина, восточная, большая часть, сильно дренирована, а западная, меньшая часть носит название Ассинской долины—безводная, и с хорошими почвами, но истощенными. Предгорье, как и горная часть области, составляют часть отрогов главного хребта; направление их очень редко совпадает с направлением Главного хребта.

Высота над уровнем моря различна в разных местах области: в то время, как плоскость (Н. Наур) лежит на высоте 81 м. предгор-

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
162	Цекалоевский сельсовет (Майстой сельсовет)	39				
	Сел. Ц е к о л о й		13	43	42	85
	„ П о г а		14	38	45	83
	„ Т о г а		22	65	69	134
			49	146	156	302
163	Пешхоевский сельсовет	30				
	Хут. П е ш х о й		31	97	84	181
	„ Саканжели и Хоч-Ког		14	39	38	77
	„ Кейгучи и Химг-Хой-Хог-Ког		10	23	21	44
	„ К и л о б а с		10	22	38	60
	„ Катали-Юрт		6	18	13	31
	„ Чаданари и Шеристуш		21	58	57	115
			92	257	251	508
	Всего по округу		4065	10348	10197	20545
	Сунженский округ (Окр. центр. станица Слепцовская).					
164	Асламбековский сельсовет	5				
	Сел. Асламбековское		549	1573	1291	2864
	Стан. Серноводск		27	49	41	90
	Курорт Серноводск		30	29	10	39
	Хут. Таштиева и хут. Асламбековский		10	17	14	31
	Раз'езд Ассиновский и Ленин-Юрт		152	123	92	215
			768	1791	1448	3239
165	Самашкинский сельсовет	107				
	Сел. С а м а ш к и		591	1519	1357	2876
	Станица Самашки		25	44	42	86
	Хут. С е р л о		84	216	187	403
	Вод. Водоканал		2	6	7	13
	Зим. К у т а н		41	41	—	47
			743	1832	1593	3425

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
166	Ачхой-Мартановский сельсовет	11				
	Сел. Ачхой-Мартан		1006	2753	2586	5339
	Хут. А ш х о ч у		24	63	43	106
	„ Мартан-Чу 1-й		12	22	25	47
	„ Старый Ачхой		56	159	159	318
	„ Чижиркан-Али		28	82	69	151
	„ Сулейман Али 1—II-й		20	47	44	91
	Хат. Ур-Али		13	20	25	45
	„ Валерик		9	25	27	52
			1168	3171	2978	6149
167	Слепцовский сельсовет					
	Хут. Маковкин (населен. чеченцами)		24	94	98	192
	Стан. Слепцовская		1923	3701	4223	7924
	Пос. Слепцовский и ст. Слепцовская		42	102	99	201
	Хут. М а к о в к и н		4	11	14	25
	Станция Слепцовская		50	92	86	178
	Жел. дор. будка		14	35	22	55
			2057	4033	4542	8575
168	Троицкий сельсовет					
	Стан. Троицкая (будка № 679)		1349	3186	3383	6569
169	Карабулакский сельсовет	12				
	Стан. К а р а б у л а к		704	1590	1737	3327
	Раз'езд Карабулак (будка 669 и 711)		6	17	11	28
			710	1607	1748	3355
170	Нестеровский сельсовет	8				
	Стан. Нестеровская		876	1899	2167	4066
171	Ассинский сельсовет	12				
	Стан. Ассинская		960	1995	2276	4271
172	Давиденский сельсовет	15				
	Хут. Давиденко		74	156	178	334
173	Вознесенский сельсовет	36				
	Стан. Вознесенская		866	4076	4653	8729

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
174	Хут. Аки-Юрт		48	110	125	235
	Вознесенские промысла		22	42	48	90
			936	4228	4826	9054
	Чемульга (Ини и Ганиев)	17	56	122	118	240
	Итого по округу		9697	24020	25257	49277
	Всёго по области		75974	183787	178147	361934

**С О В Е Т И Е
У З А Н О В Е Ш Е Н И Й И
Р А С П О Р Я З Е Н И Й**

**П РА Б О Ч Е -
К Р Е С Т Ъ Я Н С К О Г О
И З Д А В А Е М О Е
Н А Р О Д Н Ы М К О М И С С А Р И А Т О М Ю С Т И Ц И И**

**П РА В И Т Е Л Ъ С Т В А
Р . С . Ф . С . Р .**

1-1824-48

28 февраля 1929 г.

№ 16.

Отдел первый.

СОДЕРЖАНИЕ:

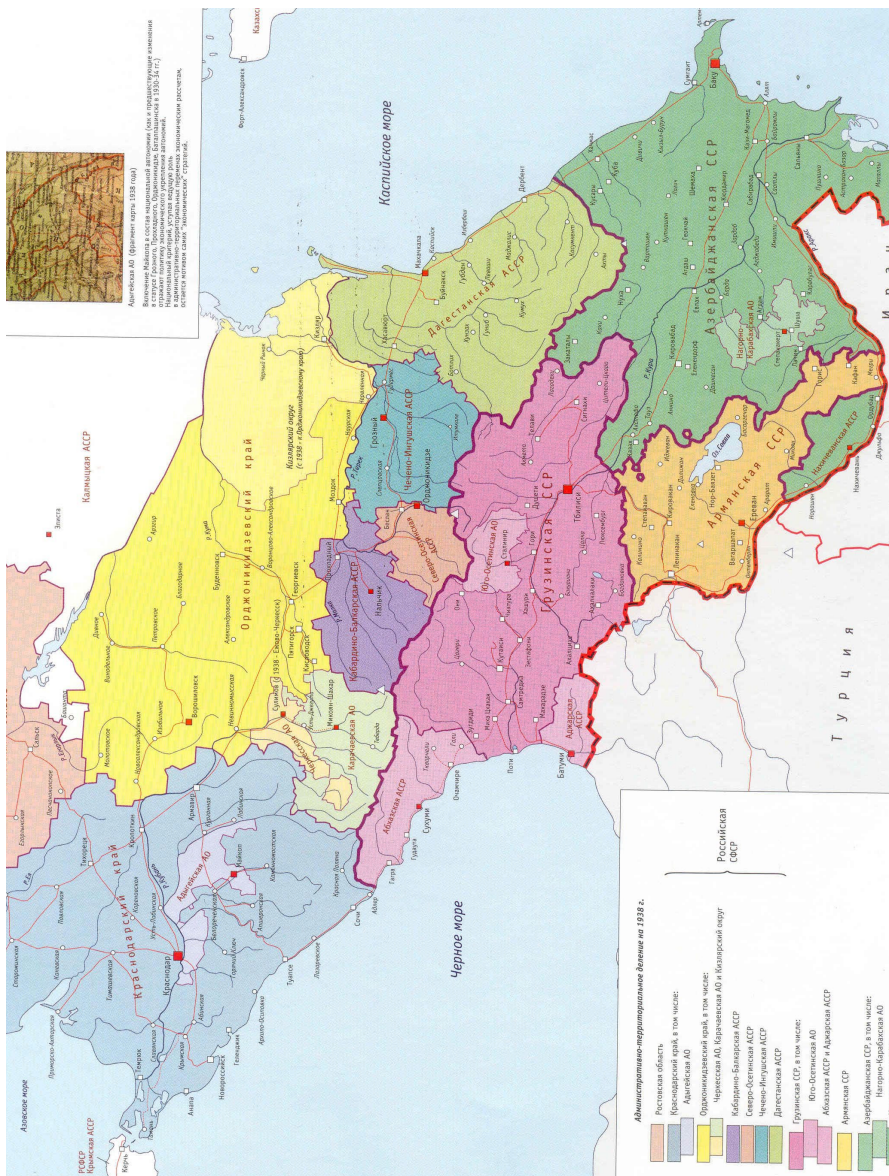
Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совет Народных Комиссаров.

Ст. 173. Об утверждении Положения об архивном управлении Р. С. Ф. С. Р.

174. О мероприятиях по привлечению инженерно-технических сил для рвне крупных городских поселений.

175. О мероприятиях по улучшению домового хозяйства.

Нухажиев Н.С., Умхаев Х.С.

**В ПОИСКАХ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Технический редактор Т. Бураева

Корректор П. Умхаева

Художник-оформитель Х. Ибрагимов

Подписано в печать 28.11.2012. Формат 60х90 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 45,0. Тираж 5000. Заказ № 2346.

ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс
«Грозненский рабочий»
364026, ЧР, Грозный, ул. Интернациональная, 12/35